

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева

М. И. ЦВЕТАЕВА, С. Я. ЭФРОН
В. Я. ЭФРОН

В Москву

Феодосия, 22-го мая 1914 г., четверг

Милая Вера,

Только что отправила Вам Сережину телеграмму. Он выдержал все письменные экзамены – 4 языка и 3 математики. Очевидно, выдержал, так как директор на вопрос Лидии Антоновны, как он держит, сказал: «хорошо».

Числа 20-го июня, или 25-го он будет в Москве. Очень хочет повидаться с Петей. [1] Где он сейчас, был ли у него Манухин, [2] возможно ли излечение рентгеновскими лучами? Как его самочувствие – внутреннее? Безумно жаль его!

Если ему это может быть приятным, передайте, что Ахромович [3] в письме ко мне восклицает о нем: «Какой это очаровательный человек!»

Мы с Алей уезжаем 1-го в Коктебель и пробудем там всё лето. Доктора очень советуют для Али морской воздух и солнце.

Сережа по приезде в Москву пойдет к Титову. [4] У него плохо с сердцем, вообще он истощен, но не так плох, как мог бы быть из-за экзаменов. Обещал мне беспрекословно исполнить совет Титова, или другого специалиста, – ехать именно туда, куда его пошлют, и на столько времени, сколько окажется нужным.

Доктор, смотревший его, сказал, что на военную службу его ни за что не возьмут из-за сердца, но что затронутая верхушка его вполне излечима.

Об Але: она выросла до неузнаваемости и хороша, как ангел. Лицо удлинилось и похудело, волосы почти везде русые, только с боков еще несколько прежних белых прядей.

Говорит она наизусть коротенькие стихи и сама составляет фразу. Например, сегодня она сказала: «Кусака будет мыть ручку». Видя, что идет дождь, она возмущенно воскликнула: «Дождь пи сделал!» (т. е. за маленькое). О себе она говорит частью в первом, частью в третьем лице. Например: «Хочу купаться», «Пойду сама», но вдруг такие неожиданности: «Дай, пожалуйста, купаться».

Когда что-нибудь просит, всегда прибавляет «пожалуйста». – «Дай, пожалуйста, розочку», или бублик, или кубики. Любит смотреть картинки и рассказывать их содержание. Характер идеальный: ни слез, ни капризов. Меня любит больше всех. Я с ней почти целый день, гуляем, заводим шарманку, смотрим картинки.

Няня у нее слегка вроде Груши: молодая (16 лет), веселая и легкомысленная, но сейчас это не опасно, так как Аля с ней находится сравнительно мало. У Али целый гардероб, масса платьев, три – даже четыре! – шляпы, 2 летних пальто, два осенних. Для Коктебеля – цветные носочки и сандалии.

О себе напишу в другом письме. Я, между прочим, подстригла сзади и с боков

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
волосы и выгляжу – по Пра много моложе, по Максусу – взрослой женщиной.

Всего лучшего, милая Вера, крепко целую Вас. Передайте мой нежный привет Пете и напишите о нем. На какие деньги он лечится и хватает ли?

Напишите мне до 1-го сюда, после 1-го – в Коктебель. Уезжаю так рано из-за неприятности с Рогозинским. [5]

мц

Приписка С. Я. Эфрона:

Целую тебя и Петю – буду в Москве через четыре недели.

Манухин делает чудеса – так хочется, чтобы Петя попробовал Рентгеновских лучей.

Выехал бы сейчас в Москву, да не могу из-за экзаменов. Как только кончу – приеду.

Передай Пете самые нежные слова. Не пропустите время для операции, часто только она может помочь. Прости, Верочка, что не приезжаю.

Сереза

Куда писать? Пиши почаще о Пете. Где Лиля?

Е. О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ
В Коктебель

Феодосия, 8-го июля 1911 г.

Дорогая Пра,

Хотя Вы не любите объяснения в любви, я все-таки объяснюсь. Уезжая из Коктебеля, мне так хотелось сказать Вам что-нибудь хорошее, но ничего не вышло.

Если бы у меня было какое-нибудь большое горе, я непременно пришла бы к Вам.

Ваша шкатулочка будет со мной в вагоне и до моей смерти не сойдет у меня с письменного стола.

Всего лучшего, крепко жму Вашу руку.

Марина Цветаева

P. S. Исполните одну мою просьбу: вспоминайте меня, когда будете доить дельфиниху. [6]

И меня тоже!

Сергей Эфрон

Е. Я. и В. Я. ЭФРОН
В Коктебель

9/VII 1911 г. Мелитополь [7]

Вера и Лиля!

Сейчас мы в Мелитополе. Взяли кипятку и будем есть всё то, что вы нам приготовили. Привет.

Милая Лиля и милая Вера, здесь, т. е. в вагоне пахнет амфорой, [8] но мы не унываем. Всего лучшего.

мц

Е. Я. и В. Я. ЭФРОН
В Коктебель

9 июля 1911 г., Лозовая [9]

Милая Вера и Лиля! Лозовая. Ем борщ. Почти все, что дано на дорогу, съедено. Спасибо. Привет

Сереза

Милая Влюблезьяна, [10] хочется сказать Вам что-нибудь хорошее, но сейчас отходит поезд. До другого раза!

Марина

Е. Я. и В. Я. ЭФРОН

В Коктебель

10 июля 1911 г. Тула [11]

Еще три-четыре часа и мы в Москве, ехали прекрасно.

Весь провиант уничтожен. Марина чувствует себя хорошо, я тоже. Спали часов 25. Пока до Москвы, прощайте.

Привет всем, особый Пра.

Милые Лиля и Вера! Сереза пока ведет себя хорошо – много спит и ест. Всего лучшего, скоро будем в Москве.

МЦ

Е. Я. И В. Я. ЭФРОН
В Коктебель

Самара, 15-го июля 1911 г.[12]

Дорогая Лиленька,

Вот мы и в Самаре. Уезжая из Москвы, я забыла длинное письмо к Вам. Если Андрей[13] перешлет, Вы его получите. Сережа здоров и ужасно хорош. Привет всем. Целую Вас и Веру.

МЦ

Милая Лилюк и Вера! Как у вас сейчас в Коктебеле. Я страшно счастлив. Целую.

Е. Я. ЭФРОН
В Коктебель

Июль 1911 г. Усень-Ивановский завод

Дорогая Лиленька,

За неимением шоколада посылаю Вам картинку.[14]

Сереженька здоров, пьет две бутылки кумыса в день, ест яйца во всех видах, много сидит, но пока еще не потолстел. У нас настоящая русская осень. Здесь много берез и сосен, небольшое озеро, мельница, речка. Утром Сережа занимается геометрией, потом мы читаем с ним французскую книгу Daudet[15] для гимназии, в 12 завтрак, после завтрака гуляем, читаем, – милая Лиля, простите скучные описания, но при виде этого петуха ничего умного не приходит в голову.[16]

Давно ли уехала Ася[17] и куда? Как вел себя И. С.?[18] Мой привет Вере. Когда начинается тоска по Коктебелю, роюсь в узле с камешками.

Пишите, милая Кончита[19] и не забывайте милой меня.

На днях мы с Сережей были в Белебее.[20] Это крошечный уездный городок совершенно гоголевского типа. Каторжники таскают воду, в будке сидит часовой, а главное – во всем городе нельзя достать лимонаду.

Я сегодня видела Вас во сне. Вы были в клетчатом платке и страшно хохотали. Я перекрестила Вас и Вы исчезли. Интересно? Простите за все эти глупости!

По получении этого письма поезжай к юнге,[21] бери у него микроскоп и принимайся читать сие письмо.

Сережа

Е. Я. ЭФРОН
В Коктебель

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Милая Лилька!

Страшно спешу черкнуть тебе два слова.

Сегодня отходит почта. Боюсь ее пропустить.

Бегу, бегу!

Положим, что не бежит, а идет, ну, дальше: дальше...[22]

Что дальше?

Целую тебя и Верку и Макса, конечно!

Сереза

«Ну?!» говорит Марина и я принужден кончить письмо с лишней ложью на совести, – я сидела в другой комнате и совсем не говорила «ну».

МЦ

Адрес: Усень-Ивановский завод, Уфимской губернии, Белебеевского уезда, Волостное правление, мне.

25-го июля 1911 г.

Далее следует рисунок МЦ, изображающий кисть руки с длинными и тонкими пальцами.

P. S. Сереза находит здесь свою руку похожей на когти Вурдалака.

Е. Я. ЭФРОН
В Москву

Кирхгартен

7 мая (24 апреля) 1912 г.

Милая Лиленька, Сереза страшно обрадовался Вашему письму. Скоро увидимся. Мы решили лето провести в России. Так у нас будет 3 лета: в Сицилии, в Шварцвальде, в России. Приходите встречать нас на вокзал, о дне и часе нашего приезда сообщим заранее. У нас цветут яблони, вишни и сирень, – к сожалению, все в чужих садах. Овес уже высокий, – шелковистый, светло-зеленый, везде шумят ручьи и ели. Радуйтесь: осенью мы достанем себе чудного, толстого, ленивого кота. Я очень о нем мечтаю. Каждый день при наших обедах присутствует такой кот, жадно смотрит в глаза и тарелки и, не вытерпев, прыгает на колени то Серезе, то мне. Наш кот будет такой же.

Приписка: Радуюсь отъезду Макса и Пра и скорому свиданию с Вами и Верой. Всего лучшего.

МЭ

Милый Лилюк,

Ты отгадала: нам скоро суждено увидеться. Марина решила присутствовать на торжествах открытия Музея, и к Троицыну дню (13 мая) мы будем в Москве...

Сейчас внизу гостиницы (деревенской) празднуют чье-то венчание, и оттуда несется веселая громкая музыка. Но в каждой музыке есть что-то грустное (по крайней мере, для профана), и мне грустно. Хотя грустно еще по другой причине: жалко уезжать и вместе с тем тянет обратно. Одним словом, вишу в воздухе и не хватает твердости духа, чтобы заставить себя окончательно решить ехать в Россию.

А тоска растет и растет!.. У меня сейчас такая грандиозная жажда, а чего – я сам не знаю!..

МАЙЕ КЮВИЛЬЕ
Ялта, 14 сентября 1913 г.

Марина Цветаева – Майе Кювилье

..Я сейчас лежала на своем пушистом золотистом плэде (последний подарок папы, почти перед смертью) и задышалась от восторга, читая Вашу зеленую с золотом тетрадь. Ваши стихи о любви – единственны, как и Ваше отношение к любви. Ах, вся Ваша жизнь будет галереей прелестных юношеских лиц с синими, серыми и зелеными глазами под светлым или темным шелком прямых или вьющихся волос.

Ах, весь Ваш путь – от острова к острову, от волшебства к волшебству! Майя, Вы – Sonntagskind, дитя, родившееся в воскресенье и знающее язык деревьев, птиц, зверей и волн.

Вам всё открыто, Вы видите на версту под землей и на миллиарды верст над самой маленькой, последней видимой нам звездой. Вы родились волшебницей, Вы – златокудрая внучка какого-нибудь седого мага, передавшего Вам, умирая, всю мудрость свою и ложь.

Мне Вы бесконечно-близки и ценны, как солнечный луч на старинном портрете, как облачко, как весна.

МЕЙН М.А
20-го мая 1905 г.

Дорогая мама.

Вчера получили мы твою милую славную карточку. Сердечное за нее спасибо! Как мы рады, что тебе лучше, дорогая, ну вот, видишь. Бог помог тебе. Даю тебе честное слово, дорогая мамочка, что я наверное знала, что – тебе будет лучше и видишь, я не ошиблась! Может быть мы все же вернемся в Россию! Как я рада, что тебе лучше, родная. Знаешь, мне купили платье (летнее). У меня только оно и есть для лета. Fraulein Brinck находит, что я должна иметь еще одно платье. Крепко целую!

Муся.

ИЛОВАЙСКОЙ А. А
лето 1905

Дорогая Александра Александровна.

Извините пожалуйста что мы так долго Вам не писали, но последнее время мы ни о чем другом не могли думать, как о нашем освобождении из пансионской тюрьмы. Здесь в Sanct Blasien природа чудесная, темные горы, покрытые густым еловым лесом, водопады, земные долины! А воздух-то какой чудный весь пропитанный смолой. Мы весь день гуляем в лесу и вполне наслаждаемся нашей волюшкой. Да, после Institute Brinck St. Blasien просто рай. Тут есть две собаки и несколько кошек, которые живут с нами в большой дружбе. Ну, а что Лёра и Оля поделывают в Крыму? Давно мы ничего о них не слышали. Кланяйтесь пожалуйста Дмитрию Ивановичу от меня, и Оле с Лёрой тоже, когда Вы им напишите. Крепко целует Вас

Ваша Маруся

Ялта, 8-го января 1906

Многоуважаемая Александра Александровна!

Сердечно благодарим Вас за Ваш чудный подарок. Какая это прекрасная книга, как дивно сделаны рисунки! Мы страшно любим книги и у нас скопилась порядочная библиотека. Ваша чудная книга доставила нам огромное удовольствие. Я как раз учу историю и «Царь Иоанн Грозный» [23] пришлось мне как нельзя более кстати. Живем мы в Ялте ничего себе, учимся, ожидаем письма из Москвы всегда с большим нетерпением. Мы готовимся в мае держать экзамен; Ася во второй, а я в четвертый класс и должны много учиться. Я должна пройти программу первых трех классов в эту зиму, Ася проходит программу первого.

Погода у нас очень хорошая, так тепло, что ходим в сад только в платьях. Но все же как ни хороша ялтинская погода и природа, сама она, Ялта препротивная и мы только и думаем, как бы поскорей в Москву. Ведь мы уже больше трех лет не видали Андрюши, а Лёры больше двух. И вообще, в гостях хорошо, а дома куда лучше!

Еще раз благодарим Вас сердечно за Вашу чудную книгу. Сердечный привет от мамы и нас Вам и многоуважаемому Дмитрию Ивановичу.

Маруся и Ася Цветаевы

ЮРКЕВИЧУ П. И
Таруса. 22.06.1908

Хочу Вам писать откровенно и не знаю, что из этого получится, – по всей вероятности ерунда.

Я к Вам приручилась за эти несколько дней и чувствую к Вам доверие, не знаю почему.

Когда вчера тронулся поезд я страшно удивилась – мне до последней минуты казалось, что это все «так», и вдруг та моему ужасу колеса двигаются и я одна. Вы наверное назовете это сентиментальностью, – зовите как хотите.

Я почти всю ночь простояла у окна. Звезды, темнота, кое-где чуть мерцающие огоньки деревень, – мне стало так грустно.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Где-то недалеко играли на балалайках, и эта игра, смягченная расстоянием, еще более усиливала мою тоску.

Вы вот вчера удивились, что и у меня бывает тоска. Мне в первую минуту захотелось все обратить в шутку – не люблю я, когда рожется в моей душе. А теперь скажу: да, бывает, всегда есть. От нее я бегу к людям, к книгам, даже к выпивке, из-за нее завожу новые знакомства.

Но когда тоска «от перемены мест не меняется» (мне это напоминает алгебру «от перемены мест множителей произведение не меняется») – дело дрянное, так как выходит, что тоска зависит от себя, а не от окружающего.

Иногда, очень часто даже, совсем хочется уйти из жизни – ведь все то же самое. Единственно ради чего стоит жить – революция. Именно возможность близкой революции удерживает меня от самоубийства.

Подумайте: флаги. Похоронный марш, толпа, смелые лица – какая великолепная картина.

Если б знать, что революции не будет – не трудно было бы уйти из жизни.

Поглядите на окружающих. Понтик, [24] обещающий со временем сделаться хорошим пойнтером, ну скажите, неужели это люди?

Проповедь маленьких дел у одних, – саниновщина [25] у других.

Где же красота, геройство, подвиг? Куда девались герои?

Почему люди вошли в свои скорлупы и трусливо следят за каждым своим словом, за каждым жестом. Всего боятся, – поговорят откровенно и уж им стыдно, что «проговорились». Выходит, что только на маскараде можно говорить друг другу правду. А жизнь не маскарад!

Или маскарад без откровенной дерзости настоящих маскарадов.

От пребывания моего в Орловке у меня осталось самое хорошее впечатление. Сажу перед раскрытым окном, – все лес. Рядом со мной химия, за которую я впрочем еще не принималась, так как голова трещит.

Сейчас 9 1/2 ч. утра. Верно, вы с Соней собираетесь провожать Симу. Как бы я хотела сидеть теперь в милом тарантасе, вместо того, чтобы слышать как шагает Андрей в столовой, ругаясь с Мильтоном. [26]

Папа еще не приехал.

Вчера в поезде очень хотелось выть, но не стоит давать себе волю. Вы согласны?

Нашли ли Вы мою «пакость», которую можете уничтожить в 2 секунды и уничтожили ли?

После Вашей семьи мне дома кажется все странным. Как мало у нас смеха, только Ася вносит оживление своими отчаянными выходками. У Вас прямо можно отдохнуть.

Милый Вы черный понтик (бывают ли черные, не знаете?) я наверное без Вас буду скучать. Здесь решительно не с кем иметь дело, кроме одной моей знакомой – госпожи химии, но она до того скучна, что пропадает всякая охота иметь с ней дело.

Видите, понемногу впадаю в свой обычный тон, до того не привыкла по-настоящему говорить с людьми.

Как странно все, что делается: сталкиваются люди случайно, обмениваются на ходу мыслями, иногда самыми заветными настроениями и расходятся все-таки чужие и далекие.

Просмотрите в одном из толстых журналов, которые имеются у Вас дома, небольшую вещичку (она кажется называется «Осень» или «Осенние картинки»). Там есть чудные стихи, которые кончаются так... «И все одиноки»...[27]

Вам они нравятся? Слушайте, удобно ли Вам писать на Вас? М. б. лучше на Сонино имя? Для меня-то безразлично, а вот как Вам?

Приходите ко мне в Москву, если хотите с Соней (по-моему лучше без). Адрес она знает. М. б. мы с вами так же быстро поссоримся, как с Сергеем, [28] но это не важно.

Вы вчера меня спросили, о чем писать мне. Пишите обо всем, что придет в голову. Право, только такие письма и можно ценить. Впрочем, если неохота писать откровенно – лучше не пишите.

Удивляюсь как Вы меня не пристукнули, когда я рассказывала Соне в смешном виде Андреевскую Марсельезу. [29]

Что у Вас дома? Горячий привет всем, включая туда Нору, Буяна и Утеху. [30]

Ах, Петя, найти бы только дорогу!

Если бы война! Как вострепелась бы жизнь, как засверкала бы!

Тогда можно жить, тогда можно умереть! Почему люди спешат всегда надеть ярлыки?

И Понтик скоро будет с ярлыком врача или учителя, будет довольным и счастливым «мужем и отцом», заведет себе всяких Ев и тому подобных прелестей.

Сценка из Вашей будущей жизни

– «Петя, а Петь!»

– «Что?»

– «Иди скорей, Тася без тебя не ложится спать, капризничает!» –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– «Да я сочинения поправляю». –

– «Все равно, брось, наставь им троек, больше не надо, ну а хорошим ученикам четверки. Seriously же, иди, Тася совсем от рук отбилась». –

– «Неловко, душенька, перед гимназистами...»

– «Ах, какой ты, Петя, несносный. Все свои глупые студенческие идеи разводишь, а тем временем Тася БОГ знает что выделяет!» –

– «Хорошо, милочка, иду...»

Через несколько минут раздается «чье-то» пенье. «Приди котик ночевать, Мою Тасеньку качать»...

– «Папа, а что это ты разводишь, мама говорила?»

– «Идеи, голубчик, студенты всегда разводят идеи». –

– «А-а... Много?» –

– «Много. Что тебе еще спеть?» –

– «Как БОГ царя хоронил, [31] это все мама поет».

– «Хорошо, детка, только засыпай скорей!» – Раздаются звуки национального гимна

Ad infinitum[32]

Пока прощайте, не сердитесь, крепко жму Вам обе лапы

М.Ц.

Адрес Таруса. Калужская губерния. Мне.

Передайте Соне эту открытку от Аси.

Пишите скорей, а то химия, Андрей, алгебра... Повеситься можно!

Таруса, 13-го июля 1908

Как часто люди расходятся из-за мелочей. Я рада, что мы с Вами снова в мире, мне не хотелось расходиться – с Вами окончательно, потому что Вы – славный. Только и мне трудно будет относиться к Вам доверчиво и откровенно, как раньше. О многом буду молчать, не желая Вас обидеть, о многом – не желая быть обиженной. Я все-таки себе удивляюсь, что первая подошла к Вам. Я очень злопамятная и никогда никому не прощала обиды (не говоря уже об извинении перед лицом меня обидевшим).

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впрочем, все это Вам должно быть надоело, – давайте говорить о другом.

Погода у нас серая, ветер пахнет осенью. Хорошо теперь бродить по лесу одной.
Немного грустно, чего-то жаль.

Учу немного свою химию, много – алгебру, читаю. Прочла «Подросток» Достоевского.
Читали ли Вы эту вещь? Напишите – тогда можно будет поговорить о ней. Вещь
по-моему глубокая, продуманная.

Приведу Вам несколько выдержек.

«В нашем обществе совсем не ясно, господа, ведь Вы[33] Бога отрицаете, подвиг
отрицаете, какая же косность, глухая, слепая, тупая может заставить меня
действовать так, если мне выгоднее иначе. Скажите, что я отвечу чистокровному
подлецу на вопрос его, почему он непременно должен быть благородным».

Что мне за дело до того, что будет через тысячу лет с человечеством, если мне за
это, «по-Вашему» (опять, точно я Вам это говорю, хотя и я могла бы сказать нечто
подобное, особенно насчет подвига), «ни любви, ни будущей жизни, ни признания за
мною подвига не будет? Да черт с ним, с человечеством, и с будущим, я один
только раз на свете живу!» –

«У многих сильных людей есть, кажется, натуральная потребность найти кого-нибудь
или что-нибудь, чтобы преклониться.

Многие из очень гордых людей любят верить в Бога, особенно несколько презирающие
людей. Сильному человеку иногда очень трудно перенести свою силу. Эти люди
выбирают Бога, чтоб не преклоняться перед людьми: преклоняться перед Богом не
так обидно. Из них выходят чрезвычайно горячо верующие, – вернее сказать –
горячо желающие верить, но желания они принимают за самую веру. Из этих
особенно часто выходят разочаровывающиеся».

«Самое простое понимается всегда лишь под конец, когда уже перепробовано все,
что мудреней и глупей». –

«На свете силы многообразны, силы воли и хотения в особенности. Есть t° кипения
воды и есть t° каления красного железа». – (И здесь химия. О, Господи!)

«Мне вдруг захотелось выкрасть минутку из будущего и попытаться, как это я буду
ходить и действовать». –

Вам понятно такое ощущение?

«Вообще до сих пор во всю жизнь, во всех мечтах моих о том, как я буду обращаться с людьми – у меня всегда выходит очень умно, чуть же на деле – очень глупо!

Я мигом отвечал откровенному откровенностью и тотчас же начинал любить его. Но все они тотчас меня надували и с насмешкой от меня закрывались». –

Не находите ли Вы, что последнее часто верно? Я без всяких намеков, Вы не думайте. Но и Вы, очень Вас прошу, обходитесь без них. Теперь я невольно над каждым словом думаю – не ехидство ли какое.

Теперь, чтобы закончить письмо как следует, пишу Вам одни стихи Евгения Тарасова, которые должны Вам напомнить одно настроение в Вашей жизни.

– Они лежали здесь, в углу,
В грязи зловонного участка,
Их кровь, густая, словно краска
Застыла лужей на полу.
Их подбирали, не считая,
Их приносили – без числа,
На неподвижные тела
Еще не конченных кидая,
Здесь были руки – без голов,
Здесь были руки – словно плети,
Лежали скомканные дети,
Лежали трупы стариков,
У этих – лица были строги,
У тех – провалы вместо лиц,
Смотрели вверх, глядели ниц,
И были босы чьи-то ноги,
И чья-то грудь была жива,
И чьи-то пальцы шевелились,
И губы гаснувших кривились,
Шепча невнятные слова...
Декабрьский день светил им скупое,
Никто не шел, чтоб им помочь...
И вот, когда настала ночь –
Живых не стало, были трупы.
И вот лежали там, в углу,
Лежали тесными рядами,
Все – с искаженными чертами
И кровь их стыла на полу.

Да, это посерьезнее будет, чем «намекы» и «упреки».

Пишите, я всегда рада Вашим письмам. Всего лучшего.

МЦ.

Приписки на полях:

Завидую Вашим частым поездкам, часто вспоминаю об Орловке. Спасибо за пожелание «спокойных дней», мне они не нужны, уж лучше какие ни на есть бурные, чем спокойные. Я шучу.

Числа до 18-го пишите в Тарусу, впрочем, когда я уеду – напишу и дам московский) адрес.

Как же Вы решили насчет университета?

Вы с Сережей чудачки! Сами ложатся спать, а другим желают спокойной ночи. Я получила письмо среди белого дня и спать совсем не хочу.

Письмо даже на ощупь шершавое, попробуйте. А все-таки Вы славный! (Логика в последнем) восклицании нет, ну да!..)

Что милая Норка, Буян, моя симпатия. Утеха и прочие. Мне в настоящую минуту хочется погладить Вас по шерстке, т. е. против.

Написала одни стихи, – настроение и мысли в вагоне 21-го июля, когда я уезжала из Орловки. Прислать? –

А «больные» вопросы. Вы правы, теперь не следует затрагивать, лучше когда-нибудь потом. Как хорошо, что Вы все так чутко понимаете.

Я Вас очень за это ценю.

Что Соня? Хандрит ли? Какие известия от Сережи? План относительно Евг. Ив. я не оставила, дело за согласием Собко.

4-го VIII 08

Извиняюсь за последнее письмо. Сознаюсь, что оно было пошло, дрянно и мелко.

Приму во внимание Ваш совет насчет «очарований» и «разочарований». Соглашаюсь с Вами, что слишком люблю красивые слова. Мне было страшно тяжело эти последние дни. Учиться я совсем не могла. Сначала была обида на Вас, а потом возмущение собой. Правда всегда останется правдой, независимо от того, приятна она или нет. Спасибо Вам за неприятную правду последнего письма. Таких резких «правд» я еще никогда ни от кого не слыхала, но, мирясь с резкостью формы, я почти совсем согласна с содержанием.

Только зачем было писать так презрительно? Я сознаю, что попала в глупое и очень некрасивое положение: сама натворила Бог знает что и теперь лезу с извинениями. М. б. Вы будете надо мной смеяться, – но я не могу иначе, жить с сознанием совершенной дрянности слишком тяжело. Все же и с Вашей стороны было несколько ошибок.

1) Вы могли предоставить моей деликатности решение вопроса о «рассчитывании на Вас в Москве», уверяю Вас, что я и без Вашего замечания не стала бы злоупотреблять Вашим терпением.

2) Вы должны были повнимательнее прочесть мое письмо и понять из него, что мое мнение о Вас как о «charmant jeune homme»[34] и дамском кавалере было до знакомства, а другое после, так что моя логика оказалась вовсе не такой скверной.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впрочем мои промахи бесконечно больше Ваших, так что не мне Вас упрекать.

Отношусь к Вам как к славному, хорошему товарищу и как товарища прошу прощения за все. Прежде чем написать это я пережила много скверных минут и долго боролась со своим чертовским самолюбием, которому никто до сих пор не наносил таких чувствительных ударов как Вы.

Ваше дело – простить мне или нет.

Не знаю как выразить Вам все мое раскаяние, что обидела такого милого, сердечного человека, как Вы и притом так дрянно, с намеками, чисто по-женски.

Как товарищу протягиваю Вам руку для примирения.

Если ее не примете – не обижусь.

Ваша МЦ.

P. S. Если будете писать – пишите по прежнему адресу прямо мне. Насчет химии и алгебры я ведь шутила, неужели Вы приняли за серьезное? –

Москва, 21-го июля 1916 г.

Милый Петя,

Я очень рада, что Вы меня вспомнили. Человеческая беседа – одно из самых глубоких и тонких наслаждений в жизни: отдаешь самое лучшее – душу, берешь то же взамен, и все это легко, без трудности и требовательности любви.

Долго, долго, – с самого моего детства, с тех пор, как я себя помню – мне казалось, что я хочу, чтобы меня любили.

Теперь я знаю и говорю каждому: мне не нужно любви, мне нужно понимание. Для меня это – любовь. А то, что Вы называете любовью (жертвы, верность, ревность), берегите для других, для другой, – мне этого не нужно. Я могу любить только человека, который в весенний день предпочтет мне березу. – Это моя формула.

Никогда не забуду, в какую ярость меня однажды этой весной привел один человек – поэт, [35] прелестное существо, я его очень любила! – проходивший со мной по Кремлю и, не глядя на Москву-реку и соборы, безостановочно говоривший со мной обо мне же. Я сказала: «Неужели Вы не понимаете, что небо – поднимите голову и посмотрите! – в тысячу раз больше меня, неужели Вы думаете, что я в такой день могу думать о Вашей любви, о чьей бы то ни было. Я даже о себе не думаю, а, кажется, себя люблю!»

Есть у меня еще другие горести с собеседниками. Я так стремительно вхожу в жизнь каждого встречного, который мне чем-нибудь мил, так хочу ему помочь, «пожалеть», что он пугается – или того, что я его люблю, или того, что он меня полюбит и что расстроится его семейная жизнь.

Этого не говорят, но мне всегда хочется сказать, крикнуть:

«Господи Боже мой! Да я ничего от Вас не хочу. Вы можете уйти и вновь прийти, уйти и никогда не вернуться – мне все равно, я сильна, мне ничего не нужно, кроме своей души!»

Люди ко мне влекутся: одним кажется, что я еще не умею любить, другим – что великолепно и что непременно их полюблю, третьим нравятся мои короткие волосы, четвертым, что я их для них отпущу, всем что-то мерещится, все чего-то требуют – непременно другого – забывая, что все-то началось с меня же, и не подойди я к ним близко, им бы и в голову ничего не пришло, глядя на мою молодость.

А я хочу легкости, свободы, понимания, – никого не держать и чтобы никто не держал! Вся моя жизнь – роман с собственной душой, с городом, где живу, с деревом на краю дороги, – с воздухом. И я бесконечно счастлива.

Стихов у меня очень много, после войны издам сразу две книги. Вот стихи из последней:

Настанет день – печальный, говорят:
Отцарствуют, отплачут, отгорят –
Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит – лик.
О, наконец, тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!
А издали – завиху ли я вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.
На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу – впервые:
Меня окутал с головы до пят
Благоразумия прекрасный плат.
Ничто уже меня не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.
По улицам оставленной Москвы
Поеду – я и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон!
– Прости, Господь, погибшей от гордыни
Новопреставленной болярине Марине!
Это лето вышло раздробленное. Сначала Сережа был в коктебеле, я у Аси (у нее теперь новый мальчик – Алексей), теперь мы съехались. Он все ждет назначения, вышла какая-то путаница. Я рада Москве, хожу с Алей в Кремль, она чудный ходок и товарищ. Смотрим на соборы, на башни, на царей в галерее Александра II, на французские пушки. Недавно Аля сказала, что непременно познакомится с царем. – «Что же ты ему скажешь?» – «Я сделаю вот какое лицо!» (И сдвинула брови). – Живу, совсем не зная, где буду через неделю, – если Сережу куда-нибудь ушлют, поеду за ним. Но в общем все хорошо.

Буду рада, если еще напишете, милый Петя, я иногда с умилением вспоминаю нашу с Вами полудетскую встречу: верховую езду и сушеную клубнику в мезонине Вашей бабушки, и поездку за холстинами, и чудную звездную ночь.

Как мне тогда было грустно! Трагическое отрочество и блаженная юность.

Я уже наверное никуда не уеду, пишите в Москву. И если у Вас сейчас курчавые

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
волосы, наклоните голову, и я Вас поцелую.

МЭ.

ГЕНЕРОЗОВОЙ В. К
Начало 1909

Дорогая Валенька!

Мне сегодня было с Вами хорошо, как во сне. Никогда не думала, что встречу с Вами при таких обстоятельствах. Так ясно вспомнилось мне милое прошлое. Я люблю Вас по-прежнему, Валенька, больше всех, глубже. Никогда я не уйду от Вас. Что мне сказать Вам? Слишком много могу сказать. Будь я средневековым рыцарем, я бы ради Вашей улыбки на смерть пошла. Вам теперь очень грустно. Как мне жаль, что я не могу быть с Вами. Милая Кисенька моя, думаю, что вскоре напишу Вам длинное письмо. Если будете слишком грустить – напишите мне, я Вас пойму. Помните, что я Вас очень люблю.

Ваша МЦ.

Перечитала сегодня Ваши письма. У меня они все. Стихи пришлю, Кисенька милая.

ЦВЕТАЕВОЙ В. И
Ялта, апрель 1909

Милая Валечка. Если бы ты знала, как хорошо в Ялте! Я ничего не читаю и целый день на воздухе, то у моря, то в горах. Фиалок здесь масса, мы рвем их на каждом шагу. Но переезд морем из Севастополя в Ялту был ужасный: качало и закачивало всех. Приеду верно 3-го или 4-го. Всего лучшего.

МЦ.

ЭЛЛИСУ
Париж, 22-го июня 1909 г.

Милый Лев Львович! У меня сегодня под подушкой были Aiglon[36] и Ваши письма, а сны – о Наполеоне – и о маме. Этот сон о маме я и хочу Вам рассказать. Мы встретились с ней на одной из шумных улиц Парижа. Я шла с Асей. Мама была как всегда, как за год до смерти – немножко бледная, с слишком темными глазами, улыбающаяся. Я так ясно теперь помню ее лицо! Стали говорить. Я так рада была встретить ее именно в Париже, где особенно грустно быть всегда одной. – «О мама! – говорила я, – когда я смотрю на Елисейские поля, мне так грустно, так грустно». И рукой как будто загораживаюсь от солнца, а на самом деле не хотела, чтобы Ася увидела мои слезы. Потом я стала упрашивать ее познакомиться с Лидией Александровной. [37] – «Больше всех на свете, мама, я люблю тебя, Лидию Александровну и Эллиса» («А Асю? – мелькнуло у меня в голове. – Нет, Асю не нужно!») «Да, у Лидии Александровны ведь кажется воспаление слепой кишки», – сказала мама. – «Какая ты, мама, красивая! – в восторге говорила я, – как жаль, что я не на тебя похожа, а на...» хотела сказать «папу», но побоялась, что мама обидится, и докончила: «неизвестно кого! Я так горжусь тобой». – «Ну вот, – засмеялась мама, – я-то красивая! Особенно с заострившимся носом!» Тут только я вспомнила, что мама умерла, но несколько не испугалась. – «Мама, сделай так, чтобы мы встретились с тобой на улице, хоть на минутку, ну мама же!» – «Этого нельзя, – грустно ответила она, – но если иногда увидишь что-нибудь хорошее, странное на улице или дома, – помни, что это я или от меня!» Тут она исчезла. Сколько времени прошло – я не знаю. Снова шумная улица. Автомобили, трамваи, омнибусы, кэбы, экипажи, говор, шум, масса народа. Вдруг я чувствую, что за мной кто-то гонится. Мама? Но я боюсь, значит не она. Что-то белое настигает меня, хватает и душит. Перехожу через улицу. Прямо на меня трамвай. Я ухожу с рельс, иду в противоположную сторону, а трамвай за мной.

Освободившись наконец от него, вижу насторожившийся автомобиль, выжидающий, куда я двинусь, чтобы кинуться за мной. Тут я начинаю понимать, что что-то здесь неладно. Я вижу, что кто-то узнал наш с мамой уговор и хочет меня наставить против мамы, хочет, чтобы я, напуганная преследованием вещей и неприятными неожиданностями, наконец сказала: «Оставь меня в покое!» Я поняла также, что мама бессильна предупредить меня и теперь мучается. Перехожу на другой тротуар. Вечереет. Около стены с афишами стоят трое людей – маленькая старушонка, ребенок и старик. Я начинаю говорить о маме, но старуха ничего не понимает, не слышит. Я начинаю думать, что мне только кажется, будто я говорю. Вдруг я стою перед ней и шевелю губами? Как только я это подумала, мне стало ясно, почему она меня не слышит, но все же я продолжала мысленно мою фразу, которая кончалась словами «уничтожить». Моя старуха в то же мгновение вынимает из кармана мел и пишет на стене «уничтожить», то есть не произнесенное мною слово. Тогда я начинаю расспрашивать ее: «Вы знали маму? Вы любили ее?» – «Подленькая она была, прилипчивая, – шипит старушонка, – голубка моя, верь мне». В ее шепоте что-то заискивающее, хитрое и вместе с тем робкое. Тогда я обращаюсь к стоящей за мной барышне – высокой, в голубом платье и *rinse-pez* – и упавшим голосом спрашиваю ее: – «А что думаете о маме Вы?» – «У нее было очень много книг, оттого ей все завидуют», – неопределенно отвечает барышня. – «Мама была прямая как веревка, натянутая на лук! – кричу я звенящим и задышающимся от негодования и огромного усилия голосом, – она была слишком прямая. Согнутый лук был слишком согнут и, выпрямляясь, разорвал ее!»

Всё исчезает. Светлый вечер у нас в Трехпрудном. В детской, на Асиной кровати сидит какой-то незнакомый господин – следователь в голубой рубашке, с огромной, спускающейся на грудь, черной бородой. У Асиного стола – барышня в *rinse-pez*. В руках у нее перочинный нож и книга. Не знаю, под каким предлогом я выхожу из комнаты, спускаюсь по лестнице и вижу: навстречу ко мне, с трудом поднимаясь по ступенькам, идет померанцевое деревцо в кадке. Я толкаю его, но вдруг понимаю, что оно зеленое, милое, что ему трудно идти вверх, а оно все же идет, что это – мама! Я обнимаю его тонкий ствол, целую хрупкие листочки. Внизу, на краю стола в столовой лежит записка, начинающаяся словами «Дорогая Муся» (так меня звала мама). – «Нет, это не мама пишет! это не ее почерк, это снова подлог!» Рассматриваю бумажку, и что же – на углу различаю слова, «следователь по судебным делам». Значит тот, наверху, тоже враг. Мчусь по лестнице и еще в дверях кричу: «Это Вы писали, а не мама, это подло, подло!»

Барышня в *rinse-pez* рассматривает бумажку. Следователь, видя, что он в моих руках, поднимается с постели и грозно требует у барышни бумажку, желая уничтожить улику. Она быстро сует ему в руки книгу, перочинный нож и убегает вслед за мной. Улики налицо. За следователем поднимается полиция. Мы на улице. Идет трамвай. Из трамвая высовываются головы, машут платками. Я на всякий случай отвечаю. Может быть, среди всех этих фальшивых знаков и есть один настоящий, мамин. И как бы в награду за храбрость я вижу на площадке трамвая трех девушек, из которых левая немножко – о, чуть-чуть! – напоминает маму. Радости моей нет границ. Я беру ее под руку и вишу сбоку у трамвая. Ее глаза! да, да! Она не может принять свой обычный вид, а то все узнают, но я-то все поняла! Перед нами идет другой трамвай, и с него свисает повешенный в красном костюме – может быть следователь.

Опять площадь. Милая барышня в *rinse-pez*, моя помощница, улыбается. Я благодарю ее и сжимаю обеими руками ее маленькую, холодную ручку.

Вот и все. Спасибо за Ваши письма, за письма и за сон. Милый Чародей, непременно приезжайте в Тарусу. Много, много Вам расскажу.

МЦ.

Москва, 2-го декабря 1910 г.

Милый Эллис,

Вы вчера так внезапно исчезли, – почему? В Мусагете было очень хорошо. Мне про него даже снились сны. У меня к Вам просьба: перемените, пожалуйста, в 2-х моих стихотворениях для альманаха следующие места:

1) Мальчик с розой

Написано:

Крепко сжал –
Но к губам его –
Надо:

Уронил
И к губам его...
2) На бульваре

Написано:

Ручку сонную разжала –
Надо:

Ручки сонные...
Как я отвыкла от людей и разговоров! При малейшем разногласии с собеседником мне уже хочется уйти, становится так скверно! В Мусагете много милых и мне симпатичных людей. Я довольна, что там бываю, но... М. б. папа на несколько дней уедет в Петербург. Если это будет, – известим Вас. Будет ли в воскресенье что-нибудь у Крахта?[38] И в котором часу и что именно? Привет.

МЦ.

А мой сонет?

3-го декабря 1911 г.

Дорогой Эллис,

Будьте поласковее с этой барышней, – это сестра Сережи, очень интересная и умная.

Забудьте на время о готической девушке с Библией в руках![39] С Библией, которую она даже читать не умеет!

Не сердитесь за шутку и будьте помилей с Лилей.

МЦ.

БРЮСОВУ В. Я
Москва, 15-го марта 1910 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сейчас у Вольфа[40] Вы сказали: «...хотя я не поклонник Rostand»...

Мне тут же захотелось спросить Вас, почему? Но я подумала, что Вы примете мой вопрос за праздное любопытство или за честолюбивое желание «поговорить с Брюсовым». Когда за Вами закрылась дверь, мне стало грустно, я начала жалеть о своем молчании, но в конце концов утешилась мыслью, что могу поставить Вам этот же вопрос письменно.

Почему Вы не любите Rostand? Неужели и Вы видите в нем только «блестящего фразера», неужели и от Вас ускользает его бесконечное благородство, его любовь к подвигу и чистоте?

Это не праздный вопрос.

Для меня Rostand – часть души, очень большая часть.

Он меня утешает, дает мне силу жить одиноко. Я думаю – никто, никто не знает, не любит, не ценит его, как я.

Ваша мимолетная фраза меня очень опечалила.

Я стала думать: всем моим любимым поэтам должен быть близок Rostand. Heine, Victor Hugo, Lamartine, Лермонтов – все бы они любили его.

С Heine у него общая любовь к Римскому королю,[41] к Mèlessinde,[42] триполийской принцессе; Lamartine не мог бы не любить этого «amant du Reve», [43] Лермонтов, написавший «Мцыри», сразу увидел бы в авторе «l'Aiglon» родного брата; Victor Hugo гордился бы таким учеником...

Почему же Брюсов, любящий Heine, Лермонтова, ценящий Victor Hugo, так безразличен к Rostand?

Если Вы, многоуважаемый Валерий Яковлевич, найдете мой вопрос достойным ответа, – напишите мне по этому поводу.

Моя сестра, «маленькая девочка в больших очках», преследовавшая Вас однажды прошлой весной на улице, – часто думает о Вас.

Искренне уважающая Вас

М. Цветаева.

Адрес: Здесь, Трехпрудный переулок, собственный дом, Марине Ивановне Цветаевой

ВОЛОШИНУ М. А
Москва, 23-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Примите мою искреннюю благодарность за Ваши искренние слова о моей книге. Вы подошли к ней как к жизни, и простили жизни то, чего не прощают литературе. Благодарю за стихи.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Если Вы не боитесь замерзнуть, приходите в старый дом со ставнями. Только предупредите, пожалуйста, заранее. Привет.

Марина Цветаева.

Москва, 27-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Благодарю Вас за письма. В пятницу вечером я не свободна.

Будьте добры, выберите из остальных дней наиболее для Вас удобный и приходите, пожалуйста, часам к пяти, предупредив заранее о дне Вашего прихода.

Привет.

Марина Цветаева.

Москва, 28-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Приходите, пожалуйста, в пятницу часам к пяти.

Марина Цветаева.

Москва, 30-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я в настоящее время так занята своим новым граммофоном (которого у меня еще нет), что путаю все дни и числа.

Если Ваша взрослость действительно не безнадежна, Вы простите мне мою рассеянность и придите 4-го января 1911 г., к 5 часам, как назначили.

Так говорить – вежливо, длинно и прозой – мое великодушие. А так скажет – менее вежливо, короче и стихами – моя справедливость:

Кто виноват? Ошиблись оба...
Прости и ты, как я простила!
Марина Цветаева.

Москва, 5-го января 1911 г.

Я только что начала разрезать «La Canne de Jaspe», [44] когда мне передали Ваше письмо. Ваша книга – все, что мы любим, наше – очаровательна. Я буду читать ее сегодня целую ночь. Ни у Готье, ни у Вольфа не оказалось швоба. [45] Я даже рада

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
этому: любить двух писателей зараз – невозможно. Будьте хорошим: достаньте
Генриха Манна. Если хотите блестящего, фантастического, волшебного Манна, –
читайте «Богини», интимного и страшно мне близкого – «Голос крови», «Актриса»,
«Чудесное», «В погоне за любовью», «Флейты и кинжалы».

У Генриха Манна есть одна удивительно скучная вещь: я два раза начинала ее и оба
раза откладывала на грядущие времена. Это «Маленький город».

Вся эта книга – насмешка над прежними, она даже скучнее Чехова.

Менее скучны, но так же нехарактерны для Манна «Страна лентяев» и «Смерть
тирана». [46]

Я в настоящую минуту перечитываю «В погоне за любовью». Она у меня есть
по-русски, т. е. я могу ее достать.

В ней Вас должен заинтересовать образ Уты, героини.

Но если у Вас мало времени, читайте только Герцогиню [47] и маленькие вещи:
«Флейты и кинжалы», «Актрису», «Чудесное». Очень я Вам надоела со своим Манном?

У Бодлера есть строка, написанная о Вас, для Вас: «L'univers est egal a son
vaste appetit». [48] Вы – воплощенная жадность жизни.

Вы должны понять Герцогиню: она жадно жила. Но ее жадность была богаче жизни.
Нельзя было начинать с Венеры!

До Венеры – Минерва, до Минервы – Диана!

У Манна так: едет автомобиль, через дорогу бежит фавн. Все невозможное –
возможно, просто и должно. Ничему не удивляешься: только люди проводят черту
между мечтой и действительностью. Для Манна же (разве он человек?) все в мечте –
действительность, все в действительности – мечта. Если фавн жив, отчего ему не
перебежать дороги, когда едет автомобиль?

А если фавн только воображение, если фавна нет, то нет и автомобиля, нет и
разряженных людей, нет дороги, ничего нет. Все – мечта и все возможно!

Герцогиня это знает. В ней все, кроме веры. Она не мистик, она слишком жадно
дышит апрельским и сентябрьским воздухом, слишком жадно любит черную землю. Небо
для нее – звездная сетка или сеть со звездами. В таком небе разве есть место
Богу?

Ее вера, беспредельная и непоколебимая, в герцогиню Виоланту фон Асси.

Себе она молится, себе она служит, она одновременно и жертвенник, и огонь, и
жрица, и жертва.

Обратите внимание на мальчика Нино, единственного молившегося той же силе, как
Герцогиня. Он понимал, он принимал ее всю, не смущался никакими ее поступками,
зная, что все, что она делает, нужно и должно для нее.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Общая вера в Герцогиню связала их до гроба, быть может и после гроба, если Христос позволил им жить еще и остаться теми же.

Как смотрит Христос на Герцогиню? Она молилась себе в лицах Дианы, Минервы и Венеры. Она не знала Его, не понимала (не любила, значит – не понимала), не искала.

Что ей делать в Раю? За что ей Ад? Она – грешница перед чеховскими людьми, перед ..., земскими врачами, – и святая перед собой и всеми, ее любящими.

Неужели Вы дочитали до сих пор?

Если бы кто-нибудь так много говорил мне о любимом им и нелюбимом мной писателе, я бы... нарочно прочла его, чтобы так же длинно разбить по всем пунктам.

Один мой знакомый семинарист (Вы чуть-чуть знаете его) шлет Вам привет и просит Вас извинить его неумение вести себя по-взрослому во время разговора. [49] Он не привык говорить с людьми, он слишком долго надеялся совсем не говорить с ними, он слишком дерзко смеялся над Реальностью.

Теперь Реальность смеется над ним! Его раздражают вечный шум за дверью, звуки шагов, невозможность видеть сердце собеседника, собственное раздражение – и собственное сердце.

Простите бедному семинаристу!

Марина Цветаева.

Москва, 7-го января 1911 г.

Какая бесконечная прелесть в словах:

«Помяни... того, кто, уходя, унес свой черный посох и оставил тебе эти золотистые листья». [50] Разве не вся мудрость в этом:

уносить черное и оставлять золотое?

И никто этого не понимает, и все, знающие, забывают это! Ведь вся горечь в остающемся черном посохе!

Не надо забвения, надо золотое воспоминание, золотые листья, которые можно, разжав руку, развеять по ветру!

Но их не развеешь, их будешь хранить: в них будешь лелеять тоску о страннике с черным посохом. А черный посох, оставленный им, нельзя развеять по ветру, его сожжешь, и останется пепел – горечь, смерть!

Может быть, Ренье и не думал об этих словах, не подозревал всю их бездонную глубину, – не все ли равно!

Я очень благодарна Вам за эти стихи.

Марина Цветаева.

Москва, 10-го января 1911 г.

Благодарю Вас за книги, картину, Ваши терпеливые ответы и жалею, что Вы так скоро ушли.

Благодарю еще за кусочек мирты, – буду жечь его, несмотря на упрямство спички: у меня внизу затопят печку.

Сейчас Вы идете по морозной улице, видите людей и совсем другой. А я еще в прошлом мгновении.

Может быть и прав Вячеслав Иванов?

Привет и благодарность.

Марина Цветаева.

Москва, 14-го января 1911 г.

После чтения «Les rencontres de M. de Bréot» Régnier.[51]

Облачко бело и мне в облака
Стыдно глядеть вечерами.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?
Не выдает заколдованный лес
Ласковой тайны мне снова.
О, почему у земного
Я попросила чудес?
Чьи-то обиженно-строги черты
И укоряют в измене.
О, почему не у тени
Я попросила мечты?
Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?
мц

Москва, 28-го января 1911 г.

Благодарю Вас, Максимилиан Александрович, за письмо и книги.

Приходите.

Марина Цветаева.

Конец января 1911 г., Москва

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В Москву

Милый Максимилиан Александрович,

Лидия Александровна[52] и мы все страшно огорчены происшедшим недоразумением.[53]

Все это произошло без меня, я только что об этом узнала.

Шутливая форма обращения к Вам доказывает только ее хорошее отношение к Вам.

Я сама ничего не понимаю.

МЦ

Середина марта 1911 г., Москва

Одному из кошачьей породы

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли,
Но боль пришла, – их нету боле, –
В кошачьем сердце нет стыда!
Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли, –
В кошачьем сердце рабства нет!
Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг, – они на воле,
В кошачьем сердце нет любви!
МЦ

Москва. 21-го марта 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Только что получила от Лидии Александровны[54] извещение, что она больна. Мне очень неловко перед Вами. Она просила Вас извинить ее.

Привет.

Марина Цветаева.

Москва, 23-го марта 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Вчера кончила Consuelo и Comtesse de Rudolstadt, – какая прелесть! Сейчас читаю Jacques.[55]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Приходите: есть новости!

Завтра уезжаю за город, вернусь в пятницу.

Дракконочка все хворает, она шлет Вам свой привет. [56]

У нас теперь телефон (181 – 08), позвоните, если Вам хочется прийти, и вызовите Асю или меня.

Лучше всего звонить от 3–4.

Всего лучшего.

За чудную Consuelo я готова простить Вам гнусного M. de Breot. [57]

Привет Вам и Елене Оттобальдовне.

Марина Цветаева.

P. S. Можно ли утешаться фразой Бальмонта: «Дороги жизни богаты»?

Можно ли верить ей?

Должно ли?

Москва, 28-го марта 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

я очень виновата перед Вами за телефон. Третьего дня и вчера я была дома от 3 до 4, сегодня – не могла. Почему Вы не вызвали Асю? Это она с Вами говорила.

Напишите мне, пожалуйста, когда придете. В пятницу или субботу я уезжаю надолго.

Приходите, если хотите и можете, завтра или в среду или в четверг, – только сообщите заранее, когда? Вызовите...

Впрочем лучше напишите.

Если же Вы эти вечера и сумерки заняты, мне остается только пожелать Вам доброй весны.

Привет.

Марина Цветаева.

Москва, 1-го апреля 1911 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Посылаю Вам Ваши книги.

Travailleur de la mer[58] и Dumas куплю завтра же, как обещала. Исполнится ли Ваше предсказание насчет благословения Вас за эти книги в течение целой жизни – не знаю.

Это можно будет проверить на моем смертном одре.

Поклон Елене Оттобальдовне, руку подкинутым младенцем – Вам.

До свидания (с граммофоном) в Коктебеле.

Марина Цветаева.

Гурзуф, 6-го апреля 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я смотрю на море – издали и вблизи, опускаю в него руки – но все оно не мое, я не его. Раствориться и слиться нельзя. Сделаться волной?

Но не буду ли я любить его тогда?

Оставаться человеком (или «получеловеком», все равно!) – вечно тосковать, вечно стоять на рубеже. Должно, должно же существовать более тесное *ineinander*. [59] Но я его не знаю!

Цветет абрикосовое дерево, море синее, со мной книги...

Читаю сейчас Jean Paul'a «Flegeljahre» [60] – бесконечно очаровательную, грустно-насмешливую, неподдельно романтическую книгу.

Наша дача – «моя» звучит слишком самоуверенно – над самым морем, к которому ведет бесчисленное множество лестниц без перил и почти без ступенек. Высота головокружительная. Приходится все время подбадривать себя строчкой из Бальмонта, заменяя слово «солнце» словом «море»:

«Я видела море, сказала она,

Что дальше – не все ли равно?!»

Пусть это эстетство, мне оно дороже и ближе чужого опрощения!

Здесь еще довольно холодно. Сейчас лежала на скале и читала милые Flegeljahre. Эта скала называется крепостью, с нее чудный вид на море и Гурзуф.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В надписях на скалах есть что-то или очень пошное, или очень трогательное – я еще не решила. Когда решу, буду или очень нападать на них, или очень защищать. Если бы только они были немного поумнее!

Я очень сильно загорела – все время сижу без шапки.

Мечтаю о купанье, но оно начинается только в мае. Может быть, это и есть самое тесное сближение с морем? Предпоследнее, конечно! Непременно напишите, что Вы об этом знаете.

Общество, выражаясь скромно, не совсем то: господин с дамой (бывают «дама с господином», но здесь наоборот), дама с колясочкой, два неопределенных субъекта – смесь социал-демократа с неучем – и все. Есть еще несколько маленьких детей, но до того грязных, что вся моя нежность от этого пропадает.

Господин (с дамой) уже старался познакомиться. Рассказывает о дружбе с одним виноделом, который его угощает, о погоде, о тоске одиноких прогулок – даму он не считает, – о своих занятиях по торговой части... Я улыбалась, говорила: «Да, да... Неужели? Серьезно?» Потом перестала улыбаться, перестала вскоре отвечать: «Неужели?» – а в конце концов сбежала.

Мне кажется, он не только никогда ничего не читал, но и вообще этого не умеет.

Дама (с колясочкой) занята только ею. Это, конечно, очень мило, но несколько однообразно. Есть еще одно маленькое женское существо, скучающее о муже и рассказывающее мне вот уже пять дней (от Москвы до Гурзуфа) свои радости и печали. Я улыбаюсь, говорю: «Да, да... Неужели? Серьезно?» – и, кажется, вскоре перестану улыбаться. Но восторг мой еще не прошел, не думайте!

Всего лучшего, иду гулять.

МЦ.

Адрес: Гурзуф, Генуэзская крепость, дача Соловьевой, мне.

P. S. Не были ли Вы в Мусагете и у Крахта? Что нового? Видели ли Драконну?

Гурзуф, 18-го апреля 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Пишу Вам под музыку, – мое письмо, наверное, будет грустным.

Я думаю о книгах.

Как я теперь понимаю «глупых взрослых», не дающих читать детям своих взрослых книг! Еще так недавно я возмущалась их самомнением: «дети не могут понять», «детям это рано», «вырастут – сами узнают».

Дети – не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет Мцыри и Евгений Онегин гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно-верном!

Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам.

Ведь это ужасно! Книги – гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательно, счастье только бессознательность.

Читать все равно, что изучать медицину и до точности знать причину каждого вздоха, каждой улыбки, это звучит сентиментально – каждой слезы.

Доктор не может понять стихотворения! Или он будет плохим доктором, или он будет неискренним человеком. Естественное объяснение всего сверхъестественного должно напрашиваться ему само собой. Я сейчас чувствую себя таким доктором. Я смотрю на огни в горах и вспоминаю о керосине, я вижу грустное лицо и думаю о причине – естественной – его грусти, т. е. утомлении, голоде, дурной погоде; я слушаю музыку и вижу безразличные руки исполняющих ее, такую печальную и нездешнюю.. И во всем так!

Виноваты книги и еще мое глубокое недоверие к настоящей, реальной жизни. Книга и жизнь, стихотворение и то, что его вызвало, – какие несоизмеримые величины! И я так заражена этим недоверием, что вижу – начинаю видеть – одну материальную, естественную сторону всего. Ведь это прямая дорога к скептицизму, ненавистному мне, моему врагу!

Мне говорят о самозабвении. «Из цепи вынута звено, нет вчера, нет завтра!»

Блажен, кто забывается!

Я забываюсь только одна, только в книге, над книгой!

Но как только человек начинает мне говорить о самозабвении, я чувствую к нему такое глубокое недоверие, я начинаю подозревать в нем такую гадость, что отшатываюсь от него в то же мгновение. И не только это! Я могу смотреть на облачко и вспомнить такое же облачко над Женевским озером и улыбнуться. Человек рядом со мной тоже улыбнется. Сейчас фраза о самозабвении, о мгновении, о «ни завтра, ни вчера».

Хорошо самозабвение! Он на Генуэзской крепости, я у Женевского озера 11-ти лет, оба улыбаемся, – какое глубокое понимание, какое проникновение в чужую душу, какое слияние!

И это в лучшем случае.

То же самое, что с морем: одиночество, одиночество, одиночество.

Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, – я не говорю о детских воспоминаниях, нет, только о взрослых!

Я мысленно все пережила, все взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще нераспустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит я не могу быть счастливой? Искусственно «забываться» я не хочу. У меня отвращение к таким экспериментам. Естественное – не могу из-за слишком острого взгляда вперед или назад.

Остается ощущение полного одиночества, которому нет лечения. Тело другого человека – стена, она мешает видеть его душу. О, как я ненавижу эту стену!

И рая я не хочу, где все блаженно и воздушно, – я так люблю лица, жесты, быт! И жизни я не хочу, где все так ясно, просто и грубо-грубо! Мои глаза и руки как бы невольно срывают покровы – такие блестящие – со всего.

Что позолочено – сотрется,
Свиная кожа остается! [61]
Хорош стих?

Жизнь – бабочка без пыли.
Мечта – пыль без бабочки.
Что же бабочка с пылью?
Ах, я не знаю.
Должно быть что-то иное, какая-то воплощенная мечта или жизнь, сделавшаяся мечтой. Но если это и существует, то не здесь, не на земле!

Все, что я сказала Вам, – правда. Я мучаюсь, и не нахожу себе места: со скалы к морю, с берега в комнату, из комнаты в магазин, из магазина в парк, из парка снова на Генуэзскую крепость – так целый день.

Но чуть заиграет музыка, – Вы думаете – моя первая мысль о скучных лицах и тяжелых руках исполнителей?

Нет, первая мысль, даже не мысль – отплытие куда-то, растворение в чем-то...

А вторая мысль о музыкантах.

Так я живу.

То, что Вы пишете о море, меня обрадовало. Значит, мы – морские?

У меня есть об этом даже стихи, – как хорошо совпало!

Курю больше, чем когда-либо, лежу на солнышке, загораю не по дням, а по часам, без конца читаю, – милые книги! Кончила «Joseph Balsamo» – какая волшебная книга! Больше всех я полюбила Lorenz'у, жившую двумя такими различными жизнями. Balsamo сам такой благородный и трогательный. Благодарю Вас за эту книгу. Сейчас читаю M-me de Tencin, ее биографию.

Думаю остаться здесь до 5-го мая. Все, что я написала, для меня очень серьезно. Только не будьте мудрецом, отвечая, – если ответите! Мудрость ведь тоже из книг, а мне нужно человеческого, не книжного ответа.

Au revoir. Monsieur mon père spiritue. [62]

Граммофона, м. б., не будет.

МЦ.

Начало мая 1911 г., коктебель [63]

В ответ на стихотворение

Горько таить благодарность
И на чуткий призыв отозваться не сметь,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не суметь.
Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время, – я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел – не виню).
Горько и стыдно скрываться.
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не суметь отозваться, –
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!
мц

Феодосия, 8-го июня 1911 г.

Дорогой Макс,

Ты такой трогательный, такой хороший, такой медведюшка, что я никогда не буду
ничьей приемной дочерью, кроме твоей.

В последний вечер у тебя была тоска, а я думала, что ты просто злишься, – теперь
я раскаиваюсь в своей резкости. Нужно было подойти к тебе, погладить тебя по
лохматой гриве и сказать: «Ма-акс! Ма-акс!» или: «Кис-кис, кис-кис!», тогда ты
сразу сделался бы хорошим, настоящим, тем, кто на все случаи жизни знает только
одно утешение – «Баю бай бай, Медведевы детки»...

Ты не должен меня забывать, я тебя так хорошо понимаю, особенно... в случае с
Верочкой. Но и в другие тоже! Это лето было лучшим из всех моих взрослых лет, и
им я обязана тебе.

Прими мою благодарность, мое раскаянье и мою ничем не... заменимую нежность.

мц.

Рукой С. Эфрона:

Ма-акс!

Привет и поцелуй от твоего дорогого Сережи.

P. S. Ха-ароший он был!!! Будь здоров. Твой до гроба

Сергей Эфрон.

Потапенка тебя целует.

15-го июля 1911 г,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Самара.

Милый Макс,

Эта открытка напоминает мне тебя и Theophile Gautier.[64] желаю тебе чувствовать себя так же хорошо, как я.

МЦ.

Рукой С. Эфрона:

Милый Макс!

Мы с Мариной часто вспоминаем твой Коктебель.

Целую Сережа.

Кланяйся от нас Елене Оттобальдовне. Мы ей скоро напишем.

26-го июля 1911 г

Усень-Ивановский завод.

Дорогой Макс,

Если бы ты знал, как я хорошо к тебе отношусь!

Ты такой удивительно-милый, ласковый, осторожный, внимательный. Я так любовалась тобой на вечере в Старом Крыму, – твоим участием к Олимпиаде Никитичне, [65] – твоей вечной готовностью помогать людям.

Не принимай все это за комплименты, – я вовсе не считаю тебя какой-нибудь ходячей добродетелью из общества взаимопомощи, – ты просто Макс, чудный, сказочный Медведюшка. Я тебе страшно благодарна за Коктебель, – *paus de redemptiön*, [66] как называет его Аделаида Казимировна, [67] и вообще за все, что ты мне дал. Чем я тебе отплачу? Знай одно, Максенька: если тебе когда-нибудь понадобится соучастник в какой-нибудь мистификации, позови меня... Если она мне понравится, я соглашусь. Надеюсь, что другого конца ты не ожидал?

Я опять принялась за Jean Paul'a – у него чудные изречения, например: Так же нелепо судить мужчину по его знакомым, как женщину по ее мужу.

Нравится? Но не это в нем главное, а удивительная смесь иронии и сентиментальности. К тому же он ежеминутно насмехается над читателем, вроде Th. Gautier.

Что ты сейчас читаешь? Напиши мне по-настоящему или совсем не пиши.

Последнее мне напоминает один случай из нашего детства. «Он был синеглазый и рыжий», т. е. один чудный маленький мальчик в Nevri долго выбирал между Асей и

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мною и в конце концов выбрал меня, потому что мы тогда уехали. В Лозанне мы с ним переписывались обе, и однажды Ася получает от него такое письмо: «Пиши крупнее или совсем не пиши».

Загадываю сейчас на тебя по «Джулио Мости» – драматической фантазии в 4-х действиях с интермедией, в стихах. Сочинение Н. К., 1836 г.

1. Твое настоящее:

Чем оправдаешь честного Веррино?

2. Твое будущее:

я у него была: он предлагал
Какую-то свободную женитьбу.

Не моя вина, что выходят глупости!

Загадываю Лиле. [68]

1. Ее настоящее:

И отпусти ей грех, когда возможно,
и просвети ее заблудший разум,
но не карай несчастную!

2. Ее будущее:

И может быть, вдвоем гораздо больше
Найдешь источников богатства.

1. Верино настоящее: [69]

Готова ль ты свое оставить место
И домом управлять?

2. Верино будущее:

Что за история! Совсем одета

Так рано! Не спала, – постель в порядке...

Максинька, об одном тебя прошу: никого из людей не вталкивай в окно сестрам, как – помнишь? – втокнул меня. Мне это будет страшно обидно. М. б. ты на меня за что-нибудь сердись и тебе странно будет читать это письмо, – тогда читай все наоборот.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Адрес: Усень-Ивановский завод. Уфимской губернии, Белебеевского уезда, Волостное правление, мне.

P. S. Пиши скорей, почта приходит только два раза в неделю и письма идут очень долго.

Скажи Елене Оттобальдовне, что я очень, очень ее люблю, Сережа тоже.

4-го августа 1911 г

Усень-Ивановский завод. [70]

Милый Макс,

А когда ты мне (запустил) попал мячиком в лицо, я тебе прощаю. Мы сейчас шли с Сережей по деревне и представили себе, как бы ты вышел нам навстречу из-за угла, в своем балахоне, с палкой в руках и начал бы меня бодать. А я бы сказала: – «Ма-акс! Ма-акс! Я не люблю, когда бодаются!» Теперь я ценю тебя целиком, даже твое боданье. Но так как это письмо слишком похоже на объяснение в любви, – прекращаю.

МЦ

P. S. Жму твою лапу.

Жму, ценю, прощаю! Жми, цени, прости!

Твой С. Э.

Рукой М. И. Цветаевой:

Это письмо написано до твоего, 10 дней тому назад.

11-го августа 1911 г.

Усень-Ивановский завод,

Милый Максенька,

Одновременно с твоим лясьім письмом, я получила 2 удивительно дерзких открытки от Павлова, [71] друга Топольского. [72]

Мое молчание на его 2-ое письмо он называет «неблаговидным поступком», жалеет, что счел меня за «вполне интеллигентного» человека и радуется, что не прислал своих «произведений».

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я думаю отправить ему в полк открытку такого содержания:

«Милостивый Государь, так как Вы, очевидно, иного далекого общества, кроме лошадиного, не знаете, то советую Вам и впредь оставаться в границах оного.

На слова, вроде „неблаговидный поступок“ принято отвечать не словами, а жестом».

– Как хорошо, что лошадь женского рода!

С удовольствием думаю о нашем появлении в Мусагете втроем и на ты! Ты ведь приведешь туда Сережу?

А то мне очень не хочется просить об этом Эллиса.

Спасибо за письмо, милый Медведюшка.

Меня очень обрадовало твое усиленное рисование, Сережу тоже, – по какой чудной картине ты нам подаришь, с морем, с горами, с полынью! Если ты о них забудешь при встрече в Москве, ты ведь позволишь нам напомнить, – *vous rafraîchir la mémoire?*[73]

Сережа готовит тебе сюрприз, я... мечтаю о твоих картинах, – видишь, как мы тебя вспоминаем!

Макс, я сейчас загадала на тебя по Jean Paul'у и вот что вышло: «*Warum erscheinen uns keine Tierseelen?*»[74]

– Доволен?

Довольно глупостей, буду писать серьезно.

Сперва о костюмах:

У меня с собой только серая юбка, разодранная уже до кокетеля в 4-ех местах. Я ее каждый день зашиваю, но сегодня на меня упал рукомойник и разорвал весь низ. Мы и его и ее заклеили сургучом.

– Во-вторых, о Сережином питании: он выпивает по две бутылки сливок в день, но не растолстел.

– В-третьих, о моей постели: она скорей похожа на колыбель, притом на плохую. В середине ее слишком большое углубление, так что ложаюсь в нее, я не вижу комнаты. Кроме того, парусина рвется не по часам, а по минутам. Стоит только шевельнуться, как слышится зловещий треск, после которого я всю ночь лежу на деревяшке.

– В-четвертых, о книгах: я читаю Jean Paul'a, немецкие стихи и Lichtenstein.[75] Представь себе, Макс, что я совсем не изменилась с 12-ти лет по отношению к этой книге.

Жду письма с Мишиным дуэлем.[76] Спящей Царевной, названием и описанием предназначенных нам картин, всем, что не лень будет описать – или не жалко.

Спасибо за Гайдана, 4 pattes[77] и затылок. А когда ты в меня мячиком попал, я тебе прощаю.

МЦ.

Усень Ивановский завод

Милый Макс!

Я готовлю тебе один подарок. Мне кажется – ты будешь им доволен. Очень жалею, что меня сейчас нет в Коктебеле – был бы с удовольствием твоим секундантом. Мы часто вспоминаем тебя. И «баю-бай» вспоминаем. Целую тебя

Сереза

Макс, отпечатай мне несколько коктебельских снимков.[78] Ну, пожалуйста! Целую тебя.

МЦ

14-го августа 1911 г

Усень-Ивановский завод

Милый Макс,

А когда ты мне запустил и попал мячиком в лицо, я тебе прощаю. Мы сейчас шли с Серезей по деревне и представляли себе, как бы ты вышел нам навстречу из-за угла, в своем балахоне, с палкой в руке и начал бы меня бодать. А я бы сказала: – «Ма-акс! Ма-акс! Я не люблю, когда бодаются!» Теперь я ценю тебя целиком, даже твое бодание. Но так как это письмо слишком похоже на объяснение в любви – прекращаю.

МЦ.

... Это письмо написано до твоего, 10 дней тому назад.

22-го сент./ 5-го окт. 1911 г. Москва

Милый Макс,

Спасибо за открытки.

Тебя недавно один человек ругал за то, что ты, с презрением относящийся к газетам, согласился писать в такой жалкой, как Московская.[79] Я защищала тебя,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
как могла, но на всякий случай напиши мне лучшие доводы в твою пользу.

Я не люблю, когда тебя ругают.

Эллис недавно уехал за границу. Мы вчетвером поехали его провожать, но не проводили, потому что он уехал поездом раньше. Лиля серьезно больна, долгое время ей запрещали даже сидеть. Теперь ей немного лучше, но нужно еще очень беречься. Из-за этого наш план с Сережей жить вдвоем расстроился. Придется жить втроем, с Лилей, может быть, даже вчетвером, с Верой, которая, кстати, приезжает сегодня с Людвигом. [80] Не знаю, что выйдет из этого совместного житья, ведь Лилия все еще считает Сережу за маленького. Я сама очень смотрю за его здоровьем, но когда будут следить еще Лилия с Верой, согласись – дело становится сложнее. Я бы очень хотела, чтобы Лилия уехала в Париж. Только не пиши ей об этом.

Сережа пока живет у нас. Папа приезжает наверное дней через 5. Ждем все (Сережа, Борис, [81] Ася и я) грандиозной истории из-за не совсем осторожного поведения. Наша квартира в 6-ом этаже, на Сивцевом-Вражке, в только что отстроенном доме. Прекрасные большие комнаты с итальянскими окнами. Все четыре отдельные.

Ну, что еще? Лидия Александровна Тамбурер в отвратительном состоянии здоровья и настроения. Говорит все так же неожиданно. У нас в доме «кавардак» (помнишь?). Почти ничего не читаю и не делаю.

Максинька, узнай мне, пожалуйста, точный адрес Rostand и его местопребывание в настоящую минуту! Играет ли Сарра? [82] Если будет время, зайди Rue Bonaparte, 59 bis или 70 к M-me Gary [83] и расскажи ей обо мне и передай привет. Она будет очень рада тебе, а я – благодарна.

Ну, до свидания, пиши мне. Сережа, Борис и Ася шлют привет. Лилия очень сердится, что ты не пишешь.

МЦ.

P. S. Макс, мне 26-го будет 19 лет, подумай! А Сереже – 18.

Москва, 11/14-го октября 1911 г.

Дорогой Макс,

Недавно, проходя по Арбату, я увидела открытку с кудрявым мальчиком, очень похожим на твой детский пор грет, и вспомнила, как ты чудесно подполз к нам с Сережей, – помнишь, на твоей террасе? Завтра мы переезжаем на новую квартиру – Сережа, Лилия, Вера и я.

У нас с Сережей комнаты vis a vis [84] – Сережина темно-зеленая, моя малиновая. У меня в комнате будут: большой книжный шкаф с львиными мордами из папиного кабинета, диван, письменный стол, полка с книгами и... лиловый граммофон с деревянной (в чем моя гордость!) трубой. У Сережи – мягкая серая мебель и еще разные вещи. Лилия и Вера устроятся как хотят. Вид из наших окон чудный – вся Москва. Особенно вечером, когда вместо домов одни огни. Дома, где мы сейчас с Сережей, страшный кавардак: Ася переустраивает комнату. Кстати, один эпизод: папа не терпит Бору, и вот когда он ушел, Ася позвала Бориса по телефону. Когда в 1 ч вернулся папа, Борис побоялся, уходя, быть замеченным и остался в детской до 6 ч утра, причем спускался по лестнице и шел по зале в одеяле, чтобы быть похожим на женскую фигуру.

Ася перед тем прокралась вниз и на папин вопрос, что она здесь делает, ответила: «Иду за молоком» (которого, кстати, никогда не пьет). Мы с папой очень мило поговорили вчера о моем отъезде, он на все согласен. Присутствие Лили и Веры (в общем, очень ненужное) послужило нам на пользу.

Драконночка вечно мила и необыкновенна. Как ты верно заметил в ней несоответствие высказываемого с думаемым. Как-то недавно, например, она, утешая одну барышню, говорит ей такую вещь: «Нельзя же, в самом деле, открывать душу и лупить с ней во все лопатки!» Она очень полюбила Сережу:

«Да, Се-ре-жа такой трога-тель-ный».

Ася: «А Боря трогательный?»

«Нет, он страш-ный».

Ты, Макс, конечно, больше любишь Бориса, ты отчего-то Сереже за все лето слова не сказал. Мне очень интересно – почему? Если из-за мнения о нем Лили и Веры – ведь они его так же мало знают, как папа меня. Ты, так интересующийся каждым, вдруг пропустил Сережу, – я ничего не понимаю!

26 сентября было Сережино 18-летие и мое 19-летие. Это был последний день дома без папы. Мы сидели вчетвером наверху у Айзы[85] при канделябрах, обжирались конфетами и фруктами и вспоминали нашего незаменимого Медведюшку. Мы праздновали за раз 4 рождения – наши с Сережей, Асино, бывшее 14 сентября, и заодно Борино будущее, в феврале. Как бы ты на Асином месте вел себя с Борисом? Ведь нельзя натягивать вожжи с такими людьми. Как ты думаешь? – Из-за мелочей. – Напиши, если хочешь, об этом твое мнение. Ты ведь знаешь людей!

В Мусагете еще не была и не пойду до 2-го сборника. Милый Макс, мне очень любопытно; что ты о нем скажешь, – неужели стала хуже писать? Впрочем, это глупости. Я задыхаюсь при мысли, что не выскажу всего, всего! Пока до свидания, Максенька, пиши. Ася тебя целует. Сережа тоже. Марина лохматится о твою львиную голову. У меня волосы тоже вьются... на концах.

МЦ.

Мой адрес: Москва, Сивцев Вражек, дом Зайченко (или дом № 19) квартира 11, мне.

Москва, 28-го октября 1911 г.

Дорогой Макс,

У меня большое окно с видом на Кремль. Вечером я ложусь на подоконник и смотрю на огни домов и темные силуэты башен. Наша квартира начала жить. Моя комната темная, тяжелая, нелепая и милая. Большой книжный шкаф, большой письменный стол, большой диван – все увесистое и громоздкое. На полу глобус и никогда не покидающие меня сундук и саквояжи. Я не очень верю в свое долгое пребывание здесь, очень хочется путешествовать! Со многим, что мне раньше казалось слишком трудным, невозможным для меня, я справилась и со многим еще буду справляться! Мне надо быть очень сильной и верить в себя, иначе совсем невозможно жить!

Странно, Макс, почувствовать себя внезапно совсем самостоятельной. Для меня это сюрприз, – мне всегда казалось, что кто-то другой будет устраивать мою жизнь.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Теперь же я во всем буду поступать, как в печатании сборника. Пойду и сделаю. Ты меня одобряешь?

Потом я еще думала, что глупо быть счастливой, даже неприлично! Глупо и неприлично так думать, – вот мое сегодня.

Жди через месяц моего сборника, – вчера отдала его в печать. Застанет ли он тебя еще в Париже?

Пра сшила себе новый костюм – синий, бархатный с серебряными пуговицами – и новое серое пальто. (Я вместо кафтан написала костюм.) На днях она у Юнге познакомилась с Софией Андреевной Толстой. Та, между прочим, говорила: «Не люблю я молодых писателей! Все какие-то неестественные! Например, Х. сравнивает Лев Николаевича с орлом, а меня с наседкой. Разве орел может жениться на наседке? Какие же выйдут дети?».

Пра очень милая, поет и дико кричит во сне, рассказывает за чаем о своем детстве, ходит по гостям и хвастается. Лиля все хворает, целыми днями лежит на кушетке. Вера ходит в китайском, лимонно-желтом халате и старается приучить себя к свободным разговорам на самые свободные темы. Она точно нарочно (и, наверное, нарочно!) употребляет самые невозможные, режущие слова. Ей, наверное, хочется перевоспитать себя, побороть свою сдержанность. – «Раз эти вещи существуют, можно о них говорить!» Это не ее слова, но могут быть ею подуманными. Только ничего этого ей не пиши! До свидания, Максенька, пиши мне.

МЦ.

Москва, 3-го ноября 1911 г.

Дорогой Макс,

В январе я венчаюсь с Сережей, – приезжай. Ты будешь моим шафером. Твое присутствие совершенно необходимо. Слушай мою историю: если бы Драконочка не сделалась зубным врачом, она бы не познакомилась с одной дамой, которая познакомилась с ней с папой; я бы не познакомилась с ней, не узнала бы Эллиса, через него не узнала бы Нилендера, не напечатала бы из-за него сборника, не познакомилась бы из-за сборника с тобой, не приехала бы в Коктебель, не встретила бы с Сережей, – следовательно, не венчалась бы в январе 1912 г.

Я всем довольна, январь – начало нового года, 1912 г. – год пребывания Наполеона в Москве.

После венчания мы, наверное, едем в Испанию. (Папе я пока сказала – в Швейцарию.) На свадьбе будут все папины родственники, самые странные. Необходим целый полк наших личных друзей, чтобы не чувствовать себя нелепо от пожеланий всех этих почтенных старших, которые, потихоньку и вслух негодуя на нас за не оконченные нами гимназии и сумму наших лет – 37, непременно отравят нам и январь, и 1912 год.

Макс, ты должен приехать!

Сборник печатается, выйдет, наверное, через месяц.

Сегодня мы с Асей в Эстетике читаем стихи. [86] Будут: Пра, Лия, Сережа, Ася и Борис. Я говорила по телефону с Брюсовым (он случайно подошел вместо Жанны

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Матвеевны, [87] просившей меня сообщить ей по телефону ответ), и между прочим такая фраза: «Одна маленькая оговорка, можно?» – «Пожалуйста, пожалуйста!»

Я, робким голосом:

– «Можно мне привести с собой мою сестру? Я никогда не читаю без нее стихов».

– «Конечно, конечно, будем очень счастливы».

Посмотрим, как они будут счастливы!

Я очень счастлива – мы будем совершенно свободны, – никаких попечителей, ничего.

Разговор с папой кончился мирно, несмотря на очень бурное начало. Бурное – с его стороны, я вела себя очень хорошо и спокойно. – «Я знаю, что (Вам) в наше время принято никого не слушаться»... (В наше время! Бедный папа!)... «Ты даже со мной не посоветовалась. Пришла и – „выхожу замуж!“».

– «Но, папа, как же я могла с тобой советоваться? Ты бы непременно стал мне отсоветовать».

Он сначала: «На свадьбе твоей я, конечно, не буду. Нет, нет, нет».

А после: «Ну, а когда же вы думаете венчаться?»

Разговор в духе всех веков!

Тебе нравится моя новая фамилия?

Мои волосы отросли и вьются. Цвет русо-рыжеватый.

Над моей постелью все твои картинки. Одну из них, – помнишь, господин с девочкой на скамейке? – я назвала «Бальмонт и Ниника». [88] Милый Бальмонт с его «Vasche» [89] и чайными розами!

Пока до свидания, Максенька, пиши мне.

Только не о «серьезности такого шага, юности, неопытности» и т. д.

МЦ.

Москва, 19-го ноября 1911 г.

Ваше письмо – большая ошибка.

Есть области, где шутка неуместна, и вещи, о которых нужно говорить с уважением или совсем молчать за отсутствием этого чувства вообще.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В Вашем издательстве виновата, конечно, я, допустившая слишком короткое обращение.

Спасибо за урок!

Марина Цветаева.

Москва, 3-го декабря 1911 г.

Дорогой Макс,

Вот Сережа и Марина, люби их вместе или по отдельности, только непременно люби и непременно обоих.[90] Твоя книга – прекрасная, большое спасибо и усиленное глажение по лохматой медвежьей голове за нее. Макс, я уверена, что ты не полюбишь моего 2-го сборника. Ты говоришь, он должен быть лучше 1-го или он будет плох. «En poésie, comme en amour, rester à la même place – c'est reculer?»[91] Это прекрасные слова, способные воодушевить меня, но не изменить! Сегодня вечером с 9-тичасовым поездом уезжают за границу Ася и Лиля. С 10-тичасовым едет факир.[92] Увидишь их всех в Париже. Я страшно горячо живу.

Не знаю, увидимся ли в Париже, мы там будем в январе, числа 25-го. Пока до свидания. Скоро мы с Сережей едем к Тию,[93] в Тарусу, потом в Петербург. Его старшая сестра очень враждебно ко мне относится.

МЦ.

Телеграмма 11. XII. 1911 Москва

Ta patte cher ours unique.

Marina[94]

Петербург. 10-го января 1912 г.

Милый Макс,

Сейчас я у Сережиных родственников в Петербурге.[95] Я не могу любить чужого, вернее, чуждого. Я ужасно нетерпима.

Нютя[96] – очень добрая, но ужасно много говорит о культуре и наслаждении быть студентом для Сережи.

Наслаждаться – университетом, когда есть Италия, Испания, море, весна, золотые поля...

Ее интересуется общество адвокатов, людей одной профессии. Я не понимаю этого очарования! И не принимаю!

Мир очень велик, жизнь безумно коротка, зачем приучаться к чуждому, к чему попытки полюбить его?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

О, я знаю, что никогда не научусь любить что бы то ни было, просто, потому что слишком многое люблю непосредственно!

Уютная квартира, муж-адвокат, жена – жена адвоката, интересующаяся «новинками литературы»...

О, как это скучно, скучно!

Дело с венчанием затягивается, – Нютя с мужем выдумывают все новые и новые комбинации экзаменов для Сережи. Они совсем его замучили. Я крепко держусь за наше заграничное путешествие.

– «Это решено».

Волшебная фраза!

За которой обыкновенно следуют многозначительные замечания, вроде: «Да, м. б. на это у Вас есть какие-нибудь особенные причины?»

Я, право, считаю себя слишком достойной всей красоты мира, чтобы терпеливо и терпимо выносить каждую участь!

Тебе, Макс, наверное, довольно безразлично все, что я тебе сейчас рассказываю. Пишу все это наугад.

Пра очень трогательная, очень нас всех любит и чувствует себя среди нас, как среди очень родных. Вера очень устает, все свободное время лежит на диване. Недавно она перестала заниматься у Рабенек, м. б. Рабенек с ее группой, [97] в точности не знаю.

Пока до свидания, пиши в Москву, по прежнему адресу.

Стихи скоро начнут печататься, последняя корректура ждет меня в Москве.

МЦ.

P. S. Венчание наше будет за границей.

PaTepmo, 4-го апреля 1912 г. [98]

Милый Макс, Христос Воскресе!

Где ты сейчас, по-прежнему ли ... целыми днями? Скоро ли собираешься в Коктебель или

Пришли мне какие-нибудь стихи. Знаешь новость? Ася после Пасхи венчается с факиром. [99]

Мы живем на 4-ом этаже, у самого неба. В нашем дворе старинный фонтан с амуром.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мы много снимаем.

Будь так мил, узнай мне поскорей адрес Аделаиды Казимировны, очень тебя прошу!

Привет Пра.

МЭ

Адрес Italie Palermo Via Allora Hotel Patria, № 18, мне.

Москва, 10-го марта 1913 г. [100]

Милый Макс,

Конечно, делай, как хочешь, но я бы на твоём месте не давала книг [101] Бурлюку на «льготных условиях». Если уж на то пошло, пришли его к нам, в склад. Мы сделаем ему уступку в 25 %. Т. е. вместо 50-ти, он заплатит 35 копеек. Это Пра мне прочла открытку Бурлюка. Всего лучшего, до свидания в среду.

МЭ

Приписка М. Кювилье:

Милый Макс, не забудьте, что я прихожу завтра в 3 1/2 или в 4. Спокойной ночи.
Майя

Феодосия, 27-го декабря 1913 г.

Милый Макс,

Спасибо за письмо и книжечку Эренбурга. О Серезиной болезни: присутствие туберкулеза на вырезанном отростке дало нам повод предположить его вообще в кишечнике. – Вот все данные, – 20-го Сережа уехал в Москву. Сегодня получила от него письмо: Лиля в Петербурге, все остальные в Москве, кроме Аси Жуковской. Завтра, или послезавтра Сережа приезжает, 30-го мы с Асей говорим стихи на каком-то вечере «pour les poyes» [102] (как я объяснила V'ennard'у – [103]). А 31-го думаю приехать к тебе встречать Новый год, если только Сережа не слишком устанет с дороги. Петр Николаевич [104] уехал куда-то на три дня. Макс, напиши мне, пожалуйста, адрес Эренбурга, – надо поблагодарить его за книгу.

Всего лучшего, – не уезжаешь ли ты куда-нибудь на Новый год?

МЭ.

Москва, 7-го августа 1917 г.

Дорогой Макс,

У меня к тебе огромная просьба: устрой Серезу в артиллерию, на юг. (Через генерала Маркса? [105]) Лучше всего в крепостную артиллерию, если это невозможно

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– в тяжелую. (Сначала говори о крепостной. Лучше всего бы – в Севастополь.)

Сейчас Сережа в Москве, в 56 пехотном запасном полку.

Лицо, к которому ты обратишься, само укажет тебе на форму перехода.

Только, Макс, умоляю тебя – не откладывай.

Пишу с согласия Сережи.

Жду ответа.

Целую тебя и Пра.

МЭ.

(Поварская, Борисоглебский переулок, дом 6, квартира 3.)

Москва, 9-го августа 1917 г., среда.

Милый Макс,

Оказывается – надо сделать поправку. Сережа говорит, что в крепостной артиллерии слишком безопасно, что он хочет в тяжелую.[106]

Если ты еще ничего не предпринимал, говори – в тяжелую, если дело уже сделано и неловко менять – оставь так, как есть. Значит, судьба.

Сереже очень хочется в Феодосию, он говорит, что там есть тяжелая артиллерия.

Милый Макс, если можно – не откладывай, я в постоянном страхе за Сережину судьбу. – И во всяком случае тяжелая артиллерия где бы то ни было лучше пехоты.

Скажи Пра, что я только что получила ее письмо, что завтра же ей отвечу, поблагодари ее.

Сегодня у меня очень занятой день, всё мелочи жизни. В Москве безумно трудно жить, как я бы хотела перебраться в Феодосию! – Устрой, Макс, Сережу, прошу тебя, как могу.

Целую тебя и Пра.

Недавно Сережа познакомился с Маргаритой Васильевной,[107] а я – с Эренбургом. Вспомнила твой рассказ об ерѣлатоире[108] – и потому – не доверяла. У нас с ним сразу был скандал, у него отвратительный тон сибиллы. Потом это уладилось.

Сереже Маргарита Васильевна очень понравилась, мне увидеться с ней пока не довелось.

МЭ.

– Макс! Ты может быть думаешь, что я дура, сама не знаю, чего хочу, – я просто не знала разницы, теперь я уже ничего менять не буду. Но если дело начато – оставь, как есть. Полагаюсь на судьбу.

Сереза сам бы тебе написал, но он с утра до вечера на Ходынке, учит солдат, или дежурит в Кремле. Так устаёт, что даже говорить не может.

Рукой С. Эфрона

Милый Макс, ужасно хочу, если не коктейль, то хоть в окрестности Феодосии. Прошу об артиллерии (легкая ли, тяжелая ли – безразлично), потому что пехота не по моим силам. Уже сейчас – сравнительно в хороших условиях – от одного обучения солдат – устаю до тошноты и головокружения. По моим сведениям – в окрестностях Феодосии артиллерия должна быть. А если в окрестностях Феодосии нельзя, то куда-нибудь в Крым – ближе к Муратову или Богаевскому. [109]

– Жизнь у меня сейчас странная и не без некоторой приятности: никаких мыслей, никаких чувств, кроме чувства усталости – опростился и оздоровился. Целыми днями обучаю солдат-маршам, военным артикулам и пр. В данную минуту тоже тороплюсь на Ходынку.

Буду ждать твоего ответа, чтобы в случае неудачи предпринять что-либо иное. Но все иное менее желательно – хочу в Феодосию!4

Целую тебя и Пра. Пра напишу отдельно.

Сереза.

Москва, 24-го августа 1917 г.

Дорогой Макс,

Я еду с детьми в Феодосию. В Москве голод и – скоро – холод, все уговаривают ехать. Значит, скоро увидимся.

Милый Макс, спасибо за письмо и стихи. У меня как раз был Бальмонт, вместе читали.

Макс, необходимо употребить твой последний ход, [110] п. ч. в Москве переход из одной части в другую воспрещен. Но с твоим ходом это вполне возможно. Причина: здоровье. Сереза – блестящее подтверждение.

Макс, поцелуй за меня Пра, скоро увидимся. Пишу Асе, чтоб искала мне квартиру. Недели через 2 буду в Феодосии.

МЭ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Москва. 25-го августа 1917 г.

Дорогой Макс,

Убеди Сережу взять отпуск и поехать в Коктебель. Он этим бредит, но сейчас у него какое-то расслабление воли, никак не может решиться. Чувствует он себя отвратительно, в Москве сыро, промозгло, голодно. Отпуск ему, конечно, дадут. Напиши ему, Максенька! Тогда и я поеду, – в Феодосию, с детьми. А то я боюсь оставлять его здесь в таком сомнительном состоянии.

Я страшно устала, дошла до того, что пишу открытки. Просыпаюсь с душевной тошнотой, день как гора. Целую тебя и Пра. Напиши Сереже, а то – боюсь – поезда встанут.

МЭ.

Москва 21-го ноября /4-го дек. 1920 г.

Дорогой Макс!

Послала тебе телеграмму (через Луначарского) и письмо (оказией). И еще писала раньше через грузинских поэтов – до занятия Крыма.

Дорогой Макс, умоляю тебя, дай мне знать, – места себе не нахожу, – каждый стук в дверь повергает меня в ледяной ужас, – ради Бога!!!

Не пишу, потому что не знаю, где и как и можно ли.

Передай это письмо Асе. Недавно ко мне зашел Е. Л. Ланн (приехал из Харькова), много рассказывал о вас всех. Еще – устно – знаю от Эренбурга. Не трогаюсь в путь, потому что не знаю, что меня ждет. Жду вестей.

Поцелуй за меня дорогую Пра, как я счастлива, что она жива и здорова! Скажи ей, что я ее люблю и вечно вспоминаю. Всех вас люблю), дорогой Максенька, а Пра больше всех. Аля ей – с последней оказией – написала большое письмо.

Я много пишу. Последняя вещь – большая – Царь-Девушка. В Москве азартная жизнь, всяческие страсти. Гошу повсюду, не связана ни с кем и ни с чем. Луначарский – всем говори! – чудесен. Настоящий рыцарь и человек.

Макс! Заклинаю тебя – с первой возможностью – дай знать, не знаю, какие слова найти.

Очень спешу, пишу в Тео[111] – среди шума и гама – случайно узнала от Эренбурга, что есть оказия на юг.

Ну, будь здоров, целую всех вас нежно, люблю, помню и надеюсь.

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Москва, 14-го русск. марта 1921 г.

Дорогой Макс!

Только сегодня получила твое письмо, где ты мне пишешь о Соне. В настоящую минуту она уже должна быть на воле, [112] ибо еще вчера (знала раньше из Асиных писем) Б. К. Зайцев был у Каменева, и тот обещал телеграфировать. Речь была также об Аделаиде Казимировне. – Дело верное, Борис Константинович поручился.

Обо мне ты уже наверное знаешь от Аси, повторяю вкратце: бешено пишу, это моя жизнь. За эти годы, кроме нескольких книг стихов, пьесы: «Червонный Валет» (из жизни карт), «Метель» (новогодняя харчевня в Богемии, 1830 г. – случайные), «Приключение» (Казанова и Генриэтта), «Фортуна» (Лозэн-младший и все женщины), «Конец Казановы» (Казанова 73 лет и дворян, Казанова 73 лет – и знать, Казанова 73 лет – и девочка 13 лет. Последняя ночь Казановы и столетия). – Две поэмы: Царь-Девица – огромная – вся сказочная Русь и вся русская я, «На красном коне» (Всадник, конь красный как на иконах) и теперь «Егорушка» – русский Егорий Храбрый, крестьянский сын, моя последняя страсть. – Вся довременная Русь. – Эпопея.

Это моя главная жизнь. О людях – при встрече. Много низости. Сережа в моей жизни – как сон.

О тех, судьбы которых могут быть тебе дороги: А. Белый за городом, беспомощен, пишет, когда попадает в Москву, не знает с чего начать, вдохновенен, затеял огромную вещь – автобиографию – пока пишет детство. – Изумительно. – Слышала отрывки в Союзе Писателей. – Я познакомилась с ним Ланна. Это было как паломничество, в тихий снежный день – куда-то в поля.

Из поэтов, кажется, не считая уехавшего Бальмонта, не служили только мы с ним. (Еще Пастернак.) Есть у нас лавка писателей: Бердяев, Осоргин, Грифцов, Дживелегов, [113] – всех дешевле продают, сочувственны, человечны. Сейчас в Москве миллиард поэтов, каждый день новое течение, последнее: ничевоки. Читаю в кафе, из поэтов особенно ни с кем не дружу, любила только Бальмонта и Вячеслава Иванова, оба уехали, эта Москва для меня осиротела. Ф. Сологуб в Петербурге не служит, сильно бедствует, гордец. Видела его раз на эстраде – великолепен. Брюсов – гад, – существо продажное (уж и покупать перестали, – должно быть дешево просит!) и жалкое, всюду лезет, все издеваются. У него и Адалис был ребенок, умер.

Сейчас в Москве Мандельштам, ко мне не идет, пишет, говорят, прекрасные стихи. На днях уехал за границу Эренбург, мы с ним дружили, он был добр ко мне, хотя в нем мало любви. Прощаю ему все за то, что его никто не любит. Скоро уезжают Зайцевы. Какой она изумительный человек! [114] Только сейчас я ее увидела во весь рост.

– Москва пайковая, деловая, бытовая, заборы сняты, грязная, купола в Кремле черные, на них вороны, все ходят в защитном, на каждом шагу клуб – студия, – театр и танец пожирают всё. – Но – свободно, – можно жить, ничего не зная, если только не замечать бытовых бед.

Я, Макс, уже ничего больше не люблю, ни-че-го, кроме содержания человеческой грудной клетки. О Сереже думаю всечасно, любила многих, никого не любила.

Нежно целую тебя и Пра. Лиля и Вера в Москве, служат, здоровы, я с ними давно разошлась из-за их нечеловеческого отношения к детям, – дали Ирине умереть с голоду в приюте под предлогом ненависти ко мне. Это – достоверность. Слишком много свидетелей.

Ася Жуковская вышла замуж за еврея – доктора.[115] С Фельдштейнами не вожусь, были в прошлом году в большой передрыге.

Милый Макс, буду бесконечно рада, если напишешь мне через sic, тогда очень скоро получу письмо.

Передай Пра, что я ее помню и люблю и мечтаю о встрече с ней – Такой второй Пра нету!

М.

– Сейчас в Москве Бялик.[116] – Еврейский театр «Габима», режиссер – Станиславский. Играют на древнееврейском.

Приписки на полях:

Дружу еще со Степуном[117] и Волконским. Степун за городом, пишет роман, Волконский бедствует и пишет замечательную книгу: «Воспоминания», другая Декабристы уже готова.

Нежно-нежно поцелуй за меня Аделаиду Казимировну и Евгению Казимировну.[118]

Только что узнала, что Вера Эфрон через месяц ожидает ребенка. Эва с детьми за границей.

Посылаю тебе 10 экземпляров Репина[119] – может быть понадобятся?

Москва, 7-го русского ноября 1921 г.

Мой дорогой Макс!

Оказия в Крым! Сразу всполошилась, бросила все дела, пишу.

Во-первых, долг благодарности и дань восторга – низкий поклон тебе за Сережу. 18-го января 1922 г. (через два месяца) будет четыре года, как я его не видела. И ждала его именно таким. Он похож на мою мысль, поэтому – портрет точен. Это моя главная радость, лучшее, что имею, уеду – увезу, умру – возьму.

Получив твои письма, подняли с Асей бурю. Ася читала и показывала их всем, в итоге дошло до Луначарского, пригласил меня в Кремль. С Кремлем я рассталась тогда же, что и с Сережей, часто звали пойти, я надменно отвечала: «Сама поведу». Шла с сердцебиением. Положение было странно, весь случай странен: накануне дочиста потеряла голос, ни звука, – только и! (вроде верхнего си (si) Патти!). Но не пойти – обидеть, потерять право возмущаться равнодушием, упустить Кремль! – взяла в вожатые Волькенштейна («Калики» – услужливая академическая бездарность).

После тысячи недоразумений: его ложноклассического пафоса перед красноармейцем в будке (никто не понимал моего шепота: явления его!) и прочего – зеленый с белым Потешный дворец. Ни души. После долгих звонков – мальчишка в куцавейке, докладывает. Ждем. Большая пустая белая дворянская зала: несколько стульев,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
рояль, велосипед. Наконец, через секретаря: видеться вовсе не нужно, пусть товарищ напишет. Бумаги нет, чернил тоже. Пишу на чем-то оберточном, собственным карандашом. Доклад, ввиду краткости, слегка напоминающий декрет: бонапартовский, в Египте. Волькенштейн (муж Сони) через плечо подсказывает. Я злюсь. – «Соню! Соню-то!». Я: – «А чччерт! Мне Макс важней!». – «Но Софья Яковлевна – женщина и моя бывшая жена!». – «Но Макс тоже женщина и мой настоящий (indicatif présent[120] друг!». Пишу про всех, отдельно Судак и отдельно Коктебель. Дорвалась, наконец, до Вас с Пра: «больные, одни в пустом доме»... – и вдруг иронический шип Волькенштейна: «Вы хотите, чтоб их уплотнили? Если так, Вы на верном пути!». Опомившись, превращаю эти пять слов в тайнопись. Доклад кончен, уже хочу вручить мальчишке и вдруг: улыбаюсь, прежде чем осознаю! Упоительное чувство: «en présence de quelqu'un». [121] Ласковые глаза: «Вы о голодающих Крыма? Все сделаю!». Я, вдохновенным шипом: – «Вы очень добры». – «Пишите, пишите, все сделаю!». Я, в упоении: «Вы ангельски добры!». – «Имена, адреса, в чем нуждаются, ничего не забудьте – и будьте спокойны, все будет сделано!». Я, беря его обе руки, самозабвенно: «Вы царственно добры!». Ах, забыла! На мое первое «добры» он с любопытством, верней любознательностью, спросил (осведомился): – «А Вы всегда так говорите?». И мой ответ: «Нет, только сегодня, потому что Вы позвали!». Ласков, как сибирский кот (не сибирский ли?), люблю нежно. Говорила с ним в первый раз. Ася все эти дни вела денежную кампанию, сейчас столько богатых! все торгуют. Кажется, на твою долю выпадает миллион, от нас с Асей только сто тысяч (сверх миллиона), я знаю, что это – ничто, это мы, чтоб устыдить наших богатых сотоварищей; нужно действовать самыми грубыми средствами: оглушать, – тогда бумажники раскрываются. Дай Бог, чтоб все дошло и чтоб это вас с Пра немножко вызволило

М. И. Кузнецова, наконец, устроилась, – в Летучей Мыши. [122] Играет «Женщину-змею» [123] (подходит? у нее ведь змеиные глаза!). С Майей [124] вижу редко: дружит с Аксеновым (рыжая борода) и Бобровым, [125] с которыми не дружу. Меня почему-то боится. А я вся так в Сереже, что духу нет подымать отношения. Все, что не необходимо, – лишне. Так я к вещам и к людям. Согласен ли? Я вообще закаменела, состояние ангела и памятника, очень издалека. Единственное мое живое (болевое) место – это Сережа. (Аля – тот же Сережа.) Для других (а все – другие!) делаю, что могу, но безучастно. Люблю только 1911 год – и сейчас, 1920 год (тоску по Сереже – весть – всю эпопею!). Этих 10-ти лет как не было, ни одной привязанности. Узнаешь из стихов. Любимейшие послать не решаюсь, их увез к Сереже – Эренбург. Кстати, о Эренбурге: он оказался прекрасным другом: добрым, заботливым, не словесником! Всей моей радости я обязана ему. [126] Собираюсь. Обещают. Это моя последняя ставка. Если мне еще хочется жить здесь, то из-за Сережи и Али, я так знаю, что буду жить еще и еще. Но Сережу мне необходимо увидеть, просто войти, чтоб видел, чтоб видела. «Вместо сына», – так я бы это назвала, иначе ничто не понятно.

О Москве. Она чудовищна. Жировой нарост, гнойник. На Арбате 54 гастрономических магазина: дома извергают продовольствие. Всех гастрономических магазинов за последние три недели 850. На Тверской гастрономия «L'Estomac». [127] Клянусь! Люди такие же, как магазины: дают только за деньги. Общий закон – беспощадность. Никому ни до кого нет дела. Милый Макс, верь, я не из зависти, будь у меня миллионы, я бы все же не покупала окороков. Все это слишком пахнет кровью. Голодных много, но они где-то по норам и трущобам, видимость блистательна.

Макс, а вот веселая история: в Тифлисе перед большевиками были схоронены на кладбище шесть гробов с монпасье. Священники пели, родные плакали. А потом большевики отрыли и засадили и священников, и родных. Достоверность.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О литераторах и литературе я тебе уже писала. Та же торговля. А когда не торгующие (хотя и сидящие за прилавком), как Бердяев, открывают рот, чтоб произнести слово «Бог», у меня всю внутренность сводит от скуки, не потому, что «Бог», а потому, что мертвый Бог, не растущий, не воинствующий, тот же, что, скажем, в 1903 году, – Бог литературных сборищ.

Только что письмо от Эренбурга: почтой из Берлина. Шло десять дней. Утешает, обнадеживает, Сережа в Праге, учится, Эренбург обещает к нему съездить. Завтра отправляю письмо Сереже, буду писать о тебе. Писала ли я тебе в прошлый раз (письмо с Миндлиным) о большой любви Сережи к тебе и Пра: «Мои наезды в Коктебель были единственной радостью всех этих лет, с Максом и Пра я совсем сроднился». Спасибо тебе. Макс, за Сережу – за 1911 год и 1920 год!

Какова будет наша следующая встреча?

Думаю, не в России. Хочешь в Париже? На моей Rue Bonaparte?[128]

Герцыкам посылаю другие стихи, если доведется – прочти. Лучшей моей вещи ты не знаешь, «Царь-Девуцы». У меня выходят две книжки: «Версты» (стихи) и «Феникс» (конец Казановы, драматическая сцена). В случае моего отъезда их перешлет тебе Ася. Ася живет очень трудно, хуже меня! Героична, совсем забыла: я. Всем настоящим эти годы во благо!

Поцелуй за меня Пра, прочти ей мое письмо, не пишу ей отдельно, потому что нет времени, поздно предупредили. Будь уверен, милый Макс, что неустанно с Асей будем измышлять всякие способы помочь Вам с Пра. Живя словом, презираю слова. Дружба – дело.

Обнимаю и целую тебя и Пра.

М.

ВОЛОШИНОЙ Е. О
Феодосия, 8-го июля 1911 г.

Дорогая Пра,

хотя Вы не любите объяснения в любви, я все-таки объяснюсь. Уезжая из Коктебеля, мне так хотелось сказать Вам что-нибудь хорошее, но ничего не вышло.

Если бы у меня было какое-нибудь большое горе, я непременно пришла бы к Вам.

Ваша шкатулочка будет со мной в вагоне и до моей смерти не сойдет у меня с письменного стола. Всего лучшего, крепко жму Вашу руку.

Марина Цветаева.

P. S. Исполните одну мою просьбу: вспоминайте меня, когда будете доить дельфинику. И меня тоже!

Сергей Эфрон

Москва, 13-го мая 1917 г.

Рукой А. Эфрон:

Милая Пра я тебя очень люблю. Ты хочешь меня увидеть? Пра, ты любишь Марину? Спасибо тебе за брошку. У меня есть сестра Ирина и есть Красная роза. Но мне жалко моря. Целую тебя и Макса. Письмо писала сама. Скоро напишу еще.

Аля.

Рукой МЦ:

Письмо всецело Алино, кроме Ъ. Она хотела писать еще и так писала бы до бесконечности, но чудная погода, – идем гулять. Нежно Вас целую, завтра напишу.

МЭ.

Москва, 17-го русского августа 1921 г.

Дорогая моя Пра!

Постоянно, среди окружающей низости, вспоминаю Вашу высь, Ваше веселье. Ваш прекрасный дар радоваться и радовать других.

Люблю и помню Вас. Коктебель 1911 г. – счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам не затмить того сияния.

Вы один из тех трех-четырёх людей, которых носишь с собой повсюду, вечно ставлю Вас всем в пример. Если бы Вы знали, что это за поколение.

Пишу, справляю быт, рвусь к Сереже. Получила от него большое письмо, пишет: с Пра и Максом я сроднился навсегда. Спасибо Вам за него.

Скоро напишу еще.

Нежно целую Вас.

МЦ.

Хожу в двух Вами подаренных кафтанах: несокрушимые!

Москва, 10-го русск. сентября 1921 г.

Дорогая моя Пра!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Аля спит и видит Вас во сне. Ваше письмо перечитываем без конца и каждому ребенку в пустыре, в котором она гуляет, в случае ссоры победоносно бросает в лицо: «Ты хотя меня и бьешь, а зато у меня крестная мать, которую воспитывал Шамиль!» – «Какой Шамиль?» – «А такой: кавказский царь, на самой высокой горе жил. – Орел!»

Как мне бесконечно жаль, дорогая Пра, что Вы сейчас не с нами! Вы бы уже одним видом поддерживали в Але героический дух, который я вдуваю в нее всей силой вздоха и души.

Пишите нам! Надеюсь, что это письмо Э. Л. Миндлин Вам передаст собственноручно, он много Вам о нас расскажет. Сережа жив, далеко.

Целую Вас нежно, люблю.

Марина

ВОЛОШИНЫМ М. А. и Е. О
10-го нового мая 1923 г.

Мои дорогие Макс и Пра!

Пока только скромная приписка: [129] завтра (11-го нового мая) – год, как мы с Алей выехали из России, а 1-го августа – год, как мы в Праге. Живем за городом, в деревне, в избушке, быт более или менее российский, – но не им живешь! Сережа очень мало изменился, – только тверже, обветренное. Встретились мы с ним, как если бы расстались вчера. Живя не-временем, времени не боишься. Время – не в счет: вот все мое отношение к времени!

Я много раз тебе писала из Москвы, Макс, но ты все жаловался на мое молчание. Пишу и на этот раз без уверенности, увы, что дойдет! Откликнись возможно скорей, тогда в тот же день напишу тебе и Пра обо всем: о жизни, стихах, замыслах.

Ах, как бы мне хотелось послать тебе и дорогой Пра книги! «Разлуку», «Стихи к Блоку», «Царь-Деву», «Ремесло». Не знаю, как осуществить. Оказии отсюда редки. Живой повод к этому письму – твой живой голос в «Новой Книге». Без оклика трудно писать. Другой постепенно переходит в область сновидения (единственной достоверности!) – изымается из употребления! – становится недосыгаемостью. – Тебе ясно? – Это не забвение, это общение над, вне... И писать уже невозможно.

Но ты, не зная, окликнул, и я радостно откликаюсь. Здесь (и уже давно в Берлине) были слухи, что Вы с Пра в Москве. Почему не выбрались? (Праздный вопрос, то же, что «почему не сдвинули горы?»).

Целую тебя и Пра, люблю нежно и преданно обоих, напиши, Макс, доходят ли посылки и какие?

МЦ.

Аля растет, пустеет и простеет. Ей 10 1/2 лет, ростом мне выше плеча. Целует тебя и Пра.

ЭФРОН Е. Я
Июль 1911

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогая Лиленька,

За неимением шоколада посылаю Вам картинку.

Серезенька здоров, пьет две бутылки кумыса в день, ест яйца во всех видах, много сидит, но пока еще не потолстел. У нас настоящая русская осень. Здесь много берез и сосен, небольшое озеро, мельница, речка. Утром Сережа занимается геометрией, потом мы читаем с ним французскую книгу Daudet[130] для гимназии, в 12 завтрак, после завтрака гуляем, читаем, – милая Лиля, простите скучные описания, но при виде этого петуха ничего умного не приходит в голову.

Давно ли уехала Ася и куда? Как вел себя И. С.? Мой привет Вере.[131] Когда начинается тоска по Коктебелю, роюсь в узле с камешками.

Пишите, милая Кончитта,[132] и не забывайте милой меня.

На днях мы с Серезей были в Белебее. Это крошечный уездный городок совершенно гоголевского типа. Каторжники таскают воду, в будке сидит часовой, а главное – во всем городе нельзя достать лимонаду.

Я сегодня видела Вас во сне. Вы были в клетчатом платке и страшно хохотали. Я перекрестила Вас и Вы исчезли. Интересно? Простите за все эти глупости!

На обороте рукой С. Я. Эфрона:

По получении этого письма поезжай к Юнге,[133] бери у него микроскоп и принимайся читать сие письмо.

Сереза.

Москва, 9-го октября 1911 г.

Милая Лиля, извините меня, пожалуйста, за вчерашнюю неловкость с Лидией Александровной.[134] Я вовсе не хотела обидеть Вас, это случилось совершенно неожиданно для меня самой. Лидия Александровна вошла первая, я вслед за ней, и она сразу начала мне что-то говорить, – мне показалось, что уже поздно знакомить. Еще раз прошу Вас извинить меня за эту некорректность.

Всего лучшего. Вера с котенком, кажется, не воет.

МЦ.

Париж, 5/18 марта 1912 г.

В Москву[135]

Милая Лиля, вчера утром мы приехали в Париж. Сереза лучше меня знает названия улиц и зданий. Я, желая показать ему Notre Dame, повела его вчера в совершенно обратную сторону. Аси мы еще не разыскали. Наше отчаяние – все эти автобусы и омнибусы, загадочные своим направлением. Пока до свидания.

МЭ

24-го апреля/7-го мая 1912 г.

Милая Лиленька, Сережа страшно обрадовался Вашему письму. Скоро увидимся. Мы решили лето провести в России. Так у нас будет 3 лета: в Сицилии, в Шварцвальде, в России. Приходите встречать нас на вокзал, о дне и часе нашего приезда сообщим заранее. У нас цветут яблони, вишни и сирень, – к сожалению, все в чужих садах. Овес уже высокий, – шелковистый, светло-зеленый, везде шумят ручьи и ели. Радуйтесь: осенью мы достанем себе чудного, толстого, ленивого кота. Я очень о нем мечтаю. Каждый день при наших обедах присутствует такой кот, жадно смотрит в глаза и тарелки и, не вытерпев, прыгает на колени то Сереже, то мне. Наш кот будет такой же.

Приписка на полях:

Радуюсь отъезду Макса и Пра и скорому свиданию с Вами и Верой. Всего лучшего.

МЭ.

Иваньково, 9-го августа 1912 г.

В Гангут

Милая Лиля,

Сережа приблизительно выздоровел. Приблизительно – потому что очень худ. Вчера мы были в Москве, в первый раз после его болезни.

Представьте себе: госпожа, продавшая нам дом, [136] упорно и определенно не желает из него выезжать. 3 недели тому назад она уже знала, что ей придется найти себе квартиру к 5-му августа. Она же всё время преспокойно жила на даче, не делая никаких приготовлений к выезду.

Несколько дней тому назад мы еще раз предупреждали ее о необходимости выехать до 5-го, и вот вчера приезжаем в Москву, думая перевозить мебель – и что же? Квартиры у нее нет, ни одна вещь не вывезена, и сама она неизвестно где. Мы написали ей записку с извещением, что за каждый лишний день, прожитый ею в доме, считаем с нее по 10 руб., начиная с 8-го. Написали еще, что подали жалобу мировому, – чего по настоящему не сделали. Дело у мирового, говорят, длится около трех недель, а нам необходимо переехать до 15-го.

Ася берет наш особняк на Собачьей, [137] но так как сама укладываться и возиться с переездом не может, выписывает из-за города экономку, которую должна во время предупредить. Мы же не можем ей ничего сказать точного о дне выезда.

Кроме того, еще одна неприятность: по просьбе прежней хозяйки мы решили оставить ее дворника. Теперь же оказывается, что он неграмотный.

Стройку мы решили отложить до ранней весны [138] и может быть обойдемся без нашего несколько подозрительного комиссионера. Вчера к Крандиевским приезжал один молодой архитектор. [139] Может быть он возьмется за это дело.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Туся, Надя и сама М-ме[140] всё время навещали Сережу во время его болезни. Ну, натерпелась же я с этой М-ме! Ее бесцеремонность выходит за всякие пределы. К тому же я никогда не видала более хвастливого человека. А ее мания советов! На все темы: от моего положения до выбора стихов. Без конца говорила о своем романе, о лестных отзывах, потом давала полную характеристику Нади, говорила о ее отношении к любви (ее любимая тема) – браку, даже к ней самой. Всё это неожиданно, многословно и нелепо.

Ей, конечно, нельзя отказать в доброте, но еще меньше в отсутствии всякого элементарного понятия о такте.

К 20-му мы думаем перебраться в Москву. Здесь с 25-го июля настоящая осень – холодная, ветреная и дождливая. Листья опадают, небо с утра в темных низких тучах. Вчера мы купили книгу стихов Анны Ахматовой, которую так хвалит критика.[141] Вот одно из ее стихотворений:

«Три вещи он любил на свете:
За вечерней пенье, белые павлины
И стертые карты Америки.
Не любил, как плачут дети,
Чая с малиной
И женской истерики.
– А я была его женой».
Но есть трогательные строчки, например:

«Ива по небу распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой».
Эти строчки, по-моему, самые грустные и искренние во всей книге. Ее называют утонченной и хрупкой за неожиданное появление в ее стихах розового какаду, виолы и клавишин.

Она, кстати, замужем за Гумилевым, отцом кенгуру в русской поэзии.[142]

Пока всего лучшего, до свидания, до 20-го пишите сюда, потом на Большую Полянку, Малый Екатерининский переулок.

МЭ

P. S. Сережа выучил очень много французских слов.

P. P. S. N нашего будущего телефона: 198-06.

Вам нравится?

Это был лучший из шести данных нам на выбор!

Коктебель, 2-го августа 1913 г., пятница

В Москву

Милая Лососина![143]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Посылаю Вам стихи Сереже и карточку Али в Вашем конверте. (Вот как можно в десяти словах обозначить отношения четырех человек.) Спасибо за Лёвскую красоту, но Вы ничего не пишете о своем приезде. Когда? С Петей,[144] или одна?

Мы ждем ответа из санатории.[145] Лев целый день позирует: портрет подвигается.[146] Вера очень трогательно ухаживает за всеми. У меня есть для Вас одна новость о Лёве и Субботиной,[147] – боюсь, что Вам ее уже написали. Если нет, расскажу Вам при встрече – интересней!

Вот стихи:

Как водоросли Ваши члены,
Иль ветви мальмэзонских ив.
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив
На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих
Всегда полузакрытых глаз.
Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы...
Так Вы лежали, – слишком белый
От нестерпимой синевы.
А за спиной была пустыня
И где-то – станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинной рукой.
Так, утомленный и спокойный
Лежите – юная заря.
Но взглянете – и вспыхнут войны
И горы двинутся в моря,
И новые зажгутся луны,
И лягут яростные львы
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.[148]
МЭ

Москва, 22-го августа 1913 г., четверг

В Коктебель

Милая Лиля,

Кто-то поет в граммофоне: «Ты придешь, моя заря, – последняя заря...»

Женщина или небо в последний раз? Вчера был унылый день. Я с утра бродила по комнатам, рылась в старых дневниках и письмах, сопровождаемая маленьким собачьим скелетом. Потом лежала в спальне на кушетке с тем же черно-желтым скелетом. А вечером! Что было вечером! Я пошла к Л. А. Она встретила меня очень мило (за день до этого она была у меня с Шурой[149]), но скоро ее вызвали, и я осталась одна с Володей[150] (за столом).

После 3-ех или более минутного молчания он начал изрекать такие фразы: «Все люди – пошляки. Они показывают свои козыри, а когда с ними познакомишься ближе, то видишь одну пошлость, самую низкую»... «Вы думаете, что Вы живете праздником? Вы очень ошибаетесь! Вы живете самыми пошлыми буднями. У каждого мастерового есть свой праздник, один раз в неделю, а у Вас нет»... «Да, все люди – пошлые. Я не знаю ни одного человека без пошлой подкладки. И эта подкладка – главное. И Вы ее увидите»...

И так далее!

Пришла Л. А. и разговор прекратился.

Потом, уже в передней, пошел дальше.

– «Да, вот я Вам скажу, Марина Ивановна, у Вас нет ничего человеческого. У Вас внутри пустота, Вы одна инструментальность. И все Ваши стихи – одна инструментальность».

(Так как приходил мой бывший директор гимназии, мне, чтобы не видеться с ним, пришлось зайти к Володе в комнату, где разговор продолжался).

– «Вы еще не дошли до человеческого. Я ведь прекрасно знаю Вашу жизнь».

– «Вы знаете?»

– «Да, я. Вы можете не соглашаться, но это так. Даже если Вы мне расскажете целый ряд фактов, я останусь при своем мнении. Вы не знаете человеческой души, вообще – Вы не человек».

– «Что же такое эта человечность?»

– «Это невозможно объяснить».

– «Ну, жалость? Любовь?»

– «Да, пожалуй, – вообще этого нельзя объяснить. Вы вот говорите, что у Вас есть друзья. Но они дружны с Вами только из выгоды. Все люди таковы! И Вы лично для них совершенно не интересны. Вы в жизни не пережили еще ни одного глубокого чувства и может быть никогда не переживете. Вообще, у Вас нет ничего общего с Вашими стихами».

– «Слушайте, я не хочу продолжать этого разговора. Мы чужие. Такой разговор для меня оскорбителен, с другим я давно бы его прекратила. И вообще я бы больше не хотела с Вами разговаривать».

– «И я вышел к Вам только по настоянию Лидии Александровны и вообще не хотел бы Вас видеть в своем доме.»

– «То есть где?»

Он делает жест вокруг себя. Я поняла – кабинет.

– «Квартира Лидии Александровны – это мой дом.»

– «Я прихожу не в Ваш дом, я прихожу к Лидии Александровне.»

– «Дом Лидии Александровны – мой дом. И я Вас попрошу никогда больше сюда не

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
являться».

– «А я очень жалею, что здесь нет со мной моего мужа, чтобы дать Вам по Вашей маленькой хамской физиономии».

– «Смотрите, как бы Вы сами не получили!»

Он отворяет мне дверь.

– «Позвольте мне Вам открыть дверь».

– «А мне позвольте последний раз сказать Вам „хам“!»

– «До свидания!»

Вот!

Серее я, конечно, ничего не пишу об этом.

Интересно, что я в течение всего разговора была на редкость мягка из-за Лидии Александровны, всё больше молчала.

Насчет Али: она должна кушать через 3 часа: сначала кашу, а потом кормиться (за раз), – только перед сном не надо каши. Спать ей надо между семью и восемью и днем, когда захочет. С Грушей будьте построже, ничего не спускайте. Я сегодня ей написала с приказанием Вас беспрекословно слушаться. Делайте всё по своему усмотрению, посылайте Грушу с Алей на море, когда тепло, – всё, как найдете нужным. Только непременно купайте Алю по 10 мин. Часы у Петра Николаевича.

На полях:

Когда у Али нет кашля, ни жара, ее всегда можно купать, несмотря на расстройство желудка. Температура, когда понадобится, надо мерять под мышкой 15 мин. Груша знает, как. Всего лучшего, привет всем.

мэ

Не позволяйте Груше уходить с Алей, не спросив у Вас.

Спасибо за письмо.

Телеграмма Принята: 31 августа 1913 Москва

В коктейбель

Вчера 30-го час три четверти дня папа скончался разрыв сердца завтра похороны целую – Марина[151]

Москва, 3-го сентября 1913 г., вторник

В Коктебель

Милая Лиля,

Спасибо за письма и открытки. Могу Вас (и себя!) обрадовать: везу une bonne, très gentille. Elle a 22 ans et sert depuis 3 ans comme femme de chambre, cuisinière et bonne de 5 enfants. Et tout cela pour 8 roubles![152] У нее хорошая рекомендация. Думаю, что она нам подойдет. За нее ручается Андреина[153] прислуга, очень хорошая, живущая у него 2 года. Очень тороплюсь кончить все дела, их уже мало. Выезжаю 6-го. По приезде в Ялту дам Вам телеграмму о выезде. Спросите, пожалуйста, Пра, сколько мы ей должны. Очень радуюсь Вам и Але. Где Вера? Я всё звоню, думая, что она уже в Москве.

У меня в голове тупая пустота и в сердце одно желание – скорей уезжать.

Всего лучшего. Ne dites rien à la nourrice.[154]

МЭ

На полях:

Сейчас иду покупать Але башмачки и чулки. Ася сшила ей теплое платьице и шьет пальто.

Феодосия, 19-го октября 1913 г., пятница

Милая Лилися,

Сегодня я ночевала одна с Алей, – идеальная няня ушла домой. Аля была мила и спала до семи, я до десяти. (!!!) Сегодня чудный летний синий день: на столе играют солнечные пятна, в окне качается красно-желтый виноград. Сейчас Аля спит и всхлипывает во сне, она так и рвется ко мне с рук идеальной няни. Умилитесь надо мной: я несколько раз заставляла ее говорить: «Лилия»! В 2 ч. поедем с Петром Николаевичем искать квартиру.[155]

Как вы доехали? Как вели себя Ваши соседи по палубе – восточные люди? Как Вы встретились с Лёвами?[156]

Пока до свидания, всего лучшего. Не забудьте ответить Н. на письмо. Целую.

МЭ.

P. S. Все это написано тушью дяди. Пишите на Петра Николаевича.

Феодосия, 18-го марта 1914 г., среда.

Милая Лиля,

Пишу Вам в постели, – в которой нахожусь день и ночь.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Уже 8 дней, – воспаление ноги и сильный жар.

За это время как раз началась весна: вся Феодосия в цвету, все зелено.

Сейчас Сережа ушел на урок. Аля бегаёт по комнатам, неся в руках то огромный ярко-синий мяч, то Майину куклу о двух головах, то почти взрослого кусаку, [157] то довольно солидного осла (успокойтесь – не живого!).

Аля сейчас говорит около 150 слов, причем такие длинные, как: гадюка, Марина, картинка ... «Р» она произносит с великолепным раскатом, как три «р» зараз, и почти все свои 150 слов говорит правильно.

Кота она зовет: кот, Кусика, кися, котенька, кисенька, – прежнее «ко» забыто.

Меня: мама, мамочка, иногда – Марина.

Серезу боится, как огня.

Стоит ему ночью услышать ее плач, стукнуть в стенку, как она мгновенно закрывает глаза, не смея пошевелиться.

Вы ее не видели уже около 1/2 года. Вчера мать Лени Цирес [158] говорила, что Вы не поедете в Коктебель. Неужели правда? Как жаль. Значит, Вы увидите Алю уже двух лет.

Она необычайно ласкова к своим: все время целуется. Всех мужчин самостоятельно зовет «дядя», – а Макса – «Мак» или Макс. К чужим не идет, почтительно обходя их стулья.

Посылаю Вам ее карточку, 11/2 года, снятую ровно 5-го марта. Скоро пришлю другую, где они сняты с Андрюшей. [159]

Сереза то уверен, что выдержит, то в отчаянии. [160] Занимается чрезвычайно много: нигде не бывает ...

Пока всего лучшего. Пишите мне. Куда едете летом? Сереза после экзаменов думает поехать недели на две к Нюте. [161] Крепко Вас целую. ...

1914 год

Лиленька,

Приезжайте немедленно в Москву. Я люблю безумного погибающего человека и отойти от него не могу – он умрет. Сереза хочет идти добровольцем, уже подал прошение. Приезжайте. Это – безумное дело, нельзя терять ни минуты.

Я не спала четыре ночи и не знаю, как буду жить. Всё – но горе. Верю в Вашу спасительную силу и умоляю приехать.

Остальное при встрече.

МЭ.

P. S. Сережа страшно тверд, и это – страшней всего.

Люблю его по-прежнему.

Май 1915 г., Москва

В Москву

Милая Лиленька,

Очень прошу Вас – пошлите к Тусе[162] прислугу за моими книгами: Стихами Ростопчиной[163] и Каролины Павловой,[164] а то Туся послезавтра уезжает, и книги потеряются.

Уезжаю 20-го, билеты уже заказаны.[165]

Целую Вас, как-нибудь утром приду с Алей, сейчас я по горло занята укладкой зимних вещей и тому подобными ужасами.

МЭ

P. S. Если можно, достаньте мне книги сегодня же!

30-го июля 1915 г.

Святые горы, Харьковской губернии. Графский участок, 14 дача Лазуренко.

Милая, милая Лиленька,

Сейчас открыла окно и удивилась – так зашумели сосны. Здесь, несмотря на Харьковскую губернию – Финляндия: сосны, песок, вереск, прохлада, печаль.

Вечерами, когда уже стемнело, – страшное беспокойство и тоска: сидим при керосиновой лампе-жестянке, сосны шумят, газетные известия не идут из головы, – кроме того, я уже 8 дней не знаю, где Сережа, и пишу ему наугад то в Белосток, то в Москву, без надежды на скорый ответ.

Сережу я люблю на всю жизнь, он мне родной, никогда и никуда от него не уйду. Пишу ему то каждый, то – через день, он знает всю мою жизнь, только о самом грустном я стараюсь писать реже. На сердце – вечная тяжесть. С ней засыпаю и просыпаюсь.

– Соня меня очень любит и я ее люблю – и это вечно, и от нее я не смогу уйти. Разорванность от дней, которые надо делить, сердце все совмещает.

Веселья – простого – у меня, кажется, не будет никогда и вообще, это не мое

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
свойство. И радости у меня до глубины – нет. Не могу делать больно и не могу не
делать...

Аля растет трудным, сложным ребенком – в обычное время спокойна, как взрослый
человек, но чувствительность у нее чрезмерная. Сейчас же слезы на глазах.
Самолюбие и совесть – вот ее две главных черты, обе в ней поражают. Лицом она
прелестна, лучше нельзя. – «Почему небо не звенит?» (Колокола) – «Я съела
маленькую мясу» (за супом) – «Ты – мой большой ангел». – «Почему зайчик не
целуется, который на стене?» (Солнечный) – «Марина, я съела ма-аленькую зелень:
ма-аленькую гадость». – «А кота в лавке продают? А бусы? А черешни? А маленького
Боженку? А маленького дядю на брошке? А ангела? А маленькие звезды?» – «Солнце
в луже валяется».

– Лиленька, в следующем письме пришлю Вам новые стихи, они о цыганстве. Пока
целую Вас нежно.

Соня шлет привет.

Пишите скорей.

МЭ

21-го декабря 1915 г.

Милая Лиленька,

Думаю о Вас с умилением. Сейчас все витрины напоминают Вас, – везде уже горят
елки.

Сегодня я покупала подарки Але и Андрюше (он с Асей на днях приедет). Але –
сказки русских писателей в стихах и прозе и большой мячик, Андрюше – солдатиков
и кубики. Детям – особенно таким маленьким – трудно угодить, им нужны какие-то
особенные вещи, ужасно прикладные, вроде сантиметров, метелок, пуговиц,
папиросных коробок. Выбирая что-нибудь заманчивое на свой взгляд, тешишь, в
конце концов, себя же.

Сейчас у нас полоса подарков. Вере мы на годовщину камерного[166] подарили:
Сережа – большую гранатовую брошь, Борис[167] – прекрасное гранатовое ожерелье,
я – гранатовый же браслет. Сереже на его первое выступление в Сирано 17-го
декабря я подарила Пушкина издания Брокгауза. На Рождество я дарю ему Шекспира в
прекрасном переводе Гербея, Борису – книгу былин.

Сережа в прекрасном настроении, здоров, хотя очень утомлен, целый день занят то
театром, то греческим. Я уже два раза смотрела его, – держит себя свободно,
уверенно, голос звучит прекрасно. Ему сразу дали новую роль в «Сирано» –
довольно большую, без репетиции. В первом действии он играет маркиза – открывает
действие. На сцене он очень хорош, и в роли маркиза, и в гренадерской. Я
перезнакомилась почти со всем камерным театром, Таиров[168] очарователен,
Коонен[169] мила и интересна, в Петипа[170] я влюбилась, уже целовалась с ним и
написала ему сонет, кончающийся словами «пленительный ровесник». – Лиленька, он
ровно на 50 лет старше меня! За это-то я в него и влюблена.

– Вы еще не сказали ни одного стихотворения, а я вокруг Вашей головы (жест)
вижу... ореол!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– О – пусть это будет ореолом молодости, который гораздо ярче сияет над Вашей головой, чем над моей!

Яблоновский: [171] «Да ведь это – Версаль!»

Мы сидели в кабинете Таирова, Яблоновский объяснял в любви моим книгам и умильно просил прочесть ему «Колыбельную песенку», [172] которую вот уже три года читают перед сном его дети, я была в старинном шумном платье и влюбленно смотрела в прекрасные глаза Петипа, который в мою честь декламировал Béganger «La diligence».

– Но всего не расскажешь! На следующий раз, после премьеры «Сирано», я сказала ему: – Вы были прекрасны, я в восторге, позвольте мне Вас поцеловать!

– Поверьте, что я оценил... – рука, прижатая к сердцу, и долгий поцелуй.

Да, Лиленька! Я забыла! Ася Жуковская Сереже подарила чудную шкатулку карельской березы, Вера – Каролину Павлову, прекрасное двухтомное издание, – все за первое его выступление.

Таирову на годовщину театра Сережа подарил старинное издание комедий (?) Княжнина, Вера и Елена Васильевна [173] – по парчовой подушке, весь кабинет его был в подарках: бисерная трость, бисерный карандаш, еще какой-то бисер. Он сиял. Это было 12-го.

Алю я обрила. Шерсть растет мышинная, местами совсем темная. Она здорова, чудно ест, много гуляет, пьет рыбий жир и выглядит великолепно, – тяжелая, крупная девочка, вроде медведя. Великолепная память, ангельский характер и логика чеховского учителя словесности. «Когда солнце спрячется, то в детской будет светло». «Раз ты мне не позволяешь ходить босиком по полу, я и не хожу, а если бы ты позволила, то я бы ходила. – Правильно я говорю, Марина?»

У нас сейчас чудная прислуга: мать (кухарка) и дочь (няня) – беженки из Седлеца. Обе честны, как ангелы, чудно готовят и очень к нам привязаны. Няня грамотная, умная, с приличными манерами, чистоплотная, Алю обожает, но не распускает, – словом, лучше нельзя.

Лиленька, у меня новая шуба: темно-коричневая с обезьяньим мехом (вроде коричневого котика), фасон – вот: [174] сзади – волны. Немного напоминает поддевку. На мягенькой белой овчине. Мечтаю уже о весеннем темно-зеленом пальто с пелериной.

Милая Лиленька, пока до свидания. Переписываю Вам пока одни стихи – из последних.

Новолунье, и мех медвежий,
и бубенчиков легкий пляс...
– Легкомысленнейший час! Мне же –
Глубочайший час.
Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилолюбил мне взгляд.
На пригорке монастырь – светел
и от снега – свят.
Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг.
Я – на дерево гляжу в поле
и на лунный круг.
За широкой спиной ямщицкой

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Две не сблизятся головы. –
Начинает мне Господь сниться,
Отоснились Вы.

Довольно часто вижу Веру. Она в этом году очень трогательна, гораздо терпимей и человечней. К Сереже она относится умилительно: сама его гримирует, кормит, как, чем и когда только может и радуется его удачам. И Елена Васильевна к нему страшно мила. В театре его очень любят, немного как ребенка, с умилением.

Это письмо ужасно внешне, но мне хотелось просто передать Вам наши дни. Скоро напишу Вам о себе. Пока крепко Вас целую, всего лучшего, пишите.

МЭ.

P. S. Умоляю Вас запомнить N дома (6) и N квартиры (3! 3! 3!), а то у меня из-за Вашего письма был скандал с почтальоном. Он возмущался отсутствием NN дома и квартиры, я – его возмущением. Поварская, Борисоглебский переулок, дом 6, квартира 3, Эфрон.

Эта карточка снята еще осенью и слишком темна, держите ее на солнце, пусть выгорит.

Между 9 и 11 марта 1916 г. Москва

Лиленька,

Приезжайте немедленно в Москву.

Я люблю безумного погибающего человека и отойти от него не могу – он умрет. [175]
Сережа хочет идти добровольцем, уже подал прошение. Приезжайте. Это – безумное дело, нельзя терять ни минуты.

Я не спала четыре ночи и не знаю, как буду жить. Всё – на горе. Верю в Вашу спасительную силу и умоляю приехать.

Остальное при встрече.

МЭ

P. S. Сережа страшно тверд, и это – страшней всего. Люблю его по-прежнему.

На обороте письма – приписка рукой В. Я. Эфрон:

Лиля, приезжай немедленно в тот же вечер как только получишь письмо. Это очень нужно. Не откладывай ни одной минуты. Сережа подал прошение и надо устроить так, чтобы он взял обратно, пока оно не имело еще значения. [176]

Вера

А хуже то, что он собирается ехать в полк пехотный нижним чином.

Коктебель, 19-го мая 1916 г.

Дорогая Лососина,

Получила Ваше письмо на берегу, его мне принесла Вера. Вера была больна (ангина), теперь поправляется, но сильно похудела. Вскармливает с рожка слепого еженка и умиляется.

Сереза тощ и слаб, безумно радуется Коктебелю, целый день на море, сегодня на Максиной вышке принимал солнечную ванну. Он поручил Мише следить за воинскими делами, Миша телеграфирует ему, когда надо будет возвращаться. Всё это так грустно! Чувствую себя в первый раз в жизни – бессильной. С людьми умею, с законами нет.

О будущем стараюсь не думать, – даже о завтрашнем дне!

Аля «кормит море» камнями, ласкова, здорова. Вчера вечером, засыпая, она мне сказала: «Ты мое не-ебо! Ты моя луна-а! никак не могу тебя разлюбить: всё любитя и любитя!»

– У Пра, Лиля, новые комнаты, – две: прежняя Максина (нечто, вроде кабинета, хотя весьма непохоже!) и прилегающая к ней – спальня. Пра, конечно, взяла эти комнаты, чтобы быть ближе к Максу. – Макса я еще не видела, он в Феодосии. Из своих здесь: Вера, Ася, Борис[177] и Мария Ивановна с двумя сестрами,[178] все три переболели ангиной. Обеды дорогие: 35 р., кормимся пока дома. Вера очень заботлива, но я боюсь ей быть в тягость. От Вас, например, я бы легко приняла всякую заботу – Вы мне близки и я Вас люблю, к Вере же у меня нет близости, мне трудно с ней говорить, ничего с собой не поделаю. Знаю, что она хорошо ко мне относится, знаю, что не заслуживаю, и мне трудно.

Ася мила, но страшно вялая, может быть она проще, чем я думаю, я ее еще совсем не знаю, она как-то ко всему благосклонна и равнодушна.

Я уже загорела, хожу в шароварах, но всё это не то, что прежние два лета (первые) в Коктебеле, нет духа приключений, да это так понятно!

– Лиленька, спасибо за письмо под диктовку. Конечно, он хороший, я его люблю, но он страшно слаб и себялюбив, это и трогательно и расхолаживает.[179] Я убеждена, что он еще не сложившийся душою человек и надеюсь, что когда-нибудь – через счастливую ли, несчастную ли любовь – научится любить не во имя свое, а во имя того, кого любит.

Ко мне у него, конечно, не любовь, это – попытка любить, может быть и жажда.

Скажите ему, что я прекрасно к нему отношусь и рада буду получить от него письмо – только хорошее!

Лиленька! Вижу акацию на синем небе, скрежещет гравий, птицы поют.

Лиленька, я Вас люблю, мне с Вами всегда легко и взволнованно, радуюсь Вашим литературным удачам и верю в них.[180]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Целую Вас нежно.

Думаю пробыть здесь еще дней десять. [181]

Если не успеете написать сюда, пишите

Москва Поварская, Борисоглебский переулок

дом 6, квартира 3.

А то Вы Бог знает что пишете на конверте!

У меня очень много стихов, есть целый цикл о Блоке.

– Может быть мне придется ехать в Чугуев, м. б. в Иркутск, м. б. в Тифлис, –
вряд ли московских студентов оставят в Москве! [182]

Странный будет год! Но я как-то спокойно отношусь к переездам, это ничего не
нарушает.

Постарайтесь написать мне поскорей!

Еще целую.

МЭ

Стихи Лозинского [183] очень милы, особенно последняя строчка!

Москва, 12-го июня 1916 г.

Милая Лососина,

Сереза 10-го уехал в коктейбель с Борисом, [184] я их провожала. Ехали они в
переполненном купе III класса, но, к счастью, заняли верхние места. Над ними в
сетках лежало по солдату. Серезины бумаги застряли в госпитале, когда вынырнут
на свет Божий – Бог весть! По крайней мере, он немного отдохнет до школы
прапорщиков. Я, между прочим, уверена, что его оттуда скоро выпустят, –
самочувствие его отвратительно.

В Москве свежо и дождливо, в случае жары я с Алей уеду к Асе, в Александров. Я
там уже у ней гостила, – деревянный домик, почти в поле. Рядом кладбище, холмы,
луга. Прелестная природа.

Лиленька, а теперь я расскажу Вам визит Мандельштама в Александров. Он ухитрился
вызвать меня к телефону: позвонил в Александров, вызвал Асиного прежнего
квартирного хозяина и велел ему идти за Асей. Мы пришли и говорили с ним, он
умолял позволить ему приехать тотчас же и только неохотно согласился ждать до
следующего дня. На следующее утро он приехал. Мы, конечно, сразу захотели вести
его гулять – был чудесный ясный день – он, конечно, не пошел, – лег на диван и
говорил мало. Через несколько времени мне стало скучно и я решительно повела его
на кладбище.

- «Зачем мы сюда пришли?! Какой ужасный ветер! И чему Вы так радуетесь?»
- «Так, – березам, небу, – всему!»
- «Да, потому что Вы женщина. Я ужасно хочу быть женщиной. Во мне страшная пустота, я гибну».
- «От чего?»
- «От пустоты. Я не могу больше вынести одиночества, я с ума сойду, мне нужно, чтобы обо мне кто-нибудь думал, заботился. Знаете, – не жениться ли мне на Лиле?»
- «Какие глупости!»
- «И мы были бы в родстве. Вы были бы моей belle-soeur!» [185]
- «Да-да-а... Но Сережа не допустит».
- «Почему?»
- «Вы ведь ужасный человек, кроме того, у Вас совсем нет денег».
- «Я бы стал работать, мне уже сейчас предлагают 150 рублей в Банке, через полгода я получил бы повышение. Seriously».
- «Но Лилия за Вас не выйдет. Вы в нее влюблены?»
- «Нет».
- «Так зачем же жениться?»
- «Чтобы иметь свой угол, семью...»
- «Вы шутите?»
- «Ах, Мариночка, я сам не знаю!»

День прошел в его жалобах на судьбу, в наших утешениях и похвалах, в еде, в литературных новостях. Вечером – впрочем, ночью, – около полночи, – он как-то приумолк, лег на оленьи шкуры и стал неприятным. Мы с Асей, устав, наконец, перестали его занимать и сели – Маврикий Александрович, [186] Ася и я – в другой угол комнаты. Ася стала рассказывать своими словами Коринну, [187] мы безумно хохотали. Потом предложили Мандельштаму поесть. Он вскочил, как ужаленный. – «Да что же это, наконец! Не могу же я целый день есть! Я с ума схожу! Зачем я сюда приехал! Мне надоело! Я хочу сейчас же ехать! Мне это, наконец, надоело!»

Мы с участием слушали, – ошеломленные. Маврикий Александрович предложил ему свою

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
постель, мы с Асей – оставить его одного, но он рвал и метал. – «Хочу сейчас же ехать!» – Выбежал в сад, но испуганный ветром, вернулся. Мы снова занялись друг другом, он снова лег на оленя. В час ночи мы проводили его почти до вокзала. Уезжал он надменный.

Я забыла Вам рассказать, что он до этого странного выпада все время говорил о своих денежных делах: резко, оскорбленно, почти цинически. Платить вперед Пра за комнату он находил возмутительным и вел себя так, словно все, кому он должен, должны – ему. Неприятно поразила нас его страшная самоуверенность. – «Подождите – еще подождут. Я не виноват, что у меня всего 100 рублей» – и т. д. Кроме того, страстно мечтал бросить коктебель и поступить в монастырь, где собирался сажать картошку.

Сегодня мы с Асей на Арбате видели старуху, лет девяноста, державшую в одной руке – клюку, в другой – огромный голубой эмалированный горшок. Стояла она перед дверью магазина «Скорород». Все проходящие долго на нее смотрели, она ни на кого. – Лиленька, Вам нравится?

Всего лучшего, пишите мне пока в Москву. Аля здорова, все хорошеет. Я недавно видела во сне Петю[188] и узнала во сне это прежнее облако нежности и тоски. Он был в коричневом костюме, худой, я узнала его прелестную улыбку. Лиля, этого человека я могла бы безумно любить! Я знаю, что это – неповторимо.

МЦ.

Москва, 30-го сентября 1916 г.

Милая Лиленька,

Поздравляю Вас с прошедшим днем рождения[189] и обращаюсь к Вам с просьбой. Мне непременно нужна шуба, а цены сейчас на сукно безумные – 18–20 р. арш.

Купите мне, пожалуйста, 5–6 арш. кавказского сукна, если будет кусок в 6 – лучше 6, во всяком случае не меньше пяти, шуба, в виду моего положения[190] должна быть *сloche* – широкая. Если кавказское сукно не двойной ширины, как наше, берите больше, посоветуйтесь с кем-ниб. умудренным.

Цвет, Лиленька, лучше всего – коричневый, но скорей отдающий в красное, – не оливковый, не травянистый. Можно совсем темно-коричневый, строгий.

Следующий, если не будет коричневого, – темно-зеленый, за ним темно-лиловый, за ним темно-синий, за ним – черный, серый покупайте только в самом последнем случае, а оливкового и защитного – ни в каком случае!

У меня две шубы, и обе не годятся: одна – поддевка, в талью, другая – леопард, а быть леопардом в таком положении – несколько причудливо, хотя Ася и советует мнешить себе на живот вырезанного из черного плюша леопарденыша.

Буду Вам очень благодарна, Лиленька, если скоро купите и вышлете, сейчас у меня шьет портниха, и мне хотелось бы кончить всю обмундировку сразу.

Деньги сейчас же вышлю, как узнаю цену, – не задержу.

Это сегодня – второе просительное письмо. Первое – дяде Мите, с просьбой дать Сереже рекомендательное письмо в Военно-Промышленный Комитет, [191] – где он хочет устроиться приемщиком. Жалованье – 80 – 100 р., время занятий, кажется, от 11-ти до 4-ех. – Деньги сейчас очень нужны! –

Пишу стихи, перевожу Comtesse de Noailles, [192] мерзну, погода, как в ноябре.

– Ах, мне как-то оскорбительно, что есть где-то синее небо, и я не под ним!

Единственная моя уверенность – в моем праве решительно на всё, *droit de seigneur*. [193] Если жизнь это оспаривает – я не противлюсь, только глубоко изумлена, и рукой не пошевельну от брезгливости.

– Да.

Чувствую я себя – физически – очень хорошо, совсем не тошнит и не устаю. С виду еще ничего не заметно.

– Скоро ли Вы приедете?

Сережа вернулся, хотя не потолстевший, но с ежечасным голодом, и веселый. Пьет молоко и особенных зловерностей не ест. Сейчас Магда пишет его портрет, сводя его с ума своей черепашьестью.

Аля растет и хорошеет, знает уже несколько букв, замечательно слушает и пересказывает сказки. У нее хорошая, аккуратная, чистоплотная, бездарная няня-рижанка. Другая прислуга – приветливая расторопная солдатка, милая своей полудеревенскостью. В доме приблизительный порядок. Пол-обеда готовится у соседей, на плите, мы кухню еще не топим.

– Вот Лиленька, дела хозяйственные. А вот одни из последних стихов:

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.

– Что я поистине крылата, –
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,

А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки,

И дышит: «душу не губи!
Крылатых женщин не люби!» [194]

Лиленька, у меня для Вас есть черная бархатная с бисером накидка Вашей бабушки, очень торжественная.

Целую Вас.

МЭ

P. S. Если кавказское сукно разного качества, берите погрубей, потолще.

Апрель 1917

Милая Лиля,

Сереза пишет, что все время всех сажает под арест, [195] что на будущее в Петрограде смотрит безнадежно и что едет в Петроград повидаться с Асей [196] и Степуном. Бориса попросите ко мне приехать завтра в 4 ч., а Никодиму позвоните 5-04-46. (Никодим Акимович). [197]

чтобы приезжал завтра в 1 ч., а то я не хочу, чтобы они встретились с Борисом. Поцелуйте за меня Алю и скажите ей, что ее сестра все время спит. [198]

МЭ.

#11_13#

29-го апреля 1917 г.

Милая Лиленька,

У меня к Вам просьба: не могли бы Вы сейчас заплатить мне? Вы мне должны 95 р. (70 р. за апрель по первые числа мая), 24 р. за март (70 р. – 46 р., которые Вам остался должен Сереза) и 1 р. за февраль. (Вы мне должны были – помните, мы считались? – 18 р., но 2 раза давали по 10 р., а я в свою очередь платила за молоко, так что в итоге Вы мне оставались должны за февраль 1 р.. У меня каждая копейка записана, дома покажу.)

У меня сейчас большие траты: неправдоподобный налог в 80 р.; квартирная плата, жалованье прислугам, чаевые (около 35 р. здесь, – и м. б. еще 25 р. за 2 недели, если до 4-го не поправлюсь.

А занимать мне не у кого, я Никодиму до сих пор должна 100 р..

Сделаем так. Купите мне у Френкелей [199] пару башмаков – 29 номер (их 38 мне мал), а остальные деньги, если не трудно, пришлите с Верой. Смогу тогда начать платежи. Пришлите башмаки, все-таки надо померить.

Потом – Вера говорила о каком-то варшавском сапожнике. Возьмите у Маши [200] свои старые желтые башмаки (полуботинки), которые я хотела продать. Она знает. Пусть сапожник сделает из них полуботинки (а м. б. выйдут башмаки) для Али. На образец дайте Алины новые черные. А то я все равно не продам. За работу давайте, я думаю, не более 5 р..

И еще поручение, Лиленька. Сдайте офицерскую комнату [201] на все лето – условие: ежемесячная плата вперед (это всегда), и чтобы по телефону ему звонили не раньше 4 часов дня. А то опять прислуге летать по лестницам. И сдайте непременно мужчине. Женщина целый день будет в кухне и все равно наведет десяток мужчин.

Чувствую себя хорошо. Вчера доктор меня выслушивал. В легких ничего нет, простой бронхит. Вижу интересные сны, записываю. Вообще массу записываю – мыслей и всего: Ирина научила меня думать.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Очень привыкла к жизни здесь, буду скучать. Время идет изумительно быстро: 16 дней, как один день.

Множество всяких планов – чисто внутренних (стихов, писем, прозы) – и полное безразличие, где и как жить. Мое – теперь – убеждение: Главное – это родиться, дальше все устроится.

Ирина понемножечку хорошеет, месяца через 3 будет определенно хорошенькая. По краскам она будет эффектней Али, и вообще почему-то думаю – более внешней, жизненной. Аля – это дитя моего духа. – Очень хороши – уже сейчас – глаза, необычайного блеска, очень темные (будут темно-зеленые, или темно-серые), – очень большие. И хорош рот. Нос, думаю, будет мой: определенные ноздри и прямота Алиного, вроде как у Андрюши в этом возрасте. Мы с Асей знатоки.

Когда вернусь, массу Вам расскажу о женщинах. Я их теперь великолепно знаю. Сюда нужно было бы посылать учиться, молодых людей, как в Англию.

Целую Вас.

Да! В понедельник Алю с Маврикием[202] не отпускайте: я может быть скоро вернусь (3-го) – и хочу непременно, чтобы Аля была дома. Кроме того, я не смогу без няни. Значит, Лиленька, не забудьте насчет башмаков: № 29. И непременно на каблук.

МЭ.

Сейчас тепло. Пусть Аля переходит в детскую, а Серезину комнату закройте.

Москва, 19-го мая 1917 г., пятница

Милая Лиля,

Рабочие от шора, [203] неся вниз рояль, разбили почти все перила и сломали притолоку. Будьте добры, пришлите кого-нибудь починить, – перила почти целиком снесены, и ходить по лестнице опасно.

МЭ

– Если Вы согласны произвести эту починку, ответьте мне, пожалуйста, через Машу.

Москва, 29-го июня 1917 г., четверг

[204]

Милая Лиля,

Сереза жив и здоров, я получила от него телеграмму и письмо.[205] Ранено свыше 30-ти юнкеров (двое сброшены с моста, – раскроены головы, рваные раны, били прикладами, ногами, камнями), трое при смерти, один из них, только что вернувшийся с каторги социалист.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Причина: недовольство тем, что юнкера в социал-демократической демонстрации 18-го июня участия почти не принимали, – и тем, что они шли с лозунгом: «Честь России дороже жизни». – Точного дня приезда Сережи я не знаю, тогда Вас извещу.

Сейчас я одна с кормилицей и тремя детьми (третий – Валерий – 6-месячный сын кормилицы). Маша ушла. Кормилица очень мила, и мы справляемся.

О своем будущем ничего не знаю. Аля и Ирина здоровы, Ирина понемножку поправляется, хотя еще очень худа.

Пишу стихи, вижусь с Никодимом, Таней, [206] Лидией Александровной, [207] Бердяевым. И – в общении – все хороши...

МЭ.

Москва, 5 июля 1917 г., среда

Милая Лиля,

Последнее, что я знаю о Сереже, это то, что вчера (4-го) должен был быть его выпуск. С тех пор я писем не получала. Он писал 25-го.

Коротенькая записочка и вырезки из газеты о нападении большевиков на петергофцев, – я тогда Вам писала.

Я вчера вечером была на Тверской. Огромная толпа стройным свистом разгоняла большевиков. Среди солдат раздавались возгласы: «Подкуплены! Николая II хотят!» – «Товарищи, кричите погромче: „Долой большевиков!“»

Мчались колючие от винтовок автомобили. Настроение было грозное. Вдруг кто-то крикнул, толпа – обезумев – побежала, – иступленные лица, крики – ломились в магазины – Ходынка.

Я что есть силы бросилась на совершенно опустевшую мостовую, – ни одного человека – ждали выстрелов.

Одно только чувство: ужас быть раздавленной. Всё это длилось минуту-две. Оказалось, – ложная тревога. Мы были с Лидией Александровной.

По переулкам между Тверской и Никитской непрерывно мчались вооруженные автомобили большевиков. Первый выстрел решил бы всё.

Мы с Лидией Александровной пробыли там часов до одиннадцати, – не стреляли.

Я в безумном беспокойстве за Сережу. Как только получу от него телеграмму, мгновенно телеграфирую Вам.

Москва – какой я ее вчера видала – была прекрасной. А политика, может быть, – страстнее самой страсти.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЭ

Июль 1918 г.

Милая Лиля!

Получила все Ваши три письма.

Если Вы всё равно решили жить в деревне, я у Вас Ирину оставлю, если же живете исключительно из-за Ирины, я Ирину возьму.

Жить на два дома сейчас невозможно, денег у меня в обрез, ибо потребности дня неограничены.

Всё, что я смогу сделать – платить за Ирину молоко, давать крупу и взять на себя половину того, что Вы платите за комнату.

Подумайте, подходит ли это Вам, и ответьте через Мишу.

Надо – необходимо – приучать Ирину к картофелю. Крупы мало и достать нельзя. За картофель буду платить отдельно. Я определенно не хочу, чтобы Вы на Ирину тратили хотя бы копейку, но если ее содержание будет мне не по силам, я ее возьму.

Вот, милая Лиля, точно и определенно – положение моих дел.

Не сердитесь и не упрекайте, у меня не только Ирина, а еще Аля, а еще дрова, которых нет, и ремонт, за который надо платить и так далее – без конца.

Целую Вас. Подумайте и ответьте. Посылаю крупу и 84 р. за Ирину молоко до 4-го августа старого стиля. Деньги за комнату – если Ирина у Вас останется – привезу в среду.

МЭ

7-го февраля 1939 г., вторник

Из Парижа в Москву[208]

Милая Лиля,

Сердечно рада, что одобрили могилу.[209]

Я – лежачую выбрала, потому что помню, как мой отец – для себя хотел лежачей, со свойственной ему трогательной простотой объясняя, что – стоячие памятники – непрочные, клонятся – валятся, что это – беспорядок и нарушает мир последнего сна.

– Где Вы жили в Париже и в окрестностях, т. е. какие места Вам особенно-дороги? Потому что в данном квартале можно найти открытку с данной улицей.

Напишите (кроме Сэны, quais, [210] общего – это я знаю) все Ваши любимые (жилые) места, и я, пока время есть, похожу по Вашему прежнему следу – и достану. Не забудьте и загородных мест.

Могилу увеличу и тоже пришлю – по 3 карточки каждого снимка, потому что – думаю – Ваши сестры тоже захотят. Увеличу séría, это – мягче.

Город – безумно-хорош, и у нас уже дуновение весны.

Всего лучшего, жду по возможности скорого ответа об улицах и загородах – на это нужно время.

М.

Слышали ли Вы о смерти М. Ju'lia? [211] Умер несколько лет назад – в каком-то очень важном чине. А помните, как его в последнюю минуту обвинили в краже болгарского [212] белья – и я его утешала? Иных уж нет, а те – далече...

3-го октября 1940 г.

Москва, Покровский бульвар,

дом 15/5, 4-ый подъезд, квартира 62

Милая Лиля,

Спешу Вас известить: Сережа на прежнем месте. [213] Я сегодня сидела в приемной полумертвая, п. ч. 30-го мне в окне сказали, что он на передаче не числится (в прошлые разы говорили, что много денег, но этот раз – определенно: не числится). Я тогда же пошла в вопросы и ответы и запросила на обороте анкеты: состояние здоровья, местопребывание. Назначили на сегодня. Сотрудник меня узнал и сразу назвал, хотя не виделись мы месяца четыре, – и посылно успокоил: у нас хорошие врачи и в случае нужды будет оказана срочная помощь. У меня так стучали зубы, что я никак не могла попасть на „спасибо“. („Вы напрасно так волнуетесь“ – вообще, у меня впечатление, что Сережу – знают, а по нему – и меня. В приемной дивятся долготы его московского пребывания.)

Да, а 10-го годовщина, и день рождения, и еще годовщина: трехлетия отъезда. [214] Але я на ее годовщину, 27-го, [215] носила передачу, Сереже, наверное, не удастся...

Мур [216] перешел в местную школу, по соседству, № 8 по Покровскому бульвару (бывшую женскую гимназию Виноградовой). Там – проще. И – так – проще, может выходить за четверть часа, а то давился едой, боясь опоздать. А – кошмарный трамвай: хожу пешком или езжу на метро (Кировские ворота в 10 мин.). Немножко привыкла. Хорошие места, ноне мои. На лифте больше не езжу, в последний раз меня дико перепугал женский голос (лифтерша сидит где-то в подземелье и говорит в микрофон): – Как идет лифт? Я, дрожащим (как лифт) голосом: – Да ничего. Кажется – неважно. – Может, и не доедете: тяга совсем слабая, в пятом – остановился. Я: – Да не пугайте, не пугайте, ради Бога, я и так умираю от страха!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

„И с той поры – к Демьяну ни ногой“.[217]

Честное слово: так бояться для сердца куда хуже, чем все шесть этажей.

С деньгами плоховато: все ушло на квартиру и переезд, а в Интернациональной Литературе, где в ближайшей книге должны были пойти мои переводы немецких песен – полная перемена программы, пойдет совсем другое, так что на скорый гонорар надеяться нечего. Хоть бы Муля выручил те (воровкины) 750 рублей.[218]

Заказала книжную полку и кухонную (NB! Чем буду платить??). Столяр – друг Тагеров, [219] чудный старик, мы с ним сразу подружались. Когда уберутся ящики, комната будет – посильно – приличная. Очень радуюсь Вашему и Зинаиды Митрофановны [220] возвращению. Как наверное дико-тоскливо по вечерам и ночам в деревне! Я, никогда не любившая города – не мыслю. О черных ночах Голицына вспоминаю с содроганием. [221] Все эти стеклянные террасы..

Замок повешу завтра – нынче не успела. Куплю новый, с двумя ключами: тот тоже есть, но куда-то завалился. Ничего – будет два.

Целую обеих, будьте здоровы.

М.

Конец сентября – начало октября 1939 г., Болшево

В Москву

Дорогая моя Лиля,

Все у нас идет своим чередом. [222] Перегородка еще не поставлена, потому что нет до сих пор материала (9 листов фанеры!), но нужно думать на этих днях появится.

Радостная новость – Мурины рисунки произвели в школе фурор.

Кот [223] ворвался, чтобы бежать на станцию. Обнимаю.

7-го февраля 1939 г., вторник

14-го июля 1941 г. Пески Коломенские в Москву

Дорогая Лиля! Пишу Вам из Песков, куда мы уехали 12-го. Был очень сложный и жаркий переезд, половину необходимых вещей забыли. Последние дни из-за газа и неналаженного примуса почти ничего не ели. Вообще, были очень трудные дни.

Умоляю Веру сходить за меня, я действительно не могла, было очень плохо с сердцем. Нынче отдали паспорта в прописку, вернут в конце недели, тогда съезжу в Москву и на авось зайду к Вам, хотя надеюсь, что вы обе тоже в деревне.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Скоро начнем с Котом работать в колхозе, нынче я на полном солнце с 11 ч. до 1 ч. полола хозяйкин огород, чтобы испробовать свои силы, и ничего. Но не знаю, как будет с другой работой, притом каждодневной. Очень, очень прошу Веру заменить меня, это просто необходимо, а то рукопись потеряется. Целую вас обеих. Я еще очень плохо сплю, но с сердцем немножко лучше.

Марина

КОЖЕБАТКИНУ А. М
Палермо, 4-го апреля 1912 г.

Христос Воскресе,

милый Александр Мелетьевич! Мы встречаем Пасху в Palermo, где колокола и в постные дни пугают силой звона. Самое лучшее в мире, пожалуй – огромная крыша, с которой виден весь мир. Мы это имеем. Кроме того, на всех улицах запах апельсиновых цветов. Здесь много старинных зданий. Во дворе нашего отеля старинный фонтан с амуром. С нашей крыши виден двор монастырской школы. Сегодня мы наблюдали, как ученики приносили аббату подарки на Пасху и целовали ему руки. Пишите о Москве. Всего лучшего.

Марина Эфрон

Мой адрес: Italic, Palermo, Via Allora, Hotel Patria, № 48. М-me Marina Efron.

Сиракузы, 26/13-го апреля 1912 г.

Милый Александр Мелетьевич. Получили ли Вы мою открытку из Палермо? Я, кажется, перепутала № Вашего дома. Сегодня мы уезжаем из Сиракуз через Катанью и Мессину в Рим, из Рима – в Базель. Если захочется написать, то адрес: Швейцария, Basel, poste restante, М-me Marina Efron. Что нового в Москве и Мусагете? Пока всего лучшего, Сергей Яковлевич шлет привет. МЭ.

БОГАЕВСКИМ Ж. Г. и К. Ф
Катания, 24/11-го апреля 1912 г.

Милые Жозефина Густавовна и Константин Федорович!

Из Палермо мы приехали в Катанию. Завтра едем в Сиракузы.

Ах, Константин Федорович, сколько картин Вас ждут в Сицилии! Мне кажется, это Ваша настоящая родина. (Не обижайтесь за Феодосию и Коктебель.) В Палермо мы много бродили по окрестностям – были в Montreale, где чудный, старинный бене-диктинский монастырь с двориком, напоминающим цветную корзинку, и мозаичными колоннадами. После Сиракуз едем в Рим, оттуда в Базель. Если захочется написать, то адрес Schweiz, Basel, poste restante. Всего лучшего. Сережа шлет привет.

МЭ.

ЭФРОН В. Я
4-го августа 1911 г

В Коктебель

Усень-Ивановский завод. [224]

Милая Вера, привет от милой Марины. Она с утра до вечера откармливает Сережу всякой всячиной и, вычитав недавно, что в Турции жены султана едят рис, чтобы потолстеть, начала пичкать его (Сережу) рисом. Иногда она вспоминает Макса и стих Гумилева: „Я хочу к кому-нибудь ласкаться, Как ко мне ласкался кенгуру“ [225] – и вспоминает тогда Вас. Никто никогда не сумеет так тереться о ее плечо и подставлять ей свое, как Вы. В этом она уверена. Марина, если Вера позволит, целует Веру.

мц

Таруса, 11-го июня 1912 г.

В Коктебель

Милая Вера,

Вот уже неделя, как мы у Тіо. Она делит свою нежность между граченком, которого выходила, четырьмя котами, голубями, воробьями, курами, нищими и нами, – но на нашу долю все-таки остается много.

От Сережи она в восторге, советуется с ним во всех важных случаях. Так например, она спрашивала его недавно, нужно ли ремонтировать флигель, который сгорел несколько времени тому назад от лампы. Сережа сказал „да“, и завтра начинается перестройка. С 15-го июля мы переселяемся туда, пока мы живем в гостиной главного дома, у нас свой ход на улицу и свой ключ. Но Сережин кредит третьего дня чуть-чуть не поколебался: он вздумал учить летать граченка и для этого прямо бросал его с высоты поднятой руки. Несколько раз понадобилось благополучно, но в конце концов несчастный упал на хвост и несколько времени ходил грустный. Тіо сразу это заметила. – „Это вы, наверно, Сирожка, огорчили моя бедная граченька“. (Она грасирует.) Сережа, конечно, уверял ее, что нет. Дай Бог, чтобы он только не скончался! С ним тогда навеки кончится тетинo доверие к Сереже.

Мы встаем к 9-ти часам, пьем кофе и сидим за столом часа по два: Тіо то вспоминает старое время, свою молодость и мамину, то жалуется на прислугу и „тарусская свиней!“ Ее, действительно, страшно обижают. Когда ей, например, понадобится написать русское письмо, она платит 5 р., за простую палку для флага, срубленную тут же в лесу с нее берут 2 р. и т. д.

Она вздыхает – и дает, иногда даже не вздыхает!

Мы видимся с ней только за едой, остальное время она занята хозяйством, т. е. собственноручно перетирает мебель, посуду, готовит и жалуется на всю эту работу. У нее 3 прислуги: 70-тилетняя старуха из „самая ужасная город – Нижний, первый забастовщик“, горничная и вечно спящий дворник, похожий на лешего. А делает она всё сама!

Дом – волшебный, поражает чистотой. Все в чехлах. Я в диком раже. Так хочется рассмотреть все эти стенные и стоячие лампы, канделябры, статуи, картины, диваны, кресла, тумбочки, столы! Но нет: все крепко зашито! В ее комнате всегда полутемно. Над диваном огромный портрет дедушки углем, по бокам фотографии: мамы детские и наши всех возрастов, на туалетном столике граненые флаконы – увы, пустые! Она не выносит духов – какие-то полированные ящички с цветами, ручные зеркальца, – всякая чудесная мелочь. Часы с вальсами Штрауса и Ланнера

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
больше не ходят, она говорит, что это после нашего последнего приезда.

Скоро зацветут липы. Они окружают весь сад, круглые, темные, страшно густые. Перед террасой площадка, посыпанная красным песком. Раньше на клумбах росли дивные цветы, теперь же ничего нет, всё сожрали и вытоптали мои враги, предмет моего глубочайшего отвращения – куры.

Не помню, писал ли Вам Сережа о нашем особняке на Собачьей площадке? В нем 4 комнаты, потолок в парадном расписной, в Серезиной комнате камин, в моей и столовой освещение сверху (у меня, кроме того, нормальное окно) и вделанные в стену шкафы. Кухня и комната для прислуги в подвале. Если не будет собственного, хотелось бы прожить в этом доме подольше, такой не скоро найдешь!

Ну вот и всё о нас пока.

Пишите о себе, о коктебельской жизни этого лета, – прогулках, симпатиях, ненавистях (они должны быть, раз есть Толстой!) Были ли в Феодосии, видались ли с Петром Николаевичем?[226] Он на наши книги, посланные из Шварцвальда, ничего не ответил.

Купаетесь ли?

Пишите обо всем и побольше. Ася целое лето будет в Москве. Да, я забыла: мы уже обставили всю нашу квартиру, купили старинный рояль с милым, слегка разбитым звуком, прекрасную ковровую мебель для Серезиной комнаты, зеркало из красного дерева, как и рояль, гардероб и т. д.

Будет очень волшебный домик, осенью увидите.

Ну, окончательно до свидания.

мэ

Июнь 1912 г.

Милая Вера, Спасибо за возмутительно-неподробное письмо. Мы около 2-х недель скитаемся и мечемся по Москве в поисках „волшебного дома“. [227] Несколько дней тому назад (это для приличия, по-настоящему – вчера) наконец нашли его в тихом переулочке с садами. Что яблочный сад при нем – не верьте: просто зеленый дворик с несколькими фруктовыми деревьями и рыжим Каштаном в будке. Если хотите с Лилей жить в „волшебном доме“, – будем очень рады. Одна комната большая, другая поменьше. Ответьте. Завтра Сережа едет в Петербург к Завадскому за разрешением, [228] во вторник, по-видимому, дом будет наш. Нужно будет осенью устроить новоселье. До свидания, о подробном письме уже не прошу. Привет всем, вернее тем, кто меня любит. Другим не стоит.

Марина.

Москва, 11-го июля 1912 г.

В Коктебель

Милая Вера,

Я должна просить у Вас прощения: по некоторым обстоятельствам, о которых я сразу не подумала, трудно будет устроить, чтобы Вы с Лилей жили у нас. Может быть Вы даже и не согласились бы, прошу прощения на случай согласия.

Бедный Сережа уже четвертую ночь в вагоне между Москвой и Петербургом. Мы ведь оба несовершеннолетние, папы сейчас нет, и приходится обращаться к Серезину попечителю Завадскому. Вчера мы целый день провели у нотариусов – главного и неглавного. Оказалось, что разрешение на купчую, выданное Серезе петербургским нотариусом и подписанное попечителем, написано не по форме, и Серезе пришлось вторично ехать в Петербург. Иначе всё дело с домом пропало бы. К счастью он хорошо спит в вагоне и вид у него ничего-себе. На днях всё это кончится и мы уедем куда-нибудь на дачу, может быть в Удельную.[229]

Третьего дня вечером я встречала Нютю. Поезд ее стоял всего 15 минут, и мы не успели рассказать друг другу всего. Она была очень оживлена, в восторге от путешествия, очень загорела и выглядит хорошо. А. В.[230] приезжает 16-го.

Прочла рецензию в Аполлоне о моем втором сборнике.[231] Интересно, что меня ругали пока только Городецкий и Гумилев, оба участника какого-то цеха.[232] Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду.

Да, нечто приятное для Вас! Вчера мы в трамвае встретили одного Вашего знакомого. Он первый подошел к нам. – „Я узнал Вас по глазам“, сказал он Серезе, – „у Вас настоящие эфроновские глаза. Скажите, пожалуйста, где теперь Вера Яковлевна и Елизавета Яковлевна?“ Сереза ответил. – „А где они будут зимой? Где будет Вера Яковлевна? Как мне ее разыскать? А как Ваше отчество?“

После этого он быстро повернулся и, не дождавшись ответа,[233] ушел на площадку.

Этот знакомый – Асмол... Честное слово, всё было, как я говорю!

Пока до свидания.

Надеюсь, Вы на меня не сердитесь.

МЭ

Иваньково, 29-го июля 1912 г.

В Коктебель

Милая Вера,

Вот уже 5-ый день, как Сереза заболел и в постели: t° три дня стояла на 38,5 – 39,5. Был доктор, но ничего определенного не сказал: думает, что идет какой-то острый воспалительный процесс в области толстой кишки. Бедный Сереза уже пять дней почти ничего не ест: полное отсутствие аппетита и кроме того воспаление десен и нарывы по всему рту. Доктор прописал строгую диету; из лекарств – пирамидон и салол.

Мы живем на даче у артистки Художественного театра Самаровой,[234] в отдельном домике. Есть чудесная комната для Вас, с отдельной маленькой террасой и входом.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как только приедете в Москву, непременно приезжайте к нам и живите до начала занятий. Лиля умоляет Вас сделать это, несмотря на сравнительную дороговизну пансиона (50 р.)

Режим и воздух здесь очень хорошие. На соседней даче живут Крандиевские, которые предлагают Вам свое гостеприимство в случае, если цена пансиона Вам не подойдет. Мы останемся здесь до 20-го августа.

Дорога сюда следующая: на трамвае до Петровского парка, потом на извозчике до самой нашей дачи (75 коп.) Нанимайте в деревню Иваньково, извозчики уже знают.

Кроме всего остального, знакомство с Самаровой может оказать Вам пользу.

Она пожилая и очень трогательная, особенно своими заботами о Сереже.

Сейчас должен прийти доктор.

30-го июля 1912 г.

Вчера доктор выказал предположение, что это заболевание – инфекционное. Должно быть Сережа пил в Москве какую-нибудь гадость. Сегодня т почти нормальная, но слабость очень велика. Крандиевские каждый день заходят справляться о Серезином здоровье и ведут себя очень трогательно.

Скоро напишу Вам еще.

Ответьте поскорей, хотите ли Вы поселиться у Самаровой.

До свидания.

МЭ

Адрес: Покровское-Глебово-Стрешнего по Московско Виндавской ж. д. Деревня Иваньково, дача Самаровой.

Орел, 9 ч. утра 7-го сентября 1913 г.

В Москву

Милая Вера,

Еду без паспорта – где ночевать в Севастополе? Послала телеграмму Петру Николаевичу[235] с тем же вопросом и просьбой ответить Севастополь вокзал телеграф до востребования. На вокзале, кажется, ночевать не позволяют, а в гостиницу не пустят. Вспомнила о паспорте в самый момент отхода поезда, но не успела сказать. Попросите Леню[236] сказать по телефону 198-06 в лечебницу, что паспорт дворника у него. Тогда Чичеровы[237] пришлют за ним.

Еду хорошо, „публики“ меньше.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Всего лучшего Вам... и мне!

МЭ

P. S. Узнайте, пожалуйста, 198-06, отнес ли Владимир Пете[238] книги и нашлась ли одна квитанция?

1913 г. 17 сентября

Ялта, санатория Александра III

день Ваших именин

Милая Вера,

„Я не съела ни листа,

Как могла я быть сыта?“

Эта Сидоровая[239] поздравляет Вас с именинами. Пишу у Лёвы во время ужина. Сегодня Лёва был у доктора, который советует ему делать операцию аппендицита и ехать в Москву, – ему совершенно не нужна санатория. Это слова главного врача санатории. Соколу он не сказал ничего определенного, предлагает ему лечиться туберкулином, на что Сокол, конечно, не соглашается. Оба – и Лев и Пудель[240] – очаровательны и ведут себя великолепно. Лиля принимает углекислые ванны и целыми днями спит. Аля невероятно похудела и побледнела, но здорова, хотя очень капризна. Через 10 дней будут готовы ее карточки с Грушей, которую – Вы еще не знаете? – мгновенно выпроводили из Ялты через день после моего приезда. Причина – паспорт. Новая няня несколько тупа, но очень старательна. Лиля безрезультатно воспитывает ее и Алю. Аля говорит: куда, туда, кукла, „ко“ (кот), мама, папа, тетя, няня, гулять. У нее невыносимый характер. Хозяйка дома в ужасе и чуть-чуть не попросила нас съехать. В Севастополе я ночевала в купальне, – было чудно: холод, шум моря, луна и солнце; утром стало хуже – полосатые дамы.

Всего лучшего!

Наш адрес: Общинный переулок дом Кирьякова.

МЭ

Ялта, 25-го сентября 1913 г., среда

Милая Вера,

Сереза с Соколом остаются здесь еще на один месяц – до 1-го ноября. Мы решили взять комнаты Макса и Пра, предупредите квартирантов за 2 недели до нашего приезда. [241]

Зверинные здоровья – ничего, слегка прибавляют. Завтра они будут у нас праздновать наши рождения. Сейчас в Ялте цирк Дурова, Лиля каждое утро решает пойти и каждый вечер перерешает. Сегодня она с ужасом рассказала мне, что в программе помечен поезд из 70-ти крыс.

Аля здорова, но очень капризна. На днях пришлю Вам ее карточку. Она, кроме прежних слов, говорит еще „Лиля“, – это не без упорного Лилиного воспитания.

Пока всего лучшего, сейчас будем с Лёвой проявлять.

Напишите мне, пожалуйста, адрес Майи, не забудьте!

я ей пишу бесконечное письмо.

Привет всем знакомым и поцелуй Вам.

МЭ

Ялта. 8-го октября 1913 г., вторник

Милая Вера,

Когда я не знаю дня недели, я ставлю наугад, – иногда выходит верно. От Вас 100 лет – ни строчки. Мы с Лилей ведем идиллическую жизнь, нарушаемую только ее изучением непонятных ей научных предметов и терминов. Ее робкая надежда всё-таки сдать экзамены – умилительна. Сокол скучает, молчит, вяло волочит ноги и... прибавляет. Лёва в восторге от моря, тумана, близости или дальности гор, облаков и солнца и за последнюю неделю немного сбавил. Но в общем он чувствует себя лучше, чем до санатории. Он в упоении от „Войны и Мира“. Я сейчас читаю Valzac'a „Cousine Bette“ [242] – историю злостной старой девы, которую Лиля находит похожей на себя. – Всё еще зелено, солнце еще греет. Мы много снимаем стереоскопом.

Аля говорит несколько новых полуслов и определенно называет всех по именам. Она стала дольше спать и меньше капризничать. Хорошеет с каждым днем. Получили ли Вы ее карточку? Лиля привезет еще лучшую.

Пока до свидания, до 1-го – 3-го ноября наш адрес – прежний. Привет Майе и Фельдштейнам, если их увидите. Я им тоже послала Алину карточку.

МЭ

Ялта. 14-го октября 1913 г., понедельник

Милая Вера,

Спасибо за письмо. Послезавтра я с Алей и няней еду в Феодосию устраиваться. Сегодня к нам приходят Лёвы, [243] второй раз за всё время. Лиля волнуется уже с 4-ех ч. утра (первое пробуждение Али), стараюсь изобразить на тарелке нечто вроде сбитых сливок. У нее 2 пары великолепных соколиных башмаков: одни – ярко (даже слишком) рыжие, другие – ослепительно-белые. Она „обеспечена“ на 2 года и в восторге.

Лёва вчера прибавил около трех фунтов (за неделю); Сокол тоже около этого. Лёва сейчас весит 41/2 пуда, Сокол – 4 без двух фунтов. Но Левин нормальный вес должен быть никак не менее 5 пудов по его росту! Всё-таки он поправляется.

Насчет Феодосии мы решили как-то сразу, не сговариваясь. Сереже хочется спокойствия и отсутствия соблазнов для экзаменов, мне же сейчас совершенно безразлично, где жить. К тому же в Феодосии будет Ася. Не видали ли Вы ее? Я уже около трех недель не имею от нее ни строчки. Пишите мне уже в Феодосию на Петра Николаевича.

Напишите мне, пожалуйста, адрес Аделаиды Казимировны и передайте ей это письмо возможно скорей, – в нем Алина карточка.

Аля очень быстро развивается. Говорит: „ко“, мама, Лиля, няня, „па“ (упала), „ка“ (каша, – причем указывает рукой на кастрюльку), куда, „кука“ (кукла); понимает „нельзя“, „иди“, „вставай“, узнает в книге кота и тигра, которого тоже называет „ко“. Ходит она быстро и гораздо уверенней, чем месяц назад. Волосы и брови темнеют. Да, Вы правы! Лиля и не думает учить ее „тетя Вера“, – ничего подобного.

Привет фельдштейнам и Майе. Пра собирается в Москву 15-го ноября. Маргарита Васильевна[244] всё еще в Коктебеле, я ее наверное застану.

Всего лучшего.

МЭ

Феодосия, 14-го декабря 1913 г., суббота

Милая Вера,

Спасибо за письмо. Третьего дня только я отправила Вам и Лиле открытку с новостями об Але. К ним могу прибавить пока только одну: она начала „читать“ все окружающие предметы: гребенку, стул и т. д. На карточках она гораздо хуже, чем в натуре: пропадает цвет глаз, нежность кожи. К тому же ее лицо очень подвижное, и многие выражения являются случайными.

Сереже много лучше. Ему дают кашу, и сегодня – котлеты. Он оброс и похож на оранга.

В письме к Пра Вы найдете описание моей текущей жизни. Стихов пишу мало, но написанными довольна. Есть длинные стихи Але, начинающиеся так:

„Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте“...
Если Вам интересно, – пришлю.

Последние дни вижусь с Максом. Он очарователен, как в лучшие дни и я вполне забыла летние недоразумения.

О книгах в магазинах ничего не знаю. Прошлой весной мы их давали на комиссию, – проданы, или нет – я не знаю. У Кожебаткина жульническим образом кроме 180–200 (м. б. больше) руб. за продажу наших книг осталось еще больше 50 (м. б. 100!) экз. „Волшебного фонаря“ без расписки. А м. б. и 200, сейчас не знаю.

У меня есть здесь около 10-ти – 15-ти экз. „Волшебного фонаря“, но как их переслать? М. б. через Редлихов, если они поедут в Москву.

Стихи Мчеделову перепишу с удовольствием какие хочет, – его любимые. Передайте мой привет Асе Жуковской. [245] Видитесь ли с Майей и Аделаидой Казимировной? Напишите мне большое письмо о себе!

мэ

Крепко целую Вас и Лилию. Асин Андрюша прекрасно ходит, Аля еще неуверенно, – она гораздо крупнее. У нее 13 зубов.

Феодосия, 9-го марта 1914 г., воскресенье

Милая Вера,

Подлая Вы и подлая Лиля ничего не отвечают мне на мои письма. Пра недавно писала, что Вы на лето уезжаете играть – надолго ли? куда? какие роли? Неужели так и не попадете в Коктебель? Ни Вас, ни Лили и присутствие Толстого [246] – довольно неуютная перспектива! Уже 1/2 года, как мы не видались и еще 1/2 года, пока увидимся. Пра пишет, что Вы хороши, как юный тополь. Оставайтесь такой до нашего свидания!

Аля очень выросла, очень похорошела. Теперь бегает не только по комнатам, но и по улицам – Боже, что я пишу! – по саду. Длина ее 82 см., вес – около 30-ти фунтов. Но с виду она худа. Лицо страшно изменчивое, страшно трудно снимать. Понимает она очень много, говорит больше 100 слов. Весела, ласкова, очень сосредоточенна, к игрушкам до странности равнодушна. Любит, когда ей поют в ухо, – подставляет то одно, то другое. Доктор нашел ее малокровной, прописал железо. Легкие и сердце прекрасны. Сейчас ей непрерывно шьются новые вещи: сшиты осеннее плюшевое пальто, капор и муфта; летнее пальто, белое, скоро будут готовы летние платьица – все белые.

Андрюша хорошо бегает, лазит лучше Али, вообще физически проворней. Он ужасно похож на Асю.

Ася думает ехать в Коктебель в конце апреля, мы с Сережей – увы! – только в июне.

Сережа чувствует себя довольно скверно, – слишком устает. Директор, у которого я была, принял меня необычайно радушно и некоторыми чертами напомнил мне папу. Всего лучшего, напишите хотя бы открытку!

мэ

Феодосия, 22-го мая 1914 г., четверг

Милая Вера,

Только что отправила Вам Сережину телеграмму. Он выдержал все письменные экзамены – 4 языка и 3 математики. Очевидно, выдержал, так как директор на вопрос Лидии Антоновны, как он держит, сказал: „хорошо“.

Числа 20-го июня, или 25-го он будет в Москве. Очень хочет повидаться с Петей. [247] Где он сейчас, был ли у него Манухин, [248] возможно ли излечение

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
рентгеновскими лучами? Как его самочувствие – внутреннее? Безумно жаль его!

Если ему это может быть приятным, передайте, что Ахромович [249] в письме ко мне восклицает о нем: „Какой это очаровательный человек!“

Мы с Алей уезжаем 1-го в Коктебель и пробудем там всё лето. Доктора очень советуют для Али морской воздух и солнце.

Сереза по приезде в Москву пойдет к Титову. [250] У него плохо с сердцем, вообще он истощен, но не так плохо, как мог бы быть из-за экзаменов. Обещал мне беспрекословно исполнить совет Титова, или другого специалиста, – ехать именно туда, куда его пошлют, и на столько времени, сколько окажется нужным.

Доктор, смотревший его, сказал, что на военную службу его ни за что не возьмут из-за сердца, но что затронутая верхушка его вполне излечима.

Об Але: она выросла до неузнаваемости и хороша, как ангел. Лицо удлинилось и похудело, волосы почти везде русые, только с боков еще несколько прежних белых прядей.

Говорит она наизусть коротенькие стихи и сама составляет фразу. Например, сегодня она сказала: „Кусака будет мыть ручку“. Видя, что идет дождь, она возмущенно воскликнула: „Дождь пи сделал!“ (т. е. за маленькое). О себе она говорит частью в первом, частью в третьем лице. Например: „Хочу купаться“, „Пойду сама“, но вдруг такие неожиданности: „Дай, пожалуйста, купаться“.

Когда что-нб. просит, всегда прибавляет „пожалуйста“. – „Дай, пожалуйста, розочку“, или бублик, или кубики. Любит смотреть картинки и рассказывать их содержание. Характер идеальный: ни слез, ни капризов. Меня любит больше всех. Я с ней почти целый день, гуляем, заводим шарманку, смотрим картинки.

Няня у нее слегка вроде Груши: молодая (16 лет), веселая и легкомысленная, но сейчас это не опасно, так как Аля с ней находится сравнительно мало. У Али целый гардероб, масса платьев, три – даже четыре! – шляпы, 2 летних пальто, два осенних. Для Коктебеля – цветные носочки и сандалии.

О себе напишу в др. письме. Я, между прочим, подстригла сзади и с боков волосы и выгляжу – по Пра много моложе, по Максусу – взрослой женщиной.

Всего лучшего, милая Вера, крепко целую Вас. Передайте мой нежный привет Пете и напишите о нем. На какие деньги он лечится и хватает ли?

Напишите мне до 1-го сюда, после 1-го – в Коктебель. Уезжаю так рано из-за неприятности с Рогозинским.

мэ

Приписка С. Я. Эфрона:

Целую тебя и Петю – буду в Москве через четыре недели.

Манухин делает чудеса – так хочется, чтобы Петя попробовал Рентгеновских лучей.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Выехал бы сейчас в Москву, да не могу из-за экзаменов. Как только кончу – приеду.

Передай Пете самые нежные слова. Не пропустите время для операции, часто только она может помочь. Прости, Верочка, что не приезжаю.

Сереза

Куда писать? Пиши почаще о Пете. Где Лиля?

#11_13

Коктебель, 6-го июня 1914 г., пятница

Милая Вера,

Пишу Вам на авось к фельдштейнам.[251] Взяли ли Вы мое письмо до востребования?

Скоро будет неделя, как я здесь. Природа та же – бесконечно хорошая и одинокая, – людей почти нет, хотя полны все дачи, – настроение отвратительное. Милы: Пра, Майя, Ася, Андрюша, Аля. Равнодушны и почти невидимы: Богаевский, Кандауров, Оболенская, Радецкий на днях приехал – очень помолодел и похорошел, весел, мил, но далек.

Есть молодая пара: милый, беззаботный 20-тилетний муж, – безобидный, слегка поверхностный[252] и 19-тилетняя жена, [253] – хорошенькая, вульгарная, с колоссальным апломбом, считающая Сарру Бернар „подлой бабой“, Marie Башкирцеву – „тщеславной девчонкой“, юношескую вещь Hugo „Nap d’Island“ [254] – бульварным романом и, наконец, нежность – чем-то средним. Стараются иметь детский вид и голос. „Котлета“ произносит „котлэта“. Презирует учение Льва Толстого и русское простонародье. – Хуже и дерзче Копы[255] и карикатурнее первой Инны (лето 1911 г.!) в тысячу тысяч раз. Куда хуже С. И. Толстой!!![256] Пра от нее в детском восторге, Макс весьма почтителен, Майя детски верит в ее искренность. Пра и Майя – дети, Макс – мужчина. Этим всё объясняется.

Молодой человек – австриец по происхождению, готовится к режиссуре, пишет сказки, прелестно (до слез!) поет Игоря Северянина, подражая ему, но сам неглубок, хотя одарен. Вот и все люди. Много других, незнакомых. Макс очень раздражителен и груб, ни с кем почти не говорит. Я с приезда ни разу не была у него в мастерской. Даже странно об этом думать. С Пра у него плохие, резкие отношения и ей, по ее словам, всё равно, уедет ли он в Базель, или здесь останется.

Мы с Асей живем очень отдельно, обедаем в комнатах, видимся с другими, кроме Пра и Майи, только за чаем, 1/2, часа три раза в день. И то всё время споры, переходящие в ссоры, которые, в свою очередь, возрастают до скандалов. Таков дух этого лета. Алюшка бледна и худая, но здорова, бегает босиком по песку, с людьми очень сдержана, любит только меня. Все, выдавшие ее прошлым летом, удивляются ее росту, худобе и речи.

Андрюша на вид здоровее ее, хотя здоровьем нежнее, – лучше бегают, проворней лазит, ко всем идет, у всех просит „сухалика“. Гладит Макса по голове и засыпает с неизменной – непонятной – фразой: „Махе, китили цяс?“ Вообще это ребенок живой, веселый, добрый, капризный, – очень нежный, но почти ко всем. Меня он зовет то „Селёзецка“, то „Милина“, то „Малина“, то „Ася“. Асю обожает: целует,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru обнимает, силится поднять, зовет, целует ее карточку и всем дает целовать (это еще до ее приезда).

Аля решительно всех поражает своей взрослостью, строгостью, неулыбчивостью. К Андрюше она прохладна, Пра боится. Слушается только меня, – без меня ни за что ни с кем не поздоровается.

Меня убивают Пра и мать Оболенской, [257] вздыхающие над Алиной худобой и умоляющие меня раскармливать ее. Вчера я попробовала, и кончилось бледностью, вялостью и, наконец, Фридрихом. [258] – „Давайте ей конфет, шоколада, сахара!..“ – Точно ей пять лет! Вчера ей исполнилось 1 г. 9 мес.

Няня у нее веселая, хорошенькая, вполне надежная, но я за ней всё время гляжу. К тому же Аля – воплощенное благоразумие: боится всего, что не корова, лошадь, собака и кот, – даже Божьей коровки. В море не лезет, – наоборот, при виде его торопливо шепчет: „Пи идем“, – только от нежелания и страха. – Странный эффект! Аля душой и телом – маленький грустный ангел. Только со мной Аля весела и то как-то странно, солидно. Только меня целует сама, только меня боится. Когда что-нибудь натворит – бросит ли куклу на пол, или даром попросится, сама идет в угол и плачет, без малейшего моего слова, и не выйдет оттуда, пока не скажешь: „Ну, иди!“ Страшно любит пение: всё бросает, даже сухарик, и слушает, раскрыв огромные глаза. Когда кончишь: – „Еще, паята!“ (пожалуйста). Сама петь стесняется, так же, как смеяться, – насильно сжимает губы. Больше всех игрушек любит мои кольца и браслеты, любит душить. Это всё может показаться тенденциозным, но всё это – правда.

Сереза 5-го выдержал историю – пишет, что „позорно“ – и то слава Богу! Ему еще осталось 4 экзамена:

9-го – латынь

12-го – Закон Божий

13-го – Физика

14-го – французский и немецкий языки. И всё! Потом мы м/ б/ все с детьми поедem в Шах-Мамай. [259]

Лидия Антоновна глубоко-очаровательна: женственна, чутка, нежна. Сереза, Ася и я с ней в большой дружбе. Мика нас очень любит, это настоящий „Ми-иша“, круглый, тяжелый, ласковый. Ириночка – прелестный, необычайный ребенок и хороша на редкость. Есть еще двухлетняя Таня [260] – тоже медведик – пожирает порцию двух взрослых людей. У нее редчайший слух. Весной – ей еще не было двух лет и она еще не говорила – она уже пела около 50-ти песенок без малейшей ошибки и отбивала такт своим копытом. На вид ей 4 года.

Если поедem в Шах-Мамай, то пробудем там дней 5, Сереза немного отойдет и затем числа 20-го, 21-го поедет в Москву. Относительно его лечения – ни он, ни я ничего не знаем. Пусть московские доктора – и лучше два, чем один – его внимательно осматривают и решат, куда ему ехать. У него затронута одна верхушка, неправильное сердце (т. е. деятельность) и что-то с желудком. Всё это надо лечить сразу: для легких – воздух, для сердца – может быть души, или еще что-нб., для желудка – диета. Хорошо, если бы вы у кого-нибудь узнали, кто к концу июня из хороших докторов будет в Москве. А то на Серезу нечего надеяться! Не пугайтесь: ничего ужасного с ним нет, но всё расшатано. Я очень счастлива, что он всё-таки кончил. Это его грызло и вредило ему больше, чем казалось. Теперь он почувствует себя свободным и будет лечиться. Он очень оскелетился, но не так сильно, как мог бы, – мы все еще удивляемся. Подумайте, три месяца

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
умирать от сна и выдержать 25 экзаменов, если не больше! Его аттестат зрелости –
прямо геройский акт.

Стихи Сереже

Нет, я пожалуй странный человек,
Другим на диво! –
Быть, несмотря на наш XX век,
Такой счастливой!
Не слушая речей о тайном сходстве душ,
Ни всех тому подобных басен,
Всем объявлять, что у меня есть муж,
что он прекрасен.
Так хвастаться фамилией Эфрон,
Отмеченной в древнейшей книге Божьей,
Всем объявлять: „Мне 20 лет, а он –
Еще моложе!“
Я с вызовом ношу его кольцо,
С каким-то чувством бешеной отваги.
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.
Печален рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.
Он тонок первой тонкостью ветвей,
Его глаза – прекрасно-бесполезны –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.
Мне этого не говорил никто,
Но мать его – магические звенья! –
Должно быть Байрона читала до
Самозабвенья.
Когда я прочла эти стихи и кто-то спросил Макса, понравилось ли, он ответил:
„Нет“ – без объяснений. Это было первое нет на мои стихи. Поэтому мне хотелось
бы знать и Ваше, и Лилино, и Петино мнение.

Сейчас гроза. Страшный ливень. Где-то Кусака? У меня сегодня болит шея, которую
за ночь отдал Кусака. Это его обычное место. Душно, спихнешь, в ответ: „Мурры“
(полу-мурлыканье, полумяуканье) и он снова a la lettre[261] на шею.

Он – совсем человек, такой же странный кот, как Аля – ребенок.

Стихи Але

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной и всем чужой,
Стремительной амазонкой,
Пленительной госпожой,
И кудри свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем.
Ты будешь царицей бала
И всех молодых поэм.
И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И всё, что мне только снится,
Ты будешь иметь у ног.
Всё будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи,
Ты будешь как я, бесспорно,
И лучше писать стихи...
Но будешь ли ты – кто знает?
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Твоя молодая мать...

5-го июня 1914 г., Коктебель,

Але 1 г. 9 мес. ровно.

Вера, где Лососина и почему ничего не пишет? Если напишет до Сережиного отъезда – пришлю ей какой-нибудь подарок. Вам уже он обеспечен.

Пока всего лучшего, пишите о Пете и передайте ему эту записочку.[262] как его адрес?

Целую Вас и Лососину. Пишите.

Приветы Ваши передам, хотя дрожу за свою интонацию.

мэ

Конец июля 1916 г., Москва

Милая Вера,

Посылаю Вам спирт и книжку, ради Бога не потеряйте, а то опять придется доставать разрешение.

Сережа был в лечебнице: катарр, прописали ментол с кокаином, у него маленькая лихорадка.

Вера, Мандельштама забирают![263] и Говорова![264]

Когда у Вас новоселье?[265]

Целую Вас и Магду.

мэ

P. S. Можно ли себе мазать голову очищенным дегтем, или потом не смоешь? Это Сережа рекомендует, но боюсь, что тут что-то не то.

#11_13

Начало октября 1916 г., Москва

Милая Вера,

Если у Вас еще есть работа, пусть Анна Ивановна[266] еще побудет у Вас, – у меня сломался ключ от сундука, где все вещи для шитья, кроме того я жду от Лили кавказского сукна на шубу. Когда Анна Ивановна кончит у Вас, направьте ее ко мне, никому не передавайте, я ее займу дней на десять, не больше, – если Лена и Маня[267] могут подождать, так им и скажите.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Кроме того, дайте, пожалуйста, Марте[268] книжку для спирта.

Целую Вас.

МЭ

Сереза просит передать Магде, что придет после обеда, должно быть к трем. К 12-ти он идет в Военно-Промышленный Комитет.

Москва, 28-го января 1917 г.

Милая Вера,

Лиля завтра в 3 ч. занята, а Аля как раз в это время спит, так что мы лучше отложим свидание на другой раз. От Серези пока ни слова. Целую Вас.

МЭ

Между 28 января и 7 февраля 1917 г., Москва

Милая Вера,

Есть возможность написать и послать что-нб. Серезе через знакомых Марии Сергеевны, [269] которые уезжают в Нижний сегодня вечером.

Если надумаете, посылайте пораньше – к Марии Сергеевне. Адрес ее: Большой Афанасьевский, дом 27, квартира Воскресенских. Эти самые Воскресенские-то и едут.

Сереза здоров, ему привили тиф, и он уже оправился. Как-нибудь вечером зайду рассказать подробнее.

МЭ

Москва, 2-го мая 1917 г., вторник

Милая Вера,

Завтра еду домой. Т° сегодня – в первый раз за 2 недели – 36,9.

Пусть завтра в 4 ч. дня заедет за мной Маша. Напомните ей привезти Алино розовое ватное одеяло и дайте ей сдачу с 28 р. (пусть разменяет помельче!) И если можно пришлите еще 25 р.

Другая просьба: завтра же запишитесь для Ирины в Детское Питание, на 4 кормления в день. Скажите, что ребенку 3 недели. Молока у меня определено не хватает. Вчера проверяла. Главный врач сразу посоветовал Детское Питание. (Буду чередовать себя с ним). – „Кормилицы Вы сейчас не достанете, – и не ищите! А

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
молоко в Детском Питании стерилизованное, отлично приспособленное для каждого детского возраста. За успех такого прикармливания ручаюсь. Но придется Вам лето посидеть в Москве".

Так что, Вера, непременно завтра же запишитесь. Буду брать с 4-го числа. Спросите у Аси, как это делается, и можно ли брать молока на 4 кормления в день. (Кажется – на каждый раз – бутылочка).

Целую Вас и Магду. – Мне так совестно за свои вечные просьбы, но скоро я буду здорова и всё это кончится.

МЭ

#11-13#

13-го сентября 1917 г.

Милая Вера,

Я сейчас так извелась, что – или уеду на месяц в Феодосию (гостить к Асе) с Алей, или уеду совсем. Весь дом поднять трудно, не знаю как быть.

Если Вы или Лиля согласитесь последить за Ириной в то время, как меня не будет, тронусь скоро. Я больше так жить не могу, кончится плохо.

Спасибо за предложение кормить Алю. Если я уеду, этот вопрос пока отпадает, если не удастся, – это меня вполне устраивает. Сейчас мы все идем обедать к Лиле. Я – нелегкий человек, и мое главное горе – брать что бы то ни было от кого бы то ни было.

Целую Вас и Асю.

МЭ.

Алю пришлю завтра в 6 часов.

Коктебель, 16-го ноября 1917 г.

Дорогая Вера!

Если есть возможность выехать из Москвы – выезжайте с Алей, Ириной и Любой в Коктебель. Пра предлагает Вам бесплатно комнату и стол.

Все ключи у Вас (у Жуковских). Узнайте на вокзале, доходит ли багаж. Тогда соберите часть вещей менее ценных в большую корзину. У нас их две: внизу и рядом с Сережиной комнатой. Выберите ту, что покрепче и перевяжите веревкой. Если багаж не доходит – зашейте вещи в несколько тюков. Возьмите на это старые простыни и серое байковое (Сережино) одеяло. Можно в пикейное.

Теперь дела:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мои денежные расписки находятся: или в одном из правых ящиков моего письменного стола (скорей всего в среднем), в большом портфеле, обтянутом черной материей с цветочками, – или в маленьком шкафчике, угловом, за стеклом, в бисерном голубом портфельчике. Посмотрите сначала в шкафчике, а то письменный стол заперт, и средний правый ящик придется взломать. (Лучше отпереть, замок очень прост.) Бумаги (2) (расписку и удостоверение) везите с собой.

Серее везите: кожаную куртку, гетры (у Жуковских), макинтош (в гардеробе), военную фуражку (у Бориса), френч и синие брюки (в одном из нижних сундуков), всё военное, оставленное у Миши, кожу на сапоги и подметки (в гардеробе), его документы (аттестат зрелости и прочее – в солдатском сундучке). В офицерских брюках, которые у Миши, ключ от входной двери и – кажется – ключ от солдатского сундука. Сундук отперт. Бумаги в конверте.

Мне везите: зеленое летнее и коричневое летнее пальто (оба в гардеробе), две черных юбки (в гардеробе), белье – что найдется, несколько блузок (разбирая сундуки), все воротнички, находящиеся в одной из китайских шкатулок (в гардеробе, Алины и мои). Алину голубую брошку.

В левом сундуке (горбатом) – совсем новое детское розовое ватное одеяло. Возьмите и его (если влезет) и Алино. Берите с собой простыни, взрослые и детские (у нас с собой только две). В сундуках много Алиных зимних платьев.

Желтую шкатулку карельской березы возле моей шарманки, в углублении или в гардеробе и все мои драгоценности (в 3 черных шкатулках Пра, в угловом шкафчике) и большой (под письменным столом) ящик с фотографиями передайте на сохранение или Никодиму (Большой Николо-Песковский, дом 4, квартира 5) или Мише.

Серее доху (в большом сундуке, на дне) и серебряное блюдо (в большом несгораемом – незапертом, – на нем граммофон) – заложите. Квитанции передайте или Никодиму (или Тане) или Мише, а то вещи пропадут.

Везите Але желтенькую лохматую шубку, вязаное пальто, побольше платьев. В гардеробе справа наверху есть пакет с мелочами для Ирины, там же две пары красных чувак (ее же). Везите всю Алину обувь (в гардеробе слева). В большом сундуке возьмите несколько скатертей, я сделаю себе из них белье, у меня ничего нет. Там же несколько несшитых материй: красная, голубая, белая, крэм. Возьмите из большого сундука мою шубу из кавказского сукна и поезжайте в ней. Она Вам здесь пригодится. Люба пусть возьмет голубое ватное одеяло, которым покрывается. Оно ей необходимо.

Не забудьте Ирину клеенку!!! И, разбирая сундуки, возьмите для нее какие-нибудь вязаные шарфы. Их много.

Алю везите в голубой шубке, Ирину – в белой и в заячьей и в трех одеялах (двух байковых и Алином розовом ватном).

Необходимо взять с собой рис и манную. Здесь нет.

Необходимо взять с собой примус и термос (или в гардеробе или в съестном шкафу), несколько кастрюль, чайник и голубую кружку, красный медный кофейник, голубой эмалированный молочник.

Моя (для сердца) просьба Вам: из углового шкафчика, где вещи маленькую красную записную книжку об Але, и из среднего ящика письменного стола (где голубой замок, есть ключ) – черную средней толщины клеенчатую тетрадку со стихами, и

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
зеленую кожаную, почти неисписанную. А не найдете – Бог с ней!

Вера! Шкафчик на замке, (голубой, есть ключ, тот же, что от письменного стола) и еще заперт простым ключом. Пусть слесарь откроет. Простой ключ здесь, у меня. А потом Вы повесите замок.

Найдите в зеленом несгораемом шкафу у жильца паспорт деда и привезите. Сережа им дорожит.

Гардероб закройте, как есть, сундуки (все) и корзины составьте в мою комнату, туда же вещи – кроме мебели! из Серезиной комнаты и детской.

Квартиру сдайте на полгода, если возможно, а то – до осени. Если нижняя комната сдана под домовый комитет – сдайте детскую, темную и столовую. С Серезиной – как знаете. Можно сдать – на время – кому-нибудь знакомому, но с тем, чтобы можно было неожиданно в нее въехать.

Главное: привезти банковские 2 бумаги, заложить доху и серебряное блюдо, взять у Дырвянского[270] за 3 мес. вперед, возможно больше денег в Банке, взять у квартирантов (когда сдадите квартиру) также за 3 мес. вперед – так и уславливаться. Цена за 3 комн. – от 300 р. до 400 р., за 4 (если домовый комитет не взял) – 400 р. Деньги везите на себе, – авось доедете? Предложите снять Слязскому, у него много родственников, раньше предложите Никодиму, м. б. нужно кому-ниб. из его знакомых.

Пра и Макс Вас очень ждут. А если Вы не уживетесь здесь – дорога моя.

Здесь трудно, но возможно. Но сегодня второй день нет газет, и я чувствую, что не выживу здесь без детей, в вечном беспокойстве. Любу соблазняйте морем, хлебом, теплом, спокойствием.

Да! Необходимо взять в вагон чайник, кружку и детский предмет, а то пропадете! Не забудьте губку, клизму, частый гребень.

Если ехать невозможно – что делать! Если есть малейшая возможность – поезжайте. А то мы расстаемся с детьми – Бог весть насколько!

М. б. дороги уже встали, м. б. письмо мое напрасно – что делать! Я сделала всё, что могла, я так просила тогда Серезу взять Алю.

Чтобы уменьшить тюк, пусть Люба наденет поверх своего платья мое коричневое летнее пальто (висит в гардеробе, длинное, масса пуговиц), а сверху своего пальто – еще мое зеленое с тремя пелеринками. Если можно, возьмите и Алино осеннее, с серебряными пуговицами, и летнее желтенькое. Здесь ничего нельзя купить. Берегитесь дорогой воров!!!

Ну, поручаю всё это на Божью волю! Если ехать страшно – не поезжайте, если трудно – всё-таки поезжайте. Здесь проживем.

Если выехать не удастся – устройте это с моими банковскими бумагами и драгоценностями и передайте Никодиму или Тане. Особенно – бумаги. Если не поедете, сдайте детскую!

Целуйте детей. У нас всё хорошо. Погода теплая, гуляем без пальто, но по ночам

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
холодно. Пра и Макс очень зовут Вас.

МЭ

P. S. Ключи я Вам дала, они с Вашими ключами у Жуковских. 3 связки.

Ради Бога! Пусть не сломают мою синюю люстру!

Ключ от моей комнаты передайте в надежные руки (Лиле? Никодиму? Мише?)

Коричневую куртку, я думаю, Вы можете надеть на себя?

Мы ехали совсем не страшно. Велите носильщику занять хоть одно верхнее место.

Попросите Таню помочь с укладкой, она непременно поможет, и очень. Возьмите у нее Сережин коричневый портсигар на ремне, наденьте его на дорогу. Пусть Таня – если хочет – возьмет к себе граммофон и пластинки. Пусть проводит Вас на вокзал.

На полях:

Ответьте телеграммой на имя Макса.

NB! Несшитые материи (4) везите непременно, лучше уж скатертей не надо. Белой – аршин 15, другие – отрезы: голубая, красная, крэм.

Дайте Никодиму на хранение (если он твердо остается в Москве) маленький сундучок с фотографическими принадлежностями. Он у меня в комнате, зеленый.

Пусть Таня уговаривает Любу, если та заартачится. Она молодец, – сумеет! И пусть вообще Вам помогает, скажите, что я очень прошу ее. Она с удовольствием всё сделает!

Неприменно!

Сдайте, на всякий случай, в багаж одно корыто, похуже. Берите с собой побольше денег, часть зашейте на Любу. Спишите № или №№ ломбардных квитанций.

Ох! – мэ

1-го февраля 1940 г.

Милая Вера!

Очень большая просьба. Мне предлагают издать книгу избранных стихов. Предложение вполне серьезное, человек с весом. Но – дело срочное, потому что срок договоров на 1940 г. – ограниченный. Хочу составить одну книгу из двух – Ремесла и После России. Последняя у меня на днях будет, но Ремесла нет ни у кого. – Ремесло, Берлин, Издательство Геликон, 1922 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Эта книга есть в Ленинской библиотеке, ее нужно было бы получить на руки, чтобы я могла ее переписать, то есть ту часть ее, которая мне понадобится.[271] А может быть у кого-нибудь из Ваших знакомых – есть?

Главное – что меня очень торопят.

Целую Вас, привет Коту.[272]

МЦ.

Ремесло в Ленинской библиотеке – есть наверное, мне все говорят.

– Нынче (1-ое февраля) Муру 15 лет.

ЭФРОН Е. Я. и В. Я.

Москва, 17-го августа 1913 г.

В Коктебель

Милые Лиля и Вера,

Пишу Вам в детской, перед отходом в банк. Ночевала я в Трехпрудном, где сейчас Ася, Борис и Андрюша.[273] Андрюша очень вырос, с длинными золотистыми волосами и очень темными серо-зелеными глазами. Ася с ним и Борисом на зиму едет в Феодосию.

Сегодня же дам объявление о доме.[274] Комната у нас сдана за 20 р. Дворник очень милый и расторопный, с пламенной мечтой о хозяине. Сейчас я говорила по телефону с Салтыковым. Он трогательно беспокоится о Сереже. Пока всего лучшего, спешу.

Привет всем. Как Аля? Не позволяйте Груше[275] уходить с ней далеко и вообще без вашего ведома.

Скоро напишу еще.

МЭ

19-го августа 1913 г., понедельник

В Коктебель

Коктебель, т. е. Лосиный Остров.

Милые Лиля и Вера,

Сейчас я у Аси на новой даче до завтра. Завтра – первое объявление о доме. В Москве – хорошо, свежо, в доме всё исправно, дворник очень милый, кур всех

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
зарезали, 2 собаки сбежали. Какие-то 2 господина заходили до моего приезда к дворнику. Один хотел снять дом, другой – купить. Ася пока здесь, через месяц едет в Феодосию с Борисом и Андрюшей на всю зиму. Андрюша – очень хорошенький, с золотистыми длинными волосами и очень темными – серо-зелеными глазами. Глаза и губы – Асины. Скажите Груше, что мы его сняли в фотографии в ее костюмчике. Пишите об Але. Лиля, пожалуйста, отодвиньте Алину кровать от стены так, чтобы она не могла достать до подоконника, где всегда валяются иголки и разная дрянь. Купается ли она через день по 10-ти мин.? Лучше смотреть по часам. Как ее зубы? Скажите Груше, что у меня есть материя ей на платье. Пока всего лучшего, из Москвы напишу всем. Пока всем привет.

Не позволяйте Груше водить Алю без шляпы. Пожалуйста!

Целую. Пишите мэ

Андрюша – совсем большой и очень милый. Совсем другой, чем Аля.

Феодосия, 28-го февраля 1914 г. – пятница.

Милые Лиля и Вера,

Вчера получили окружное свидетельство, может быть, оно зачтется Сереже, если кто-нибудь похлопочет. Но влиятельных лиц здесь очень мало и хлопочут они неохотно, – противно обращаться, тем более, что это все незнакомые.

Сережа занимается с 7-ми часов утра до 12-ти ночи, – что-то невероятное. Очень худ и слаб, выглядит отвратительно. Шансы выдержать – очень гадательны: директор, знавший папу и очень мило относящийся к Сереже, и инспектор – по всем отзывам грубый и властный – в контрах. Кроме того, учителя, выбранные Сережей, никакого отношения к гимназии не имеют. Все это не предвещает ничего хорошего, и во всем этом виноват Петр Николаевич, [276] наобещавший бог весть каких связей и удач.

У нас весенние бури. Ветер сшибает с ног и чуть ли не срывает крышу. Последние дни мы по утрам гуляем с Максимом – Ася и я. Макс очень мил, приветлив и весел, без конца рассказывает разные истории, держа нас по 11/2 часа у входных дверей. – „А вот я еще вспомнил“...

– Але скоро 11/2 года. Посылаю Пра ее карточку. Она говорит около 70-ти слов, почти все верно – и понимает почти все повелительные наклонения. Недавно водила ее к доктору. Сердце и легкие отличные, но есть малокровие. Доктор прописал железо.

Пока до свидания! Всего лучшего, пишите.

МЭ.

ФЕЛЬДШТЕЙНУ М. С
В МОСКВУ

Yalta, le 20 septembre 1913, samedi

Cher ami,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Voici que l'idée me vient – irrésistible et jolie – de Vous écrire en français. Nous en sommes à une nouvelle époque de nos relations – époque tranquille et charmante, où deux âmes se séparent sans tristesse et se revoient avec plaisir.

– Il aurait fallu commencer par cela! –

J'ai une offre à Vous faire, – offre que Vous êtes libre de repousser et dont moi la première ne ferai peut-être aucun usage, – sans engagement aucun. Puisque Vous êtes un curieux d'âmes humaines et comme la mienne me semble faite exprès pour de tels amateurs – je Vous offre d'être mon confesseur, – confesseur charmant et charmé et complètement discret, comme s'il y avait des secrets d'Etat à faire.

– Commençons par dire que les beaux yeux et la maladie et le mauvais coeur de Pierre Efron m'ont fait rêver pendant deux jours et me font rêver encore – une fois par semaine, cinq minutes avant m'endormir.

La face amaigrie – point belle, ses yeux fatigués – très beaux (quoi qu'il n'aie pas seulement pris la peine de les bien ouvrir) auraient pu me faire vraiment mal, si mon âme ne se cambrait tant contre toute souffrance, tout en allant à elle les bras ouverts.

– Que Vous dirai-je encore? –

Connaissez-Vous l'histoire d'un autre jeune homme, qui se révéilla un beau matin, front ceint de lauriers et de rayons? Ce jeune homme était Byron et cette histoire – on m'a dit qu'elle serait la mienne. Je l'ai cru et je n'y crois plus.

– Est-ce cela – la sagesse de l'âge?

Ce que je sais encore – c'est que je ne ferai rien ni pour ma gloire ni pour mon bonheur. Cela doit venir tout seul, comme le soleil.

– Agréez, Monsieur, l'assurance de ma profonde confiance, que Vous tromperez peut-être?

Marina Efron[277]

Коктебель, 27-го мая 1913 г., понедельник

Милая Волчья Морда,

Сейчас на темном небе яркий серп месяца, совсем серебряный, – горящее серебро. В воздухе многочисленные голоса собак. Влетела бабочка и, трепыхаясь, ползет по столу. Лева[278] говорит: „Марина, сейчас влетят разные летучие мыши и всякая гадость“.

Мы только что кончили ужинать, – было крикливо, неловко и уныло. Крикливо из-за двух сестер, неловко из-за окриков на них Пра перед матерью и уныло из-за слишком ясного знания всего, что будет.

События сегодняшнего дня: мытье автомобиля перед его окраской, большая прогулка

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru в горы. Мы отделились от художников: Эва Адольфовна, [279] Сережа, Копа, Тюня [280] и я. Какие горы мы видели, какие скалы, какое море! Сидели, спусти ноги в пустоту, пили воду из какой-то холодной дыры (источника), видели все море и чуть ли не весь мир. Произошел инцидент с Тюней. Сережа сказал, что талья у него самая тонкая из всех присутствующих (талей) и, возмущенный возражением Тюни, стал примерять ее пояс. Он, действительно, наделся на последнюю дырку, но при первом Серезином вздохе... лопнул, – совсем, окончательно, даже кончик отскочил шагов на пять. Тюня тотчас же назвала Серезу свиньей, потом отошла и всю остальную дорогу была гнусна.

Эва Адольфовна была в шароварах Пра и в своем татарском кафтане. Она купила себе голубой купальный костюм в „Бубнах“, [281] и мы после прогулки купались, она и я.

Майя [282] тоскует, плакала уже в комнате Эвы Адольфовны, у себя и у Пра.

– „Ну, зачем Вы его выбрали? Что в нем такого? Толстый, с проседью, [283] в папаша Вам годится! Любить никого не может, я сама часто плачу из-за этого, я понимаю, как Вам должно быть горько. Да плюньте на него! Выбрали бы себе какого-нибудь юношу, стройного, красивого, молодого, вместе бы бегали, вместе бы сочиняли стихи...“

– „Но я не могу на него плюнуть...“

Я думаю! Бедная Майя!

Пра все более и более восторгается Эвой Адольфовной.

А м. б. Вы уже далеки от всего этого.

Трещат цикады. На воле чудно – огромная, тихая ночь.

Я буду счастлива, я знаю, что существенно и не существенно, я умею удерживаться и не удерживаться, у меня ничего нельзя отнять. Раз внутри – значит мое. И с людьми, как с деревьями: дерево мое – и не знает, так же человек, душа его.

Со мной даже бороться нельзя: я внешне ничего не беру – и никто не знает, как много – внутри.

Желтый и синий лев (подарок Эвы Адольфовны и Петра Николаевича [284]) смотрит одобрительно. Он сидит рядом с львиной тарелкой [285] с одной стороны и настоящим Левой – с другой.

Автомобиль, пламенно вымытый обормотами, уехал краситься, и вернется вместе с Вами (?) через неделю.

Привет обоим белым волкам. [286]

МЭ.

Коктебель, 28-го мая 1913 г.

Милый Михаил Соломонович,

Сначала хроника: сегодня утром приехала невероятная, долгожданная, мифическая „мамаша“, [287] в которую так не верила пра, и – представьте себе! – я пожертвовала этим зрелищем для того, чтобы писать Вам письмо.

– Цените? – Вчера Лиля, Эва Адольфовна и Сережа уехали первые, я осталась одна у Петра Николаевича. Пили кофе. Он закатывал глаза, говорил туманно и прерывал свою пламенную речь озабоченными восклицаниями, вроде: „А Вам, может быть, мало сахара?“ Я, не смущаясь, говорила дальше. Потом пришла Потапенко [288] – одна из жен знаменитого писателя, – и повела нас обедать в какую-то невероятную семью – невероятную своей естественностью, нормальностью провинциализма. Мне сначала понравились эти маленькие, „уютные“ комнатки, но потом вдруг стало гнусно. Кроме матери и пятерых детей – всех черных – был еще белый кот, пара тому, черному, у Рогозинских. [289] Что это был за кот! Длинный, худой, цепкий, с бело-желтыми глазами и хриплым, унылым, каким-то предсмертным голосом. Я сделала попытку приласкать его, но не могла. Выходя из этого милого семейства, Петр Николаевич сказал: – „Нет, Марина, не верьте, что этот кот когда-нибудь был хорошим. Такие коты хорошими не бывают“. – О его прежней хорошести говорила хозяйка в оправдание настоящей его гнусности.

Да! Утром, в 5 часов, Эва Адольфовна и Лиля отправились на пристань и пропустили пароход с Соколом, [290] который, как оказалось после, вообще не приехал.

– Майя вчера ходила в белой головной повязке, Тюня в красивой прическе, делавшей ее похожей на английскую гравюру. Они очень подружились, сидели по обеим сторонам Макса, но когда Тюня нацепила Максу бантик и обезобразила этим его до крайности, Майя, совсем бледная, вышла.

Погода чудная, яркая, жаркая. Вчера Ванда Александровна [291] привезла огромную корзину черешен, – я вспомнила о Вас.

Гудит автомобиль, – кто-то уезжает в Феодосию.

– Без Вас наша жизнь потеряла много остроты. Много еще хотелось бы Вам сказать.

Всего лучшего, до свидания.

МЭ.

Коктебель, 28-го мая 1913 г., вторник

Милый Михаил Соломонович,

Сегодня я узнала от Эвы Адольфовны, что Вы не приедете. Когда Вы это узнали, вспомнили ли Вы мое предсказание?

– Очень жаль! Вы застали здесь только предчувствие лета. А сейчас жара, синева. Мы будем ночью ходить в горы. Хорошо будет ночевать на воле! Разожжем костер, возьмем с собой чайник, черешен, увидим восход луны и солнца.

Ужасно, ужасно жаль. Вы, мне кажется, должны любить ночные прогулки и ночные костры. А знаете, когда костер самый лучший? Вечером, на закате, вернее, тотчас же после заката. Дым и розовое небо.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сегодня приехала Вера.[292] У нее на чердаке прелестно: везде шелковые шали, книги, из окна вид на море.

Пока я не знала, что Вы не приедете, я с радостью писала Вам, мне хотелось, чтобы Вы ничего не пропустили и, приехав, сразу жили дальше, как мы все. Теперь же я чувствую безнадежность все передать, сохранить Вас действующим лицом и тщетность моих частых писем. Когда Вы едете за границу?

Эва Адольфовна в восторге от Пра, Пра в еще большем от нее. Ее подкупает и очаровывает откровенность Эвы Адольфовны, женственность ее переживаний. Недавно Эва Адольфовна положила голову на колени Пра и воскликнула:

„Ах, Пра, какая Вы мудрая!“ – я бы не сказала. Она понимает все очень элементарно и многого, многого совсем не может понять. С Пра я совсем не могу говорить ни о своей жизни (внешне-внутренней), ни о своей душе. У нас с ней прекрасные отношения – вне моей сущности.

– Слушайте! Когда у нас будет дом в Тарусе, обязательно приезжайте.[293] Там липовый сад, два маленьких дома, коты, золотое вечернее небо и наше детство. Почему мне сейчас показалось, что Вам скучно слушать о детстве?

Вблизи широкая голубая Ока, плоты, у нас будет лодка. Есть еще грустный, грустный, серый, чахлый базар с режущей душу музыкой, почта с никогда не приходящими долгожданными письмами, а потом воля, синие дали, огромные луга, костры, небо.

Там очень грустно, почти невыносимо жить. Все кажется прошлым и сном. Главное я забыла: чудные часы со штраусовскими вальсами. Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, улываешь.

В этих часах – весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти, – вся моя душа.

Но это далеко, далеко.

Слушайте, если мы до тех пор почему-нибудь разойдемся, я уеду, и Вы один еще лучше переживете все, о чем я Вам писала.

До свидания, привезите мне что-нибудь из Мюнхена.

МЭ.

Коктебель, 7-го мая 1913 г., пятница

Милый, как мне Вас жаль из-за проданного имения[294] и как дерзко, что Вы мне так долго не отвечаете. Je me partage entre ces deux sentiments.[295] Сейчас шесть часов вечера, за окном качается порозовевшая трава.

Слушайте, что бы Вы сейчас ни делали, бросьте все: садитесь в вагон, из вагона – в экипаж, велите лошадам звенеть бубенцами, нюхайте гадкую траву (помните?), восторгайтесь показавшейся вдали башней Макса, – пусть она растет, и когда дорастет до естественных размеров, прыгайте с экипажа.

– Все это, конечно, мысленно.

Потом мы будем пить чай на террасе, – без конфет, но с радостью. А когда стемнеет, будем проявлять. (Сегодня мы три раза снимали море за Змеиным гротом.) Потом пойдем за калитку и увидим восход луны.

Ах, вчера было чудно! Огромная желтая луна над морем, прямо посреди залива, и под ней длинная полоса грозно-летающих облаков. Луна то исчезала, то вспыхивала в отверстии облака, то сквозила слегка, то сразу поднималась. Казалось, все летит: и луна, и облака, и Юпитер. – Все небо летело.

Говорили о конце света, и Вера боялась идти на свой чердак, где с потолка сыплется известка, а в щели врывается и воет ветер.

Мы с Сережей и Тюней – втроем – танцевали вальс.

Сегодня Сережа, Сокол и я были за Змеиным гротом, дальше того места, где я Вас с Сережей снимала. Мы взобрались на острую, колючую скалу и сидели, свесив ноги. Были огромные, бешеные волны.

Сейчас много черешен, – бедное мое волчье золото! Мы сегодня вчетвером съели девять фунтов. Пра перестала давать обеды, и мы теперь ходим в столовую на горе: Лиля, Сережа, Сокол, Маня Гехтман[296] (помните ночь после Халютиной?[297] Вы очень сердитесь на меня за записку?). Вера, Тюня, Копа и я. Остальные обедают в другом месте. В столовой мило и похоже на Швейцарию. Из одного окна вид совсем Швейцарский, из другого – напоминает Святую Елену: пустынные желтые холмы, за которыми чувствуется океан.

Чтобы привести в ужас других обедающих, Сережа и Сокол рассказывают самые невероятные вещи: об острове Цейлоне, поездках на Циппелине, знакомстве с французским премьером и т. п. Сегодня они были обезьянами.

Да, у нас завелся новый француз: тоже сентиментальный, но еще не влюбленный в Лилю. Мы с ним собирали камешки, и я дала ему один – довольно гадкий. Он тотчас же сделал вид *de la mettre sur son coeur (la pierre)*. [298]

Петр Николаевич привез с собой много вина (он же привез француза), – был последний и самый буйный ужин. Кончилось тем, что Маня Гехтман заснула в комнате у Макса, несмотря на то, что француз идеально изображал кинематограф.

– А все-таки интересно, напишете ли Вы мне, или нет? – Эва Адольфовна последние дни совсем не была в Коктебеле. Это мы все ясно чувствовали. Проводы были без пороха, м. б., из-за ее слабого желанья скорой встречи. Она под конец совсем устала и сама не знала, хочет ли вернуться в Коктебель.

Передайте ей мой нежный привет. Впрочем, она раньше Вас получит от меня письмо. До свидания, всего лучшего.

МЭ.

P. S. Спасибо за письмо. Прочтите эту фразу ласковой, чем она звучит.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Коктебель, 8-го июня 1913 г., суббота

Мордочка моя золотая, милая, волчья! Значит я верно поняла, что эта продажа имения будет для Вас горем! Как мне Вас жаль, как мне больно за Вас! И ничего нельзя сделать. Слушайте, я непременно хочу, чтобы Вы побывали у нас в Трехпрудном, увидели холодный низ и теплый верх, большую залу и маленькую детскую, наш двор с серебристым тополем, вывешивающимся чуть ли не на весь переулок, – чтобы Вы все поняли! А главное – чтобы Вы увидели Андрея,[299] так не понимающего, чем был и есть для нас его дом. Тогда – мне кажется – Вы поймете глубину и остроту моей боли за Вас.

Проходя мимо дома в Трехпрудном, мне всегда хочется сказать: „сi git ma jeunesse“. [300]

Вы для меня теперь освящены страданием. Вы мне родной.

Я много думаю о Вас.

Не вчитывайтесь в мое третье письмо, мне отчего-то хотелось сделать Вам больно, я злилась на Вашу покорность судьбе. Но заметьте одно странное совпадение: в конце этого письма я писала Вам о маленьком доме под большими липами на берегу Оки. Что-то во мне как будто почуяло продажу Катина и предлагало Вам – очень робко – то, что будет у меня.

Когда мне было 9 лет – мы были тогда в Тарусе, – я сказала гувернантке: „Мы живем здесь семь лет подряд, но мне почему-то кажется, что наша жизнь очень изменится и мы сюда долго не приедем“. Через месяц мама заболела туберкулезом, мы уехали за границу и вернулись в Тарусу через 4 года, – мама там и умерла. – Слушайте, это не фраза: что бы потом не было, я никогда не отрекусь, что Вы одна из самых моих благородных встреч.

МЭ.

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:
„Шалость – жизнь мне, имя – шалость!
Смейся, кто не глуп!“ –
И не видели усталость
Побледневших губ.
Вас притягивали луны
Двух огромных глаз, –
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!
Тающая легче снега,
Я была, как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,
Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
Только Вы не уловили
Грозную стрелу
Легких слов моих и нежность
Самых дерзких фраз, –
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!
Коктебель, 29-го мая 1913 г., среда

МЭ.

ялта, 20-го сентября 1913 г., суббота

Дорогой друг, мне пришла идея – очаровательная и непреодолимая – написать Вам по-французски. Мы вступили в новую эпоху наших отношений – спокойную и прелестную, когда две души расстаются без печали и встречаются с удовольствием.

Надо было начать вот с чего! У меня к Вам есть одно предложение, которое Вы вольны отклонить, и которым я же первая, может быть, не воспользуюсь, – предложение безо всякого обязательства. Поскольку Вы любитель человеческих душ и поскольку моя душа, как мне кажется, прямо-таки создана для таких любителей, – я предлагаю Вам стать моим исповедником, – очаровательным и очарованным исповедником, но таким же верным, как если бы ему были доверены государственные тайны.

Начнем с того, что прекрасные глаза, недуг и недружелюбие Петра Эфрона два дня не давали мне покоя и продолжают быть моей мечтой еще и теперь – раз в неделю, в течение пяти минут перед тем, как заснуть.

Его худое лицо – совсем не красивое, его истомленные глаза – прекрасные (он как бы не имеет сил открыть их полностью) могли бы стать моей истинной болью, если бы моя душа так гибко не уклонялась бы от всякого страдания, сама же летя в его распростертые объятия.

Что еще сказать Вам?

Знаете ли Вы историю другого молодого человека, проснувшегося в одно прекрасное утро увенчанным лаврами и лучами? Этим молодым человеком был Байрон, и его история, говорят, будет и моей. Я этому верила и я в это больше не верю.

– Не та ли это мудрость, которая приходит с годами? Я только знаю, что ничего не сделаю ни для своей славы, ни для своего счастья. Это должно явиться само, как солнце.

Примите, сударь, уверение в моем глубоком доверии, которое Вы, возможно, не оправдаете?

Марина Эфрон.

Феодосия, 11-го декабря 1913 г., четверг

Милый Михаил Соломонович,

Серее лучше, – вчера ему дали пить. Около трех суток он ничего не пил и говорил только о воде. Ужасно было сидеть с ним рядом и слушать, а потом идти домой и пить чай. Подробности операции пишу Лиле.

Вы меня очень тронули телеграммой. Приходится вспомнить слова Goethe: „wie ist doch die welt so klein! Und wie muss man die Menschen lieben, die wenigen Menschen, die einen Lieb haben[301]“.

Впрочем, Goethe сказал много, но мне больше нравится по-своему.

Вот мои последние стихи:

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня,
И будет все, как будто бы под небом
И не было меня!
Изменчивой, как дети, в каждой мне
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.
Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!
– К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!)
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно, –
За правду „да“ и „нет“,
За то, что мне так часто слишком грустно
И только двадцать лет,
За то, что мне – прямая неизбежность
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! Еще меня любите
За то, что я умру.
Всего лучшего. Буду рада Вашему письму и тогда напишу еще. Привет Эве
Адольфовне.

МЭ.

Феодосия, 23-го декабря 1913 г., понедельник

Дорогой Михаил Соломонович,

Пишу Вам в каком-то тревожном состоянии. Сейчас я у Аси одна во всем доме, если не считать спящего Андрюши. – В такие минуты особенно хочется писать письма.

Сейчас вся Феодосия в луне. Я бежала вниз со своей горы и смотрела на свою длинную, черную-черную тень, галопировавшую передо мною. Рядом бежала собака Волчек – вроде волка. (Не примите за намек!) – Ах, я только сейчас заметила, что написала с большой буквы! Вот, что значит навязчивая боязнь не так быть понятой! – (Это, кажется, сказала Сидорова, [302] – вся прелесть в „я“!)

Сколько скобок! Восклицательных знаков! Тире!

Завтра будет готово мое новое платье – страшно праздничное: ослепительно-синий атлас с ослепительно-красными маленькими розами. Не ужасайтесь! Оно совсем

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
старинное и волшебное. Господи, к чему эти унылые английские кофточки, когда так мало жить! Я сейчас под очарованием костюмов. Прекрасно – прекрасно одеваться вообще, а особенно – где-нибудь на необитаемом острове, – только для себя!

В Феодосии – ослепительные сверкающие дни. Сегодня был дикий ветер, сегодня я видала женщину, родившуюся в 1808 г., сегодня лунная ночь, а завтра будет готово мое новое платье!

– Видели ли Вы Сережу и как нашли его? Если можете, постарайтесь оставить его в Москве до 28-го. Я боюсь, что он тотчас же захочет в Феодосию и не успеет отдохнуть от дороги.

Пишите, где и как провели Сочельник и Новый Год. Пришлите мне какую-нибудь хорошую карточку Тани. [303]

Это пока все мои просьбы. М. б., когда-нибудь будет одна – большая.

Всего лучшего Вам обоим. Вам троим.

МЭ.

ФЕЛЬДШТЕЙН Е. А.
Курск, 7-го сентября 1913 г., 1 ч. дня

Дорогая Эва Адольфовна.

Отъезжая, я вдруг вспомнила, что еду без паспорта и, следовательно, не могу ночевать в гостинице. Послала телеграмму Петру Николаевичу, [304] – м. б., у него есть кто-нибудь знакомый в Севастополе. Жду его ответа на Севастопольском вокзале. Если и он ничего не найдет – придется всю ночь гулять по Севастополю. Безумная жара. Всю ночь подо мной происходили бешеные столкновения человеческих душ: женские выгоняли мужские. Пока всего лучшего, спасибо за проводы. Привет всем Вашим. Еду.

МЭ.

ФЕЛЬДШТЕЙНАМ Е. А. и М. С.
Москва, октябрь 1916 года

Милые Эва и Миша,

Пишу к Вам по поручению Сережи. Он просит у Вас рекомендательное письмо к Петухову. [305]

Сам он очень торопился в лечебницу. Если письмо уже существует, передайте его, пожалуйста, моей прислуге. Всего лучшего.

МЭ.

P. S. Мои интимные письма – слишком интимны, официальные – слишком официальны.

Извините меня за скуку этого и не сомневайтесь в моей искренней симпатии.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
КУДАШЕВОЙ М. П
Ялта, 14-го сентября 1913 г.,

Воздвижение, день рождения Аси (19 лет)

Милая Майя,

Читаю Ваши стихи – сверхъестественно, великолепно! Ваши стихи единственны, это какая-то *detresse musicale!*[306] – Нет слов – у меня нет слов – чтобы сказать Вам, как они прекрасны. В них все: пламя, тонкость, ирония, волшебство. Ваши стихи – высшая музыка.

Майя, именно про Вас можно сказать:

Et vous avez à tout jamais – dix-huit ans![307]

Я сейчас лежала на своем пушистом золотистом пледе (последний подарок папы, почти перед смертью) и задыхалась от восторга, читая Вашу зеленую с золотом тетрадь.

Ваши стихи о любви – единственны, как и Ваше отношение к любви. Ах, вся Ваша жизнь будет галереей прелестных юношеских лиц с синими, серыми и зелеными глазами под светлым или темным шелком прямых или вьющихся волос. Ах, весь Ваш путь – от острова к острову, от волшебства к волшебству! Майя, вы – *Sonntags-kind*, [308] дитя, родившееся в воскресенье и знающее язык деревьев, птиц, зверей и волн.

Вам все открыто, Вы видите на версту под землей и на миллиарды верст над самой маленькой, последней видимой нам звездой. Вы родились волшебницей, Вы – златокудрая внучка какого-нибудь седого мага, передавшего Вам, умирая, всю мудрость свою и ложь. Мне Вы бесконечно близки и ценны, как солнечный луч на старинном портрете, как облачко, как весна.

Пишите больше и присылайте мне свои стихи, потом Вы мне их перепишите.

Ваши стихи для меня счастье.

Майя, у меня план: когда уедет Лиля, приезжайте ко мне недели на две, или на месяц, – на сколько времени Вас отпустит мама. Мы будем жить в одной комнате. Вам нужно только деньги на билеты и еду, квартира у меня уже есть.

РОЗАНОВУ В. В
Феодосия, 7-го мирта 1914 г., пятница.

Милый, милый Василий Васильевич,

Сейчас во всем моем существе какое-то ликование, я сделалась доброй, всем говорю приятное, хочется не ходить, а бегать, не бегать, а лететь, – все из-за Вашего письма к Асе – чудного, настоящего – „как надо!“.

Сейчас мы с Асей шли по главной улице Феодосии – Итальянской – и возмущались, почему Вы не с нами. Было бы так просто и так чудно идти втроем и говорить, говорить без конца.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Слушайте, как странно: это мои первые, самые первые слова Вам, Вы еще ничего не знаете обо мне, но верьте всему! Клянусь, что каждое мое слово – правда, самая точная.

Я ничего не читала из Ваших книг, кроме „Уединенного“, но смело скажу, что Вы – гениальны. Вы все понимаете и все поймете, и так радостно Вам это говорить, идти к Вам навстречу, быть щедрой, ничего не объяснять, не скрывать, не бояться.

Ах, как я Вас люблю и как дрожу от восторга, думая о нашей первой встрече в жизни – может быть неловкой, может быть нелепой, но настоящей. Какое счастье, что Вы не родились 20-тью годами раньше, а я – не 20-тью позже!

Послушайте, Вы сказали о Марии Башкирцевой то, чего не сказал никто.[309] А Марию Башкирцеву я люблю безумно, с безумной болью. Я целые два года жила тоской о ней. Она для меня так же жива, как я сама.

О чем Вам писать. Хочется все сказать сразу. Ведь мы не виделись 21 год – мой возраст. А я помню себя с двух!

Посылаю Вам книжку моих любимых стихов из двух моих первых книг: „Вечернего альбома“ (1910 г., 18 лет) и „Волшебного фонаря“ (1911 г.). Не знаю, любите ли Вы стихи? Если нет – читайте только содержание.

С 1911 г. я ничего не печатала нового. Осенью думаю издать книгу стихов о Марии Башкирцевой и другую, со стихами двух последних лет.

Да, о себе: я замужем, у меня дочка 11/2 года – Ариадна (Аля), моему мужу 20 лет. Он необычайно и благородно красив, он прекрасен внешне и внутренне. Прадед его с отцовской стороны был раввином, дед с материнской – великолепным гвардейцем Николая I.

В Сереже соединены – блестяще соединены – две крови: еврейская и русская. Он блестяще одарен, умен, благороден. Душой, манерами, лицом – весь в мать. А мать его была красавицей и героиней.

Мать его урожденная Дурново.

Сережу я люблю бесконечно и навеки. Дочку свою обожаю.

Пишу Вам все это в ответ на Ваши слова Асе о замужестве.

Теперь скажу Вам, кто мы: Вы знали нашего отца. Это – Иван Владимирович Цветаев, после смерти которого Вы написали статью в „Новом времени“.

Еще лишнее звено между нами. Как радостно!

Сейчас вечер. Целый день я думала о Вас. Какое счастье!

Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отсюда – безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы – молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жадность жить.

Все, что я сказала – правда.

Может быть, Вы меня из-за этого оттолкнете. Но ведь я не виновата. Если Бог есть – Он ведь создал меня такой! И если есть загробная жизнь, я в ней, конечно, буду счастливой.

Наказание – за что? Я ничего не делаю нарочно.

Посылаю Вам несколько своих последних стихотворений⁷. И очень хочу, чтобы Вы мне о них написали, – просто как человек. Но заранее уверена, что они Вам близки.

Вообще: я ненавижу литераторов, для меня каждый поэт – умерший или живой – действующее лицо в моей жизни. Я не делаю никакой разницы между книгой и человеком, закатом и картиной. – Всё, что люблю, люблю одной любовью. [310]

Милый Василий Васильевич, я не хочу, чтобы наша встреча была мимолетной. Пусть она будет на всю жизнь! Чем больше знаешь, тем больше любишь. Потом еще одно: если Вы мне напишете, не старайтесь сделать меня христианкой.

Я сейчас живу совсем другим.

Пусть это Вас не огорчает, а главное, не примите это за „свободомыслие“. Если бы Вы поговорили со мной в течение пяти минут, мне не пришлось бы Вас просить об этом.

Кончаю мое письмо самым нежным, самым искренним приветом, пожеланием здоровья Вашей жене и Вам. Напишите мне о Вашей семье: сколько у Вас детей, какие они, сколько им лет?

Всего лучшего.

Марина Эфрон,

урожденная Цветаева.

Адрес: Феодосия, Анненская улица, дача Редлих

Марине Ивановне Эфрон.

P. S. С осени опять буду в Москве.

Хочется сказать Вам еще несколько слов о Сереже. Он очень болезненный, 16-ти лет у него начался туберкулез. Теперь процесс у него остановился, но общее состояние здоровья намного ниже среднего. Если бы Вы знали, какой это пламенный, великодушный, глубокий юноша! Я постоянно дрожу над ним. От малейшего волнения у

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
него повышается t° , он весь – лихорадочная жажда всего. Встретились мы с ним, когда ему было 17, мне 18 лет. За три – или почти три – года совместной жизни – ни одной тени сомнения друг в друге. Наш брак до того не похож на обычный брак, что я совсем не чувствую себя замужем и совсем не переменялась, – люблю все то же и живу все так же, как в 17 лет.

Мы никогда не расстанемся. Наша встреча – чудо. Пишу Вам все это, чтобы Вы не думали о нем, как о чужом. Он – мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу – совершенно свободная.

Никто – почти никто! – из моих друзей не понимает моего выбора. Выбора! Господи, точно я выбирала!

Ну, кончаю. Когда Вы увидите Асю, Сережу и меня – очень непохожих! – Вы все поймете.

И эта встреча будет!

– Бесконечное спасибо Вам за все!

МЭ.

Феодосия, 8-го апреля 1914 г., 3-й день Пасхи.

Милый Василий Васильевич,

Сейчас так радостно, такое солнце, такой холодный ветер. Я бежала по широкой дороге сада, мимо тоненьких акаций, ветер трепал мои короткие волосы, я чувствовала себя такой легкой, такой свободной.

Сев за стол, я сразу взялась за ручку и вот еще не знаю, о чем буду писать.

– Сейчас подошла Аля в своем светло-желтом – белокуром – кудрявом пальто и, подняв на меня свои огромные ярко-голубые глаза, сказала: „До свидания“, потом задумавшись, с ангельской улыбкой добавила: „и – á“ (крик осла).

– Пишу Вам о папе. Он нас очень любил, считал нас „талантливыми, способными, развитыми“, но ужасался нашей лени, самостоятельности, дерзости, любви к тому, что он называл „эксцентричностью“ (я, любя 16-ти лет Наполеона, вставила его портрет в киот – много было такого!). Асе было 8, мне 10 лет, когда мы уехали за границу, – у мамы открылся туберкулез легких. За границей мы прожили безвыездно 3 года, – мама, Ася и я. Первый год все вместе в Nervi, потом папа уехал в Россию, мы с Асей – в Лозанну в пансион, мама осталась на второй год в Nervi. После Лозанны мы – мама, Ася и я – переехали в Шварцвальд. Лето провели с папой. Следующую зиму мы с Асей были в немецком пансионе во Фрейбурге, мама жила недалеко от нас. В феврале у нее возобновился туберкулезный процесс (совершенно окончившийся в Nervi), и она уехала в одну шварцвальдскую санаторию.

Зима 1905 – 06 г. прошла в Ялте. Это была мамина последняя зима. В марте у нее началось кровохаркание, вообще болезнь, раньше почти незаметная, пошла с жестокой быстротой. – „Хочу домой, хочу умереть в Трехпрудном!“ (Переулоч, где был наш дом.)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мама умерла 5-го июля 1906 г. в Тарусе Калужской губернии, где мы все детство жили по летам. Смерть она свою предвидела ясно. – „Теперь начинается агония“.

За день до смерти она говорила нам с Асей: „И подумать, что какие угодно дураки вас увидят взрослыми, а я...“ И потом: „Мне жаль только музыки и солнца!“ 3 дня перед смертью она ужасно мучилась, не спала ни минуты.

– „Мама, тебе поспать бы“...

– „Выплюсь – в гробу!“

Мама была единственной дочерью. Мать ее, из польского княжеского рода, умерла 26-ти лет. Дедушка всю свою жизнь посвятил маме, оставшейся после матери крошечным ребенком. Мамина жизнь шла между дедушкой и швейцаркой-гувернанткой, – замкнутая, фантастическая, болезненная, не-детская, книжная жизнь. 7-ми лет она знала всемирную историю и мифологию, бредила героями, великолепно играла на рояле.

Знакомых детей почти не было, кроме девочки, взятой в дом, вместо сестры маме. Но эта девочка была безличной, и мама, очень любя ее, все же была одна. Своего отца – Александра Даниловича Мейн – она боготворила всю жизнь. И он обожал маму. После смерти жены – ни одной связи, ни одной встречи, чтобы мама не могла опускаться перед ним глаз, когда вырастет и узнает.

Мамина юность, как детство, была одинокой, болезненной, мятежной, глубоко-скрытой. Герои: Валленштейн, Поссарт, Людовик Баварский.[311] Поездка в лунную ночь по озеру, где он погиб. С ее руки скользит кольцо – вода принимает его – обручение с умершим королем. Когда Рубинштейн пожал ей руку, она два дня не снимала перчатки. Поэты: Heine, Goethe, Schiller, Shakespeare. – Больше иностранных книг, чем русских. Отвращение – чисто-девическое – к Zola и Мопассану, вообще к французским романистам, таким далеким.

Весь дух воспитания – германский. Упоение музыкой, громадный талант (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу!), способность к языкам, блестящая память, великолепный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью.

Гордость, часто принимаемая за сухость, стыдливость, сдержанность, неласковость (внешняя), безумие в музыке, тоска.

12-ти лет она встретила юношу – его звали Сережей Э. (фамилии я не знаю, инициалы – моего Сережи!). Ему было года 22. Они вместе катались верхом в лунные ночи. 16-ти лет она поняла и он понял, что любят друг друга. Но он был женат. Развод дедушка считал грехом. – „Ты и дети, если они будут, – останетесь мне близки. Он для меня не существует“. – Мама слишком любила дедушку и не согласилась выходить замуж на таких условиях. Сережа Э. уехал куда-то далеко... 6 лет мама жила тоской о нем. Поклон издали в концерте, два письма, – всё! – за целых 6 лет. Тетя (швейцарская гувернантка, с которой дедушка не был в связи!) обожала маму, но ничего не могла сделать.

Дедушка все замолчал.

22-х лет мама вышла замуж за папу, с прямой целью заместить мать его осиротевшим детям – Валерии 8-ми лет и Андрею – 1 года. Папе тогда было 44 года.

Папу она бесконечно любила, но 2 первых года ужасно мучилась его неугасшей любовью к В. Д. Иловайской.

– „Мы венчались у гроба“, – пишет мама в своем дневнике. Много мучилась она и с Валерией, стараясь приручить эту совершенно чужую ей по духу, обожавшую свою покойную мать и резко отталкивавшую „мачеху“ 8-летнюю девочку. – Много было горя! Мама и папа были люди совершенно непохожие. У каждого своя рана в сердце. У мамы – музыка, стихи, тоска, У папы – наука. Жизни шли рядом, не сливаясь. Но они очень любили друг друга. Мама умерла 37-ми лет, неудовлетворенная, непримиренная, не позвав священника, хотя явно ничего не отрицала и даже любила обряды.

Ее измученная душа живет в нас, – только мы открываем то, что она скрывала. Ее мятёж, ее безумие, ее жажда дошли в нас до крика.

– Папа нас очень любил. Нам было 12 и 14 лет, когда умерла мама. С 14-ти до 16-ти лет я бредила революцией, 16-ти лет безумно полюбила Наполеона I и Наполеона II, целый год жила без людей, одна в своей маленькой комнатке, в своем огромном мире.

Но об этом периоде пусть Вам напишет Ася.

Напишу Вам о папе.

Он умер 30-го августа 1913 г., от старческой болезни сердца, появившейся в последние годы. Самый последний год он чувствовал нашу любовь, раньше очень страдал от нас, совсем не зная, что с нами делать. Когда мы вышли замуж, он очень за нас беспокоился. Ни Сережи, ни Бориса он не знал. Сережу он потом полюбил, поверив в его желание высшего образования, – это для него было главное.

Как людей он не знал ни Сережи), ни Бориса, совсем не знал, кто те, кого мы любим.

Алю и Андрюшу он очень любил, очень им радовался и, как потом мы узнали, всем о них рассказывал. Но он видел их совсем маленькими, до года. Это ужасно жаль!

Как странно! Я Вам это расскажу.

Я приехала в Москву числа 15-го августа, сдавать дом (наш дом с Сережей).

Папа был в имении около Клина, где все лето прожил в прекрасных условиях.

Числа 22-го мы с ним увидались в Трехпрудном, 23-го поехали вместе к Мюру[312] – он хотел мне что-нибудь подарить. Я выбрала маленький плюшевый плед – с одной стороны коричневый, с другой золотой. Папа был необычайно мил и ласков.

Когда мы проходили по Театральной площади, сверкавшей цветами, он вдруг остановился и, показав рукой на группу мальв, редко-грустно сказал: „А помнишь, у нас на даче были мальвы?“

У меня сжалось сердце. Я хотела проводить его на вокзал. но он не согласился: „Зачем? Зачем? Я еще должен в Музей“.

– „Господи, а вдруг это в последний раз?“ – подумала я и, чтобы не поверить себе, назначила день – 29-ое – когда мы с Асей к нему приедем на дачу.

Господи, у меня сердце сжимается! – 27-го ночью его привезли с дачи почти умирающего. Доктор говорил, что 75 % людей умерло бы во время переезда. Я не узнала его, войдя: белое-белое осунувшееся лицо. Он встретил меня очень ласково, вообще все время был ласков и кроток, расспрашивал меня о доме, задышающим голосом продиктовал письмо к одному его (знакомому) любимому молодому сослуживцу.[313] Вообще он всё время говорил, хотя не должен был говорить ни слова. Говорил о Сереже, о его занятиях, о его здоровье, об Але, об Андрюше – „хочу заработать им по 10 тысяч“, – о болезни своей говорил, что „доктора раздули“, и строил планы о будущих лекциях. Что-то сказал о Музее, – Ася переспросила – „Да, Румянцевский музей, откуда меня прогнали!“.[314]

Он прожил 21/2 суток. Все время говорил о самых обыкновенных вещах, умолял нас идти спать, не утомлять себя, расспрашивал о погоде. Я что-то рассказывала о феодальном замке.

– „Теперь прошел век феодальных замков, – настал век людей труда!“

За день – меньше! – до смерти он спросил меня: „А как... твой... этот... плед?“

Господи!

Последний день он был почти без памяти. Умер он в 13/4 ч. дня. Мы с Андреем были в его комнате. Он ужасно задышался, дыхание пропадало ровно на 1/3 минуты каждую минуту. Дышал отрывисто и странно-громко: „Ах! Ах!“

С первого момента до последнего ни разу не заговорил о возможности смерти. Умер без священника. Поэтому мы думаем, что он действительно не видел, что умирает, – он был религиозен. – Нет, это тайна. Теперь уже никогда не узнаем, чувствовал он смерть, или нет.

Его кончина для меня совершенно поразительна: тихий героизм, – такой скромный!

Господи, мне плакать хочется!

Мы все: Валерия, Андрей, Ася и я были с ним в последние дни каким-то чудом: Валерия случайно приехала из-за границы, я случайно из коктейбеля (сдавать дом), Ася случайно из Воронежской губернии, Андрей случайно с охоты.

У папы в гробу было прекрасное светлое лицо.

За несколько дней до его болезни разбились: 1) стеклянный шкаф 2) его фонарь, всегда – уже 30 лет! – висевший у него в кабинете 3) две лампы 4) стакан. Это был какой-то непрерывный звон и грохот стекла.

Я все еще, не веря, утешала себя, что это „к счастью“. Это – до его болезни.

– Ну, кончаю. Любите Асю и меня, мы Вас нежно, нежно любим. Кто-то мне говорил, что Вы любите ставить „неприличные вопросы“. Не ставьте, придется резко отвечать, будет оскорбление, всем будет больно.

Я прочла Ваши „Люди лунного света“, это мне чуждо, это мне враждебно, но в „Уединенном“ Вы другой, милый, родной, совсем наш. Будьте с нами таким и не

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ставьте „вопросов“, на какие нельзя отвечать. – Зачем? Пусть на них отвечают другие! –

„Опавшие листья“ [315] купили обе. Как хорошо, что фотографии!

И карточки свои пришлем.

Милый, милый Василий Васильевич, сейчас закат. Еле различаю, что пишу. На окне большой букет диких тюльпанов. В соседней комнате укладывают Алю.

В открытую форточку врывается ветер и шевелит волосы на лбу. Я одна дома. Скоро придет Сережа. – Мы купили „Опавшие листья“, а, когда увидимся. Вы нам надпишете.

Слушайте, не огорчайтесь, что мы из всех Ваших книг знаем только „Уединенное“, – разве мы публика? Ася например до сих пор не читала Дон-Кихота, а я только этим летом прочла „Героя нашего времени“, хотя и писала о нем сочинения в гимназии.

Умилительная вещь: директор здешней мужской гимназии Вас страшно любит, – его настольная книга – Ваш разбор Великого Инквизитора. [316] Даже в таком далеком уголке, как Феодосия, Вас знают многие, – это я наверное говорю.

Начала читать Вашу книгу об Италии [317] – прекрасно.

Вообще: Вы можете написать отвратительно (Ваши „Люди лунного света“), но никогда – бездарно.

Вы поразительно-умны, Вы гениально-умны и гениально-чутки. Например Ваше „не сердитесь“ с тире. Господи, у нас с Асей слезы навернулись на глаза, когда мы увидели эти тире.

– „Марина, он сам их ставил!“

Только над такими вещами я могу плакать.

– Ах, смешно! Недавно кто-то показывает мне два лица в журнале, закрыв подписи.
– „Кто это? Каков его характер, кем он должен быть?“

– „Директор гимназии, – во всяком случае педагог... Это человек сухой, хитрый...“

Рука, закрывавшая подпись, отдергивается. Все вокруг смеются.

Я читаю: „Василий Васильевич Розанов!“ Вокруг – неудержимый смех.

– Пришлите нам свои фотографии, – непременно! – непременно с надписями и непременно две.

Ведь их нетрудно „закупоривать“ – (ах, сочувствую, ужасно отсылать книги!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Какой-то кошмар!).

Ну, надо кончать. Всего, всего лучшего. Крепко жму Вам обе руки. Будете ли в Москве зимой? Ася осенью думает ехать в Париж на целую зиму, а может быть на целый год. Мы с Сережей будем в Москве. Пишите!

МЭ.

P. S. Мне вдруг пришло в голову, как нелепо было бы послать Вам на Пасху визитную карточку с поздравлением!

Феодосия, 18-го апреля 1914 г., пятница

Милый Василий Васильевич,

5-го мая у Сережи начинаются экзамены на аттестат зрелости. Он занимается по 17-ти часов в день, истощен и худ до крайности. Подготовлен он приблизительно хорошо, но к экстернам относятся с адской строгостью. Если он провалится, его осенью могут взять в солдаты, несмотря на затронутое легкое, болезнь сердца и узкую грудь. Тогда он погиб.

Директор здешней гимназии на Вас молится, он сам показывал мне Вашего „Великого Инквизитора“, испещренного заметками: „Поразительно“, „Гениально“ и т. д. Мы больше часу проговорили, я дала ему „Уединенное“, в тот же вечер он должен был читать в каком-то собрании реферат о Вашем творчестве. Так слушайте: тотчас же по получении моего письма пошлите ему 1) „Опавшие листья“ с милой надписью, 2) письмо, в котором Вы напишите о Сережиных экзаменах, о Вашем знакомстве с папой и – если хотите – о нас. Письмо должно быть ласковым, милым, „тронутым“ его любовью к Вашим книгам, – ни за что не официальным. Напишите о Сережиной болезни (у директора уже есть свидетельства из нескольких санаторий), о его желании поступить в университет, вообще – расхвалите.

О возможности для Сережи воинской повинности не пишите ничего.

Директор с ума сойдет от восторга, получив письмо и книгу, Вы для него – Бог.

Судьба Сережиных экзаменов – его жизни – моей жизни – почти в Ваших руках.

Сереже я ничего не говорю об этом письме, – не потому что не уверена в Вас – напротив, совершенно уверена!

Но он в иных случаях мнителен и сейчас особенно – из-за этих чертовских занятий.

Папа еще перед смертью – за день! – говорил о Сережиных занятиях, здоровье, планах, говорил очень заботливо и нежно – и обещал весной написать директору.

Обращаюсь к Вам, как к папе.

Всего лучшего, с безумным нетерпением жду ответа и заранее ликую.

Имя Сережи: Сергей Яковлевич Эфрон Имя директора: Сергей Иванович Бельцман.

Бельцман!!!

Ради Бога, не перепутайте!

Мой адрес: Анненская улица, дача Редлих.

Адрес директора:

Феодосия, Директору Мужской Гимназии

Сергею Ивановичу Бельцман.

Р. С. Директор сам знал папу и очень трогательно о нем говорил. Я просидела у него часа 3, ела апельсины, говорила об „Уединенном“ и пересмотрела всех кукол его трехлетней дочери – счетом 60. Это все искренно и с удовольствием. Он ужасно милый.

ЭФРОНУ П. Я
Коктебель, 6-го июня 1914 г., пятница

В Москву[318]

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли,
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.
Рассеянно, как бы без цели
Я тихим переулком шла,
И, помнится, – тихонько пели
Колокола.
Воображая Вашу позу,
Я всё решала по пути
Не надо ли, иль надо розу
Вам принести.
И всё приготавливала фразу
– Увы, забытую потом! –
И вдруг совсем неожиданно, сразу
Тот самый дом!
Многоэтажный, с видом скуки
– Считаю окна – вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее крест.
Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню!
Я помню точно рокот грома
И две руки мои, как лед.
Я называю Вас. – „Он дома,
Сейчас придет“.
Пусть с юностью уносят годы
Всё незабвенное с собой,
– Я буду помнить все разводы
Цветных обой,
И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,

И стук часов.
Миг длительный по крайней мере,
Как час. Но вот шаги вдали,
Скрип раскрывающейся двери...
– И Вы вошли.
– „Ну, что сейчас ему отвечу?
О Сугано де Bergerас!“
– И медленно встаю навстречу,
Уже как враг.
Но было сразу обаянье
– Пусть этот стих, как сердце прост!
Но было дивное сиянье
Двух темных звезд.
И их, огромные, прищуря
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря
Еще за миг!
Я героически боролась,
– Мы с Вами даже ели суп! –
Я помню несказанный голос,
И очерк губ,
И волосы, пушистей меха,
И – самое родное в Вас –
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.
Я помню – Вы уже забыли –
Вы там сидели, я вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут
Сидеть, пуская кольца дыма
И полный соблюдать покой.
– Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой!
Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять?
– Такому странному обеду
Уж не бывать!
– „А Вам не вредно столько перца?“
Я вдруг вздохнула тяжело,
И что-то до сих пор от сердца
Не отлегло.
Потерянно, совсем без цели
Я темным переулком шла,
И, кажется, – уже не пели
Колокола.
Москва, 10-го июля 1914 г.

Я ушла в 7 часов вечера, а сейчас 11 утра, – и все думаю о Вас, всё повторяю
Ваше нежное имя. [319] (Пусть Петр – камень, [320] для меня Вы – Петенька!)

Откуда эта нежность – не знаю, но знаю – куда: в вечность!

Вчера, возвращаясь от Вас в трамвае, я всё повторяла стихи Байрону, [321] где
каждое слово – Вам. Как Вы адски чутки!

Это – единственное, что я знаю о Вас. Внутренне я к Вам привыкла, внешне –
ужасно нет. Каждый раз, идя к Вам, я все думаю, что это надо сказать, и это еще,
и это...

Прихожу – и говорю совсем не о том, не так.

Слушайте, моя любовь легка.

Вам не будет ни больно, ни скучно.

Я вся целиком во всем, что люблю.

Люблю одной любовью – всей собой – и березку, и вечер, и музыку, и Сережу, и Вас.

Я любовь узнаю по безысходной грусти, по захлебывающемуся: „ах!“.

Вы для меня прелестный мальчик, о котором – сколько бы мы ни говорили – я все-таки ничего не знаю, кроме того, что я его люблю.

Не обижайтесь за „мальчика“, – это все-таки самое лучшее!

– Вчера вечером я сидела в кабинете фельдштейна. На исчерна-синем небе качались черные ветки.

Вся комната была в тени. Я писала Вам письмо и так сильно думала о Вас, что все время оглядывалась на диван, где Вы должны были сидеть. В столовой шипел самовар, тикали часы. На блюде лежали два яйца, ужасно унылых! Я все время о них вспоминала: „надо есть“, но после письма к Вам стало так грустно-радостно, вернее – радостно-грустно, что я, как Аля, сказала „не надо“.

– Вчерашнее письмо разорвала, яйцо сегодня съела. – Пишу сейчас у окна. Над зеленой крышей сарая – купол какой-то церковки – совсем маленький – и несколько качающихся веток. Над ними – облачко.

Вы первый, кого я поцеловала после Сережи. Бывали трогательные минуты дружбы, сочувствия, отъезда, когда поцелуй казался необходимым.

Но что-то говорило: „нет!“

Вас я поцеловала, потому что не могла иначе. Всё говорило: „да!“

МЭ.

P. S. Спасибо за рассказ о черном коте.

Москва, 14-го июля 1914 г., ночью.

Мальчик мой ненаглядный!

Сережа мечется на постели, кусает губы, стонет. Я смотрю на его длинное, нежное, страдальческое лицо и все понимаю: любовь к нему и любовь к Вам.

Мальчики! Вот в чем моя любовь.

Чистым сердцем! Жестоко оскорбленные жизнью! Мальчики без матери!

Хочется соединить в одном бесконечном объятии Ваши милые темные головы, сказать Вам без слов: „Люблю обоих, любите оба – навек!“

Петенька, даю Вам свою душу, беру Вашу, верю в их бессмертие.

Пламя, что ожигает меня, сердце, что при мысли о Вас падает, – вечны. Так неожиданно и бесспорно вспыхнула вера.

Вы сегодня рассказывали о Вашей девочке.[322] Все во мне дрожало. Я поцеловала Вам руку. – Зачем „оставить“? Буду целовать еще и еще, потому что преклоняюсь перед Вашим страданием, чувствую Вас святым.

О, моя деточка! Ничего не могу для Вас сделать, хочу только, чтобы Вы в меня поверили. Тогда моя любовь даст Вам силы.

Помните: что бы я Вам ни говорила, каким бы тоном – не верьте, если в этом не любовь.

Если бы не Сережа и Аля, за которых я перед Богом отвечаю, я с радостью умерла бы за Вас, за то, чтобы Вы сразу выздоровели.

Так – не сомневаясь – сразу – по первому зову.

Клянусь Вашей, Сережиной и Алиной жизнью. Вы трое – мое святая святых.

Вот скоро уеду. Ничего не изменится.

Умерла бы – всё бы осталось.

Никогда никуда не уйду от Вас.

Началось с минуты очарования (август или начало сентября 1913 г.), продолжается бесконечностью любви.

Завтра достану Вам крестик.

Целую.

МЭ.

ЭФРОНУ С. Я
Александров, 4-го июля 1916 г.

Дорогая, милая Лёва!

Спасибо за два письма, я их получила сразу. Прочтя про мизинец, я завыла и чуть

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
не стошнилась, – вся похолодела и покрылась гусиной кожей, хотя в это время сидела на крыльце, на самом солнце. Lou! Дурак и гадина!

Я рада, что Вы хороши с Ходасевичем, [323] его мало кто любит, с людьми он сух, иногда хладен, это не располагает. Но он несчастный, и у него прелестные стихи, он хорошо к Вам относится? Лувиныка, вчера и сегодня все время думаю, с большой грустью, о том, как, должно быть, растревожила Вас моя телеграмма. Но что мне было делать? Я боялась, что, умолчав, как-нибудь неожиданно подведу Вас. Душенька ты моя левская, в одном я уверена: где бы ты ни очутился, ты недолго там пробудешь. В этом меня поддерживает Маврикий Александрович, а он эти дела хорошо знает. [324] Скоро – самое позднее к 1-му августу – его отправляют на фронт. Он страшно озабочен Асиной судьбой, думает и говорит только об Асе, мне его страшно жаль. [325]

Lou, не беспокойся обо мне: мне отлично, живу спокойнее нельзя, единственное, что меня мучит, это Ваши дела, вернее Ваше самочувствие. Вы такая трогательная, лихорадочная тварь!

Пишу Вам в 12 ночи. В окне большая блестящая белая луна и черные деревья. Гудит поезд. На столе у меня в большой плетенке – клубника, есть ли у Вас в Коктебеле фрукты и кушаете ли? Маврикий только что красил детскую ванну в белый цвет и так перемазался и устал, что не может Вам сейчас писать и шлет пока горячий привет.

Дети спят. Сегодня Аля, ложась, сказала мне: „А когда ты умрешь, я тебя раскопаю и раскрою тебе рот и положу туда конфету. А язык у тебя будет чувствовать? Будет тихонько шевелиться?“ и – варварски: „Когда ты умрешь, я сяду тебе на горбушку носа!“ И она, и Андрюша каждый вечер за Вас молятся, совершенно самостоятельно, без всякого напоминания. Андрюша еще упорно молится „за девочку Ирину“, [326] а брата почему-то зовет: „Михайлович“, с ударением на и.

Ася приедет, должно быть, в воскресенье.

Милый Лев, спокойной ночи, нежно Вас целую, будьте здоровы, не делайте глупостей с пальцем.

Лев, здесь очень много Сидоровых! [327]

мэ

Слышу отсюда вытье Дейши! [328]

Александров, 7-го июля 1916 г.

Обожаемый Лев,

Я была вчера у воинского начальника и вечером дала Вам телеграмму с нарочным, – Бог знает, застанет ли Вас еще мое письмо, потому пишу коротко.

4-го дворник ездил в Крутицкие, [329] где делопроизводитель сказал ему, что Ваше назначение получено и что Вы должны явиться через 11/2 часа. Тогда Маша тотчас же послала оставленную мною телеграмму. Приехав, я пришла в ужас, позвонила воинскому начальнику, который, очень любезно известив меня, каким № и откуда к нему ехать, попросил зайти сегодня же в 4 ч. Я отправилась. Он беспомощно просил меня поторопить Вас с ответом, он послал Вам запрос 2-го, а 6-го еще не было ответа. Сказал, что запрос о Вас получен из штаба и показал телеграмму

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (штабную). Все там наизусть знают Ваш адрес, чиновники наперебой декламировали его, причем один произносил: „Контель“, а другой пояснял, что он, действительно, существует и что он сам там был. Все молодые чиновники – вылитые Могилевские. Военский начальник вызовет Вас сам, я десять раз спрашивала его, не вызвать ли мне Вас. – „Не беспокойтесь, я сам его извещу“. Итак, сидите в Коктебеле!

Не думаю, что этот вопрос для них легок. – „Ну, где же я это, наконец, узнаю!“ – Слышала собственными ушами. Он похож манерами на дядю Митю, а сложением – на Макса. Было очень жарко, мне – от волнения, ему от июля-месяца и от Льва.

Спасибо, Lou, за историю с Брюсовым и Ходасевичем! Я безумно хохотала и наслаждалась, Маврикий Александрович тоже.

фамилия директора[330] – Сыроечковский, Евгений Иванович,[331] он был красавец, я 14 лет немножко была в него влюблена. Однажды – тоже за сочинение – он призвал меня в кабинет и, запомнив только первые две строки некрасовской „Ростопчинской шутки“

В Европе сапожник, чтоб барином стать
Бунтует, – понятное дело!
У нас революцию сделала знать, –
В сапожники ль, что ль, захотела?[332]
– спросил меня: – „Вы, госпожа Цветаева, должно быть в конюшне с кучерами воспитывались?“

– „Нет, господин директор, с директорами!“

Потом, к весне, меня вежливо исключили с пятеркой за поведение – из-за папы.

я была на его похоронах, ближе всех стояла к гробу.

Пишу сейчас на террасе, поздняя ночь, деревья шумят, колотушка трещит.

Кажется – 12-го июля опять будет призыв студентов, я это слышала в Крутицких – от кого-то из чиновников.

Ася уже ходит, я ее видела вчера. Мальчик спокойный.[333] Лев, я вчера видела в лечебнице трехдневного армянина: густая длинная, почти до бровей, черная челка, круглые, как у совы, чернейшие брови и большие черные глаза, вид миниатюрного трехлетнего ребенка. Взгляд пристальный. Я была от него в восторге, – „он жид должно быть!“ Лев, знаешь, сколько сейчас платят кормилицам? – 75 р. в месяц и приданное.

Скажи Мандельштаму, не забудь упомянуть о какао, манных кашах и яйцах! И всего по 6-ти: простынь, наволочек, полотенец и так далее. И башмаков! – Соня (прислуга) узнав, всплеснула руками: „Ох, ба-а-арыня! И я этого не знала!“ Теперь это ей не даст спать по крайней мере месяц!

Дома всё благополучно, кроме коклюша во дворе. Аля здорова и хорошо себя ведет. Недавно она мне сказала: „А когда ты умрешь, я сяду тебе на горбушку носа!“ Она каждый вечер за Вас молится, Андрюша тоже.

Лува, иду спать, сейчас около двух. В Москве получила письмо от Чацкиной,[334] торопит с переводом, хочет печатать его с августа, а у меня пока переведено всего 50 страниц.[335] надо торопиться. Сегодня я сразу перевела восемь.

Заходил к Вам Говоров и оставил записку, в которой обещает Вам „массу интересных новостей“.

Ну, Лувинька, приятного сна, или купанья, или обеда, иду спать.

Целую Ваше рыжее бакенбардие.

Вместо подписи – рисунок козы.

Мы с Асей решили, если у нее пропадет молоко, через каждые три часа загонять в овраг по чужой козе и выдаивать ее дотла. Я бы хотела быть вскормленной на ворованном, да еще сидоровом молоке!

P. S. Очень думаю о Ваших делах, Лев, только о них и думаю, но трудно писать.

Табак с нашей клумбы.

На полях:

Лев, я засушила 11/2 фунта белых грибов! Табак я тебе рвала в темноте и страшно боялась, но задумала.

Феодосия, 19-го октября 1917 г.

Дорогой Сереженька,

Вы совсем мне не пишете. Вчера я так ждала почтальона – и ничего, только письмо Асе от Камковой.[336] Ася все еще в имении.

Она выходила сына Зелинского[337] от аппендицита, он лежал у нее три недели, и теперь родители на нее Богу молятся. Я не поехала, – сначала хотели ехать все вместе, но я не люблю гостить, старики на меня действуют угнетающе, я чувствую себя виноватой во всех своих кольцах и браслетах. Сторожу Андрюшу.[338] Я к нему совершенно равнодушна, как он ко мне и – вообще – ко всем. Роль матери при нем сводится к роли слуги, ни малейшего ответного чувства – камень.

Лунные ночи продолжаются. Каждый вечер ко мне приходит докторша, иногда Н. И. Хрустачев. Он совсем измученный, озлоблен. Приходит, ложится на ковер, курит. Мы почти не говорим, и приходит он, думается, просто чтобы не видеть своей квартиры. Иногда говорю ему стихи, он любит, понимает. И жена его измотана, работает на него и на девочку, как раб, сама моет полы, стирает, готовит. Безнадёжное зрелище. Оба правы – верней – никто не виноват. И ни тени любви, одно озлобление.

Я живу очень тихо, помогаю Наде,[339] сижу в палисаднике, над обрывом, курю, думаю. Здесь очень ветрено, у Аси ужасная квартира, сплошной сквозняк. Она ищет себе другую.

– Все дни выпускают вино. Город насквозь пропах. Цены на дома растут так: великолепный каменный дом со всем инвентарем и большим садом – 3 месяца тому назад – 40.000 р., теперь – 135.000 р. без мебели. Одни богатеют, другие

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
баснословно разоряются (вино).

У одного старика выпустили единственную бочку, которую берег уже 30 лет и хотел доберечь до совершеннолетия внука. Он плакал. Расскажите Борису, [340] это прекрасная для вас обоих тема.

Серезенька, я ничего не знаю о доме: привили ли Ирине оспу, как с отоплением, как Люба, [341] – ничего. Надеюсь, что все хорошо, но хотелось бы знать достоверно.

Я писала домой уж раз семь.

Сейчас иду на базар с Надей и Андрюшей. Жаркий день, почти лето. Устраивайте себе отпуск. Как я вернусь – Вы поедете. Пробуду здесь не дольше 5-го, могу вернуться и раньше, если понадобится.

До свидания, мой дорогой Лев. Как Ваша служба? Целую Вас и детей.

МЭ.

P. S. Крупы здесь совсем нет, привезу что даст Ася. Везти ли с собой хлеб? Муки тоже нет, вообще – не лучше, чем в Москве. Цены гораздо выше. Только очередей таких нет.

С кем видите в Москве? Повидайтесь с Малиновским [342] (3-66-64) и спросите о моей брошке.

Феодосия, 22-го октября 1917 г.

Дорогой Серезенька!

Вчера к нам зашел Петр Николаевич – вести нас в здешнее литературное общество „Хлам“. [343] Коля Беляев [344] был оставлен у двери, как нелитератор.

Большая зала, вроде Эстетики. Посредине стол, ярко освещенный. Кипы счетоводных (отчетных) книг. Вокруг стола: старуха Шиль (лекторша), [345] черный средних лет господин, Галя Полуэктова [346] и еще какое-то существо вроде Хромоножки, [347] – и Петр Николаевич с нами двумя.

– А у нас недавно был большевик! – вот первая фраза. Исходила она из уст „средних лет“. – „Да, да, прочел нам целую лекцию. Обыватель – дурак, поэт – пророк, и только один пророк, – сам большевик“.

– Кто ж это был?

– Поэт Мандельштам.

Всё во мне выиграло.

– Мандельштам прекрасный поэт.

– Первая обязанность поэта – быть скромным. Сам Гоголь...

Ася: – Но Гоголь сошел с ума!

– Кто знает конец господина Мандельштама? Я например говорю ему: стихи создаются из трех элементов: мысли, краски, музыки. А он мне в ответ: – „Лучше играйте тогда на рояле!“ – „А из чего по Вашему создаются стихи?“ – „Элемент стиха – слово. Сначала бе слово...“ Ну, вижу, тут разговор бесполезен»...

Я: – Совершенно.

Шиль: – Значит одни слова – безо всякой мысли?

Петр Николаевич: – Это, господа, современная поэзия!

– И пошлб! Началось издевательство над его манерой чтения, все клянутся, что ни слова не понимают. – Это кривляние! – Это обезьяна! – Поэт не смеет петь! –

Потом водопад стихов: Петр Николаевич, Галя Полуэктова, Хромоножка. Хромоножка, кстати, оказалась 12-тилетней девочкой – Фусей.

«– Наболевшее сердце грустит».

Реплики свои по поводу Мандельштама я опускаю, – можете себе их представить. Мы просидели не более получаса.

Я бы к названию «Хлам» прибавила еще: «Хам». – «Хлам и Хам», можно варьировать. И звучит по-английски.

В этом «Хламе» участвовал Вячеслав (?) Шешмаркевич. Он был здесь летом, читал лекцию о Пушкине, обворожил всех. Он теперь прапорщик и острижен. (Не Вячеслав, – Всеволод!) Рассказывал всем, что старше своего брата Бориса на 3 месяца. Все верили. – Это нечто вроде непорочного зачатия, чудеса у себя дома.

– Сереженька! Везде «Бесы»! Дорого бы я дала, чтобы украсть для Вас одну счетоводную книгу «Хлама»! Стихи по сто строк, восхитительные канцелярские почерка. Мелькают имена Сарандинаки, Лампси, Полуэктовой. Но больше всех пишет Фуся.

Галя Полуэктова через год, два, станет полным повторением своей матери. Сейчас она шимпанзе, скоро будет гориллой. А как хороша она была 4 года назад!

Сереженька, здесь есть одна 12-летняя девочка, дочь начальника порта Новицкого, [348] которая заочно в Вас влюбилась. Коля Беляев подарил ей Вашу карточку. – Приятно? –

Девочка хорошенькая и умная – по словам Коли.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пока целую Вас. Получила всего 3 письма. Привезу Вам баранок и Ирине белых сухарей (продаются по рецепту в аптеке).

МЭ

– Латри[349] расходятся.

Феодосия, 25-го октября 1917 г.

Дорогой Сереженька,

Третьего дня мы с Асей были на вокзале. Шагах в десяти – господин в широчайшем желтом платье, в высочайшей шляпе. Что-то огромное, тяжелое, вроде орангутанга.

я, Асе: «Quelle horreur!» – «Oui, j'ai déjà remarqué!»[350] – и вдруг – груда шатается, сдвигается и «Марина Ивановна! Вы меня узнаете?»

– Эренбург!

Я ледяным голосом пригласила его зайти. Он приехал к Макс, на три дня.

Вчера приехала из Коктебеля Наташа Верховецкая.[351] Она меня любит, я ей верю. Вот что она рассказывала:

– «Марина Цветаева? Сплошная безвкусица! И внешность и стихи. Ее монархизм – выходка девочки, оригинальничание. Ей всегда хочется быть другой, чем все. Дочь свою она приучила сочинять стихи и говорить всем, что она каждого любит больше всех. И не дает ей есть, чтобы у нее была тонкая талия».

Затем – рассказ Толстого (или Туси?) [352] о каком-то какао с желтками, которое я якобы приказала Але выплюнуть, – ради тонкой талии. Говорил он высокомерно и раздраженно. Макс, слегка защищаясь: – «Я не нахожу, что ее стихи безвкусны». Пра неодобрительно молчала.

О Керенском он говорит теперь уже несколько иначе. Керенский морфинист, человек ненадежный. А помните тот спор?

Сереженька, как низки люди! Ну не Бог ли я, не Бог ли Вы рядом с таким Эренбургом? Чтобы мужчина 30-ти лет пересказывал какие-то сплетни о какао с желтками. Как не стыдно? И – главное – ведь это несуразно, он наверное сам не верит.

И как непонятны мне Макс и Пра и сама Наташа! Я бы ему глаза выдрала!

– Ах, Сереженька! Я самый беззащитный человек, которого я знаю. Я к каждому с улицы подхожу вся. И вот улица мстит. А иначе я не умею, иначе мне надо уходить из комнаты.

Все лицемерят, я одна не могу.

От этого рассказа отвратительный осадок, точно после червя.

Сереженька, я вправе буду не принимать его в Москве?

Вчера мы были у Александры Михайловны.[353] Она совсем старушка, вся ссохлась, сморщилась, одни кости. Легкое, милое привидение.

Ярая монархистка и – что больше – правильная. Она очень ослабла, еле ходит, – после операции или вообще – неизвестно. Что-то с кишечником и безумные головные боли. На лице живы только одни глаза. Но горячность прежняя, и голос молодой, взволнованный, волнующий.

Живет она внизу, в большом доме. Племянники ее выросли, прекрасно воспитаны. Я говорила ей стихи. – «Ваши Генералы 12 года – пророчество! Недаром я их так любила», [354] – сказала она. У этой женщины большое чутье, большая душа. О Вас она говорила с любовью.

Сереженька, думаю выехать 1-го.[355] Перед отъездом съезжу или схожу в Коктебель. Очень хочется повидать Пра. А к Максy я равнодушна. Дружба такая же редкость, как любовь, а знакомых мне не надо.

Читаю сейчас (Сад Эпикура) А. Франса. Умнейшая и обаятельнейшая книга. Мысли, наблюдения, кусочки жизни. Мудро, добро, насмешливо, грустно, – как надо.

Неприменно подарю Вам ее.

Я рада дому, немножко устала жить на юру. Но и поездке рада.

Привезу что могу. На вино нельзя надеяться, трудно достать и очень проверяют.

Когда купим билеты, дадим телеграмму. А пока буду писать.

Целую Вас нежно. Несколько новостей пусть Вам расскажет Аля.

МЭ.

ПИСЬМО В ТЕТРАДКУ 2-го ноября 1917 г. [356]

Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться, – слушайте: вчера, подъезжая к Харькову, прочла «Южный край». [357] 9000 убитых. Я не могу Вам рассказать этой ночи, потому что она не кончилась. Сейчас серое утро. Я в коридоре. Поймите! Я еду и пишу Вам и не знаю сейчас – но тут следуют слова, которых я не могу написать.

Подъезжаем к Орлу. Я боюсь писать Вам, как мне хочется, потому что расплачусь. Все это страшный сон. Стараюсь спать. Я не знаю, как Вам писать. Когда я Вам пишу, Вы – есть, раз я Вам пишу! А потом – ах! – 56 запасной полк, [358] Кремль. (Помните те огромные ключи, которыми Вы на ночь запирали ворота?). А главное, главное, главное – Вы, Вы сам, Вы с Вашим инстинктом самоистребления. Разве Вы можете сидеть дома? Если бы все остались. Вы бы один пошли. Потому что Вы безупречны. Потому что Вы не можете, чтобы убивали других. Потому что Вы лев, отдающий львиную долю: жизнь – всем другим, зайцам и лисам. Потому что Вы беззаветны и самоохраной брезгуете, потому что «я» для Вас не важно, потому что я все это с первого часа знала!

Если Бог сделает это чудо – оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака.

Известия неопределенны, не знаю чему верить. Читаю про Кремль, Тверскую, Арбат, Метрополь, Вознесенскую площадь, про горы трупов. В социал-революционной газете «Курская Жизнь» от вчерашнего дня (1-го) – что началось разоружение. Другие (сегодняшние) пишут о бое. Я сейчас не даю себе воли писать, но тысячу раз видела, как я вхожу в дом. Можно ли будет проникнуть в город?

Скоро Орел. Сейчас около 2 часов дня. В Москве будем в 2 часа ночи. А если я войду в дом – и никого нет, ни души? Где мне искать Вас? Может быть, и дома уже нет? У меня все время чувство: это страшный сон. Я все жду, что вот-вот что-то случится, и не было ни газет, ничего. Что это мне снится, что я проснусь.

Горло сжато, точно пальцами. Все время оттягиваю, растягиваю ворот. Серезенька.

Я написала Ваше имя и не могу писать дальше.

28-го ноября 1917 г.

Лев! Я вчера была у С... Он предлагает помочь в продаже дома.[359] – Какому-нибудь поляку. Относительно другого, он говорит, чтобы я записала Вас кандидатом в какое-то экономическое общество. Хороший заработок. А пока – советует Вам еще отдохнуть с месяц. Насчет кандидатуры – я разузнаю и напишу Вам подробно. Вообще – по его словам – состояние Вашего и Сергея Ивановича[360] здоровья совсем не опасно. Посоветуюсь еще с другим доктором. Он говорит вполне уверенно. Дуня[361] не уезжает, и завтра я переезжаю домой.[362] Доде[363] передайте, что посылку ее я передала, но дядю не застала.

Целую. Обнадежьте Сергея Ивановича насчет 9 лет службы. Это серьезно.

Р. С. У Додиного дяди – бородатая прислуга вроде Бабы-Яги. Очень милая. 100 лет. Передайте это Доде.

Скоро пришлю продуктов и простынки.

Напишите Тане[364] письмо с благодарностью за меня и детей. Она мне очень помогает. Большой Николо-Песковский, дом 4, квартира 5.

11-го декабря 1917 г.

Лёвашенька!

Завтра отправлю Вам деньги телеграфом. Вера дала Тане чек, и Таня достает мне – когда по 100 рублей, когда больше. Деньги Вы получите раньше этого письма.

Я думаю, Вам уже скоро можно будет возвращаться в Москву, переждите еще несколько времени, это вернее. Конечно, я знаю, как это скучно – и хуже! – но я очень, очень прошу Вас.

Я не приуменьшаю Вашего душевного состояния, я всё знаю, но я так боюсь за Вас,
Страница 125

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
тем более, что в моем доме сейчас находится одна мерзость, которую сначала еще
надо выселить. А до Рождества этого сделать не придется.

Конечно, Вы могли бы остановиться у Веры, но всё это так ненадежно!

Поживите еще в Коктебеле, ну немножечко. (Пишу в надежде, что Вы никуда не
уехали.)

– Слушайте: случилась беда: Аля сожгла в камине письмо Макса к Цейтлиним (я даже
не знаю адреса!) и письмо Ольги Артуровны[365] к Редлихам.[366]

Завтра отправлю Вам простыни, – когда они дойдут? Я страшно боюсь, что
потеряются. Отправлю две.

– У Жуковских[367] разграблено и отобрано все имение, дом уже опечатан, они на
днях будут здесь.

Ваш сундучок заперт, все примеряю ключи и ни один не подходит. Но по крайней
мере документы в целости. Паспорт деда я нашла и заперла.

М.б. Вы помните, – куда Вы девали ключ от сундучка?

У Гольдовских[368] был обыск, нашли 60 пудов сахара и не знаю сколько четвертей
спирта. У меня недавно была Е. И. Старынкевич, она поссорилась с Рашелью (из-за
Миши,[369] она, очевидно, его любит) и написала ей сдержанное умное прощальное
письмо. Она мила ко мне, вообще мне все помогают. А я плачу стихами и нежностью
(как свинья).

Страховую квитанцию я нашла, сегодня Дунин муж внесет. В каком безумном
беспорядке Ваши бумаги! (Из желтой карельской шкатулочки!) Как я ненавижу все
документы, это ад.

Последнее время я получаю от Вас много писем, спасибо, милый Лев! Мне Вас ужасно
жаль.

Дома всё хорошо, деньги пока есть, здесь все-таки дешевле, чем в Феодосии.

Вышлите мне, пожалуйста, билет! (розовый.) Сейчас Аля и няня идут гулять,
отправлю их на почту. Простите, ради Бога, за такое короткое письмо, а то
пришлось бы отправлять его только завтра. Очень Вас люблю. Целую Вас.

М.

– Бальмонт в восторге от стихов Макса и поместил их в какую-то однодневку-газету
с другими стихами.[370] я недавно встретила его на улице.

– Борис занялся театральной антрепризой, снял целый ряд помещений в разных
городах, у него будет играть Радин.[371]

Москва, 27-го русского февраля 1921 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мой Сереженька!

Если Вы живы – я спасена.

18-го января было три года, как мы расстались. 5-го мая будет десять лет, как мы встретились.

– Десять лет тому назад. –

Але уже восемь лет, Сереженька!

– Мне страшно Вам писать, я так давно живу в тупом задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что живы – и лбом – руками – грудью отталкиваю то, другое. – Не смею. – Вот все мои мысли о Вас.

Не знаю судьбы и Бога, не знаю, что им нужно от меня, что задумали, поэтому не знаю, что думать о Вас. Я знаю, что у меня есть судьба. – Это страшно. –

Если Богу нужно от меня покорности, – есть, смирения – есть – перед всем и каждым! – но, отнимая Вас у меня, он бы отнял жизнь – жизнь, разве ему недописано

А прощать Богу чужую муку – гибель – страдания, – я до этой низости, до этого неслыханного беззакония никогда не дойду. – Другому больно, а я прощаю! Если хочешь поразить меня, рази – меня – в грудь!

Мне трудно Вам писать.

Быт, – всё это такие пустяки! Мне надо знать одно – что Вы живы.

А если Вы живы, я ни о чем не могу говорить: лбом в снег!

Мне трудно Вам писать, но буду, потому что 1/1000000 доля надежды: а вдруг?! Бывают же чудеса! –

Ведь было же 5-ое мая 1911 г. – солнечный день – когда я впервые на скамейке у моря увидела Вас. Вы сидели рядом с Лилей, в белой рубашке. Я, взглянув, обмерла: «– Ну, можно ли быть таким прекрасным? Когда взглянешь на такого – стыдно ходить по земле!»

Это была моя точная мысль, я помню.

– Сереженька, умру ли я завтра или до 70 лет проживу – всё равно – я знаю, как знала уже тогда, в первую минуту: – Навек. – Никого другого.

– Я столько людей перевидала, во столько судьбах перегостила, – нет на земле второго Вас, это для меня роковое.

Да я и не хочу никого другого, мне от всех брезгливо и холодно, только моя легко взволнованная играющая поверхность радуется людям, голосам, глазам, словам. Всё трогает, ничто не пронзает, я от всего мира заграждена – Вами. Я просто НЕ МОГУ

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
никого любить!

Если Вы живы – тот кто постарается доставить Вам это письмо – напишет Вам о моей внешней жизни. – Я не могу. – Не до этого и не в этом дело.

Если Вы живы – это такое страшное чудо, что ни одно слово не достойно быть произнесенным, – надо что-то другое.

Но, чтобы Вы не слышали горестной вести из равнодушных уст, – Сереженька, в прошлом году, в Сретение, умерла Ирина. Болели обе, Алю я смогла спасти, Ирину – нет.

Сереженька, если Вы живы, мы встретимся, у нас будет сын. Сделайте как я: НЕ помните.

Не для Вашего и не для своего утешения – а как простую правду скажу: Ирина была очень странным, а может быть вовсе безнадежным ребенком, – все время качалась, почти не говорила, – может быть рахит, м. б. – вырождение, – не знаю.

Конечно, не будь Революции –

Но – не будь Революции –

Не принимайте моего отношения за бессердечие. Это – просто – возможность жить. Я одеревенела, стараюсь одеревенеть. Но – самое ужасное – сны. Когда я вижу ее во сне – кудрявую голову и обмызанное длинное платье – о, тогда, Сереженька, – нет утешенья, кроме смерти.

Но мысль: а вдруг Сережа жив?

И – как ударом крыла – ввысь!

Вы и Аля – и еще Ася – вот все, что у меня за душой.

Если Вы живы, Вы скоро будете читать мои стихи, из них многое поймете. О, Господи, знать, что Вы прочтете эту книгу, – что бы я дала за это? – Жизнь? – Но это такой пустяк – на колесе бы смеялась!

Эта книга для меня священная, это то, чем я жила, дышала и держалась все эти годы. – Это не КНИГА. –

Не пишу Вам подробно о смерти Ирины. Это была СТРАШНАЯ зима. То, что Аля уцелела – чудо. Я вырывала ее у смерти, а я была совершенно безоружна!

Не горюйте об Ирине, Вы ее совсем не знали, подумайте, что это Вам приснилось, не вините в бессердечии, я просто не хочу Вашей боли, – всю беру на себя!

У нас будет сын, я знаю, что это будет, – чудесный героический сын, ибо мы оба герои. О, как я выросла, Сереженька, и как я сейчас достойна Вас!

Але 8 лет. Невысокая, узкоплечая, худая. Вы – но в светлом. Похожа на мальчика.
Страница 128

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Психея. – Господи, как нужна Ваша родственная порода!

Вы во многом бы ее поняли лучше, точнее меня.

Смесь лорда Фаунтлероя[372] и маленького Домби[373] – похожа на Глеба[374] – мечтательность наследника и единственного сына. Кротка до безвольности – с этим упорно и неудачно борюсь – людей любит мало, слишком зорко видит, – зорче меня! А так как настоящих мало – мало и любит. Пламенно любит природу, стихи, зверей, героев, всё невинное и вечное. – Поражает всех, сама к мнению других равнодушна. – Ее не захвалишь! – Пишет странные и прекрасные стихи.

Вас помнит и любит страстно, все Ваши повадки и привычки, и как Вы читали книгу про дюйм, и потихоньку от меня курили, и качали ее на качалке под завывание: Бу-уря! – и как с Борисом ели розовое сладкое, и с Г-вым топили камин, и как зажигали елку – всё помнит.

Сереженька! – ради нее – надо, чтобы Вы были живы!

Пишу Вам в глубокий час ночи, после трудного трудового дня, весь день переписывала книгу, – для Вас, Сереженька! Вся она – письмо к Вам.

Вот уже три дня, как не разгибаю спины. – Последнее, что я знаю о Вас: от Аси, что в начале мая было письмо к Максиму. Дальше – темь...

– Ну –

– Сереженька! – Если Вы живы, буду жить во что бы то ни стало, а если Вас нет – лучше бы я никогда не родилась!

Не пишу: целую, я вся уже в Вас – так, что у меня уже нет ни глаз, ни губ, ни рук, – ничего, кроме дыхания и биения сердца.

Марина

Понтайяк, 19-го сентября 1928 г.

Дорогой Лёвинька, купила от Вас Але Шатобриана «Mémoires d'Outre-Tombe» – не бойтесь, просто писал в старости воспоминания о Вандее, эмиграции и Наполеоне. Новатор в искусстве – нет, не могу, в моих устах – фальшь, – проще: зачинатель эпохи в литературе и контр-революционер в жизни, люблю это соединение. Книга выдержек (мемуаров – 6 огромных томов) – как раз для Али. Она такие книги любит, читает с увлечением и, попутно, учится. Одобряете выбор? Издание «Adolescence Catholique». [375]

Лёвинька, очередные карточки – воскресные – возили Наталью Матвеевну на Grande-Côte[376] (молча-прощальное, как ее стирка). Карточки неважные (а Зиночку сняла – так позорно, – тоже пришлю) – но берегите, тщательно промыты, много возни. Выньте все карточки из моих писем и сложите в отдельный конверт, это будут – Ваши.

Нынче 2 раза гоняла в Ройян за вираж-фиксажем, обещали к вечеру, не оказалось. С фотографиями – измучилась: всем хочется, и Вам и себе, и Вере Александровне, [377] и Наталье Матвеевне, и Тешковой, [378] – а снимаю по три, – и еще 2 коробки старых, – извожусь. Ничего другого не делаю, ни о чем другом

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(кроме стула С-ского, придет или нет?) не думаю, изводящая страсть.

А в Мёдоне новое: лес и Мур, Версаль и Мур, парк и Мур. (Пишу под звон фильтра: ПРОМЫВАЮТСЯ ОЧЕРЕДНЫЕ. Лучшая впереди.)

Я рождена фотографом. (Помните возглас Льва Платоновича, [379] когда у меня аппарат всё время «ехал»: – «фотографа из Вас никогда не выйдет.») Сейчас 12, промывать буду до 2 ч. На окне сохнут оттиски. Зеваю. Случается, под звон фильтра – засыпаю. Уже сплю.

Скоро увидите свою ополоумевшую

(Ры) [380]

20 сентября 1938 г., вторник [381]

Дорогой Л. – К. Наконец-то два письма (последнее от 28-го). Но надеюсь, что Аля мои пересылала. Вернулись мы 10-го, в той гостинице места не было, нашли в городе гораздо лучшую комнату: большую, с бютагазом, пятый этаж, вид на башню с часами. По близости от Алиного городского жилища, – на бульваре. [382] Сняли на месяц, т. е. до 15-го октября. (Пишу на основном фоне тревоги за Чехию, [383] в полном сознании и твердой памяти. Засим продолжаю:) Милый Л., бытие (в смысле быта, как оно и сказано) не определяет сознания, а сознание – бытие. Льву Толстому, senior'у [384] – нужен только голый стол – для локтей, Льву Толстому junior'у [385] – накрытый стол (бронзой или хрусталем – и полотном – и плюшем) – а бытие (быт) было одно: в чем же дело? в сознании: осознании этого быта. – Это я в ответ на одну Вашу – походя – фразу. И – скромный пример – мой быт всегда диктовался моим сознанием (на моем языке – душою), поэтому он всюду был и будет – один: т. е. всё на полу, под ногами – кроме книг и тетрадей, которые – в высокой чести. (Оглянулась и ужаснулась – сколько этого быта под ногами, но здесь ни одной полки и ни одного гвоздя, поэтому всё хозяйство – на полу, но мне уже давно всё равно.)

Живем – висим в воздухе. Во сне я – до сих пор – летаю, но это – другое. Материально всё хорошо и даже очень, но: сознание определяет бытие! И сознание, что всё это на час – который может быть затянется – как целый год затягивался – но от этого не переставал и не перестанет быть часом – мешает чему бы то ни было по-настоящему радоваться, что бы то ни было по-настоящему ценить. Так было и в нашем морском Диве (Dives-sur-Mer).

Конец декабря 1938 г. [386]

Это – львица (вместо рыси.)

С Новым Годом! Но каким ударом для Чехии кончается – этот: 25-го, в первый день Рождества умер Карел Чапек – так и не дождавшись премии Нобеля. Очень хорошая статья Арагона в Le Soir и не знаю чья – в Нима. Обе газеты, постепенно, очеловечиваются.

У нас снег сошел – последние два дня ходили в черной грязи – но на Луаре, впервые с 1779 г. замерзшей от Блуа до Тура – боятся наводнений: уже взрывали динамитом, но кажется не поможет. В Версале, на rièses d'eau, [387] катались на коньках, вообще была генеральная репетиция зимы – и ничего – сошло, кроме ужасных ботишков и калош, которые нужно надевать вдвоем – и по четверть часа. (Мур снимал вместе с башмаками, а в гостях – вовсе не снимал, а у меня вся левая нога изрезана, до того тесны – хотя мой номер. Нет, не калошная страна!)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Да, со второго дня мороза весь (женский!) город – молниеносно – покрылся цветными башлыками. Моду пустил Printemps,[388] и мода тут же спустилась в самые скромные предместья: не было женской головы без башлыка. Но так как они, в большинстве, были вязаные (просто сшивали сзади шарфы), то тепла не прибавилось, только – живописности. О башлыках уже пишут стихи и шутят в Т. S. F.-е[389] и одновременно сообщают разные мрачные новости про Джибути.[390]

Однофамилец Вальтер на мое письмо – не отозвался, чем и доказал, что – не наш. Мы все – грамотные. Новый Год решили встречать в кинематографе: дома скучно и грустно, а с другими – не хочется: и судьбы врозь, и врозь – шаги... Мур уже выключивает новогодний подарок, а сейчас в 10-тый раз пошел в В. Marché[391] – смотреть.

Жду – про ваш Новый Год. Давно не было письма. Я – пишу всегда. Желаю здоровья и исполнения желаний. Р.

1939 г.[392]

Из Парижа в Москву[393]

Начало утрачено

мне кажется – я бы умерла. (Но раньше бы – накормила и спешно передела в Муриновый костюм.) Нынче я вас во сне уговаривала купить резиновые болотные сапоги – я такие видела в (гениальном) провансальском фильме «La femme du boulanger»[394] – у булочника (Raïmu[395]) сбежала жена – с пастухом М. le Marquis[396] – и булочник перестал печь – и вся деревня – идет, ищет и учитель, и он-то, в резиновых сапогах, переходит болото, неся на спине М. le Curé,[397] который – издали завидев пару (они, как звери – в пещере) изгоняет из нее бесов – по-латыни. Булочница возвращается – и булочник вновь печет. Никогда не смотрю Прованса без сжатия сердца – за Вас. La femme du boulanger – один из лучших французских фильмов, а французский фильм сейчас – лучший в мире. Есть ряд гениальных актеров (актрисы – слабее, и роли их – ничтожные). Есть один фильм – совсем без женщин: мальчишеский интернат, с гениальным Эрихом фон Штрохеймом[398] (немец, эмигрант, играет по-французски – и всегда немцев, в Grande Illusion[399] – коменданта крепости). И лучшие актеры – пожилые: Jouvet,[400] Raïmu, Stroheim, из молодых хороши – Blanchard[401] (NB! заказал себе визитные карточки Beloff, честное слово! ибо всегда играет русских, особенно Достоевского) и – совсем молодой – Jean Louis Barrault,[402] тот же Blanchard в молодости. Остальные (молодые) – красивые, культурные и симпатичные, и все – человечные, и на человечности – весь французский фильм. Вчера Д.[403] принес Муру билет на советский фильм: Orpenheimer,[404] и я – взвыла: – Да ведь это же мой Jude Süss![405] и выпросила – тоже, и в воскресенье оба пойдем. (Jude Süss – роман Фейхтванглера.)

Конец декабря 1938 г.

ТРУХАЧЕВУ Б. С
Москва, 10-го февраля 1917 г., пятница.

Милый Борис,

Все никак не выберусь к Вам: морозы и трамвайная давка.

Но очень хочу Вас видеть, надеюсь, что Вы сейчас же, как сможете, придете.

Сереза пока еще в Нижнем. Страшно устает от строя, режим суровый, но пока

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
здоров. У него там несколько знакомых.

Адрес его: Нижний Новгород, 1 учебный подготовительный батальон, 4 рота, 3 взвод.

Рядовому такому-то.

Всего лучшего, будьте здоровы и приходите.

МЭ.

ЭФРОН А. С
16-го апреля 1917 г.

Але. (Прочти сама.)

Милая Аля,

Я очень по тебе соскучилась. Посылаю тебе картинку от мыла.

Твою сестру Ирину мне принес аист – знаешь, такая большая белая птица с красным клювом, на длинных ногах.

У Ирины темные глаза и темные волосы, она спит, ест, кричит и ничего не понимает.

Кричит она совсем как Алеша, [406] – тебе понравится.

Я оставила для тебя няне бумагу для рисования, нарисуй мне себя, меня и Ирину и дай Лиле, она мне привезет. Веди себя хорошо, Алечка, не капризничай за едой, глотай, как следует.

Когда я приеду, я подарю тебе новую книгу.

Целую тебя, напиши мне с Лилей письмо.

Марина

Попроси Лилю, чтобы она иногда с тобой читала.

1917

Милая Аля,

Вера мне передала то, что ты сказала, и мне стало жалко тебя и себя. Я тебя недавно видела во сне. Ты была гораздо больше, чем сейчас, коротко остриженная, в грязном платье и грязном фартуке. Но лицо было похоже. Ты вбежала в комнату и, увидев меня, остановилась. – «Аля! Разве ты меня не узнаешь?» – спросила я, и мне стало страшно грустно. Тогда ты ко мне подошла, но была какая-то неласковая, непослушная.

И Ирину я видала во сне, точно она уже выросла, и у нее зеленые глаза, и когда на них смотришь, они делаются похожи на крылья бабочки.

Аля! Не забудь сказать Маше, что я прошу, чтобы она поскорее отдала в починку корыто и примус. А няне скажи, чтобы она без меня полосатого и голубого бархатного платья тебе не надевала. Ты, наверное, без меня гадко ешь и обливаешься молоком. А гулять в хорошую погоду ходи не на Собачью площадку, а на Новинский бульвар. Там больше места тебе играть и меньше пыли.

Мартыха! Не забывай по вечерам молиться за всех, кого ты любишь. Молись теперь и за Ирину. И за то, чтобы папа не попал на войну. Крепко тебя целую.

Марина

Москва, 28-го апреля 1917 г.

Милая Аля,

Посылаю тебе конфеты. Пусть Лиля тебе дает по одной после обеда и ужина, если ты хорошо ела.

Помнишь ли ты меня еще? Я тебя очень часто вспоминаю. Здесь есть один ребенок, который кричит, как игрушечный баран. А твой баран, который тебе папа на Пасху подарил, еще кричит?

Я радуюсь за тебя, что такая хорошая погода.

Аленька, узнай у Маши, взяла ли она из починки мои башмаки и отдала ли чинить калоши. Если нет, попроси, чтобы она это сделала. Напиши мне с Лилей или Верой письмо и пришли рисунки. Я по тебе соскучилась.

Недавно я видела Маврикия. [407] У Алеши два зуба и он начинает ходить один. А Андрюша болен, у него жар.

Крепко тебя целую, Мартышенька, будь здорова и веди себя хорошо. Приеду, подарю тебе новую книгу.

Марина

Москва, [408]

двадцать девятого апреля, тысяча девятьсот семнадцатого года, суббота.

Милая Аля,

Может быть теперь я уже скоро вернусь. Я тебя не видала только шестнадцать дней, а мне кажется, что несколько месяцев.

У тебя, наверное, без меня подросли волосы и можно уже будет заплетать тебе

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
косички сзади.

Я думала – у Ирины темные волосы, а оказались такие же, как у тебя, только совсем короткие. А глаза гораздо темней твоих, мышиного цвета.

Мартышенька, почему ты мне не присылаешь рисунков? И почему так редко пишешь?

Боюсь, что ты меня совсем забыла.

Гуляй побольше, теперь такая хорошая погода.

На бульвар можно брать с собой мячик, на Собачью площадку не бери и вообще там не гуляй.

Целую тебя. Будь умницей. Может быть скоро увидимся.

Марина

Феодосия, 23-го октября 1917 г.

Милая Аля!

Спасибо за письмо. Надеюсь, что ты себя теперь хорошо ведешь. Я купила тебе несколько подарков.

Недавно мы с Надей и Андрюшей ходили в степь. Там росли колючие кустарники, совсем сухие, со звездочками на концах. Я захотела их поджечь, сначала они не загорались, ветер задувал огонь. Но потом посчастливилось, куст затрещал, звездочки горели, как елка. Мы сложили огромный костер, каждую минуту подбрасывали еще и еще. Огонь вырывался совсем красный. Когда последняя ветка сгорела, мы стали утапывать землю. Она долго дымилась, из-под башмака летели искры.

От костра остался огромный черный дымящийся круг.

Все меня здесь про тебя, Аля, спрашивают, какая ты, очень ли выросла, хорошо ли себя ведешь. Я отвечаю. «При мне вела себя хорошо, как без меня – не знаю».

Аля, не забудь, расскажи папе, что Эссенция умерла. Последнее время у нее закрылись оба глаза, один – совсем, от другого осталась щёлочка. Когда он хотел смотреть, он приподнимал рукою веко – и так ходил, один, по улицам, под черным зонтом.

Умер он ночью, совсем один, даже без прислуги.

Расскажи все это папе.

Дембовецкий (поэт) женился на совсем молоденькой женщине, своей ученице, и выпустил вторую книгу стихов. Постараюсь ее папе привезти. И для папы у меня есть чудный подарок, съедобный, – скажи ему.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я скоро вернусь, соскучилась по дому.

Поцелуй за меня папу, Ирину и Веру. Кланяйся Любе.

Очень интересно будет посмотреть на Вериного американца.

Марина

Москва, русского июня 1921 г.

Моя дорогая Алечка!

Завтра – неделя, как ты уехала.[409] Пишу тебе второе письмо.

Ты единственный человек – кроме Сережи – которому я предана навек. Кроме тебя и Сережи – кажется – никого не люблю. В Волконском я люблю весь старый мир, – понимаешь? Это больше или меньше, чем человек, – почти что идея.

А с тобой мне хорошо и в духе и в быту, мы идем с тобой одним шагом, ты мне никогда не мешаешь, – нет провалов – и если ты в деревне еще научишься умываться и быстро двигаться – я совсем буду счастлива.

Перечитываю твою толстую черную тетрадь, – сколько любви, сколько жизни! Вся наша чердачная эпопея встает.

Живу, как всегда: почти что не отрываюсь от письменного стола, иногда хожу на рынок с Андрюшей, [410] – редко, – безденежье. Но все мы сыты: Борис[411] приносит хлеба, Асины знакомые – щепок.

Аля, две ночи подряд ночую с серой кошкой, – верней она со мной ночует, я вовсе не хочу, но она упорствует и лезет. Забрела к нам случайно, Андрюша угостил ее мертвой мышью (утопилась в ведре, Андрюша выловил и потом отогревал на сковородке, – не ожила!) – кошка решила, что здесь каждый день мертвые мыши и упорно живет: лезет во все кастрюльки и раздирает когтями мой последний (голубой на кресле) платок.

Ася с Андрюшей скоро переезжают, будут жить на Плющихе, Ася нашла службу, скоро будет получать паёк. Пока дружно съедаем твой хлеб (бедная Аля!) – который изредка получаем у Курочкина.

Растроганно вспоминаю нашу прогулку в Зоологический, без тебя туда не пойду.

Бывает Борис. Хочет жить у нас, чтобы было тепло. Думаю о тебе и соглашаюсь. Но предупреждаю, что наша с тобой жизнь замкнутая. Это союз против всех, я этого не хотела, так вышло. Ася уверена, что я тебя ревную ко всем, это неверно, – разве я тебя ревную к Волконскому? Нет, я счастлива, что ты его любишь, потому что и я его люблю. И к детям тебя не ревную, – рада, что развлекаешься. Я только была бы огорчена, если бы ты любила нечто заведомо мне чуждое, но этого не может быть: чуждо мне только не настоящее, а у тебя тонкий нюх.

Я совсем не знаю твоей жизни, потому пишу тебе о тебе и о себе. Когда ты мне напишешь, я буду видеть и дом, и сад, и поле – и тебя во всем этом, пока вижу

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
только тебя.

Поцелуй за меня милых Веру Алексеевну и Наташу, [412] поклонись Борису
Константиновичу. (Аля, вычесывают ли тебя?!)

У нас дожди и грозы, но мне всё равно: стена перед глазами и бумага под рукой –
всё те же!

Целую тебя нежно и крещу. Волконский просит кланяться и спрашивает текст
утрачена.

МЦ

Лондон, 15-го марта 1926 г. [413]

Дорогая Аля, три льва и три львицы. Отдельный дом для гадов: от глиста до удава.
Слоны, усаженные маленькими детьми, и верблюды – взрослыми оболтусами. Когда
слону даешь кусочек хлеба, он выхватывает весь мешок и ест с бумагой. Отдельный
обезьяний дом и отдельный павианий ров. Последнее – дочеловеческий табор.
Бегают, ссорятся, чешутся, делают (все скалы в ручейках!) – омерзительно!
Павианы громадные, с тебя, в чудной серой седой шерсти, но о подхвостных местах
лучше не говорить: красно-голубое ободранное мясо. Штук 50 в одном загоне.
Царство Тарзана. А львы грустные. Оживляются только перед пищей, которой еще не
видят, но которой жаждут. Один – самый старый – даже бегал, вприпрыжку, –
недостойно! Бегал и ревел. А сегодня (была уже два раза!) лапами отгонял львицу,
которая ласкалась. Морщил нос и давал по морде. Потом повернул ей спину и
заснул. (Не МЕ-ШАЙ!)

Как только приедем, пойдем с тобой в Зоологический сад, а то у меня угрызения
совести.

С Ольгой Елисеевной [414] до поры до времени не грызись. Бог с кофейником! А если
попрекает жертвами – ты ведь меня знаешь! – только смеюсь. Я ничего для
благодарности не делаю и не допускаю, чтобы другие делали. А кофейник заведу
другой – сгоревший мне не нужен. А что не давала – ПРАВА! Я сама бы не дала.
Теперь – раз сгорел – давай.

Целую тебя и Мура. Завтра иду смотреть подарки.

МЦ

Львов в Зоологическом не было. Завтра поищу в городе.

9-го августа 1937 г., понедельник

Lacanau-Océan (Gironde) Av. Des Frères Estrade – villa Coup de Roulis,

Милая Аля, во-первых – вернулся первый Canard, [415] т. е. первая пара их, –
посылаю плачевную (хотя оплаченную) бандероль – российского штемпеля нету: в чем
дело? что это за договор? Мур, сразу: – Нужно будет купить Code. [416] –
Благодарю тебя: он наверное стоит двести франков – или двадцать, и окажется, что
устарел. – Не понимаю в чем дело, а здешняя почта – малограмотная, запрашивать –
безнадежно. Марок (ведь послано больше двух недель назад, до повышения тарифа) –
сколько сказали на почте, и вещь явно границы не перешла. Теряюсь в догадках.

А только третьего дня – в безумное пекло и заставляя жариться на пляже несчастного Мура – отправила тебе вторую пару канардов, которую так же – недели через три – получи – вместо тебя. Увы, увы! (Вторую бандероль – тоже пришло.)

А теперь слушай – событие:

В субботу, 7-го, сижу и пишу Сонечку[417] и всё утро дивно пахнет сосновым костром – и я радуюсь. В 10¹/₂ – я как раз собираю мешок с купаньем, Мур уже давно на пляже – приходит хозяйка из кафэ и громко говорит с соседками, слышу: – oh que ça brûle... ça brûle, ça brûle, ça brûle[418] – и мысленно соглашаюсь, потому что третий день пёкло пуще фавьерского. Но когда: «40 kilomètres à l'heure... и la brigade ne suffit pas... и appel aux volontaires»[419] – я выхожу: оказывается с четверговой ночи, т. е. уже третьи сутки горят – ланды, т. е. ГОРИМ – и телефонное сообщение с Lacanau-Ville (километров – 10) прервано, потому что сгорели провода – и столбы.

Пока что – всё так же чудесно пахнет.

Часов в пять приходят Маргарита Николаевна с Ирусей – на угощение: устрицы и rosé[420] – я как раз получила от папы деньги (доживала последние 5 фр.). Сидим, я к ужасу Маргариты Николаевны простым ножом вскрываю устрицы (незаметно разрезаю себе дважды палец, который тут же заживает от морской воды) – Ируся поглощает, Мур (с отвращением) подражает, rosé чудное... так, до семи. Они идут в гостиницу обедать, сговариваемся встретиться в 9 ч. на главной площади. Но когда в девять выходим – дым и гарь такие, что никого и ничего не видеть и нечем дышать: жжет глаза и глот. Весь Lacanau – на площади – и всюду «le feu»[421] – и название мест – и скорость огня. Оказывается, огонь уже в Moutchic'e, куда мы недавно с Ирусей ходили – в 4¹/₂ километров, – горит канал (здесь пять озер соединенных каналами), и вообще мы со всех сторон (четвертая – Океан) окружены пламенем. Небо в огромном зареве и зарницах, ни фонаря, ни звезд, тьма и гарь. Лебедевым, проискав на площади полчаса, не находим и возвращаемся домой – укладываться. Я отбираю тетради, иконы, янтари, identité,[422] деньги (NB! напомнил – Мур!), Мурину сенжильскую фотографию и твою последнюю, только что полученную, и собираюсь нести всё это к Маргарите Николаевне, ибо их вилла – на дюнах, мы же в самом лесу и будем гореть – первые. Но пока увязываю – они, верней – оне – сами: полчаса искали нас на площади, как мы – их. Выходим вместе, я – с кошёлкой, идем на пляж, но и там дышать нечем, море не чувствуется, глаза плачут и глотка отравлена. Пляж тоже полон: и прилив – полный: некоторые, не разобрав в темноте, оступаются в огромные лужи прилива, смех. Наверху, за дюнами – музыка: казино продолжает работать, т. е. молодежь – танцевать. Тут я чувствую величие ничтожества. Садимся на мокрый, как губка, песок (Маргарита Николаевна – тоже!) пытаемся пронюхать море (оно – почти на нас и мы – почти в нем), но – одна гарь, Маргарита Николаевна говорит об ишиасе, который мы наверное получим от такого сидения, встаем, бредем дальше, в полной тьме, босиком (Маргарита Николаевна – тоже!) натываясь на скелеты ободранных палаток, ничего не узнавая, присаживаемся на лестнице (с их виллы к морю) – огромное зарево – гарь – дышать нечем – слезы льют – везде народ – где-то барабан – везде – сирены – и уже около полуночи.

Наконец, уговариваю их отправляться к себе – у них 2-ой этаж и окно на море – а сами с Муром идем во-свояси – добрать китайские книги – и захватить халаты для ночёвки на пляже. Непрерывные сирены – никто не спит – под ноги бросаются тоскующие ополоумевшие плачущие собаки – вести всё тревожнее: ветер – прямо на нас – с женщинами от гари делаются обмороки – дети щебечут. Я вспоминаю письмо 12-летней девочки с Мартиники – про пепельный дождь, который всё гуще и гуще – а мамы нет – а тетя плачет – а я пишу тебе письмо... Когда оно в Европе было получено – девочку давно засыпало. Мур мечтает все это описать в Робинзоне[423] (бормочет: le feu... l'appel aux volontaires... nos glorieuses troupes...[424]) и получить премию в 50 фр. – или авантюрный роман – в 5 фр...

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дышать абсолютно нечем: воздух – круглые горячие горькие клочья. Но это еще – площадь и соседство океана, когда же сворачиваем в наши лесные места – простое пекло: уже не дым, а целый пожарный ветер: несущийся на нас сам пожар.

Но так как мне еще нужно достать китайские книги, а Мур очень устал, укладываю его пока одетого на постель, решив не спать и ждать что будет – а сама сажусь читать Дон-Кихота. (Детские колонии рядом не эвакуированы, значит – дышать можно: я больше всего боялась задохнуться еще до пожара.) Читаю и – пока – дышу. Мур спит. На часах – час. Вдруг – гигантская молния, такой же удар грома, всё полотно потолка – ходуном и барабанный бой по нашей весьма отзывчивой крыше: прямо как по голове! Ливень. – Да какой! Лил всю ночь. Утром – лужи как от прилива, что здесь немыслимо – из-за всасывающего песка. (Здесь земли – ни пяди.) Ливень лил всю ночь, и мы не сгорели, но выгорели целые поселки рядом – и целые леса.

Маргарита Николаевна с Ирусей всю ночь не сомкнули глаз: как только Ируся – смыкала, Маргарита Николаевна – будила: – Смотри, смотри, Ирусик, потому что (нужно надеяться) ты такого пожара больше не увидишь. Маргарита Николаевна говорит – она такого зарева не видала с пожара тайги. И на фоне зарева – непрерывные молнии – грозы длившейся всю ночь.

Всю ночь автомобили соседних с нею дач возили народ и скраб из горящего Moutchic'a – концов сто, просто – летали. Было мобилизовано все мужское население Lacaunau – оттого и были сирены. (Поздравляю дачников – *congè rayè* – приехавших в этот день! И, особенно – вечер: последняя мишинка из Бордо – в 8 ч., а в девять – началось.)

Утром купила Petite Gironde[425] – где 1000 гектаров, где еще больше, пылали два плажа: Mimizan-Plage и Biscarosse-Plage, не говоря уже о лесных местах! Спасали сенегальцы и волонтеры. Словом, пожар был колоссальный, и длился он четверо суток, потому что вчера еще – горело, 4-ый день.

Из разговоров (когда уже прошла опасность, утром, один местный житель – дачнику) – *Vous voyez ces forêts? Là... là... Eh bien c'est un fourré avec des lianes inextriquables... C'est plein de serpents... Alors, personne n'a pu entrer – impossible – et on laissé ça flamber...*[426]

(Мне особенно понравились серпаны, которых пожарные, верней солдаты, испугались во время пожара – точно серпаны в горящем лесу – остаются!)

Аля, сгорели все цикады.

Хорошо мы удружили Маргарите Николаевне: в первое купанье утонула Ируся, а через несколько дней они обе чуть не задохнулись от пожара. Lacaunau-Océan. Ируся всё время считает дни – когда домой. Здесь плавать совершенно нельзя – из-за течения. И непрерывных огромных волн, нынче нас с ней чуть не убило. А мне – нравится.

Я бы дорого дала, чтобы знать что Маргарита Николаевна пишет о Lacaunau Владимиру Ивановичу, в Winneik'у.[427]

Пожар был – от бомбы упавшей с авиона – (какого – не говорят, м. б. – манёвры?) и врывшейся в землю больше чем на метр. Собиратель смолы тут же побежал на ближний телефонный пункт, но было поздно: всё пылало.

На полях 1-го листа:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

NB! Рассмотрите бандероль: марки наклеивала почта – м. б. неверно наклеены? Хотя легко вытащить, для цензуры, и не расклеивая, веревки не было, была эта обёртка. Ируся в Америку посылает множество журналов – и отлично доходят. Попробую нынче послать простым, но не взыщи если не дойдут. Посылаю простым 10-го, во вторник, Мур сейчас опустит, вместе с письмом. Запомни: отосланы 10-го. Огромное спасибо за Мурины журналы, все их читают.

#11_13

5-го февраля 1941 г. Москва[428]

Дорогая Аля! У нас есть для тебя черное зимнее пальто на двойной шерстяной вате, серые валенки с калошами, моржовые полуботинки – непромокаемые, всё это – совершенно новое, пиши скорее, что еще нужно – срочно. О твоём отъезде я узнала 27-го января, и все эти дни выясняла твой точный адрес, надеюсь, что этот – достаточно точный. – 1-го Муру исполнилось 16 лет. Весь прошлый год он болел (воспаление легких, бесчисленные гриппы), и уже с прошлой весны стал худым как стебель. Он очень слаб, от всего устает.

В начале прошлой зимы мы переехали в другой за-город, [429] снимали комнату, а кормились в Писательском доме отдыха. Мур ходил в местную школу. Летом жили в Москве, осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года. Наш адрес: Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62. Я непрерывно переводила и перевожу – всех: грузин, немцев, поляков (Мицкевича), сейчас – белорусских евреев. На жизнь – зарабатываю. Моя книга стихов включена в план Гослитиздата на 1941 г. Мур учится в 8 классе, очень старателен, но точные науки даются с трудом, и он почти не гуляет. В школе его (тьфу, тьфу!) любят – все, во всех школах, потому что эта – уже четвертая. Все книги, рукописи и вещи получила, комната очень заставлена. [430] Теперь жду вести от тебя, я, когда носила деньги, всегда писала адрес и телефон, надеясь на свидание. Надеюсь, что серый воротник греет, узнала ли синюю юбку? А красная фуфайка – потому что оказалась теплее всех. [431] Муля нам неизменно-предан и во всем помогает, это золотое сердце. Собирается к тебе, сам все привезет. Пиши насчет летнего. Вообще, ты пиши – о себе, а мы будем писать – о себе. Вопросов, экономя место, не ставлю, но ответов жду: климат, условия, здоровье. Будь здорова, целую тебя, если бы не Мур (хворый) я бы сейчас собралась, но твердо надеюсь, что как-нибудь осуществлю это позже. Обнимаю тебя.

Мама

10-го марта 1941 г., понедельник

Москва, Покровский бульв., дом 14/5, квартира 62

В Севжелдорлаг

Дорогая Аля! Наконец-то письмо от тебя (Муле), с точным адресом. Из двух твоих открыток, еще московских, я не получила ни одной, – горькая случайность. 27-го января, когда я подошла к окошечку с передачей, мне сказали, что ты выбыла и дали адрес, но только – общий, тогда я запросила на Кузнецком, и мне через три дня дали приблизительно тот же адрес, только уже не Котлас, а Княжий Погост, туда мы с Мулей тебе много писали и телеграфировали, но очевидно не дошло. – Ну, всё хорошо. – О нас: из Болшева мы ушли 10-го ноября, месяц жили у Лили, на твоём пепелище, потом Литфонд нас с Муром устроил в Голицыне Белорусской дороги, снял нам комнату, а столовались мы в Писательском Доме отдыха. Я сразу стала переводить Важу Пшавелу – много поэм, на это ушла вся зима. Летом мы жили в Университете, в комнате уехавшего на дачу профессора. Осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года, на 7 этаже, откуда тебе и пишу. Непрерывно перевожу – всех: французов, немцев, поляков, болгар, чехов, а сейчас – белорусских евреев,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru целую книгу. Один мой перевод (болгарской поэтессы) уже читали по радио, [432] а Журавлев собирается читать только что вышедшего в Дружбе Народов (пришлю) моего грузинского Барса. [433] Есть друзья, немного, но преданные. Мур учится в 8-ом классе соседней школы. Ты бы его не узнала: он совершенно-худой и прозрачный, в Голицыне у него было воспаление легких, после него он стал неузнаваем, да и летом никуда не уезжали. Кошки погибли, Муля расскажет. Сегодня несю папе передачу. У нас есть для тебя: новое черное очень теплое (шерстяная вата) пальто, мерили на меня, шил портной, серые фетровые валенки с калошами, шапка с ушами, чудесные моржевые полуботинки – без сносу, вечные, на которые я наконец нашла ботики, и т. д. Пиши что тебе нужнее всего. Узнала ли синюю юбку, туфли, розовое белье, т. е. поняла ли, что багаж получили? Получили – всё, и все рукописи, летом 1940 г. Жду письма. Муля деятельно собирается к тебе, тогда всё получишь.

На полях:

Обнимаю тебя, будь здорова, пиши подробно, может быть до Мули устроим посылку.

Мама.

Приписка фиолетовыми чернилами:

Передачу взяли опускаю там же

16-го марта 1941 г.

Москва, Покровский бульвар,

дом 14/5, квартира 62 (IV подъезд)

В Севжелдорлаг

Дорогая Аля, наконец-то письмецо от тебя, – в письме к Муле – шло всего 4 дня. А эта открытка – третья по твоему точному адресу, раньше мы писали на княжий Погост. Повторю вкратце: из Болшева мы ушли 8-го ноября – совсем, – было холодно и страшно – месяц жили у Лили на твоём пепелище, на и под твоим зеленым одеялом (Мур спал на твоём сундуке), а днем гуляли, без всякого удовольствия, по Москве, потому что Лиля давала уроки. 16-го декабря переехали в Голицыно Белорусской дороги, в комнату, которую нам снял Литфонд (столовались в Доме Писателей). Мур поступил в местную школу, но всю зиму проболел: краснуха, свинка, всяческие простуды и, наконец, воспаление легких ... полный успех, лестные отзывы по радио. Вещи и рукописи получила все. Прошлым летом. Ты наверное поняла по вещам, переданным. Мы с Мулей давно копим тебе приданое: есть черное новое ватное пальто (шерстяная вата), шил портной, – серые фетровые валенки с калошами, мои новые моржевые полуботинки, элегантные и вечные, с ботиками, завтра пойду хлопотать об открытии твоего сундука (у Лили), [434] тогда достанем всё по списку, остальное докупим. Муля деятельно собирается, копит продовольствие и т. д. и только о поездке и думает. Я на каждом листке передачи писала кроме адреса свой телефон, рассчитывая на свидание, давала его всюду, где могла. – Твои московские открытки пропали, и ни одна из теперешних до Лили не дошла. Дошли 2 письма к Муле. Папе передачу 10-го – приняли, и это всё, что я о нем знаю с 10-го октября 1939 г. Будь здорова, деньги высланы давно, жди Мулю, он всё делает и сделает. У нас над радио – карта. Мур сразу тебя нашел. Он тебе писал уже дважды. Он сейчас в 8 классе, еще 2 года – и армия... Ну, обнимаю, желаю, буду писать часто.

На полях:

Кошки погибли, Муля расскажет. Погибли – последними.

Мама.

18-го марта 1941 г.

Москва, Покровский бульвар,

дом 14/5, квартира 62 (4 подъезд)

В Севжелдорлаг

Моя дорогая Аля! Это – пятая открытка, с двумя Муриными – седьмая, по твоему точному адресу, сообщенному тобою Муле. Он получил два твоих письма, в последнем – письмецо ко мне, и шло оно всего четыре дня. Всё будет, и всё будет – хорошее, и всё хорошее – будет. О твоём отъезде узнала 27-го января, когда принесла передачу, сначала писали на Котлас, потом (справилась на Кузнецком) на Княжий Погост, Муля отправил ряд телеграмм и даже одну – начальнику лагеря – и, наконец, твой адрес – твоей рукой! Будем радоваться. Худшее – позади. О вещах: на днях (уже приходили, но не застали) будет распечатан у Лили твой бедный рыжий сундук, на котором позапрошлой осенью месяц жил и спал Мур, и вещи будут сданы – мне. Всё, по твоему списку, достанем, остальное докупим, многое уже есть: новое черное пальто на шерстяной вате – здоровенное –, мерили на меня, шил портной, серые фетровые валенки с калошами – мой первый тебе подарок, еще осенью 1939 г., мои Паризьен моржевые желтые полуботинки с ботиками, элегантные и непроносские, черное шерстяное платье (подарок Мули), словом – много, много чего, и всё – новое. Мы для тебя собираем уже 11/2 года. О нас: 8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева – навсегда, месяц жили у Лили, на твоём пепелище, зимовали, с деятельной помощью Литфонда, в Голицыне, Белорусской дороги (столовались в Писательском Доме), летом жили в Университете, и осенью совместно с Литфондом, наконец, после бесконечных мытарств, нашли эту комнату – на 2 года (газ, электричество, телефон, 7 этаж, даже кусок балкона! Но попадать на него – из окна), – где тебе и пишу. Тебе пишут Лиля, Зина и Нина.[435] С Ниной у нас настоящая дружба, золотое сердце, цельный и полный человек. Мур оказался очень хрупким, это его 4-ая школа, всю прошлую зиму в Голицыне проболел – свинка, краснуха, непрерывные гриппы, воспаление легких, после которого так окончательно и не оправился. Худой и прозрачный, слабый. Папе передачу 10-го приняли, значит (тьфу –) – жив. Ничего не знаю о нем с 10-го Октября 1939 г.

На полях:

Обе твои московские открытки пропали – горькая случайность.

Кошки погибли. Муля расскажет. Перевожу – всех. Хвалят – даже по радио. Багаж получила. Обнимаю.

Мама

22-го марта 1941 г., день весеннего равноденствия

Москва, Покровский бульвар,

дом 14/5, квартира 62 (4 подъезд)

В Севжелдорлаг

Дорогая Аля! В день весеннего равноденствия пытаюсь написать тебе первое письмо, – открыток по точному адресу было шесть, с Муриными двумя – восемь, а до этого писала на Княжий Погост, но это не в счет. Во всех открытках писала тебе то же самое, а именно:

Твоих двух московских открыток на Лилию не получила – горькая случайность. Первый звук от тебя – письмецо в письме к Муле, который от тебя, пока, получил 2 письма. Он тебе много писал и несколько раз телеграфировал. На каждом листке с передачей я писала свой адрес и телефон – на всякий случай. Ну, не послужило. О нас с Муром: 8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева – навсегда. Месяц жили у Лили, на твоём пепелище, я – на твоём зеленом одеяле, Мур – на твоём бедном рыжем сундуке (где, кстати, всё цело: моль ничего не сожрала, и на днях этот сундук будет передан мне на хранение, уже приходили к Лиле, но не застали ни её ни Зины). Нам очень сердечно помогал Литфонд, благодаря которому мы смогли снять комнату при Доме Писателей в Голицыне Белорусской дороги. Столовались в доме, и первые 2 месяца нам всё оплачивалось. Я сразу принялась за переводы, Мур пошел в очередную школу, где его тоже все сразу полюбили. Мура ты не узнала бы: он худой, прозрачный, руки как стебли (или как плети, очень слаб), все говорят о его хрупкости. В Голицыне он болел: непрерывными гриппами, свинкой и краснухой, после которой схватил воспаление легких (зима была лютая). Перевели его в 8-ой класс без экзаменов – и по болезни и по успехам. Лето мы прожили в Москве, в Университете, искали комнату, – все с той же помощью Литфонда, и наконец – после бесконечных мытарств, лачуг, задворков, ненормальных хозяев – (неописуемо!) – нашли – ту самую где тебе и пишу: 121/2 метров, 7-ой этаж, лифт, газ, электричество и даже свой кусок балкона (но вылезать нужно из окна потому что дверь – у соседей) – на 2 года, с договором, безумно-дорогую, но, пока, выручили писатели: мне такая сумма и во сне не снилась.

Мур учится в 4-ой счетом школе (3-ья была на Тверской, образцовая) – в 8 – классе. Блестящ по всем гуманитарным наукам, по литературе – сплошное отлично, лучше всех в классе знает язык, читает доклады с собственными мнениями и т. д., отлично и по черчению, все остальное – посылно, но так как очень старается (одну задачу из пяти делает по полтора, а то по два часа), то совсем не дышит: с утра до 3 ч. – школа, с 3 ч. до 9 ч. – уроки. Совсем зачах. Внутри он все такой же суровый и одинокий и – достойный: ни одной жалобы – ни на что. Ко мне он привык – как кот.

Мне его бесконечно-жаль, и я так мало для него могу, разве что – пирожное. – Или очередной книжный подарок, например – Историю Дипломатии или сборник статей Кирпотина. Из поэтов любит Маяковского, Асеева и Багрицкого, собирает их в самых разнообразных изданиях.

Мои переводы: грузинский поэт Важа Пшавела: Гоготур и Апшина, Раненый Барс (напечатан в Дружба Народов) и Этери, все вместе – 3.000 строк (рифмованных!)

Потом – все: немецкий фольклор, современные болгары (их, хваля, читали по радио), французы, немец Бехер (с немецкого на французский), – поляки, ляхи (это – отдельный народ, разновидность чехов), а сейчас – целый том белорусских евреев. Да, – англичан позабыла: Баллады о Робин-Гуде. Работаю в Интернациональной Литературе и в Гослитиздате – сектор Дружба Народов. Отношение ко мне самое сердечное и почтительное, а некоторые – просто любят. Моя книжка стихов включена в план Гослитиздата, но не знаю что получится, сейчас очень сокращают, а это ведь – чисто-лирическая книга...

Живу – так: с утра пишу (перевожу) и готовлю: к моему счастью я по утрам совсем одна, в 3 ч. приходит Мур, – обедаем, потом либо иду в Гослитиздат, либо по каким-нибудь другим делам, к 5 ч. – 6 ч. – опять пишу, потом – ужин. В театре и

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
концертах не бываю никогда – не тянет. Мур ложится рано, у нас никто не бывает. Летом 1940 г. – т. е. прошлым – я получила весь багаж, и все рукописи, и все книги – и тоже ни моль, ни мыши ничего не тронули, всё было в полной сохранности. Только дорого взяли за хранение: больше тысячи, – сто рублей помесечно. Т. е. – не дорого, но мне-то – дорого. Всё тебе присланное – оттуда. Да, важная вещь: у нас с Мулей для тебя: новое черное пальто на шерстяной вате, шил портной, мерили на меня, ловкое и очень теплое и не тяжелое, серые фетровые валенки с калошами, мои моржевые полуботинки Паризьен, желтые, – элегантные и непроносные, и к ним – ботики, кроме того – у Мули – всякие отрезы, косынки, то, что уже сам покупал. По присланному списку получишь – всё, у меня многое имеется, чего нет – докупим. Но ты ничего не пишешь про одеяло. У меня есть – на выбор: мое вязаное (очень разноцветное), теплое и не тяжелое – и: синяя испанская шаль с бахромой, которая тем хороша, что и шаль и одеяло. Непременно ответь. Устроишься – довезем и второе. Муля только тобой и жив, после писем повеселел, подписал договор на большую работу, деятельно собирается к тебе. Он был нам неустанным и неизменным помощником – с самой минуты твоего увода. Папе 10-го передачу приняли, ничего не знаю о нем с 10-го Октября 1939 г. Тебе пишут Лиля и Нина. Вчера мы у нее были на дне-рождения, я подарила ей старинную оловянную чашечку – кофейную, ты их наверно помнишь, и пили вино – за твое здоровье и возвращение, она вспоминала как вместе с тобой проводила этот день. Она очень худая и всё время болеет, но молодец и – настоящий человек.

Есть друзья, немного, но преданные, но вижу редко – все безумно-заняты – да и негде. К быту я привыкла, одна хожу и езжу – Аля, даже на А! Едим хорошо, в Москве абсолютно всё есть, но наша семья – котлетная, и если день не было котлет (московских, полтинник – штука), Мур ворчит, что я кормлю его гадостями. По-прежнему вылавливает из супа зеленявки – я осенью зелени (моркови, сельдерея, петрушки-персиля) засушила на целый год. М. б. тебе нужна – сухая зелень? Можно морковь разводить в кипятке, если негде варить. Ответь: 1) одеяло или шаль 2) нужна ли моя сушка.

Муру 1-го февраля исполнилось 16 лет, второй месяц добывает паспорт – сам. Был уже в четырех учреждениях, и у доктора – установить возраст. Всё в порядке, обещали вызвать. Мур – удивительно ответственный человек, вообще он – совсем взрослый, если не считать вязаных лоскутьев, с которыми спит и которые я по-прежнему должна разыскивать. Муля берет тебе целую гору продовольствия, напиши в точности – что нужней? Чеснок у меня есть, но может быть ты его не ешь? – Свежий. – Да, тебе нужны миски или тазики? Муля собирается везти медный, а я – сомневаюсь. Ответь!

Прилагаю конверт с листочком. Деньги тебе высланы давным-давно, сразу после твоего первого письма Муле.

У нас очень холодно, была весна и прошла, вчера, возвращаясь от Нины, мы с Муром совсем ооченели, мороз сбивал голову. О вещах не беспокойся: всё получишь, и для тебя и для товаров, – у меня свой список, у Мули – свой. Целую тебя, желаю, бодрись и держись.

Мама

На полях:

Твое второе письмо к Муле (с моим) пришло на пятый день.

Москва, 12-го апреля 1941 г., суббота.

Дорогая Аля! Наконец твое первое письмо – от 4-го, в голубом конверте. [436] Глядела на него с 9 ч. утра до 3 ч. дня – Муринога прихода из школы. Оно лежало на его обеденной тарелке, и он уже в дверях его увидел, и с удовлетворенным и

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
даже самодовольным: – А-а! – на него кинулся. Читать мне не дал, прочел вслух и свое и мое. Но я еще до прочтения – от нетерпения – послала тебе открыточку. Это было вчера, 11-го. А 10-го носила папе, приняли.

Аля, я деятельно занялась твоим продовольствием, сахар и какао уже есть, теперь ударю по бэкону и сыру – какому-нибудь самому твердокаменному. Пришлю мешочек сушеной моркови, осенью сушила по всем радиаторам, можно заваривать кипятком, все-таки овощ. Жаль, хотя более чем естественно, что не ешь чеснока, – у меня его на авось было запасено целое кило. Верное и менее противное средство – сырая картошка, имей в виду. Так же действенна, как лимон, это я знаю наверное.

Я тебе уже писала, что твои вещи свободны, мне поручили самой снять печати, так что всё достанем, кстати, мошь ничего не поела. Вообще, всё твое цело: и книги, и игрушки, и много фотографий. А лубяную вроде-банки я взяла к себе и держу в ней бусы. Не прислать ли тебе серебряного браслета с бирюзой, – для другой руки, его можно носить не снимая – и даже трудно снять. И м. б. какое-нибудь кольцо? Но – раз уж вопросы – ответь: какое одеяло (твое голубое второе пропало в Болшеве[437] с многим остальным – но не твоим) – есть: мое пестрое вязаное – большое, не тяжелое, теплое – твой папин бежевый плед, но он маленький – темно-синяя испанская шаль. Я бы все-таки – вязаное, а шаль – со следующей оказией, она все равно – твоя. Пришлю и нафталина. Мешки уже готовы. Есть два платья – суровое из номы, [438] и другое, понаряднее, приладим рукава. Муля[439] клянется, что достанет гвоздичного масла от комаров, – дивный запах, обожаю с детства. И много мелочей будет, для подарков.

У нас весна, пока еще – свежаватая, лед не тронулся. Вчера уборщица принесла мне вербу – подарила – и вечером (у меня огромное окно, во всю стену) я сквозь нее глядела на огромную желтую луну, и луна – сквозь нее – на меня. С вербочкой светлошёрстой, светлошёрстая сама.. – и даже весьма светлошёрстая! Мур мне нынче негодующе сказал: – Мама, ты похожа на страшную деревенскую старуху! – и мне очень понравилось – что деревенскую. Бедный кот, он так любит красоту и порядок, а комната – вроде нашей в Борисоглебском, слишком много вещей, все по вертикали. Главная Котова радость – радио, которое стало – неизвестно с чего – давать решительно все. Недавно слышала из Америки Еву Кюри.[440] Это большой ресурс. Аля, среди моих сокровищ (пишу тебе глупости) хранится твоя хлебная кошечка, с усами. Поцелуй за меня Рыжего, хороший кот. А у меня, после того, твоего, который лазил николке[441] в колыбель, уже никогда кота не будет, я его безумно любила и ужасно с ним рассталась. Остался в сердце гвоздем.

Кончаю своих Белорусских евреев, [442] перевожу каждый день, главная трудность – бессвязность, случайность и неточность образов, все распадается, сплошная склейка и сшивка. Некоторые пишут без рифм и без размера. После белорусских евреев кажется будут балты. Своего не пишу, – некогда, много работы по дому, уборщица приходит раз в неделю. – Я тоже перечитывала Лескова – прошлой зимой, в Голицыне, а Бенвенуто читала, [443] когда мне было 17 лет, в гётевском переводе и особенно помню саламандру и пощечину.

Несколько раз за зиму была у нины, [444] она все хворает, но работает, и когда только может – радуется. Подарила ей лже-меховую курточку, коротенькую, она совсем замерзала, и на рождение одну из своих металлических чашек, из которых никто не пьет, кроме меня – и нее.

Хочу отправить нынче, кончаю. Держись и бодрись, надеюсь, что Мулина поездка уже дело дней. Меня на днях провели в группком Гослитиздата – единогласно. Вообще, я стараюсь.

Будь здорова, целую. Мулины дела очень поправились, он добился чего хотел, и сейчас у него много работы. Мур пишет сам. Мама

ЛЕБЕДЕВЫМ А. А. и А. Ф
Москва, 27-го декабря 1918 г.

8 января 1919 г.

Многоуважаемые господа Лебедевы!

Согласно поручению моей сестры, Анастасии Ивановны Трухачевой, прошу Вас выдать ее вещи (в ящиках и мебель) Алексею Антоновичу Борисову. [445]

Марина Эфрон

ЗВЯГИНЦЕВОЙ В. К
Москва, 11-го июля 1919 г.

Верочка?

– (Вопросительный знак – для оклика.) Приходите. У меня много новых стихов и я Вас люблю. А если Вам нездоровится, и Вам нельзя придти, и нельзя сидеть у Вас, – выйдем на волю, посидим где-нибудь. Расскажу Вам про чудовищную поэтессу, вообще расскажу Вам разные вещи, – удачи и злключения.

Целую Вас.

МЦ.

– Приходите пока есть кофе и сахар. Оба кончаются.

Москва, 18-го сентября 1919 г.

Верочка!

Я так отвыкла от любви, что была почти в недоумении, получив Вашу записку: из другого царства, из другого мира.

Живу окруженная и потопленная Алиной иступленной любовью – но это уже не жизнь, а там где-то – как герои моих пьес.

Живу – правда – как на башне, правим с Алей миром с чердака. Ирина тоже на чердаке, но не правит.

В быту продаю и бегаю за казенными обедами.

Недавно пошла вечером с Алей и Ириной в церковь – оказалось: канун Воздвижения, Асиного 25-летия. – Мы обе родились в праздник. Простояла часть службы, кружила ло Собачьей площадке, был такой вечер. – Я думала: «Если Ася жива, она знает, что я об ней думаю», – думала именно этими словами, только это, весь вечер. [446]

– Да.

– Приходите. Вечерами я дома, каждый вечер, нигде не бываю. Но предупредите заранее, тогда я в этот день не буду днем укладывать Ирину и смогу уложить ее

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вечером пораньше.

Целую Вас. Поговорим о «Червонном Валете», [447] которого Спечинский [448] все просит у меня для Вашего театра и в котором – я хочу – чтобы Вы играли Червонную Даму – героиню!

– Скорее приходите!

МЦ.

Москва, (12/25-го) февраля 1920 г., среда,

Верочка!

Вы – единственный человек, с кем мне сейчас хочется – может – говорить. Может быть, потому, что Вы меня любите.

Пишу на рояле, тетрадка залита солнцем, волосы горячие. Аля спит. Милая Вера, я совсем потеряна, я страшно живу. Вся как автомат: топка, в Борисоглебский за дровами – выстирать Але рубашку – купить морковь – не забыть закрыть трубу – и вот уже вечер, Аля рано засыпает, остаюсь одна со своими мыслями, ночью мне снится во сне Ирина, что – оказывается – она жива – и я так радуюсь – и мне так естественно радоваться – и так естественно, что она жива. Я до сих пор не понимаю, что ее нет, я не верю, я понимаю слова, но я не чувствую, мне все кажется – до такой степени я не принимаю безысходности – что все обойдется, что это мне – во сне – урок, что – вот – проснусь.

– Милая Верочка. –

С людьми мне сейчас плохо, никто меня не любит, никто – просто – в упор – не жалеет, чувствую все, что обо мне думают, это тяжело. Да ни с кем и не вижусь.

Мне сейчас нужно, чтобы кто-нибудь в меня поверил, сказал:

«А все-таки Вы хорошая – не плачьте – Сережа жив – Вы с ним увидите – у Вас будет сын, все еще будет хорошо».

Лихорадочно цепляюсь за Алю. Ей лучше – и уже улыбаюсь, но – вот – 39,3 и у меня сразу все отнято, и я опять примеряюсь к смерти. – Милая Вера, у меня нет будущего, нет воли, я всего боюсь. Мне – кажется – лучше умереть. Если Сережи нет в живых, я все равно не смогу жить. Подумайте – такая длинная жизнь – огромная – все чужое – чужие города, чужие люди, – и мы с Алей – такие брошенные – она и я. Зачем длить муку, если можно не мучиться? Что меня связывает с жизнью? – Мне 27 лет, а я все равно как старуха, у меня никогда не будет настоящего.

И потом, все во мне сейчас изгрызано, изъедено тоской. А Аля – такой нежный стебелек!

– Милая Вера, пишу на солнце и плачу – потому что я все в мире любила с такой силой!

Если бы вокруг меня был сейчас круг людей. – Никто не думает о том, что я ведь

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
тоже человек. Люди заходят и приносят Але еду – я благодарна, но мне хочется плакать, потому что – никто – никто – никто за все это время не погладил меня по голове. – А эти вечера! – Тусклая стенная лампа (круглый матовый колпак), Аля спит, каждые полчаса щупаю ей лоб – спать не хочется, писать не хочется – даже страшно думать! – лежу на диване и читаю Джека Лондона, потом засыпаю, одетая, с книгой в руках.

И потом, Верочка, самое страшное: мне начинает казаться, что Сереже я – без Ирины – вовсе не нужна, что лучше было бы, чтобы я умерла, – достойнее! – Мне стыдно, что я жива. – Как я ему скажу?

И с каким презрением я думаю о своих стихах!

В прошлом – разъедающая тоска...

ЗВЯГИНЦЕВОЙ В. К. и ЕРОФЕЕВУ А. С
22-го января/ 4-го февраля 1920 г.

Сашенька и Верочка!

Я еще жива. – Только в большом доме, в чужой комнате, вечно на людях.[449] Аля все еще больна, доктора не угадывают болезни. Жар и жар. Скоро уже 2 месяца, как она лежит, а я не живу.

Сашенька, я нашла Вашу записку на двери. – Трогательно. – Если бы у Али пала t° , я бы пришла, я тоже по вас обоих соскучилась – как волшебным было тогда эти несколько дней.

Приходите вы, господа, ко мне, – так, часов в 7. Если меня не будет, значит я ушла за дровами и сейчас вернусь.

Дня не назначаю, чем скорей, тем лучше. Но не позднее семи, – Аля засыпает в девять.

Целую и жду.

МЦ.

Начало февраля 1920 г.[450]

Друзья мои!

Спасибо за любовь.

Пишу в постели, ночью. У Али 40,4 – было 40,7. – Малярия. 10 дней была почти здорова, читала, писала, вчера вечером еще 37 – и вдруг сегодня утром 39,6 – вечером 40,7.

– Третий приступ. – У меня уже есть опыт безнадежности – начала фразу и от суеверия в хорошую или дурную сторону боюсь кончить.

– Ну, даст Бог! –

Живу, окруженная равнодушием, мы с Алей совсем одни на свете.

Нет таких в Москве!

С другими детьми сидят, не отходя, а я – у Али 40,7 – должна оставлять ее совсем одну, идти долой за дровами.

У нее нет никого, кроме меня, у меня – никого, кроме нее. – Не обижайтесь, господа, я беру нет и есть на самой глубине: если есть, то умрет, если я умру, если не умрет – так нет.

Но это – на самую глубину, – не всегда же мы живем на самую глубину – как только я стану счастливой – т. е. избавленной от чужого страдания – я опять скажу, что вы оба – Саша и Вера – мне близки. – Я себя знаю.

– Последние дни я как раз была так счастлива: Аля выздоравливала, я – после двух месяцев – опять писала, больше и лучше, чем когда-либо. Просыпалась и пела, летала по лавкам – блаженно! – Аля и стихи.

Готовила книгу – с 1913 г. по 1915 г. – старые стихи воскресали и воскрешали, я исправляла и наряжала их, безумно увлекаясь собой 20-ти лет и всеми, кого я тогда любила: собою – Алей – Сережей – Асей – Петром Эфрон – Соней Парнок – своей молодой бабушкой – генералами 12 года – Байроном – и – не перечислишь!

А вот Алина болезнь – и я не могу писать, не вправе писать, ибо это наслаждение и роскошь. А вот письма пишу и книги читаю. Из этого вывожу, что единственная для меня роскошь – ремесло, то, для чего я родилась.

Вам будет холодно от этого письма, но поймите меня: я одинокий человек – одна под небом – (ибо Аля и я – одно), мне нечего терять. Никто мне не помогает жить, у меня нет ни отца, ни матери, ни бабушек, ни дедушек, ни друзей. Я – вопиюще одна, потому – на всё вправе. – И на преступление! –

Я с рождения вытолкнута из круга людей, общества. За мной нет живой стены, – есть скала: Судьба. Живу, созерцая свою жизнь – всю жизнь – Жизнь! – У меня нет возраста и нет лица. Может быть – я – сама жизнь. Я не боюсь старости, не боюсь быть смешной, не боюсь нищеты – вражды – злословия. Я, под моей веселой, огненной оболочкой, – камень, т. е. неуязвима. – Вот только Аля. Сережа. – Пусть я завтра проснусь с седой головой и морщинами – что ж! – я буду творить свою Старость – меня все равно так мало любили! Я буду жить – Жизни – других.

И вместе с тем, я так радуюсь каждой выстиранной Алиной рубашке и чистой тарелке! – И комитетскому хлебу! И – так хотела бы новое платье!

Все, что я пишу, – бред. – Надо спать. – Верочка, выздоравливайте и опять глядите лихорадочными – от всей жизни – глазами ... румяных щек. – Помню ваше черное платье и светлые волосы.

– Когда встанете, пойдите к Бальмонту за радостью, – одного его вида – под клетчатым пледом – достаточно!

Москва, 7/20-го февраля 1920 г., пятница

Друзья мои!

У меня большое горе: умерла в приюте Ирина – 3-го февраля, четыре дня назад. И в этом виновата я. Я так была занята Алиной болезнью (малярия – возвращающиеся приступы) – и так боялась ехать в приют (боялась того, что сейчас случилось), что понадеялась на судьбу.

– Помните, Верочка, тогда в моей комнате, на диване, я Вас еще спросила, и Вы ответили «может быть» – и я еще в таком ужасе воскликнула: – «Ну, ради Бога!» – И теперь это совершилось, и ничем не исправишь. Узнала я это случайно, зашла в Лигу Спасения детей на Собачьей площадке разузнать о санатории для Али – и вдруг: рыжая лошадь и сани с соломой – кунцевские – я их узнала. Я взошла, меня позвали. – «Вы госпожа такая-то?» – Я. – И сказали. – Умерла без болезни, от слабости. И я даже на похороны не поехала – у Али в этот день было 40,7 – и – сказать правду?! – я просто не могла. – Ах, господа! – Тут многое можно было бы сказать. Скажу только, что это дурной сон, я все думаю, что проснусь. Временами я совсем забываю, радуюсь, что у Али меньше жар, или погоде – и вдруг – Господи, Боже мой! – Я просто еще не верю! – Живу с сжатым горлом, на краю пропасти. – Многие сейчас понимаю: во всем виноват мой авантюризм, легкое отношение к трудностям, наконец, – здоровье, чудовищная моя выносливость. Когда самому легко, не видишь что другому трудно. И – наконец – я была так покинута! У всех есть кто-то: муж, отец, брат – у меня была только Аля, и Аля была больна, и я вся ушла в ее болезнь – и вот БОГ наказал.

– Никто не знает, – только одна из здешних барышень, Иринина крестная, подруга Веры Эфрон. Я ей сказала, чтобы она как-нибудь удержала Веру от поездки за Ириной – здесь все собиралась, и я уже сговорила с какой-то женщиной, чтобы привезла мне Ирину – и как раз в воскресенье.

– О!

– Господа! Скажите мне что-нибудь, объясните.

Другие женщины забывают своих детей из-за балов – любви – нарядов – праздника жизни. Мой праздник жизни – стихи, но я не из-за стихов забыла Ирину – я 2 месяца ничего не писала! И – самый мой ужас! – что я ее не забыла, не забывала, все время терзалась и спрашивала у Али: – «Аля, как ты думаешь –?» И все время собиралась за ней, и все думала: – «Ну, Аля выздоровеет, займусь Ириной!» – А теперь поздно.

У Али малярия, очень частые приступы, три дня сряду было 40,5 – 40,7, потом понижение, потом опять. Доктора говорят о санатории: значит – расставаться. А она живет мною и я ею – как-то исступленно.

Господа, если придется Алю отдать в санаторию, я приду жить к Вам, буду спать хотя бы в коридоре или на кухне – ради Бога! – я не могу в Борисоглебском, я там удавлюсь.

Или возьмите меня к себе с ней, у Вас тепло, я боюсь, что в санатории она тоже погибнет, я всего боюсь, я в панике, помогите мне!

Малярия лечится хорошими условиями. Вы бы давали тепло, я еду. До того, о чем я Вам писала в начале письма, я начала готовить сборник (1913–1916) – безумно увлеклась – кроме того, нужны были деньги.

И вот – все рухнуло.

– У Али на днях будет доктор – третий! – буду говорить с ним, если он скажет, что в человеческих условиях она поправится, буду умолять Вас: м. б. можно у Ваших квартирантов выцарапать столовую? Ведь Алина болезнь не заразительная и не постоянная, и Вам бы никаких хлопот не было. Я знаю, что прошу невероятной помощи, но – господа! – ведь Вы же меня любите!

О санатории доктора говорят, п. ч. у меня по утрам 4–5°, несмотря на вечернюю топку, топлю в последнее время даже ночью.

Кормить бы ее мне помогали родные мужа, я бы продала книжку через Бальмонта – это бы обошлось. – Не пришло ли продовольствие из Рязани? – Господа! Не приходите в ужас от моей просьбы, я сама в непрестанном ужасе, пока я писала об Але, забыла об Ирине, теперь опять вспомнила и оглушена.

– Ну, целую, Верочка, поправляйтесь. Если будете писать мне, адресуйте: Мерзляковский, 16, квартира 29. – В. А. Жуковской (для М. И. Цветаевой) – или – для Марины. Я здесь не прописана. А может быть, Вы бы, Сашенька, зашли? Хоть я знаю, что Вам трудно оставлять Веру.

Целую обоих. – Если можно, никаким общим знакомым – пока – не рассказывайте, я как волк в берлоге прячу свое горе, тяжело от людей.

МЦ.

Приписка на полях:

И потом – Вы бы, Верочка, возвратили Але немножко веселья, она Вас и Сашу любит, у Вас нежно и весело. Я сейчас так часто молчу – и – хотя она ничего не знает, это на нее действует. – Я просто прошу у Вас дома – на час!

МЦ

3-го июля 1920

Милая Вера, милый Саша!

В четверг будем у Вас: Волькенштейн и я, – может быть, Бебутов, [451] если Волькенштейн его поймает, я давно уже его не видала.

Приходили: Аля, моя приемная дочка (милиотиевская старшая [452]) – и я.

МЦ.

Вторник.

Волькенштейн захватит пьесу «Паганини». [453]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
17-го октября 1920

Милый Саша!

Ждали Вас с Владимиром Михайловичем, [454] ели яблоки, читали.

Привет

МЦ.

ЛАННУ Е. Л
Москва, 6-го русского декабря 1920 г.,

воскресенье.

Из трущобы – в берлогу

– Письмо первое –

Дружочек!

После Вашего отъезда жизнь сразу – и люто! – взяла меня за бока.

Проводив Вас взглядом немножко дольше, чем было видно глазами, я вернулась в дом. У Дмитрия Александровича [455] было милое, вопрошающее – и сразу благодарное мне! – лицо. [456] Благодарная за похвалу, я сделалась вдвое веселей и милей, чем при Вас. Месхиева [457] ругала Малиновскую, [458] Дмитрий Александрович деликатно опровергал. Ася возилась с собакой, Д. А. с Алей.

Потом мы с Месхиевой пошли домой, я – оберегая ее от ухабов, она меня – от автомобилей.

– «Вы очень подружились с Ланном?» – «Да, – большой поэт и еще больший человек. Я буду скучать о нем». – «Вам нравятся его стихи?» – «Нет. Извержение вулкана не может нравиться. Но – хочу я или не хочу – лава течет и жжет».

– «Он в Харькове был очень под влиянием Чурилина». – «Однородная порода. – Испепеленные. – Испепеляющие».

Назначив друг другу встречу в понедельник (хотя любить ее не буду, – настороже, себялюбива и холодна!) – расстались.

Дома я уложила Алю. – Да, постойте – Взойдя, я сразу поняла: не чердак и не берлога, – трущоба. И была бы совсем счастлива определением, если бы рядом были Вы, чтобы оценить. – Поняв трущобность, удовлетворилась ею, и ушла ночевать в приличный дом, – к знакомым Скрябиной. Там были одни женщины, говорили про спиритизм и сомнамбулизм, я лежала на огромном медведе, не слушала, спорила, соглашалась и спала. Ночью тридцать раз просыпалась, курила, бродила, будила и ушла до свету, оставив всех в недоумении, – зачем приходила.

– Такой Москвы Вы не знаете, да и я забыла, что она есть! – Тишина – фарфоровость – блеск и ломкость. Небо совсем круглое и все розовое, и снег

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
розовый, – и я тигровым привидением.[459] – Не встретила ни человека.

Дойдя до Смоленского,[460] решила – noblesse oblige[461] – навестить – посетить его останки и – о удивление – не помер: мужик с дровами!

– «Купчиха, дров не надоть!» – «Даже очень!» Впряглась с мужиком и довезла до дому 4 мешка дров. Отдала всю пайковую муку, – по крайней мере не украдут, а дрова я потороплюсь сжечь. И сразу – глупое сожаление: – «Ну, конечно, – только он уехал, – и дрова! А я его морила холодом». (Но поняв, что Вам сейчас все равно – тепло, сразу успокоилась.)

– В 12 ч. дня посылаю Алю на Собачью площадку (которой по-Вашему нет), – в Лигу Спасения Детей, за каким-то усиленным питанием, а сама сажусь дописывать те – последние – стихи, диалог над мертвым.

Потом голова болит, ложусь на Алину кровать, покрываюсь тигром и пледом, дрова есть – значит, можно не топить, ужасный холод, голова разлетается, точно кто железным пальцем обводит веки. – Сплю. – Просыпаюсь: темнеет. Али нет. – Иду к Скрябиным.[462] – Там нет. – Вспоминаю год назад – приют, госпиталь, этот ужас всех недр[463] – вспоминаю и последние две недели сейчас, мою сосредоточенность на себе, мое раздражение на ее медленность, мое отсутствие благодарности Богу, что она есть. Возвращаюсь, жду, читаю какую-то книгу. – Темнеет. – Не могу сидеть, оставляю ей записку в дверях, иду во Дворец Искусств, к одному художнику. – Была у Вас Аля? – «Только что ушла». Опять домой. Часы проходят. (Уже 5 ч.). – Ее нет. – Дверь раскрывается. Волькенштейн. – «Марина Ивановна, я пришел к Вам насчет пьесы, я хочу устроить...» – «Мне не до этого, – Аля пропала. Оставьте меня». – Упорствуя, расспрашивает. Неохотно – резко – почти грубо рассказываю. – Идет искать. – Жду. – Час проходит. Совсем темно. Возвращается. Во Дворце ее видели все: была и у Рукавишникова,[464] и в канцелярии, и у цыган, и в подвалах, – но нигде нет.[465] – Садится. – «Марина Ивановна, Вы еще увидите того поэта?» – «Нет». – «Но будете ему писать?» – «Не знаю». (Недоумение.) – «Мне очень жаль, что так мало пришлось поговорить с ним тогда». (– «Подлизывается!» – думаю я с презрением) – «Он мне очень понравился. И – заметили ли Вы, что он совершенно похож на коненковского Паганини, – точно с него делано!» – Я, оживляясь: – «Коненковского Паганини я не рассмотрела, – близорука, но – как странно – в первую же встречу, через 10 минут после того, как он вошел, сказала ему, что он похож на Паганини».[466] – «Значит, коненков правильно понял Паганини». – «Так вот, если будете ему писать, напишите ему следующее. – Я потом думал о нем. – Его творчество – и декламация – и все явление... Этот человек сведенный, судорожный, исступленный. Человек трудной жизни. Мне пришел в голову такой пример: когда Станиславский смотрит молодого актера, он первым делом говорит ему: – „Легче! Легче – Так, распустите мускулы. – Совсем свободно“. – „И всё?“ – „Да, и всё. Чувствуйте: напряжение позади, сейчас освобождение. Не бойтесь, что Вам даром платят деньги!“ – Так вот, я думал о нем. Он не доверяет легкости, – он брезгует ею. Он намеренно громоздит трудности. Ему нужны только непосильные задачи. О, ему трудно жить, – тем более, что все это из глубины, в большой серьез».

– «Вы не так... то есть Вы более... наблюдательны, чем я думала».

– «Жалко, что Вы не познакомили нас с ним раньше, я бы показал ему Станиславского. Это гениальный человек прежде всего».

(Прав.) – Благодарная за «показал бы ему», а не «показал бы его», чуть проясняюсь и прошу у него стихи. – Дает – и много. – «Но Аля!!» – Уже 7 часов. (Ушла в 12 ч.) – Обещает еще раз, после того как зайдет домой, идти искать во Дворец. Уходит. Я лежу и думаю. Думаю вот о чем. – Господи, и тогда я мучилась, пальцем очерчивала, где болит, но какая другая боль! Та боль – роскошь, я на нее не вправе, а эта боль – насущная, то, чем живут, от чего не вправе не умереть. (Если Аля не найдется!) – Аля – Сережа. Ася – на грани, и насущное, и роскошь. Ланн – только роскошь, и вся боль от него и за него – роскошь, и сейчас Бог

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru наказывает. Ланн – во имя мое, могло бы быть и во имя его, но не вышло – не выйдет – ему не нужно – это у него уже есть – и даже если бы не было – ему (такой породе) не нужно. Отношение неправильно пошло, исправилось только к концу – выпрямилось, за день до его отъезда. Я поняла: никакой заботы!

Холодно – мерзны, голоден – бери, умирать – умирай, я ни при чем, отстраняюсь – галантно! без горечи. Ему нужно: несколько голов (умов) – мужских, от времени до времени – подобие любви, (жесточайшая игра для обтачивания когтей против себя же!) или мужская дружба (теоретизирование – планы детективных контор и готовность – если надо – умереть друг за друга! Только не друг без друга!) – или женское обаяние: духи, меха – и никакой грудной клетки!

Думала без горечи: пристально и стойко. – «Если бы суждено было встретиться еще – о, замечательная встреча! Я бы дала ему ровно столько и ровно то, что ему нужно. – Но – Аля?!?!»

В 9-ом часу появился Волькенштейн, ведя Алю за руку, – напыщенный и прохладный в сознании всего своего великодушия в ответ на всю мою подлость.

Подвел – поклонился – и вышел.

– «Аля, что это значит?» – «Я хотела испытать горе, – как ребенок живет без матери». – «Где ты была?» – «Я целый день сидела в сугробе и голодна, как смерть». – «Гм... – И никуда не заходила?» – «Нет». – «Нигде, нигде не была, – ни у Скрябиных, ни у X, ни у Z, ни у цыган?» – «Ни – где. Ходила по пустырям и горевала». – «А кто был во Дворце? Кто веселился с детьми такого-то? Кто глядел на шахматный турнир? Кто? – Кто – кто? – ?» – «Марина, простите!» –

Яростно посадила ее на табурет посреди комнаты. – «Так, руки вдоль колен! Так, не двигаться! А что я горюю, что я думаю, что ты попала под автомобиль, а что Евгений Львович уехал и теперь надо любить меня вдвое – ты об этом не думала?!» и т. д. и т. д.

Дверь настезь: художник из Дворца[467] (открывший после смерти Ирины серию моего дурного поведения – просто – за сходство с Борисом[468] – как первое, чему я улыбнулась после всего того ужаса).

– Марина Ивановна! Я к Вам! Я по Вас соскучился. Можно? (Когда-то видались три раза в день, теперь не видались с июня, хотя соседи.)

– «Очень рада! Садитесь. Кушать будете?»

– «Все, что дадите!»

Аля: «Марина! Он тоже голоден, как смерть!» Я: «Чудесно! Два таких аппетита в доме, – мне больше не нужно! Аля, разжог!»

И – пошло! – Топлю, колю, пилю, сидят, едят.

– «Аля, мойся!» – К 11-ти мы на улице. – Куда идти? Пошли к Антокольским (соседям, он – поэт и неплохой). Съели очень много черного хлеба и ушли. Оттуда на Арбатскую площадь, – уже 12 ч., оттуда к Скрябиным, оттуда – в 2 ч. по домам.

Сегодня он опять зайдет за мной: неутомимый ходок, как я, мне с ним весело – и абсолютно безразличен. Просто – для не сидения по вечерам в трущобе. – А о сходстве с Борисом – вот что: вьющаяся голова (хотя темная) – и посадка головы, – разлетающийся полушубок – нелепая грандиозность – химеричность – всех замыслов, – обожание нелепости, *comme telle*[469] – так мы, например, в прошлом году всю дорогу из Замоскворечья к моему дому говорили о каком-то баране, сначала маленьком: бяша, бяша! потом он уже большой и нас везет (под луной – было полнолуние – и очень поздний час ночи) – потом он, везя, начинает на нас оглядываться и – скалиться! потом мы его усмиряем, – один бок жареный, едим – и т. д., и т. д., и т. д. – В итоге – возвращаясь каждый к себе домой: хочу лечь – баран, книгу беру – шерстит – баран! печку топлю, – пахнет паленым, – он же сгорбатился – и т. д.

Идем вчера, смеясь, – вспоминаем.

– «Да, но наш баран – все-таки не баран! И в этом наше оправдание», говорит он.

– Крылатый баран! – поправляю я и – внезапно – «от нашего барана до Пегаса – один шаг!»

Простите за всю эту ересь – это для характеристики.

Иду вчера и думаю. – «Я дура. Премированная дура. Баран-поддевка – веселье. При чем тут любовь? Зачем всегда это бесплатное приложение? – Моя галантность? – Нет, глупость. – Надо же понять, наконец, что не всякое желание другого – насущное, что есть – в этой области и – м. б. – больше, чем в других – Прихоть. А я, всегда принимающая малейшую причуду другого *au grand sérieux*[470] – просто дура!»

– Но, дружочек, у меня есть одно оправдание: я невозвратна. Не потому, что я так решаю, а потому что что-то во мне не может вторично, – другие глаза и голос и та естественная преграда, которая у меня никогда не падает – ибо ее нет! – при первом знакомстве, и неизбежно вырастает – во втором. – Точно, заплатив дань своему женскому естеству (формальному!) – я внимательно занимаюсь изучением того, кто передо мной.

И это так невинно, что ни один – клянусь! – ничего не помнит.

Об одном я не успела ни написать, ни сказать Вам, – а это важно! – Об огромном творческом подъеме от встречи с Вами. – Те стихи Вам – не в счет, просто беспомощный лепет ослепленного великолепием ребенка – не те слова – все не то – (я, но – не Вам, – поняли?) – Вам нужно все другое, ибо Вы из всех, меж всех – другой, – все та же моя неверная начальная слепота – верно-неверная лунатическая дорога.

Ничего не обещаю – ибо Вам ничего не нужно! – но просто повествую Вам – как все это письмо – ибо Вы ценитель и знаток душ! – что то что с Вас сошло на меня (говорю как – о горе!) другое и по-другому скажется, чем все прежде. – Спасибо Вам! – Творчески!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вторник

Вы уже день, как дома. А я уже три дня – как не́ дома. – Знаете, где я вчера была? – Судьба! – В Спасо-Болвановском!!![471]

– Дружок, он есть! – И действительно – за́ Москвой-рекой! – Далё-еко! – Длинный, горбатый, без тротуаров и мостовых, весь в церковных домиках, – и везде светло, тепло! – Какая там советская Москва! – Времен Иоанна Грозного!

Мы шли со Скрябиной, – она в своей котиковой шубе, на узких как иголки каблуках, я медведем в валенках, и она все время падала.

И как – мне – было – жаль!

(NB – не ее, конечно!)

Между прочим: Вам совсем не надо читать этого письма за раз, – ведь оно писано кусочками – клочочками, день за днем, почти час за часом.

Так и читайте!

А то мне совестно, а Вам, взглянув, – наверное, безнадежно!

Сегодня – случайно – наткнулась на Белую стаю.[472] – Как жаль, что забыла еще поблагодарить! –

Раскрыла: Ваш почерк. Прочла. Задумалась. Вы уже наверное не помните, что написали, я сама читала как новое. Как меня – ужасом! – восхищает бренность. – Милая Ахматова – милый Вы – милая я. –

– Кончила те стихи, над мертвым.[473] Хотела по-Вашему (вопросом), вышло по-моему (ответом, – и каким!) – Если это письмо будет отправлено, присоединю и стихи.

Моя главная забота сейчас: гнать дни. Бессмысленное занятие, ибо ждет – может быть – худшее. Иногда с ужасом думаю, что – может быть – кто-нибудь в Москве уже знает о Сереже, м. б. многие знают, а я – нет. Сегодня видела его во сне, сплошные встречи и разлуки. – Сговаривались, встречались, расставались. И все время – через весь сон – надо всем сном – его прекрасные глаза, во всем сиянии.

(Сейчас спрашиваю Алю: – «Аля, что печка?» и ее спокойный ответ: – «Печка? – Головешит!» – Так, собака, бегущая, прихрамывая, у нее «треножит», большевики о победах – «громогласят» и т. д.)

Купила себе – случайно, как всё в моей жизни – «полушалок» (обожаю слово!), сине-черный, вязаный. Люблю его за тепло, – «в гроб с собой возьму!»

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(О, мой гроб! Мой гроб!)

Купила на улице у старухи, которая, живя 18 лет (а может быть – 81 год!) в Москве, ни разу не была на Смоленском. – «Я зря болтаться никогда не любила». Слушала с наслаждением. – Вот мой Потеня! [474] – И еще завидовала: «зря болтаться», – что я другого с рождения делала?!

четверг

Мой друг! – Я уже начинаю отвыкать от Вас, забывать Вас. Вы уже ушли из моей жизни. – Послезавтра – нет, завтра – неделя как Вы уехали. – Помните, я Вас просила: до субботы! – а Вы уехали в пятницу, а мне так и осталось в памяти: суббота.

Вы – умник и отвесно глядите в души. Я бы хотела, чтобы Вы поняли: начинаю отвыкать, забыла.

Мне, чтобы жить – надо радоваться. Пока Вы были здесь – даже, когда мне было так больно, я все-таки могла сказать себе: завтра в 6 ч. (пойду – или не пойду, все равно – но – завтра в 6 ч. – достоверность!)

А сейчас? – Завтра – нет, послезавтра – нет, через неделю – нет, через месяц – нет, хочется думать и попадаю в пустоту – может быть – через год, может быть – никогда.

Чего ж тут любить – помнить – мучиться?

И вот мое трезвое, благоразумное, огнеупорное, – асбестовое! – сердце, поняв, смирилось, отпустило.

От встречи с Вами у меня осталось только смутное беспокойство: надо куда-то идти, – и вот, хожу: весь день – «по делам» (т. е. – по труппам – в поисках за табаком) – с Алей, вечером одна или с кем-нибудь. – Это, конечно. Вы, Ваша память, – «куда-то идти» – бесспорно – «от чего-то уйти».

Если бы я знала, что Вы – что я Вам необходима – о! – каждый мой час был крылат и летел бы к Вам – но так – зря – впустую, – нет, дружочек, много раз это со мной было: не могу без! – и проходило, могла без, не могу без – это, очевидно другое: когда другой так не может без, что и ты не можешь.

– Это не холод и не гордыня, это, дружочек, опыт, то, чему меня научила советская Москва за эти три года – и то, что я – наперед – знала уже в колыбели.

– Ланн. – Это отвлеченность. – Ланн. – Этого никогда не было. – Это то, что смогло уйти, следовательно, – могло не прийти.

И еще: высокий воротник, глаза под высокой шапкой, мягкий голос и жесткие глаза.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Может быть, если бы я получила от Вас письмо, я бы резче поверила, что Вы были. Но вряд ли Вы напишете и вряд ли я отошлю это письмо.

– Вчера Вы на секундочку воскресли: когда я, позвонив, стояла у Вашего парадного и ждала. (Я в первый раз была у Дмитрия Александровича после Вас, – так, кажется, ходят на кладбище.)

Я так привыкла.

(Аля, мешая угли в печке: – «Марина! Это адские помидоры!» – и – недавно – на мое напоминание

– «Марина, я бы не хотела, чтобы...»)

– О! дружок, какой у меня тогда был бы оплот! – Или: – «Напишите мне большую вещь, настоящую, как перед смертью...»

Но всем мои стихи нужны, кроме Вас! Ваше отношение к моим стихам – галантность Гарибальди к добровольцу из хорошей семьи.

– Но какое мне дело до стихов?! –

Верность.

И – ослепительная формула: – Верность – это инстинкт самосохранения.

Такой верностью я буду верна в первый раз в жизни. А все остальные верности – или героизм, или воспитанность.

– Как странно: всем я приносила счастье! Кому легкое, кому острое, – но никогда тяжесть, удушение – А Вас я, кажется, удушиваю. А если бы Вы знали, как я сдерживаюсь, не даю себе ходу, приуменшаю, сглаживаю, обезвреживаю каждый свой взгляд и шаг!

Так, постепенно, раскрытые Вам навстречу руки все опускаются, опускаются, теряя и отпуская. – О, за эти опущенные руки Бог мне все простит!

– Последний день –

Расстаюсь с Вами счастливая.

Я никогда не боялась внешних разлук, привыкла любить отсутствующих. – Любить – слабое слово, – жить.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Как Вы тогда хорошо сказали: лютая эротика, – о, как Вы чувствуете слово!

Люблю Вас – поэта – так же как себя – за будущее. Ваши стихи прекрасны, – клянусь Богом, что совершенно нечаянно вспомнила аэролит – и потом уж – По!

Ваши стихи прекрасны, но Вы больше Ваших стихов.

Вы – первый из моих современников, кому я – руку на сердце положа – могу это сказать.

Вы мне чужой. Вы громоздите камни в небо, а я из «танцующих душ» (слова Вячеслава). [475]

Вы мне чужой, но Вы такой большой, что – на минуту – приостановили мой танец.

Дай Вам Бог только здоровья, силы, спокойствия, – и как я Вас буду по-новому и изумительно любить – голову запрокинув! – через пять лет.

Ваш Роланд [476] – из наивысших мировых достижений, только в наши дни такие слова – не на всех устах.

Если определить Вашу поэтическую породу – Вы, конечно, – радуга, чей один конец – По, а другой – Новалис, [477] но как там – помните, Вы рассказывали – никогда не забуду, как вероятно – никогда не прочту – круговые вихри, – так здесь – непрерывные радуги.

И Вы только в начале первой!

– О, как я Вас люблю в Вашей нацеленности! Как Вами бы любовался Ницше!

Москва, 29-го русского декабря 1920 г.

Дорогой Евгений Львович!

У меня к Вам большая просьба: я получила письмо от Аси – ей ужасно живется – почти голод – перешлите ей через верные руки тысяч двадцать пять денег, деньги у меня сейчас есть, но никого нету, кто бы поехал в Крым, а почтой – нельзя.

Верну с первой оказией: – Ради Бога! –

Адрес Аси: ФЕОДОСИЯ–КАРАНТИН–ИЛЬИНСКАЯ УЛИЦА, ДОМ МЕДВЕДЕВА, КВАРТИРА ХРУСТАЧЕВЫХ – ей. –

Шлю Вам привет.

МЦ.

– Если сделаете это, известите по адресу Дмитрия Александровича .

Только что написала эти несколько слов – как вдруг – дверь настезь – Ваше письмо!

И Аля: – «Марина, Ваши голоса скрестились как копыа!»

– Спасибо за память. – Как я рада, что Вы работаете – и как я понимаю Вас в этой жажде! – Я тоже очень много пишу, живу стихами, ужасом за Сережу и надеждой на встречу с Асей. Перешлите ей, пожалуйста, вложенное письмо, – если скорая оказия, – с оказией, – или заказным. Мне необходимо, чтобы она его получила.

И разрешите мне – от времени до времени – тревожить Вас подобной просьбой, у меня никого нет в Харькове, а это все-таки на полдороге в Крым, – отсюда письма вряд ли доходят, заказных не принимают.

– У нас елка – длинная выдра, последняя елка на Смоленском, купленная в последнюю секунду, в Сочельник. Спилила верх, украсила, зажигала третьегодними огарками. Аля была больна (малярия), лежала в постели и любовалась, сравнивая елку с танцовщицей (я – про себя: трущобной!)

Три посещения

І. Сидим с Алей, пишем. – Вечер. – Стук в незапертую дверь. Я, не поднимая глаз: – «Пожалуйста!»

Маленький, черненький человечек. – «Закс!!! Какими судьбами? – И почему – борода?!» – Целуемся.

Мой бывший квартирант, убежденный коммунист (в 1918 г. – в Москве – ел только по карточкам) был добр ко мне и детям, обожал детей – особенно грудных – так обожал, что я, однажды, не выдержав, воскликнула: – «Вам бы, батюшка, в кормилицы идти, а не в коммунисты!»

– «Закс!» – «Вы – здесь – живете?!» – «Да» – «Но это ужасно, ведь это похоже (щелкает пальцами) – на – на – как это называется, где раньше привратник жил?» – Аля: – «Подворотня!» – Он: «Нет». Я: – «Дворницкая? Сторожка?» Он, просияв: «Да, да – сторожка». (Польский акцент, – так и читайте, внешность, кроме бороды, корректная.)

Аля: – «Это не сторожка, это трущоба». – Он: «Как Вы можете так жить? Эта пос-суда! Вы ее не моете?» Аля – «Внутри – да, снаружи – нет, и мама – поэт». Он: – «Но я бы – проссстите! – здесь ни одной ночи не провел». – Я, невинно: – «Неужели?»

Аля: – «Мы с мамой тоже иногда уходим ночевать, когда уж очень неубрано.» Он: – «А сегодня – убрано?» Мы в один голос – твердо: – «Да».

– «Но это ужасно! Вы не имеете права! У Вас ребенок!»

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– «У меня нет прав». – «Вы целый день сидите со светом, это вредно!» – «Фонарь завален снегом!» Аля: – «И если мама полезет на крышу, то свалится». – «И воды, конечно, нет?» – «Нет». – «Так служите!» – «Не могу». – «Но ведь Вы пишете стихи, читайте в клубах!» – «Меня не приглашают». – «В детских садах». – «Не понимаю детей». – «Но – но – но...» Пауза. – И вдруг: – «Что это у Вас?» – «Чернильница». – «Бронзовая?» – «Да, хрусталь и бронза». – «Это прелестная вещица. – и как запущена!» – О! – «У меня все запущено!» – Аля: «Кроме души». – Закс, поглощенный: – «Это же! Это же! Это же – ценность». Я: – «Ну-у?» – «Этто художественное произведение!» – Я, внезапно озаренная (уже начинала чувствовать себя плохо от незаслуженных – заслуженных! – укоров) – «Хотите подарю?!» – «О-о! – Нет!» Я: – «Ради Бога! Мне же она не нужна». – Аля: – «Нам ничего не нужно, кроме папы, – пауза – и царя!» Он, поглощенный чернильницей: – «Это редкая вещь». Я: – «Просто заграничная. Умоляю Вас!!!» – «Но что же я Вам дам взамен?» – «Взамен? – Стойте! – Красных чернил!» – «Но...» – «Я нигде не могу их достать. Дадите?» – «Сколько угодно, – но...» – «Позвольте я ее сейчас вымою. Аля, где щетка?»

10 минут спустя – Аля, Закс и я – (неужели меня принимают за его жену?!) – торжественно шествуем по Поварской, – в осторожно вытянутой руке его – ослепительного блеску – чернильница. – И никаких укоров. –

– Сияю. – Дошло!

II. Сидим с Алей, пишем. – Вечер. – Стук в незапертую дверь. – Я, не поднимая глаз: – «Пожалуйста!» – Входит спекулянт со Смоленского, желаящий вместо табака – пшено. (Дурак!) – «Вы – здесь – живете?» – «Да». – «Но ведь это – задворки!» –

«Трущоба», – поправляю я. – «Да, да, трущоба.. Но ведь наверное Вы раньше...» – «Да, да, мы не всегда так жили!» – Аля, гордо: «У нас камин топился, и юнкера сидели, и даже пудель был – Джэк. Он раз провалился к нам прямо в суп». Я, поясняя: – «Выбежал на чердак и проломил фонарь». Аля: – «Потом его украли». – Спекулянт: «Но как же Вы до такой жизни дошли?» – «Садитесь, курите». (Забываю, что он табачный спекулянт. – Из деликатности – не отказывается.) – «А постепенно: сначала чердак – потом берлога – потом трущоба». – «Потом помойка», – подтверждает Аля. – «Какая у Вас развитая дочка!» «Да она с году все понимает!» – «Скажите!» – Молчание. – Потом: «Я уж лучше пойду, Вам наверное писать надо, я Вас беспокоил». – «Нет, нет, ради Бога – не уходите. Я Вам очень рада. Вы видно хороший человек, – и мне так нужен табак!» – «Нет, уж лучше я пойду». Я, в ужасе: «Вы, может, думаете, что у меня нет пшена? Вот – мешок!» Аля: – «И еще в кувшине есть!» Он: – «Видеть-то вижу, только мамаша у Вас расстроенная». – «Она не расстроенная, она просто в восторге, она всегда такая!» – Он: – «Позвольте откланяться». – Я: – «Послушайте, у Вас – табак, у меня – пшено, – в чем дело? Я же все равно это пшено завтра на Смоленском обменяю, – только мне вместо 2-го сорта дадут хлам, труху. – Ради Бога!»

– «А почему Вы кладете пшено?»

– «На Ваше усмотрение».

– «1000 рублей?»

– «Отлично. – А табак?»

– «10.000 рублей».

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– «Великолепно. Берите 10 фунтов пшена и дайте мне 1 фунт табаку». – Явление Али с весами. – Вешаем. – «И взять-то мне не во что», – «Берите прямо в мешке». – «Но я ведь чужой человек, мешок – ценность...» – «Мешок – не ценность, человек – ценность, Вы хороший человек, берите мешок!» – «Тогда позвольте мне уж вместо 1 фунта предложить Вам полтора».

– «Вы меня смущаете!»

– «Ну, прошу Вас!»

Аля: – «Марина, берите!»

Я: – «Вы добры».

Он: – «Я впервые вижу такого человека».

Я: – «Неразумного?»

Он: – «Нет – нормального. Я унесу от Вас и тяжелое и отрадное впечатление».

– «Пожалуйста, только последнее!»

Улыбается: На прощание говорит: – «Помогай Вам Бог!» Лет под 50, тип акцизного, голос вроде мурлыканья, частые вздохи.

Тоже юродивый!

Сияю. – Дошло! –

III. Сидим с Алей, пишем. – Вечер. – Дверь – без стука – настезь. Военный из комиссариата. Высокий, худой, папаха. – Лет 19.

– «Вы гражданка такая-то?» – «Я». – «Я пришел на Вас составить протокол». – «Ага». Он, думая, что я не расслышала: – «Протокол». – «Понимаю».

– «Вы путем незакрывания крана и переполнения засоренной раковины разломали новую плиту в 4 №». – «То есть?» – «Вода, протекая через пол, постепенно размывала кирпичи. Плита рухнула». – «Так». – «Вы разводили в кухне кроликов». – «Это не я, это чужие». – «Но Вы являетесь хозяйкой?» – «Да». – «Вы должны следить за чистотой». – «Да, да, Вы правы». – «У Вас еще в квартире 2-ой этаж?» – «Да, наверху мезонин». – «Как?» – «Мезонин». – «Мизимим, мизимим, – как это пишется – мизимим?» Говорю. Пишет. Показывает. Я, одобряюще: «Верно».

– «Стыдно, гражданка, Вы интеллигентный человек!» – «В том-то и вся беда, – если бы я была менее интеллигентна, всего этого бы не случилось, – я ведь все время пишу». – «А что именно?» – «Стихи». – «Сочиняете?» – «Да». – «Очень приятно». – Пауза. – «Гражданка, Вы бы не поправили мне протокол?» – «Давайте, напишу, Вы говорите, а я буду писать». – «Неудобно, на себя же». – «Все равно, – скорей будет!» – Пишу. – Он любит по черком: быстротой и красотой.

– «Сразу видно, что писательница. Как же это Вы с такими способностями лучшей квартиры не займете? Ведь это – простите за выражение – дыра!»

Аля: – «Трущоба».

Пишем. Подписываемся. Вежливо отдает под козырек. Исчезает.

И вчера, в 10 1/2 вечера – батюшки светы! – опять он. – «Не бойтесь, гражданка, старый знакомый! Я опять к Вам, тут кое-что поправить нужно».

– «Пожалуйста». – «Так что я Вас опять затрудню».

– «Я к Вашим услугам. – Аля, очисти на столе». – «М. б. Вы что добавите в свое оправдание?»

– «Не знаю... Кролики не мои, поросята не мои – и уже съедены».

– «А, еще и поросенок был? Это запишем».

– «Не знаю... Нечего добавлять».

– «Кролики... Кролики... И холодно же у Вас тут должно быть, гражданка. – Жаль!»

Аля: – «Кого – кроликов или маму?»

Он: – «Да вообще... Кролики... Они ведь все грызут».

Аля: – «И мамины матрасы изгрызли в кухне, а поросенок жил в моей ванне».

Я: – «Этого не пишите!»

Он: – «Жалко мне Вас, гражданка!»

Предлагает папиросу. Пишем. Уже 1/2 двенадцатого.

– «Раньше-то, наверное, не так жили»... И, уходя: «Или арест или денежный штраф в размере 50 тысяч. – Я же сам и приду». Аля: – «С револьвером»? Он: – «Этого, барышня, не бойтесь!» Аля: – «Вы не умеете стрелять?» Он: – «Умею-то, умею, – но... – жалко гражданку!»

Сияю. – Дошло!

Милый Евгений Львович, буду счастлива, если пришлете стихи. Как жаль, что Вы так

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мало мне их читали!

желаю Вам на Новый – 1921 – Год (нынче канун, кончаю письмо 31-го, с Годом!) –
достаточно плоти, чтобы вынести – осуществить! – дух.

Остальное у Вас уже все есть, – да пребудет!

– Стихи пришлю. – Вашим письмам буду всегда рада. – Не забудьте просьбу с Асей.

МЦ.

Москва, 31-го декабря 1920 г., канун русского 1921-го.

Приписка на полях:

– Письмо Асе залежалось, – на днях обеспокою Вас отдельным. Тогда перешлите.

Москва, 15-го русского января 1921 г.

Диалог:

– «Марина! Чего Вы бы больше хотели: письма от Ланна – или самого Ланна?»

– Конечно, письма!

– Какой странный ответ!

Ну, а теперь: письмо от папы – или самого папы?

– О! – Папы!

– Я так и знала!

– Оттого, что это – Любовь,

а то – Романтизм!

Дорогой Евгений Львович!

Это письмо – в ответ на Ваше второе, не полученное. Вот уже два дня, как тщетно
разыскиваем с Алей по всему городу товарища Шиллингера.[478] Были и в Музо,[479]
и в Камерном,[480] и у Метнера,[481] который ему покровительствует, засыпали
Москву записками, как метель – снегом, – и – rien![482] – ни Шиллингера, ни
письма.

– Очень жаль – ценя вашу лень!

– И так, товарищ Ланн – и отсутствующий – заставляет нас измерять Москву
верстами!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Получили ли Вы мое первое письмо – заказное? Пишу на учреждение, ибо не знаю домашнего адреса – и не верю в домашние адреса! – Дома проходят, учреждения остаются.

– Получила за это время два письма от Аси, второе еще более раннее, две недели спустя занятия Крыма, – несколько строк отчаянной любви ко мне (нам!) и одиночества. – Ася! – Это поймете только Вы.

Живет одна, с Андрюшей, служит – советский обед и 1 ф. хлеба на двоих – вечером чай – так чудесно и сдержанно – чай – и конечно без хлеба, ибо – если было бы с хлебом – так и было бы написано: с хлебом.

В Феодосии Макс, Пра, Майя, [483] М. И. Кузнецова (вторая жена Бориса).

– «Есть друзья – проходят – новые...»

Что, – не вся ли я?!

И потом – певучим возгласом: – «Марина! Ты можешь жить без меня?!»

Товарищ Ланн – дружок! – я вас уже просила – и еще прошу, – ради Бога! – если только есть какая-то возможность –

– пошлите Асе тысяч двадцать пять! Клянусь – верну, деньги у меня есть, только послать не через кого. Если Вы, получив мое первое письмо, уже это сделали – спасибо Вам до земли, если нет – поклон до земли: сделайте!

Вы нас мало знаете в быту: у того, кто нас любит – мы не просим, а те, кто нас не любит – не дадут. (А может быть не только вторые, – но – *glissez, mortels, n'arrivez pas!* [484] – И эти – всегда на наивысший лад отношения – с первым любимым приказчиком в кооператива – словом, с Асей будет то же самое, что со мной в 19 г. – весь город – друзья – Вавилонская башня писем – Содом дружб и любовей – и ни кусочка хлеба!

Вы нас немножко любите – по-хорошему – обращаюсь не к Вашей доброте, а к Вашей высоте: это надежнее.

Дорогой Евгений Львович, я была бы огорчена, если бы Вы подумали, что я пишу Вам исключительно из попрошайничества. – Это не так, но Ася сейчас – а, стойте! – гениальная формула:

...и вбитый в череп – гвоздь.

Касательно слова я это не понимала, касательно человека это для меня – формула, видите – разницу?

О, слово видно меня очень любит, я всю жизнь только и делаю, что его предаю! – Ради человека!

О Вашем втором письме я узнала от Магеровского, он заезжал ко мне со своей новой женой. (Жена такая, что – непременно – заезжал!)

Жена, ничего не понимая в нашей «обстановке» – на всякий случай – улыбалась. Очень спокойная жена – просторная. Вы ее видели. Если бы на меня надеть хоть десятую часть ее одежды – я – клянусь Богом – была бы красивее. Магеровский сияет. – Вскоре после Вашего отъезда были с ним во Дворце, на Шопене. Не выдержав давки и – в упор – света, ушла. На другой день встречаемся. – «Вы очень сердились на меня, что я заманила Вас на Шопена?» – «О, нет, я, слушая третью вещь, сочинил даже две главы конспекта. Музыка удивительно вдохновляет во мне – мысль». – 1) Это – не Мысль, 2) Ты – чудовище. – Смолчала. –

Познакомилась с Вашим третьим мушкетером – славный, лучше Магеровского: человечней. Его точно ветром носит. Я понимаю, почему Вы решили, что это – Ваши друзья: никаких человеческих обязательств: Магеровский – вообще не человек, Арапов[485] – легковесен, – и себя не помнит! – Вам с ними хорошо. Но все-таки иногда забредаем с Алей к Магеровским, – по старой памяти. Раз даже ночевали.

Т. Ф. Скрябина получила паек – пока на бумаге. Продолжает рубить и топить, – руки ужасные, глаза прекрасные, почти все вечера забрасываемся куда-нибудь, – все равно – куда, я – устав от дня, она – от жизни, нам вместе хорошо, большое шкурно-душевное сочувствие: любовь к метели, к ослепительно-горячему питью – курение – уплывание в никуда.

– Как-то каталась с Бебутовым[486] на извозчике – сани вроде дровней – извозчик вроде ямщика – казалось, что едем не в I Театр РСФСР – а в Рязань – всю дорогу бредили: он – о своем, я – о своем, – и ямщик о своем, – доходили только интонации – они были ласковы – у всех – прэлэстно прокатались, – ни Бебутов, очевидно, ни я – очевидно – ни на секунду не вспомнили, что до зимы было – лето, а до интонаций – любовь (?) – Волькенштейном брезгую, что есть сил. – Еле здороваюсь. – В дом к себе не пускаю.

У меня есть для Вас маленькая (а может быть – и большая!) радость, в ней – надеюсь – потонут все неприятности – вольные и невольные – которые я – иже словом – иже делом – могла Вам доставить. – Ждите. –

Андрей Белый сломал себе – в своих льдах и снегах – позвоночник, лежит в лечебнице, никого не пускает – а то я бы давно выпросила у него – для Вас – Кризис Слова.[487] Обойдется – выпрошу. Есть у меня для Вас еще «Седое утро» – новая книжка Блока, недавно вышедшая в Санкт-Петербурге – и уже библиографическая редкость. Если Шиллингер объявится, перешлю с ним, как и ту – радость.

Очень много пишу – как никогда, кажется. Но это – особ статья, как и моя жизнь. Когда-нибудь – когда и если это будет необходимым – пришлю Вам всё. – Тороплюсь, человек едет завтра, пишу ночью, простите за сбивчивость.

В следующем письме – если в Вашем втором, на которое все-таки надеюсь – не прочту ничего нелестного для своей – в Вас – памяти – в следующем письме перепишу Вам отрывочек из тетрадки Али – о Вас. – Любопытно. – Это она называет

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мемуары. Асе она пишет о Вас: – «Он не был добрей других, – но – вдохновенней».

Жду Ваших стихов. Люблю – и чту! – их все больше и больше. Оцените чуждость
Вашего – мне – дарования и выведите отсюда самое лестное для себя
заключение. [488] – Искренний привет.

МЦ.

Приписка на полях:

Напишите обо мне большое письмо Асе! – Дружочек! – Ради Бога! – ФЕОДОСИЯ,
КАРАНТИН. ИЛЬИНСКАЯ УЛИЦА, ДОМ МЕДВЕДЕВА, КВАРТИРА ХРУСТАЧЕВЫХ. – ей. –

Москва 19-го русского января 1921 г.

Дорогой Евгений Львович!

Зная меня, Вы не могли думать, что я так просто не пишу Вам – отвыкла – забыла.

Мне непрестанно (много раз) хотелось писать Вам, но я все время чего-то ждала,
душа должна была переменить русло.

– Но так трудно расставаться! – Целых две недели мы с Алей с утра до вечера
гоняли по городу, ревностно исполняя – даже отыскивая! – всякие дела. Иногда,
когда бывало уж очень опустошенно, забредали к Магеровским, – так – честное
слово! – посещают кладбище!

(Вот, наверное, Дмитрий Александрович) не думал-не гадал! Он ведь как раз тогда
оаживал невесту!)

– Ну вот. – Две недели ничего не писала, ни слова, это со мной очень редко – ибо
Песня над всем! – гоняя с Алей точно отгоняли Вас все дальше и дальше – наконец
– отогнали – нет Ланна! – тогда я стала писать стихи – совершенно исступленно! –
с утра до вечера! – потом – «На Красном Коне». – Это было уже окончательное
освобождение: Вы уже были – окончательно! – в облаках.

Красный Конь написан. Последнее тире поставлено. – Посылать? – Зачем? – Конь
есть, значит и Ланн есть – навек – высько! – И не хотелось идти к Вам нищей –
только со стихами. – И не хотелось (гордыня женская и цветаевская – всегда post
factum!), чувствуя себя такой свободной – идти к Вам прежней – Вашей!

Жизнь должна была переменить упор. – И вот, товарищ Ланн, (обращение ироническое
и нежное!) опять стою перед Вами, как в день, когда Вы впервые вошли в мой дом
(простите за наименование!) – веселая, свободная, счастливая. – Я. –

– Но все-таки, дружочек, принимая во внимание быстроту советскую и цветаевскую –
после Вас роздых был порядочный!

БОЛЬШЕВИК [489]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
От Ильмена – до вод Каспийских –
Плеча рванулись в ширь.
Бьет по щекам твоим – российский
Румянец-богатырь.
Дремучие – по всей по крепкой
Башке – встают леса.
А руки – лес разносят в щепки,
Лишь за топор взялся!
Два зарева: глаза и щеки.
– Эх, уж и кровь добра! –
Глядите-кось, как руки в боки,
Встал посреди двора!
Весь мир бы разгромил – да проймы
Жмут – не дают дыхнуть!
Широкой добротой разбойной
– Смеясь – вверяю грудь!
И земли чуждые пытая,
– Ну, какова мол новь? –
Смеюсь, – все ты же, Русь святая,
Малиновая кровь!
18 русского января 1921 г.

18 лет. – Коммунист. – Без сапог. – Ненавидит евреев. – В последнюю минуту, когда белые подступали к Воронежу, записался в партию. – Недавно с Крымского фронта. – Отпускал офицеров по глазам. –

Сейчас живет в душевной – полупоповской полуинтеллигентской контрреволюционной семье (семействе!) – рубит дрова, таскает воду, передвигает 50-типудовые несгораемые шкафы, по воскресеньям чистит Авгиевы конюшни (это он называет «воскресником»), с утра до вечера выслушивает громы и змеиный шип на советскую власть – слушает, опустив глаза (чудесные! 3-летнего мальчика, который еще не совсем проснулся!), – исполнив работу по своей «коммуне» (всё – его терминология!), идет делать то же самое к князьям Шаховским, – выслушивает то же, – к Скрябиным – где не выслушивает, но ежедневно распиливает и колет дрова на четыре печки и плиту! – (наконец, поставили!) – к Зайцевым и т. д. – до поздней ночи, не считая хлопот по выручению из трудных положений – знакомых и знакомых знакомых.

Слывет дураком. Наружность: богатырская. Малиновый – во всю щеку – румянец, вихрь неистовый – вся кровь завилась! – волос, большие блестящие как бусы черные глаза, прэлэстный невинный маленький рот, нос прямой, лоб очень белый и высокий. Косая сажень в плечах, – пара – донельзя! – моей Царь-Девиге.

Необычайная – чисто 18-тилетня – серьезность всего существа. – Книги читает по пяти раз, доискиваясь в них СМЫСЛА, о котором легкомысленно забыл автор, чтит искусство, за стих Тютчева в огонь и в воду пойдет, – любимое – для души – чтение: сказки и былины. Обожает елку, службы, ярмарки, радуется, что еще есть на Руси «хорошие попы, стойкие» (сам в Бога не верит!)

Себя искренно и огорченно считает скверным, мучится каждой чужой обидой, неустанно себя испытывает, – все слишком легко! – нужно труднее – трудностей нет, берет на себя все грехи советской власти, каждую смерть, каждую гибель, каждую неудачу совершенно чужого человека! – помогает каждому с улицы – вещей никаких! – всё роздал и всё рассорил! – ходит в холщовой рубахе с оторванным воротом – из всех вещей любит только свою шинель, – в ней и спит, на ногах гетры и полотняные туфли без подошв – «так скоро хожу, что не замечаю!» – с благоговением произносит слово «товарищ» – а главное – детская беспомощная тоскливая иступленная любовь к только что умершей матери.

Наша встреча. – Мы с Татьяной Федоровной[490] у одних ее друзей. Входит высокий красноармеец. Малиновый пожар румянца. Представляется – и – в упор: «Я читал Ваши стихи о Москве. Я Вас сразу полюбил за них. Я давно хотел Вас видеть. Но мне здесь сказали, что Вы мне и руки не подадите». – ? – «П. ч. я – коммунист».

– «О, я воспитанный человек! Кроме того (невинно!) – коммунист – ведь тоже человек?» – Пауза. – «А о каких стихах о Москве Вы говорите?» – «О тех, что в Весеннем Салоне Поэтов».[491] – Я: – «А-а»... (Помните?) – Пауза. – Он: – «Как мне Вас звать? Здесь Вас все зовут Марина». – Кто-то: – «Когда с человеком мало знакомы, его зовут по имени и отчеству».

Я: – «Зовите, как Вам удобнее – приятнее». – Он: – «Марина – это такое хорошее имя – настоящее – не надо отчества!»

Пошел меня провожать. Расстались – Ланн, похвалите, – у моего дома. На следующий день у Скрябиных читала ему Царь-Девуцу. Слушал, развалился у печки, как медведь. Провожал. – «Мне жалко Царевича, – зачем он все спал?» – «А мачеху?» – «Нет, мачеха дурная женщина».

У подъезда – Ланн, хвалите – расстались.

На следующий день (3-я встреча – все на людях!) – кончала ему у меня Царь-Девуцу. Слушал, по выражению Али, как 3-летний мальчик, который верит, п. ч. няня сама видала! – На этот раз – Ланн, не хвалите! – тоже расстались у подъезда, – только часов в восемь утра.

Ночь шла так: чтение – разговор о Царь-Девуце – разговор о нем – долгий. Моя бесконечная осторожность, чтобы не задеть, не обидеть, – полное умолчание о горестях этих годов – его ужас перед моей квартирой – мое веселье в ответ – его желание рубить – мой отказ в ответ – предложение устроить в Крым – мой восторг в ответ.

Его рассказ о крымском походе – как отпускал офицеров (ничего не зная обо мне! о Сереже!) – как защищал женщин – бесхитростный, смущенный и восторженный рассказ! – лучший друг – погиб на белом фронте. – Часа в два, усталая от непрерывного захлебывания, ложусь. – Через 5 минут сплю. Раскрываю глаза. – Темно. – Кто-то, чуть дотрагиваясь, трясет за плечо:

«Марина Ивановна! Я пойду». – «Борис!» – «Спите, спите!» Я, спросонья: – «Борис, у Вас есть невеста?» – «Была, но потеряна по моей вине». – Рассказ. – Балерина, хорошенькая, «очень женственная – очень образованная, – очень глубокая... и такая – знаете – широко – окая!».

Слушаю и в темноте кусаю себе губы. – Знаю наперед. – И, конечно, знаю верно: у балерины, кроме мужа, еще муж, и еще (все это – почтительным и чуть ли не благоговейным тоном) – но Борис ей нужен, п. ч. он ее не мучит. Служит ей два года (с 16-ти – по 18 лет!) в итоге видит, что ей нужны только его – ну? – ну – некоторые материальные услуги... – Расстаются.

Потом – хождение по мукам: мальчик стал красавцем и коммунистом, – поищите такого любовника! И вот – в вагоне – на фронте – здесь на службе – все то же самое: только целоваться! А в это время умирает мать. –

Ланн! – Я слушала, и у меня сердце бешенствовало в груди от восторга и умиления. А он, не замечая, не понимая, вцепившись железными руками в железные кудри –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
тихо и глухо: – «Но я гордый, Мариночка, я никого не любил».

Курим. – Стесняется курить чужое. – «О, погодите, когда мне вышлют из Воронежа шубу...» – «Вы мне подарите сотню папирос 3-го сорта». – «Вам – 3-го сорта?!» – Глаза, вопреки на полнейшую темноту загораются так, что мне – в самом мозгу – светло. – «Мне же все равно, кроме того – Вы же сейчас у меня курите 3-й – здесь всё 3-го – кроме меня самой!»

Часа четыре, пятый. – Кажется, опять сплю. – Робкий голос: – «Марина Ивановна, у Вас такие приятные волосы, – легкие!» – «Да?» – Пауза – и – смех! – Но какой!!!

– «Ради Бога, тише, Алю разбудите! – Что Вы так смеетесь?» – «Я ду – рак!» – «Нет! Вы – чудесный человек! Но – все-таки?» – «Не могу сказать, Марина Ивановна, слишком глупо!» – Я, невинно: – «Я знаю. Вам наверное хочется есть и Вы стесняетесь. Ради Бога – вот спички – там на столе хлеб, соль на полу у печки, – есть картофель». И – уже увлекаясь: – «Ради Бога!» Он, серьезно: – «Это не то!» Я, молниеносно: – «А! Тогда знаю! Только это безнадежно, – у нас все замерзло. Вам придется прогуляться, – я не виновата, – советская Москва, дружочек!»

Он: – «Мне идти?» – Я: «Если Вам нужно». Он: – «Мне не нужно, может быть Вам нужно?» – Я, оскорбление: – «Мне никогда не нужно». Он: – «Что?» – Я: – «Мне ничего не нужно – ни от кого – никогда».

– Пауза. – Он: – «Марина Ивановна, Вы меня простите, но я не совсем понял». – «Я совсем не поняла». – «Вы это о чем?» – «Я о том, что Вам что-то нужно – ну что-то – ну, в одно местечко пойти – и что Вы не знаете, где это – и смеетесь!» – Он, серьезно: – «Нет, Марина Ивановна, мне этого не нужно, я не потому смеялся». – «А почему?» – «Сказать?» – «Немедленно!» – «Ну – словом – (опять хохот) – я дурак – но мне вдруг ужжасно захотелось Вас погладить по голове». Я, серьезно: – «Это совсем не глупо, это очень естественно, гладьте, пожалуйста».

Ланн! – Если бы медведь гладил стрекозу – не было бы нежнее. – Лежу, не двигаясь. –

Гладит долго. Наконец – я: – «А теперь против шерсти – снизу вверх – нет, с затылка – обожаю!» – «Так?» – «Нет, немножко ниже – так – чудесно!» – Говорим, почти громко. Он гладит, я говорю ему о своем отношении – делении мира на два класса: брюха – и духа.

Говорю долго, ибо гладит – долго.

Часов пять, шестой.

Я: – «Борис, Вы, наверное, замерзли, если хотите – сядьте ко мне». – «Вам будет неудобно». – «Нет, нет, мне жалко Вас, садитесь. Только сначала возьмите себе картошки». – «Марина Ивановна, я совсем не хочу есть». – «Так идите». – «Марина Ивановна, мне очень хочется сесть рядом с Вами, Вы такая славная, хорошая, но я боюсь, что я Вас стесню». – «Ничуть». – Садится на краешек. Я – галантно – отодвигаюсь, растаю в стену. – Молчание. –

– «Марина Ивановна, у Вас такие ясные глаза – как хрусталь – и такие веселые! Мне очень нравится Ваша внешность».

Я, ребячливо: – «А теперь пойте мне колыбельную песнь» – и – заглатывая уголек: – «Знаете, какую? – Вечер был – сверкали звезды – на дворе мороз трещал... Знаете? – Из детской хрестоматии...» (О, Ланн, Ланн!)

– «Я не знаю» – «Ну, другую, ну хоть Интернационал, – только с другими словами – или – знаете, Борис, поцелуйте меня в глаз! – В этот!» – Тянусь. – Он, радостно и громко: – «Можно?!» – Целует, как пьет, – очень нежно. – «Теперь в другой!» – Целует. – «Теперь в третий!» – Смеется. – Смеюсь.

Так, постепенно, как помните, в балладе Goethe «Der Fischer»: «halb zog sie ihn, halb sank er hin...»[492]

Целует легко-легко, сжимает так, что кости трещат.

Я: – «Борис! Это меня ни к чему не обязывает?» – «Что?» – «То, что Вы меня целуете?» – «Марина Ивановна! Что Вы!!! – А меня?!» – «То есть?» – «Марина Ивановна, Вы не похожи на других женщин!»

Я, невинно: «Да?» – «Марина Ивановна, я ведь всего этого не люблю.»

Я, в пафосе: – «Борис! А я – ненавижу!» – «Это совсем не то, – так грустно потом». – Пауза. –

– «Борис! Если бы Вам было 10 лет...» – «Ну?» – «Я бы Вам сказала: Борис, Вам неудобно и наверное завидно, что я лежу. – Но Вам – 16 лет?» – Он: –«Уже 18 лет!» – «Да, 18! Ну так вот». – «Вы это к чему?» – «Не понимаете?» – Он, в ответ: «Марина Ивановна! Я настоящий дурак!» Я: – «Так я скажу: если бы Вы были мальчик – ребенок – я бы просто-напросто взяла Вас к себе – под крыло – и мы бы лежали и веселились – невинно!» – «Марина Ивановна, поверьте, я так этого хочу!»

– «Но Вы – взрослый». – «Марина Ивановна! Я только ростом такой большой, даю Вам честное слово партийного» –

– «Верю, – но – поймите, Борис, Вы мне милы и дороги, мне бы не хотелось терять Вас, а кто знает, я почти наверное знаю, что гораздо меньше буду Вас – что Вы гораздо меньше будете мне близки – потом. И еще, Борис, – мне надо ехать, все это так сложно...»

Он, – внезапно, как совсем взрослый человек – из глубины: – «Марина Ивановна, я очень собранный».

(Собранный – сбитый – кабинет М агеровского – Ланн!..) Протягиваю руки.

Ланн, если Вы меня немножко помните, радуйтесь за меня! – Уже который вечер – юноша стоек – кости хрустят – губы легки – веселимся, болтаем вздор, говорим о России – и все как надо: ему и мне.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Иногда я, уставая от нежности – «Борис! А может быть?» – «Нет, Марина Ивановна! – Мариночка! – Не надо! – Я так уважаю женщину, – и в частности Вас – Вы квалифицированная женщина – я Вас крепко-крепко полюбил – Вы мне напоминаете мою мамочку – а главное – Вы скоро едете, у Вас такая трудная жизнь – и я хочу, чтобы Вы меня хорошо помнили!»

22-го русского января 1921 г.

– По ночам переписываем с ним Царь-Деву. Засыпаю-просыпаюсь – что-то изрекаю спросонья – вновь проваливаюсь в сон. Не дает мне быть собой, веселиться – отвлекаться – приходиться в восторг. – «Мариночка! Я здесь, чтобы делать дело – у меня и так уж совесть неспокойна – все так медленно идет! – веселиться будете с другими!»

– Ланн! – 18 лет! – я на 10 лет старше! – Наконец – взрослая – и другой смотрит в глаза! –

Я знаю одно: что так меня никто – вот уже 10 лет! – не любил. – Не сравниваю – смешно! – поставьте рядом – рассмеетесь! – но то же чувство невинности – почти детства! – доверия – успокоения в чужой душе.

Меня, Ланн, очевидно могут любить только мальчики, безумно любившие мать и потерянные в мире, – это моя примета.

Ланн! – Мне очень тяжело. – Такое глубокое молчание. Ася в обоих письмах ничего о нем не знает, – не видала год. Последние письма были к Максусу, в начале осени. [493]

– Этого я не люблю, – смешно! – нет, очень люблю; просто и ласково, с благодарностью за молодость – бескорыстность, чистоту. За то, что для него «товарищ» звучит как для Сережи – Царь, за то, что он, несмотря на малиновую кровь (благодаря ей!) – погибает. – Этот не будет прятаться. – «И чтобы никто обо мне не жалел!» – почти нагло.

Ланнушка (через мягкое L!) – равнодушный собеседник моей души, умный и безумный Ланн! – Пожалейте меня за мою смутную жизнь!

Пишу Егорушку – страстно! – Потом-где-то вдальке – Самозванец – потом – совсем в облаках – Жанна д'Арк.

Живу этим, даже не писанием, – радугой в будущее! – Ланн, это мое первое письмо к Вам, жду тоже – первого.

Прощайте, мое привидение – видение! – Ланн.

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

9-го русского февраля 1921 г.

– Письмо залежалось. – Пишу еще. – Жду письма. Посылаю Коня и Блока.

МЦ.

Москва, 16 русского июня 1921 г.

Мой дорогой Ланн!

Только что проснулась: первые птицы. Только что видела во сне: сначала Бориса, потом Сережу.

С Борисом смеялась (привычная дорога моей нежности к нему), а Сережу я только видела: он лежал в госпитале. Помню сестру милосердия и тампоны ваты. Каждую ночь вижу Сережу во сне, и когда просыпаюсь, сразу не хочу жить – не вообще, а без него.

Самое точное, что могу сказать Вам о себе: жизнь ушла и обнажила дно, верней: пена ушла.

я уже почти месяц, как без Али, [494] – третье наше такое долгое расставание. В первый раз – ей еще не было года; потом, когда я после Октября уезжала, вернее увозила – и теперь.

Я не скучаю по Але, – я знаю, что ей хорошо, у меня разумное и справедливое сердце, – такое же, как у других, когда не любят. Пишет редко: предоставленная себе, становится ребенком, т. е. существом забывчивым и бегущим боли (а я ведь – боль в ее жизни, боль ее жизни). Пишу редко: не хочу омрачать, каждое мое письмо будет стоить ей нескольких фунтов веса, поэтому за почти месяц – только два письма.

И потом: я так привыкла к разлуке! Я точно поселилась в разлуке.

Начинаю думать – совершенно серьезно – что я Але вредна. Мне, никогда не бывшей ребенком и поэтому навсегда им оставшейся, мне всегда ребенок – существо забывчивое и бегущее боли – чужд. Все мое воспитание: вопль о герое. Але с другими лучше: они были детьми, потом все позабыли, отбыли повинность, и на слово поверили, что у детей «другие законы». Поэтому Аля с другими смеется, а со мной плачет, с другими толстеет, а со мной худеет. Если бы я могла на год оставить ее у Зайцевых, я бы это сделала, – только знать, что здорова!

Без меня она, конечно, не будет писать никаких стихов, не подойдет к тетрадке, потому что стихи – я, тетрадка – боль.

Это опыт, пока, удастся блистательно.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Когда-нибудь, милый Ланн, соберусь с духом, пришлю Вам стихи за эти последние месяцы, стихи, которые трудно писать и невысказанно читать.[495] (Мне – другим.) – Пишу их, потому что, ревнивая к своей боли, никому не говорю про Сережу, – да некому. У Аси достаточно своего, и у нее не было Сережи.

Эти стихи – попытка проработаться на поверхность, удастся на полчаса.

– Вчера отправили с Волконским его рукопись «Лавры», [496] – весом фунтов в 8, сплошь переписанную моей рукой. – «Спасибо Вам, что помогли мне отправить мое „дитё“!» – Любит он эту рукопись, действительно, как ребенка, – но как ребенок. Теперь буду переписывать «Странствия», потом «Родину». Это мое послушание. В лице Волконского я люблю Старый Мир, который так любил Сережа. Эти версты печатных букв точно ведут меня к Сереже. Отношение с Волконским нечеловеческое, чтобы не пугать: литературное. – Amitie littéraire.[497]

Любуюсь им отрешенно, с чувством, немножко похожим на:

Die Sterne, die begehrt man nicht –
Man freut sich ihrer Pracht![498]

Зимой он будет в Петрограде, я не смогу заходить, он забудет.

Ася живет на Плющихе, [499] под окном дерево и Москва-река. Воят и режут поезда. Нищенская, веселая, растрепанная, героическая комната. Дружно бедствуем: пайка не было с марта.

Андрюша в компрессах, жесткий бронхит. Ребачливость, вдохновенность, умственная острота и эмоциональная беспомощность, щедрость – все Борисово. Прелестный мальчик, которого мне безумно жаль. Но говорить об этом не стоит: здесь нужны не слова, а молоко, хлеб и т. д.

Вот, милый Ланн, и все, что могу Вам рассказать. – Ах, да! – Сейчас по Москве ходит книга с моими стихами, издалека. [500] Александра Владимировна [501] бы порадовалась.

Думая о Вас, вижу Вас первой ступенью моего восхождения после стольких низостей, Волконский – вторая, дальше людей уже нет, – совсем пусто.

К Вам к единственному – из всех людей на земле – идет сейчас моя душа. Что-то связывает Вас с Борисом и с Сережей, Вы из нашей с Асей юности – той жизни!

Не спрашиваю Вас о том, когда приедете и приедете ли, мне достаточно знать, что я всегда могу окликнуть Вас.

– Мое последнее земное очарование!

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Москва, 10-го русского сентября 1921 г.

Дорогой Ланн!

Направляю к Вам Эмилия Львовича Миндлина, он был мой гость в течение месяца, мы с ним дружили, он мне во многом помогал, будьте милы – приютите его, если понадобится. – Сейчас ведь круговая порука. Ланн!

Живу мечтой и надеждой на встречу с Сережей. Эмилий Львович Вам обо всем расскажет.

Тороплюсь. – Сейчас Аля бешено играет на шарманке: новый обряд проводов.

Вспоминаю Вас с благодарностью (хотела было написать:

с нежностью. – Благодарность точнее!)

Ася живет очень трудно и благородно.

Мы обе – Ваши друзья навсегда.

Марина

– Аля целует. –

ЦВЕТАЕВОЙ А. И
Москва, 17-го русского декабря 1920 г.

Третьего дня получила первую весть от тебя и тотчас же ответила. – Прости, если пишу все то же самое, – боюсь, что письма не доходят.[502]

В феврале этого года умерла Ирина – от голоду – в приюте, за Москвой. Аля была сильно больна, но я ее отстояла. – Лиля и Вера вели себя хуже, чем животные, – вообще все отступились. Ирине было почти три года – почти не говорила, производила тяжелое впечатление, все время раскачивалась и пела. Слух и голос были изумительные. – Если найдется след Сережи – пиши, что от воспаления легких.

О смерти Бориса[503] узнала в конце сентября, от Эренбурга. Не поверила. – Продолжала молиться.

Миронов[504] жив, женат, дочка Марина (11/2 года, в Иркутске, постарел и несчастен. У него умер отец.

Адрес Миронова: Иркутск, Дегтевская, 21, квартира 1. – Служит, голодает. – Нас помнит и любит. – Все эти годы считала его погибшим. Первая весть о нем – 2 месяца назад, через его сестру Таню (замужем и едет в Ригу). – Женат на ее 17-летней подруге.[505] – Угрюм. – Та – веселая и толстая. Лидия Александровна[506] жива, Павлушков[507] умер – от какой-то мозговой болезни 8 месяцев тому назад, в Харькове.

Мы с Алей живем все там же, в столовой. (Остальное – занято.) Дом разграблен и разгромлен. – Трущоба. Топим мебелью. – Пишу. – Не служу, ибо после смерти Ирины

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мне выхлопотали паек, дающий возможность жить. – Служила когда-то 51/2 месяца (в 1918 г.) – ушла, не смогла. – Лучше повеситься. –

Ася! Приезжай в Москву. Ты плохо живешь, у вас еще долго не наладится, у нас налаживается, – много хлеба, частые выдачи детям – и – раз ты все равно служишь – я смогу тебе (великолепные связи!) – устроить чудесное место, с большим пайком и дровами. Кроме того, будешь членом Дворца Искусств (дом Сологуба), будешь получать за гроши три приличных обеда. – Прости за быт, хочу сразу покончить с этим. – В Москве не пропадешь: много знакомых и полудрузей, у меня паек, – обойдемся.

– Говорю тебе верно. –

Я Москву ненавижу, но сейчас ехать не могу, ибо это единственное место, где меня может найти – если жив. [508] – Думаю о нем день и ночь, люблю только тебя и его.

Я очень одинока, хотя вся Москва – знакомые. Не люди. – Верь на слово. – Или уж такие уставшие, что мне, с моим порохом, – неловко, а им – недоуменно.

– Все эти годы – кто-то рядом, но так безлюдно!

– Ни одного воспоминания! – Это на земле не валяется.

Митинги – диспуты – лекции – театр альные постановки, на эстраде – всяк кто пожелает. – Публика цирковая. – Выступаю редко, ибо во главе литературы Брюсов, который меня не выносит. – Не напечатала ни одной строчки. – Да это все равно, мне даже спокойней.

Ася! – Я совершенно та же, так же меня все обманывают – внешне и внутренне – только быт совсем отпал, ничего уже не люблю, кроме содержания своей грудной клетки. – К книгам равнодушна, распродала всех своих французов – то, что мне нужно – сама напишу. – Последняя большая вещь «Царь-Девница», – русская и моя. – Стихов – неисчислимое количество, много живых записей.

Ася! – Три недели назад – стук в дверь. Открываю: высокий человек в высокой шапке. Вползающий в душу голос: Здесь живет Марина Ивановна Цветаева? – Это я. – Вы меня не знаете, я был знаком с Вашей сестрой Асей в Коктебеле – год назад. – О! – Да – и вот...

Входит. Гляжу: что-то Борисино. (Исступленно думала о нем все последние месяцы и видела во сне.) – «Моя фамилия – Ланн»..

Провели – не отрываясь – 21/2 недели. Теперь около 10 дней, как уехал – канул! – побежденный не мной, а породой. Это был конец выплаты долга тебе.

Это первая – прежняя! – радость, первой Пасхой от человека за три года. О тебе он говорил с внимательной нежностью. рассказывал мельчайшие подробности твоего быта (термос – лампа – волоски Андриюши). – Это была сплошная бессонная ночь. – От него у меня на память: «Белая стая» Ахматовой, столбик сухих духов, и цепочка на шее. – «На Юге – Цветаева, на Севере – Цветаева, – куда денешься?» спрашивал

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
он серьезно и беспомощно.

Читала твои письма к нему, через все это прошла и справилась. Мучительный и
восхитительный человек! –

Его адрес: Харьков, Епархиальная улица, 3. Наркомюст. Отдел публикаций заказов.
– У него почти все мои стихи. – Его стихи мне совершенно чужие, но – как лавина!
непоборимые.

Ася! – Жду тебя. – Я годы – одна (людная пустошь). Мы должны быть вместе, здесь
ты не пропадешь.

– Так легко умереть! – Но – странно! – о тебе я все эти годы совсем не
беспокоилась – высшее доверие – как о себе. – Я знала, что ты жива.

Ася! – смерть Бориса – для меня рана на всю жизнь, огромное и страшное горе.
Поверила только, когда Ланн подтвердил. Я Бориса любила как того брата, которого
у нас не было. – Пишу сухо, – поймешь!

Не называй меня никому:
– Я – серафим твой, – радость на время!
Ты поцелуй меня нежно – в темя,
И отпусти во тьму.
Все мы сидели в ночи без света:
Ты позабудешь мои приметы.
Да не смутит тебя сей – Бог весть!
Вздых, всполохнувший одежды ровность.
– Может ли, друг, на устах любовниц
Песня такая цвель?
Так и живи себе с миром, – словно
Мальчика гладил в хору церковном.
Духи и дети, дитя, не в счет!
Не отвечают, дитя, за души!
Эти ли руки – веревкой душат?
Эта ли нежность – жжет?
– Вспомни, как руки пустив вдоль тела,
– Закаменев – на тебя глядела,
Не загощусь я в твоём дому!
Освобожу молодую совесть!
– Видишь, – к великим боям готовясь,
Сам ухожу во тьму.
И обещаю: не будет биться
В окна твои – золотая птица! [509]

– Ланну. –

Приписки на полях:

Ася, дождись поездов и напиши, сколько нужно денег на отъезд, – вышлю, –
Приезжай непременно. Поцелуй за меня Пра, Макса, М. И. Кузнецову и ее
дочку. [510] – Похожа ли на Бориса? Как зовут? Буду писать тебе каждый день.
Прости за протокольность письма, – так безнадежно – все сразу, – и так хочется –
где поэт, написавший: но без меча – над чашами весов. [511] Обмирала над этими
его стихами. – Пиши непрерывно.

Аля – не очень большая, худая, светлая, – Психея. В первом письме были ее письмо
и стихи.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В первую же минуту после занятия Крыма дала Максиму телеграмму через Луначарского, – неужели не дошла? Москва без заборов (сожжены) – в мешках и сапогах.

Если бы я знала, что жив, я была бы – совершенно счастлива. Кроме него и тебя – мне ничего не надо.

Каждый кусок, который ем – поперек горла и отчаяние, что нельзя послать тебе. Узнаю, как с пересылкой денег, – и тотчас ж пошлю. Не оставляй мысли о переезде в Москву.

Целую нежно тебя и Андрюшу. Умилялась его письмецом. В письмах буду писать все то же самое, но стихи буду присылать разные. Напиши Ланну, и пусть он тебе напишет обо мне!

3-го мая 1928 г

Триумфальная Арка

Медон,

Дорогая Ася, у меня для тебя целая коллекция таких открыток – нумерую. А ты мне сразу ответь – дошли ли, тогда буду посылать.

Видела я Асю Оболенскую, [512] приезжала ко мне в Медон. Вот что от нее узнала о смерти Вали. [513] С первого дня Пасхи ей стало несравненно лучше, умирая – стала оживать. Доктора дивились, ибо уж с месяц каждые минуты были сочтены. Валя за время умирания со смертью свыклась, смирилась, – пришлось заново привыкать жить. Жить ей с 1-го дня Пасхи страстно хотелось, поверила, что будет – и Асю уверила. Ей было настолько – непрерывно – неуклонно – лучше, что Ася уже не стояла над ней, как над умирающим, встречалась с радостью, расставалась без страха. И вот – шел сильный дождь, Ася промокла – «пойду переоденусь и вернусь часа через три». Вернулась – Вали уже не было. Попросила у сестры бульона, та пошла за ним, Валя закашлялась – хлынула кровь – одна из больницы побежала предупредить сестру – та пошла – все было кончено. От кашля до смерти не прошло и двух минут. Можно сказать, что смерть мгновенная.

Напиши про Бориса, [514] про здоровье. Я ему писала, но он не отвечает. Совсем ли поправился? Целую тебя и Андрюшу.

М.

Аля твой Зоологический Сад развесила над Муриною кроватью.

Grand Opera. Июнь 1928

Да! Идиотская публикация Астафьева (мужа и жены). [515] Такой-то извещает о смерти Валентины Павловны (Валечки) [516] – опять вроде восстановления титула. Добросердечные, но – дураки, а? Впрочем, Бог с ними.

Вышла моя книга. Надписала и отложила тебе нумерованный (на хорошей бумаге)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
экземпляр, [517] – когда получишь? Отзывов еще нет. [518] 17-го мой вечер, билеты («дорогие», т. е. 25 франков, идут плохо, объелись вечерами. Будет полный зал (входные по 5 франков) и пустая касса, словами прошлого года Мура: «Народу масса, денег мало». Вечер мне нужен для лета: отъезда.

Железная дорога дико дорога, все дорого, страшно трудно уехать. Но хочу ради Мура (кашляет 8 месяцев и Сережи). М. б. поедем на Средиземное море, мое любимое, которого не видала с Палермо (1912 г. – почти что 1812 г.!).

Мур все растет, недавно остригла – жарко. Но тут же – остатками – корешками – завился. Чудесно говорит. Как-нибудь напишу о нем отдельно. Аля учится у Шухаева, [519] но предоставленная самой себе (Шухаев в студии бывает раз в неделю – 15 мин., ленится. Меня переросла на полголовы, а тяжелее на пуд с лишним.

Мы очень плохо живем, куда хуже, чем в прошлом году, и конских котлет (Алина невозбранная улада!) уже нет. Мяса и яйца не едим никогда.

В РЕДАКЦИЮ «ВЕСТНИКА ТЕАТРА»
Февраль 1921

В ответ на заметку в № 78–79 «Вестника Театра» [520] сообщаю, что ни «Гамлета», никакой другой пьесы я не переделываю и переделывать не буду. Все мое отношение к театру РСФСР исчерпывается предложением Мейерхольда перевести пьесу Клоделя «Златоглав», [521] на что я, – с вещью не знакомая, не смогла даже дать утвердительного ответа.

Марина Цветаева.

Письмо Цветаевой открывает полемическую полосу «Около переделок».

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция «Вестника Театра» по поводу письма Марины Цветаевой обратилась за разъяснениями к В. Э. Мейерхольду и В. М. Бебутову. Ввиду того, что В. Э. Мейерхольд в настоящее время находится на излечении в одной из лечебниц под Москвой, ответы их на запрос редакции печатаются нами в несколько необычной форме переписки между ними. Редакция считает, что эта переписка имеет интерес в связи с острым вопросом о переделках.

С своей стороны, редакция никогда не возлагала больших надежд в этом отношении на М. Цветаеву, очевидно, впитавшую общеизвестные традиции, симпатии и уклоны Всероссийского союза писателей.

В ответ на вопрос редакции по поводу письма М. Цветаевой мною послано В. Бебутову следующее письмо:

Дорогой товарищ!

Редактор «Вестника Театра» запрашивает меня и вас, не находим ли мы нужным снабдить какими-нибудь комментариями письмо Марины Цветаевой. Какие комментарии? Я счастлив, что сообщение «В.Т.» о том, что Марина Цветаева принимает участие в работе над «Гамлетом» вместе с нами, оказалось ошибкой хроникера. Читая это сообщение, я думал, что вы привлекли эту поэтессу для совместной с вами обработки тех частей, которые вы взяли на себя. Я готовился предостеречь вас, что не следует иметь дело с Мариной Цветаевой не только в работах над «Гамлетом», но и над «Златоглавом». А почему, не трудно догадаться.

Вы знаете, как отшатнулся я от этой поэтессы после того, как имел несчастье

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сообщить ей замысел нашего «Григория и Дмитрия».[522] Вы помните, какие вопросы задавала нам Марина Цветаева, выдававшие в ней природу, враждебную всему тому, что освящено идеей Великого Октября.

Вс. Мейерхольд

Мною послан В. Мейерхольду следующий ответ на его письмо ко мне по поводу письма М. Цветаевой:

Дорогой товарищ!

Ваше письмо получил. Спешу ответить. Прежде всего выражаю недоумение по поводу той части письма Марины Цветаевой, которая касается «Златоглава».

Как? Прошло уже три месяца с тех пор, как эта поэма была сдана мною М. Цветаевой для перевода, и до сих пор она, «не будучи знакома с пьесой, не могла дать положительного ответа»?!

Далее о «Гамлете». Вы ведь помните наш первоначальный план композиции этой трагедии. Всю прозаическую сторону, как и весь сценарий, мы с вами приняли на себя, диалог клоунов (могильщиков), вedomый в плане обозрения, был поручен Вл. Маяковскому и, наконец, стихотворную часть я, с вашего ведома, предложил Марине Цветаевой, как своего рода спецу.

Теперь, получив от нее отказ с оттенком отгораживания от «переделок» вообще, я пользуюсь случаем, чтобы в печати указать М. Цветаевой на неосновательность ее опасений. Одно из лучших ее лирических стихотворений «Я берег покидал туманный Альбиона» начинается с приводимой здесь строчки Батюшкова и являет в этом смысле лучший образец переделки.

О допустимости переделок вообще лучше не говорить. Даже такая плохая переделка, как канонизированная «общественным мнением» переделка «Турандот» Шиллером по Гоцци (!) мало кого возмущала. Не в переделках «вообще» тут дело...

Что же касается до того, что вы уловили в натуре этого поэта, то должен сказать, что это единственно и мешает ей из барда теплиц вырасти в народного поэта.

Вал. Бебутов

Этим эпизодом ограничивается несостоявшееся сотрудничество Цветаевой с Мейерхольдом. Больше они друг о друге никогда не писали.

КУЗНЕЦОВОЙ М. И
16-го русского марта 1921 г. – Москва.

Дорогая Мария Ивановна!

Помню и люблю Вас. О Борисе[523] горевала и горюю, смерти его не верю и ее не принимаю, – приходится верить в бессмертие души!

Приветствую и люблю Вашу дочку,[524] – дай Бог ей счастья! – Пришлите, если сможете, два словечка о себе и о ней.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Аля большая, худая, – белокурый Сережа, похожа на мальчика, помнит, как мы с ней ночевали у Вас, – пестрая шаль, беспорядок, высота, наш общий смех перед сном. Бориса помнит ясно, – как они играли в шахматы и как ели какое-то розовое сладкое.

– Ах! –

Жалко Бориса. Больше, чем могу сказать, в нем я потеряла самого настоящего брата, не могу смириться.

Целую Вас нежно. Вас и Ирину.

МЦ.

Вера Эфрон, загубившая, выбросившая на улицу мою Ирину, после 7-летних колебаний сошлась с М. С. Фельдштейном, а через месяц ожидает ребенка. Эва[525] с детьми за границей. Ася Жуковская вышла замуж за Серейского, [526] тоже ожидает.

АХМАТОВОЙ А. А
Москва, 26-го русского апреля 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Так много нужно сказать – и так мало времени! Спасибо за очередное счастье в моей жизни – «Подорожник». Не расстаюсь, и Аля не расстается. Посылаю Вам обе книжечки, [527] надпишите.

Не думайте, что я ищу автографов, – сколько надписанных книг я раздарила! – ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму – под подушку!

Еще просьба: если Алконост[528] возьмет моего «Красного Коня» (посвящается Вам) – и мне нельзя будет самой держать корректуру, – сделайте это за меня, верю в Вашу точность.

Вещь совсем маленькая, это у Вас не отнимет времени. Готовлю еще книжечку: «Современникам»[529] – стихи Вам, Блоку и Волконскому. Всего двадцать четыре стихотворения. Среди написанных Вам есть для Вас новые.

Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и высоко от Вас! – Если были бы журналы, какую бы я статью о Вас написала! – Журналы – статью – смеюсь! – Небесный пожар!

Вы мой самый любимый поэт, я когда-то – давным-давно – лет шесть тому назад – видела Вас во сне, – Вашу будущую книгу: темно-зеленую, сафьянную, с серебром – «Словеса золотые», – какое-то древнее колдовство, вроде молитвы (вернее – обратное!) – и – проснувшись – я знала, что Вы ее напишете.

Мне так жалко, что все это только слова – любовь – я так не могу, я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли.

Я понимаю каждое Ваше слово: весь полет, всю тяжесть. «И шпор твоих легонький звон», [530] – это нежнее всего, что сказано о любви.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И это внезапное – дико встающее – зрительно дикое «ярославец». [531] – Какая Русь!

Напишу Вам о книге еще.

Как я рада им всем трем – таким беззащитным и маленьким! Четки – Белая Стая – Подорожник. Какая легкая ноша – с собой! Почти что горстка пепла.

Пусть Блок (если он повезет рукопись) покажет Вам моего Красного Коня. (Красный, как на иконах.) – И непременно напишите мне, – больше, чем тогда! Я ненасытна на Вашу душу и буквы.

Целую Вас нежно, моя страстнейшая мечта – поехать в Петербург. Пишите о своих ближайших судьбах, – где будете летом, и всё.

Ваши оба письмеца ко мне и к Але – всегда со мной.

МЦ.

31-го русского августа 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна! Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимей. [532] Пишу Вам об этом, потому что знаю, что до Вас все равно дойдет – хочу, чтобы по крайней мере дошло верно. Скажу Вам, что единственным – с моего ведома – Вашим другом (друг – действие!) – среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу «Кафе Поэтов». [533]

Убитый горем – у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и ему я обязана второй нестерпимейшей радостью своей жизни (первая – весть о Сереже, о котором я ничего не знала два года). Об остальных (поэтах) не буду рассказывать – не потому, что это бы Вас огорчило: кто они, чтобы это могло Вас огорчить? – просто не хочется тупить пера.

Эти дни я – в надежде узнать о Вас – провела в кафе поэтов – что за уроды! что за убожества! что за ублюдки! Тут всё: и гомункулы, и автоматы, и ржущие кони, и ялтинские проводники с накрашенными губами.

Вчера было состязание: лавр – титул соревнователя в действительные члены Союза. Общих два русла: Надсон и Маяковский. Отказались бы и Надсон и Маяковский. Тут были и розы, и слезы, и пианисты, играющие в четыре ноги по клавишам мостовой... и монотонный тон кукушки (так начинается один стих!), и поэма о японской девушке, которую я любил (тема Бальмонта, исполнение Северянина) –

Это было у моря,
Где цветут анемоны..
И весь зал хором:

Где встречается редко
Городской экипаж... [534]
Но самое нестерпимое и безнадежное было то, что больше всего ржавшие и гикавшие – сами такие же, – со вчерашнего состязания.

Вся разница, что они уже поняли немодность Северянина, заменили его (худшим!) Шершеневичем. [535]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

На эстраде – Бобров, Аксенов, Арго, [536] Грузинов. [537] – Поэты.

И – просто шантанные номера...

Я, на блокноте, Аксенову: «Господин Аксенов, ради Бога, – достоверность об Ахматовой». (Был слух, что он видел Маяковского.) «Боюсь, что не досижу до конца состязания».

И учащенный кивок Аксенова. Значит – жива.

Дорогая Анна Андреевна, чтобы понять этот мой вчерашний вечер, этот аксеновский – мне – кивок, нужно было бы знать три моих предыдущих дня – несказанных. Страшный сон: хочу проснуться – и не могу. Я ко всем подходила в упор, вымаливала Вашу жизнь. Еще бы немножко – я бы словами сказала: «Господа, сделайте так, чтобы Ахматова была жива!»...Утешила меня Аля: «Марина! У нее же – сын!»

Вчера после окончания вечера просила у Боброва командировку: к Ахматовой. Вокруг смеются. «Господа! Я вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно – и у меня всегда полный зал!»

Эти три дня (без Вас) для меня Петербурга уже не существовало, – да что Петербурга... Вчерашний вечер – чудо: «Стала облаком в славе лучей». [538]

На днях буду читать о Вас – в первый раз в жизни: питаю отвращение к докладам, но не могу уступить этой чести другому! Впрочем, всё, что я имею сказать, – осанна!

Кончаю – как Аля кончает письма к отцу:

Целую и низко кланяюсь.

МЦ.

Bellevue, 12-го ноября 1926 г.

Дорогая Анна Андреевна,

Пишу Вам по радостному поводу Вашего приезда – чтобы сказать Вам, что все, в беспредельности доброй воли – моей и многих – здесь, на месте, будет сделано.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Хочу знать, одна ли Вы едете или с семьей (мать, сын). Но как бы Вы ни ехали, езжайте смело. Не скажу сейчас в подробностях Вашего здешнего устройства, но обеспечиваю Вам наличность всех.

Еще одно: делать Вы всё будете как Вы хотите, никто ничего Вам навязывать не будет, а захотят – не смогут: не навязали же мне!

Переборите «аграфию» (слово из какой-то Вашей записочки) и напишите мне тотчас же: когда – одна или с семьей – решение или мечта.

Знайте, что буду встречать Вас на вокзале.

Целую и люблю – вот уже 10 лет (Лето 1916 г., Александровская слобода, на войну уходил эшелон). [539]

М.

Знаете ли Вы, что у меня сын 1 год 9 месяцев – Георгий? А маленькая Аля почти с меня? (13 лет).

Адрес: Bellevue (Seine et Oise)

Près Paris, 31, Boulevard Verdun.

Отвечайте сразу. А адрес перепишите на стенку, чтобы не потерять.

КУЗМИНУ М. А
Дорогой Михаил Алексеевич,

Мне хочется рассказать Вам две мои встречи с Вами, первую в январе 1916 г., вторую – в июне 1921 г. Рассказать как совершенно постороннему, как рассказывала (первую) всем, кто меня спрашивал: – «А Вы знакомы с Кузминым?» – Да, знакома, т. е. он наверное меня не помнит, мы так мало виделись, только раз, час – и было так много людей... Это было в 1916 г., зимой, я в первый раз в жизни была в Петербурге. Я дружила тогда с семьей Каннегисеров (Господи, Леонид!), [540] они мне показывали Петербург. Но я близорука – и был такой мороз – и в Петербурге так много памятников – и сани так быстро летели – все слилось, только и осталось от Петербурга, что стихи Пушкина и Ахматовой. Ах, нет: еще каминь. Везде, куда меня приводили, огромные мраморные каминь, – целые дубовые роци сгорали! – и белые медведи на полу (белого медведя – к огню! – чудовищно!), и у всех молодых людей проборы – и томики Пушкина в руках, и налакированные ногти, и налакированные головы – как черные зеркала. (Сверху – лак, а под лаком – д – к!) О, как там любят стихи! Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько там, за две недели. И там совершенно не спят. В 3 ч. ночи звонок по телефону. – «Можно придти?» – «Конечно, конечно, у нас только собираются». И так – до утра. Но северного сияния я, кажется, там не видала.

– То есть...

– Ах, да, это не там Северное сияние, – Северное сияние в Лапландии, – там белые ночи. Нет, там ночи обыкновенные, т. е. белые, но как и в Москве – от снегу.

– Вы хотели рассказать о Кузмине...

– Ах, да, т. е. рассказывать собственно нечего, мы с ним трех слов не сказали. Скорее как видение...

– Он очень намазан?

– На – мазан?

– Ну, да: намазан, покрашен...

– Да не-ет!

– Уверяю Вас...

– Не уверяйте, п. ч. это не он. Вам кого-нибудь другого показали.

– Уверяю Вас, что я его видел в Москве на –

– В Москве? Так это он для Москвы, он думает, что в Москве так надо – в лад домам и куполам, а в Петербурге он совершенно природный: мулат или мавр.

Это было так. Я только что приехала. Я была с одним человеком, т. е. это была женщина.[541] – Господи, как я плакала! – Но это неважно. Ну, словом, она ни за что не хотела, чтобы я ехала на этот вечер и потому особенно меня уговаривала. Она сама не могла – у нее болела голова – а когда у нее болит голова – а она у нее всегда болит – она невыносима. (Темная комната – синяя лампа – мои слезы...) А у меня голова не болела – никогда не болит! – и мне страшно не хотелось оставаться дома 1) из-за Сони, во-вторых п. ч. там будет Кузмин и будет петь.

– Соня, я не поеду! – Почему? Я ведь все равно – не человек. – Но мне Вас жалко. – Там много народу, – рассеетесь. – Нет, мне Вас очень жалко. – Не переношу жалости. Поезжайте, поезжайте. Подумайте, Марина, там будет Кузмин, он будет петь. – Да – он будет петь, а когда я вернусь, Вы будете меня грызть, и я буду плакать. Ни за что не поеду! – Марина! –

Голос Леонида: – Марина) Ивановна), Вы готовы?

я, без колебания: – Сию секунду!

Большая зала, в моей памяти – *galerie aux glaces*. [542] и в глубине через эти все паркетные пространства – как в обратную сторону бинокля – два глаза. И что-то кофейное. – Лицо. И что-то пепельное. – Костюм. И я сразу понимаю: Кузмин. Знакомая. Всё от старинного француза и от птицы. Невесомость. Голос, чуть надтреснут, в основе – глухой, посредине – где трещина – звенит. Что говорили – не помню. Читал стихи.

Запомнила в начале что-то о зеркалах (м. б. отсюда – *galerie aux glaces*?). Потом:

Вы так близки мне, так родны,
что будто Вы и нелюбимы.
Должно быть так же холодны

В раю друг к другу серафимы.
И вольно я вздыхаю вновь,
Я детски верю в совершенство.
Быть может...
(большая пауза)

...это не любовь?..
Но так...
(большая, непомерная пауза)

похоже
(маленькая пауза)

и почти что неслышно, отрывая, на исходе вдоха:

...на блаженство! [543]
Было много народу. Никого не помню. Нужно было сразу уезжать. Только что приехала – и сразу уезжать! (как в детстве, знаете?) Все: – Но Михаил Алексеевич еще будет читать... Я, деловито: – Но у меня дома подруга. – Но Михаил Алексеевич еще будет петь. Я, жалобно: – Но у меня дома подруга. (?) Легкий смех, и кто-то, не выдержав: – Вы говорите так, точно – у меня дома ребенок. Подруга подождет. – Я, про себя: – Черта с два! Подошел сам Кузмин: – Останьтесь же, мы вас почти не видели. – Я, тихо, в упор: – Михаил Алексеевич), Вы меня совсем не знаете, но поверьте на слово – мне все верят – никогда в жизни мне так не хотелось остаться, как сейчас, и никогда в жизни мне так не было необходимо уйти – как сейчас. Михаил Алексеевич дружески: – Ваша подруга больна? Я, коротко: Да, Михаил Алексеевич. – Но раз Вы уже все равно уехали... Я знаю, что никогда себе не прощу, если останусь – и никогда себе не прощу, если уеду... – Кто-то: – Раз все равно не простите – так в чем же дело?

– Мне бесконечно жаль, господа, но...

Было много народу. Никого не помню. Помню только Кузмина: глаза.

Слушатель: – У него, кажется, карие глаза?

– По-моему, черные. Великолепные. Два черных солнца. Нет, два жерла: дымящихся. Такие огромные, что я их, несмотря на близорукость, увидела за сто верст, и такие чудесные, что я их и сейчас (переношусь в будущее и рассказываю внукам) – через пятьдесят лет – вижу. И голос слышу, глуховатый, которым он произносит это: «Но так – похоже...» И песенку помню, которую он спел, когда я уехала... – Вот.

– А подруга?

– Подруга? Когда я вернулась, она спала.

– Где она теперь?

– Где-то в Крыму. Не знаю. В феврале 1916, т. е. месяц с чем-то спустя, мы расстались. Почти что из-за Кузмина, т. е. из-за Мандельштама, который, не договорив со мной в Петербурге, приехал договаривать в Москву. Когда я, пропустив два мандельштамовых дня, к ней пришла – первый пропуск за годы – у нее на постели сидела другая: очень большая, толстая, черная. [544]

– Мы с ней дружили полтора года. Ее я совсем не помню, т. е. не вспоминаю. Знаю только, что никогда ей не прощу, что тогда не осталась.

14-го января 1921 г. Вхожу в Лавку Писателей, единственный слабый источник моего существования. Робко, кассирше: – «Вы не знаете: как идут мои книжки?» (Переписываю, сшиваю, продаю.) Пока она осведомляется, я roug me dormer le contenance, [545] перелистываю книги на прилавке. Кузмин: Нездешние вечера. Открываю: копьем в сердце: Георгий! [546] Белый Георгий! Мой Георгий, которого пишу два месяца: житие. Ревность и радость. Читаю: радость усиливается, кончаю – ... Всплывает из глубины памяти вся только что рассказанная встреча.

Открываю дальше: Пушкин мой! все то, что вечно говорю о нем – я. Наконец Goethe, тот, о котором говорю, судя современность: – Перед лицом Goethe [547] –

Прочла только эти три стиха. Ушла, унося боль, радость, восторг, любовь – все, кроме книжки, которую не могла купить, п. ч. ни одна моя не продалась. И чувство: О, раз еще есть такие стихи!

Точно меня сразу (из Борисоглебского переуллка 1921 г.) поставили на самую высокую гору и показали мне самую далекую даль.

Внешний повод, дорогой Михаил Алексеевич, к этому моему письму – привет, переданный мне от Вас госпожой Волковой.

1921

ЭРЕНБУРГУ И. Г
Москва, 21-го русского октября 1921 г.

Мой дорогой Илья Григорьевич!

Передо мной Ваши два письма: от 5-го сентября и от 20-го Октября. Получила их сегодня у Изабеллы Григорьевны. [548] Там больной мальчик, [549] уныние и безумный беспорядок: немножко лучше, чем у меня!

Если Вам хочется их видеть, зовите сильнее: впечатление подавленной воли.

Писала Вам недавно (письмо Сереже помечено двенадцатым №), дела мои, кажется (суеверна!) хороши, [550] но сегодня я от Юргиса Казимировича [551] узнала, что до Риги [552] – с ожиданием там визы включительно – нужно 10 миллионов. Для меня это все равно что: везите с собой Храм Христа Спасителя. – Продав Сережину шубу (моя ничего не стоит), старинную люстру, красное дерево и 2 книги (сборничек «Версты» и «Феникс» (конец Казановы) – с трудом наскребу 4 миллиона, – да и то навряд ли: в моих руках и золото – жость, и мука – опилки. Вы должны меня понять правильно: не голода, не холода, не ... я боюсь, – а зависимости. Чует мое сердце, что там на Западе люди жестче. Здесь рваная обувь – беда или доблесть, там – позор.

(Вспоминаю, кстати, один Алин стих, написанный в 1919 г.:

Не стыдись, страна Россия!
Ангелы всегда босые...
Сапоги сам Черт унес.
Нынче страшен, кто не бос!)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Примут за нищую и погонят обратно. – Тогда я удавлюсь. – Но поехать я все-таки поеду, хоть бы у меня денег хватило ровно на билет.

Документы свои я, очевидно, получу скоро. Коммунист, который снимал у меня комнату (самую ужасную – проходную – из принципа!) уехал и не возвращается. Увез мой миллион и одиннадцать чужих. Был мне очень предан, но когда нужно было колоть дрова, у него каждый раз болел живот. У меня было впечатление, что я совершенно нечаянно вышла замуж за дворника: на каждое мое слово отвечал: «ничего подобного» и заезжал рукой в лицо. Я все терпела, потому что все надеялась, что увезет: увез только деньги. – Ваших я не трогала, оставляю их на последнюю крайность!

Аля сопутствует меня повсюду и утешает меня юмористическими наблюдениями. Это мой единственный советчик.

Если уеду, не имея ни одного адреса, пойду в Риге к Вашему знакомому, на которого раньше отправляла письма, у меня есть несколько золотых вещей, может быть поможет продать.

В доме холодно, дымно – и мертво, потому что уже не живешь. Вещи враждебны. Все это, с первой минуты моего решения, похоже на сон, крышка которого – потолок.

Единственная радость – стихи. Пишу как пьют, – и не вино, а воду. Тогда я счастливая, уверенная ...

Стихи о каторге Вами у меня предвосхищены, это до того мое[553] ...

Вот Вам в ответ стих, написанный, кажется, в марте, и не об этом, – но об этом:

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я – раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь!
Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам!
Привет тебе, град Божий – Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства.
Не встает любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.
Просьба: не пишите Сереже, что мне так трудно, и поддерживайте в нем уверенность, что мы приедем. Вам я пишу, потому что мне некому все это сказать и потому что я знаю, что для Вас это только иллюстрация к революционному) быту Москвы 1921 года.

– На Арбате 54 гастр(ономических) магазина, – считали: Аля справа, я слева.

– Спасибо за все. – Целую.

М.

Письмо за № 12 отослано по старому адресу:

Chaussée de Waterloo 1385 (?)

Теперь буду писать часто. Там я писала о «Лице Войны». [554] – Прекрасная книга.

Москва, 11/24-го февраля 1922 г.

Мой дорогой!

Эти дни у меня под Вашим знаком, столько надо сказать Вам, что руки опускаются!

Или же – правая к перу! – Стихотворному, – ибо не одним пером пишешь письмо и стихи.

И весомость слов – иная.

Хочется сказать нелепость: стихотворное слово столь весома, что уже не весит, по таким вексям не дано платить в жизни: монеты такой нет.

А многое из этого, что мне НАДО сказать Вам, уже переросло разговорную речь.

Не: пытаюсь писать Вам стихи, а: пытаюсь Вам стихов не писать. (Сейчас увидите, почему.)

Знаете, раньше было так: иногда – толчком в грудь:

Свинья! Ни одного стиха человеку, который – человеку, которому...

И внимательное (прослушав) – «Не могу. Не ясно». – И сразу забывала.

Стихи к Вам надо мной как сонм. Хочется иногда поднять обе руки и распротать дорогу лбу. – Стерегущий сонм. – И весьма разномастный. (Что это – птицы – я знаю, но не просто: орлы, сокола, ястреба, – пожалуй что из тех:

Птицы райские поют,
В рай войти нам не дают... [555]
– Лютые птицы!)

И вот, денно и ночью, чаще всего с Алей рядом, поздними часами одна – переплеск этих сумасшедших крыльев над головой – целые бои! – ибо и та хочет, и та хочет, и та хочет, и ни одна дьяволица (птица!) не уступает и вместо одного стиха – три сразу (больше!!!) и ни одно не дописано. Чувство: СОВЛАДАТЬ!

Чтоб самоё не унесли!

Мой родной!

Отъезд таков: срок моего паспорта истекает 7-го Вашего марта, нынче 24-ое (Ваше) февраля, Юргис Казимирович приезжает 2-го Вашего марта, если 3-го поставит длительную литовскую визу и до 7-го будет дипломатический вагон – дело выиграно. Но если Юргис Казимирович задержится, если между 3-ьим и 7-ым дипломатический вагон не пойдет – придется возобновлять визу ЧК, а это грозит месячным ожиданием. Кроме того, ...[556]

НИКИТИНОЙ Е. Ф
Москва, 22-го января 1922 г.

Милая Евдокия Федоровна! [557]

Отдаю «Конец Казановы» в «Созвездие», сегодня получила 2 миллиона аванса (расценка – 7 тысяч строка).

То же издательство покупает у меня «Мать-Верста» (стихи за 1916 г.), имеющиеся у Вас в двух ремингтонных экземплярах). Очень просила бы Вас передать их представительнице издательства Зинаиде Ивановне Шамуриной, если нужно – оплату ремингтонную работу.

Остающаяся у Вас «Царь-Девушка» полученным мною авансом в 5 миллионов не покрыта, поэтому считаю себя вправе распорядиться рукописями, данными Вам на просмотр.

С уважением

М. Цветаева

ЗАЙЦЕВУ П. Н
1922, март

Милый г. Зайцев!

Нельзя ли устроить мне заочно удостоверение на академический паек (апрельский).

Ведь в прошлый раз меня ведь тоже лично не было?

«Государственное Издательство свидетельствует, что такая-то, проживающая там-то (Борисоглебский переулок 6, квартира 3) имеет право на академический паек (апрель)». [558]

Если это возможно, передайте эту бумажку Шенгели. [559]

Буду Вам очень обязана.

Привет.

МЦ.

Дело в том, что я лично не имею времени зайти.

ТОЛСТОМУ А. Н
Берлин, 3-го июня 1922 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО[560]
Алексей Николаевич!

Передо мной в № 6 приложения к газете «Накануне» письмо к Вам Чуковского.

Если бы Вы не редактировали этой газеты, я бы приняла свершившееся за дурную услугу кого-либо из Ваших друзей.

Но Вы редактор, и предположение падает.

Остаются две возможности: или письмо оглашено Вами по просьбе самого Чуковского, или же Вы это сделали по своей воле и без его ведома.[561]

«В 1919 г. я основал „Дом Искусств“; устроил студию (вместе с Николаем Гумилевым), устроил публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А. Бенуа, Добужинского, устроил общежитие на 56 человек, библиотеку и т. д. И вижу теперь, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют, бездельничают, – эмигранты, эмигранты! Дар-моедствовать какому-нибудь Вольнскому[562] или Чудовскому[563] очень легко: они получают пайки, заседают, ничего не едят, и поругивают Советскую власть...» – «...Нет, Толстой, Вы должны вернуться сюда гордо, с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы Вы перед ней извинялись или чувствовали себя виноватым». (Курсив, очевидно, Чуковского.)

Если Вы оглашаете эти строки по дружбе к Чуковскому (просьбе его) – то поступок Чуковского ясен: не может же он не знать, что «Накануне» продается на всех углах Москвы и Петербурга! – Менее ясны Вы, выворачивающий такую помойную яму. Так служить – подводить.

Обратимся к второму случаю: Вы оглашаете письмо вне давления. Но у всякого поступка есть цель. Не вредить же тем, четыре года сряду таскающим на своей спине отнюдь не аллегорические тяжести, вроде совести, неудовлетворенной гражданственности и пр., а просто: сначала мороженую картошку, потом не мороженую, сначала черную муку, потом серую...

Перечитываю – и:

«Спасибо Вам за дивный подарок – „Любовь книга золотая“.[564] – Вы должно быть сами не понимаете, какая это полновесная, породистая, бессмертно-поэтическая вещь. Только Вы один умеете так писать, что и смешно и поэтично. А полновесная вещь – вот как дети бывают удачно-рожденные: поднимешь его, а он – ой, ой какой тяжелый, три года (?), а такой мясовитый. И глупы все – поэтически, нежно-глупы, восхитительно-глупы. Воображаю, какой успех имеет она на сцене. Пришлите мне рецензии, я переведу их и дам в „Литературные записки“ (журнал Дома Литераторов) – пускай и Россия знает о Ваших успехах».

Но желая поделиться радостью с Вашими Западными друзьями, Вы могли бы ограничиться этим отрывком.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Или Вы на самом деле трехлетний ребенок, не подозревающий ни о существовании в России Г.П.У. (вчерашнее Ч.К.),

ни о зависимости всех советских граждан от этого Г.П.У., ни о закрытии «Летописи Дома Литераторов», ни о многом, многом другом...

Допустите, что одному из названных лиц после 4 1/2 лет «ничего-не-деланья» (от него, кстати, умер и Блок) захочется на волю, – какую роль в его отъезде сыграет Ваше наканунешное письмо?

Новая Экономическая Политика, которая очевидно является для Вас обетованною землею, меньше всего занята вопросами этики: справедливости к врагу, пощады к врагу, благородства к врагу.

Алексей Николаевич, есть над личными дружбами, частными письмами, литературными тщеславиями – круговая порука ремесла, круговая порука человечности.

За 5 минут до моего отъезда из России (11-го мая сего года) ко мне подходит человек: коммунист, шапочно-знакомый, знавший меня только по стихам. – «С вами в вагоне едет чекист. Не говорите лишнего».

Жму руку ему и не жму руки Вам.

Марина Цветаева

ЯЩЕНКО А. С
26-го июня 1922 г.

Многоуважаемый господин Ященко,

Простите за невежливое молчание: молчала нечистая совесть. То, что начала писать, потеряла переезжая, во второй раз начинать не хотелось. [565]

Теперь начала, но много других работ, постараюсь прислать скоро, только особенно не рассчитывайте: сама тема далека: я, собственная жизнь.

Шлю привет и прошу не сердиться.

М. Цветаева.

Берлин, 6-го июля 1922 г.

Многоуважаемый господин Ященко! (Простите, забыла отчество)

Не нужна ли Вам для Вашей книги статья о Пастернаке (о его книге стихов «Сестра моя – Жизнь»)[566] – Только что кончила, приблизительно 1/2 печатных листа. Сократить, говорю наперед, никак не могу.

Если она Вам окажется нужна, ответьте, пожалуйста, на три следующие вопроса:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1) КОГДА ПОЙДЕТ? (Мне важно, чтобы поскорее, чтобы моя рецензия была первой)

2) МОГУ ЛИ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОЛНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ТЕКСТА?

3) СМОГУ ЛИ Я, ХОТЯ БЫ У ВАС, В РЕДАКЦИИ, ПРОДЕРЖАТЬ КОРРЕКТУРУ? (Абсолютно важно!)

4) ПЛАТИТЕ ЛИ, И ЕСЛИ ПЛАТИТЕ, СКОЛЬКО?

(И сразу ли?) –

Будьте милы, ответьте мне поскорей, это моя первая статья в жизни – и боевая. Не хочу, чтобы она лежала.

Было бы мило, если бы ко мне прислали с ответом Гуля. Я его очень люблю.

– И напишите мне свое имя и отчество.

Привет.

М.Цветаева.

Trautenaustrasse, 9

Pension «Haus Trautenau».

– Я свою автобиографию пишу через других, т. е. как другие себя, могу любить исключительно другого.

ПАСТЕРНАКУ Б. Л
Берлин, 29-го нового июня 1922 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Пишу Вам среди трезвого белого дня, переборов соблазн ночного часа и первого разбега.

Я дала Вашему письму остыть в себе, погрестись в щебне двух дней, – что уцелеет?[567]

И вот, из-под щебня:

Первое, что я почувствовала – пробегом взгляда: спор. Кто-то спорит, кто-то призывает к ответу: кому-то не заплатила. – Сердце сжалось от безнадежности, от ненужности. – (Я тогда не прочла еще ни одного слова.)

Читаю (все еще не понимая – кто) и первое, что сквозь незнакомый разгон руки

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
доходит: отброшен. (И – мое: несносное: «Ну да, кто-то недоволен, возмущен! О, Господи! Чем я виновата, что он прочел мои стихи!») – Только к концу 2-ой страницы, при имени Татьяны Федоровны Скрябиной, как удар: Пастернак!

Теперь слушайте:

Когда-то (в 1918 г., весной) мы с Вами сидели рядом за ужином у Цейтлинов. Вы сказали: «Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней – как Бальзак». И я подумала: «Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. – Поэт».

Потом я Вас пригласила: «Буду рада, если» – Вы не пришли, потому что ничего нового в жизни не хочется.

Зимой 1919 г. встреча на Моховой. Вы несли продавать Соловьева (?) – «потому что в доме совсем нет хлеба». – «А сколько у Вас выходит хлеба в день?» – «5 фунтов». – «А у меня 3». – «Пишете?» – «Да (или нет, не важно)». – «Прощайте». – «Прощайте».

(Книги. – Хлеб. – Человек.)

Зимой 1920 г., перед отъездом Эренбурга, в Союзе писателей читаю Царь-Деву, со всей робостью: 1) рваных валенок, 2) русской своей речи, 3) явно-большой рукописи. Недоуменный вопрос – на круговую: «Господа, фабула ясна?» И одобряющее хоровое: «Совсем нет. Доходят отдельные строчки».

Потом – уже ухожу – Ваш оклик: «Марина Ивановна!» – «Ах, Вы здесь? Как я рада!» – «фабула ясна, дело в том, что Вы даете ее разъединение, отдельными взрывами, в прерванности»...

И мое молчаливое: Зóрок. – Поэт.

Осень 1921 г. Моя трущоба в Борисоглебском переулке. Вы в дверях. Письмо от Ильи Григорьевича. Перебарывая первую жадность, заглушая радость ропотом слов (письмо так и лежит нераспечатанным) – расспросы: – «Как живете? Пишете ли? Что – сейчас – Москва?» И Ваше – как глухо! – «Река... Паром... Берега ли ко мне, я ли к берегу... А может быть и берегов нет... А может быть и –»

И я, мысленно: Косноязычие большого. – Темнóты.

11-го (по-старому) апреля 1922 г. – Похороны Т. Ф. Скрябиной. Я была с ней в дружбе 2 года подряд, – ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая: вся на деле и в беседе, мужская, вне нежности земных примет.

И вот провожаю ее большие глаза в землю.

Иду с Коганом, [568] потом еще с каким-то, и вдруг – рука на рукав – как лапа: Вы. – Я об этом тогда писала Эренбургу. Говорили о нем, я просила Вас писать ему, говорила о его безмерной любви к Вам, Вы принимали недоуменно, даже с тяжестью:

«Совсем не понимаю за что... Как трудно...» (Мне было больно за Илью Григорьевича, и этого я ему не писала.) – «Я прочла Ваши стихи про голод...» [569] – «Не говорите. Это позор. Я совсем другого хотел. Но знаете – бывает так: над головой – сонмами, а посмотришь: белая бумага. Проплыло. Не коснулось стола. А это я написал в последнюю минуту: пристают, звонят, номер не выйдет...»

Потом рассказывали об Ахматовой. Я спросила об основной ее земной примете. И Вы, оглядываясь:

– Чистота внимания. Она напоминает мне сестру.

Потом Вы меня хвалили («хотя этого говорить в лицо не нужно») за то, что я эти годы все-таки писала, – ах, главное я и забыла! – «Знаете, кому очень понравилась Ваша книга? – Маяковскому». [570]

Это была большая радость: дар всей чужести, побежденные пространства (времена?)

я – правда – просияла внутри.

и гроб: белый, без венков. И – уже вблизи – успокаивающая арка Девичьего монастыря: благодать.

И Вы... «Я не с ними, это ошибка, знаете: отдаете стихи в какие-то сборники...»

Теперь самое главное: стоим у могилы. Руки на рукаве уже нет. Чувствую – как всегда в первую секундочку после расставания – что Вы рядом, отступив на шаг.

Задумываюсь о Татьяне Федоровне – Ее последний земной воздух. – И – толчком: чувство прерванности, не додумываю, ибо занята Татьяной Федоровной – допроводить ее!

И, когда оглядываюсь, Вас уже нет: исчезновение.

Это мое последнее видение Вас. Ровно через месяц – день в день – я уехала. Хотела зайти, чтобы обрадовать Эренбурга живым рассказом о Вас, но чувство, что: чужой дом – наверно, не застану и т. д.

Мне даже стыдно было потом перед Эренбургом за такое слабое рвение во дружбе.

Вот, дорогой Борис Леонидович, моя «история с Вами», – тоже в прерванности.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Стихи Ваши я знаю мало: раз слышала Вас с эстрады. Вы тогда сплошь забывали, книги Вашей не видела.

То, что мне говорил Эренбург – ударило сразу, захлестывало:

дребезгом, щебетом, всем сразу: как Жизнь.

Бег по кругу, но круг – мир (вселенная!). И Вы – в самом начале, и никогда не кончите, ибо смертны.

Все только намечено – острями! – и, не дав опомниться – дальше. Поэзия умыслов – согласны?

Это я говорю по тем 5, 6-ти стихотворениям, которые знаю.

Скоро выйдет моя книга «Ремесло», [571] – стихи за последние полтора года. Пришлю Вам с радостью. А пока посылаю две крохотные книжечки, вышедшие здесь без меня – просто чтобы окупить дорогу: «Стихи к Блоку» и «Разлука». [572]

Я в Берлине надолго, хотела ехать в Прагу, но там очень трудна внешняя жизнь. [573]

Здесь ни с кем не дружу, кроме Эренбургов, Белого и моего издателя Геликона. [574]

Напишите, как дела с отъездом: по-настоящему (во внешнем ли мире: виз, анкет, миллиардов) – едете [575] Здесь очень хорошо жить: не город (тот или иной) – Безымянность – просторы! Можно совсем без людей. Немножко как на том свете. Жму Вашу руку. – Жду Вашей книги [576] и Вас.

МЦ.

Мой адрес: Berlin – Wilmersdorf, Trautenaustrasse, 9, Pension «Trautenau-Haus».

Мокропсы, 19-го нового ноября 1922 г. [577]

Мой дорогой Пастернак!

Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне.

А второе – переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенно, нежели сон, но законы те же.

Ни то, ни другое – не по заказу: снится и пишется не когда нам хочется, а когда хочется: письму – быть написанным, сну – быть увиденным. (Мои письма всегда хотят быть написанными!)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Поэтому, – с самого начала: никогда не грызите себя (хотя бы самым легким грызением!), если не ответите, и ни о какой благодарности не говорите, всякое большое чувство – самоцель.

Ваше письмо я получила нынче в 6 1/2 часов утра, и вот в какой сон Вы попали. – Дарю Вам его. – Я иду по каким-то узким мосткам. – Константинополь. – За мной – девочка в длинном платье, маленькая. Я знаю, что она не отстанет и что ведет – она. Но так как она маленькая – она не поспевает, и я беру ее на руки: через мою левую руку – полосатый шелковый поток: платье.

Лесенка: поднимаемся. (Я, во сне: хорошая примета, а девочка – диво, дивиться.) Полосатые койки на сваях, внизу – черная вода. Девочка с бешеными глазами, но зла мне не сделает. Она меня любит, хотя послана не за тем. И я, во сне: «Укрощаю кротостью!»

И – Ваше письмо. Мне привез его муж из Свободарни (русское студенческое общежитие в Праге). Они вчера справляли годовщину – ночь напролет – и муж приехал с первым утренним поездом.

И то письмо я получила так. Раз – случайность, два – подозрение на закон.

У Вас прекрасный почерк: гоните версту! И версты – и гривы – и полозья! И вдруг – охлест вожжи!

Сломаю голову – и головы не ломает!

Прекрасный, значительный, мужественный почерк. Сразу веришь.

Вашего письма я сначала не поняла: радость и сон затмевали, ни слова! (Кстати, для меня слово – передача голоса, отнюдь не мысли, умысла!) Но голос слышала, потом рассвели (рассвет) слова, связь. Я все поняла.

Знаете, что осталось в памяти? Ледяной откос – почти отвес – под заревом (Ваше бессмертие!) – и голова в руках, – уроненная.

Теперь слушайте очень внимательно: я знала очень многих поэтов, встречала, сидела, говорила, и, расставаясь, более или менее знала (догадывалась) – жизнь каждого из них, когда меня нет. Ну, пишет, ну, ходит, ну (в Москве) идет за пайком, ну, (в Берлине) идет в кафе и т. д.

А с Вами – удивительная вещь: я не мыслю себе Вашего дня. (А сколько Вы их прожили – и каждый жили, час за часом!) Вы у меня в жизни не умещаетесь, очевидно – простите за смелость! – Вы в ней не варианты: 1. Вы не в ней 2. Вы в ней живете. Вас нужно искать, следить где-то еще. И не потому, что Вы – поэт и «ирреальны», и Белый поэт, и Белый «ирреален», – нет: не перекликается ли это с тем, что Вы пишете о дельтах, о прерывности Вашего бытия. Это, очевидно, настолько сильно, что я, не зная, перенесла это на быт. Вы точно вместо себя посылаете в жизнь свою тень, давая ей все полномочия.

«Слова на сон». [578] Тогда было лето, и у меня был свой балкон в Берлине.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Камень, жара, Ваша зеленая книга на коленях. (Сидела на полу.) – Я тогда десять дней жила ею, – как на высоком гребне волны: поддалась (послушалась) и не захлебнулась,хватило дыхания ровно на то восьмистишие, которое – я так счастлива – Вам понравилось.

От одной строки у меня до сих пор падает сердце.

Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбом. Две стены. Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой: тогда встреча – над. – Закинутые лбы!

Но сейчас расстанутся на слишком долго, поэтому хочу – ясно и трезво: на сколько приехали, когда едете. Не скрою, что рада была бы посидеть с Вами где-нибудь в Богом забытом (вспомянута) захудалом кафе, в дождь. – Локоть и лоб. – Рада была бы и увидеть Маяковского. Он, очевидно, ведет себя ужасно – и я была бы в труднейшем положении в Берлине. – Может быть, и буду.

Как встретились с Эренбургом? Мы с ним раздружились, но я его нежно люблю и, памятуя его великую любовь к Вам, хотела бы, чтобы встреча была хорошая.

Лучшее мое воспоминание из жизни в Берлине (два месяца) – это Ваша книга и Белый. С Белым я, будучи знакома почти с детства, по-настоящему подружилась только этим летом. Он жил, как дух: ел овсянку, которую ему подавала хозяйка, и уходил в поля. Там он мне однажды, на закате, чудно рассказывал про Блока. – Так это у меня и осталось. – Жил он, кстати, в поселке гробовщиков и, не зная этого, невинно удивлялся: почему все мужчины в цилиндрах, а все дамы с венками на животах и в черных перчатках.

Я живу в Чехии (близ Праги), в Мокропсах, в деревенской хате. Последний дом в деревне. Под горой ручей – таскаю воду. Третий дня уходит на топку огромной кафельной печки. Жизнь мало чем отличается от московской, бытовая ее часть, – пожалуй, даже бедней! – но к стихам прибавилось: семья и природа. Месяцами никого не вижу. Все утро пишу и хожу: здесь чудные горы.

Возьмите у Геликона (Вишняка) стихи, присланные в «Эпопею», это и есть моя жизнь. [579]

А Вам на прощание хочу переписать мой любимый стих, – тоже недавний, в Чехии:

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах – гранит.
Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.
Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит, Бог в мои двери –
Раз дом сгорел!
Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух – из ранних седин!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость – победа
Бессмертных сил.

Была бы счастлива, если бы прислали новые стихи. Для меня все – новые: знаю только «Сестру мою жизнь».

А то, что Вы пишете о некоторых совпадениях, соответствиях, догадках – Господи, да ведь это же – не сшибание лбом! Мой лоб, когда я писала о Вас, был закинут, – и, естественно, что я Вас увидела.

МЦ.

Пастернак, у меня есть к Вам просьба: подарите мне на Рождество Библию: немецкую, непременно готическим шрифтом, не большую, но и не карманную: естественную. И надпишите. Тщетно вот уже четыре месяца выпрашиваю у Геликона!

Буду возить ее с собой всю жизнь!

Мокропсы, 10-го нового февраля 1923 г.

Пастернак!

Вы первый поэт, которого я – за жизнь – вижу. [580] Вы первый поэт, в чей завтрашний день я верю, как в свой. Вы первый поэт, чьи стихи меньше него самого, хотя больше всех остальных. Пастернак, я много поэтов знала: и старых и малых, и не один из них меня помнит. Это были люди, писавшие стихи: прекрасно писавшие стихи, или (реже) писавшие прекрасные стихи. – И всё. – Каторжного клейма поэта я ни на одном не видела: это жжет за версту! Ярлыков стихотворца видела много – и разных: это впрочем легко спадает, при первом дуновении быта. Они жили и писали стихи (врозь) – вне наваждения, вне расточения, копя всё в строчки – не только жили: наживались. И достаточно наживавшись, разрешали себе стих: маленькую прогулку ... Они были хуже не-поэтов, ибо зная, что им стихи стоят (месяцы и месяцы воздержания, скряжничества, небытия!), требовали за них с окружающих непомерной платы: кадил, коленопреклонения, памятников заживо. И у меня никогда не было соблазна им отказать: галантно кадила – и уходила. И больше всего я любила поэта, когда ему хотелось есть или у него болел зуб: это человечески сближало. Я была нянькой при поэтах, ублажительницей их низостей, – совсем не поэтом! и не Музой! – молодой (иногда трагической, но всё ж:) – нянькой! С поэтом я всегда забывала, что я – поэт. И если он напоминал – открещивалась.

И – забавно – видя, как они их пишут (стихи), я начинала считать их – гениями, а себя, если не ничтожеством – то: причудником пера, чуть ли не проказником. «Да разве я поэт? Я просто живу, радуюсь, люблю свою кошку, плачу, наряжаюсь – и пишу стихи. Вот Мандельштам, например, вот Чурилин, [581] например, поэты». Такое отношение заражало: оттого мне все сходило – и никто со мной не считался, оттого у меня с 1912 г. (мне было 18 лет) по 1922 г. не было ни одной книги, хотя в рукописях – не менее пяти. Оттого я емь и буду без имени. (Это, кстати, огорчает меня чисто внешне: за 7 месяцев, как я из Берлина, заработала в прошлом месяце 12 тысяч германских марок, неустанно всюду рассылая. Живу на чешском иждивении, иначе бы сдохла!).

Но вернемся к Вам. Вы, Пастернак, в полной чистоте сердца, мой первый поэт за жизнь. И я так же спокойно ручаюсь за завтрашний день Пастернака, как за вчерашний Байрона. (Кстати: внезапное озарение: Вы будете очень старым, Вам

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
предстоит долгое восхождение, постарайтесь не воткнуть Регенту палки в колесо!) [582] – Вы единственный, современником которого я могу себя назвать – и радостна – во всеуслышание! – называю. Читайте это так же отрешенно, как я это пишу, дело не в Вас и не во мне, я не виновата в том, что Вы не умерли 100 лет назад, это уже почти безлично, и Вы это знаете. Исповедываются не священнику, а Богу. Исповедуюсь (не каюсь, а вос-каждаю!) не Вам, а Духу в Вас. Он больше Вас – и не такое еще слышал! Вы же настолько велики, что не ревнуете.

Последний месяц этой осени я неустанно провела с Вами, не расставаясь, не с книгой. Я одно время часто ездила в Прагу, и вот, ожидание поезда на нашей крохотной сырой станции. Я приходила рано, в сумерки, до фонарей. Ходила взад и вперед по темной платформе – далеко! И было одно место – фонарный столб – без света, сюда я вызывала Вас. – «Пастернак!» И долгие беседы бок о бок – бродячие. В два места я бы хотела с Вами: в Веймар, к Goethe, [583] и на Кавказ (единственное место в России, где я мыслю Goethe!).

Я не скажу, что Вы мне необходимы. Вы в моей жизни необходимы, куда бы я ни думала, фонарь сам встанет. Я выколдую фонарь.

Тогда, осенью, я совсем не смущалась, что все это без Вашего ведома и соизволения. Я не волей своей вызывала Вас, если «хочешь» – можно (и должно!) расхотеть, хотенье – вздор. Что-то во мне хотело. Да Вашу душу вызвать легко: ее никогда нет дома!

«На вокзал» и «к Пастернаку» было тождественно. Я не на вокзал шла, а к Вам. И поймите: никогда, нигде, вне этой асфальтовой версты. Уходя со станции, верней: садясь в поезд – я просто расставалась: здраво и трезво. Вас я с собой в жизнь не брала. И никогда нарочно не шла. Когда прекратились (необходимые) поездки в Прагу, кончились и Вы.

Рассказываю, потому что прошло.

И всегда, всегда, всегда, Пастернак, на всех вокзалах моей жизни, у всех фонарных столбов моих судеб, вдоль всех асфальтов, под всеми «косыми ливнями» [584] – это будет: мой вызов, Ваш приход.

Еще о союзничестве. Когда я кому-нибудь что-нибудь рассказываю и другой не понимает, первая мысль (ожог!) – Пастернак! И за ожогом – надежность. Как домой шла, как на костер шла: вне проверки.

Я например знаю о Вас, что Вы – из всех – любите Бетховена (даже больше Баха!), что Вы страстней стихов подвержены Музыке, что Вы «искусства» не любите, что Вы не раз думали о Паганини и хотели (и еще напишите!) о нем, что Вы католик (как духовный строй, порода), а не православный. Пастернак, я читаю в Вас, но я, как Вы, не знаю Вашей последней страницы. – Брезжится, впрочем, монастырь.

Мне хочется сказать Вам, и Вы не рассердитесь и не откреститесь, потому что Вы мужественны и бескорыстны, что в Вашем творчестве больше Гения, чем поэта (Гения – за плечом!), поэт побежден Гением, сдается ему на гнев и на милость, согласился быть глашатаем, отрешился. (Только низкая корысть может сражаться с ангелом! «Самоутверждение» – когда все дело: в самосожжении!)

Еще, Пастернак, я хочу, чтобы Вас не схоронили, а сожгли.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ваша книга.[585] Пастернак, у меня к Вам просьба. «Так начинаются цыгане» – посвятите эти стихи мне.[586] (Мысленно.) Подарите. Чтобы я знала, что они мои. Чтобы никто не смел думать, что они его.

Пастернак, есть тайный шифр. Вы – сплошь шифрованы. Вы безнадежны для «публики». Вы – царская переключка, или полководческая. Вы переписка Пастернака с его Гением. (Что тут делать третьему, когда все дело: вскрыв – скрыть!) Если Вас будут любить, то из страха: одни, боясь «отстать», другие, зорчайшие – чуя. Но знать... Да и я Вас не знаю, никогда не осмелюсь, потому, что и Пастернак часто сам не знает, Пастернак пишет буквы, а потом – в прорыве ночного прозрения – на секунду осознаёт, чтобы утром опять забыть.

А есть другой мир, где Ваша тайнопись – детская пропись. Горние Вас читают шутя. Закиньте выше голову – выше! – Там Ваш «Политехнический зал».[587]

Воскадив, начну каяться. – Блаженным летом 1922 (скоро год!), когда я получила Вашу книгу, мой первый жест был, закрыв последнюю страницу, распахнуть свое «Ремесло» на первой и – черным по белому: Ваше имя. – Тут начинается низость. Я тогда дружила с Геликоном, влюбленным (пожимаю плечами) в мои стихи. Это было черное бархатное ничтожество, умилительное, сплошь на Ш (Господи, ведь кот по-французски – Chat! Только сейчас поняла!) Ну, вот. Посвятить мимо его кошачьего замшевого носа «Ремесло» другому, да ещё полубогу (каковым Вас, скромно и во всеуслышание, считаю) – у меня сердце сжималось! «Слабость на-аша... Глупость на-аша»... (Песенка. Вспомните напев!) И, скрепя сердце, не проставила. Так и оставила пустой лист.

(Геликон, конечно, через неделю после моего отъезда, меня предал и продал: как кот: коты на могилах не умирают!)

Теперь, осознавая, думаю: правильно. Геликон – не в счет, но «Ремесло» уже вчерашний день. Я же к Вам иду только с завтрашним. Так спокойно и вне пафоса, просто знаю: следующая книга не может быть не Вам. Ведь посвящение – крещение корабля.

(Кстати, это письмо – беседа с Вашим Гением о Вас, Вы не слушайте.)

А теперь, Пастернак, просьба: не уезжайте в Россию, не повидавшись со мной. Россия для меня – un grand peut-être,[588] почти тот-свет. Уезжай Вы в Гваделупу, к змеям, к прокаженным, я бы не окликнула. Но: в Россию – окликаю. – Итак, Пастернак, предупредите, я приеду. Внешне – по делам, честно – к Вам: по Вашу душу: проститься. Вы уже однажды так исчезли – на Девичьем Поле,[589] на кладбище: изъяли себя из. Вас просто не стало. Памятуя, боюсь – и борюсь за: что? Да просто рукопожатие. Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, но мыслится мне оно слишком похоже на сон по той беззаветности (освежите первичность слова!), по той несомненности, по той слепоте, которая у меня к Вам.

Я бы могла написать книгу наших встреч, только восстанавливая, вне вымысла. Так удостоверенная в бытии, сомневаюсь в существовании: просто Вас нету. Больше просить об этом не буду, но ответа жду. Больше просить об этом не буду, только если не исполните (под каким бы то ни было предлогом) – рана на жизнь.

Не отъезда я Вашего боюсь, а исчезновения.

Два раза в Вашем письме: «тяжело». – Только потому, что Вы с людьми: вы летчик! Идите к Богам: к деревьям. Это не лирика; это врачебный совет. Живут же за городом, а в Германии это легче, чем где бы то ни было. У Вас будут книги, тетради, деревья, воздух, достоинство, покой. – Да, одно темное место в Вашем письме: Вы думаете, что я по причинам «горьким и стеснительным» живу вне Берлина? Да Берлин меня сплошь обокрал, я уехала нищая, с распиленными хрящами и растянутыми жилами. Люди пера – проказа! Молю Бога всегда так жить, как живу: колодец часовенкой, грохот ручьев, моя собственная скала, козы, все породы деревьев, тетради, не говоря уж о Сереже и Але, единственных, кроме Вас и князя С. Волконского, мне дорогих!

Единственная моя горечь, что я в Берлине не дождалась Вас. – Если Вы не уедете раньше, думаю приехать в начале мая. [590]

Никогда не слушайте суждений обо мне людей (друзей!), я многих задела (любила и разлюбила, нянчила и выронила) – для людей расхождение ведь вопрос самолюбия, которое, кстати, по-мужски и по-божески – щажу. – Не слушайте. – Скажу хуже, пуще – но верней!

Вы получите от меня еще два письма: одно о Ваших и моих писаниях, другое – со стихами к Вам. Потом я замолчу. Без оклика – никогда не напишу. Писать – входить без стука. Мой же дом всегда на полдороге к Вам. Когда бы Вы ни писали, знайте, что Ваша мысль – всегда в ответе. Где уж тут: стук в дверь: раз навсегда сорвана!

Засим, Пастернак, до свидания. – Да, еще Вы должны подарить мне Библию, не из Ваших рук не возьму.

МЦ.

Мокропсы, 11-го нового февраля 1923 г.

Дорогой Пастернак,

Это письмо будет о Ваших писаниях и – если хватит места и охота не пропадет! – немножко о своих. Ваша книга – ожог. Та – ливень, [591] а эта – ожог: мне больно было, и я не дула. (Другие – кольдкремом мажут, картофельной мукой присыпают! – под-ле-цы!) Ну, вот, обожглась, обожглась и загорелась, – и сна нет, и дня нет. Только Вы, Вы один. Я сама – собиратель, сама не от себя, сама всю жизнь от себя (рвусь!) и успокаиваюсь только, когда уж ни одной зги моей – во мне. Милый Пастернак, – разрешите перескок: Вы – явление природы. Сейчас объясню, почему. Проверяю на себе: никогда ничего не беру из вторых рук, а люди – это вторые руки, поэты – третьи. Стало быть. Вы так и не вжились – ни во что! И – конечно – Ваши стихи не человеческие: ни приметы. Бог задумал Вас дубом, а сделал человеком, и в Вас ударяют все молнии (есть – такие дубы!), а Вы должны жить. (На дубе не настаиваю: сама сейчас в роли дуба и сама должна жить, но – мимо!)

Пастернак, чтобы не было ни ошибки, ни лжи: люди – вторые руки, но: народы, некоторые, в очень раннем детстве, дети и поэты – без стихов, это первые руки! Вы – поэт без стихов, т. е. так любят, так горят и так жгут – только не пишушие, пишушие раз, – восьмистишие за жизнь, не ремесленники (пусть гении) пера.

Почему каждые Ваши стихи звучат, как последние? «После этого он больше ничего не писал».

Начинаю догадываться о какой-то Вашей тайне. Тайнах. Первая: Ваша страсть к словам – только доказательство, насколько они для Вас средство. Страсть эта – отчаяние сказа. Звук Вы любите больше слова, и шум (пустой) больше звука, – потому что в нем всё. А Вы обречены на слова, и как каторжник изнемогая... Вы хотите невозможного, из области слов выходящего. То, что Вы поэт – промах. (Божий – и божественный!)

Вторая: Вы не созерцатель, а вершитель, – только дел таких нет здесь. Не мыслю Вас: ни воином, ни царем. И оттого, что дел нет, – вся бешеная действенность в стихи: ничто на месте не стоит.

А знаете, Пастернак, Вам нужно писать большую вещь. Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь. Вам никого и ничего не станет нужно. Вы ни одного человека не заметите. Вы будете страшно свободны. Ведь Ваше «тяжело» – только оттого, что Вы пытаетесь: вместить в людей, втиснуть в стихи. Разве Вы не понимаете, что это безнадежно, что Вы не протратитесь. (Ваша тайная страсть: протратиться до нитки!) – Слушайте, Пастернак, здраво и трезво: в этом веке Вам дана только одна жизнь, столько-то лет – хоть восемьдесят, но мало. (Не для накопления, а для протраты.) Вы не израсходуетесь, но Вы задохнетесь. Пена вдохновения превратится в пену бешенства. Вам надо отвод: ежедневный, чуть ли не ежечасный. И очень простой: тетрадь.

Лирические стихи (то, что называют – отдельные мгновения одного движения: движение в прерывности. Помните в детстве вертящиеся калейдоскопы? Или у Вас такого не было? Тот же жест, но чуть продвинутый: скажем – рука. Вправо, чуть правей, еще чуть и т. д. Когда вертишь – двигается. Лирика – это линия пунктиром, издали – целая, черная, а взглядишь: сплошь прерывности между неразб точками – безвоздушное пространство – смерть. И Вы от стиха до стиха умираете. (Оттого «последность» – каждого стиха!)

В книге (роман ли, поэма, даже статья!) этого нет, там свои законы. Книга пишущего не бросает, люди – судьбы – души, о которых пишешь, хотят жить, хотя дальше жить, с каждым днем пуще, кончать не хотят! (Расставание с героем – всегда разрыв!) А ведь у Вас есть книга прозы, и я ее не знаю.[592] Чье-то детство. Не приснилось же? Но глазами ее не видела. Не Вы ли сами обмолвились в Москве? Вроде Лилит.[593] Кажется, и Геликон говорил.

Не забудьте написать.

Теперь о книге вплотную. Сначала налюбимейшие цельные стихи.

До страсти: «Маргарита». «Облако. Звезды. И сбоку...», «Я их мог позабыть» (сплошь), – и последнее.[594]

Жар (ожог) – от них.

Вы вторую часть книги называете «второразрядной». – Дружочек, в людях я зажигаюсь и от шестого сорта, здесь я не судья, – но – стихи! «Я их мог

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
позабыть» – ведь это вторая часть!

Я знаю, что можно не любить, ненавидеть книгу – неповинно, как человека. За то, что написано тогда-то, среди тех-то, там-то. За то, что это написано, а не то. – В полной чистоте сердца, не осмеливаясь оспаривать, не могу принять. В этой книге несколько вечных стихов, она на глазах выписывается, как змея выпрастывается из всех семи кож. Может быть, за это Вы ее и не любите. Какую книгу свою Вы считаете первой и – сколько – считаете – написали?

14-го нового февраля

Письмо залежалось. Мне его трудно писать. Все, что я хочу сказать Вам – так непомерно! Возвращаясь, письма мои к Вам – перерывы в том непрерывном письме моем к Вам, коим являются все мои дни после получения книги. Как Вы долго звучите, – пробив!.. Возвращаясь к «единственному поэту за жизнь» и страстнейше проверив: да! Один раз только, когда я встретила с Тихоном Чурилиным («Весна после смерти»), у меня было это чувство: ручаюсь за завтра, – сорвалось! Безнадежно! Он замучил своего гения, выщипал ему перья из крыл. (А Вы – бережны?) Ни от кого: ни от Ахматовой, ни от Мандельштама, ни от Белого, ни от Кузмина я не жду иного, чем он сам. (Ничего, кроме него.) – Любя, может быть, страстно! – (Завершение, довершение: до, за – предел!) Я же знаю, что Ваш предел – Ваша физическая смерть.

Ваша книга. Большой соблазн написать о ней. И знаете, есть что-то у Вас от Lenau.[595] Вы его когда-нибудь читали?

Dunkle Zypressen!

Die Welt ist gar zu lustig, –

Es wird doch alles vergessen!

Темные кипарисы!

Мир слишком веселый, –

А ведь всё будет забыто! (нем.)[596]

– Не Ваши? – Особенно вторая строка. – И Вы сами похожи на кипарис.

Но мешаете писать – Вы же. Это прорвалось как плотина. Стихи к Вам. И я такие странные вещи в них узнаю. Швыряет, как волны. Вы утомительны в моей жизни, голова устает, сколько раз на дню ложусь, валяюсь на кровать, опрокинутая всей этой черепной, междуреберной разноголосицей: строк, чувств, озарений, – да и просто шумов. Прочтете – проверьте. Что-то встало, и расплылось, и кончать не хочет, – я унять не могу. Разве от человека такое бывает?! Я с человеком в себе, как с псом: надоел – на цепь. С ангелом (аггелами!) играть трудно.[597]

Вы сейчас (в феврале этого года) вошли в мою жизнь после большого моего опустошения: только что кончила большую поэму[598] (надо же как-нибудь назвать!), не поэму, а наваждение, и не я ее кончила, а она меня, – расстались, как разорвались! – и я, освобожденная, уже радовалась: вот буду писать самодержавные стихи и переписывать книгу записей, – исподволь – и всё так хорошо пойдет.

И вдруг – Вы: «Дикий, скользкий, растущий»... (олень? тростник?) с Вашими вопросами Пушкину, с Вашим чертовым соловьем, с Вашими чертовыми корпусами и конвоирами![599] – (и вот уже стих: С аггелами – не игрывала!)

– Смеюсь, это никогда не перейдет в ненависть. Только трудно, трудно и трудно мне будет встретиться с Вами в живых, при моем безукоризненном голосе, столь рыцарски-ревнивом к моему всяческому достоинству.

Пастернак, я в жизни – волей стиха – пропустила большую встречу с Блоком (встретились бы – не умер), сама 20-ти лет – легкомысленно наколдвала: – «И

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
руками не потянусь». [600] и была же секунда, Пастернак, когда я стояла с ним
рядом, в толпе, плечо с плечом (семь лет спустя!), глядела на впалый висок, на
чуть рыжеватые, такие некрасивые (стриженный, большое – бедные волосы, на пыльный
воротник заношенного пиджака. – Стихи в кармане – руку протянуть – не дрогнула.
(Передала через Алю, без адреса, накануне его отъезда.) Ах, я должна Вам все это
рассказать, возьмите и мой жизненный опыт: опыт опасных – чуть ли не смертных –
игр.

Сумейте, наконец, быть тем, кому это нужно слышать, тем бездонным чаном, ничего
не задерживающим (читайте внимательно!!!), чтобы сквозь Вас – как сквозь Бога –
ПРОРВОЙ!

Ведь знаете: искоса – все очень просто, мое «в упор» всегда встречало искоса,
робкую людскую кось. Когда нужно было слушать – приглядывались, сбивая меня с
голосу.

– Устала. – И лист кончается. – Стихи пришлю, только не сейчас.

МЦ.

Прага, после 14-го февраля 1923 г.

Долетела Ваша открытка с ответными крышами. – А все-таки я Вас с крышами
перекричу! – нате, любуйтесь!

Недоразумение выяснилось: письма просто встретились (разминулись). С Эренбургом
у нас вышло наоборот, т. е. не с письмами вышло, а с людьми.

Пишу после долгого трудового дня, лягу и буду утешаться «описью Вашего
стихотворного имущества», – поразительно утешает от всех других имуществ:
наличности их и отсутствия!

До свидания. Еще одно письмо за мной: стихи.

МЦ.

Прага, 8-го нового марта 1923 г.

Дорогой Пастернак,

Со всех сторон слышу, что Вы уезжаете в Россию (сообщают наряду с отъездом
Шкапской). [601] Но я это давно знала, – еще до Вашего выезда!

Письмо Ваше получила. Вы добры и заботливы. Оставьте адрес, чтобы я могла
переслать Вам стихи. «Ремесло» пришлю тотчас же, как получу. Уже писала
Геликону. Может быть застанет Вас еще в Берлине.

– Что еще? – Поклонитесь Москве.

Еще раз спасибо за внимание и память, и – от всей души – добрый путь!

МЦ.

Мокропсы, 9-го нового марта 1923 г.

Дорогой Пастернак,

Я не приеду, – у меня советский паспорт и нет свидетельства об умирающем родственнике в Берлине, и нет связей, чтобы это осилить, – в лучшем случае виза длится две недели. (Тотчас же по получении Вашего письма навела точнейшие справки.) Если бы Вы написали раньше, и если бы я знала, что Вы так скоро едете... Неделю тому назад – беглое упоминание в письме Любви Михайловны Эренбург: Пастернак собирается в Россию.. Потом пошло: и тот и другой, все вскользь, без обозначения срока.

Милый Пастернак, у меня ничего нет, кроме моего рвения к Вам, это не поможет. Я все ждала Вашего письма, я не смела действовать без Вашего разрешения, я не знала, нужна Вам или нет. Я просто опустила руки. (Пишу Вам в веселой предсмертной лихорадке.) Теперь знаю, но поздно.

С получением Ваших «Тем и вариаций» – нет, раньше, с известия о Вашем приезде, я сказала: я его увижу. С Вашей лиловой книжечки[602] это ожило, превратилось в явь (кровь), я принялась за большую книгу прозы (переписку!), рассчитав окончание на середину апреля.[603] Работала все дни, не разгибая спины. Какая связь? Ясно. Так вскинуться я не вправе (перед жизненной собой). У меня (окружающих) очень трудная жизнь. С моим отъездом – весь чертов быт на них. Я ревностно принялась. Теперь поздно: книга будет, а Вы – нет. Вы мне нужны, а книга – нет.

Еще последнее слово: не из лукавства (больше будете помнить, если не приеду. Не больше – ложь!), не из расчета (слишком буду помнить, если увижу! Все равно слишком – и больше нельзя!) и не из трусости (разочаровать, разочароваться).

Все равно, это чудовищно – Ваш отъезд, с берлинского ли дебаркадера, с моей ли богемской горы, с которой 18-го целый день (ибо не знаю часа!) буду провожать Вас – пока души хватит.

Не приеду, потому что поздно, потому что беспомощна, потому что Марк Слоним например достает разрешение в час, потому что это моя судьба – потеря.

А теперь о Веймаре.[604] Пастернак, не шутите. Я буду жить этим все два года напролет. И если за эти годы умру (не умру!), это будет моей предпоследней мыслью. Вы не шутите только. Я себя знаю. Пастернак, я сейчас возвращалась черной проселочной дорогой (ходила справляться о визе у только что ездивших) – шла ощупью: грязь, ямы, темные фонарные столбы. Пастернак, я с такой силой думала о Вас, нет, не о Вас, о себе без Вас, об этих фонарях и дорогах без Вас, – ах, Пастернак, ведь ноги миллиарды верст пройдут, пока мы встретимся! (Простите за такой взрыв правды, пишу, как перед смертью.)

Предстоит огромная бессонница. Весны и Лета, я себя знаю, каждое дерево, которое я облюбую глазами, будет – Вы. Как с этим жить? Дело не в том, что Вы – там, а я – здесь, дело в том, что Вы будете там, что я никогда не буду знать, есть Вы или нет. Тоска по Вас и страх за Вас, дикий страх, я себя знаю.

Пастернак, это началось с «Сестры», я Вам писала. Но тогда, летом, я остановила, перерубила отъездом в другую страну, в другую жизнь, а теперь моя жизнь – Вы, и мне некуда уехать.

Теперь, резко. Что именно? В чем дело? Я честна и ясна, слова – клянусь! – для этого не знаю. Перепробую все! (Насколько не знаю – увидите из февральских стихов.) Встреча с Вами была бы для меня некоторым освобождением от Вас же, законным. – Вам ясно? Выдохом! Я бы (от Вас же!) выдышалась в Вас.

Вы только не сердитесь! Это не чрезмерные слова, это безмерные чувства: чувства, уже исключающие понятие меры! – И я говорю меньше, чем есть.

А теперь просто: я живой человек и мне очень больно. Где-то на высотах себя – лед (отрешение!), в глубине, в сердцевине – боль. Эти дни (сегодня 9-ое) до Вашего отъезда я буду очень мучиться.

Пастернак, два года роста впереди, до Веймара. (Вдруг – по-безумному! – начинаю верить!) Мне хочется дать Вам одно обещание, даю его безмолвно – Буду присылать Вам стихи и все, что у меня будет в жизни. О Вас, поэте, я буду говорить другим. Ни от одного слова не отрекаюсь, но Вам это тяжело, буду молчать. Но тогда останется одно; о себе к Вам (в упор) то, чего я так тщательно, из-за Вас же не хотела. Пастернак, если Вам вдруг станет трудно – или не нужно, ни о чем не прошу, а этого требую: прервите. Тогда загоню вглубь, прерву, чтобы под землей тлело, – как тогда, в феврале, стихи.

Сейчас 2 ч. ночи. – Пастернак, Вы будете живы? – Два года – что это? Я не понимаю времени, я понимаю только Пространство. Я сейчас шла по отвесу горы, вижу пролетом поезд, я подумала: вот! Пастернак, ни одного поезда не будет за эти... постоит: 730 дней! – чтобы ...

Ваша изящная передача... И виду не подам! – Теряюсь. – «За позволение думать, что обращаюсь к Вам, Вам же отвечаю»... И еще, не забыла ли я? Нет, не забыла, если я забуду, мысль моя к Вам не забудет.

А то, от чего Вы открещиваетесь, надо читать так: «Сделайте чудо (у меня: „сумейте“), будьте наконец тем»... «Наконец» – не к Вам, так с пера сорвалось.

Вы не бойтесь. Это одно такое письмо. Я ведь не глупей стала – и не нищей, оттого что Вами захлебнулась. Вам не только моя оценка тяжела, но и мое отношение, Вы еще не понимаете, что Вы – одаривающий. Буду в меру. В стихах нет. Но в стихах Вы простите.

Мой Пастернак, я может быть вправду когда-нибудь сделаюсь большим поэтом, – благодаря Вам! Ведь мне нужно сказать Вам безмерное: разворотить грудь! В беседе это делается путем молчаний. А у меня ведь только перо!

Две страсти борются во мне, два страха: страх, что не поверите – страх, что поверив, отшатнетесь. Я знаю, дело внешней меры. Внешней безмерностью не только грешу. Внешне – мне все слишком много: и от другого и – особенно! – от себя. Мое горе с Вами в том (уже горе!), что слово для меня вплоть – чувство: наивнутреннейшее. Если бы мы с Вами встретились. Вы бы меня не узнали, сразу бы отлегло. В слове я отыгрываюсь, как когда-нибудь отыграюсь в том праведном и щедром мире от кривизны и скудости этого. – Вам ясно? – В жизни я безмерно дика,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
из рук скольжу.

Пастернак, сколько у меня к Вам вопросов! Мы еще ни о чем не говорили. В Веймаре будет долгий разговор.

Перо из рук... Уже выходить из княжества слов... Сейчас лягу и буду думать о Вас. Сначала с открытыми глазами, потом с закрытыми. Из княжества слов – в княжество снов.

Пастернак, я буду думать о Вас только хорошее, настоящее, большое. – Как через сто лет! – Ни одной случайности не допущу, ни одного самовластия. Господи, все дни моей жизни принадлежат Вам! Как все мои стихи.

Завтра утром допишу. Сейчас больше трех и Вы давно спите. Я с Вами всю ночь говорила сонным.

МЦ.

10-го нового марта, утром:

Целая страница еще впереди, – целый белый блаженный лист – на все! Теперь пойдут просьбы: во-первых, освободите меня в обращении от отчества: я родства непомнящий! Во-вторых, подарите мне Ваше прекрасное имя: Борис (княжеское!), чтобы я на все лады – всем деревьям, – и всем ветрам! Злоупотреблять им не буду. В-третьих (бытовое), пойдите по приезду к Надежде Александровне Коган (жене Петра Семеновича, матери Блоковского мальчика) и расскажите ей обо мне – что знаете. Скажите, что писала ей много раз и никогда не получала ответа. Скажите, что я ее и Сашу (сына) помню и люблю, дайте мой адрес. Да, еще очень важное: я переслала (т. е. Геликон) Надежде Александровне – для сестры [605] – четыре доллара. Дошли ли? Если не забудете, попросите Надежду Александровну передать сестре, что я ей писала бесконечное число раз и также в ответ – ни звука... Теперь еще, Пастернак, родной, просьба: не захватите ли Вы с собой три книжки моего «Ремесла» (возьмите у Геликона, объяснив) – все три сдала бы Надежде Александровне: один ей, другой – моей сестре, третий – Павлику Антокольскому – мы с ним дружили в детстве (в начале революции).

О «Ремесле». Вчера, только что получила Ваше письмо, Вам его выслала, – свой экземпляр, пробный, немножко замурзанный, простите, другого не было. Очень хочу, чтобы Вы мне написали о «Переулках», [606] что встает? фабула (связь) ни до кого не доходит, – только до одного дошла: Чаброва, кому и посвятила, но у него дважды было воспаление мозга! Для меня вещь ясна, как день, все сказано. Другие слышат только шум, и это для меня оскорбительно. Это, пожалуй, моя любимая вещь, написанная, мне нужно и важно знать, как – Вам. Доходят ли все три царства и последний соблазн? Ясна ли грубая бытовая развязка?

Одной моей вещи Вы еще не знаете. «Молодца». Жила ею от Вас (осени) до Вас же (февраля). Прочтя ее. Вы может быть многое уясните. Это лютая вещь, никак не могла расстаться. Еще из просьб: присылайте стихи, это мне такое же освобождение, как собственные. Живописуйте быт, где живете и пишете, Москву, воздух, себя в пространстве. Это мне важно, я могу устать (от счастья!) думать в

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«никуда». – фонарей и улиц много! – Когда мне дорог человек, мне дорога вся его жизнь, самый нищенский быт – драгоценен! И формулой: Ваш быт мне дороже чужого бытия!

Вчера вечером (я еще не распечатывала Вашего письма, в руке держала), вопль моей дочери: – «Марина, Марина, идите!» (я мысленно: небо или собака?) Выхожу. Вытянутой рукой указывает. Пол-неба, Пастернак, в крыле, крыло в пол-неба, невиданное! Слов таких нет для цвета! Свет, ставший цветом! И мчит, запахнув пол-неба. И я, в упор; «Крыло Вашего отъезда!»

Такими знаками и приметам буду жить.

Посылаю стихи «Эмигрант». Хочу, чтобы прочли их еще в Берлине. Остальные (от первого до последнего) будут в письме, которое высылаю следом. Их – это моя нежная и настойчивая просьба, – Вы прочтете только в вагоне, когда поезд тронется.

Если будут очень ругать за «белогвардейщину» в Москве, – не огорчайтесь. Это мой крест. Добровольный. С Вами я вне. Последние слова: будьте живы, больше мне ничего не нужно. – Оставьте адрес. –

Марина

14-го февраля 1925 г.

Борис!

1-го февраля, в воскресенье, в полдень родился мой сын Георгий. Борисом он был девять месяцев в моем чреве и десять дней на свете, но желание Сережи (не требование) было назвать его Георгием – и я уступила. И после этого – облегчение.

Знаете, какое чувство во мне работало? Смута, некая неловкость: Вас, Любовь, вводить в семью, приручать дикого зверя – любовь, обезвреживать барса (Барсик – так было – было бы! – уменьшительное). Ясно и просто: назови я его Борис, я бы навсегда простилась с Будущим: Вами, Борис, и сыном от Вас. Так, назвав этого Георгием, я сохранила права на Бориса. (Борис остался во мне.) – Вы бы ведь не могли назвать свою дочь Мариной? Чтобы все звали и знали? Сделать общим достоянием? Обезвредить, узаконить?

Борисом он был, пока никто этого не знал. Сказав, приревновала ко звуку.

Георгий – моя дань долгу, доблести и добровольчеству, моя трагическая добрая воля. Это тоже я, не отрекаюсь. Но не Ваша я. Ваша я (я) – в Борисе.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это не сентиментальность,
а просто Анютин глазок.

Борис, все эти годы живу с Вами, с Вашей душой, как Вы – с той карточкой. Вы мой воздух и мой вечный возврат к себе (постель). Иногда Вы во мне стихаете: когда я стихаю в себе. Жила эту зиму «Детством Люверс», изумительной, небывалой, еще не бывшей книгой. Много попутно записала, может быть напишу.

Если бы я умерла, я бы Ваши письма и книги взяла с собой в огонь (в Праге есть крематории – уже было завещано Але – чтобы вместе сгореть – как в скитах! Я бы очень легко могла умереть, Борис, – все произошло так неожиданно: в последнем доме деревни, почти без врачебной помощи. Мальчик родился в глубоком обмороке – 20 минут откачивали. Если бы не воскресение, не Сережа дома (все дни в Праге), не знакомый студент-медик[607] тоже все дни в Праге – мальчик бы наверное погиб, а может быть и я.

В самую секунду его рождения – на полу, возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени. А на улице бушевала мятель, Борис, снежный вихрь, с ног валило. Единственная мятель за зиму и именно в его час!

Мальчик хороший, с прелестными чертами, длинные узкие глаза, точеный носик, по всем отзываю и по моему чутью – весь в меня. А ресницы – золотые.

Мой сын – Sonntagskind, [608] будет понимать речь зверей и птиц и открывать клады. Я себе его заказала.

Выписки из черновой тетради:

(до Георгия)

Борюшка, я еще никогда никому из любимых не говорила ты – разве в шутку, от неловкости и явности внезапных пустот, – заткнуть дыру. Я вся на Вы, а с Вами, с тобою это ты неудержимо рвется, мой большой брат.

Ты мне насквозь родной, такой же страшно, жутко родной, как я сама, без всякого уюта, как горы. (Это не объяснение в любви, а объяснение в судьбе.)

Когда я думаю о жизни с Вами, Борис, я всегда спрашиваю себя: как бы это было?

Я приучила свою душу жить за окнами, я на нее в окно всю жизнь глядела – о только на нее! – не допускала ее в дом, как не пускают, не берут в дом дворовую собаку или восхитительную птицу. Душу свою я сделала своим домом (maison son lande), но никогда дом – душой. Я в жизни своей отсутствую, меня нет дома. Душа в доме, – душа-дома, для меня немыслимость, именно не мыслю.

Борис, сделаем чудо.

Когда я думаю о своем смертном часе, я всегда думаю: кого? Чью руку? И – только твою! Я не хочу ни священников, ни поэтов, я хочу того, кто только для меня одной знает слова, из-за, через меня их узнал, нашел. Я хочу такой силы в телесном ощущении руки. Я хочу твоего слова, Борис, на ту жизнь.

Наши жизни похожи, я тоже люблю тех, с кем живу, но это – доля. Ты же – воля моя, та, пушкинская, взамен счастья (я вовсе не думаю, что была бы с тобой счастлива! Счастье? Pour la galerie und fur den Pöbel! [609])

Ты – мой вершинный брат, все остальное в моей жизни – аршинное.

«Игра слов и смыслов», – какую-нибудь книгу свою я так назову.

Борис, а ты помнишь Лилит? Борис, а не было ли кого-нибудь до Адама?

Твоя тоска по мне – тоска Адама по Лилит, до – первой и нечислящейся. (Отсюда моя ненависть к Еве!)

Жена Эренбурга рассказывала, как вы вместе ехали на вокзал (они уезжали, Вы провожали). «Был замечательный вечер». Борис, это ты со мной ехал на вокзал, меня провожал.

Только не на глазах встречу, только не на глазах!

Все стихи и вся музыка – обещания обетованной земли, которой нет. Поэтому – безответственно и беспоследственно Они – сами – то!

Борис, а ты – верный. Ты слишком тяжел, чтобы постоянно перемещаться. Демона, любящего (или губящего) десять Тамар, я не мыслю. Думал ли ты когда-нибудь о смехотворной (жалкой) стороне Дон-Жуана? Любуясь им, я бы не могла любить его: мне было бы неловко, что после меня можно любить еще кого-нибудь.

Борис Пастернак – это так же верно, как Монблан и Эльбрус: ведь они не сдвинутся! А Везувий, Борис, сдвигающий и не сдвигающийся! Все можно понять через природу, всего человека, – даже тебя, даже меня.

Тогда – парнасцы, сейчас – везувийцы (мое слово). И первые из них – ты, я.

Это я случайно, Борис, из тетрадки для стихов, остальное развеялось и размылось. Ведь моя жизнь – неустанный разговор с тобой. Пишу тебе на листе из той же тетради, это самое мое собственное, вроде как на куске души. Чтобы ты лучше понял меня: у меня есть чудная бумага, целый блокнот, мужской, вроде пергамента, но писать тебе на бумаге, подаренной другим – двойная измена: обоим (ведь по отношению к нему ты – другой!) Есть вещи щемящие.

Измена – чудесное слово, вроде: разлука. Ножевое, ножевое. И только звук его знаю, смысл – нет. Изменить можно только государю, т. е. высшему, а как я ему изменю, когда оно во мне? В быту это есть – измена, сам быт – измена: души. Изменять с душой быту – ничего, кажется, другого в жизни не делала. Понимаете, иное деление, чем любовник и муж.

Я живу возле Праги, безвыездно и невылазно, никого не вижу, кроме Али и Сережи. Много стихов. Скоро выходит моя книга, [610] может быть получишь одновременно с письмами. Следующий – далекий – этап: Париж. С тобой бы хотела встретиться через год: 1-го мая 1926 г. (а рука по привычке души пишет 25 г..!). Сейчас я совсем связана: мальчиком и новизной чувства к нему. А тогда ему будет больше года, я уже буду знать, что у меня за сын и наверно – что у меня сын.

Ты ведь можешь любить чужого ребенка как своего? У меня все чувство, что я умру, а вам вместе жить, точно он ровесник тебе, а не твоему сыну.

Борис, думай о мне и о нем, благослови его издалека. И не ревнуй, потому что это не дитя услады.

Посвящаю его тебе как божеству.

МЦ.

Мой адрес: Všenory, č. 23 (p.p. Dobrichovice) u Prahy – мне.

Чехо-Словакия.

Прага, 26-го мая 1925 г.

Борис!

Каждое свое к Вам я чувствую предсмертным, а каждое Ваше ко мне – последним. О, как я это знала, когда Вы уезжали.

Это письмо к Вам второе после рождения сына. Повторю вкратце: сын мой Георгий

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
родился 1-го февраля, в воскресенье, в полдень. В секунду его рождения взорвался разлитой возле постели спирт, и он был явлен во взрыве. (Достоин был бы быть Вашим сыном, Борис!) Георгий, а не Борис, потому что Борис – тайное, ставшее явным. Я это поняла в те первые 10 дней, когда он был Борисом. – Почему Борис? – Потому что Пастернак. – И так всем и каждому. И Вы выходили чем-то вроде заочного крестного отца (православного!) Вы, которому я сына своего посвящаю, как древние – божеству! «В честь» – когда я бы за Вас – жизнь отдала! (Ваша стоит моей. В первый раз.) Обо всем этом я Вам уже писала, если дошло, простите за повторение.

Георгий же в честь Москвы[611] и несбывшейся Победы. Но Георгием все-таки не зову, зову Мур – от кота, Борис, и от Германии, [612] и немножко от Марины. На днях ему 4 месяца, очень большой и крупный, говорит (совершенно явственно, с французским r: «Reuret»), улыбается и смеется. Еще – воет, как филин. Белые ресницы, и брови, синие, чуть раскосые (будут зеленые) глаза, горбонос. Навостренные сторожкие ушки демоненка или фавна (слух!). Весь в меня. Вы его будете любить и Вы должны о нем думать. Ваш старше всего на два, нет, на 11/2 года. Будут друзья. (Ваше имя он будет знать раньше, чем Ваш – мое!)

Вспоминаю Ваши слова об отцовстве в изумительных Ваших «Воздушных путях». Я бы предложила такую формулу: Вокруг света (моряк) и вокруг вселенной (отец). Ибо колыбель – единственная достоверная вселенная: несбывшийся, т. е. беспредельный человек. И единственное мое представление о бесконечности – Вы, Борис. Не из-за любви моей к Вам, любовь – из-за этого.

– Вот Вам мой «Молодец», то, что я кончала, когда Вы уезжали. После него, из больших вещей: «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Тезей»... Ты все это получишь.

А ты знаешь, откуда посвящение к «Молодцу»? Из русской былины «Морской царь и Садко». Когда я прочла, я сразу почувствовала тебя и себя, а сами строки – настолько своими, что не сомневалась в их авторстве лет триста-пятьсот назад. Только ты никому не говори – про Садко, пускай ищут, свищут, я нарочно не поставила, пусть это будет наша тайна – твоя и моя.

А ты меня будешь любить больше моих стихов (– Возможно? – да). Народ больше, чем Кольцова?[613] Так вот: мои стихи – это Кольцов, а я – народ. Народ, который никогда себя до конца не скажет, п. ч. конца нет, неиссякаем. Ведь только за это ты меня любишь – за Завтра, за за пределом стран. Ох, Борис! Когда мы встретимся, это, правда, гора сойдется с горой: Моисеева – с Зевесовой. Не Везувий и Этна, там взрывы земного огня, здесь – свыше: все небо в двух, в одной молнии. Саваоф и Зевес. – Едино. – Ах!

Борис, а нам с тобой не жить. Не потому, что ты – не потому что я (любим, жалею, связаны), а потому что и ты и я из жизни – как из жил! Мы только (!) встретимся. Та самая секунда взрыва, когда еще горит фитиль и еще можно остановить и не останавливаешь.

Есть сухой огонь (весь «Молодец») вообще, вчитайся, я тебя очень прошу. Сказку эту («Упырь») можешь найти в 5-томном издании Афанасьева (кажется, III том), сделай мне радость, прочти.

А взрыв не значит поцелуй, взрыв – взгляд, то, что не длится. Я даже не знаю, буду ли я тебя целовать.

Напиши мне. До сентября я достоверно в Чехии. Потом, быть может, Париж. В Париже же встретимся. Не в самом – съедемся так, чтобы полдороги ты, полдороги я (Гора

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru с горой). И, конечно, в Веймаре. Только напиши, когда.

Пишу в 6 ч. утра, под птичий свист.

Марина

Адрес: Чехословакия, Vsenory, č. 23 (р. р. Dobhchovice) u Prahy – мне –

Вшеноры, близ Праги, 14 19?-го июля 1925 г.

Борис,

первое человеческое письмо от тебя (остальные Geistbriefe)[614] и я польщена, одарена, возвеличена. Ты просто удостоил меня своего черновика.

А вот мой черновик – вкратце: 8 лет (1917–1925 гг.) киплю в быту, я тот козел, которого беспрестанно заре- и недорезывают, я сама то варево, которое неперестанно (8 ллет) кипит у меня на примусе. Моя жизнь – черновик, перед которым – посмотрел бы! – мои черновики – белейшая скатерть. Презираю себя за то, что по первому зову (1001 в день!) быта (NB! быт – твоя задолженность другим) – срываюсь с тетрадки, и НИКОГДА обратно.

Во мне – протестантский долг, перед которым моя католическая – нет! – моя хлыстовская любовь (к тебе) – пустяк.

Ты не думай, что я живу «заграницей», я живу в деревне, с гусями, с водокачками. И не думай: деревня: идиллия: свои две руки и ни одного своего жеста. Деревьев не вижу, дерево ждет любви (внимания), а дождь мне важен, поскольку просохло или не просохло белье. День: готовлю, стираю, таскаю воду, нянчу Георгия (51/2 месяцев, чудесен), занимаюсь с Алей по-французски, перечти Катерину Ивановну из «Преступления и наказания», это я. Я неистово озлоблена. Целый день киплю в котле. Поэма «Крысолов» пишется уже четвертый месяц, не имею времени подумать, думает перо. Утром 5 минут (время присесть), среди дня – 10 минут, ночь моя, но ночью не могу, не умею, другое внимание, жизнь не в себя, а из себя, а слушать некого, даже шумов ночи, ибо хозяйева запирают выходную дверь (ах, все мои двери входные, тоска по выходной – понимаешь!?) с 8 ч. вечера, а у меня нет ключа. Борис, я вот уже год живу фактически взаперти. У тебя хоть между домом и редакцией, редакцией и редакцией отрывки тротуара, я живу в котловине, задущенная холмами, крыша, холм, на холме – туча: туча.

Друзей у меня нет, – здесь не любят стихов, а вне – не стихов, а того, из чего они – что я? Негостеприимная хозяйка, молодая женщина в старых платьях.

Вот я тебя не понимаю: бросить стихи. А потом что? С моста в Москву-реку? Да со стихами, милый друг, как с любовью: пока она тебя не бросит... Ты же у Леры крепостной.

Сопоставление с Есениным, – смеюсь. Не верю в него, не болею им, всегда чувствую: как легко быть Есениным! Я тебя ни с кем не сопоставляю. Ты никогда не будешь Первым, только первый – великая тайна и великий шантаж, Борис! – только какая-то степень последнего, тот же «последний», только принаряженный, приукрашенный, обезвреженный. У первого есть второй. Единственный не бывает первым (Анненский, Брюсов).

И прозу и поэму получила.[615] Название «Проза» настолько органично, а

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Рассказы» настолько нарочито, что я ни разу, с тех пор, как взяла книгу в руки, не говорила о ней иначе, как «Проза» Пастернака. Никогда – «Рассказы». Разве ты можешь писать рассказы? Смеюсь. Рассказы, это Зайцев пишет. Проза, это страна, в ней живут, или море – черпают ладонью, это цельное. А рассказы – унижительная дребедень. Дурак издатель. Ах, Борис, сколько дураков и наглецов.

22-го мая 1926 г., суббота

Борис!

Мой отрыв от жизни становится все непоправимей. Я переселяюсь, переселилась, унося с собой всю страсть, всю нерастрату, не тенью – обескровленной, а столько ее унося, что надоила б и опоила бы весь Аид. О, у меня бы он заговорил, Аид!

Свидетельство – моя исполнительность в жизни. Так роль играют, заученное. Ты не знаешь моей жизни, именно этой частности слова: жизнь. И никогда не узнаешь из писем. Боюсь вслух, боюсь сглазить, боюсь навлечь, неблагодарности боюсь – не объяснить. Но, очевидно, так несвойственна мне эта дорогая несвобода, что из самосохранения переселяюсь в свободу – полную. (Конец «Молодца».)

Да, о Молодце, если помнишь, – прав ты, а не Ася. «Боря по своей неслыханной доброте увидел в конце простое освобождение и порадовался за тебя».

Борис, мне все равно, куда лететь. И, может быть, в том моя глубокая безнравственность (небожественность). Ведь я сама – Маруся: честно, как нужно (тесно, как не можно), держа слово, обороняясь, заслоняясь от счастья, полуживая (для других – более, чем – но я-то знаю), сама хорошенько не зная для чего так, послушная в насилии над собой, и даже на ту Херувимскую идя – по голосу, по чужой воле, не своей.

Я сама вздохнула, когда кончила, осласливленная за нее – за себя. Что они будут делать в огонь – синь? Лететь в него вечно. Никакого сатанизма. Херувимская? Так народ захотел. (Прочти у Афанасьева сказку «Упырь». – Пожалуйста!) И, нужно сказать, хорошо выбрал час.

Борис, я не знаю, что такое кощунство. Грех против grandeur[616] какой бы то ни было, потому что многих нет, есть одна. Все остальные – степени силы. Любовь! Может быть – степени огня? Огонь – ал (та, с розами, постельная), огонь – синь, огонь – бел. Белый (Бог) может быть силой бел, чистотой сгорания? Чистота. Которую я неизменно вижу черной линией. (Просто линией.)

То, что сгорает без пепла – Бог.

А от этих – моих – в пространствах огромные лоскутья пепла. Это-то и есть Молодец.

Я недаром отдала эту поэму тебе. Переулочки и Молодец – вот, досель, мое из меня любимое.

Еще о жизни. Я ненавижу предметы и загромождения ими. Точно мужчина, давший слово жене, что все будет в порядке. (А она умерла или вроде.) Поэтому – не упорядоченность жизни, построенная на разуме, а мания. Вдруг, среди беседы с другом, которого не видела 10 лет, срывается: «забыла, вывешено ли полотенце. Солнце. Надо воспользоваться». И совершенно стеклянные глаза.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Словно вытверженный срок – как Отче наш, с которого не собьешь потому что не понимаешь ни слова. Ни слога. (Есть деления мельчайшие слов. Ими, кажется, написан «Молодец».)

То, что ты пишешь о себе, я могу написать о себе: со всех сторон любовь, любовь, любовь. И – не радуется. Имя (без отчества), на которое я прежде была так щедра, – имя ведь тоже затрепывается. Не воспрещаю. Не отчеваю. (Имя требует имени.)
Вдруг открыли Америку: меня: Нет ты мне открой Америку!

«Что бы мы стали делать с тобой – в жизни?» (точно необитаемый остров! на острове – знаю). – «Поехали бы к Рильке». А я тебе скажу, что Рильке перегружен, что ему ничего, никого не нужно, особенно силы, всегда влекущей: отвлекающей. Рильке – отшельник. Гёте в старости понадобился только Эккерман (воля последнего к второму Фаусту и записывающие уши). Рильке перерос Эккермана, ему – между Богом и «вторым Фаустом» не нужно посредника. Он старше Гёте и ближе к делу. На меня от него веет последним холодом имущего, в имущество которого я заведомо и заранее включена. Мне ему нечего дать: все взято. Да, да, несмотря на жар писем, на безукоризненность слуха и чистоту вслушивания – я ему не нужна, и ты не нужен. Он старше друзей. Эта встреча для меня – большая растрата, удар в сердце, да. Тем более, что он прав (не его холод! оборонительного божества в нем!), что я в свои лучшие высшие сильнейшие, отрешеннейшие часы – сама такая же. И может быть от этого, спасаясь (оборонительного божества в себе!), три года идя рядом, за неимением Гёте, была Эккерманом, и бóльшим – С. Волконского! И так всегда хотела во всяком, в любом – не быть.

Всю жизнь, хотел я быть как все.

Но мир, в своей красе,

Не слушал моего нытья

И быть хотел – как я. [617]

Даже без кавычек. Этот стих я так запомнила со слов Л. М. Эренбург еще в 1925 г. весной. И так он мне ближе. Век ведь – поправка на мир.

Да! Доехал ли Эренбург? Довез ли? Посылаю тебе еще тетрадку, для стихов. Сегодня у нас первый тихоокеанский день: [618] ни ветринки. – (Такие письма можно писать?)

Недавно у меня был чудный день, весь во имя твое. Не расставалась до позднего часа. Не верь «холодкам». Между тобой и мною такой сквозняк.

Присылай Шмидта. [619] у меня в Праге был его сын и для него была трагедией добавка «Очаковский». [620] Чудный мальчик, похожий на отца. Я помню его в 1905 г. в Ялте на пристани. Будь здоров. Обнимаю, родной.

М.

Как я тебя понимаю в страхе слов, уже искажаемых жизнью, уже двусмысленных. Твое сторожкое ухо – как я его люблю, Борис!

23-26-го мая 1926 г.

I

Аля ушла на ярмарку, Мурсик спит, кто не спит – тот на ярмарке, кто не на ярмарке – тот спит. Я одна не на ярмарке и не сплю. (Одиночество, усугубляемое единоличностью. Для того, чтобы ощутить себя не-спящим, нужно, чтобы все спали.)

Борис, я не те письма пишу. Настоящие и не касаются бумаги. Сегодня, например, два часа идя за Муркиной коляской по незнакомой дороге – дорогам – сворачивая наугад, все узнавая, блаженствуя, что наконец на суше (песок – море), глядя – походя – какие-то колючие цветущие кусты – как гладишь чужую собаку, не задерживаясь – Борис, я говорила с тобой непрерывно, в тебя говорила – радовалась – дышала. Минутами, когда ты слишком долго задумывался, я брала обеими руками твою голову и поворачивала: вот! Не думай, что красота: Вандея бедная, вне всякой военной heroïc'и: кусты, пески, кресты. Таратайки с осликами. Чахлые виноградники. И день был серый (окраска сна), и ветру не было. Но – ощущение чужого Троицына дня, умиление над детьми в ослиных таратайках: девочки в длинных платьях, важные, в шляпках (именно – как!) времен моего детства – нелепых – квадратное дно и боковые банты, – девочки,

так похожие на бабушек, и бабушки, так похожие на девочек... Но не об этом – о другом – и об этом – о всём – о нас сегодня, из Москвы, или St. Gill'a – не знаю, глядевших на нищую праздничную Вандею. (Как в детстве, смежив головы, висок в висок, в дождь, на прохожих.)

Борис, я не живу назад, я никому не навязываю ни своих шести, ни своих шестнадцати лет, – почему меня тянет в твоё детство, почему меня тянет – тянуть тебя в свое? (Детство: место, где все осталось так и там.) Я с тобой сейчас в Вандее мая 26 года, непрерывно играю в какую-то игру, что в игру – в игры! – разбираю с тобой ракушки, шелкаю с кустов зеленый (как мои глаза, сравнение не мое) крыжовник, выбегаю смотреть (потому что когда Аля бежит – это я бегу!), опала ли Vie[621] и взошла (прилив или отлив).

Борис, но одно: я не люблю моря. Не могу. Столько места, а ходить нельзя. Раз. Оно двигается, а я гляжу. Два. Борис, да ведь это та же сцена, т. е. моя вынужденная, заведомая неподвижность. Моя косность. Моя – хочу или нет – терпимость. А ночью! Холодное, шарахающееся, невидимое, нелюбящее, исполненное себя – как Рильке! (Себя или божества – равно.) Землю я жалею:

ей холодно. Морю не холодно, это и есть – оно, все что в нем ужасающего, – оно. Суть его. Огромный холодильник. (Ночь.) Или огромный котел. (День.) И совершенно круглое. Чудовищное блюдо. Плоское, Борис! Огромная плоскодонная люлька, ежеминутно вываливающая ребенка (корабли). Его нельзя погладить (мокрое). На него нельзя молиться (страшное). Так. Иегову, например бы, ненавидела. Как всякую власть. Море – диктатура, Борис. Гора – божество. Гора разная. Гора умалется до Мура (умиляясь им!). Гора дорастает до Гётевского лба и, чтобы не смущать, превышает его. Гора с ручьями. с норами, с играми. Гора – это прежде всего мои ноги, Борис. Моя точная стоимость. Гора – и большое тире, Борис, которое наполни глубоким вздохом.

И все-таки – не раскаиваюсь. «Придается всё – лишь тебе не дано». [622] С этим, за этим ехала. И что же? То, с чем ехала и за чем: твой стих, т. е. преобразование вещи. Дура я, что я надеялась увидеть воочию твоё море – заочное, над очное, внеочное. «Прощай, свободная стихия» (мои 10 лет) и «Придается всё» (мои тридцати – вот моё море.

Борис, я не слепой: вижу, слышу, чую, вдыхаю всё, что полагается, но – мне этого мало. Главного не сказала: море смеет любить только рыбак или моряк. Только моряк или рыбак знают, что это. Моя любовь была бы превышением прав («поэт» здесь ничего не значит, самая жалкая из отговорок. Здесь – чистоганом).

Ущемленная гордость, Борис. На горе я не хуже горца, на море я – даже не пассажир: дачник. Дачник, любящий океан... Плюнуть!

Рильке не пишу. Слишком большое терзание. Бесплодное. Меня сбивает с толку – выбивает из стихов – вставший Nibelun-genhort[623] – легко справиться?! Ему – не нужно. Мне – больно. Я не меньше его (в будущем), но – я моложе его. На много жизней. Глубина наклона – мерило высоты. Он – глубокó наклоняется ко мне – может быть глубже, чем... (неважно!) – что я почувствовала? ЕГО РОСТ. Я его и раньше знала, теперь знаю его на себе. Я ему писала: я не буду себя уменьшать, это Вас не сделает выше (меня не сделает ниже!), это Вас сделает только еще одиноче, ибо на острове, где мы родились – все – как мы.

Durch alle welten, durch alle Gegenden an alien wegenden

Das ewige Paar der sich – Nie – Begegnenden.[624]

Само пришло, двустушием, как приходит всё. Итог какого-то вздоха, к которому никогда не прирастет предпосылка.

Для моей Германии нужен был весь Рильке. Как обычно, начинаю с отказа.

О Борис, Борис, залечи, залижи рану. Расскажи, почему. Докажи, что всё так. Не залижи, – выжги рану! «Вкусих мало мёду»[625] – помнишь? Что – мед!

Люблю тебя. Ярмарка, ослиные таратайки, Рильке – всё, всё в тебя, в твою огромную реку (не хочу – море!). Я так скучаю по тебе, точно видела тебя только вчера.

М.

II

St. Gille-sur-Vie, 25-го мая 1926 г.

Борис, ты меня не понял. Я так люблю твое имя, что для меня не написать его лишний раз, сопровождая письмо Рильке, было настоящим лишением, отказом. То же, что не окликнуть еще раз из окна, когда уходят (и с уходящим, на последующие десять минут, всё. Комната, где даже тебя нет. Одна тоска расселась).

Борис, я сделала это сознательно. Не ослабить удара радости от Рильке. Не раздробить его на два. Не смешать двух вод. Не превратить твоего события в собственный случай.[626] Не быть ниже себя. Суметь не быть.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Я бы Орфею сумела внушить: не оглядывайся!) Оборот Орфея – дело рук Эвридики.
(«Рук» – через весь коридор Аида!) Оборот Орфея – либо слепость ее любви,
невладение ею (скорей! скорей!) – либо – о, Борис, это страшно – помнишь 1923
год, март, гору, строки:

Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер[627] –
либо приказ обернуться – и потерять. Все, что в ней еще любило – последняя
память, тень тела, какой-то мысок сердца, еще не тронутый ядом бессмертья,
помнишь?

–...С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть![628]
все, что еще отзывалось в ней на ее женское имя, – шло за ним, она не могла не
идти, хотя может быть уже не хотела идти. Так, преображенно и возвышенно, мне
видится расставание Аси с Белым[629] – не смейся – не бойся.

В Эвридике и Орфее переключка Маруси с Мóлдецм – не смейся опять! – сейчас
времени нет додумать, но раз сразу пришло – верно. Ах, может быть, просто
продленное «не бойся» – мой ответ на Эвридику и Орфея. Ах, ясно: Орфей за ней
пришел – жить, тот за моей – не жить. Оттого она (я) так рванулась. Будь я
Эвридикой, мне было бы... стыдно – назад!

О Рильке. Я тебе о нем уже писала. (Ему не пишу.) У меня сейчас покой полной
утраты – божественного ее лика – отказа. Пришло само. Я вдруг поняла. А чтобы
закончить с моим отсутствием в письме (я так и хотела: явно, действительно
отсутствовать – Борис, простая вежливость не совсем или совсем не простых вещей.
– Вот. –

Твой чудесный олень с лейтмотивом «естественный». [630]

Я слышу это слово курсивом, живой укоризной всем, кто не. Когда олень рвет
листья рогами – это естественно (ветвь – рог – сочтутся). А когда вы с
электрическими пилами – нет. Лес – мой. Лист – мой. (Так я читала?) И зеленый
лиственный костер над всем. – Так? –

Борис, когда мне было шесть лет, я читала книжку (старинную, переводную)
«Царевна в зелени». [631] Не я – мать читала вслух. Там два мальчика убежали из
дому, один: Клод Бижар (Claude Bigard – Бижар – сбежал – странно?), один
отстал, другой остался. Оба искали царевну в зелени. Никто не нашел. Только
последнему вдруг неожиданно хорошо стало. И какой-то фермер. Вот все, что я
помню. Когда мать поставила голосом последнюю точку – и – паузой – конечное
тире, она спросила:

«Ну, дети, кто же была эта царевна в зелени?» Брат (Андрей) сразу ответил:
«Почем я знаю», Ася, заминая, начала ластиться, а я только покраснела. И мать,
зная меня и эти вспышки: – «Ну, а ты как думаешь?» – «Это была... это была...
НАТУРА!» – «Натура? Ах ты! – Умница». (Правда, ответ запоздал на век? 1800 г. –
Руссо.) [632] Мать меня поцеловала и обещала мне, вне всякой педагогики, в
награду (спохватившись, скороговоркой): «за то, что хорошо слушала»... книжку. И
подарила. Но гнуснейшую: Mariens Tagebuch машин дневник (нем.). [633] и, что еще
хуже: Машин дневник, противоестественный, потому что Маша – и тетя Гильдебурта,
и праздник «Трех королей» (Dreikonigsfest), и прочее. Противоестественный потому
еще, что мир непреложно делился на богатых девочек и бедных мальчиков, и богатые
девочки этих бедных мальчиков, сняв с себя (!) одежали (в юбки, что ли?). Аля
эту книгу читала и утверждает, что там тоже был мальчик, который тоже сбежал в
лес (потому что его бил сапожник), но вернулся. Словом: НАТУРА (как – часто)
повлекла за собой противоестественность. Эту ли горькую расплату за свою природу
имела в виду мать, даря? Не знаю.

Борис, я только что с моря и поняла одно. Я постоянно, с тех пор как впервые не полюбила, [634] порываюсь любить его, в надежде, что может быть выросла, изменилась, ну просто: а вдруг понравится? Точь-в-точь как с любовью. Тождественно. И каждый раз: нет, не мое, не могу. То же страстное въигрыванье (о, не заигрыванье! никогда), гибкость до предела, попытка проникнуть через слово (слово ведь больше вещь, чем вещь: оно само – вещь, которая есть только – знак. Назвать – овеществить, а не развоплотить) – и – отпор.

И то же неожиданное блаженство, которое забываешь, как только вышел (из воды, из любви) – невозстановимое, нечислящееся. На берегу я записала в книжку, чтобы тебе сказать. Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения:

море, любовь. А знаешь, Борис, когда я сейчас ходила по пляжу, волна явно подлизывалась. Океан, как монарх, как алмаз: слышит только того, кто его не поет. А горы – благодарны (божественны).

Дошла ли наконец моя? (Поэма Горы.) Крысолова, по возможности читай вслух, полувслух, движением губ. Особенно «Увод». [635] Нет, всё, всё. Он как «Молодец» писан с голоса.

Мои письма не намеренны, но и тебе и мне нужно жить и писать. Просто – перевожу стрелку. Ту вещь о тебе и мне почти кончила. [636] (Видишь, не расстаюсь с тобой!) Впечатление: от чего-то драгоценного, но – осколки. До чего слово открывает вещь! Думаю о некоторых строках. – До страсти хотела бы написать Эвридику: ждущую, идущую, удаляющуюся. Через глаза или дыхание? Не знаю. Если бы ты знал, как я вижу Аид! Я, очевидно, на еще очень низкой ступени бессмертия.

Борис, я знаю, почему ты не идешь за моими вещами к Надежде Александровне. [637] От какой-то тоски, от самообороны, как бежишь письма, которое требует всего тебя. Кончится тем, что все пропадет, все мои Гёты! Не перепоручить (не перепоручишь) ли Асе? Жду Шмидта.

МЦ.

я не слишком часто пишу? Мне постоянно хочется говорить с тобой.

III

26-го мая 1926 г., среда

Здравствуй, Борис! Шесть утра, все веет и дует. Я только что бежала по аллейке к колодцу (две разные радости: пустое ведро, полное ведро) и всем телом, встречающим ветер, здоровалась с тобой. У крыльца (уже с полным) вторые скобки: все еще спали – я остановилась, подняв голову навстречу тебе. Так я живу с тобой, утра и ночи, вставая в тебе, ложась в тебе.

Да, ты не знаешь, у меня есть стихи к тебе, в самый разгар Горы. [638] (Поэма Конца – одно. Только Гора раньше и – мужской лик, с первого горяча, сразу высшую ноту, а Поэма Конца уже разразившееся женское горе, грянувшие слезы, я, когда

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ложусь, – не я, когда встаю! Поэма горы – гора, с другой горы увиденная. Поэма
Конца – гора на мне, я под ней). Да, и клином врезавшиеся стихи к тебе,
недоконченные, несколько, взывание к тебе во мне, ко мне во мне.

Отрывок:

...В перестрелку – скиф,
В христопляску – хлыст,
– Море! – небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих, –
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.
В каждой строчке: стой!
В каждой точке – клад.
– Око! – светом в тебя расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь...[639]

Отрывок. Всего стиха не посылаю из-за двух незаткнутых дыр. Захоти – и стих
будет кончен, и этот, и другие. Да, есть ли у тебя три стиха: Двое, посланные
мною тебе летом 1924 г., два года назад, из Чехии. («Елена: Ахиллес // –
Разрозненная пара»; «Так разминовываемся – мы»; «Знаю – один//Ты – равносущ//
Мне».) Не забудь ответить. Тогда пришлю.[640]

Борис, у Рильке взрослая дочь,[641] замужем, где-то в Саксонии, и внучка
Христина, двух лет. Был женат, почти мальчиком, два года – в Чехии – расплелось.
Борис, последующее – гнусность (моя): мои стихи читает с трудом, хотя еще десять
лет назад читал без словаря Гончарова. (И Аля, которой я это сказала, тотчас же:
«Я знаю, знаю, утро Обломова, там еще сломанная галерея».) Гончаров –
таинственно, а? Тут-то я и почувствовала. Когда Tzarenkreis[642] – из тьмы
времен – прекрасно, когда Обломов – уже гораздо хуже. Преображенный – Рильке
(родительный падеж, если хочешь Рильке'м) Обломов. Какая растрата! В этом я на
секунду увидела его иностранцем, т. е. себя русской, а его немцем! Унизительно.
Есть мир каких-то твердых (и низких, твердых в своей низости) ценностей, о
котором ему, Рильке, не должно знать ни на каком языке. Гончаров (против
которого, житейски, в смысле истории русской литературы такой-то четверти века
ничего не имею) на устах Рильке слишком теряет. Нужно быть милосерднее.

(Ни о дочери, ни о внучке, ни о Гончарове – никому. Двойная ревность. Достаточно
одной.)

Что еще, Борис? Листок кончается, день начался. Я только что с рынка. Сегодня в
поселке праздник – первые сардины! Не сардинки, потому что не в коробках, а в
сетях.

А знаешь, Борис, к морю меня уже начинает тянуть, из какого-то дурного
любопытства – убедиться в собственной несостоятельности.

Обнимаю твою голову – мне кажется, что она такая большая – по тому, что в ней –
что я обнимаю целую гору, – Урал! «Уральские камни» – опять звук из детства!
(Мать с отцом уехали на Урал за мрамором для Музея. Гувернантка говорит, что
ночью крысы ей отъели ноги. Таруса. Хлысты. Пять лет.) Уральские камни, (дебри)
и хрусталь графа Гарраха (Кузнецкий)[643] – вот все мое детство.

На́ его – в тяжеловесах и хрусталях.

Где будешь летом? Поправился ли Асеев.[644] Не болей.

Ну, что еще?

– всё! –

Замечаешь, что я тебе дарю себя враздробь?

М.

St. Gilles, 21-го июня 1926 г.

Мой дорогой Борис,

Только что – Шмидт, Барьеры и журналы.[645] Пишу только, чтобы известить, что дошло. Ничего ещё не смотрела, потому что утро в разгаре. Одновременно письмо из Чехии с требованием либо возвращаться сейчас же, либо отказаться от чешской стипендии. («Отказаться» – ход неудачно построенной фразы, просто в случае невозврата – отказывают.)

Возвращаться сейчас невозможно, – домик снят и уплочено до половины октября, кроме того – нынче первый солнечный день, Борис. Возвращаться ни сейчас, ни потом мне невозможно: Чехию я изжила, вся она в Поэмах Конца и Горы (герой их 13-го обвенчан), [646] Чехии просто нет. Вернусь в погребенный черновик.

Следовательно, – (невозвращение) – я на улице. Думаю (непонятный отказ чехов, обещавших стипендию по крайней мере до октября) – эхо парижской травли («Поэт о критике» – травля), [647] а м. б. и донос кого-нибудь из пражских русских: везде печатается, муж – редактор и т. д. Сергей Яковлевич получает с № (Версты), причем I еще не вышел, а II намечается только к октябрю.

Пишу в Чехию с просьбой выхлопотать мне заочную стипендию, как Бальмонту и Тэффи, которых чехи содержат, никогда в глаза не видав (меня видели, всегда с ведром или с мешком, три с половиной года, – не нагляделись, должно быть!)

Пишу в сознании полной бессмысленности. Явный подвох какого-то завистника. (Завидовать – мне: И, после краткого вдумывания: да, можно, но тогда нужно просить Господа Бога, чтобы снял меня с иждивения, а не чехов.)

Кроме того, (возврат в Чехию) в Чехии Сергею Яковлевичу) делать нечего. Ни заработков, ни надежд. Даже на фабрику не берут, ибо русских затирают.

Таков мой жизненный поворот. Не принимай к сердцу, огляди издали – как я. Почему сообщаю? Чтобы объяснить некоторую заминку со Шмидтом, – дня три уйдет на письма, т. е. те полтора-два часа в день, которые у меня есть на графику, ту или

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
иную.

Борис, где встретимся? У меня сейчас чувство, что я уже нигде не живу. Вандея – пока, а дальше? У меня вообще атрофия настоящего, не только не живу, никогда в нем и не бываю.

Громовая статья П. Струве (никогда не пишущего о литературе), статьи Яблоновского, Осоргина, многих, – всех задетых[648] (прочти «Поэт о критике», поймешь – чья-то зависть – чья-то обиденность – и я на улице, я – что! – дети.

Мур ходит, но оцени! только по пляжу, кругами, как светило. В комнате и в саду не хочет, ставишь – не идет. На море рвется с рук и неустанно кружит (и падает).

Да, Борис, о другом. В Днях перепечатка статьи Маяковского о недостаточной действительности книжных приказчиков. Привожу дословно: «Книжный продавец должен ещё больше гнуть читателя. Вошла комсомолка с почти твердым намерением взять, например, Цветаеву. Ей, комсомолке, сказать, сдувая пыль со старой обложки, – Товарищ, если вы интересуетесь цыганским лиризмом, осмелюсь предложить Сельвинского. Та же тема, но как обработана! Мужчина! Но это все временное. Поэтому напрасно в вас остыл интерес к Красной Армии; попробуйте почитать эту книгу Асеева». И т. д...

Передай Маяковскому, что у меня есть и новые обложки, которых он просто не знает.

Между нами – такой выпад Маяковского огорчает меня больше, чем чешская стипендия: не за себя, за него.

«Но всё это – временное», а –

«Время – горе небольшое:
я живу с твоей душой»...[649]
Скоро напишу, Борюшка, это письмо не в счет.

М.

Шмидт получен, скоро получишь о тебе и мое. И ещё элегию (мне) Рильке. Люблю тебя.

1-го июля 1926 г., четверг.

Мой родной Борис,

Первый день месяца и новое перо.

Беда в том, что взял Шмидта, а не Каляева[650] (слова Сережи, не мои), героя времени (безвременья!), а не героя древности, нет, еще точнее – на этот раз заимствую у Степуна: жертву мечтательности, а не героя мечты. Что такое Шмидт – по твоей документальной поэме: русский интеллигент, перенесший 1905 год. Не моряк совсем, до того интеллигент (вспомни Чехова «В Море»!), что столько-то лет плаванья не отучили его от интеллигентского жаргона. Твой Шмидт студент, а не моряк. Вдохновенный студент конца девяностых годов.

Борис, не люблю интеллигенции, не причисляю себя к ней, сплошь пенснейной. Люблю
Страница 222

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дворянство и народ, цветение и (корни). Блока синевы и Блока просторов. Твой Шмидт похож на Блока-интеллигента. Та же неловкость шутки, та же невеселость её.

В этой вещи меньше тебя, чем в других, ты, огромный, в тени этой маленькой фигуры, заслонен ею.[651] Убеждена, что письма почти дословны, – до того не твои. Ты дал человеческого Шмидта, в слабости естества, трогательного, но такого безнадежного!

Прекрасна Стихия.[652] и естественно, почему. Здесь действуют большие вещи, а не маленький человек. Прекрасна Марсельеза. Прекрасно всё, где его нет. Поэма несется мимо Шмидта, он – тормоз. Письма – сплошная жалость. Зачем они тебе понадобились? Пиши я, я бы провалила их на самое дно памяти, завалила, застроила бы. Почему ты не дал зрительного Шмидта – одни жесты – почему ты не дал Шмидта «сто слепящих фотографий», [653] не дающих разглядеть – что? Да уныние этого лица! Зачем тебе понадобился подстрочник? Дай ты Шмидта в действии – просто ряд сцен – ты бы поднял его над действительностью, гнездящейся в его словесности.

Шмидт не герой, но ты герой. Ты, описавший эти письма!

(Теперь мне совсем ясно: ополчаюсь именно на письма, только на письма. Остальное – ты.)

Да, очень важное: чем же кончилась потеря денег?[654] Остается в тумане. И зачем этот эпизод? Тоже не внушает доверия. Хорош офицер! А форма негодования! У офицера вытащили полковые деньги, и он: «Какое свинство!» Так неправдоподобен бывает только документ.

Милый Борис, смеюсь. Сейчас, перечитывая, наткнулась на строки: «Странно, скажете, к чему такой отчет? Эти мелочи относятся ли к теме?»[655] Последующим двустихием ты мне уже ответил. Но я не убеждена.

Борис, теперь мне окончательно ясно; я бы хотела немного Шмидта. Немного Шмидта и говорящего тебя.

Знаешь, я долго не понимала твоего письма о «Крысолове», – дня два. Читаю – расплывается. (У нас разный словарь.) Когда перестала его читать, оно выяснилось, проступило, встало. Самое меткое, мне кажется, о разнообразии поэтической ткани, отвлекающей от фабулы. Очень верно о лейтмотиве. О вагнерианстве мне уже говорили музыканты. Да всё верно, ни о чём я не спорю. И о том, что я как-то докрикиваюсь, доскакиваюсь, докатываюсь до смысла, который затем овладевает мною на целый ряд строк. Прыжок с разбегом. Об этом ты говорил?

Борис, ты не думай, что это я о твоём (поэма) Шмидте, я о теме, о твоей трагической верности подлиннику. Я, любя, слабостей не вижу, всё сила. У меня Шмидт бы вышел не Шмидтом, или я бы его совсем не взяла, как не смогла (пока) взять Есенина. Ты дал живого Шмидта, чеховски-блоковски-интеллигентского. (Чехова с его шуточками, прибаутками, усмешечками ненавижу с детства.)

Борис, родной, поменьше писем во второй части или побольше в них себя. Пусть он у тебя перед смертью вырастет.

Судьба моя неопределенна. Написала кому могла в Чехии. «Благонамеренный» кончился.[656] Совсем негде печататься (с двумя газетами и двумя журналами разругалась). Будет часок, пришлю тебе нашу встречу. (Переписанную потеряла.) Пишу большую вещь, очень трудную.[657] Полдня уходит на море – гулянье, верней, сиденье и хождение с Муром. Вечером никогда не пишу, не умею.

М. б. осенью уеду в Татры (горы в Чехии), куда-нибудь в самую глушь. Или в Карпатскую Русь. В Прагу не хочу – слишком ее люблю, стыдно перед собой – той. Пиши мне! Впрочем раз я написала сегодня, наверное получу от тебя письмо завтра. Уехали ли твои? Легче или труднее одному?

Довез ли Эренбург мою прозу: Поэт о критике и Герой труда? Не пиши мне о них отдельно, только если что-нибудь резануло. Журналов пока не читала, только твоё.

Я бы хотела, чтобы кто-нибудь подарил мне цельный мой день. Тогда бы я переписала тебе Элегию Рильке[658] и своё.

Напиши мне о летней Москве. Моей до страсти – из всех – любимой.

10-го июля 1926 г., суббота

Я бы не могла с тобой жить не из-за непонимания, а из-за понимания. Страдать от чужой правоты, которая одновременно и своя, страдать от правоты – этого унижения я бы не вынесла.

По сей день я страдала только от неправоты, была одна права, если и встречались схожие слова (редко) и жесты (чаще), то двигатель всегда был иной. Кроме того, твоё не на твоём уровне – не твоё совсем, меньше твое, чем обратное. Встречаясь с тобой, я встречаюсь с собой, всеми остриями повернутой против меня же.

Я бы с тобой не могла жить, Борис, в июле-месяце в Москве, потому что ты бы на мне срывал –

Я много об этом думала – и до тебя – всю жизнь. Верность, как самоборение, мне не нужна (я – как трамплин, унижительно). Верность, как постоянство страсти, мне непонятна, чужда. (Верность, как неверность – все разводит!) Одна за всю жизнь мне подошла. (Может быть её и не было, не знаю, я не наблюдательна, тогда подошла неверность, форма её.) Верность от восхищения. Восхищенье заливало в человеке все остальное, он с трудом любил даже меня, до того я его от любви отводила. Не восхищённость, а восхищенность. Это мне подошло.

Что бы я делала с тобой, Борис, в Москве (езде, в жизни)? Да разве единица (какая угодно) может дать сумму? Качество другое. Иное деление атомов. Сущее не может распасться на быть имеющее. Герой не дает площади. Тем нужнее площадь, чтобы ещё раз и по-новому дать героя (себя).

Оговорюсь о понимании. Я тебя понимаю издали, но если я увижу то, чем ты прельщаешься, я зальюсь презреньем, как соловей песней. Я взликую от него. Я излечусь от тебя мгновенно. Как излечилась бы от Гёте и от Гейне, взглянув на их Kätchen-Grethen. Улица как множественность, да, но улица, воплощенная в одной, множественность, возмнившая (и ты её сам уверишь!) себя единицей, улица с двумя руками и двумя ногами –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пойми меня: ненасытная исконная ненависть Психеи к Еве, от которой во мне нет ничего. А от Психеи – всё. Психею – на Еву! Пойми водопадную высоту моего презрения. (Психею на Психею не меняют.) Душу на тело. Отпадает и мою и ее. Ты сразу осужден, я не понимаю, я отступаю.

Ревность. Я никогда не понимала, почему Таня, заслуженно-скромного о себе мнения, негодует на X за то, что он любит еще других. Почему? Она же видит, что есть красивее и умнее, то, чего она лишена, у нее в цене. Мой случай усложнен тем, что не частен, что моя та cause, [659] сразу перестав быть моей, оказывается cause ровно половины мира: души. Что измена мне – показательна.

Ревность? Я просто уступаю, как душа всегда уступает телу, особенно чужому – от честнейшего презрения, от неслыханной несоизмеримости. В терпении и негодовании растворяется могшая быть боль.

Не было еще умника, который сказал бы мне: «Я тебя меняю на стихию: множество: безликое. Я тебя меняю на собственную кровь». Или еще лучше: мне захотелось улицы. (Мне никто не говорил ты.)

Я бы обмерла от откровенности, восхитилась точностью и – может быть поняла бы. (Мужской улицы нет, есть только женская. – Говорю о составе. – Мужчина жаждой своей, ее создает. Она есть и в открытом поле. – Ни одна женщина (исключения противоестественны) не пойдет с рабочим, все мужчины идут с девками, все поэты.)

У меня другая улица, Борис, льющаяся, почти что река, Борис, без людей, с концами концов, с детством, со всем, кроме мужчин. Я на них никогда не смотрю, я их просто не вижу. Я им не нравлюсь, у них нюх. Я не нравлюсь полу. Пусть в твоих глазах я теряю, мною завораживались, в меня почти не влюблялись. Ни одного выстрела в лоб – оцени.

Стреляться из-за Психеи! Да ведь ее никогда не было (особая форма бессмертия). Стреляются из-за хозяйки дома, не из-за гости. Не сомневаюсь, что в старческих воспоминаниях моих молодых друзей я буду – первая. Что до мужского настоящего – я в нем никогда не числилась.

Лейтмотив вселенной? Да, лейтмотив, верю и вижу, но лейтмотив, – клянусь тебе! – которого никогда в себе не слышала. Думается – мужской лейтмотив.

Моя жалоба – о невозможности стать телом. О невозможности потонуть («Если бы я когда-нибудь пошел ко дну»...)

Борис, все это так холодно и рассудочно, но за каждым слогом – живой случай, живший и повторностью своей научивший. Может быть, если бы ты видел с кем и как, ты бы объявил мой инстинкт (или отсутствие его) правым! «Не мудрено...»

Теперь вывод.

Открывалось письмо: «не из-за непонимания, а из-за понимания». Закрывается оно: «не понимаю, отступаю». Как связать?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Разные двигатели при равном уровне – вот твоя множественность и моя. Ты не понимаешь Адама, который любил одну Еву. Я не понимаю Еву, которую любят все. Я не понимаю плоти, как таковой, не признаю за ней никаких прав – особенно голоса, которого никогда не слышала. Я с ней – очевидно хозяйкой дома – незнакома. (Кровь мне уже ближе, как текучее.) «Воздерживающейся крови»... Ах, если бы моей было от чего воздерживаться! Знаешь, чего я хочу – когда хочу. Потемнения, посветления, преображения. Крайнего мыса чужой души – и своей. Слов, которых никогда не услышишь, не скажешь. Небывающего. Чудовищного. Чуда.

Ты получишь в руки, Борис, – потому что конечно получишь? – странное, грустное, дремучее, певучее чудовище, бьющееся из рук. То место в «Молодец» с цветком, помнишь? (Весь «Молодец» – до чего о себе!)

Борис, Борис, как мы бы с тобой были счастливы – и в Москве, и в Веймаре, и в Праге, и на этом свете и особенно на том, который уже весь в нас. Твои вечные отъезды (так я это вижу) и – твоими глазами глядящее с полу. Твоя жизнь – заочная со всеми улицами мира, и – ко мне домой. Я не могу присутствия и ты не можешь. Мы бы спелись.

Родной, срывай сердце, наполненное мною. Не мучься. Живи. Не смущайся женой и сыном. Даю тебе полное отпущение от всех и вся. Бери все, что можешь – пока еще хочется брать!

Вспомни о том, что кровь старше нас, особенно у тебя, семита. Не приручай ее. Бери все это с лирической – нет, с эпической высоты!

Пиши или не пиши мне обо всем, как хочешь. Я, кроме всего, – нет, раньше и позже всего (до первого рассвета!) – твой друг.

М.

Версты вышли. Потемкин четверостишиями. [660] В конце примечания. Наши портреты на одной странице.

Версты великолепны. Большой благородный том, строжайший. Книга, не журнал. Критика их искалечит и клочьями будет питаться год. В следующем письме вышлю содержание.

На днях сюда приезжает Святополк Мирский, прочту ему твоего Шмидта, которого читаю в четвертый раз и о котором накапливает большое письмо. Напишу и отзыв Мирского. (Его сейчас пресса дружно дерет на части, особенно за тебя и меня.)

С Чехией выяснится на днях. Так или иначе увидимся, м. б. из Чехии мне еще легче будет (– к тебе, куда-нибудь). Может быть – все к лучшему.

Иду на почту. До свидания, родной.

Второе письмо о Крысолове поняла сразу и сплошь: ты читал так, как я писала, я тебя читала так, как писал ты и писала я.

За мной еще то о тебе и мне [661] и элегия Рильке. Помню. Получил ли ты «Поэт о критике» и «Герой труда» (Дано было Эренбургу).

Bellevue, 31-го декабря 1926 г.

Борис,

Умер Райнер Мария Рильке. Числа не знаю, – дня три назад. Пришли звать на Новый год и, одновременно, сообщили.

Последнее его письмо ко мне (6 сентября) кончалось воплем: Im Frühling? Mir ist lang. Eher! Eher![662] (Говорили о встрече.) На ответ не ответил, потом, уже из Bellevue, мое письмо к нему в одну строку: Rainer, was ist? Rainer, liebst Du mich noch?[663]

Передай Светлову (Молодая Гвардия), что его Гренада – мой любимый – чуть не сказала: мой лучший – стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори, пусть Есенину мирно спится.

Увидимся ли когда-нибудь? – С новым его веком, Борис!

М.

Bellevue, 1-го января 1927 г.

– Ты первый, кому пишу эту дату.

Борис, он умер 30-го декабря, не 31-го. Еще один жизненный промах. Последняя мелкая мстительность жизни – поэту.

Борис, мы никогда не поедем к Рильке. Того города – уже нет.

Борис, у нас паспорта сейчас дешевле (читала накануне). И нынче ночью (под Новый год) мне снились океанский пароход (я на нем) и поезд. Это значит, что ты приедешь ко мне и мы вместе поедем в Лондон. Строй на Лондоне, строй Лондон, у меня в него давняя вера. Потолочные птицы, замоскворецкая метель, помнишь?

Я тебя никогда не звала, теперь время. Мы будем одни в огромном Лондоне. Твой город и мой. К зверям пойдём. К Тоуэру пойдём (ныне – казармы). Перед Тоуэром маленький крутой сквер, пустынный, только одна кошка из-под скамейки. Там будем сидеть. На плацу будут учиться солдаты.

Странно. Только что написала тебе эти строки о Лондоне, иду в кухню и соседка (живем двумя семьями) – Только что письмо получила от (называет неизвестного мне человека). Я: – Откуда? – Из Лондона.

А нынче, гуляя с Муром (первый день года, городок пуст), изумление: красные верха деревьев! – Что это? – Молодые прутья (бессмертья).

Видишь, Борис: втроем, в живых, все равно бы ничего не вышло. Я знаю себя: я бы не могла не целовать его рук, не могла бы целовать их – даже при тебе, почти что при себе даже. Я бы рвалась и разрывалась, распиналась, Борис, п. ч. все-таки еще этот свет. Борис! Борис! Как я знаю тот! По снам, по воздуху снов, по разгроможденности, по насущности снов. Как я не знаю этого, как я не люблю этого, как обижена в этом! Тот свет, ты только пойми: свет, освещение, вещи, инако освещенные, светом твоим, моим.

На тем свету – пока этот оборот будет, будет и народ. Но сейчас не о народах.

– О нем. Последняя его книга была французская. Vergers.[664]

Он устал от языка своего рождения.

(Устав от вас, враги, от вас, друзья,
и от уступчивости речи русской...16 г.)[665]

Он устал от всемогущества, захотел ученичества, схватился за неблагодарнейший для поэта из языков – французский («poesie»)[666] – опять смог, еще раз смог, сразу устал. Дело оказалось не в немецком, а в человеческом. Жажда французского оказалась жаждой ангельского, тусветного. Книжкой Vergers он проговорился на ангельском языке.

Видишь, он ангел, неизменно чувствую его за правым плечом (не моя сторона).

Борис, я рада, что последнее, что он от меня слышал: Bellevue.[667]

Это ведь его первое слово оттуда, глядя на землю! Но тебе необходимо ехать.

Дорогой Борис! Пересылаю тебе письмо Мирского, которому год не давала твоего адреса и которому умоляю его не давать. Причины внутренние (дурной глаз и пр.) – посему веские, верь мне. Если неловко писать на меня и давать мой (NB! самое лучшее бы: я – глушитель) – дай адрес Союза Писателей или Поэтов или что-нибудь общественное. Он твоего адреса) (личного) домогается с такой страстью, что дать нельзя никак. Кроме того: Волхонка, дом № 14, квартира 9 – моя, не делюсь. При встрече расскажу и увидишь.

Пока тебе будет достаточно знать, что когда, на днях, зашел ко мне – тут же застлала от него рукавом портрет Рильке в газете. Твоя Волхонка и лицо Рильке – однородность. Не предавай меня.

Обнимаю и жду письма.

М.

Bellevue (S. et O.)

près Paris

31, boulevard Verd

12-го января 1927 г.

На обороте конверта:

Нарочно пишу на его письме, чтобы запечатать волю (его к твоему адресу), твою – к даче его.

МЦ.

Bellevue, 9-го февраля 1927 г.

Дорогой Борис,

Твое письмо – отписка, т. е. написано из высокого духовного приличия, поборовшего тайную неохоту письма, сопротивление письму. Впрочем – и не тайное, раз с первой строки: «потом опять замолчу».

Такое письмо не прерывает молчания, а только оглашает, называет его. У меня совсем нет чувства, что таковое (письмо) было. Поэтому все в порядке, в порядке и я, упорствующая на своем отношении к тебе, в котором окончательно утвердила меня смерть Рильке. Его смерть – право на существование мое с тобой, мало – право, собственноручный его приказ такового.

Грубость удара я не почувствовала – твоего «как грубо мы осиротели», – кстати, первая строка моя в ответ на весть тут же:

Двадцать девятого, в среду, в мглистое?

Ясное? – нету сведений!

Осиротели не только мы с тобой

В это пред-предпоследнее

Утро... – [668]

Что почувствовала, узнаешь из вчера (7-го, в его день) законченного (31-го, в день вести, начатого) письма к нему, которое, как личное, прошу не показывать. [669] Сопоставление Рильке и Маяковского для меня при всей (?) любви (?) моей к последнему – кощунство. Кощунство – давно это установила – иерархическое несоответствие.

Очень важная вещь, Борис, о которой хочу сказать. Стих о тебе и мне – начало Попытки комнаты – оказался стихом о нем и мне, каждая строка. Произошла любопытная подмена: стих писался в дни моего крайнего сосредоточения на нем, а направлен был – сознанием и волей – к тебе. Оказался же – мало о нем! – о нем – сейчас (после 29-го декабря), т. е. предвосхищением, т. е. прозрением. Я просто рассказывала ему, живому, к которому же собиралась! – как не встретились, как иначе встретились. Отсюда и странная, меня самое тогда огорчившая... нелюбовность, отрешенность, отказность каждой строки. Вещь называлась «Попытка комнаты» и от каждой – каждой строкой – отказывалась. Прочти внимательно, вчитываясь в каждую строку, проверь. Этим летом, вообще, писала три вещи:

1. Вместо письма [670] (тебе), 2. «Попытка комнаты» и 3. «Лестница» – последняя, чтобы высвободиться от сосредоточения на нем – здесь, в днях, по причине его, меня, нашей еще: жизни и (оказалось!) завтра смерти – безнадежного. «Лестницу», наверное, читал? П. ч. читала Ася. Достань у нее, исправь опечатки.

Достань у Зелинского, [671] если еще в Москве, а если нет – закажи № 2 Верст, там мой «Тезей» – трагедия – первая часть. Писала с осени вторую, но прервалась письмом к Рильке, которое кончила только вчера. (В тоске.)

Спасибо за любование Муром.[672] лестно (сердцу). Да! У тебя в письме: звуковой призрак, а у меня в «Тезее»: «Игры – призрак и радость – звук».[673] Какую силу, кстати, обретает слово – призрак в предшествии звукового, какой силой наделен такой звуковой призрак – думал?

Последняя веха на пути твоём к нему: письмо для него, пожалуйста, пришли открытым, чтобы научить критика иерархии и князя – вежливости.[674] (Примечание к иерархии: у поэта с критиком не может быть тайн от поэта. Никогда не пользуюсь именами, но – в таком контексте – наши звучат.) Письма твоего к нему, открытого, естественно, – не прочту.

Да! Самое главное. Нынче (8-го февраля) мой первый сон о нем, в котором не «не все в нем было сном», а ничто. Я долго не спала, читала книгу, потом почему-то решила спать со светом. И только закрыла глаза, как Аля (спим вместе, иногда еще и Мур третьим): «Между нами серебряная голова». Не серебряная – седая, а серебряная – металл, так поняла. И зал. На полу светильники, подсвечники со свечами, весь пол утыкан. Платье длинное, надо пробежать, не задевши. Танец свеч. Бегу, овевая и не задевая – много людей в черном, узнаю Рудольфа Штейнера (видела раз в Праге) и догадываюсь, что собрание посвященных. Подхожу к господину, сидящему в кресле, несколько поодаль. Взглядываю. И он с улыбкой: «Rainer Maria Rilke». И я, не без задора и укора: «Ich weiss».[675] Отхожу, вновь подхожу, оглядываюсь: уже танцуют. Даю досказать ему что-то кому-то, вернее дослушать что-то от кого-то (помню, пожилая дама в коричневом платье, восторженная) и за руку увожу. Еще о зале: полный свет, никакой мрачности и все присутствующие – самые живые, хотя серьезные. Мужчины по-старинному в сюртуках, дамы – больше пожилые – в темном. Мужчин больше. Несколько неопределенных священников.

Другая комната, бытовая. Знакомые, близкие. Общий разговор. Один в углу, далеко от меня, молодой, другой рядом – нынешний. У меня на коленях кипящий чугун, бросаю в него щепку (наглядные корабль и море). – «Поглядите, и люди смеют после этого пускаться в плаванье!» – «Я люблю море: мое: Женевское». (Я, мысленно: как точно, как лично, как по-рильковски) – «Женевское – да. А настоящее, особенно Океан, ненавижу. В St. Gilles'е...» и он mit Nachdruck:[676] «В St. Gilles'е все хорошо», – явно отождествляя St. Gilles – с жизнью. (Что впрочем и раньше сделал в одном из писем: St. Gilles-sur-Vir (survie)).[677] «Как Вы могли не понимать моих стихов, раз так чудесно говорите по-русски?» – «Теперь». (Точность этого ответа и наивность этого вопроса оценишь, когда прочтешь Письмо.) Все говоря с ним – в пол-оборота ко мне: «Ваш знакомый...», не называя, не выдавая. Словом, я побывала у него в гостях, а он у меня.

Вывод: если есть возможность такого спокойного, бесстрашного, естественного, вне-телесного чувства к «мертвому» – значит оно есть, оно-то и будет там. Ведь в чем страх? Испугаться. Я не испугалась, а первый раз за всю жизнь чисто обрадовалась мертвому. Да! еще одно: чувство тлена (когда есть) очевидно связано с (приблизительной) деятельностью тлена; Рудоль Штейнер, например, умерший два года назад, уже совсем не мертвый, ничем, никогда.

Этот сон воспринимаю, как чистый подарок от Рильке, равно как весь вчерашний день (7-ое – его число) давший мне все (около 30-ти) невозможных, неосуществимых места Письма. Все стало на свое место – сразу.

По опыту знаешь, что есть места недающиеся, неподдающиеся, невозможные, к которым глохнешь. И вот – 24 таких места в один день. Со мной этого не бывало.

Живу им и с ним. Не шутя озабочена разницей небес – его и моих. Мои – не выше третьих, его, боюсь, последние, т. е. – мне еще много-много раз, ему – много –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
один. Вся моя забота и работа отныне – не пропустить следующего раза (его
последнего).

Грубость сиротства – на фоне чего? Нежности сыновства, отцовства?

Первое совпадение лучшего для меня и лучшего на земле. Разве не естественно, что
ушло? За что ты принимаешь жизнь?

Для тебя его смерть не в порядке вещей, для меня его жизнь – не в порядке, в
порядке ином, иной порядок.

Да, главное. Как случилось, что ты средоточием письма взял частность твоего со
мною – на час, год, десятилетие – разминовения, а не наше с ним – на всю жизнь,
на всю землю – расставание. Словом, начал с последней строки своего последнего
письма, а не с первой – моего (от 31-го). Твое письмо – продолжение. Не странно?
Разве что-нибудь еще длится? Борис, разве ты не видишь, что то разминовение,
всякое, пока живы, частность – уже уничтоженная. Там «решал», «захотел»,
«пожелал», здесь: стряслось.

Или это – сознательно? Бессознательный страх страдания? Тогда вспомни его
Leid,[678] звук этого слова, и перенеси его и на меня, после такой потери ничем
не уязвимой, кроме еще – такой. Т. е. не бойся молчать, не бойся писать, все это
раз и пока жив, неважно.

Дошло ли описание его погребения... Немножко узнала о его смерти: умер утром,
пишут – будто бы тихо, без слов, трижды вздохнув, будто бы не зная, что умирает
(поверю!). Скоро увижусь с русской, бывшей два последних месяца его
секретарем.[679] Да! Две недели спустя, получила от него подарок – немецкую
Мифологию 1875 г. – год его рождения. Последняя его книга, которую он читал,
была Paul Valéry (вспомни мой сон).[680]

Живу в страшной тесноте, две семьи в одной квартире, общая кухня, втроем в
комнате, никогда не бываю одна, страдаю.

Кто из русских поэтов (у нас их нет) пожалел о нем? Передал ли мой привет автору
«Гренады»? (Имя забыла)

Да, новая песня
и новая жисть.
Не надо, ребята,
о песнях тужить.
Не надо, не надо,
не надо, друзья!
Гренада, Гренада, Гренада моя.
Версты эмигрантская печать безумно травит. Многие не подают руки (Ходасевич
первый).[681] Если любопытно, напишу пространнее.

15-го июля 1927 года.

О, Борис, Борис, как я вечно о тебе думаю, физически оборачиваюсь в твою сторону
– за помощью! Ты не знаешь моего одиночества... Закончила большую поэму.[682]
Читаю одним, читаю другим – полное – ни слога! – молчание, по-моему неприличное,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и вовсе не от избытка чувств! – от полного недохождения, от ничего-не-понятности ... А мне – ясно, и я ничего не могу сделать. Недавно писала кому-то: «Думаю о Борисе Пастернаке – он счастливее меня, потому что у него есть двое-трое друзей – поэтов, знающих цену его труду, у меня же ни одного человека, который бы – на час – стихи предпочел бы всему». Это – так. У меня нет друзей. Есть дамы – знакомые, приятельницы, покровительницы, иногда любящие (чаще меня, чем стихи, а если и берущие в придачу стихи, то, в тайне сердца, конечно, стихи 1916 года). Для чего же вся работа? Это исписыванье столбцов, и столбцов, и столбцов – в поиске одного слова, часто не рифмы даже, слова посреди строки, почему – не знаю, но свято долженствующее звучать как –, а означать –! Ты это знаешь. Поэтому меня и прибывает к тебе, как доску к берегу...

В жизни я как-то притерпелась к боли... Даже физически: беру раскаленное – и не чувствую, все говорят: липы цветут – не слышу, точно кто-то – бережа и решив – довольно! – залил меня, бескожную, в нечто непроницаемое. Помнишь Зигфрида и Ахиллеса? Помнишь липовый лист одного и пята – другого?[683] – Ты.

Ты наверное переоцениваешь мою книгу стихов.[684] Только и цены в ней, что тоска. Даю ее, как последнюю лирическую, знаю, что последнюю. Без грусти. То, что можешь, – не должно делать. Вот и все. Там я всё могу. Лирика (смеюсь, – точно поэмы не лирика! Но условимся, что лирика – отдельные стихи) – служила мне верой и правдой, спасая меня, вывозя меня – и заводя каждый час по-своему, по-моему. Я устала разрываться, разбиваться на куски Озириса.[685] Каждая книга стихов – книга расставаний и разрываний, с перстом фомы[686] в рану между одним стихом и другим. Кто же из нас не проставил конечную черту без западания сердца: а дальше? Между поэмой и поэмой промежутки реже, от раза до разу рана зарастает. Большие вещи – вспомни Шмидта – stable fixe,[687] лирика – разовое, дневное, вроде грабежа со взломом счастливого часа. (Если попадет в твою лирическую волну – посмейся!)

Борис, ты когда-нибудь читал Тристана и Изольду в подлиннике?[688] Самая безнравственная и правдивая вещь без виноватых, со сплошь невинными, с обманутым королем Марком, любящим Тристана и любимым Тристаном, с лжеклятвой Изольды, с постоянным нарушением самых святых обетов, с – наконец! – женитьбой Тристана на другой Изольде (как будто есть другая!) – «aux blanches mains»[689] – из малодушия, из безнадежности, из, если хочешь, душевного расчета. И как из этого ничего не вышло, и как из всей любви ничего не вышло, потому что умерли врозь...

История, ничем не отличная от истории Кая и Герды[690] ...

Сдаю в один журнал «С моря» (прошлолетнее – тебе) и «Новогоднее» (письмо к Рильке), переписываю для другого «Поэму воздуха», не знаю, возьмут ли, сейчас должна приняться за Федру, брошенную тогда (31 декабря 1926 г.), на 2-й картине. Долг чести.

Лето проходит, не осуществившись. По три, часто не разрешившихся, грозы в день, по два хороших ливня, но... в летних платьях холодно, наспех вытаскиваю зимние шкуры. Вчера, 14 июля, глядела с нашего медонского железнодорожного моста на ракеты – и дрогла. И этого уже не люблю, не так люблю – больше по долгу службы.
...

Борис, ты не знаешь «С моря», «Новогоднего», «Поэмы воздуха» – сушайшего, что я когда-либо написала и напишу. Знаю, что надо собраться с духом и переписать, но переписка – тебе – безвозвратнее подписания к печати, то же, что в детстве – неожиданное выбрасыванье какого-нибудь предмета из окна курьерского поезда. Пустота детской руки, только что выбросившей в окно курьерского поезда-что? Ну, материнскую сумку, что-нибудь роковое...

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Борис, я соскучилась по русской природе, по лопухам, по неплющевому лесу, по себе – там. Если бы можно было родиться заново ...

Париж, 4-го июля 1928 г., среда

Дорогой Борис,

Сидим – Сережа, Родзевич и я – в пресловутой Ротонде[691] – переживаем время (до Серезиноного поезда). Сейчас 7 ч., Серезин поезд идет в 10¹/₂ ч., – оцениваешь эту бесконечность? Едет вслепую – в Ройяк[692] (найди на карте!). Мы: двое нас и двое детей считаемся *famille nombreuse*[693] (отец, мать и дитя – *famille moyenne*[694]).

А Ройяк, Борис, не доезжая до *Bordeaux*, севернее.

Рукою С. Я. Эфрона:

Я испытываю волнение больше, чем перед отъездом на фронт! Там враг за проволокой – здесь вокруг – в вагоне, на вокзале, на побережье, а главное в виде владельцев дач. Боюсь их (владельцев) больше артиллерии, пулеметов и вражеской конницы, ибо победить их можно лишь бумажником.

А кроме всего прочего – у меня врожденный ужас перед всеми присутствующими местами, т. е. перед людьми, для которых я – не я, а что-то третье, которым я быть не умею. Это не неврастения.

Обнимаю Вас и очень Вас чувствую.

СЭ.

Рукою К. Б. Родзевича:

Сергей Яковлевич уезжает уже целую неделю. Вместе с ним я побывал и на границе Испании и на берегах Женевского озера и на Ривьере и... но всего не перечислишь! Я так привык к этой смене мест, пейзажей, ожиданий и разочарований, что сейчас, когда отъезд стал реальным, я с грустью чувствую себя возвращенным домой. Но до отхода поезда еще 2 часа. А вдруг мне удастся продолжить мое неподвижное путешествие. Нет.

сложенные корзины, пакеты, вокзалы, справочные бюро – все говорит за то, что я остаюсь. Ваш К. Р.

Медон, 31-го декабря 1929 г.

– Борис! Это совпало с моим внезапным решением не встречать Нового Года, – отправить Алю туда, где меня будут ждать, а самой сидеть при спальном Муре и писать тебе. (Почему нет Серези, сейчас узнаешь.) «Борис! Аля ушла на Новый Год, сижу с Муром, который спит, и с тобой, которого нет», – так начиналось, предвосхищая сроки. Утром сказала Але, а вечером твое письмо – да как еще! Ездил в город, вернулась поздним поездом, на столе записка: «Мама! Очень интересное письмо. Если хотите получить – разбудите». (*Ruse de guerre*[695]) и я конечно не разбудила и конечно не искала, а письмо получила, потому что проснулась сама.

Борис, я с тобой боюсь всех слов, вот причина моего непи-санья. Ведь у нас кроме слов нет ничего, мы на них обречены. Ведь всё что с другими – без слов, через воздух, то теплое облако от – к – у нас словами, безголосыми, без поправки голоса. Мало произнесено (воздух съел) – утверждено, безмолвно пробрано. Борис, во всяком людском отношении слова только на выручку, на худой конец, и конец – всегда худой. Ведь говорят – на прощанье. Есть у Степуна не знаю собственное ли, но исчерпывающее определение: «Романтики погибли оттого, что всегда жили последними». Каждое наше письмо – последнее. Одно – последнее до встречи, другое – последнее навсегда. Может быть оттого что редко пишем, что каждый раз – все заново. Душа питается жизнью, здесь душа питается душой, саможорство, безвыходность.

И еще, Борис, кажется, боюсь боли, вот этого простого ножа, который перевертывается. Последняя боль? Да, кажется, тогда, в Вандее, когда ты решил не-писать[696] и слезы действительно лились в песок – в действительный песок дюн. (Слезы о Рильке лились уже не вниз, а ввысь, совсем Темза во время отлива.)

С тех пор у меня в жизни ничего не было. Проще: я никого не любила годы – годы – годы. Последнее – вживе – то, из чего Поэма Конца, шесть лет назад. Рождение Мура все то – смыло, всё то, и российское все. Мне стало страшно – опять. И эту неприкосновенность – почувствовала. Я опять вернулась к своей юношеской славе: «не приступиться». Все это без слов. Совсем проще: я просто годы никого не целовала – кроме Мура и своих, когда уезжали. – Нужно ли тебе это знать?

Все это – начинаю так думать – чтобы тебе было много места вокруг, чтоб по пути ко мне ты не встретил ни одной живой души, чтобы ты ко мне шел по мне (в лес по лесу!), а не по рукам и ногам битв. И – никакого соблазна. Все что не ты-ничто. Единственный для меня возможный вид верности.

Но это я осознаю сейчас, на поверхности себя я просто закаменела. Ах, Борис, поняла: я просто даю (ращу) место в себе – последнему, твоему, не сбудься который у меня отсечено – всё быть – имеющее, все, на чем я тайно строю – всё.

Борис, последний день года, третий его утренний час. Если я умру, не встретив с тобой такого, – моя судьба не сбылась, я не сбылась, потому что ты моя последняя надежда на всю меня, ту меня, которая есть и которой без тебя не быть. Пойми степень насущности для меня того рассвета.

– Борис, я тебя заспала, засыпала – печной золой зим и морским (Муриным) песком лет. Только сейчас, когда только еще вот-вот заболит! – понимаю, насколько я тебя (себя) забыла. Ты во мне погребен – как рейнское сокровище – до поры.

С Новым Годом, Борис, – 30-тым! А нашим с тобой – седьмым! С тридцатым века и с седьмым – нас. Увидимся с тобой в 1932 – потому что 32 мое с детства любимое число, которого нет в месяце и нужно искать в столетии. Не пропусти!

М.

NB! Меня никто не позвал встречать Новый Год, точно оставляя – предоставляя – меня тебе. Такое одиночество было у меня только в Москве, когда тебя тоже не было. Не в коня эмиграции мой корм!

А идти я собиралась на новогоднюю встречу Красного Креста, ни к кому. Не пошла из-за какого-то стыда, точно бегство от пустого стола. Письмо стóбит стакана!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это письмо от меня – к тебе, от меня-одной – к тебе-одному (твоей – моему).
Вслед другое, о всем, что еще есть.

Нынче ночью – вслед – другое письмо. Про все. Обнимаю тебя.

Конец октября 1935 года

Дорогой Борис! Отвечаю сразу – бросив всё (полу-слух, как когда читаешь письмо.
Иначе начну думать, а это заводит далёко).

О тебе: право, тебя нельзя судить, как человека ... Убей меня, я никогда не пойму, как можно проехать мимо матери на поезде, мимо 12-летнего ожидания. И мать не поймет – не жди. Здесь предел моего понимания, человеческого понимания. Я, в этом, обратное тебе: я на себе поезд повезу, чтобы повидаться (хотя, может быть, так же этого боюсь и так же мало радуюсь). И здесь уместно будет одно мое наблюдение: все близкие мне – их было мало – оказывались бесконечно-мягче меня, даже Рильке мне написал: *Du hast recht, doch Du bist hart*[697] – и это меня огорчало потому, что иной я быть не могла. Теперь, подводя итоги, вижу: моя мнимая жестокость была только – форма, контур сути, необходимая граница самозащиты – от вашей мягкости, Рильке, Марсель Пруст и Борис Пастернак. Ибо вы в последнюю минуту – отводили руку и оставляли меня, давно выбывшую из семьи людей, один на один с моей человечностью. Между вами, нечеловеками, я была только человек. Я знаю, что ваш род – выше, и мой черед, Борис, руку на сердце, сказать: – О, не вы: это я – пролетарий.[698] – Рильке умер, не позвав ни жены, ни дочери, ни матери. А все – любили. Это было печение о своей душе. Я, когда буду умирать, о ней (себе) подумать не успею, целиком занятая: накормлены ли мои будущие провожатые, не разорились ли близкие на мой консилиум, и м. б. в лучшем эгоистическом случае: не растащили ли мои черновики.

Собой (ду – шой) я была только в своих тетрадях и на одиноких дорогах – редких, ибо я всю жизнь – водила ребенка за руку. На «мягкость» в общении меня уже не хватало, только на общение: служение: бесполезное жертвоприношение. Мать-пеликан в силу созданной ею системы питания – зла. – Ну, вот.

О вашей мягкости: Вы – ею – откупаетесь, затыкаете этой гигроскопической ватой дыры ран, вами наносимых, вопиющую глотку – ранам. О, вы добры, вы при встрече не можете первыми встать, ни даже откашляться для начала прощальной фразы – чтобы «не обидеть». Вы «идете за папиросами» и исчезаете навсегда и оказываетесь в Москве, Волхонка, 14, или еще дальше. Роберт Шуман забыл, что у него были дети, число забыл, имена забыл, факт забыл, только спросил о старших девочках: всё ли у них такие чудесные голоса?

Но – теперь ваше оправдание – только такие создают такое. Ваш был и Гёте, не пошедший проститься с Шиллером и X лет не проехавший во Франкфурт повидаться с матерью – бережась для Второго Фауста – или еще чего-то, но (скобка!) – в 74 года осмелившийся влюбиться и решивший жениться – здесь уже сердца (физического!) не бережа. Ибо в этом вы – растратчики... Ибо вы от всего (всего себя, этой ужасной жути: нечеловеческого в себе, божественного в себе) ... лечитесь самым простым – любовью ...

Я сама выбрала мир нечеловеков – что же мне роптать?

Моя проза: пойми, что пишу для заработка: чтения вслух, т. е. усиленно-членораздельного и пояснительного. Стихи – для себя, прозу – для всех (рифма – «успех»). Моя вежливость не позволяет мне стоять и читать моим «последним верным» явно непонятные вещи – за их же деньги. Т. е. есть часть моей

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
тщательности (то, что ты называешь анализом) – вызвана моей сердечностью. Я –
отчитываюсь. А Бунин еще называет мою прозу «прекрасной прозой, но
безумно-трудной», когда она – для годовалых детей.

...Твоя мать, если тебе простит, – та самая мать из средневекового стихотворенья –
помнишь, он бежал, сердце матери упало из его рук, и он о него споткнулся: «Et
voici le coeur lui dit: „T’es-tu fait mal, mon petit?“»[699]

Ну, живи. Будь здоров. Меньше думай о себе. Але и Сереже я передам, они тебя
вспоминают с большой нежностью и желают – как я – здоровья, писанья, покоя.

Увидишь Тихонова[700] – поклонись...

МЦ.

Из Парижа в Москву 1939 г.[701]

Начало утрачено

мне кажется – я бы умерла. (Но раньше бы – накормила и спешно передела в Мури
новый костюм.) Нынче я вас во сне уговаривала купить резиновые болотные сапоги –
я такие видела в (гениальном) провансальском фильме «La femme du boulanger»[702]
– у булочника (Raïmu[703]) сбежала жена – с пастухом M. le Marquis[704] – и
булочник перестал печь – и вся деревня – идет, ищет и учитель, и он-то, в
резиновых сапогах, переходит болото, неся на спине M. le Curé,[705] который –
издали завидев пару (они, как звери – в пещере) изгоняет из нее бесов –
по-латыни. Булочница возвращается – и булочник вновь печет. Никогда не смотрю
Прованса без сжатия сердца – за вас. La femme du boulanger – один из лучших
французских фильмов, а французский фильм сейчас – лучший в мире. Есть ряд
гениальных актеров (актрисы – слабее, и роли их – ничтожные). Есть один фильм –
совсем без женщин: мальчишеский интернат, с гениальным Эрихом фон
Штрохеймом[706] (немец, эмигрант, играет по-французски – и всегда немцев, в
Grande Illusion[707] – коменданта крепости). И лучшие актеры – пожилые:
Jouvet,[708] Raïmu, Stroheim, из молодых хороши – Blanchard[709] (NB! заказал
себе визитные карточки Beloff, честное слово! ибо всегда играет русских,
особенно Достоевского) и – совсем молодой – Jean Louis Barrault,[710] тот же
Blanchard в молодости. Остальные (молодые) – красивые, культурные и симпатичные,
и все – человеческие, и на человечности – весь французский фильм. Вчера Д.[711]
принес Муру билет на советский фильм: Oppenheimer,[712] и я – взвыла: – Да ведь
это же мой Jude Süss![713] и выпросила – тоже, и в воскресенье оба пойдем. (Jude
Süss – роман Фейхтванглера.)

ПАСТЕРНАКУ Л. О
Берлин, 29-го нового июня 1922 г.

Многоуважаемый господин Пастернак, Не откажите в любезности переслать это письмо
Вашему сыну. Я бы никогда не решилась беспокоить вас такой просьбой, если бы не
указание в письме самого Бориса Леонидовича. С совершенным уважением

М Цветаева.

11-го октября 1927 г.

Meudon (S. et. O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой господин Пастернак.

С благодарностью уведомляю Вас, что сумму в 1300 франков получила, и сожалею, что невольно доставила Вам столько хлопот.

Позвольте прибавить, что Вы, несомненно, счастливейший из отцов, ибо сын Ваш делает Вам честь.

Недавно в сборнике произведений современных поэтов я прочла его автобиографическую заметку, начинающуюся словами:

«Многим, если не всем, обязан отцу, академику Леониду Осиповичу Пастернаку, и матери...» Если Вы помните (чего явно не помнил Ваш сын, когда писал эти строки) – так начал свою книгу «Наедине с собой» Марк Аврелий. [714]

В наше время (которое ненавижу), когда каждый птенчик, выпавший из гнезда, считает себя слетевшим с неба, подобная исповедь в полном смысле слова неслыханна и лишь подтверждает небесное происхождение ее автора. Истинная величина никогда не приписывает себя – самой себе, в чем она, без сомнения, права. Это всегда вопрос преемственности, сыновности.

Моя вторая просьба, дорогой господин Пастернак, когда будете писать своему сыну, передать ему следующее: 1) я получила его книгу «1905 год», [715] которой восхищена всеми силами души, как и все его друзья, известные и неизвестные; 2) дети мои совсем поправились, я – почти (это вопрос терпения); [716] 3) как только у нас сделают дезинфекцию – это будет около 20-го – пошлю ему большое письмо, которое день за днем – пишу в свою черновую тетрадь.

И моя просьба – третья и последняя – примите от меня, дорогой господин (Пастернак), в знак моего восхищения и дружбы последнюю мою книгу стихов «После России» (выйдет в этом месяце) и не бойтесь ее «новизны». Всеми своими корнями я принадлежу к прошлому. А только из прошлого рождается будущее.

Марина Цветаева-Эфрон

5-го февраля 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Леонид Осипович,

Пишу Вам после 16-часового рабочего дня, усталая не от работы, а от заботы: целый день кручусь, топчусь, верчусь, от газа к умывальнику, от умывальника к бельевому шкафу, от шкафа к ведру с углями, от углей к газу, – если бы таксометр! В голове достукивают последние заботы: выставить бутылку – сварить

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Муру на утро кашу – заперт ли газ? Так – каждый день, вот уже – сколько? – да уж шесть лет, с приезда за границу. России не считаю, то (1917 г. – 1922 г., Москва) – неучтимо.

Времени на себя, т. е. стихи, совсем нет, всю жизнь работала по утрам, днем не могу, но хуже, вечером и ночью – совсем не могу, не та голова. А утра – непреложно – не мои. Утра – метла.

Я не жалею, я только ищу объяснения, почему именно я, так приверженная своей работе, всю жизнь должна работать другую, не мою. Дело не в детях – они помогают: дочь (14 лет, я вышла замуж 17-ти) вполне реально, сын (3 года) – тем, что существует. Дело – всю жизнь, даже в Революцию не верила! – может быть действительно – в деньгах?

Были бы деньги, села бы в поезд и приехала бы к вам (Вам и маме Бориса) в Берлин, посетила бы вашу выставку, [717] послушала бы о Вашей молодости и Борисином детстве, я люблю слушать, прирожденный слушатель – только не лекций и не докладов, на них сплю. Вы бы меня оба полюбили, знаю, потому что я вас обоих уже люблю. Борис мне чудно писал о своей маме – отрывками – полюбила ее с того письма.

А Борис совсем замечательный, и как его мало понимают – даже любящие! «Работа над словом»... «Слово как самоцель»... «Самостоятельная жизнь слова»... – когда все его творчество, каждая строка – борьба за суть, когда кроме сути (естественно, для поэта, высвобождающейся через слово!) ему ни до чего дела нет. «Трудная форма»... Не трудная форма, а трудная суть. Его письма, написанные с лету, ничуть не «легче» его стихов. – Согласны ли Вы?

По его последним письмам вижу, что он очень одинок в своем труде. Похвалы большинства ведь относятся к теме 1905 года, то есть нечто вроде похвальных листов за благонравие. Маяковский и Асеев? Не знаю последнего, но – люди не его толка, не его воспитания, а главное – не его духа. Хотелось бы даже сказать – не его века, ибо сам-то Борис – не 20-го! Нас с ним роднят наши общие германские корни, где-то глубоко в детстве, «O Tannenbaum, o Tannenbaum» [718] – и всё отсюда разросшееся. И одинаковая одинокость. Мы ведь с Борисом собирались ехать к Рильке – и сейчас не отказались – к этой могиле дорожка не зарастет, не мы первые, не мы последние. – Дорогой Леонид Осипович, когда освободитесь, – запишите Рильке! Вы ведь помните его молодым. [719]

Много и с большим увлечением рассказывала о вас обоих Анна Ильинична Андреева, восхищалась московскостью жизненного уклада – «совсем арбатский переулочек!», а главное вашей – обоих – юностью и неутомимостью. Она меня очень благодарила за эту встречу, а я – ее за рассказ.

Горячо радуюсь делам выставки. Бесконечно жалею, что не увижу. Я Вас видела раз в Берлине, в 1922 г., где-то около Prager-Platz, Вы шли с совсем счастливым лицом, минуя людей, навстречу закату. Я Вас очень точно помню, отпечаталось.

Ради Бога, не считайтесь сроками и письмами, для меня большая радость Вам писать. Давайте так: Ваша мысль в ответ пойдет за письмо.

МЦ.

Да! Недавно, с оказией, послала Борису чудный портсигар с металлическим (змейкой) затвором и зажигалку, самую лучшую, – ее мне недавно подарили. Что раньше потеряет?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
9-го февраля 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Леонид Осипович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: не найдете ли Вы мне нескольких подписчиков на мою книгу стихов «После России»? Посылаю в отдельном конверте 5 бланков.

Техника такова: подписчик заполняет бланк и отправляет его издателю с соответствующей суммой. Деньги идут не мне, а в типографию в уплату за книгу, – чтобы только не выглядело, что я прошу на себя! Я со всей книги наверное ничего не получу.

Если окажутся желающие, поторопите их с осуществлением, от него зависит появление книги.

Это называется изданием по подписке, так издаюсь в первый раз и, по совести сказать – неприятно. Не по мне – «роскошная» бумага и нумерованные (хотя бы от руки!) экземпляры. [720] Моя нумерация – сердечная.

Ради Бога, не думайте, что нужно устроить все 5 подписок, посылаю на всякий случай. Мне вообще очень стыдно за эту просьбу. Как за всё, касающееся денег, которые – если только (не старинная монета! – ненавижу).

Это не письмо, в счет не идет, откликнетесь, когда сможете. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦветаева

20-го марта 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d 'Arc

Дорогой Леонид Осипович,

Сердечное и, к большому стыду моему, сильно запоздавшее спасибо за подписки. Каждый день хотела благодарить и каждый день откладывала из-за желания сделать это по существу. Но очевидно и сегодня не удастся. Знаете ли Вы гениальное стихотворение какого-то нашего современника (сама не читала, говорю со слов), кончающееся припевом – «у нас есть всё: то-то, то-то и еще это – nur Zeit[721]». (Стихотворение о рабочих) – Так и я.

Часто получаю письма от Бориса, он по-моему замучен людьми, – не оборотная, а лицевая сторона славы!

Поэты, не умеющие писать стихи и приходящие к нему за рецептом, не думая о том,
Страница 239

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
что он-то сам – ни к кому не ходил! В России 10 тысяч зарегистрированных поэтов – нет, ошибаюсь: в одной Москве! В России-то, наверное, тысяч сто!

Всячески внушаю Борису жёсткость, если не жестокость. День состоит из часов, часы из минут. «На минутку».... Мой рецепт Борису – формула: «Вас много, а я один».

– О книжках. Как только будут пришлю все три Вам, Вы раздадите.

Еще раз, дорогой Леонид Осипович, от всего сердца спасибо за помощь. Сердечный привет и наилучшие пожелания Вам и Розе Исаевне.[722]

МЦ.

ПАСТЕРНАКАМ Л. О. и Р. И
21-го декабря 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогие папа и мама Бориса,

Сердечное спасибо за чудесные подарки и память. Медведя-болонку хотела додержать до Рождества, но Мур (сын) услышал писк и примчался, – всё было поздно. Спит с ним, ест с ним, гуляет с ним, а на вопрос, откуда такое чудо: «А это от папы и мамы Болиса Пастенака». – «А кто Борис Пастернак?»

– «Паёт: поёт всё время». – Если бы! –

Пишу Вам эти несколько строк только чтобы поблагодарить, очень хочу написать Вам большое письмо о Борисе, о его 1905 годе, – многом.

Как зовут Борисину маму?

– 29-го годовщина Рильке.

«Dunkle Zypressen!
Die Welt ist gar zu lustig!
Es wird doch alles vergessen».[723]

Когда-нибудь – если встретимся – прочту Вам его стихи ко мне, последнюю из его Duineser Elegien,[724] написанную за 4 месяца до его смерти. Знает ее кроме меня только Борис. Но Вам покажу, и то письмо покажу, где он о Вас, дорогой Леонид Осипович, писал: Ваше имя русскими буквами.

Все это – стихи, письма, карточки – когда умру завещаю в Рильковский – музей? (плохое слово) – в Rilke-naus,[725] лучше бы – Rilke-hain![726] который наверное будет. Не хочу, чтобы до времени читали, и не хочу, чтобы пропало. В Россию, как в хранилище не верю, всё еще вижу ее пепелищем.

До свидания! Еще раз спасибо за память и внимание. Чулки чудные, поделилась с дочерью, а сын к весне как раз дорастет: он у меня великан.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

P. S. Это не письмо. Письмо – впереди. Да! главное: внук или внучка? Как адрес Вашей дочери в Мюнхене и как ее имя?[727]

Как Вам понравилась госпожа Андреева? Ее мало любят, я ее люблю.

ЧИРИКОВОЙ Л. Е
Мокрые Псы, 4-го нового августа 1922 г.

Дорогая Людмила Евгеньевна!

Пока – два слова. Еще не устроились, живем в Мокрых Псах, в чужой комнате. Нынче переезжаем к леснику. Это очень высоко, совсем в горах, в солнечную погоду будет прекрасно.

Людей – никого.

Я всегда радуюсь новому, буду играть (сама с собой и сама для себя) – лесную сказку с людоедом-лесником и ручными ланями.

Ваших видела два раза. Вы не похожи ни на сестру, ни на брата, Вы старше (внутренне), более выявлены.[728]

Ходили с Вашим братом нынче к леснику (Сереза боялся), а вчера вечером были у них в гостях и я съела все вишни из-под наливки.

Эти деньги – мой немецкий остаток, постепенно перешлю Вам все, если можно – купите мне в Salamander[729] Bergschuhe,[730] 38 номер. (Желтые, грубоватые, довольно низкий каблук).

Пусть они будут у Вас, с Серезиными. И – покорнейшая просьба – обменяйте там же Серезины башмаки на 45 номер, в 46-ом он утонет. Словом, возьмите на номер меньше, той же формы.

Простите за поручение, больше не буду утруждать. Целую нежно. Пишите на Серезу: Praha VIII, Libeň Swobodarna, Herrn Sergius Efron (для меня).

Долг (чешскими) перешлю на днях.

МЦ.

Приписка на полях:

Если есть деньги, купите мне башмаки (Bergschuhe, с языком!) сразу, сколько бы ни стоили. Деньги (германские) перешлю в течение недели.

Мокропсы, 16-го нового Октября 1922 г.

Дорогая Людмила Евгеньевна,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Будьте моим спасательным кругом: пойдите с этим письмом к Абраму Григорьевичу Вишняку, передайте ему его в руки, настаивайте, чтобы прочел при Вас и добейтесь ответа.

(Письмо прочтите!)

Адрес его: Bambergerstrae 7, угловой дом с Pragerstrae, на окне огромная вывеска – Геликон – сразу в глаза бросается.

Бывает он в издательстве, по-моему, около 121/2 дня, а потом вечером, от 5-ти до 6-ти. – Так, по крайней мере, бывал раньше.

К сожалению, забыла № его телефона, а то можно было бы позвонить, чтоб не ходить даром. Но лучше, чтобы какой-нибудь мужчина позвонил, если Вы назовете себя, он сразу свяжет со мной.

Письма ни за что в издательстве не оставляйте: важно, чтобы оно было передано ему в руки.

Все это очень конспирационно, когда-нибудь, при встрече, объясню.

Будьте милы, но тверды. Можете, между прочим, вскользь бросить, что может быть скоро сама буду в Берлине (не собираюсь – исключительно на предмет утешения!) – но что не наверное – и что рукописи убедительно прошу переслать.

Ради Бога, не перепутайте писем и не дайте ему, вместо его – своего!

Получили ли Вы мое последнее письмо? Вы кажется тогда были в Гамбурге.

Очень ли свирепствует Каплун?[731] напишите подробно! – Что с Царь-девицей?

Скоро напишу еще. Целую нежно.

МЦ.

Обставить можно очень изящно: «Марина Ивановна знает, как Вы заняты, и боится, что за другими делами опять не удосужитесь ей ответить...» и т. д.

Опишите всю встречу подробно!

Между его трогательными проводами тогда – помните? – и теперешним поведением (упорное молчание на деловые письма) не лежит ничего.

Я, по крайней мере, не оповещена, – догадываюсь. – Это жест страуса, прячущего голову[732] – и, главное ОТ МЕНЯ, которая от высокомерия так – всегда – всё –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
наперед прощает!

Мокропсы, 3-го нового ноября, 1922 г.

Моя дорогая Людмила Евгеньевна,

Бесконечное спасибо за всё, – вчера прибыли первые геликоновы грехи: книжка
Ахматовой – и покаянное письмо.

Глубоко убеждена, что я в этом покаянии ни при чем. – Вы были тем жезлом Аарона
(?), благодаря коему эта сомнительная скала выпустила эту сомнительную слезу.

– В общем: крокодил. А впрочем – черт с ним!

Вы мне очень помогли, у меня теперь будут на руках мои прежние стихи, которые
всем нравятся.

С новыми (сивиллиными словами) я бы пропала: никому не нужны, ибо написаны с
того берега: с неба!

Давайте говорить о Вас.

Вы уезжаете. [733] – Рукоплещу. – Но есть два уезда: от – и: к. Предпочла бы
первое: это благородный жест: женщина как я ее люблю.

Не отъезд: отлет.

Если же к – или: с – что ж, и это надо, хотя бы для того, чтобы потом трижды
отречься, отрясти прах.

Душа от всего растет, больше всего же – от потерь.

Вы – настоящий человек, к тому же – юный, я с первой встречи любовалась этим
соединением, люди ошибаются, когда что-либо в человеке объясняют возрастом:
человек рождается ВЕСЬ! Заметьте, до чего мы в самом раннем возрасте и – через
года и года! – одинаковы, любим все то же. Какая-то непреходящая невинность.

Но люди замутняют, любовь замутняет, в 20 лет думаешь:

новая душа проснулась! – нет, просто старая праматерина Евина плоть. А потом это
проходит, и в 60 лет ты под небом все тот же – все та же – что в 6 лет. (Мне
сейчас – 600!)

Так или иначе, от кого бы и к кому бы (от чего бы и к чему бы, п. ч. Ваша судьба
в чувствах, а не в людях!) – от чего бы и к чему бы Вы не ехали – Вы едете в
свою же душу (Ваши события – все внутри), кроме того в вечный город, так много
видевший и поглотивший, что поневоле все остро-личное стихнет, преобразится.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У Вас будет Сена, мосты над ней, туманы над ней: века над ней. Tombeau des Invalides, [734] – Господи: Версаль в будни, когда никого нет, Версаль с аллеями, с прудами, с Людовиками!

Я жила в Париже, – давно, 16-ти лет, жила одна, сурово, – это был скорей сон о Париже, чем Париж. (Как вся моя жизнь – сон о жизни, а не жизнь!)

Пойдите в мою память на Rue Bonaparte, я там жила: 59-bis. Жилище выбрала по названию улицы, ибо тогда (впрочем, это никогда не пройдет!) больше всех и всего любила Наполеона.

Rue Bonaparte – прелестная: католическая и монархическая (légitimiste! [735]), – в каждом доме антикварная лавка.

Хорошо бы, если бы Вы там поселились: по плану – между площадями St. Germain des Prés и St. Germain d'Auxerrois, на самой Сене, – Латинский квартал.

И, что особенно должно привлечь Вас – в каждом окошке по 110-летнему старику и 99-тилетней старушке.

Мокропсы, 4-го нового апреля 1923 г.

Моя дорогая Людмила Евгеньевна,

Посылаю Вам 20 франков с следующей мольбой: купите на них шоколаду и отнесите его сами, лично, пораньше утром, чтобы застать, по следующему адресу: Bd. des Invalides, 2, Rue Duroc (chez Beaumont) – Сергею Михайловичу Волконскому. Это моя лучшая дружба за жизнь, умнейший, обаятельнейший, стариннейший, страннейший и – гениальнейший человек на свете.

Ему 63 года. Когда Вы выйдете от него, Вы забудете, сколько Вам. И город забудете, и век, и число.

Цветов не покупайте: он любит шоколад.

Вторая просьба: не могли ли бы Вы что-нибудь устроить ему со шведскими переводами? В его книге «Родина» (1860–1921) много для иностранцев любопытного. (Книга восхитительна, Ваш отец в восторге, все Ваши читают.) Моя дорогая умница, моя нежная умница, мне никогда не стыдно Вас просить, мне только жаль, что Вы никогда у меня ничего не просите.

Ваше очаровательное письмо получила. Я вас очень люблю, знайте это. Вы во всем настоящая, я всегда говорю Сереже – «Если бы Людмила Евгеньевна здесь была, я была бы вдвое счастливее!»

Мужская дружба с женщиной, – что лучше?!

Не писала, потому что завалена работой: переписываю огромную книгу прозы. [736]
Страница 244

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Глаза болят. (Печатным шрифтом!) Было много разных корректур. В промежутках – стихи, которые хотят быть написанными! День летит, дни летят.

Подружитесь с Волконским! Он очень одинокий человек, я с ним умела, и Вы с ним сумеете. Это большая духовная ценность, у него мало друзей. Познакомилась я с ним в Москве, в январе 1920 г., и люблю его, как в первый день.

Я знаю, что идти к чужому трудно – но Вы же героиня! Вы же не ищете легкого! И, только переступив порог, – Вы сразу поймете.

В следующий раз – больше, о весне, о Вас, о себе, обо всем. – С Вашими дружу, особенно с Евгением Николаевичем. Пасху верно будем встречать вместе.

Целую нежно.

МЦ.

P. S. Только не откладывайте! Шоколад должен ступить изобразить пасхальное приветствие.

Приписка на полях:

P. S. Шоколад купите плитками, в коробках дорого.

Прага, 27-го нового апреля, 1923 г.

Моя дорогая Людмила Евгеньевна,

Пишу Вам в Праге, посему карандашом. (Без пристанища.) Спасибо бесконечное за поход к Волконскому, когда не знаешь другого, он – отвлеченность, а ради отвлеченности лишней раз веками не взмахнешь. Вы поверили мне на слово, что Волконский – есть. Спасибо.

Спасибо еще за то, что поняли, увидели, проникли (в сущность иногда трудней, чем в дом, – даже запертой!). Он очень одинокий человек: уединенный дух и одинокая бродячая кость. Его не надо жалеть, но над ним надо задуматься. Я бы на Вашем месте дружила: заходила иногда, заводила, – он любит мрачные углы, подозрительные закоулки – tout comme Vous. [737]

Он отлично знает живопись, и как творческий дух – всегда неожиданен. Его общепринятостями (даже самыми модными!) не собьешь.

И вообще это знакомство, которое стоит длиться. Это последние отлетающие лебеди того мира! (NB! Если Сергей Михайлович лебедь, то – черный. Но он скорей старый орел.)

А мы судимся. Да, дитя мое, самым мрачным образом. Хозяева подали жалобу,
Страница 245

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
староста пришел и наорал (предлог: сырые стены и невымытый пол) и вот завтра в ближайшем городке – явка. Мы всю зиму прожили в этой гнилой дыре, где несмотря на ежедневную топку со стен потоки струились и по углам грибы росли, – и вот теперь, когда пришло лето, когда везде – рай, – «Испортили комнату, – убирайтесь на улицу». Сережа предстоящим судом изведен, издерган, я вообще устала от земной жизни. Руки опускаются, когда подумаешь, сколько еще предстоит вымытых и невымытых полов, вскипевших и не вскипевших молók, хозяек, кастрюлек и пр.

Денег у меня никогда не будет, мне нужно мно – о – го: откупиться от всей людской низости: чтобы на меня не смел взглянуть прохожий, чтобы никогда, нигде не смел крикнуть кондуктор, чтобы мне никогда не стоять в передней, никогда и т. д.

На это не заработаешь.

Ах, как мне было хорошо в Берлине, как я там себя чувствовала человеком и как я здесь хуже последней собаки: у нее, пока лает, есть право на конуру и сознание конуры. У меня ничего нет, кроме ненависти всех хозяев жизни; за то, что я не как они. Но это шире крохотного вопроса комнаты, это пахнет жизнью и судьбой. Это нищий – пред имущими, нищий – перед неимущими (двойная ненависть), один перед всеми и один против всех. Это душа и туши, душа и мещанство. Это мировые силы столкнулись лишний раз! Не умею жить на свете!

Вы верите в другой мир? Я – да. Но в грозный. Возмездия! В мир, где царствуют Умыслы. В мир, где будут судимы судьи. Это будет день моего оправдания, нет, мало: ликования! Я буду стоять и ликовать. Потому что там будут судить не по платью, которое у всех здесь лучше, чем у меня, и за которое меня в жизни так ненавидели, а по сущности, которая здесь мне и мешала заняться платьем.

Но до этого дня – кто знает? – далёко, а перед глазами целая вереница людских и юридических судов, где я всегда буду неправой.

30-го нов(ого) апреля 1923 г.

Продолжаю письмо уже в Мокропсах. (Еще в Мокропсах! Toujours[738] Мокропсах!). Знаете, чем кончился суд? Сережа поехал с другим студентом (переводчиком), хозяин (обвинитель) студента принял за адвоката, испугался и шепотом попросил судью – попросить «пана Сергия» почаще мыть пол в комнате... «а то – блэхи» (блохи)!!! Судья пожал плечами. «Адвокат», учтя положение, заявил, что полы чисты как снег. Судья махнул рукой. Этим и кончилось. Первым (в Мокропсы) вернулся хозяин: в трауре, в цилиндре, – вроде гробовщика. Мрачно и молча поплелся к себе, переделся и тут же огромной щеткой стал мыть одно учреждение (как раз под моим окном) – в сиденье которого потом, неизвестно почему, вбил два кола. (М.б. он считает нас за упырей? Помните, осиновый кол!)

Этим и кончилось.

(Цель обвинения была, ввиду сезона, выселить нас и взять вместо 220 крон – 350, а то больше!)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Все ваши принимали самое горячее участие в нашем суде и судьбе: и советовали, и направляли, Евгений Николаевич написал мне письмо к некому Чапеку (переводчику), – было очень трогательно.

Вся деревня на нашей стороне, а это больше, чем Париж, когда живешь в деревне!

Получила нынче письмо от моего дорогого Сергея Михайловича. Пишет, что был у Вас, очень доволен посещением. Утешьте его *de vive voix*[739] (Вы меня заражаете Францией!) в истории с Лукомским,[740] если ее знаете. Последний ведет себя как негодяй, прислал Сергею Михайловичу наглешее письмо с упреками в неблагодарности, с попреками гостеприимством и прочими прелестями. Заведите речь, просто как художник, упомяните имя Лукомского, он Вам расскажет. (На меня не ссылайтесь!) Вам будет забавно послушать.

Лукомского я видела раз в Берлине: фамильярен, аферист и сплетник.

Нынче еду в Прагу на штейнера.[741] (Вы кажется о нем слышали: вождь всей антропософии, Ася Белого[742] была его любимейшей ученицей.) Хочу если не услышать, то узреть. По более юным снимкам у него лицо Бодлера, г. е. Дьявола.

У нас дожди, реки, потоки. Весна тянется третий месяц, нудная. Пишу и этим дышу. Но очень хочется вон; прочь, – только не знаю: из Мокропсов или с этого света?

Целую нежно. Пишите.

МЦ.

Еще раз: горячее спасибо за Сергея Михайловича.

Приписка на полях:

P. S. Похудела ли Цетлиниха?[743]

Ноябрь. Париж 1926 г.

Дорогая Людмила Евгеньевна! Спасибо за привет и память. И за те давние дары. Мур до сих пор ходит (NB! иносказательно) в Аленушкиной[744] голубой рубашечке.

Париж мне, пока, не нравится, – вспоминаю свой первый приезд, – головокружительную свободу. (16 лет – любовь к Бонапарту – много денег – мало автомобилей.) Теперь денег нет, автомобили есть, – и есть литераторы, мерзейшая раса, – и есть богатые – м. б. еще более мерзейшая. У меня все растет ирония, и все холодеет сердце. Реально – здесь – для устройства вечера стихов. К Рождеству ждем Сережу, м. б. удастся достать место, – иждивение его кончается.

Аля огромная, с двумя косами, веселая, очень гармоничная, – ни в Сережу, ни в меня. Мур чудный: 30 фунтов, с ярко-голубыми глазами, длиннейшими ресницами, отсутствующими бровями и проблематическими волосами. Красивые руки – пальцы сходят на нет. Будет скрипачом.

А я? Жизнь все больше и больше (глубже и глубже) загоняет внутрь. Иногда мне кажется, что это не жизнь и не земля – а чьи-то рассказы о них. Слушаю, как о

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
чужой стране, о чужом путешествии в чужие страны. Мне жить не нравится и по
этому определенному оттолкновению заключаю, что есть в мире еще другое что-то.
(Очевидно – бессмертие.) Вне мистики. Трезво. Да! Жаль, что Вас нет. С Вами бы я
охотно ходила – вечером, вдоль фонарей, этой уходящей и уводящей линией, которая
тоже говорит о бессмертии.

МЦ.

– Наташе нужно в Америку. Одна сестра – замуж, другая – за океан.[745] А новый
материк ведь не меньше человека?

СТРУВЕ П. Б
21-го сентября 1922 г.

Многоуважаемый Петр Бернардович,

Месяца два тому назад мною были переданы в Редакцию «Русской Мысли» стихи.
Хотела бы знать о их судьбе и, если они приняты, получить гонорар. В «Воле
России» я получала 2 кроны за строчку.

Одно стихотворение, как я уже говорила Вашему сыну. отпадает, ибо было
напечатано Эренбургом в «Портретах русских поэтов».[746] («Ох грибок ты мой,
грибочек...») Могу, если нужно, заменить его другим.

Податель сего письма, мой добрый знакомый Виталий Васильевич Зуев, живущий так
же как и я, во Вшенорах, любезно взялся зайти в Редакцию. – Я в городе бываю
редко и, к сожалению, всё в Ваши неурочные часы. Глеб Петрович предупредил
меня, что Вы очень заняты.

Прошу передать ответ и – если полагается – гонорар вышеназванному моему
знакомому.

Простите за беспокойство. Шлю привет. – Когда-нибудь, надеюсь, познакомимся
лично.

Марина Цветаева

Январь – февраль 1923 г.

Милый Петр Бернардович,

Очень жалею, что не застала, мне сказали, что Вы принимаете по вторникам, в 6 ч.

Оставляю у вас статью о книге Волконского «Родина», [747] не знаю, подойдет ли
для Русской Мысли (если она будет выходить). Очень хотела бы, чтобы Вы
просмотрели ее поскорее, у меня другого экземпляра нет, а в случае, если Русская
Мысль не примет, мне надо стучаться в другие места.

Простите за почерк – замерзла. Шлю привет.

МЦветаева

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вшеноры, 4-го декабря 1924 г.

Дорогой Петр Бернгардович,

Вчера Сергей Яковлевич передал мне от Вашего имени деньги. Сердечное спасибо за внимание и доброту, – когда люди редко видятся, принято забывать.

Обращаюсь к Вам за советом: у меня до сих пор не издана книга так называемых «контр-революционных» стихов (1917–1921 г.), – все нашли издателей, кроме этой. Книжка небольшая, – страниц на 60. Некоторые из стихов печатались в «Русской Мысли». Хотелось бы, чтобы она существовала целиком, потому что, с моего ведома, такой книги еще не было.

Левые издательства, естественно, от нее отказываются.

Называется она «Лебединый стан», в России ее – изустно-хорошо знали.

Если есть какая-либо надежда на ее устройство – отзовитесь, тогда перепишу и представлю Вам.

Вопрос оплаты здесь второстепенен, – мне важно, чтобы тогдашний голос мой был услышан.

Привет и благодарность Вам и Нине Александровне. [748]

МЦветаева

Všenorý, číslo 23 (P.P. Dobřichovice)

СУВЧИНСКОМУ П. П
5-го нового ноября 1922 г.

Милый Петр Петрович,

– Мы с Вами немножко знакомы. – Обращаюсь к Вам с просьбой: сообщите, пожалуйста, адрес Ильина [749] – Сергею Михайловичу Волконскому. Он его тщетно разыскивает всюду.

Адрес князя Волконского:

Paris boulevard des Invalides

Rue Duroc, 2.

Простите, что так мало Вас зная – уже прошу, но мне о Вас много рассказывал Чабров. [750]

Шлю Вам привет.

Скоро выйдут две моих новых книги: «Царь-Девушка» и «Ремесло». – Тогда пришлю.
Страница 249

Марина Цветаева

Прага, 1922 г.

Приписка на лицевой стороне открытки:

Здесь я живу и буду жить всю зиму. – Последний дом в деревне –

«Как одинок последний дом в деревне, –
Как будто он – последний в мире дом!»
(Rilke) [751]

Париж, 25-го января 1926 г.

Милый Петр Петрович,

Позвольте порадовать Вас еще десятком двадцатипятифранковых (хорошо словцо?) билетов, отравой – если не отрадой – на ровно десять дней и ссорой со столькими же буржуями. [752]

С искренним соболезнованием

Марина Цветаева

Приписка рукой С. Я. Эфрона:

Жду Вас, как было условлено, в пятницу.

Привет, С. Эфрон

Февраль 1926 [753]

ШАТЕР (просто – костер – царственность – сирость).

В ШАТРЕ – и ОРДА, только за шатром. И мужское. Лучше Орды! Шатер – укрывающее, но не удушающее. Дом (или дворец) со сквозняком. [754]

А что у Гумилева – Шатер [755] – тем лучше! Гумилев – большой поэт, и такое воссоединение приятно. Кроме того, ШАТЕР – как простор – как костер – ДЛЯ ВСЕХ.

– вот Вам Петр. [756] – мц.

Лондон, 11-го марта 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Как мне в жизни не хватает старшего и как мне сейчас, в Лондоне, не хватает Вас!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мне очень трудно. Мой собеседник[757] молчит, поэтому говорю – я. И совсем не знаю, доходит ли и как доходит. Я ведь совсем не вожу людей, особенно вблизи, мне в отношении нужна твердая рука, меня ведущая, чтобы лейтмотив принадлежал не мне. И никто не хочет (м. б. не может!) этого взять на себя, предоставляют вести мне, мне, которая отродясь – ВЕДОМЫЙ!

Мы с Вами как-то не так встретились, не довстретились на этот раз, и вместе с тем Вы мне близки и дороги, ближе, дороже. У Вас есть слух на меня, на мое. Мне кажется, Вы бы сумели обращаться со мною (ох, как трудно! и как я сама себе – с людьми – трудна!) Мне нужен покой другого и собственный покой за него. Что мне делать с человеческим молчанием? Оно меня гнетет, сбивает, сшибает, я его наполняю содержанием, может быть вовсе и не соответствующим. Молчит – значит плохо. Что сделать, чтобы было хорошо? Я становлюсь неестественной, напряженно-веселой, совсем пустой, целиком заостренной в одну заботу: не дать воздуху в комнате молчать.

Вчера, в один вечер, я издержала столько, что чувствую себя – и ночь не помогла! – совсем нищей. Молчание другого – неизбежность моей растраты, впустую, зря. Человек не говорит. Не говорит и смотрит. И вот я под гипнозом молчания, глядения, – враждебных сил!

– «Я очень трудна. Вынесете ли Вы меня две недели?» Большая пауза. – «А Вы меня?»

Мне хотелось бы простоты, покоя, уверенности. А другой не помогает, недвижностью своей вызывая меня на сложность, смуту, сомнение, нечто явно-не мое, от чего унижена и страдаю. Знаете, – когда неверный воздух между людьми? ненадежный, быстро рвущийся.

Ах, кажется знаю! Не выношу, когда человек наполнен мною. Не выношу ответственности. Хочу – моим, своим, а не мною. Ведь я себя (лично) не люблю, люблю свое. Совпадение в своем – вот. А ведь иначе – одиночество, не-встреча, разминовение. Двое сходятся в третьем – да. Но двоим никогда не встретиться в одном из двух или друг в друге. X любит Y, а Y любит X = одиночество. X любит Y, а Y тоже Y = одиночество. X любит Z и Y любит Z – встреча. Z = свое (для X и для Y) совпадение в том, что выше и X и Y.

Напишите, права ли я и права ли моя тоска?

Переправа была ужасная.[758] Никогда не поеду в Америку. Лондон нравится. У меня классическая мансарда поэта. Так устала (меньше от моря, чем от молчания) что спала одетая и всю ночь ворочала какие-то глыбы.

Хочу в зверинец, смотреть британского льва, окунуться в чистоту и покой зверя.

Завтра вечер, билеты идут хорошо. Сегодня же перепишу и отошлю «Поэму Горы». [759] А Святополк-Мирскому Ремизов нравится, он очень огорчен разминовением с вами. (Я не читала.) [760]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милый друг, переборите лень и напишите мне хорошее большое письмо. Издалека видней.

Это письмо – только Вам, домой не пишу, потому что не хочу лишних тяжестей.

МЦ.

Адрес: London WCI

9, Torrington Sq[761]

– мне –

О высылке статьи и денег Мирскому говорила.

Если бы Вы знали, как мне тяжело!

Лондон, 15-го марта 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Вы просто не поняли моего почерка. Какая же у Вас лень, когда Вы начинены динамитом? Вы, за быстротой, просто неучиты. *Où êtes-Vous allé la pêcher?*[762] (Лень.)

А о себе и своем – раздвоении – Вы правы. Но у меня пуще чем разминовение – равнодушие. Мне нет дела до себя. Меня – если уж по чести – просто нет. Вся я – в своем, свое пожрало. Поэтому тащу человека в свое, никогда в себя, – от себя оттаскиваю: дом, где меня никогда не бывает. С собой я тороплюсь – как с умываньем, одеваньем, обедом, м. б. вся я – только это: несколько жестов, либо навязанных (быт), либо случайных (прихоть часа). Когда я говорю, я решаю, я действую – всегда плохо. Я – это когда мне скучно (страшно редко). Я – это то, что я с наслаждением брошу, сброшу, когда умру. Я – это когда меня бросает МОЕ. Я – это то, что меня всегда бросает. «Я» – всё, что не Я во мне, всё, чем меня заставляют быть. И диалог МОЕГО со мною всегда открывается словами:

«Вот видишь, какая ты дура!» (Мое – мне.)

И – догадалась: «Я» ЭТО ПРОСТО ТЕЛО.. *et tout ce qui s'en suit*: [763] голод, холод, усталость, скука, пустота, зевки, насморк, хозяйство, случайные поцелуи, прочее.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Всё НЕПРЕОБРАЖЕННОЕ.

Не хочу, чтобы это любили. Я его сама еле терплю. В любви ко мне я одинока, не понимаю, томлюсь.

«Я» – не пишу стихов.

Мандельштам «ШУМ ВРЕМЕНИ». Книга баснословной подлости. Пишу – вот уже второй день – яростную отповедь.[764] Мирский огорчен – его любезная проза.[765] А для меня ни прозы, ни стихов – ЖИЗНЬ, здесь отсутствующая. Правильность фактов – и подтасовка чувств. Хотелось бы поспеть к этому № журнала[766] – хоть петитом – не терпится.

Я по Вас соскучилась, я когда-нибудь еще буду очень Вас любить.

Если заняты, не отвечайте, это не переписка, я просто подаю голос. Вечер прошел удачно. Лекцию Дмитрий Петрович начал с посрамления Чехова, который ему более далек, чем нечитанный китайский поэт (хорошо ведь?) Стихи доходили.[767] Хочу на часть денег издать Лебединый Стан, он многим нужен, убедилась.

Была у Голицыных[768] – чудный и странный дом. Но хозяйка не любит собак.

До свидания, извлекайте Сергея Яковлевича, Вы единственный, с кем ему хорошо.

– Как я рада, что я Вас встретила!

МЦ.

Ремизовым не восхищена – не люблю единоличного Ремизова, люблю Ремизова по поводу, с чужим костяком. Но поместить надо.

Приписка на полях:

Мирский написал небольшую статью (страниц 7 печатных о Современных Записках и Воле России.[769] Остро и мужественно.

Париж, 29-го марта 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Если бы Вы сказали: «Не беру, потому что плохо», Вы бы (плохо или нет) были

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
правы. Если бы Вы сказали: «не беру, потому что, взяв, лишусь российского рынка», Вы бы были правы. Но вы осудили вещь [770] по существу и этим оказались глубоко-неправы. Задета не кожа, а самое мясо вещи: душа.

Единоличная ответственность автора за вещь – вот девиз журнала, ближайшим участником [771] которого я бы смогла быть. Не в I, а во II, да еще подумайте, да еще подумаем, допустимы ли вообще обличения и т. д. (А Петр – сплошное обличение – допустим? Потому ли, что сообличаете? [772] Потому ли, что «стихи» – не в счет!)

Какое же «ближайшее участие». Поэму горы у меня и Воля России (никогда не вернувшая мне ни одной строки!), и «Благонамеренный» и м. б. даже «Дни» (Алданов [773] великодушен!) возьмут. Аллегорические горы – ça ne tire pas à conséquences. [774] А вот проза, да еще всеми и каждым оплеванное Добровольчество, звук один этого слова... М. б. и Воля России бы (и с большим правом!) запнулась. Добровольчество – вот Ваш камень преткновения. Обличительную статью Мирского (на чисто-литературную тему) Вы конечно бы взяли. [775] Как обличительную мою. – Хочу, чтобы Вы знали, что – знаю.

Вчитайтесь и вдумайтесь и поймите, что «ближайшее участие» так и останется на обложке, следовательно – на обложке оставаться не должно.

Вот как бы я поступила, если бы не сознание, что сняв себя с обложки, несколько расстраиваю общий замысел (Ремизов – прозаик. Шестов – философ, я – поэт). В России бы Вы меня заменили. Здесь не Россия.

Посему, ограничиваюсь чувством, а поступок – опускаю.

МЦ.

St. Gilles, 2-го июня 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Вот что пишет Пастернак об отзыве Мирского (в «Современных Записках», о нем и мне). «Чудесная статья, глубокая, замечательная, и верно, очень верно. [776] Но я не уверен, справедливо ли он определяет меня. Я не про оценку, а про определение именно. [777] Ведь это же выходит вроде „Шума Времени“ – натюрморгизм. Не так ли? А мне казалось, что я в глухую, обходами, туго, из-под земли начинаю, в реалистическом обличий спасать и отстаивать идеализм, который тут только под полой и пронести, не иначе. И не в одном запрете дело, а в перерождении всего строя, читательского, ландшафтного (во временах и пространствах) и своего собственного, невольного». [778]

Когда я это прочла, я ощутила правоту Пастернака, как тогда, читая, неправоту Мирского. И вспомнила – очень неполно, отдельностями – поездку за фартуками, слоготворчество, жгут фуги, измененный угол зрения. Всё, что вспомнила, написала Пастернаку, а Вам пишу следующее:

Вспомните полностью, т. е. создавайте заново и напишите:

(Жгут фуги это была я, измененный угол зрения – Пастернак). Напишите о нем и мне – от лица Музыки, как никто еще не писал. Угол зрения – угол слуха, со

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
зрительного на слуховое.

Просьба не странная, мне до страсти хочется, чтобы лучшее, сказанное о Пастернаке, шло отсюда. СНЯТЫЙ РУБЕЖ. А почему о нем и мне? Потому что все это делают, и письменно и устно, и делают не так. Родство и рознь. Берут какое-то соседство, не оправдывая, не подтверждая. Устанавливают факт. Любопытны – истоки.

Этой статьи я хочу и для Пастернака, и для себя, и для Вас. Я хочу, чтобы лучшее сказанное о Пастернаке и мне было сказано Вами, МУЗЫКАНТОМ: МУЗЫКОЙ.[779] Вы замечательно пишете, ненавидя статьи полюбила Вас за статью о Блоке.[780]

И еще: мне важно снять с Пастернака тяжесть, наваленную на него Мирским. Его там – за бессмертие души – едят, а здесь в нем это первенство души оспаривают. Делают из него мастера слов, когда он – ШАХТЕР – души.

«С заскорузлой от музыки коркой
На поденной душе».
(Из его отроческой книги)[781]

(Статьи Святополк- Мирского сейчас подробно не помню. Загвоздка в противопоставлении моего платонизма его – не знаю чему.)

Кончаю небольшую поэму, разномастную и разношерстную.[782] Приедете – прочту.
(Приедете ведь?)

Откармливаю Сергея Яковлевича, которого Вы обратили в скелета. Заездили коня – версты![783]

Прочла «Вольницу» Артема Веселого.[784] – Жизнь во всей ее силе. – Прочла письмо Ремизова к Розанову, которое, не сомневаюсь, прочел и Розанов.[785] Порукой – конец.

Две недели сряду читала Письма Императрицы,[786] и две недели сряду, под их влиянием (в ушах навязало!) писала ужасающие.

Пейзаж напоминает Мирского – ровно. Я больше люблю горы.

Устрашающие ветра. Сегодня на рынок шла вавилонками как пьяный. Море грязно-бурое, ни одного паруса.

Едим крабов и паучих (спрутов). Пьем вино из собственной бочки, которая стоит в жерле камина. Хозяину и хозяйке двести лет, вину – три месяца.

До свидания, если серьезно хотите приехать, все удостоверю и напишу. Мне только нужно, когда и на какой срок. Привет Вам и Вере Александровне.[787]

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Начало июля 1926 г. [788]

А подарок из немецкого магазина, – а? Версты чудесны. Вы не ответили мне на письмо, поэтому неприлично писать Вам дольше, хотя и есть что!

Напишите, когда приезжаете – встретим.

До свидания, мой миленькой (влияние Аввакума[789]). Привет Вере Александровне, пусть везет пестрый купальный костюм, здесь всё мужские и траурные.

МЦ.

Ждём 10 экземпляров «Вёрст», которые нам необходимы.

Сен-Жиль, лето 1926 г.

Единолично

Всего несколько слов. Спешу.

Жестокость, беспощадность, отметание, отрясение, – все это ведущий. Я не ведомый. Оттого не сошлось. (Не ведомый, т. е. безвопросный, неспрашивающий.) Единственный вопрос, лбом в ствол (или в грудь): – Плохо? – Да. – Есть лучше? – Есть. – Давай расскажу. И рассказываю – дереву – Волконскому – школьнику – Тезею – его же. Обмен сиротств. Вот моя дружба с природой.

Мне плохо жить, несвойственно, непривычно, от главных человеческих радостей – тоска. Как не люблю моря – не люблю любви, хотя всегда пытаюсь полюбить, поверить (поэтам!) нá слово. Ничего победоносного во мне. Полная беззащитность. Открытость раны.

Никакого мировоззрения – созерцания. Мир-слушанье, слышанье, ряд отдельных звуков. Может быть свяжутся! Не здесь.

О Вас. Вы старше меня, богаче меня, счастливее. Вообще, у Вас почти что нет ровни. Умственно – может быть, душевно – может быть, вместе: голова к груди – нет. С знающими Вам скучно, с чужими – глупо. Вам со мной глупо.

Часто во время прогулки мне хотелось идти с Вами. Вообще: то, что Вы здесь видели и вообще будете видеть – не я.

Denn dort bin ich gelogen – wo ich gebogen bin. [790]

я буду по вас скучать.

МЦ.

Глядя Вам вслед – как с корабля, где не наша воля:

– Вот остров, который я миновала. Может быть – тот, где...

Встреться мы раньше или позже – во всяком случае иначе – но эту песенку Вы знаете.

Листка не храните.

Сен-Жиль, 3 сентября 1926 г.

Дорогой Петр Петрович, от Серезиноного отъезда[791] отчасти завишу и я, – поэтому очень прошу Вас, устройте то, о чем он Вас просил (Префектура – чиновник – зачисление в международный союз журналистов – через Познера[792]). В три дня ему одному этого ни за что не одолеть и пражская встреча провалится. Пишу en connaissance de cause.[793] Нынче 3-ье, время у Вас еще есть. Устрашена, в Вашей закрытке, вопросом: «А как же Вы?»

– Договорились ли с Мирским насчет Тезея?[794] Сережа привезет в Париж. Переписала больше половины, когда кончу – напишу Вам. Дайте свой венский адрес.

Сердечный привет Вам и Вере Александровне.

МЦ.

– Ваше письмо дошло всячески.

St. Gilles, 4-го сентября 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Письмо дошло, по этому руслу ответу позже. Сейчас целиком (не я, время мое) поглощена перепиской Тезея, особенно трудностями начертания некоторых мест (ударения, паузы). Будь Вы здесь, Вы бы мне всё объяснили. Не зная теории, иду по слуху, не зная чужого – иду по собственному, не знаю, куда иду (веду).

Смотрите: [795]

1) Спит, скрытую истину

Познавшая душ

2) Спит скрытую истину

Познавшая душ

– разное ведь? –

Мне нужно второе, вторым написано. Т. е. ударяются равно первый и второй слоги, от равной ударяемости, в промежутке, естественно, пауза. Другой пример:

Ветвь, влагой несомая,

Страсть, чти ее – спит

и

Вётвь, вла́гой несомая

Страсть, чти ее – спит

NB! То, что мне нужно

Мне нужен звук молота в первом слоге, тяжелое падение слога. Но печатать всё с ударениями – невозможно. Ограничиваюсь пометкой: «ударяются первый и второй слоги» и в словах многосложных – тире. Пример:

Те – ла насыщаемы,

Бес – смертна алчба...

Пока добралась в чем дело, переписывала (переначертовала, ибо ПЕЧАТНЫЕ, ВОТ ТАКИЕ, БУКВЫ) страницу по три раза. Весь Тезей – 64 страницы (писчей бумаги, большого формата). – Задача! –

Много поправок (смысловых и словесных) возникают прямо под рукой. Никакая машинка не заменит! Я – рука – бумага. Я – рука – машинка – бумага. Насколько утяжелена инстанция передачи.

Тезей мне, в конечном счете, нравится. Нравится, что справилась. Есть вещи – услада сердцу (Поэмы горы, конца), есть – задача... голове в первую голову. Трудней всего фабула, т. е. постепенность событий. На нее и льщусь.

Вы большой умник. Помните, весной кажется, Вы мне сказали: «Теперь Вам уже не захочется... не сможется писать отдельных стихов, а?» Тогда удивилась, сейчас – сбилось. Лирическое стихотворение: построенный и тут же разрушенный мир. Сколько стихов в книге – столько взрывов, пожаров, обвалов: ПУСТЫРЕЙ. Лирическое стихотворение – катастрофа. Не началось и уже сбилось (кончилось). Жесточайшая саморастрата. Лирикой – утешаться! Отравляться лирикой – как водой (чистойшей), которой не напился, хлебом – не наелся, ртом – не нацеловался и т. д.

В большую вещь вживаешься, вторая жизнь, длительная, постепенная, от дня ко дню крепчающая и весчающая. Одна – здесь – жизнь, другая – там (в тетради). И посмотрим еще какая сильней!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Из лирического стихотворения я выхожу разбитой. Да! Еще! Лирика (отдельные стихи) вздох, мечта о том, как бы (жил), большая вещь – та жизнь, осуществленная, или – в начале осуществления.

– Согласны ли Вы со мной? (Наспорившись, хочу общности.)

О нашей жизни здесь. Все были больны, кроме меня. – Сергей Яковлевич, Аля, Мур (животная грызть). Шло непрерывное варение каш: всем разных. Теперь Сережа и Аля обошлись. Мур еще на диете, отоцал и погрустнел.

Приехали дети Анны Ильиничны – трое с еще ее родственницей.[796] Живут все у Александры Захаровны.[797] Купаемся.

У осла не были. Ежевику ели – ртом с кустов – раз. Варим варенье и жалею, что не догадались раньше, в ваше пребывание. Это бы устало память.

Много раз мысленно начинала Вам письмо, удерживала – от написания – воспитанность: кодекс расставаний, требующий первенства от отъезжающего. Это письмо – не в счет, по другому руслу. Настоящее напишу позже, если дадите свой венский адрес.[798] Хочу – в нем – рассказать Вам, как я с Вами познакомилась. Вы об этом не знали, я об этом – до кануна Вашего отъезда – начисто забыла. Теперь – вспомнила. Мне только нужна уверенность в единоличности. – Вот. –

Знайте, что Вы мне сейчас – родной.

МЦ.

Да! Найдите мне в Вене Stoll – Мифы (Mythen[799] или Griechische Mythologie,[800] очень известная книга)[801] и подарите, непременно с надписью. Хочу, пока еще здесь, начать II часть Тезея – Федру. Вышлите в St. Gilles из Вены. Эта книга была у меня в России, только, если можно не избранные мифы, а полностью. Хотите, в благодарность перепишу «С моря»? [802]

Книга, м. б., для юношества – ничего. Возьмите самую полную.

Приписка на полях:

О письме не упоминайте.

26-го августа 1927 г., четверг.

Дорогой Петр Петрович,

Пишу Вам по свежему следу. Если Вы серьезно можете добыть мне 500 франков под Федру – давайте и берите. С «Современными Записками» еще не поздно, ибо аванс еще не получен.[803] Но уверены ли Вы – не очередная ли прихоть Мирского! – что № IV верст – будет?[804] Меня бы такой долгий срок даже устраивал – если, положим, от сего дня через 6 месяцев – не было бы беспокойства: а вдруг не кончу?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Деньги мне нужны к отъезду, т. е. не позднее 5-го.[805] Обдумайте хорошенько. И ответьте скорее.

МЦ.

Кстати, мне остается еще дополучить 100 франков за поэму С моря – 200 строк, по 11/2 франка – 300 франков, а я получила только 200 франков, ибо Сережа, которому Вы давали, думал, что по франку строка. Эти 100 франков можете включить в 500, тогда аванс за Феду будет 400. Расписки доставлю.

Убеждена, что приедете на Океан,[806] – из чистого сочувствия ко мне. В конце сентября, а? Откроем прогулку с очередным ослом. В начале Октября, – а?

Начало февраля 1928 г.

Милый Петр Петрович,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: сделайте все возможное, чтобы пристроить прилагаемые билеты, издатель взял на себя 25, на мою долю пало 15, тогда только книга начнет печататься.[807]

Техника такова: подписчик заполняет бланк (нужно для нумерации) и направляет по указанному адресу, издателю. Сергей Яковлевич доскажет остальное.

Бланк важен только с деньгами, иначе он называется посул.

Простите, ради Бога, за просьбу.

МЦ.

лето 1928 г.

Милый Петр Петрович,

Поселим Вас не на краю леса, а на краю мяса: единственное свободное помещение у мясника на Route de Veau (нарисована голова теленка), 21/2 километра от моря. Нынче дам задаток. М. – Шучу. –

МЦ

ТЕСКОВОЙ А. А
Мокропсы, 2/15-го ноября 1922 г.

Милостивая государыня,

Простите, что отвечаю Вам так поздно, но письмо Ваше от 2-го ноября получила только вчера – 14-го.

Выступать на вечере 21-го ноября я согласна. Хотелось бы знать программу вечера.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С уважением

Марина Цветаева

Адрес: Praha VIII

Libeň Svobodárna

M-r Serge Efron (для МЦ.)

Вшеноры, 5-го декабря 1924 г.

Многоуважаемая госпожа Тешкова,

(Простите, не знаю имени-отчества).

Мне очень трудно ответить на Вашу просьбу (о лекции) утвердительно, – и по двум причинам: первая: для того, чтобы читать лекции, нужно быть уверенным, что в какой-нибудь области знаешь больше, чем другие, – я же такой области не знаю. Тон с кафедры, силой вещей, – поучительный, я же могу гадать, утверждать, но не поучать.

Причина вторая и, объективно, более веская: в феврале я жду сына (непреренно сына!) – и совсем не могу загадывать о мае. Думаю, что я буду так связана, что навряд ли, даже переборов все внутренние препятствия, смогу 21-го мая, в 7 ч вечера, стоять на кафедре.

В Едноте[808] я была несколько раз, но Вас там не видела. Удастся ли 14-го – не знаю, поездки по железной дороге мне уже трудны, и нет подходящего платья.

А вас повидаю с удовольствием.

Напишите, какой у Вас ближайший свободный день и предупредите открыткой (приходит на второй – третий день) – буду ждать Вас, могу даже встретить.

Если будет хорошая погода – погуляем (здесь чудесные окрестности), дождь и снег – посидим дома и побеседуем, почитаю вам стихи. Познакомьтесь, кстати, с моей дочерью и мужем... ..)

Привет

М. Цветаева.

Мой адрес: Všenory, č. 23 (P. P. Dobřichovice)

Ехать до станции Вшеноры (вокзалы: Вильсонов, Винограды, Вышеград, Смихов) – наш дом (23) один из последних в деревне, направо от шоссе, на пригорке, с ярко-голубым забором, ...

Вшеноры, 11-го января 1925 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

С Новым Годом, милая Анна Антоновна,

Давно окликнула бы Вас, если бы не с субботы на субботу поджидание Вашего приезда.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы разузнать среди знакомых, какая лечебница («болезнь» Вы знаете) в Праге считается лучшей, т. е. гигиенически наиболее удовлетворительной, считаясь с моей, сравнительно малой, платежеспособностью. Как отзываются об «Охране материнства»? [809] (сравнительно – дешевая). Срок у меня – месяц с небольшим, а у меня еще ничего не готово, кроме пассивного солдатского терпения, – добродетели иногда вредной.

Простите, что беспокою Вас столь не-светской просьбой, но у меня в Праге ни одной знакомой чешской семьи, – только литераторы, которые этих дел не ведают.

Шлю Вам привет и не теряю надежды в ближайшем будущем увидеть. – У нас прелестная елка, будет стоять до Крещения (6/19-го января), приезжайте, зажжем.

Сердечный привет.

МЦ.

Вшеноры, 2-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вам первой – письменная весть. Мой сын, опередив и медицину и лирику, оставив позади остров Штванице, решил родиться не 15-го, а 1-го, не на острове, а в ущелье.

Очень, очень рада буду, если навестите. Познакомитесь сразу и с дочерью и с сыном.

Спасибо за внимание и ласку.

МЦветаева.

P. S. Мой сын родился в воскресенье, в полдень. По-германски это – Sonntagskind, [810] понимает язык зверей и птиц, открывает клады. Февральский камень – аметист. Родился он в снежную бурю.

Вшеноры, 10-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Пишу Вам ночью, при завешенной лампе, почти наугад, – Сергей Яковлевич уезжает с утренним поездом, и в суматохе утра не успею... ..

Я уже сижу, – вчера первый день. С прислугой пока ничего, местные (поденные)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
очень дороги, 12–15 крон в сутки, жить не идут. Ищем в Земгоре. Моя угольщица (лесовичка) уходит в пятницу – в леса, очевидно. У Сергея Яковлевича в ближайшие дни 3 экзамена (Нидерле, [811] кондаков и еще один), и он весь день в библиотеке. Весь дом остается на Але, ибо я даже если встану, недели две еще инвалид, т. е. долженствую им быть. Я не жалею, но повествую. И все это, конечно, минет.

Когда я встану, перепишу Вам кусочек прозы для чешского женского журнала. [812] у меня много прозы, – вроде дневника (Москва, 1917 г. – 1921 г.). Некоторые отрывки уже шли в «Воле России», «Современных Записках» и «Днях». Дам Вам неизданное. Но хотелось бы наперед знать, примут ли. Для образца прочтите мой «Вольный проезд» в «Современных Записках» (не то XIX, не то XX книга). Можно выбрать лирическое, есть юмор, есть быт. Напишите мне и приблизительный размер журнала. Есть у меня и маленькая пьеса «Метель» – новогодняя сценка в лесной харчевне 30-х годов – в стихах, ее бы, я думаю, отлично перевел Кубка. [813] Но экземпляр у меня один (напечатана в 1922 г., в парижском «Звене»). Хотите ознакомиться – пришлю. Если Кубка заинтересуется, было бы очень приятно.

Большая просьба, м. б. нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расплзшемся по швам. Хорошего мне не нужно, – все равно нигде не придется бывать – что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120–130 крон угольщице за 10 дней, залог за детские весы (100 крон), а лекарства, а санитария! – о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку. Змея иногда должна менять шкуру. Если большое – ничего, можно переделать домашними средствами.

Купила коляску за 50 крон – почти новую, чудесную: одновременно и кровать и креслице. Продавали русские за отъездом.

Постепенно мальчик обрастает собственностью, надеюсь, что она не прирастет.

А вчера я совершила подвиг: уступила Сергею Яковлевичу имя Бориса, которого мне так хотелось (в честь моего любимого современника, Бориса Пастернака). Мальчик будет называться Георгий и праздновать свои именины в день георгиевских кавалеров. Георгий – покровитель Москвы и, наравне с Михаилом Архистратигом, [814] верховный вождь войск. (Он же, в народе, покровитель волков и стад. Оцените широту русского народа!)

Половина четвертого утра. Кончаю. Все спят, это мой любимый час.

У нас весна, на орешнике сережки, скоро гулять! Тогда Вы к нам приедете и уже не будете плутать.

Спокойной ночи или веселого утра. Надеюсь, что здоровье Вашей мамы с весной поправится.

Простите за почерк

МЦ.

Вшеноры, 15-го февраля 1925 г.

Милая Анна Антоновна,

Посылаю Вам для женского журнала свой «Вольный проезд». Прочтите и подумайте,
Страница 263

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
подойдет ли для женского журнала. Если да и найдется переводчик, очень хотела бы
хотя бы письменно с ним сообщить. Пусть бы мне прислал список не совсем ясных
слов и выражений (язык народный) – я бы пояснила.

А не взялись ли Вы сами перевести? С Вами бы наверное столкнулись. Сейчас,
после лежания, очень ослабли глаза, поэтому посылаю уже напечатанное. – Не
играет роли?..

...Сегодня целый день в Вашем халате. Приятное ощущение простоты, чистоты и
теплоты. Поблагодарите от меня еще раз Вашу милую маму и пожелайте ей здоровья и
хорошего лета.

Детские вещи очаровательны, особенно рубашечки. Теперь нужен рост, чтобы их
заполнить.

А пирожные – напрасное баловство, никогда не привозите, пусть это будет в
последний раз, в честь Георгия.

Целую Вас нежно.

МЦ.

...А чехи тоже забывают! В этом я убедилась тотчас после Вашего ухода: в углу на
ящичке серый чемодан. Или только побывавшие в России?..

Вшеноры, 26-го февраля 1925 г.

Спасибо за заботу о моей рукописи, но к этому № женского журнала я уже все равно
опоздала, – Вы говорили, к 8-му, – нужно выбрать, переписать, перевести. Пришлю,
или – надеюсь – передам Вам для следующего №, может быть вместе выберем.

А если устроите «Вольный проезд» в Cest'у – большое спасибо, я знаю этот журнал,
– производит прекрасное впечатление...

... Георгий растет. Ведем с ним длительные беседы, причем говорю и за себя и за
него, – и – уверяю Вас – не худший метод беседы! (Приучена к нему своими
мужскими собеседниками.)

«Воля России» поднесла ему чудесную коляску ... Если увидите Слонима, [815]
передайте ему (сторонне, не от меня) мое восхищение: я не умею благодарить в
упор, так же, как не умею, чтобы меня благодарили, – боюсь, что они все сочтут
меня бесчувственной...

До свидания, надеюсь – до скорого. Приезжайте – я всегда дома.

МЦ.

P. S. Главное забыла: есть прислуга – проходящая – родом из Теплитца. Приходит
ежедневно на три часа. Говорим с ней про Бетховена (Toerplitz,
Beethovenhaus [816]).

Вшеноры, 3-го мая 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Давайте – отложим чтение до июня, очень прошу! Как раз около 12-го будет в Праге Степун, мне очень хочется его послушать, [817] а выехать два раза на одной неделе мне не удастся. (Можно ли не предпочесть другого – себе?!). К тому же я сейчас как-то очень устала, а такой вечер требует полного сосредоточения, ведь дело в выборе стихов, – я живу по стольким руслам! Кто мои слушатели? Не для себя же читаешь! (Для себя – пишешь.)

Словом, моя большая просьба: перенесем на июнь... ..Я еще не поблагодарила Вас как следует за Вашу память, доброту, заботу – благодарить легко равнодушных – и, когда сам равнодушен. Некоторые слова, произнесенные, звучат холодно и грубо, совсем иначе, чем внутри. Вот эти внутренние слова мои к Вам – как бы я хотела, чтобы я бы их не произносила, а Вы бы их все-таки услышали!

С большой радостью думаю о Вашем приезде как-нибудь на целый день, с Вами мне легко, – Вы не замечаете быта, поэтому мне не приходится ничего нарушать. Будем ходить и сидеть, а может быть – лежать даже! на траве, на горе – и говорить, и молчать.

А я Вас в прошлый раз даже не напоила чаем! Но это, отчасти Вы виноваты: когда мне с человеком интересно, я забываю еду: свою и его. Но, по-настоящему, госпожа Андреева [818] виновата: в таком хорошем доме должен быть чай. (Иначе, для чего они – «хорошие дома»?!)

Аля в восхищении от Ваших тетрадей. Спасибо. Целуем Вас обе, Сергей Яковлевич шлет привет.

МЦ.

P. S. Госпоже Юрчиновой я уже написала. [819]

Вшеноры, 9-го сент(ября) 1925 г.

.....Простите за поздний отклик, сердцем я откликнулась раньше.

Бесконечное спасибо Вам за заботу, рукопись Кубке отправлена, сказал, что раздаст ее частично. Вышло, как всегда, впятеро длинней, чем думала, вместо анекдотических записей о Брюсове-человеке – оценка его поэтической и человеческой фигуры с множеством сопутствующих мыслей. Любопытно, как Вам понравится. Задача была трудная: вопреки отталкиванию, которое он мне (не одной мне) внушал, дать идею его своеобразного величия. Судить, не осудив, хотя приговор – казалось – готов. Писала, увы, без источников, цитаты из памяти. Но, м. б. лучше, – мог бы выйти целый том.

Живем все – Сергей Яковлевич, Аля, Георгий, я – хорошо. Сергей Яковлевич полтора месяца пробыл в Земгорской санатории, поправился, [820] но, увы, объявилась нервная астма, недуг неопасный, но трудно-переносимый. Аля вся в грибах и ежевике, – приедете, угостим вареньем и маринованными белыми, есть даже отдельная баночка для вашей мамы, [821] памятуя ее страсть к грибам.

А у меня план: проведем с Вами как-нибудь целый день – волшебный. В Праге, я приеду. Пойдем в старую часть города, в какие-нибудь места, где никто не бывает, потом в кафе, потом домой, к Вам, – музыка и стихи. Ваша мама любит Шопена? Если

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да, буду просить ее, – мой любимый.

Осуществим непременно. Попрошу Сергея Яковлевича посидеть, вырвусь и дорвусь до настоящей себя.

Целую Вас. Сердечный привет маме и сестре.[822] Не забывайте... ..

...фазанье перо – от Али. Весь лес усеян!..

#11_13#

Вшеноры, 1-го октября 1925 г.

.....Вопрос и просьба: не могли бы Вы похранить у себя некоторое время нашу корзинку с вещами? Некоторое время, потому что: либо через три месяца – вернусь, либо, если устроюсь в Париже (в чем очень сомневаюсь) – Сергей Яковлевич ее мне вышлет «petite vitesse».[823]

Корзина большая, предупреждаю, – но, может быть, нашлось бы место в передней? Невозможно везти с собой всё, не зная, останешься ли. Очень попросила бы Вас поскорей сообщить мне ответ. Заграничный паспорт на днях будет, визу Марк Львович[824] обещал достать, денег пока нет. Еду с Алей и Муром (самовольное уменьшение от Георгия) – два взрослых билета – и виза – и перевозка – и предотъездная уплата долгов... Но, раз нужно, – думаю, – уеду.

Непременно хочу перед отъездом провести с Вами вечерок. Я у Вас ни разу не была, знаю, что буду жалеть об этом – не хочу жалеть небывшего, а радостно вспоминать бывшее. – Видите, как я сама к Вам в гости напрашиваюсь? –

Отъезд – предполагаемый – после двадцатого этого месяца. Как поеду – не знаю: ужасающе – неприспособлена. Не едет ли, случайно, кто-нибудь из Ваших знакомых? Не знаю, например, как устроить с питанием Георгия? Ест он 4 раза в сутки, и ему все нужно греть. Как это делается? Спиртовку ведь жечь нельзя. Впервые я была в Париже шестнадцати лет – одна – влюбленная в Наполеона – и не нуждавшаяся ни в теплой, ни в холодной пище. – Сто лет назад. –

Приезжайте к нам на прощание. Я Вас нежно люблю. Вы из того мира, где только душа весит, – мира сна или сказки. Я бы очень хотела побродить с Вами по Праге, потому что Прага, по существу, тоже такой город – где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «родного славянства», из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие. Из Парижа, думаю, напишу о Праге, – не в благодарность, а по влечению. Издалека все лучше вижу. И, может быть, Вы мне сообщите несколько реальных данных, чтобы все окончательно не уплыло в туман. Итак, мне очень хочется побродить с Вами по Праге, пока еще листья есть. Во мне говорит не любитель старины – это тесно и местно, просто – влекусь в тишину. Очень хотелось бы узнать происхождение: приблизительное время и символ – того пражского рыцаря на – вернее – под Карловым мостом – мальчика, сторожащего реку. Для меня он – символ верности (себе! не другим). И до страсти хотелось бы изображение его – (где достать? нигде нет) – гравюру на память. Расскажите мне о нем все, что знаете. Это не женщина, и спросить можно: «сколько тебе лет?» Ах, какую чудную повесть можно было бы написать – на фоне Праги! Без фабулы и без тел: роман Душ.

Никому не рассказывайте. Ведь не знаю, напишу ли, а будут знать другие – наверное не напишу.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Никому не рассказывайте также о моем отъезде, т. е. о возможности моего невозвращения. И, если вернусь, помогите мне устроиться в Праге, где-нибудь на окраине, хорошо бы – неподалеку от Вас. Мы бы вместе ходили и бродили. Жизнь за городом не в меру тяжела – даже мне. Столько лишней работы и такая дороговизна на всё, кроме жилища...

...Дорогая Анна Антоновна, сообщите, пожалуйста, адрес госпожи Юрчиновой, она мне два раза писала открытки, но все без адреса. Кроме того, у нее или у ее знакомой переводчицы – все мои книги и вырезки из газет, хочу знать, что с ними случилось...

26-го октября 1925 г.

.....Ради Бога – сегодня же передайте это письмо госпоже Юрчиновой. Денег из Парижа до сих пор нет, ехать мне 31-го, в субботу, необходимо. Иначе я остаюсь без квартиры (1-го уже въезжают) и без провожатых (31-го уезжают в Париж госпожа Андреева с сыном). Положение трагическое.

Я прошу госпожу Юрчинову одолжить мне эту тысячу крон. 15-го ноября, на Сокольской улице, в Земгоре, у господина Заблоцкого она их получит. Если парижские деньги придут – получит раньше. Объясните ей, что эти деньги – верные, мое ежемесячное чешское иждивение.

Просить мне не у кого, может быть она соберет среди знакомых. За день за два (в крайнем случае в пятницу) необходимо взять билеты. Поезд уходит в субботу, 31-го, в 10 ч. 45 минут с Вильсонова. [825]

Если ничего не изменилось, завтра у Вас будет Аля. Может быть через нее уже можно будет узнать ответ.

Спасибо Вам, и Вашей матушке, и сестре за чудесный день. Я Вашу матушку не поблагодарила тогда за игру, – это не значит, что я ее не почувствовала. Ей ведь тогда не хотелось играть Шопена, а она играла, – это меня вдвойне тронуло. Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд.

Целую Вас нежно. Убедите госпожу Юрчинову, что я не аферист и к деньгам, а главное – к просьбам о них – отношусь с отвращением. (Потому их у меня никогда нет.)

До свидания – через Алю – до завтра... ..

Вшеноры, 28-го октября 1925 г.

.....Аля от Вас вернулась – как из сказки. Конечно, Ваш дом – зачарованный, жилище не трех душ, а – души. И душам в нем – «дома». Остальные же пусть не ходят.

И – очаровательное внимание души к телу – спасибо за чудесный чай с таким чудесным названием и в такой чудесной обертке, за шоколад из времен Гомера, за напоминающие детство – сухари. Спасибо за всё.

Деньги беру и ими спасаюсь. Сегодня телеграмма из Парижа – раньше 12-го не могут. А ехать нужно – не все налажено, а все разлажено – разложено – жить в состоянии отъезда невыносимо.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
...Если в субботу не удастся – известим. Но пожелайте (верю в добрую волю) чтобы удалось. И приходите на вокзал – непременно. Если будут другие – все равно. Знайте, что Вы и Ваша семья – те полдня у Вас – лучшее, что я оставляю в Праге...

Париж, 7-го декабря 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Узнаю из письма Сергея Яковлевича, что Вы до сих пор от нас ничего не получали. Мы написали Вам с Алей тотчас же по приезде, т. е. на второй день, с подробным описанием дороги, видов, чувств, спутников, разговоров. О последней Чехии – мимолетной Германии – первой Франции. Обо всем.

Потом ждали ответа, потом устраивались, потом я, не отрываясь, дописывала к сроку две последние главы своей поэмы «Крысолов» («Воля России»). Вторично написать не собралась не по отсутствию желаний, но по абсолютной занятости: я в Париже месяц с неделей и еще не видела Notre-Dame!

До 4-го декабря (нынче 7-ое) писала и переписывала поэму. Остальное – как во Вшенорах: варка Мурке каши, одеванье и раздеванье, гулянье, купанье – люди, большей частью не нужные – бесплодные хлопоты по устройству вечера[826] (снять зал – 600 франков и треть дохода, есть даровые, частные, но никто не дает. Так, уже три отказа.) Дни летят.

Квартал, где мы живем, ужасен, – точно из бульварного романа «Лондонские трущобы». [827] Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять негде – ни кустика. Есть парк, но 40 минут ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем – вдоль гниющего канала.

Отопление газовое (печка), т. е. 200 франков в месяц.

Как видите – мало радости... ..

...Может быть можно было бы достать у госпожи Юрчиновой какое-нибудь темное платье мне, для вечера. Никуда не хожу, п. ч. нечего надеть, а купить не на что. М. б. у нее, как у богатой женщины, есть лишнее, которого она уже не носит. Мне бы здесь переделали. Если найдете возможным попросить – сделайте это. Меня приглашают в целый ряд мест, а показаться нельзя, п. ч. ни шелкового платья, ни чулок, ни лаковых туфель (здешний – «uniforme»). Так и сажу дома, обвиняемая со всех сторон в «гордости». Сергею Яковлевичу об этой просьбе не говорите, – пишу ему, что у меня всё есть. А платье, если достанете, передайте – «посылает такая-то»... ..

Париж, 19-го декабря 1925 г.

.....Поздравляю Вас с наступающим Рождеством. Волшебный город – Прага: там все подарочно, все елочно. Здесь (нынче 19-ое) ёлкой и не пахнет, в самом настоящем смысле слова. Елка считается германским обычаем, большинство ограничивается сжиганием в (дымящем!) камине – «bûche de Noël». [828] Подарки к Новому Году, в туфлю. И всё.

Выставки великолепны и – потому – холодны. Жалею детей, соблазняемых всеми окнами. Не отсюда ли – раннее разочарование?

С моим вечером дело, пока, не двинулось. Живу на окраине, ни с кем не вижусь, у

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
наших хозяев у самих забот по горло. Не Париж, а Смихов, только гораздо хуже: ни пригорка, ни деревца, сплошные трубы.

Есть мечта переехать в Версаль, но от меня ничего не зависит... ..

...Другое горе: нет своей комнаты. Человек приходит ко мне – должен сидеть со всеми. Так было недавно с одной моей знакомой, приехавшей из России. А на людях – я не я, то есть тоже я, но не основная. Врожденная воспитанность заставляет направлять разговор на общие темы, – не интересные никому. И человек меня не видит. Как я – его... (пр. 9 с.)

...Очень много работаю. Только что сдала в «Дни» и «Последние новости» рождественскую прозу. [829] Просмотрите рождественские номера... ..

...Читали ли отзыв в «Днях» о «Ковчеге»? И как встречен «Ковчег» чехами? Напишите. Интересно... ..

Париж. 30-го декабря 1925 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Мне живется очень плохо, нас в одну комнату набито четыре человека, и я совсем не могу писать. С горечью думаю о том, что у самого посредственного фельетониста, даже не перечитывающего – что писал, есть письменный стол и два часа тишины. У меня этого нет – ни минуты: вечно на людях, среди разговоров, неустанно отрываемая от тетради. Почти с радостью вспоминаю свою службу в советской Москве, – на ней написаны три моих пьесы: «Приключение», «Фортуна», «Феникс» – тысячи две стихотворных строк.

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т. е. обретать смысл и вес – только преображенная, т. е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь сама по себе не нужна.

Спасибо за привет и ласку. И чудное платье – чье? Читали ли в «Днях» мое «О Германии»? [830] и узнали ли меня в такой любви?

Здесь много людей, лиц, встреч, но все на поверхности, не затрагивая. Сергей Яковлевич очарован Парижем, – я его еще не видела. И, пока, предпочитаю Прагу, её – несмотря на шум, а может быть – сквозь шум – тишину.

Целую нежно Вас и Ваших. Страшно не нравится жить.

МЦ.

Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна! Привет Вам и Вашим из Лондона, где вот уже две недели. Это первые мои две свободные недели за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) – упиваюсь. Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья, чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные каминные и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лежала, не поднимая головы.) Написала здесь большую статью. Писала неделю, дома бы писала 11/2 месяца. Сердечный привет Вам и Вашим. Люблю и помню...

МЦ.

St. Gilles-sur-Vie, 9-го мая 1926 г.

Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Сейчас последний день нашей русской Пасхи.)

Я уже две недели как в Вандее, одна с детьми, Сергей Яковлевич очень занят новым журналом «Версты».

Прочтите, пожалуйста, мою статью «Поэт о критике» во 2-ой книге «Благонамеренного» (только что вышла), за которую меня дружно травят: Адамович, Осоргин, А. Яблоновский и даже Петр Струве, которого, впрочем, еще не читала.[831]

«Laisser dire»[832] – вот что написано над дверью одного из здешних рыбацких домиков. То же говорю и я.

Дорогая Анна Антоновна, мне очень нужен весь мой матерьял (книги и вырезки), взятый у Кубки госпожой Юрчиновой. Как ее адрес?

Мой: St. Gilles-sur-Vie (Vendée) Avenue de la Plage

Ker. Eduard.

Спасибо за рыцаря. Такая радость.

Целую Вас и Ваших.

Всего доброго. Где будете летом?

МЦ.

St. Gilles-sur-Vie, 8-го июня 1926 г.

... Ваше письмо было для меня большой радостью и поддержкой. Самая большая редкость – чистый подход к вещи, вещь и ты, – так Вы подошли к моему «Поэт о критике».

Статья написана просто (это не значит, что я над ней не работала, – простота дается не сразу, сложность (нагроможденность!) легче!), читалась она предвзято. Один из критиков отметил, что я свою внешность считаю прекрасной (помните о красоте и прекрасности) – я, которая вообще лишена подхода к какой-либо внешности, для которой просто внешности (поверхности, самого понятия её!) нет.

Грызли меня: А. Яблоновский, Осоргин, Адамович (впрочем, умеренно, втайне сознавая мою правоту) и... Петр Струве, забыв на секунду и Кирилла и Николая Николаевича.[833] Ни одного голоса в защиту. Я вполне удовлетворена.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но все это уже прошлое. Настоящее вещи – когда она пишется. Дописано – прошло.
Самостоятельное существование вещи вне меня – вот цель и итог...

.....Погода ужасная, смена дождя и ветра, ходим в зимнем. На этом побережье tous
Les vents se donnent rendez-vous.[834] Какие-то Норды, Осты, Весты, – и хоть бы
один теплый!

Океан. Сознаю величие, но не люблю (никогда не любила моря, только раз, в первый
раз – в детстве, под знаком пушкинского: «Прощай, свободная стихия!»).

Она свободная, а я на ней – связанная. Свобода моря равна только моей несвободе
на нем. Что мне с морем делать? Глядеть. Мне этого мало. Плавать? Не люблю
горизонтального положения. Плавать, ведь это лежать, ехать. Я люблю вертикаль:
ходьбу, гору. Равнодействующую сил: высоты и моей. На Океане я зритель: в
театре: полулежа: в ложе. Пляж – партер. Люблю в театре только раёк (верх), т.
е. горы, которых здесь нет.

Кроме того, море либо устрашает, либо разнеживает. Море слишком похоже на
любовь. Не люблю любви. (Сидеть и ждать, что она со мной сделает.) Люблю дружбу:
гору... ..

...Но все-таки радуюсь, что в Вандее, давшей когда-то столь великолепную вспышку
воли. В семи километрах от нас, возле фермы Mathieu, крест с надписью: здесь
такого-то числа 1815 г. убит Henri de la Rochejaquelin.[835] – Вождь Вандеи. –

Народ очаровательный: вежливый, веселый, легко жить. Одежда и головные уборы как
века назад. В нашем St. Gilles церковь XIII в.

Дорогая Анна Антоновна, у меня к Вам большая просьба, трудная, не знаю как
приступить.

У Новэллы Чириковой[836] на вилле Боженка во Вшенорах (где жила Андреева)
осталась наша большая корзина. Если бы Вы забрали ее к себе, Вы бы нас спасли.
Вещи там очень хорошие (всё Муркино приданое), много моих, письма, тетради, всё,
что я не забрала с собой, уезжая... .. Нынче же пишу В. Ф. Булгакову и его жене,
живущим во Вшенорах. Они Вам во всем помогут, только нужно списаться или
сговориться. Všenory, č. 33 (Булгаков)... ..

Да! Последняя просьба! На дне корзины должна находиться толстая коричневая
немецкая мифология, в переплете, с картинками.

Gustav Schwab – Die schonsten

Sagen des klassischen Altertums

. [837]

Эту книгу нужно отправить отдельно, почтой, заказной бандеролью, не багажом. Она
мне крайне нужна в возможно скором времени для II ч. Тезея, которую пишу сейчас.
Толстый, коричневатый, несколько разъехавшийся том. Там же имя с припиской:
книга на всю жизнь... ..

St. Gilles, 20-го июля 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Потеряла Вашу открытку с адресом, всё надеялась найти при тщательной уборке, она не осуществилась, пишу по старому в надежде, что дошлют.

К 15-му сентября возвращаюсь в Прагу, [838] на оставшиеся здесь два месяца буду получать половинную стипендию, т. е. по 500 крон вместо 1000 крон Большого в мою пользу ни Булгаков, ни Завадский, [839] ни другие хлопотавшие добиться не могли. Надеюсь, что прежнюю стипендию возобновят при моем приезде, на 500 крон я с детьми никак не проживу. Выясню это к 15-му августа.

Теперь – в случае прежней тысячи в месяц – можно ли мне надеяться, дорогая Анна Антоновна, устроиться на эти деньги в Праге? Как бы хотелось возле Вас! Район (– думаю о детях, я фабрики и вокзалы, как самое печальное – люблю) должен быть непременно хороший, с близким садом для прогулки. Мне хочется в Прагу, а не за город, чтобы немножко побыть человеком, – не только душой и чернорабочим. Но я связана детьми и деньгами. О квартире думать нечего? Квартира – свобода, но – дорого? недоступно? Нельзя ли было бы найти две комнаты у чехов, любящих русских и не слишком строгих к порядку? Самое лучшее было бы – с уборкой (платила бы прислуге), м. б. с обедом? (только не за общим столом!). В той же Чехии можно жить по-человечески, я жила не по-человечески и устала так жить, заранее устала. Прагу я люблю самым нежным образом, но, по чести, так мало от нее взяла – и не по своей вине. В Праге везде – музыка! Ни разу не была в концерте. Хотелось бы познакомиться с чехами, особенно с женщинами, все это было бы возможно в Праге, невозможно за городом. Я буду жить одна с детьми, как я могу на целый день уехать в Прагу, оставляя Мура одного с Алей. Аля – большая, но девочка, большая девочка. Мур промочит ноги, Мур упадет со стула и т. д. Заместительницы у меня нет, я ни разу не выеду в Прагу. Я знаю себя. В Праге я могу уйти на час – это другое дело, или вечером, уложив Мура, все это другое. Мне хочется влюбиться в этот город, для этого нужен досуг.

Одну комнату – трудно, мне дети не дадут писать, я курю, (Муру вредно) – много вещей и т. д.

Так вот, дорогая Анна Антоновна, обдумайте и ответьте, возможно ли? Если нет – что ж, буду искать за городом, жить где-нибудь же нужно.

Иногда по вечерам я буду приходить к Вам, читать Вам стихи, беседовать, слушать музыку Вашей мамы. Не часто. Не бойтесь. Может быть – когда-нибудь – пойдем с Вами побродить по старым местам. Я люблю Прагу совсем особой любовью, вижу ее городом *âmes en peine*, [840] – м. б. от тумана?

Я уже здесь не живу, оставшиеся полтора месяца пролетят, я не могу жить тем, что заведомо кончится. Моя Вандея уже кончилась. Вижу уже вечер укладки, утро отъезда. Передышка в Париже – рачьте дале! [841] (Безумно люблю этот крик кондукторов, жестокий и творческий, как сама жизнь. Это она кричит – кондукторами!)

Рачьте дале – но куда? У меня сейчас в Чехии ничего твердого нет, в устройстве я совершенно беспомощна. Вильсонов вокзал – куда? Боюсь, что просто сяду с Алей и Муром под фонарь – ждать судьбы (дождусь полицейского).

О здешней жизни уже не пишется, я уже еду. Вы это чувствуете. Больно (не очень, но всё-таки) что эсеры, которых я считала друзьями: Сталинский, [842] Лебедев, [843] Слоним – ничего для меня не сделали, даже не попытались. Реально: вступись они – меня бы не сократили на половину, душевно – не понимаю такого платонизма в любви. Их поведение для меня слишком лирично... ..

– Знаете ли Вы, что редактор Благонамеренного, Шаховской (22 года) на днях принимает послух на Афоне. (Послухпослушник – идет в монастырь.) Чистое сердце. Это лучше, чем редакторство... ..

St. Gilles-sur-Vie, 1926

... Ваша открытка. Взглянув, я почувствовала странное волнение. В чем дело? Деревья. Деревья, которые я не видела в Париже (фабричный район), которых не вижу здесь (один песок). Деревья, которые люблю больше всего на свете. У моря я у моря, в лесу я – в лесу: mitten drinnen.[844] У моря я в гостях (ненавижу гостить, такой расход любезности!), в лесу я дома, одна, сама своя. Я, по чести, не люблю моря и не думаю, чтобы его можно было любить. Оно несоизмеримо больше меня, я им подавлена. И величие его – не родственное (оттого подавлена!). Всякое величие родственное, но иное величие исключает понятие родства. Таково море. Я охотно отказываюсь (м. б. неохотно, но... приходится!) от родственности в жизни, но с вещью (Ding) я роднюсь. Пусть меня не любят люди, но деревья пусть меня любят. Море меня не любит.

– Вот –

На Вашей открытке деревья явственно протягивают мне руки, и открытка больше взволновала меня, чем море (даже Океан!), в котором я в тот день купалась. В море я купаюсь, в листве я тону.

Всякое не люблю сложно – как и люблю! – поэтому так пространно... ..

St. Gilles, 24-го сентября 1926 г.

ДЛЯ ВАС ОДНОЙ

Дорогая Анна Антоновна!

Какая трудная задача! Письмо, долженствующее убедить человека, меня не знающего, что мне – внешне – плохо. Мне внешне всегда плохо, потому что я не люблю его (внешнего), не считаюсь с ним, не отдаю ему должной важности и с него ничего не требую. Все, что я люблю, из внешнего становится внутренним, с секунды моей любви перестает быть внешним, и этим опять-таки, хотя бы в обратную сторону, теряет свою «объективную» ценность. Так, например, у меня есть с моря, принесенный приливом или оставленный отливом, окаменелый каштан-талисман. Это не вещь. Это – знак. Чего? Да хотя бы приливов и отливов. Потеряв такой каштан, я буду горевать. Потеряв 100 царских тысяч рублей, в Государственном Банке (революция), я не горевала ни минуты, ибо, не будучи с ними связана, не считала их своими, они в моей душе не числились, только в ухе (звук!) или в руке (чек), – на поверхности слуха и руки. Не имев, их не теряла.

Чешское иждивение. Я всегда удивлялась, за что мне дают. Если бы кто-нибудь из них любил мои стихи – да, как меня лично – да, но так, вообще, на веру... Таинственно. Я знаю себе цену: она высока у знатока и любящего, нуль – у других, ибо (высшая гордость) не «держу марки», предоставляю держать – мою – другим.

Для настойчивости в просьбах нужны – наивность, цинизм, бесстыдство: нужно поверить в то, что ты – для Чехии например – фигура, поэт, для общественных деятелей – ценность, поверить в целый ряд несообразностей и внушить их другим. Или же: прикинуться дурачком, убогеньким, нищенским:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«по-о-дайте, Христа ради!»

Для первого я слишком скромна, для второго – слишком я, в обоих случаях – трезва.

Поэтому, и днесь и впредь, мои просьбы неубедительны: застенчивы, юмористичны (чего не прощают!), иногда – прямолинейны (что отталкивает), всегда своеобразны, т. е. с печатью моего образа, который сильным мира сего не нравится. Начинаю прошение – просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что» или два раза «бы» – беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, привычка слуха и руки.

Мне бы нужно списывать свои прошения, тогда бы они удовлетворяли и – удовлетворялись.

«Умираю с голоду» – «голодная смерть» – «страдаю общим малокровием» – не могу. Безвкусно, преувеличенно, грубо, неправдоподобно, не я. Я: «Несколько стеснена»... «жизненные условия тяжелы – как и полагается, впрочем» – и дело уже провалено: обобщение, убивающее частный (мой) случай. – Voilà[845] –... ..

О нас всех: квартира снята, – в 15 минутах поездом от Парижа. Meudon. Лес. Отдельно садик для Мура. Жить мы будем с одной вшенорской семьей, [846] дом пополам. Так легче. Адрес пришлю на днях. Нынче 24-ое, выезжаем, должно быть, 1-го – 2-го. Тотчас же по получении от Сергея Яковлевича точного адреса, пришлю Вам – еще отсюда.

Французские хозяйки не лучше чешских, гораздо хуже: уезжая надо лакировать шкафы и кровати, этого со мной в Чехии – да и нигде – не было. Грозят агентами и жандармами. Неизвестно за что. Очевидно, простое желание выжать из последних иностранцев (мы здесь последние, как были – первые) последнюю копейку.

Мур хорошо ходит и бегают, живой, ловкий, бесстрашный, лезет в море, как в ведро, и в ведро, как в море. Говорит мало, но понимает всё. Аля выросла, похудела, похорошела. В Париже будет учиться в школе рисования Добужинского и Билибина. [847] Лучше чем гимназия, – и призвание и будущий заработок... ..

...Теперь, дорогая Анна Антоновна, давайте помечтаем. Вы непременно должны к нам приехать в Медон, погостить, посмотреть Париж. – Хорошо бы на Рождество. Я знаю, что поездка дорога, но... раз в жизни! Вся устрашающая? Парижа отпадет – Вы будете за городом, Париж только по желанию, но – совсем близко, рядом, поезда ходят через каждые полчаса.

Давайте осуществим. Побываем с Вами в Версале, и в Фонтенбло, и в Музеях, и на набережных Сены. – Чудно? – Могли бы приехать с Сергеем Яковлевичем (думаю – в Прагу поедет в начале декабря), а обратно, в Прагу, – вторая мечта! – со мной.

Страшно хочу в Прагу. Устроили бы мой вечер в Едноте, Вы бы меня познакомили с чехами, которых я совсем не знаю, побродили бы по Праге, словом – было бы чудно. Погостила бы у Вас неделю – 10 дней. Наговорились бы.

Кроме того, я человек трудовой, мне – лишь бы стол. Вашей жизни бы я не мешала, меня «развлекать» не нужно.

Ах, как было бы чудно!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На поездку я бы заработала и, м. б. немножко заработала бы – вечером – в Праге.
Притянуть чехов, а? Женские круги всегда отзывчивые?

Так оправдан был бы обратный билет. Все русские бы на меня пошли, а их у Вас
ведь еще не мало?

Ответьте – что думаете.

Прага – в письме для Рильке этого не напишу – мой любимый город. Недавно видела
открытку с еврейской синагогой – сердце забилось. А мосты! А деревья? Вспоминаю
как сон.

Денежные дела плохи. За лето ничего не печатала (написала три небольших поэмы: С
моря, Попытка комнаты, Лестница, – последняя пойдет в Воле России), с
Современными Записками разошлась совсем, – просят стихов прежней Марины
Цветаевой, т. е. 16 года. Недавно письмо от одного из редакторов: «Вы, поэт
Божьей милостью, либо сознательно себя уродуете, либо морочите публику». Письмо
это храню. Верх распушенности. Автор – Руднев, бывший московский городской
голова. Вы наверно его знаете, бывает в Праге, правый эсер... ..

Бельвю, 18-го дек(абря). 1926 г.

... Совсем не знаю что сказать Вам в ответ на Ваше уведомление о высылке денег.
Такие вещи, как всё незаслуженное, режут, я их боюсь, ибо, режа, пробивают кору
моего ожесточенного сердца. Мне было бы легче, если бы такого в моей жизни не
бывало. Поймете ли Вы меня?

Я безоружна перед добротой, – совершенно беспомощна. Как старый морской волк,
например, в цветнике. Поймете ли Вы меня?.. ..

...Мечту о Вашем приезде сюда не покинула. Весной у нас будет чудно, мы живем
почти в парке (старый дворец маркизы de Pompadour[848] разрушенный в 70 году
моими Deutschland uber alles,[849] – впрочем, тогда было: Preussen[850]). У нас
свободная мансарда, где зимой нельзя жить (нет отопления), но весной чудесно. В
нее и переселится Сергей Яковлевич, а Вы будете жить рядом с нами – Алей, Муром
и мною. Кроме того, при доме садик. Вообще – всё в зелени. Съездим с Вами в
Версаль – две остановки, ближе чем от Вшенор до Праги.

Давайте – серьезно. Дорога дорога, но окупится жизнью здесь. Вам нужно взять
какой-то душевный отпуск – у семьи. Не продышавшись душа ссыхается, знаю это по
себе. Семья ведь – сердце. Сердце разрастается в ущерб души, душе совсем нет
места, отсюда естественное желание – умереть: не не быть, а смочь быть. – Так ли
это у Вас?

Не соблазняя вас Эйфелевой башней (назойливой), ни даже выставками, всё это
все-таки скорей – для глаз и из породы развлечений, то есть несколько презренно.
Соблазняя Вас другим воздухом. Вами на свободе, Вами самую же. Это – как основа.
Остальное – Версаль, Лувр, Люксембург – очаровательные частности. А вот весна –
частность, а в Париже она чудесна..

Хотите – на Пасху? Давайте всерьез. Вырвите месяц, чудный месяц в воздухе!

Версты и евразийство газеты рвут на куски. Пропитались нами до 2-го №,
выходящего на днях. Новая пища. Особенно позорно ведет себя Милюков, [851] но оно
и естественно: он бездушен, только голова.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Второй № лучше первого, получите. Есть огромная ценность:

Апокалипсис Розанова... ..

Бельвю, 15-го января 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Итак – не приедете? Жаль. Почему-то поверила в чудо.

Думали ли Вы о том (конечно думали!), что все, что для других – просто, для Вас – чудо (и наоборот). Бытовая поездка в Париж, силой Вашего желания, сразу теряет свои естественные очертания, рельсы загибают – в никуда.

Жаль, но не всё потеряно, и знаю, что силой своего желания когда-нибудь добьюсь... ..

..От всей души хочу Вас, к Вам, быть с Вами. У меня с Вами покой и подъем (покой без подъема – скука. Подъем без покоя – тоска). Если бы Вы знали как мне ску-у-учно с людьми!

В Праге мне было лучше (между нами), была обездоленная и благородная русская молодежь, добрая, веселая и любящая семья Чириковых, был Слоним (отпал? отстал? – «тот поезд, на который все – опаздывают», я – о поэте), – о Вас не говорю, было – при сравнительно нечастых – почему не чаще? – встречах – постоянно сознание Вашего сочувствия, сопутствия, присутствия. В Париже у меня друзей нет и не будет. Есть евразийский круг – Сувчинский, Карсавин, другие – любящий меня «как поэта» и меня не знающий, – слишком отвлеченный и ученый для меня, есть сожителство с русской семьей: бабушка, взрослые сын и дочь, жена другого сына, внук – милые, но густо-бытовые – своя жизнь, свои заботы! – и больше нет ничего.

Так что – кажется главная моя, да нет – единственная моя радость с людьми – беседа – отпадает.

Окончательно переселилась в тетрадь.

Муру через 2 недели год, сниму и пришлю. Кругломордый, синеглазый, в больших локонах. Аля – еще чуть-чуть и с меня, но переменялась мало, совсем не повзрослела. Сергей Яковлевич измотан и измаян, глотает мышьяк и еще что-то, но мало помогает.

О Рильке в другой раз. Германский Орфей, то есть Орфей, на этот раз явившийся в Германии. Не Dichter (Рильке) – Geist der Dichtung.[852]

Да! Очень прошу Вас, дорогая Анна Антоновна, – если действительно состоится лекция обо мне Марка Львовича Слонима – запомните возможно точнее, ведь это нечто вроде эпилога, нет, – некролога: целой долгой дружбы. Мне хочется знать, хорошо ли он знает – что потерял?

А о нем над гробом – хорошо сказали. Ребенок над разбитой игрушкой, с той разницей, что раньше сам ломал, а эта – сама сломалась.[853] Что ломал-то – старые, а сломалась-то – новая!.. ..

...Не забудьте, дорогая Анна Антоновна, возможно точнее, в его выражениях! – запомните лекцию. Просто, тут же запишите – что понравится. Это для меня проверка... ..

...Мой тот свет постепенно заселяется: еще Рильке! А помните штейнеровское: Auf Wiedersehen!.. [854] ...

Бельвю, 21-го февраля 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Спасибо за полноту слуха и передачи, еще больше – за мужество отстаивать отсутствующего, [855] не о себе в Париже говорю, о себе в жизни говорю. Все мои друзья мне о жизни рассказывают, как моряки о далеких странах – мужикам. (Le beau rôle, как видите, в этом уподоблении – n'est pas pour moi, – mais...je me fiche des beaux rôles!)[856] из этого заключаю, что я в жизни не живу, что впрочем ясно и без предпосылки. И вот Вы, мужественное сердце, решили меня – силой любви – воскресить в жизнь, – нет, не воскресить, ибо никогда не жила – а явить в жизнь. И что же – час прожила. Брэю [857] и Слониму тоже, хоть не то же – благодарность... ..

... Кончила письмо к Рильке – поэму. [858] Сейчас пишу «прозу» [859] (в кавычках из-за высокопарности слова) – т. е. просто предзвучие и позвучие – во мне – его смерти. Его смерть в моей жизни растроилась: непосредственно до него умерла Алина старая Mademoiselle и непосредственно после (все на протяжении трех недель!) один русский знакомый мальчик Ваня. А в общем – одна смерть (одно воскресение). Лейтмотивом вещи не беру, а сами собой встали две строки Рильке:

Denn Dir liegt nichts an den Fragenden:

sanften Gesichtes siehst

Du den Tragenden zu

. [860]

На многое (внутри) меня эта смерть еще подвигнет.

Внешне очень нуждаемся – как никогда. Пожираемы углем, газом, электричеством), молочницей, булочником. Питаемся, из мяса, вот уже месяцы – исключительно кониной, в дешевых ее частях: coeur de cheval, foie de cheval, rognons de cheval [861] и т. д., т. е. всем, что 3 франка 50 фунт – ибо есть конина и в 7–8 франков фунт. Сначала я скрывала (от Сережи, конечно), потом раскрылось, и теперь Сережа ест сознательно, утешаясь, впрочем евразийской стороной... конского сердца (Чингис-Хан и пр.)... ..

...Сережа в евразийство ушел с головой. Если бы я на свете жила (и, преступая целый ряд других «если бы») – я бы наверное была евразийцем. Но – но идея государства, но российское государство во мне не нуждается, нуждается ряд других вещей, которым и служу... (пр. 5 с.)

...Попадался ли Вам на глаза № 1 Русской Мысли? Единственный (и какой!) свет – письмо Рильке о Митиной Любви. [862] Рильке – о Бунине – чувствуете все великодушие Рильке? Перед Рильке – Бунин (особенно последний) анекдотист,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
рассказчик, газетчик.

Вспоминаю Прагу, и где можно, когда можно, – страстно хвалю... ..

...Дорогая Анна Антоновна, Вы один из редких людей, которым мне постоянно хочется писать, а еще больше – говорить. Верю в – не сейчас, так потом – осуществимость Парижа, в поездку в Версаль, во все, что расцветет во мне парижского – только с Вами... ..

... Иждивение мне пока из Чехии, слава Богу, идет. Напишите, дорогая Анна Антоновна, кого из чехов благодарить? Неловко – получать и молчать!..

Meudon (S. et O)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Третий день Пасхи 1927 г.

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Последнее мое письмо к Вам явно пропало, написала Вам тотчас же по переезде в соседний городок на новую квартиру, около месяца назад.

Квартира удобная и недорогая: три комнаты (две порядочные, одна – моя – маленькая), ванная, крохотная кухня (вроде клетки для гориллы, – я очень точна), собственное центральное отопление – все это 350 франков в месяц. (Отопление, конечно, наше.) Но – немеблированная, пришлось обрастать, вернее – спешно обрасти – вещами. Кое-что дали, часть купили в рассрочку. Контракт на три года. Для Вас – отдельная комната, когда бы ни приехали – моя. Сплю с детьми, а работать я бы спокойно могла в Вашем присутствии. Вовсе не оставляю мечты о Вашем приезде, очень верю в него, как во все естественное, изнутри полагающееся. [863]

Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага – а сколько имен и событий. А у меня большой Париж – и rien, [864] м. б. оттого что не могу: не ищу. Окружена евразийцами – очень интересно и ценно и правильно, но – есть вещи дороже следующего дня страны, даже России. И дня и страны.

В порядке действительности и действенности евразийцы – ценности первого порядка. Но есть порядок – над-первый audessus de la mêlée, [865] – мой. Я не могу принять всерьез завтрашнего лица карты, потому что есть послезавтрашнее и было – сегодняшнее и, в какой-то день, совсем его не будет (лица). Когда дерутся на улицах – я с теми или с другими, сразу и точно, когда борьба отвлеченная, я (честно) ничего не чувствую, кроме: было, есть, будет.

Меня в Париже, за редкими, личными исключениями, ненавидят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т. д. Ненависть к присутствию в отсутствии, ибо нигде в общественных местах не бываю, ни на что ничем не отзываюсь. Пресса (газеты) сделали свое. Участие в Вёрстах, муж-евразиец и, вот в итоге, у меня комсомольские стихи и я на содержании у большевиков.

Schwamm (und Schlamm!) drüber!.. [866] ...

...Но – неожиданное везение. Нашелся издатель [867] для моей последней (1922 г. –
Страница 278

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1925 г.) книги стихов, большей частью возникшей в Чехии. (Чехия минус два первых берлинских месяца.) Издатель, очень любящий мои стихи и хотящий, чтобы они были. Книга (только Вам!) называется После России – хорошо? Я в этом названии слышу многое. Во-первых – тут и слышать нечего – простая достоверность: все – о стихах говорю – написанное после России. Во-вторых – не Россией одной жив человек. В-третьих – Россия во мне, не я в России (Серезины слова, [868] у себя на Доне, NB! Для нас Россия была Москва). В-четвертых: следующая ступень после России – куда? – да почти что в Царство Небесное!

А в общем название скромное и точное.

О книге никому ни слова (выйдет осенью!) – сглазят. Здесь никому не говорю.

Живем вблизи большого медонского леса, наша Avenue Jeanne d'Arc в него входит. Но к сожалению, окраина леса заселена семьями и парочками, а дальше, с Муром, круто. Нужно идти по крайней мере полчаса, чтобы обрести лес. Полчаса моих – с Муром полтора часа. В Чехии было лучше... ..

...Слишком много черной работы и людей. Вот мой вздох. Все утра пропадают; 4 раза в неделю рынок, нельзя пропускать. Остальные три – случайности насущных и насущности случайных дел. Кроме утренней еды всем и готовки обеда – ну, белье сосчитать, ну – выстирать, ну – срочно зашить, много – ну. Аля очень помогает.... хорошая здоровая красивая девочка – очень красивая, хорошеет день ото дня. Уже почти с меня ростом, будет больше... ..

...За зиму написала – меньше половины Федры, письмо к Рильке (поэма), прозу о Рильке: ТВОЯ СМЕРТЬ (около двух листов), которую и предлагаю Вам для перевода. Содержание: о соседстве могил, – рассказ о смерти M-elle Jeanne Robert – рассказ о смерти русского мальчика Вани – попытка истолковать смерть Рильке. Лирическая проза. Вещь будет переведена на французский и на немецкий, была бы счастлива, если бы Вы перевели ее на чешский. Вещь вне-национальная, н-а-д-национальная. Пойдет в следующем № «Воли России», пришлю уже в корректуре. Кажется – хорошая вещь. Ведь Россия на смерть Рильке ничем не ответила, это был мой долг. (Россию он любил, как я Германию, всей непричастностью крови и свободной страстью духа.) В предпоследнем письме его вопрос: как слово «Nest – in Deiner Sprache, die so nah ist, alle zu sein» [869]

...У нас, дорогая Анна Антоновна, очень похожие жизни: сплошной черновик. И очень похожие – другие жизни, те. Проще: и здесь и там живем одной жизнью, здесь начерно, там набело. Прага или Париж – неважно. Впрочем, явно предпочитаю Прагу. В Париже нужно жить Парижем, иначе ты в нем и он для тебя бессмыслен. Кроме того, Париж – рассредоточен, с архипелагом сердец, у Праги же один центр – рыцарь. (Показательно для современной Праги, что он под мостом! Мы с Вами тоже под мостом!) Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой. Мы бы с вами бродили по Праге и непременно проехали бы в глубь страны, в дичь.

Да! у меня в книге будет только два посвящения: одно Пастернаку, другое (весь цикл) Вам. Оно уже переписано и на днях пойдет в набор. Какой – пока не скажу. [870] – Мой самый любимый и совершенно связанный с Вами – ...

Медон, 4-го октября 1927 г.

.....8-го сентября мы должны были ехать на Океан – на месяц – нам предоставляли целый дом. Взяла ряд авансов на билеты, все уже было готово... и 2-го, т. е. меньше чем за неделю, заболевает Мур. Болезнь началась рвотой и сильным жаром, на другой день заявилась сыпь. Позвали доктора: краснуха. Мур пролежал 3 недели, а 18-го в день Алиного рождения (5/18 сентября) заболела я. Краснуха оказалась скарлатиной. 19-го слегла Аля, дом превратился в лазарет. Лежу уже 17 дней,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
нужно еще 10. Жар прошел, сыпь тоже, но нужно лежать, п. ч. после скарлатины часто бывают всякие гадости, если рано встать, например – порок сердца. Сильнее всех болела я, у Али даже не было сыпи, – только несколько дней поболело горло. Я же целую неделю не могла спать из-за безумной боли рук, ног и шеи, – отравление токсинами. Теперь всё хорошо, нужно надеяться, – хотя бывают всякие сюрпризы – что пройдет бесследно. В общем, во Франции скарлатина легкая, не то, что в России, где от нее сплошь да рядом умирали, особенно взрослые. Так например, умерла первая жена Вячеслава Иванова, писательница Зиновьева-Ганнибал, заразившаяся от детей. [871]

Но увы! Конверт с дорожными деньгами, тщательно заклеенный, чтобы не истратить «на жизнь» – пуст. Все ушло на врачей и на лечение. Но главного я Вам не сообщила: я побрилась. Брилась уже два раза, после третьего начну обрастать. После скарлатины сильно лезут волосы, не выношу этого ощущения: лучше ничего, чем мало! Пишу Вам лежа, в детском голубом колпаке. Великодушные знакомые сравнивают меня кто с римлянином, кто с египтянином... ..

...А вот моя большая мечта. Нельзя ли было бы устроить в Праге мой вечер, так чтобы окупить мне проезд туда и обратно, – минимум 1000 крон. Приехала бы в январе-феврале на две недели, остановилась бы, если бы Вы разрешили, у Вас. Мы провели бы чудных две недели. Для этого нужно было бы продать 200 билетов по 5 крон или 100 билетов по 10 крон. Неужели же это невозможно?? Хорошо бы притянуть чехов. В устройстве помогли бы Брэй, Альтшулер и Еленев. [872] Мое решение вполне серьезно, я очень соскучилась по Вам и иного выхода не вижу. Кроме того, мне очень хочется написать о Чехии, за две недели Вы бы мне многое рассказали, походили бы с Вами по музеям, м. б. съездили бы в какие-нибудь окрестности, я бы записывала, а приехав в Париж – написала бы. Это моя давняя мечта. Напишите, что Вы об этом думаете? К февралю я бы порядочно обросла (не забудьте, что я бритая!) и в крайнем случае могла бы выдать свою стриженую голову за последнюю парижскую моду. Вы бы встретили меня на вокзале, – подумайте как чудно! Давайте осуществим. Никакому Океану я так не радовалась, как сейчас – мысли о Праге.

С нетерпением жду ответа. Все дело в тысяче крон ...

Медон, 24-го октября 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна, сердечное спасибо за письмо и подарок, оба дошли. Я уже неделю как встала, все хорошо, кроме боли в кистях рук, так и оставшейся, – оставлю ее на каком-нибудь летнем холме.

Страшно обрадована относительной возможностью поездки к Вам, март – очень хорошо, успеют отрасти волосы. Кстати нынче бреюсь в седьмой и последний раз, очень трудно остановиться, – понравилось – но Сергей Яковлевич возмущен и дальше жить отказывается.

Вчера сдала последнюю корректуру своей книги стихов «После России». Из 153 страниц текста – 133 страницы падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что не даром давали мне иждивение все те годы. За Чехию у меня написаны: «После России», «Молодец», «Тезей», «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца», и ряд прозаических вещей. Очень помогла природа, которой здесь нет, ибо лес с хулиганами по будням и гуляющими по праздникам – не лес, а одна трава.

Знаете, как странно? Помните мою дружбу с волероссийцами, особенно – с Марком Львовичем? Видела его за всё время – один раз, т. е. с самого его переезда во Францию. Самым преданным оказался Лебедев, с которым я меньше всего водила дружбу. Он, действительно, искренно расположен, единственный из них откликнулся на все наши беды... (пр. 7 с.)

...Читаете ли Вы травлю евразийцев в Возрождении, России, [873] днях? «Точные

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сведения», что евразийцы получали огромные суммы от большевиков. Доказательств, естественно, никаких (ибо быть не может!) – пишушие знают эмиграцию! На днях начнут опровержения, – как ни гнусно связываться с заведомо-лжецами – необходимо. Я вдалеке от всего этого, но и мое политическое бесстрашие поколеблено. То же самое, что обвинить меня в большевицких суммах! Так же умно и правдоподобно.

Сергей Яковлевич, естественно, расстраивается, теряет на этом деле последнее здоровье. Заработок с 5 1/2 ч. утра до 7–8 вечера, игра в кинематографе фигурантом за 40 франков в день, из которых 5 франков уходят на дорогу и 7 франков на обед, – итого за 28 франков в день. И дней таких – много – если 2 в неделю. Вот они, большевицкие суммы!.. ...

#1_13#

Медон, 28-го ноября 1927 г.

..... Нынче в первый раз после долгого сиденья дома (простужен, как все окружающие) Мур вышел на улицу. День был мягкий, пражский: туман, дуновение, сон. Мы гуляли одни (Аля была в школе), прошли в наш чудесный парк, где (туман!) не было ни души. Только голубой Мур и я. В 4 часа стало уже смеркаться, ночь напознала как пуховик. Не хотелось уходить: одиночество и туман, – мои две стихии! Мур из голубого превратился в синего – сизого, – цвета расстилавшегося вдаль Парижа и неба над ним. Людей не было: был новый (всегда!) Мур в новом костюме и тысячелетняя я. «Сколько Вам лет?» – «Час. – Старше камней». Человека, который бы не улыбнулся в ответ, полюбила бы с первого раза. Но – отвлекаюсь – моим годам, вообще, суждено смущать. Мне осенью исполнилось 33, выгляжу на 23, а Аля, которой 14, на 16. Путаница. Впрочем никогда, с четырех лет, не имела своего возраста, ни с виду, ни внутри, раньше и была и выглядела старше, сейчас выгляжу моложе, живу – моложе, и неизмеримо старше – есмь... .. Не люблю Парижа. «Dunkle Zypressen! Die Welt ist gar zu lustig! Es wird doch alles vergessen».[874] (Мур, глядя на перечеркнутое: «Мама! ты грязь сделала») – ...

...Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь. Мне хочется к Вам, ее единственному и лучшему для меня воплощению, к Вам и к Рыцарю. Нет ли его изображений покрупнее и пояснее, вроде гравюры? Повесила бы над столом. Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом. Мне скажут (не Вы, другие!) – «Ваша Прага», и я, схитрив и в полной чистоте сердца, отвечу: «Да, моя».

Ничего не боюсь, ни знакомств, ни гостей, я умею по-всякому, со всеми. Написала и увидела: по-своему со всеми. Я от людей не меняюсь, они от меня – чаще – да. Скучны мне только политики.

М. б. ничего и не выйдет, что ж – была мечта! Очень удивлюсь, если выйдет: в Праге меня все более или менее видели, а это единственное, что интересно в «поэтессе». М. б. (шучу, конечно) сослужит моя новая прическа, в данную минуту равная русскому старорежимному гимназическому 1-классному бобрику. Волосы растут темнее, но не жестче, чем были. Хожу без всякой повязки. Женщины огорчатся, мужчинам нравится.

Недавно сдала в Волю России для ноябрьского № «Октябрь в вагоне», – мой Октябрь 1917 г. (дорога из Феодосии в Москву). Думаю, Вам понравится. Там хорошая формула буржуазии. Дописываю последнюю картину Федры (трагедия). Мой Тезей задуман трилогией: Ариадна – Федра – Елена, [875] но из суеты (ли?) – верия не объявила, для этого нужно по крайней мере одолеть две части. Знаете ли Вы, что на долю Тезея выпали все женщины, все-навсегда? Ариадна (душа), Антиопа (амазонка), Федра (страсть), Елена (красота). Та троянская Елена. 70-летний Тезей похитил ее семилетней девочкой и из-за нее погиб.

Сколько любвей и все несчастные. Последняя хуже всех, потому что любил куклу... ..

...О Рильке: 29-го сего декабря его годовщина, не сослужит ли это при помещении перевода? Очень хотелось бы увидеть эту вещь напечатанной именно в Чехии.[876] Рильке – великий поэт всей современности – ведь уроженец Праги!.. ..

Медон, 12-го декабря 1927 г.

... ..Скоро Рождество. Я, по правде сказать, так загнана жизнью, что ничего не чувствую. У меня – за годы и годы (1917–1927 г.) – отупел не ум, а душа. Удивительное наблюдение: именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль – молния, чувство – луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом. Простой пример: обваливая 11/2 кило мелких рыб в муке, я могу думать, но чувствовать – нет: запах мешает! Запах мешает, клейкие руки мешают, брызжущее масло мешает, рыба мешает: каждая в отдельности и все 11/2 кило вместе. Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. Либо всё, либо ничего. Я своему не могу дать ничего: ни времени, ни тишины, ни уединения: я всегда на людях: с 7 ч. утра до 10 ч. вечера, а к 10-ти ч. так устаю, что – какое чувствовать! Чувство требует силы. Нет, просто сажусь за штопку вещей: Муриных, Сергея Яковлевича, Алиных, своих – 11 ч., 12 ч., 1 ч. – Сергей Яковлевич приезжает с последним поездом, короткая беседа – и спать, т. е. лежать с книгой до 2 ч., 21/2 ч. – хорошие книги, но я бы еще лучше писала, если бы –

Виновата (виновных нет) м. б. и я сама: меня кроме природы, т. е. души, и души, т. е. природы – ничто не трогает, ни общественность, ни техника, ни – ни – Поэтому никуда не езжу: ску-учно! Профессор читает, а я считаю: минуты до конца. – К чему? – Так и сегодня: евразийская лекция о языковедении. Кажется близко? Только кажется. Профессор (знаменитость) все языки ведет от четырех слов[877] Когда я это услышала, я сразу отвратилась: ничто четное добра не дает. А рифма? Рифма есть третье!

Так и не пошла, и сижу между чулком и тикающим будильником.

Как я хочу в Прагу! – Сбудется?? Если даже нет, скажите: да! В жизни не хотела назад ни в один город, совсем не хочу в Москву (всюду в России, кроме!), а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и замороженная. Я хочу той себя, несчастно-счастливой, – себя – Поэмы конца и Горы, себя – души без тела всех тех мостов и мест. (NB! Вот и стихи:

Себя – души без тела

Всех тех мостов и мест).

Где я ждала и пела,

Одна как дух, как шест.

Себя – души без тела

Всех тех мостов и мест.

Так когда-то писались стихи, не писала (отдельных) с 1925 г., мая – месяца. Маяться – мой глагол!

Как я хотела бы с вами – по чехии! Вглубь! (Знаю, что совсем несбыточно!) После Праги – (Города-призрака) – в природу. Неужели дело в деньгах, которые – были или не были – презирала. Да, будь деньги! Учителей и книг – Але, образцовую няню – Муру, квартиру с садиком, а себе? Каждый день писанье и раза два в год –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
отъезды, первый – к Вам. Недавно мне кто-то сказал, что мои прежние русских сто тысяч равнялись бы миллиону франков. – Звук. –

Кончила Федру. Писала ее около полугода, но ведь пишу в день 1/2 ч., много – час! Очень большая, больше Тезея. Тезей задуман трилогией: Ариадна – Федра – и написанной быть имеющая – Елена. Не знаю, куда сдам. М. б. в Современные Записки. Сейчас занята общей чисткой и выправкой, много недавших мест. – Справляюсь. – Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь.

До свидания! Думайте обо мне на пражских мостах и улочках (не – улицах!). Может быть все-таки когда-нибудь вместе?.. ...

Медон, 3-го января 1928 г.

Милая Анна Антоновна, еще неохотно вывожу 1928 г. – как каждый новый, впрочем. Заминка руки и сердца, под заминкой – измена. Не сомневаюсь, что стерпится – слюбится. (Кстати, люблю эту поговорку только наизусть, так – только терплю.)

Огромное и нежнейшее спасибо за новогодний подарок, прямо в сердце, а осуществление – чудное серебряное кольцо Але, с камеей: амуром-Муром, и столик Муру. Получат послезавтра под ёлкой. Будет столько гостей, а Вас не будет. Будет, кстати, герой моей поэмы конца [878] – с женой, [879] наши близкие соседи, постоянно видимся, дружественное благодушие и равнодушие, вместе ходим в кинематограф, вместе покупаем подарки: я – своим, она – ему. Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов, и покоится он, с Любушиным кладом, на дне Влтавы – а может быть – и Леты. Кстати, в Праге, определенно, что-то летейское, в ветвях, в мостах, в вечерах. Прага для меня не точка на карте.

Новый Год встречала с евразийцами, встречали у нас. Лучшая из политических идеологий, но... что мне до них? Скажу по правде, что я в каждом кругу – чужая, всю жизнь. Среди политиков так же, как среди поэтов. Мой круг – круг вселенной (души: то же) и круг человека, его человеческого одиночества, отъединения. И еще – забыла! – круг: площадь с царем (вождем, героем). С меня – хватит. Среди людей какого бы то ни было круга я не в цене: разбиваю, сжимаюсь. Поэтому мне под Новый Год было – пустынно. (Чем полней комната – тем...) То, что я Вам рассказываю. Вам не новость: нам не новость... ...

...Получила вчера большое милое письмо от В. Ф. Булгакова, как Вы думаете – не притянуть ли его к устройству моего вечера?.. ...

Волосы мои порядочно отросли, но – новая напасть: нарыв за нарывом, живого места нет, взрезывания, компрессы, – словом уж три недели мучаюсь. Причина 1) трупный яд, которым заражена вся Франция, 2) худосочие. Есть впрыскивание, излечивающее раз навсегда, но 40-градусный жар и лежать 10 дней. Не по возможностям. М. б. когда-нибудь... А пока хожу ивовом... [880] ...

Медон, 10-го февраля 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, обращаюсь к Вам со следующей большой просьбой, – не найдете ли Вы мне подписчиков на мою книгу «После России», – посылаю Вам три бланка в отдельном конверте.

Дело с книгой таково: по внесении в типографию 2/3 стоимости книги (4000 франков) книга, совсем готовая, начнет печататься. Издатель разместил уже 25 подписок, но больше не может, остальные 15 должна разместить я. Вот и прошу Вас, может быть удастся? Техника такова: подписчик заполняет бланк и отправляет его издателю, по указанному адресу, с приложением соответствующей суммы. Проще

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
будет, если эти деньги будут сразу вручены Вам, Вы, с заполненными бланками, перешлете их издателю. (Заполненные бланки важны для нумерации, каждый подписчик получит свой №.) М. Б. та редакторша подпишетесь? Хорошо бы разместить все три, и поскорее: от быстроты зависит появление книги.

Ясно ли Вам? Дорогими экземплярами мы с издателем окупаем часть издания, ибо наличных ни у него, ни у меня нет. Деньги идут не мне, а в типографию.

Издатель очень торопит, книга залежалась, пора выпускать. Хотела просить Вас сделать все возможное, но Вы и так всегда делаете – больше чем можете!

В субботу у нас Брэй, побеседуем, расскажет о Вас, о Праге. ...

Медон, февраль 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, отвечаю Вам тотчас же. На Прагу я никогда не надеялась, – слишком хотелось. Тешила себя мечтой, но знала, что тешу. Читали ли Вы когда-нибудь *Der Trompeter von Säckingen*?[881]

Там песенка, с припевом:

Behüt Dich Gott – es war zu schon gewesen!

Behüt Dich Gott – es hat nicht sollen sein!

[882]

Так у меня всю жизнь. Меньше бы хотела к Вам – наверное бы сбылось. А к Вам хотела и хочу – сказать просто? – Любить. Я никого не люблю – давно, Пастернака люблю, но он далёко, всё письма, никакой приметы этого света, должно быть и не на этом! Рильке у меня из рук вырвали, я должна была ехать к нему весною. О своих не говорю, другая любовь, с болью и заботой, часто заглушенная и искаженная бытом. Я говорю о любви на воле, под небом, о вольной любви, тайной любви, не значащейся в паспортах, о чуде чужого. О там, ставшем здесь. Вы же знаете, что пол и возраст ни при чем. Мне к Вам хочется домой: *ins Freie*: [883] на чужбину, за окно. И – о очарование – в этом *ins Freie* – уютно, в нем живется: облако, на котором можно стоять ногами. Не тот свет и не этот, – третий: сна, сказки, мой. Потому что Вы совершенно сказочны (о, не говорите, что я «преувеличиваю», я только – додаю!). Словом – к Вам, в тепло и в родной холод. И, возвращаясь к *Trompeter*'у – не правильнее ли было бы:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen,

Behüt Dich Gott – es hat nicht wollen sein?

[884]

Месть жизни за все те светá.

Вы спрашиваете о «После России»? Сложно. Книга, говорят, вышла месяц назад, но никто ее не видел. Издатель (неврастеник) ушел из издательства и переехал на другую квартиру, на письма не отвечает. Издавал он книгу самолично, на свой риск, в издательстве о ней ничего не знают. С Верстами вышла передрыга: очень большое количество экземпляров было, по недосмотру, отпечатано так слабо, что пришлось их в типографию вернуть. Отсюда задержка. Надеюсь, что на днях

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
получите. О них уже был отзыв в «Возрождении»[885] (орган крайне-правых, бывший струвовский). В них мои обе вещи «С моря» и «Новогоднее» (поэмы) названы набором слов, дамским рукоделием и слабым сколком с Пастернака, как и все мое творчество. (NB! Пастернака впервые прочла за границей, в 1922 г., а печатаюсь с 1911 г., кроме того Пастернак, в стихах, видит, а я слышу, но – как правильно сказала Аля: «Они и Вас и Пастернака одинаково не понимают, вот им и кажется»... Все дело в том, что я о Пастернаке написала хвалебную статью и посвятила ему «Молодца»).

Была бы я в России, всё было бы иначе, по – России (звука) нет, есть буквы: СССР, – не могу же я ехать в глухое, без гласных, в свистящую гущу. Не шучу, от одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: буквы не раздвинутся. (Sesam, thue Dich auf!)[886] В России я поэт без книг, здесь – поэт без читателей. То, что я делаю, никому не нужно ...

Медон, 11-го марта 1928 г.

... ..Огромное спасибо за устройство подписки. Вы сделали чудо. Тэффи, например, у которой такие связи (Великие князья, генералы, актрисы, французская знать), не могла устроить ни одного. Три билета мне еще устроил отец Б. Пастернака, Леонид Пастернак, художник (живет в Берлине). Вообще мне на заочность везет, мое царство. – Книга скоро выйдет, к несчастью издатель вроде автора: всё на Божию милость. «Где-нибудь, когда-нибудь». У нас в России бывали такие ямщики: он спит, а лошадь везет. А иногда: он спит и лошадь спит.

Недавно, на самых днях, пережила очередную встречу со смертью (помните, в «Твоя смерть» – кто следующий?). Умер от туберкулеза кишок брат моей подруги, Володя, 28 лет, на вид и по всему – 18. Доброволец, затем банковский служащий в Лондоне...[887]Ни секунду за всю болезнь не подозревал об опасности. «Вот поправлюсь»... А жизнь ему нужна была не для себя, а для других. Жить, чтобы работать и работать, чтобы другие жили. Умер тихо, всю ночь видел сны. – «Мама, какой мне веселый сон снился: точно за мной красный бычок по зеленой траве гонится»... А утром уснул навсегда. Это было 8-го, – вчера, 10-го хоронили. У французов не закапывают при родственниках, родные оставляют голый гроб. Насилу добились у могильщика, чтобы заровняли яму при нас, и длилось это 1 час 20 минут. Час 20 минут мать стояла и смотрела как зарывают ее сына. Лопаты маленькие, могильщики ленивые, снег, жидкая глина под ногами. А за день погода была летняя, все деревья цвели. Точно природа, пожалев о безродном, захотела подарить ему на этот последний час русские небо и землю. Проводила мать и сестру до дому, зашла – тетушка накрывает на стол, кто-то одалживает у соседей три яйца, говорят про вчерашнее мясо. – Жизнь. – В тот же вечер мать принялась за бисерные сумочки, этим живут. Вот и будет метать бисер и слезы... ..

Медон, 10-го апреля 1928 г.

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Окликаю Вас на перегибе вашей и нашей Пасхи, в лучший час дерева, уже не зимы, еще не лета. Ранней весной самый четкий ствол и самый легкий лист. Лето берет количеством.

Как у вас в Праге? В Медоне чудно. Первые зазеленели каштаны, нет – до них какие-то кусты с сережками. Но, нужно сказать, французская весна мне не по темпераменту, – какая-то стоячая, тянущаяся месяцы. В России весна начиналась, т. е. был день, когда всякий знал: «весна!» И воробьи, и собаки, и люди. И, начавшись, безостановочно: «рачьте дале!» как кричат ваши кондуктора. Но худа или хороша – всё же весна, то есть: желание уехать, ехать – не доехать: заехать (два смысла: 1. завернуть 2. не вернуться. Беру во втором.)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У нас в доме неожиданная удача в виде чужой родственницы, [888] временно находящейся у нас. Для дома – порядок, для меня – досуг, – первый за 10 лет. Первое чувство не: «могу писать!», а: «могу ходить!» Во второй же день ее водворения – пешком в Версаль, 15 километров, блаженство. Мой спутник [889] – породистый 18-летний щенок, учит меня всему, чему научился в гимназии (о, многому!) – я его – всему, чему в тетради. (Писанье – ученье, не в жизни же учишься!) Обмениваемся школами. Только я – самоучка. И оба отличные ходоки.

– Сердечное, к большому стыду сильно запоздалое спасибо за шоколад. Угощались и угощали.

– Читали ли в Воле России «Попытку комнаты»? [890] Эту вещь осуждает все мое окружение. Что скажете? Действительно ли непонятно? Не могу понять... ..

1-го августа 1928 г.

Pontaillass, près Royan

Charente Inferieure

Villa Jacqueline

Моя дорогая Анна Антоновна! Получила Вашего рыцаря на берегу Океана, – висит над моим изголовьем, слушая то, чего наверное никогда не слышал – прилив.

Мы здесь две недели, всей семьей плюс дама, полу-чужая, полу-своя, живущая у нас с весны и помогающая мне по хозяйству и с Муром. Сергей Яковлевич скоро уезжает обратно, – евразийские дела, мы все остаемся до конца сентября... ..

...Уехали мы на деньги с моего вечера – был в июне [891] и скорее неудачный: перебила III Московская. Студия, приехавшая на несколько дней [892] и как раз в тот же день – в единственный раз дававшая «Антония» (Чудо Святого Антония, Метерлинка). Но все-таки уехали.

Здесь из русских: профессора Карсавин и Лосский с семьями, [893] профессор Алексеев, [894] П. П. Сувчинский с женой, жена профессора Завадского с дочерью и внуком, эсеровская, многочисленная семья Мягких [895] и племянник профессора Завадского, Владик Иванов. [896] Кроме Лосских и Мягких – всё евразийцы. Но, евразийцы или нет – всех вместе слишком много, скучаю, как никогда – одна ...

Что наш план о моей осенней поездке? Нечего надеяться? А как хотелось бы провести с Вами несколько дней, в тишине. Парижа я так и не полюбила.

Dunkle Zypressen!

Die Welt ist zu lustig, –

Es wird doch alles vergessen!

[897]

Целую Вас нежно, наши все Вас приветствуют.

МЦ. ...

Понтайяк, 9-го сентября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Получила Ваше письмо из чешских лесов, где Вас уже нет (и где я – еще есть!). Мой океан тоже приходит к концу, доживаю. Впереди угроза отъезда: перевозка вещей, сдача утвари – хозяйке, непредвиденные траты, финальный аккорд (диссонанс!). Боюсь этих вещей, томлюсь, тоскую. Зачем деньги? Чтобы не мучиться – душевно – из-за разбитого кувшина.

В сентябре должен был приехать сюда ко мне один мой молодой (18 л.) друг, чудесный собеседник и ходок.[898] Сентябрь – месяц беседы и ходьбы: беседы на ходу! я так радовалась – и вот – как всегда – что? – несвершение. В последнюю минуту оказалось, что ехать не может, действительно не может, и я бы не поехала. Остался по доброй воле, т. е. долгу, – как я всю жизнь, как Вы всю жизнь – оставались, останемся, оставаться – будем. Так же не поехал на океан, как я не поеду к Вам в Прагу. – Порядок вещей. – Не удивилась совсем и только день горевала, но внутренне – опустошена, ни радости, ни горя, тупость. Ведь я в нем теряю не только его – его-то совсем не теряю! – я себя – с ним, его – со мной, данную констелляцию в данный месяц вечности, на данной точке земного шара.

Хороший юноша. Понимает всё. Странно (не странно!) что я целый вечер и глубоко в ночь до его приезда (должен был приехать 1-го, ходила на вокзал встречать, возвращаюсь – письмо) напевала:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen –

Behüt Dich Gott – es hat nicht sollen sein!

[899]

Я все лето мечтала о себе-с-ним, я даже мало писала ему, до того знала, что все это увидит, исходит, присвоит. И вот

«Милый друг, я понадеялась на Вашу линию – пересилила моя. Вы просто оказались в моей колее. Если бы Вы ехали не ко мне, Вы бы приехали.

Вы теряете весь внешний мир, любя меня»

А внешний мир – это и рельсы, и тропинки вдоль виноградников, – и мы на них...

В Медоне мы с ним часто видимся, но – отрывочно, на людях, считаясь с местами и сроками. Здесь бы он увидел меня – одну, единственную меня. Второй раз этого не будет, жизнь не повторяет своих даров – особенно так принимаемых.

Будь я другой – я бы звала его, «либо – либо», и он бы приехал, бросив семью, которая в данный час только им и держится (не денежно, хуже), и был бы у меня сентябрь – только не мой, ибо у той, которая может рвать душу 18-летнего на части, не может быть моего сентября. Был бы чужой сентябрь. – Бог с ним! – Так у меня все-таки – мой.

A celle qu'un jour je vis sur la grève

Et dont le regard est mieux qu'andalou –

Donne un coeur d'enfant pour qu'elle le crève:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Il faut à chacun donner son joujou...

[900]

(Баллада Ростана.[901] NB! Юношеская.)

Я знаю, что таких любят, о таких поют, за таких умирают. (Я всю жизнь – с старыми и малыми – поступаю как мать.) Что ж! любви, песни и смерти – во имя – у меня достаточно!

я – die Liebende, nicht – die Geliebte

. [902]

Читали ли Вы, дорогая Анна Антоновна, когда-нибудь письма M-elle de Lespinasse[903] (XVIII в.). Если нет – позвольте мне Вам их подарить. Что я – перед этой Liebende! (Если бы не писала стихов, была бы ею – и пуще! И может быть я все-таки – Geliebte, только не-людей!)

...То мой любовник лавролобий

Поворотил коней

С ристалища. То ревность Бога

К любимице своей...

[904]

...Пишите об осенней Праге. Господи, до чего мне хочется постоять над Влтавой! В том месте, где она как руками обнимает острова!

Я еще когда-нибудь напишу о Праге – как никто не писал – но для этого мне нужно увидеть ее заново – гостем.

На приезд не надеюсь ich hab'es schon verschmerzt...[905] ...

Сердечный привет Вашим.

МЦ.

Зовите меня просто Марина.

Але на днях (5/18) исполняется 15 лет. Правда, не верится? В Чехию приехала 9-ти.

А мне – тоже скоро (26-го сентября – 9-го октября – 34, в Чехию приехала 28-ми.

А Муру 1-го августа исполнилось 3 1/2 года. В Чехию приехал 0 дня.

Выиграл, в общем, только Мур.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– «Мур, молись: „Святой Боже“ – „Святой Боже“... – „Святой крепкий“ (Мур, уже с сомнением:) – „Святой... крепкий?“ „Святой бессмертный“... „Как – бессмертный? Это кашей бессмертный!“ – Помилуй нас!»

Медон, 18-го ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во-первых и в-главных: башмачки дошли – чудесные – Мур носит не снимая. Не промокают и размер как раз его. Спасибо от всего сердца, это больше чем радость – необходимость... ..

...Очередная и очень важная просьба. Мы очень нуждаемся, все уходит на квартиру и еду (конину, другое мясо недоступно – нам), печатают меня только «Последние Новости» (газета), но берут лишь старые стихи, лет 10 назад. – Хороши последние новости? (1928 г. – 1918 г.). Но весь имеющийся ненапечатанный материал иссяк. Вот просьба: необходимо во что бы то ни стало выцарапать у Марка Львовича[906] мою рукопись «Юношеские стихи». [907] Писать ему – мне – бесполезно, либо не ответит, либо не сделает. Нужно, чтобы кто-нибудь пошел и взял, и взяв – отправил. На Марка Львовича никакой надежды, я его знаю, «найду и pošлю» – не верьте. Передайте ему прилагаемую записочку, где я просто прошу передать «Юношеские стихи» вам, не объясняя для чего (чтобы у него не было возможности обещать – и не сделать). Если можно – сделайте это поскорее. Раз в неделю стихи в Последних Новостях – весь мой заработок. Все Юношеские стихи ненапечатаны, для меня и Последних Новостей (где меня – старую – т. е. молодую! – очень любят) – целый клад... ..

...Присылкой этой рукописи Вы меня спасете, там есть длинные стихи, по 40–50 строк, т. е. 40–50 франков в неделю: деньги!.. ..

– Пишу большую вещь – Перекоп (конец Белой Армии) – пишу с большой любовью и охотой, с несравненно большими, чем например, Федру. Только времени мало, совсем нет – как всю (взрослую!) жизнь. С щемящей нежностью вспоминаю Прагу, где должно быть мне никогда не быть. Ни один город мне так не вращал в сердце!

Behüt Dich Gott! es wär zu schön gewesen –

Behüt Dich Gott! es hat nicht sollen sein!

Целую Вас нежно.

Марина

Медон, 29-го ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во-первых и в-главных: огромное спасибо за рукопись, настоящий подарок! Без вас я её никогда бы не достала. Марк Львович ни словом, ни делом на письма не отвечает, – не по злобе, – по равнодушию («les absents ont toujours tort»[908]), в этом он обратное романтикам, у которых «les absents ont toujours raison, – les presents – tort»![909])

Нежно благодарю Вас за заботу, мне вспоминается стих Ахматовой:

Сколько просьб у любимой всегда! [910]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
По тому как я у Вас часто прошу я знаю, что Вы меня любите.

Второе: перевод моего Рильке на чешский, – его второй родной язык – для меня огромная радость.[911] (NB! Меня (прозу) еще никто никогда ни на какой язык не переводил. Вы – первая). Рильке вернулся домой, в Прагу. Сколько у него стихов о ней в юности! («Mit dem heimatlichen 'prosim'».)[912]

Пришлите мне книжку с Вашим переводом? Аля поймет, да и я пойму, раз знаю оригинал... ..

...Целую Вас нежно, спасибо за всю доброту, пишете.

Любящая Вас

Марина

30-го ноября, четверг.

Вчера уехал Савицкий[913] и всё повез. Обещал вещи Вам переслать с кем-нибудь из знакомых. Он, кажется, человек точный (пр. 1 с.) Напишите впечатление от «Евразии» и Ваше и других! (Говорю о № 1 евразийской еженедельной газеты, которую, надеюсь, получили).[914] В следующем письме напишу Вам о Маяковском, которого недавно слышала в Париже.[915] (В связи с моим обращением к нему в газете. NB! Как его толкуете? Не забудьте ответить.)

Медон, 1-го января 1929 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Желаю Вам в нем здоровья, покоя, удачи, работы. Вчера, на встрече у евразийцев, думала о Вас и в 12 ч. мысленно чокнулась. Как Вы глубоко правы – так любя Россию! Старую, новую, красную, белую, – всю! Вместила же Россия – всё (Рильке о русском языке: «Deine Sprache, die so nah ist – alle zu sein!»[916]) наша обязанность, вернее – обязанность нашей любви – ее всю вместить!

Написала Вам большое письмо и заложила, – знаете как это бывает? – вошли, оторвали, сунула, – столько бумаг! Найду – дошлю.

– Как Вы встречали? Дома? На людях? А может быть спали?

Аля нарисовала чудесную вещь: жизнь, по месяцам Нового Года. Январь – ребенком из камина, февраль – из тучки брызжет дождем, март – сидя на дереве раскрывает листву и т. д.

Она бесконечно даровита, сплошной Einfall.[917]

– Это не письмо, записочка, чтобы не подумали, что не думаю. Пишу сейчас большую статью о лучшей русской художнице – Наталье Гончаровой. Когда-нибудь, в письме, расскажу Вам о ней... ..

...Книга Марка Львовича очень поверхностна, напишу Вам о ней подробнее.[918] На такую книгу нужна любовь, у него – туризм. NB! Не говорите.

Медон, 9-го января 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна!

я в большой тревоге: чешское иждивение (500 крон), приходившее ровно 1-го числа, до сих пор не пришло. Это совпало с русским Рождеством (нынче 3-ий день), вторую неделю живем в кредит, а здесь не то, что в Чехии: смотрят косо.

Ради Бога, узнайте в чем дело: недоразумение или – вообще – конец? Без предупреждения: 1-го ждала как всегда. Говорила со Слонимом, – говорит: пишите Завазалу.[919] Но я его с роду не видала, и совсем не знаю как ему писать. И – главное – если заминка, писать вовсе не нужно, если же конец – нужно очень выбрать слова и доводы, – если вообще таковые могут помочь.

Что мне нужно делать? Без чешского иждивения я пропала. И вот, просьба: пойдите к доктору Завазалу и узнайте, и, если конец, сделайте все, чтобы продлить. Стихами не наработаешь, печататься негде, Вы сами знаете. Большинство писателей живет переводами на иностранные языки, у поэтов этого нет. Гонорар – 1 франк строка. Я нигде не печатаюсь, кроме Воли России, с Последними Новостями из-за приветствия Маяковскому – кончено, «Федра» в Современных Записках проедена еще 1 год с лишним назад, во время скарлатины.

У меня просто ничего нет. Скажите все это доктору Завазалу и поручитесь, что это правда – которую все знают...

Медон, 22-го января 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! О Ваших письмах: я их храню, ни одного не потеряла и не уничтожила за все эти годы. Вы один из так редких людей, которые делают меня добрее: большинство меня ожесточает. Есть люди, которых не касается зло, дважды не касается: минует и – «какое мне дело?!» Это я – о Вас. Меня – касается, ко мне даже притягивается, я с ним в каком-то взаимоотношении: тяготение вражды. Но это я в скобках, вернемся к Вам. Вас бы очень любил Рильке. Вы всем существом поучительны (lehrreich) и совсем не нравоучительны, Вы учите, не зная, – тем, что существуете. В священнике я всегда вижу превышение прав: кто тебя поставил надо мною? (между Богом и мною, тем и мною, всем – и мною). Он – посредник, а я – непосредственна. Мне нужны такие, как Рильке, как Вы, как Пастернак: в Боге, но как-то – без Бога, без этого слова – Бог, без этой стены (между мной и человеком) – Бог. Без Бога по образу и подобию (иного мы не знаем). Недавно я записала такую вещь: «самое ужасное, что Христос (Бог) уже был». И вдруг читаю, в посмертных письмах Рильке (перевожу, пойдут в февральской Воле России – «Aus Briefen Rainer Maria Rilkes an einen jungen Dichter»[920]) – «warum denken Sie nicht, dass er der Kommende ist».[921] Бог – не предок, а потомок, – вот вся «религиозная философия» (беру в кавычки, как рассудочное, профессорское, учебническое слово) – Рильке. Я рада, что нашла формулу.

Рильке когда-то мне сказал: «Ich will nicht sagen, Du hast Recht: Du bist im Recht», im Recht – sein, im Guten sein[922] – это все о Вас. (Убеждена, что Рильке бы Вас любил, – почему «любил», – любит). Убеждена еще, что когда буду умирать – за мной придет. Переведет на тот свет, как я сейчас перевожу его (за руку) на русский язык. Только так понимаю – перевод. Как я рада, что Вы так же (за руку) перевели меня – что меня! меня к Рильке! – на чешский. За что я так люблю Вашу страну?!. ...

...У евразийцев раскол... .. Профессор Алексеев (и другие) утверждают, что Сергей Яковлевич чекист и коммунист. Если встречу – боюсь себя... Профессор Алексеев... .. негодаяй, верьте мне, даром говорить не буду. Я лично рада, что он уходит, но

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
очень страдаю за Сережу, с его чистотой и жаром сердца. Он, не считая еще двух-трех, единственная моральная сила Евразийства. – Верьте мне. – Его так и зовут «Евразийская совесть», а профессор Карсавин о нем: «золотое дитя евразийства». Если вывезено будет – то на его плечах (костях)... ..

Медон. 19-го февраля 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Вчера вечером – только села Вам писать письмо, разложила блокнот, уже перо обмакнула в чернильницу – гость, неожиданный и нежеланный. Пришлось, не написав ни слова, всё сложить и унести. Но сегодня, слава Богу, день дошел уж до такого часа, что нижданому, нижданному не бывать. Чудно бьют часы на башне – одиннадцать. Вспоминаю Прагу, связанную для меня с часами и веками. (Я так люблю Прагу, что – уверена – в ней никогда не буду.) Кстати, историчка. Недавно Аля от кого-то принесла домой книгу «La maison roulante»[923] – книга французской писательницы де Штольц, которую я когда-то читала и обожала в детстве, в далеком детстве, до первой заграницы, до 8 лет. Смотрим картинки – знакомые – давно-недавно-знакомое: ночь, башня, мост, – Прага! Карлов мост. Оказывается, я раньше по нему ходила, чем ходила ногами, раньше на целых 20 лет! (Книга о цыганах, Bohême – Богемия. Прага тогда была Богемией, следовательно, волей слов, герой книжки, украденный мальчик Adalbert – и я за ним – должен был бродить по Праге.) Страшная картинка: цыганка с ножом, а месяц над ними как кинжал... (пр. 10 с.)

...Только что продержала корректуру перевода 7-ми писем Рильке (не ко мне, конечно!) и вступления к ним. Прочтете в следующем (февральском) № «Воли России». Убеждена, что во всем, что Рильке говорит и я говорю – услышите свое. Письма Рильке – о писании стихов (dichten) – о детстве – о Боге – о чувствах. Перевела как только могла, работала, со вступлением, три недели. – Пишу большую не-статью о Н. Гончаровой, лучшей русской художнице, а м. б. и художнике. Замечательный человек. Немолодая, старше меня лет на 15. Видаюсь с ней, записываю. Картины для меня – примечания к сущности, никогда бы не осуществленной, если бы не они. Мой подход к ней – изнутри человека, такой же, думаю, как у нее к картинам. Ничего от внешнего. Никогда не встречала такого огромного я среди художников! (живописцев).

Из этого отношения может выйти дружба, может быть уже и есть, но – молчаливая, вся в действии. Я ее пишу (NB! как художник, именно портрет!), а она пишет иллюстрации к моему «Молодцу». [924] Но ни я, ни она не показываем.

Много сходства: демократичность физических навыков, равнодушие к мнению: к славе, уединенность, 3/4 чутья, 1/4 знания, основная русскость и созвучие со всем... Она правнучка Н. Н. Гончаровой, пушкинской роковой жены. – Есть глава и о ней... ..

...С эсерами не вижусь никогда, с Марком Львовичем изредка переписываемся по журнальным делам... ..

Медон, 17-го марта 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Только что Ваше письмо. Я Вас люблю, зачем Вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе, – вспомните Толстого – который, конечно, подвижник, мученик дома (долга) – но который за этот подвиг ответит. Вы правы кругом – и Толстой был прав кругом – и вдруг мысль: грех – что! Грехи Бог простит, а подвиги?? Служил ли Толстой Богу, служа дому? Если Бог – труд, непосильное: да. Если Бог – радость, простая радость дыхания: нет. Толстой, везя на себе Софию Андреевну[925] плюс всё включенное, не дышал, а хрипел.

«Пора и о душе подумать», глубокое слово, всегда противу-ставляемое заботам

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru любви, труду любви, семье. «Не вправе». Вы не вправе, но Ваша душа – вправе, вправе – мало, то, что для Вас – роскошь, для неё – необходимое условие существования. Вы свою душу губите. И, в ответ: «Кто душу положит за друга своя!» И еще в ответ: «Оставь отца своего и мать, и иди за мной». Я сейчас на краю какой-то правды.

У нас весна. Нынче последний день русской масленицы, из всех русских окон – блинный дух. У нас два раза были блины, Аля сама ставила и пекла. Мур в один присест съедает 8 больших. Его здесь зовут «маленький великан», а французская портниха: «le petit phénomène».[926] В лесу чудно, но конечно несравненно с чешским. Вы не думайте, что «игра воображения», я очень упорна в любви, Чехию полюбила сразу и навсегда. Мне и те деревья больше нравятся.

– Был у нас доклад Марка Львовича о молодой зарубежной литературе.[927] «Молодой зарубежной литературы нет, есть молодые зарубежные писатели». Прав, конечно. Потом разбор, справедливый, посему – безжалостный. (Вспомните основу суда: не милосердие, а справедливость). Из пражан определенно выделил Лебедева[928] и Эйслера,[929] с чем согласна. Из парижан – Поплавского.[930] Даровитый поэт, но путанный (беспутный) человек. Мысли Марка Львовича часто остры, форма обща, все время переводит на настоящие слова. Те мысли – не теми словами.

– Одна работа о Гончаровой кончена и сдана, даю сербам, – 2 листа, немножко меньше (28 печатных страниц формата «Воли России») – 8 чудесных иллюстраций (снимки с ее картин). Жизнь и творчество. Подумайте, нельзя ли было бы куда-нибудь устроить в Чехию? Или Чехия и Сербия – слишком близко? Пойдет в следующем № сербского Русского Архива.[931] Другая работа, большая, пойдет в Воле России, начиная с апреля... [932] ...

...До свидания. О Маяковском напишу непременно. Но лучше сказали Вы: грубый сфинкс. О нем (и о двух других) появится на днях очень хорошая статья Сергея Яковлевича во французском журнале. Пришлю. Как Вам понравился перевод Рильке?..
...

Медон, 7-го апреля 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Нынче кончила переписку своей большой работы о Гончаровой, пойдет в Воле России, в апрельском номере. Сербская уже переводится. В общей сложности – 7 печатных листов, очень устали глаза... ..

...Я ничего не умею хотеть, кроме как в работе, в которой не хотеть – не умею. Ничего не умею добиваться. Мне всегда за кого-то и что-то стыдно, когда у меня нет того, на что я вправе – только любовь дает права – когда у меня нет того, без чего я – не я. Кому-то и чему-то ведь было бы несравненно лучше, если бы я завтра же, забрав и Мура и Алю, могла выехать к Вам в Прагу. Я Вас считаю самой настоящей Муриной крестной, обе (одна крестила,[933] другую вписали[934]) – неудачны: совершенно равнодушны... .. Крестный его – Ремизов – его не видел ни разу (живет в Париже) и ни разу не позвал. Мне не повезло... ..

...Ах, дружба, любовь двухдневная, –

А забвеньё – на тысячу дней!

(Женские – стихи). Может быть я долгой любви не заслуживаю, есть что-то, – нужно думать – во мне – что все мои отношения рвет. Ничто не уцелевает. Или – век не тот: не дружб. Из долгих дружб – только с вами и князем Волконским, людьми иного поколения. Да! о дружбах. Недавно праздновали первую годовщину «Кочевья».[935] Была и я – как гость. Марк Львович сидел на председательском месте, справа блондинка, слева брюнетка, обе к литературе непричастные. Не обмолвилась (с 8 ч. вечера до 12 1/2 ночи) ни словом, впрочем – слово было: о Гончаровской статье:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
два листа или полтора листа? Не усмотрите в этом обиды – только задумчивость... ..

...Держала тонкие листы

И странно так на них глядела,

Как души смотрят с высоты

На ими брошенное тело.

– Не знаю, что выйдет из дружбы с Гончаровой. Она очень спокойна и этим – успокаивает меня. Мне всегда совестно давать больше, чем другому нужно (= может взять!) – раньше я давала – как берут – штурмом! Потом – смирилась. Людям нужно другое, чем то, что я могу дать. Раз Марк Львович мне сказал: «Одна голая душа. Даже страшно!»

У нас весна. (Боже! сколько раз это писано!) Первые распустились ивы – мое любимое дерево. Дубы молчат. Я все вспоминаю куст можжевельника на горе, который я звала кипарис. А иногда Борис (Пастернак). Он тоже не пишет.

Целую Вас нежно, пишете, люблю Вас, спасибо за всё.

МЦ.

Медон, 19-го июня 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Начинаю день с письма к Вам. Знаете русское выражение: некогда о душе подумать. Так и со мной. (Так и с Вами.) Сегодня мне вспомнилась Прага – сады. Сады и мосты. Летняя Прага. Что мне сделал этот город, что я его так люблю?

И вот мечта: осенью *soûte que soûte*[936] приехать к Вам – о душе подумать. В один конец я бы денег достала, не могли ли бы Вы достать в другой? Но м. б. последнего бы и делать не пришлось, ибо тысячу крон своим выступлением в Праге конечно соберу. А не тысячу – так пятьсот: обратный путь. Давайте решим это твердо. М. б. нашелся бы в Праге какой-нибудь музыкант (или музыкантша, что даже предпочитаю), который бы согласился выступить у меня на вечере бесплатно, чтобы устроить смешанный вечер: стихи и музыка. (Можно – стихи, проза и музыка.) Билеты бы распространили предварительно. Дешевые – при входе. Так это делается здесь.

По-моему – важен факт приезда, уже-присутствия. Заочно – всё трудней. Вы бы меня познакомили с чешскими дамами, и они бы помогли. Тем более, что у меня сейчас есть «хорошие» платья, и вид парижский (NB! Помогают охотнее красивым и богатым, Вы это знаете.) Словом, начать не с конца нужды, а с обратного. Их много.

В Праге я конечно буду счастлива: – и это располагает... ..

...Я могла бы приехать к Вам 15-го, а вечер устроить – 30-го, перед самым отъездом. Подумайте о музыкальной части, чехи так музыкальны, наверное найдется. Можно и пение (хорошо бы старые народные песни, а я читала бы русское народное: свое). Можно устроить чудесный вечер, и для души!

Мой парижский прошел отлично...[937] ...

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Медон, 7-го августа 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Я уже вижу себя у Вас – хотя не знаю где, – не представляю себе улицы, а дом – кажется большой? Комнату помню, одну, где сидели, а другую – из которой шла музыка. Но м. б. у Вас новая квартира, и я ничего не помню.. (пр. 4 с.)

...Отправляю Алю на 2 недели в Бретань, к Лебедевым[938] (тем), буду пасти Мура. А осенью – к 1-му ноября? – к Вам, если не передумаете, я не передумаю, ибо ни о чем другом не думаю. Всё, что Вы пишете о вечере, вечерах, очень подходит. И о домах, куда, и о дамах, с которыми.. Отдаюсь всецело в Ваше распоряжение. Боюсь только, что меня начнут расспрашивать о парижских новинках, а у меня только одна новинка – да и та медонская – Мур. «*Que! triste plaisir que de s'amuser!*»[939] – Так я смотрю на вечерний Париж. Его приманки – не для меня. Но, в крайнем случае, для поддержания престижа парижанки, могу врать и буду врать... ..

...О другом, а именно – Хашеке:[940] Бравый солдат Швейк. – Знаете, конечно. И очаровывающая и отталкивающая книга. Чешский Иванушка-дурачок, – просто русский денщик. Бездарны места с чистой идеологией, иногда пересол с духовенством, но в целом – даровитый человек и единственная вещь. Как жаль, что так рано умер. И как безнадежна попытка друга (другого!) закончить. Как сразу все добреет и тупеет... ..

...Из новостей: вышла замуж младшая дочь О. Е. Черновой – м. б. помните? – Адя, за молодого писателя Сосинского,[941] которого м. б. читали в Воле России. Рада, что понравилась Гончарова. «Окончание в следующем номере»... ..

Медон, 6-го сентября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо ждала вчера, а получила сегодня. На каком основании (ждала)? Своей уверенности в нем. – «А сегодня будет письмо от Анны Антоновны» (Говорила из завтра).

– Мигрень – и что? Давайте радоваться! У меня вот шея болит – гланды – Бог еще знает какие, но гланды не я, я – еду. Слушайте: в награду за безвыездное лето, за все тот же лес все в новых сальных бумажках (сгребаю Муркиными граблями и жгу, вопреки полному воспрещению костров), за вот уже месяц неписания (Алина Бретань!) – за все это и другое многое – хочу в середине октября съездить в Бельгию. Близко, дешево, есть где остановиться, новая страна, старые города – Сергей Яковлевич недавно был по евразийским делам и в очаровании. Но к Ватерлоо это слово уже не относится, – вещь посильнее! Стоял там, где стоял Наполеон и мысленно следовал за боем. Всего этого хочу и я. Устрою в Брюсселе вечер, который окупит дорогу. Поеду на неделю. А в первых числах ноября – к Вам.

Видалась (после полугодичного перерыва, бывали – дольше!) с Марком Львовичем Слонимом, приезжал ко мне, гуляли. Отношения приятные, очень далекие, он всё сбивается на литературу, а я, как всегда, соответствую. Говорили о поездке в Прагу. Очень советует вечер в Rep Club'e (м. б. неправильно пишу?), [942] ручается за материальный (гнусное слово!) успех. Обещает перед отъездом дать ряд советов и писем. Жаль, что его не будет, – освободил бы Вас от части хлопот. А с другой стороны, единственной! – не жаль, мне хочется Вашей Праги.

Я Праги совершенно не знаю. Хочу знать всё. Не была ни в одном музее, ни на одном концерте, – только в кафе со Слонимом, зато, кажется, во всех. (Была, впрочем на Шаляпине и на Стравинском, но это к Праге не относится.) Зато в садах – была. Какие чудные сады! Хотелось сказать – особенно весной, нет! – особенно зимой, когда никого нет. У меня в Праге есть приятельница. Катя Рейтлингер (дочь легкомысленного отца, которого Вы наверняка знаете), [943] она меня тоже сможет поводить. В Праге я никогда не была свободной, – хотя бы от страха последнего

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
поезда, как чудно будет знать, что некуда спешить. Заматываться мы с Вами не
будем: больше всех музеев и концертов я мечтаю о вечерах с Вами – беседах,
музыке, тишине. Я от зрелищ и сборищ сразу устаю... ..

...Куда – за́ город? Я лучше Мокропсов и Вшенор места не знаю. Моя мечта –
когда-нибудь приехать туда на лето с Муром, показать ему его колыбель. Он бы в
Чехии был счастлив – с гусями, с ручьями! Здесь ему – тесно: в глубь леса не
ходим (опасно), а вблизи от дома – всё те же дамы, и пары, и глаза... ..

...Здесь дети пищат, он, когда на воле, орет, – просто от силы. Неловко, когда
орет один – «Мур, нельзя!» – «Но почему же? Здесь же нет соседей!» – Жаль его.
Подпражская природа несравненно крупнее подпарижской. Я с тоской вспоминаю реку,
сливы, поля, – здесь поля совершенно нет. Как жаль, что у меня в Чехии не было
аппарата. Свой привезу, м. б. удастся снять, хоть поеду в самую туманную пору. –
Помню один новогодний день в Праге – солнце, синева, сброшенное пальто. («Прага»
– собирательное, дело было в родных Мокропсах.) Проще: Мокропсы была деревня, со
всем деревенским: гусями, козами, даже – кузницей! Здесь ничего этого нет:
пригород, сплошная лавочка. Многие (особенно женщины!) бы со мной поменялись, но
мне Créme Toucaïon[944] не нужен, а что кроме? Сознание, что в Париже? Слишком
залюбленный город, я актерам не поклонница.

Если бы Вы сюда приехали, мне все бы это сразу понравилось – от желания, чтобы
понравилось, и сознания, что нравится – Вам. И я бы места нашла, чай,
несомненно, есть. Но такого загаженного леса Вы и в худшем сне не видели! Все
бросают. Не земля, а сплошные консервные жестянки – гнусные. (В 40° в тени (вот
уже неделя!) есть консервы, когда рынок лопается от зелени. Пьют, кстати (зимняя
норма!) по 4 литра вина в день, не считая «аперитивов»)... ..

Медон, 30-го сентября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Получили ли Вы мое письмо-недели две назад – с детскими
карточками – не заказным? Писала в Прагу, как Вы просили. Есть новости: 20-го в
Брюсселе мой вечер и оттуда я могла бы прямо проехать в Прагу. Но – вопрос:
будет ли к тому времени все готово для моего вечера? Когда Вы его
предполагаете?.. .. Главная забота по вечеру в предварительном распространении
билетов. Пражский вечер нужно устроить по образцу парижских. Отпечатываются
билеты – приглашения (прилагаю образец) и распределяются между организаторами
вечера (Вами – и?). Билеты без указания цены, вроде как бы почетные, и
предназначаются для богатых – кто сколько даст. В Париже минимум – 25 франков),
в Чехии возьмем – 25 крон. Каждый организатор сам продает, сколько может,
остальные же просит (купившего) распространить между его знакомыми, предупреждая
о цене. Словом – распространение по периферии. В день вечера – верней: ко дню
вечера – непроданные билеты возвращаются... ..

...Нужен один основной вечер, – первый, – козырной, в зале, вмещающем не меньше
300 человек. Потом можно и вечерки, – отдельный прозы, например, которые тоже
что-нибудь дадут (по образцу Рейна (кабы rheingold![945]) с притоками). да!
Слоним советует отдельный вечер в Rep Club'e – Ваше мнение? – Смогу прочесть,
по-французски, прозу, и м. б. Вы прочтете по-чешски из моего Рильке. (Или чехов
заденет – «австриец»? Не думаю.) Основной вечер. Нужна музыка. Хорошо бы пение
чего-нибудь народного чешского. Но – найдем ли мы даровых участников (участниц)?
В Париже идут охотно. Нет ли у Вас, среди знакомых, хороших голосов или рук
(рояль, скрипка). Музыка необходима. Не могу же я полтора или два часа сряду
читать стихи. А так, с музыкой – 2 отделения: I – музыка, II – стихи, или даже
три. С передышкой. – Чехи музыкальны. – Подумайте. – «Не согласились ли бы Вы
выступить на вечере Марины Цветаевой» – и т. д... ..

...Можно будет на вечере у отдельного столика устроить продажу автографов, – если
удобно? Мне всё равно – ибо денег со стихами не связываю, или: стихи от денег не
хуже, а деньги от стихов – лучше. (NB! Я бы сама купила такой автограф –
Ахматовой, например.) Но если в Чехии это – «дурной тон» – не будем.

Итак: найдите зал (не меньше как на 250 человек!), бескорыстных участников-музыкантов (певцов или инструмент – что будет, хорошо бы – хороший женский голос, вообще вечер нужно под женским знаком)... (пр. 9 с.)

– О женском участии в устройстве. О женских руках. Верю в них – и знаю их. Помните, у Рильке – «Die Liebenden»[946] и у Беттины[947] – «Ich will keine Gegenliebe!»[948] женщины живы сочувствием. Кроме того – в нашем реальном случае – женщины гордятся своими, приобщая и приобщаясь. Много смеются над женскими журналами. Мне они – милее мужских, с их политической грызней и сплетнями... .. «Евразия» приостановилась, [949] и Сергей Яковлевич в тоске, – не может человек жить без непосильной ноши! Живет надеждой на возобновление и любовью к России.

А Мур, как я, – любовью к жизни. Только он – веселей меня (NB! никогда не была веселой), действеннее. Но нрав и темп – мои... .. Он страшно русский, на лбу написано. С каким-то вызовом – русский. – Что с ним будет дальше? Дети его не любят. Женщины – да... ..

Брюссель, 26-го октября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо мне переслали в Брюссель. Расскажу Вам о своем вечере. Здесь колония маленькая, бедная и правая, т. е. – увы! – бескультурная. Но все-таки набралось около ста человек, – для литературного выступления успех невиданный! Чистый сбор 70 бельгийских франков, т. е. 50 французских. Дорога, паспорт, виза, жизнь – не меньше 400 франков. Но могло быть и хуже, по крайней мере покрыты расходы по залу и объявлениям. Живу я здесь у очень милых и сердечных людей, но не отдыхаю, п. ч. всё время езжу, хожу, осматриваю, разговариваю. И больше всего – слушаю. Все, с кем мне приходится встречаться, проголодались по новому человеку.

Бельгия мне напоминает Прагу, – тишина, чистота, старина. Была, кроме Брюсселя, в Антверпене, в Брюгге и на море. Концы маленькие. Брюгге – лучшее, что я видела в жизни. Сплошная slata ulička.[950] Но – с веянием моря, которое здесь рядом.

Мечту о Праге не оставила. Будем ждать. Лучше бы вечер до января, ибо м. б. повлияло бы на продление иждивения. Сергей Яковлевич, с перерывом Евразии, ничего не зарабатывает, мои доходы Вы знаете. Если и 500 чешских крон кончатся – не знаю, что будем делать... (пр. 32 с.)

...Пишу в 7 ч. утра, в мансардной комнате, где живу и всегда хотела бы жить: чистота, пустота.

Обнимаю Вас, сердечный привет Вашим. Как здоровье всех?

МЦ.

Как Вам нравится мальчик-фонтанчик?.. [951]

1929

Дорогая Анна Антоновна! Давным-давно от Вас нет вестей. (В последний раз писала Вам из Брюсселя, – письмо, не открыточку.) А у нас – печальные: на почве крайнего истощения у Сергея Яковлевича возобновился старый легочный процесс – пока не активный, но грозный именно из-за этого истощения... .. Врачебная помощь нам обеспечена, но главное дело в санатории (отъезд, отдых, воздух, покой) =

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
больших деньгах. Евразия кончилась, а с ней и редакторское скромное жалование, живем в долг, – куда там санатория! А она нужна. Нужен, помимо режима (питания) воздух, которого я не могу дать – (а Медон в котловине и с 4 ч. дня в паре от близкого сырого леса) и покой – который при нашей жизни – невозможен... ..

...Ради Бога, чтобы только не прекратилось в 1930 г. чешское иждивение! Тогда мы совсем пропали. Вот я полгода писала Перекоп (поэму гражданской войны) – никто не берет, правым – лева по форме, левым – права по содержанию. Даже Воля России отказалась – мягко, конечно, – не задевая, – скорее отвела, чем отказалась. Словом полгода работы даром, – не только не заплатят, но и не напечатают, т. е. не прочтут.

О поездке в Чехию – увы (и какое увы! целый вой) – сейчас думать не приходится. Сергей Яковлевич должен уехать по крайней мере на три месяца. Отложим до весны, – м. б. и лучше, – поедим с Вами по окрестностям, вспомним те годы – для меня – несчастно-счастливые. М. б. к весне и Вам будет легче наладить мой приезд (выступления). Сейчас Вы молчите – значит не выяснено или не вышло. От Праги не откажусь ни за что, не отказывайтесь от меня и Вы... ..

...Откликнитесь скорее: надеюсь (!) что с вечером еще не наладилось.

Видаюсь с Марком Львовичем, он стал лучше: менее самонадеян, более отзывчив. Дай ему Бог... ..

Медон, 25-го декабря 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечно поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом! Мне жалко этой цифры – 29, рука свыклась, глаз свыкся... ..

...Третьего дня уехал Сергей Яковлевич – в Савойю. Друзья помогли, у нас не было ничего. Перед отъездом проболел целую неделю, – 39°, безумные боли в желудке. Пять дней ничего не ел, – только чай. Уехал во всяком случае на два месяца... ..

...Полтора месяца ничего не писала, извелась, жизнь трудная. Весь день раздроблен на частности, подробности, а вечером, когда тихо – устала, уж не могу писать, голова не та.

Теперь, с отъездом Сергея Яковлевича, опять примусь. Я всегда взваливаю на себя гору. Очередную. Федра – Гончарова – Перекоп. – Ныне – но не называю, чтобы не сглазить.[952] Что бы мне писать восьмистишия! Беспоследственные и безответственные. А то – источники, проверка материалов, исписанные тетради, вся громадная работа до. «Как птицы небесные»... Нет. ...

Медон, 21-го апреля 1930 г.

.....Сначала были заботы – болезнь Сергея Яковлевича, хлопоты, Алино учение, т. е. моя связанность с домом, подготовка к вечеру (в субботу, 26-го – Вечер Романтики[953]) – а теперь стряслось горе, – какое пока не спрашивайте – слишком свежо, и называть его – еще и страшно и рано.

Мое единственное утешение, что я его терплю (subis), а не доставляю, что оно – чистое ... На горе у меня сейчас нет времени, – оказывается – тоже роскошь.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Даст Бог – как-нибудь... ..

..Не сердитесь, дорогая Анна Антоновна, за такое эгоцентрическое письмо. Вам пишет человек – под ударом.

Не знаю, знаете ли, т. е. писала ли – мой Мблodeц сейчас переводится на английский язык, уже кончен – Гончаровские иллюстрации тоже – все дело за издателем, который по всей вероятности найдется. Тогда все-таки получу авторские, хоть что-нибудь.

Сама перевожу его на французский, – стихами – сделана половина, авось летом кончу, нужно кончить.

Простите за долгое молчание, люблю и помню Вас всегда.

МЦ.

– Бедный Маяковский! (Ваш «сфинкс».) Чистая смерть. Всё, всё, всё дело – в чистоте... ..

Сентябрь 1930

St. Pierre de Rumilly

(Haute Savoie)

Château d'Arcine

– мне –

Это Серезин адрес, но у нас своего нету.

Дорогая Анна Антоновна!

Наконец Вам пишу. Лето прошло как сон, – в работе всегда так, а работы – впрочем Вы сами знаете – сколько. Живем даже не в деревне, а над деревней, под самой горой, без хозяев, в маленьком chalet[954] с огромным двором – сараи, сеновалы, мельница, всё старое, наполовину отслужившее. Нашему домику сто лет ровно.

Сергей Яковлевич за три километра, в настоящем замке XV века, в котором ныне русский пансион. Он там уже 8 месяцев, – платит Красный Крест. Видимся почти ежедневно, то мы к нему, то он к нам. Раз в неделю ходим – Аля, Мур и я – в соседний городок La Roche на рынок, закупаем на целую неделю. В деревне ни овощей, ни мяса нет.

Природа здесь очень живописная, но Чехию люблю несравненно больше. Леса сырые, не тропинки, а ручьи, не дороги – потоки. Слишком много воды, и не только из-за дождливого лета: близость снеговых гор. Лес неприветливый, мрачный, вроде тайги, – весь в плюще и в ежевике, не продерешься. А под ногами – вода. Прогулки только дальние, на целый день, ближних, как в Чехии, нет, т. е. одна: в тот же La Roche, шоссе – слава Богу почти без автомобилей.

Но народ чудный: вежливый, радушный, честный, добрый – как во времена Руссо. Он в этих местах провел всю молодость... (пр. 7 с.)

...За лето кончила перевод на французский (стихами) своего Мблнца, к которому Гончарова давно уже закончила иллюстрации, и написала ряд стихов к Маяковскому – думаю отдать в Волю России[955]... ..

Медон, 17-го октября 1930 г.

... ..Я Вас всегда помню, т. е. Вы всегда во мне присутствуете. Свидание с Вами было бы одной из огромных радостей моей жизни. Жаль, что меня никак не пристегнешь к Достоевскому, а то бы – чудный повод к встрече.[956] Если бы Лескова чувствовали – встретились бы. Из русских писателей это мой самый любимый, родная сила, родные истоки. Мне, чтобы о человеке сказать, нужно его любить пуще всего. И о Лагерлёф сказала бы.[957] И о Сигрид Унсет[958] – читали ли Вы ее? Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия: Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz.[959] лучшее что написано о женской доле. Перед ней – Анна Каренина – эпизод. Вся вещь называется: Kristin Laurins-tochter.[960] когда-нибудь да эту книгу приобрету. После нее долго ничего не хотелось читать.

9-го мы вернулись из Савойи. Жизнь трудная: Сергей Яковлевич без работы – Евразия кончилась, а ни на какой завод его не примут, – да и речи быть не может о заводе, когда за 8 месяцев прибавил всего 5 кило, из которых уже сбавил два. Это больной человек. – Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором. – Кончала Мблнца, это моя единственная надежда на заработок, но нужно ждать, зря отдавать нельзя, – 6 месяцев работы. Живем в долг в лавочке, и часто нет 1 франка 15 сантимов, чтобы ехать в Париж.

Иногда я думаю, что такая жизнь, при моей непрестанной работе, все-таки – незаслужена. Погубило меня – терпение, моя семижильная гордость, якобы – всё могущая: и поднять, и сбросить, и нести, и снести. Если бы я была как все женщины моего круга (NB! а есть ли у меня круг?!) – или как все писатели (моего круга, которого уже заведомо нет!), за меня бы все делали, а я бы глядела. Женщина бы глядела, а писатель бы писал. Если буду жить в другой раз – буду знать.

Очень огорчена, дорогая Анна Антоновна, Вашим неудачным летом, погода и у нас была ужасная, но была – тишина. Удивляюсь, что богатые так дорого оплачивают шум, которого так много на улице.

Оставила в Савойе – в квартире запрещено – безумнолюбимую собаку, которую в память Чехии я окрестила: Подсэм (поди сюда?). Это был chien-berger – quatre-yeux,[961] черная, с вторыми желтыми глазами над глазами-бровями. Никого за последние годы так не любила.

Мблнца кончила совсем (рифма: Подсэм!), на днях повидая Гончарову, будем думать – что дальше? Сейчас продолжаю большую вещь, начатую еще прошлой зимой. Писать некогда, но всё-таки пишу. Жизнь, из-за безденежья, еще не налажена. Никого, кроме Гончаровой, из парижских, не хочется видеть:

у всех настолько другая жизнь – и внешняя и внутренняя. – Распродаю вещи, прекрасные шелковые платья, которые когда-то подарили – за грош.

Да! Совсем о другом: подружилась – издалека – со старой (годами, а не сердцем) приятельницей Рильке,[962] живет в Швейцарии, на чудном Bodensee.[963] там у нее

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
старый дом в старом саду. Шлет мне все его книги, вчера получила второй том его
писем, чудное издание Insel-Verlag'a.[964] Большая радость... ..

..Спасибо, что переводите, или думаете переводить, Гончарову. Можно было бы
предложить журналу поместить с иллюстрациями – снимками ее картин – как сделали
сербы (в Русском Архиве – видали?). Вещь бы оживилась, – и чехи ведь очень любят
графику?

Как мне бы хотелось сходить с Вами в ее мастерскую. Сделаемте так, чтобы
увидеться! На чествование Достоевского у меня мало надежды. Кстати – прекрасную
тему Вы выбрали! Мало живой природы, но когда есть – незабвенная. Я бы сказала о
Достоевском, что у него все как во сне – без цвета, неокрашенное, в ровном
условном свете фотографической пленки, только очертания. Помню Ипполита где-то
на даче, «клейкие листочки» Ивана, [965] – а еще?.. ..

Медон, 22-го января 1931 г.

... ..С французским Молодцем пока ничего не вышло. Издательский кризис. Поэтов не
издают совсем. 8 месяцев работы. – И иллюстрации Гончаровой (очень здесь
известной) не помогли.

Перекоп (6 месяцев работы) – лежит. Воля России взять не может
(Добровольчество!), а Современные Записки даже не ответили. Такова же судьба
вещи, которую сейчас (уже около года) пишу. Всё это – на потом, когда меня не
будет, когда меня «откроют» (не откроют!).

Друзей у меня, кроме Е. А. Извольской, [966] нет. С Гончаровой что-то остыло. М.
Б. в обиде, что Аля поступила в школу?. [967] Держалось – моей заботой о ней и ее
с Алей, обе кончились. Приду – рада. Не зовет – никогда.

А Е. А. Извольская выше головы занята переводами и статьями, физически нет
времени встречаться, видимся на лету, на людях. Я бы хотела друга на всю жизнь и
на каждый час (возможность каждого часа). – Вас. – Кто бы мне всегда – даже на
смертном одре – радовался. Такого нет. Есть знакомые, которым со мной
«интересно» – и домашние, которым со всеми интересно кроме меня, ибо я дома: –
посуда – метла – котлеты – сама понимаю.

Простите за: я, мне, меня, но правда – некому и не к кому! Обнимаю Вас

МЦ.

Медон, 25-го февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Еще раз повторяю Вам: живи я с Вами (хотя бы в одном городе, хотя бы в одной
стране) у меня была бы другая жизнь, вся другая. Мое горе с окружающими в том,
что я не дохожу. Судьба моих книг. Всякий хочет 1. попроще 2. повеселей 3.
по-нарядней. Так одинока как это пятилетие я никогда не была. Дома я вроде
«стража беспечности» [968] (как мне нравилось это чешское название!) – роль самая
невыгодная. Весь день дозировать, направлять, и всё по мелочам. Иногда с горечью
думаю: все у меня в доме и все вокруг более «поэты», чем я. У меня от «поэзии» –
только моя несчастная тетрадь.

У меня нет человека, к которому бы я могла придти вечером, сбыв с плеч день,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
который, раскрыв дверь, мне непременно обрадовался бы, ни одного человека,
которого не надо бы предварительно запрашивать: можно ли? Я здесь никому не
нужна.

Есть – знакомые. Но какой это холод, какая условность, какое висение на ниточке
и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность... ..

– Гончарова. С Гончаровой дружила, пока я о ней писала. Кончила – ни одного
письма от нее за два года, ни одного оклика, точно меня на свете нет. Если
виделись – по моей воле. Своя жизнь, свои навыки, я недостаточно глубоко
врезалась, нужной не стала. Сразу заросло.

Про мужчин и не говорю. Плохие друзья! Тот же Марк Львович. Виделись раз – час.
Разговоры о литературе, равнодушные. Даже не «что пишете?», а «что из того, что
пишете, пойдет для Воли России?» Что я для него? Сотрудник.

Когда Сергей Яковлевич в прошлом году уезжал в санаторию, у нас месяцами никого
не было. Дверь молчала, а если стучала, то – либо газ, либо электричество... ..

Я всю жизнь, с детства тянулась к людям старшим и лучшим меня. Скучала: сначала
с детьми, потом с подростками, потом с молодежью, ныне – с людьми моего
возраста, завтра – с завтрашнего.

Как бы мне хотелось кого-нибудь доброго, мудрого, отрешенного, никуда не
спешащего! человека – не автомобиля, – не газеты («Quotidien»).[969]

– С писательскими делами мне – не лучше. 1928 г. – 1931 г. Из всего написанного
напечатана только моя Гончарова, которую Вы знаете. Перекоп (6 месяцев работы) и
французский Молодец (8 месяцев) – лежат. Первого не взяли ни Воля России, ни
Современные Записки, ни Числа.[970] Второго («Le Gars»[971]) слушало несколько
поэтов, хвалили все, никто пальцем не двинул. «Отнесите туда-то, но будьте
готовы к отказу» (на днях, один из редакторов «Nouvelle Revue Francaise»[972]).
Спрашивается – зачем тогда нести?

Не зарабатываю ничего.

«Перекоп» мне один знакомый перепечатывает на машинке[973]).], как кончит,
пришлю Вам оттиск, в печатном виде Вы его никогда не увидите.

Очередное, даже сегодняшнее. Марк Львович настойчиво просил меня статьи для 1-го
№ Новой Литературной Газеты. Написала о новой детской книге[974] – там, в
России, о ее богатстве, сказочном реализме (если хотите – почвенной фантастике),
о ее несравненных преимуществах над дошкольной литературой моего детства и –
эмиграции. (Всё на цитатах.) Но тут-то и был «Hund begraben».[975] Нынче письмо:
статьи взять не могут, п. ч. де и в России есть плохие детские книжки.

Писала – даром.

(NB! В статье, кстати, ни разу! «советская» – все время: русская, ни тени
политики, которая в мою тему (дошкольный ребенок) и не входила).

Деньги, на которые издается газета, явно – эмигрантские. Напиши мне Слоним так,
я бы смирилась (NB! не стою же я – эмигрантских тысяч!), так я – высокомерно и
безмолвно отстраняюсь.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Всё меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я ненужна. Там я невозможна. ...

...К довершению всего у меня на почве общего истощения (ходила в клинику, смотрел при 20-ти студентах профессор) вылезла половина брови, – прописал массаж и мышьяк: ничего не растёт, так и хожу с полутора бровями. Но к этому отношусь созерцательно, ничего кроме иронии не чувствую. Точно не моя... (пр. 8 с.)

...Читали ли Вы замечательного Петра I – Толстого[976] (который в России).

Медон, 27-го февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Вот уже поистине – пришла беда раскрывай ворота!

Я попала в самую настоящую беду... .. 24-го декабря я получила по чеку деньги, и они ошибкой вместо 6 фунтов выдали мне 10 ф., т. е. вместо 750 фр. – 1250, т. е. я им должна 500 фр... Расписка этой операции у них налицо... ..

А теперь надо отдавать... .. Главное горе в том, что этот чек был последний, что помогавший нам Святополк-Мирский (Вёрсты – критик) больше помогать не может (Потому-то я и подумала, что в последний раз прислал больше!)... ..

Словом, умоляю Вас, дорогая Анна Антоновна, каким-нибудь чудом достать мне половину этой суммы – т. е. 250 фр.. После вечера (будет весной) отдам. Вечер, какой ни есть, всегда даёт 11/2 тысячи франков... ..

Медон, 12-го марта 1931 г.

.....Открытку и коробку получила – сердечное спасибо. Точно гора (содержание открытки) с плеч свалилась! Мне помогают только женщины – так, впрочем, было всю жизнь.

Пытаюсь устроить свой Перекоп в «Россию и Славянство», – боюсь только платить не будут: очень бедны. И дайте мне добрый совет: как по-Вашему, не прекратят ли чехи иждивение из-за моего сотрудничества – т. е. напечатания вещи – в правом органе? Но что же мне делать, когда ни Современные Записки, ни Числа, ни Воля России не берут? В России и Славянстве сотрудничает Бем.[977]

Об иждивении: другие писатели получили извещение, что иждивение кончилось, я получила анкету, которую, заполнив, отослала. Прошло два месяца – ничего. Тогда я обратилась к Марку Львовичу, он очевидно напомнил обо мне, и я получила деньги с пометкой: пока что за январь. С тех пор – ничего, т. е. за февраль и март – ничего.

К Марку Львовичу обращаться не хочется из-за истории со статьей (заказал и не принял), обращаюсь, дорогая Анна Антоновна, к Вам. Другие писатели уверяют, что иждивение мне осталось, ибо я не отказ получила, а анкету. Марк Львович достоверно говорил мне, что оставлено мне и, кажется, еще Ремизову. В чем дело? Почему не шлют? Расскажите о моем положении: больной муж, двое детей, издательский кризис, – жить не на что. Без этих денег мы пропадем.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сначала ждали каждый день, должны были в счет, теперь и ждать перестали. Не получено за февраль и март. (Всегда присылали 3-го – 4-го)...

Медон, 20-го марта 1931 г.

... Весна моя начинается грустно: неожиданно в гостях узнала от приезжего из Москвы, что Борис Пастернак разошелся с женой – потому что любит другую. А другая замужем, и т. д. Боюсь за Бориса. В России мор на поэтов, – за десять лет целый список! Катастрофа неизбежна: во-первых муж, во-вторых у Бориса жена и сын, в-третьих – красива (Борис будет ревновать), в-четвертых и в-главных – Борис на счастливую любовь неспособен. Для него любить – значит мучиться.

Летом 26-го года, прочтя где-то мою Поэму Конца, Борис безумно рванул ко мне, хотел приехать – я отвела: не хотела всеобщей катастрофы. (Годы жила мечтой, что увижусь.) Теперь – пусто. Мне не к кому в Россию. Жена, сын – что. Но новая любовь – отстраняюсь. Поймите меня правильно, дорогая Анна Антоновна: не ревность. Но – раз без меня обошлись! У меня к Борису было такое чувство, что: буду умирать – его позову. Потому что чувствовала его, несмотря на семью, совершенно одиноким: моим. Теперь мое место замещено: только женщина ведь может предпочесть брата – любви! Для мужчины – в те часы, когда любит – любовь – все. Борис любит ту совершенно так же как в 1926 г. – заочно – меня. Я Борису написала: «Если бы это случилось пять лет назад... – но у меня своя пятилетка!» Острой боли не чувствую. Пустота...

Медон, 3-го июня 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна! Наконец мой вечер позади [978] и я могу Вам написать...

...Нынче на колониальной выставке [979] (весь Париж перебивал, я – кажется – последняя) меня взяла острая тоска по Вас, под пальмами, в синем тумане настоящих тропик. Сколько тут дам и господ ходит, сколько аппаратов щелкает, запечатлевая все тех же дам и господ – таких случайных! – а Вас, которой все это: Индо-Китай, Судан, Конго и т. д. – так много бы дало, и которая, этим, всему (и мне!) так много бы дали – нету. И, проще: всегда когда вижу что-нибудь красивое, редкое, настоящее – думаю о Вас и хочу видеть это с Вами. (Боже, до чего слабое, должно быть, мое хочу во всем, кроме работы! До чего я для себя не умею хотеть!)

Дома у меня жизнь тяжелая – как у всех нас – мы все слишком особые и слишком разные... Каждому нужно – физически – место, которого нет: все друг у друга под локтем и под боком... С работой у меня весь этот «школьный год» (конечно – школа!) тоже не блестяще: Аля много в Париже из-за-своей школы, я с Муром, который труден, – кроме того пишу вещь, которая при невероятной трудности осуществления (сколько раз – бросала!) никому не нужна...

...Все окружение меня считает сухой и холодной, – м. б. и так – жизнь, оттачивая ум – душу сушит. И потом, знаете в медицине: подавленный аффект, например горе или радость, сильная вещь, которой не даешь ходу, в конце концов человек остро заболевает: либо сильнейшая сыпь, либо еще какой-нибудь внешний знак потрясения.

Так вся моя взрослая жизнь: force refoulée, désir créateur – refoulé, [980] что я много в жизни делаю как не-пишу – когда мне хочется, а именно: все утра моей жизни?! 14 лет подряд.

Это тоже холодит и сушит...

Медон, 31-го августа 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна, спасибо за письмо и открытку с лесом, за любовь и память.

Живу из последних (душевных) жил, без всяких внешних и внутренних впечатлений, без хотя бы малейшего повода к последним. Короче: живу как плохо действующий автомат, плохо – из-за еще остатков души, мешающей машине. Как несчастный, неудачный автомат, как насмешка над автоматом.

Всё поэту во благо, даже однообразие (монастырь), все кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу. Быт мне мозги отшиб! Живу жизнью любой медонской или вшенорской хозяйки, никакого различия, должна всё что должна она и ничего не смею чего не смеет она – и многого не имею, что имеет она – и многого не умею. В тех же обстоятельствах (а есть ли вообще те же обстоятельства??) другая (т. е. не я, – и уже всё другое) была бы счастлива, т. е. – и обстоятельства были бы другие. Если утром ничего не надо (и главное не хочется) делать, кроме как убирать и готовить – можно быть, убирая и готовя, счастливой – как за всяким делом. Но несделанное свое (брошенные стихи, неотвеченное письмо) меня грызут и отравляют всё. – Иногда не пишу неделями (NB! хочется – всегда), просто не сажусь...

Реально: месяц этого лета налаживала поездку Сергея Яковлевича в горы, две недели шила Муру, другие две налаживала Алин отъезд в Бретань (к Лебедевым, помните?)... .. Наконец возвращение Сергея Яковлевича и мысли (не только мысли, а письма, хождения: время!) – о его устройстве, попытка пока беспоследственная, ибо кризис и большинство кинематографических предприятий стоит... ..

Французский мой Молодец (Gars, работа 8-ми месяцев не понадобился никому. Проза в три листа «История одного посвящения» тоже лежит, ибо очередной № Воли России пока не выходит. (Очевидно, и у них «кризис».) И «Gars» и «История одного посвящения» должны были мне дать вместе 2750 франков, – т. е. и терм и налоги, и еще бы осталось на жизнь. Д. П. Святополк-Мирский, все эти годы помогавший на квартиру, платежи прекратил. Другая знакомая, собиравшая в Лондоне 500 франков ежемесячно, известила, что помогавшие больше не могут, но что она, пока, будет давать 300 франков.

Словом, если надеяться на чехов, в месяц у нас $300+375=675$ франков на четверых, когда одна квартира стоит 500 франков, не считая отопления (100 франков. Сейчас жили на остатки с вечера... ..

...Стихи всё-таки писала: ряд стихов к Пушкину, теперь – Оду пешему ходу. Но – такая редкая роскошь (в России, даже Советской, я из стихов не выходила) – тропинка зарастает от раза к разу... ..

Медон, 14-го сентября 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Наше положение прямо отчаянное: 14-ое число, а чешского иждивения нет. Без него мы погибли. Меня не печатают нигде (очередной № Воли России где должна была пойти моя проза «История одного посвящения» – не вышел), Сергей Яковлевич без места, Аля должна кончать школу. Нам не помогает никто... ..

...По нашим средствам мы все должны были бы жить под мостом.

Пишу стихи – лирические (так я определяю отдельные, короткие, но в общем всё –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
лирика! что не лирика?!) – был ряд стихов к Пушкину (весь цикл называется «Памятник Пушкину»[981]) – Ода пешему ходу – Дом (автопортрет – сейчас: Бузина (знаете такое дерево все в мелких-мелких ядовитых красных ягодах, – растет возле заборов).

В общем, если бы печатали, если не выработывала бы – то:

прирабатывала. А так – ничего: всё остается в тетради.

Будет время – перепишу и пришлю (даже если не будет времени!)

Умоляю, дорогая Анна Антоновна, попытайтесь отстоять меня у чехов. – Совестно всегда просить, но виновата не я, а век, который десять Пушкиных бы отдал за еще одну машину.

Обнимаю Вас и прошу прощения за несмолкаемые просьбы.

МЦ.

Медон, 8-го октября 1931 г.

..... Катастрофа нашего терма (трехмесячной квартирной платы) разрешилась благополучно, – и люди помогли, и как раз чешское иждивение пришло (сокращенное, но слава Богу, что вообще дают!) словом, сбыли эту гору с плеч и на три месяца спокойны. Я, вообще, за «Grands efforts»[982] в жизни, – лучше сразу непомерное, чем понемножку – всё равно непосильное, ибо нам по нашему имущественному положению нужно было бы жить под мостом. Пишу Вам так подробно, п. ч. знаю, что Вы и черновики (любимых вещей) любите.

Вся жизнь – черновик, даже самая гладкая.

Вернулась из Бретани Аля, привезла всем подарки: ей на ее именины мать ее подруги[983] подарила 50 франков, – купила на все деньги шерсти и связала Муру и мне две чудных фуфайки, с ввязанным рисунком, как сейчас носят – (и хорошо делают, что носят). Мне зеленую с белым ожерельем из листьев, Муру сине-серо-голубую, северную, в его цветах. На днях начинаются ее занятия в школе, берет три курса: иллюстрацию, гравюру по линолеуму (по дереву – не по средствам, обзаведение не меньше чем 300 франков) и натуру. Очень старается по дому и вообще бесконечно мила. Очень красива, выровнялась, не толстая, но крупная – вроде античных женщин. Моей ни одной черты, кроме общей светлости. Мур растет, – 6 лет 8 месяцев, переменял четыре зуба, а если не похудел, так постройнел, мне почти по плечо. Нрав скорее трудный, – от избытка сил всё время в движении, громкий голос, страсть к простору – которого нет. Дети, а особенно такие дети, должны расти на воле. Французские дети ученьем замучены: от 8 1/2 ч. до 12 ч., перерыв на 1 ч. и опять до 4 ч. – когда же жить, играть, гулять? Дома уроки и сон, ни на что не остается. Ребенок до 10 лет должен был бы учиться три часа в день, а остальное время – расти. Согласны? Потому до сих пор не могу решиться отдать его в школу, ибо все школы таковы, утренних нет. Это моя большая забота, ибо растет без товарищей, которых страстно любит. Пишет и читает по-русски и читает (самоучкой) по-французски, начинает бойко (хотя неправильно) говорить. Как мне бы хотелось Вам, дорогая Анна Антоновна, их обоих показать! Когда увидимся??

Сергей Яковлевич пока без работы – обещают – но при самой доброй воле трудно, – и французы без мест.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обнимаю Вас нежно, скоро еще напишу – о той другой жизни, где мы с Вами никогда не расставались.

МЦ.

...

Медон, 1-го января 1932 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Пишу Вам на странице своей рукописи, которой и кончила старый, которой и начала новый год.

Весной будет ровно десять лет как я уехала из России, летом – ровно десять лет как приехала в Чехию, осенью (1-го ноября) – ровно семь лет как уехала из Чехии, т. е. приехала во Францию. А странно: Чехия – как период времени в моей памяти гораздо больше чем Франция, я бы сказала: в Чехии пробыла семь, в Париже три. Франции несмотря на всё (этому всему – знаю цену!) я всё-таки как-то не полюбила, может быть потому что мне ее – душевно – нечем помянуть. Настоящих друзей здесь у меня не было, были кратковременные дружбы, не выжившие. Единственный человек, которого я здесь по-настоящему полюбила, который меня во Франции по-настоящему полюбил, была Елена Александровна Извольская, которая уехала – замуж в Японию, я Вам об этом расставании писала. Во Франции – за семь лет моей Франции – выросла и от меня отошла – Аля. За семь лет Франции я бесконечно остыла сердцем, иногда мне хочется – как той французской принцессе перед смертью – сказать: *Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien*[984] кроме Мура: очень сложного и трудного, но пока (тоже на какие-нибудь семь лет) во мне нуждающегося. После этих семи – или десяти лет – я уже на земле никому не нужна, м. б. тогда и начнется моя настоящая: одинокая и уединенная жизнь, которая у меня кончилась с семнадцати лет.[985] Может быть я тогда напишу еще несколько хороших вещей, может быть одну вещь: мою. Я пока еще живу на старый – отчасти российский, отчасти чешский – капитал (смешно звучит – от меня – да еще в эту зиму!). Париж мне душевно ничего не дал. Знаете как здесь общаются? Гостиние, много народу, частные разговоры с соседом – всегда случайным, иногда увлекательная беседа и – прощай навсегда. Так у меня было много раз, потом перестала ходить (пишу о французах). Чувство, что всякий все знает и понимает, но занят целиком собой, в литературном кругу (о котором пишу) – своей очередной книгой. Чувство, что для неразб тебя места нет. Так я недавно целый вечер пробеседовала с Alain Gerbault,[986] знаменитым одиноким путешественником (*A la poursuite du soleil*).[987] и – что же? Да то, что самая увлекательная, самая как будто – душевная беседа француза ни к чему не обязывает. Безответственно и беспоследственно. Так, как говорит со мной, говорит с любим, я только подставное лицо, до которого ему никакого дела нет. Французу дело до себя. Это у них называется искусством общения.

Эх дружба, любовь двухдневная –

И забвенье на тысячу дней!

Короткая память душевная

У здешних людей...

Так писала в 1912 году одна молодая поэтесса о Петербурге, точь-в-точь это же говорю в 1932 г. о Париже – я. Может быть это, по существу, сказано о всей стране здесь (*das hier-Land*[988]).

А может быть всё это оттого, что я никому не хочу нравиться и (именно потому) – не нравлюсь, может быть дело во мне. Не сомневаюсь, что те же французы с другими русскими... Но я бы не хотела быть – теми другими русскими...

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

А от русских я отделена – своими стихами, которых никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими – за монархизм или анархизм, своими особыми взглядами на воспитание (все меня тайно осуждают за Мура), опять-таки – всей собой.

Ехать в Россию? Там этого же Мура у меня окончательно отобьют, а во благо ли ему – не знаю. И там мне не только заткнут рот непечатанием моих вещей – там мне их и писать не дадут.

Словом, точное чувство: мне в современности места нет. Дали бы на выбор – взяла бы самый маленький забытый старый городок, где угодно, лучше всего – нигде, с хорошей школой для Мура и близкой окраиной – для себя. Так я могла бы прожить до смерти. Но этого у меня не будет... ..

...17-го читаю доклад (свой первый в жизни!) Поэт и Время, – главу своей статьи «Искусство при свете совести»[989] – м. б. заработаю франков 300 – дай Бог. Сергей Яковлевич опять без работы и положение отчаянное. Из Праги, пока, об окончании иждивения не предупреждали. Что-то будет?....

...Пишите, не забывайте, сопутствуйте душевно. Я еще более одинокий путешественник чем Alain.

Марина

Медон, 27-го января 1932 г., среда

– Есть, кроме обычного малодушия неписания еще особое малодушие: неотсылки. У меня так: если не отошлю тотчас же – не отошлю никогда. Нынче, разбирая бумаги и обнаружив целых четыре страницы мелкописи, уж хотела было – разом в печь, со всем и ко всем остальным – и – одумка: письмо-то, по существу, не мое, а Ваше. Да еще (хотя и мрачное) поздравление с Новым Годом, с которым – выходит – не поздравила, – а может быть он-то и есть счастливый?! – к которому – выходит – не пожелала, а может быть он-то и есть – тяжелый, в пожеланиях нуждающийся?

Словом, люблю и помню, поздравляю и желаю, и в Чехию – рано или поздно – но вернусь непременно, и непременно – к Вам. Вы знаете, дорогая Анна Антоновна, я, обратно всей нашей семье, гостить не умею: дико томлюсь! Необходимостью собственной любезности и внешней благодарности, мыслями, а часто и вымыслами – что я – тягость, чужим распределением дня, всей чужой (хотя и доброй!) надо мной волей. А у Вас бы я гостить сумела, у Вас бы я даже не заметила, что гощу! К Вам бы я приехала домой, в мир Сигрид Унсет и ее героев, не только в их мир и в их век, но в их особую душевную страну, такую же достоверную как Норвегия на карте.

Я знаю что я оттуда. Я там всё узнаю. Я знаю что и Вы оттуда, я и Вас там узнаю, я и это там в Вас узнаю. Мы с Вами люди одной породы, без всякого иносказания: горной. Люди гор. Суровые. Как было в России суровое полотно, суровый холст – из которого кому-то (не нам!) паруса. Которые не рвутся. (И вот – мысль: на парусах моих стихов все выплывут в открытое море, кроме меня. Ибо я только ткач, ткач, который сидит.)

Сигрид Унсет. Sigrid Unsed: Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz.[990] И вот – внезапное озарение: кто же мне подарит эти книги как не Вы, которая их – почти что писали и совсем жили?! Не все. Вторую часть: die Frau. Первую мне, я почти уверена, подарит один здешний молодой поэт, [991] который был в VII классе Тшебовской гимназии, когда Аля поступила в I класс. Еще совсем не поэт: только начинает учиться рифмовать, но – благородное сердце, без чего поэта – нет. У нас с ним общая любовь – Рильке, с той разницей, что его любимая вещь – Cornet, [992]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
т. е. его собственный юношеский возраст. До всего Рильке ему остается расти всю жизнь, а м. б. и несколько. – Вот на этого рильковского читателя (горячо любит мои стихи) у меня и надежда, что подарит 1 часть der Kranz. Хочу непременно по-немецки, на французском эта вещь просто не мыслится. Читала я трилогию два года с лишним назад, жила ее. А просила подарить уже два раза – и оба раза безнадежно: первый человек просто не отозвался, второй пообещал – и всё. Знаю, что все три тома продаются отдельно, глазами видела здесь, в немецком магазине, и естественно не могла купить. Мы в полной нищете, за квартиру не плачено (послали из 1300 франков – 700 франков, пока, хозяйка вернула обратно, желая сразу всё, естественно начали тратить, ибо жить не на что, чехи не пишут и не шлют, литературный отдел Воли России кончился, печататься негде, Сергей Яковлевич без работы, ищет, обещают – ах!). Но вот потому-то, из-за того-то и хочу трилогию, чтобы рядом с этой жизнью шла другая жизнь: моя!

О Kristin Laurinstochter мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до тоски.[993] Половину бы своих книг (у меня есть очень хорошие!) за нее отдала.

21-го был мой доклад «Поэт и Время». В зале ни одного свободного места, слушатели очень расположенные, хоть говорила я резкие правды. Характерно, что из всех приглашенных[994] для обмена мнений людей старшего поколения, всех представителей времени (философов или возле) пришел только шахматист и ли-тературный критик Зноско-Боровский.[995] Ни одного философа, ни одного критика. Только поэты. Трогательно выступал (из публики) старичок Сергей Яблоновский[996] (лет за семьдесят), увидевший во мне (и в моем докладе) – свет – правдивость – бесстрашие (его слова). Очень горяч был молодой поэт А. Эйсер...

...

8-го апреля 1932 г.

Clamart (Seine) 101,

Rue Condorce1

Дорогая Анна Антоновна,

Как видите новый адрес, то есть конец одной жизни и начало другой. Выехали и въехали 31-го марта, переезжали, вернее – перетаскивались по вчерашний день. Причина переезда – невозможность платить прежнюю цену, наша новая квартира на 1200 франков в год дешевле, самая дешевая из всех виденных в Медоне и в Кламаре – на комнату (мою) меньше, и без ванной, словом 21/2 комнаты и кухня. Половина – то место где мой стол и книги, но постель не вмещается, сплю в кухне, большой и светлой... ..

...В Медоне мы прожили пять лет. В Медоне вырос Мур. В Медоне в трех минутах был лес и в трех – вокзал. В Медоне на десять домов девять старых. В Медоне когда-то охотились короли.

Кламар новый, плоский и скучный. С трамваем. С важными лавками. Может быть – придется полюбить, но...

...Кончаю свою бесконечную статью «Искусство при свете совести», прерванную месячным (разработка, укладка, раскладка, чистка двух домов) переездом. Может быть пойдет в Современных Записках, об этом старается А. Эйсер, с которым я только недавно познакомилась и который мне решительно нравится. Смесь ребячества и настоящего самобытного ума. Лично – скромн, что дороже дорогого. Ко мне, неизвестно за что и почему, добр, всё пытается устроить мою рукопись... ..

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
16-го октября 1932 г Клармар,

... ..Пишу Вам в первый же свободный день – за плечами месяц усиленной, пожалуй даже – сверх сил – работы, а именно: галопом, спины не разгибая, писала воспоминания о поэте М. Волошине, [997] моем и всех нас большим и давнем друге, умершем в России 11-го августа. Писала, как всегда, одна против всех, к счастью, на этот раз, только против всей эмигрантской прессы, не могшей простить М. Волошину его отсутствие ненависти к Советской России, от которой (России) он же первый жестоко страдал, ибо не уехал.

Катерина Николаевна [998] вам расскажет о чтении. [999] Так как надежды на печатание – ни здесь, ни в Советской России – нет, а писала я о М. Волошине для того, чтобы знали, мне пришлось читать почти целиком всю рукопись, т. е. 2 ч. 45 минут подряд, с перерывом на 10 минут. Читала до самого закрытия зала. Зал (слушатели) был чудный (большинство женщины), слушали, несмотря на усталость – свою и мою – лучше нельзя.

М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном суровом коктейле (близ Феодосии). – И стольким еще!.. ..

...Сергей Яковлевич совсем ушел в Советскую Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только то, что хочет.

Аля больна: нарыв от малокровия, совсем худая и сквозная. У меня нервы в отчаянном состоянии: чуть что – слезы градом и комок в горле. Всё это от нужды, т. е. тесноты, в которой приходится жить. Вечно на глазах, никогда – одна. Утешаюсь только, когда пишу – или, случайно, чудом, оказываюсь одна на улице – хотя бы на пять минут. Тогда всё проходит. Если я больна – то только от совместности... ..

...Лето было ужасное. Но об этом лучше не писать. М. б. лучше, что то письмо пропало...

Когда увидимся? Почему люди, которым нужно быть вместе, должны быть врозь? Я бы все свои свободные вечера (не так много!) проводила бы с Вами. Мне общество не нужно, мне нужен человек, и из всех людей – больше всего Вы. Я глубоко завидую Катерине Николаевне. Мне с Вами тихо. Вы понимаете, что это значит? Как в большом поле – какие есть только в России. Так тихо, что не признаю шумно (с Вами) даже на парижских «Grands boulevards» – ах, [1000] которые все, неизвестно почему – так любят. Нет, известно почему: за шум. За то, что – «себя не слышать».

Иногда вижу Марка Львовича. Недавно с ним спорила. Он танец ставит на одну высоту со словом. «Бог – или истина – или красота – или добро» – когда человек так говорит, я знаю одно: что ему глубоко всё равно. Что он, даже, по существу ни одного называемого не ощущает. Так этот «Бог или красота или добро», по его мнению, равно проявляется в балерине и в пророке. На что я ему ответила, что можно любить балет больше Священного Писания, но что оправдать этого (уравнять их) – нельзя. Либо признать равенство души и тела, чего не признаю никогда. Еще пример: 82-летний Гёте – второй Фауст, а 80-летний танцор?? Не о бестелесных же, танцах он говорит, не о хороводах же душ, а о – живом танце, т. е. тел. Всякий поэт хочет (удачно или неудачно) сказать свою душу, а из танцоров – один на миллион. Танцор хочет сказать свое тело: силу, легкость, грацию. Это через него хочет сказаться. Апогей тела, и в лучшем случае переборотый закон земного тяготения: но – силой ног (таких-то мускулов) лечу, не силой духа.

Согласны? Ответьте непременно.

Утверждения Марка Львовича – конечно, общее место, каждый эстет и под-эстет так говорит. Просто: ему одинаково (а м. б. и больше приятно) смотреть на балерину, как читать стихи. Приятнее смотреть, чем думать. Как большинству. (Хлеба и зрелищ.) Смотреть есть не-думать. – Пусть! Но зачем же пытаться оправдать это разумом? Слово – разум, танец – инстинкт. Ели жертвенное мясо, а потом танцевали, не знали что сказать – потому танцевали. [1001] Козлы тоже танцуют. И журавли, кажется. (И очень хорошо делают!) И ребенок скачет раньше, чем говорит. Танец – потребность тела. Слово – души.

Из всего этого Марк Львович вывел, что я «просто ничего не понимаю в танце», который, кстати, сравнивается с архитектурой (NB! Реймский собор). Такие вещи меня больше задевают, чем мои личные (бытовые и людские) неудачи и беды. Здесь мое задело. И только из-за таких вещей могу не спать.

(Страшно хотелось бы устроить об этом диспут, но всем всё – так всё равно!)... ..

...Милая Анна Антоновна, если не трудно – присылайте нам те 20 франков прямо, а то Карсавины собираются уезжать, – и все равно: Вы одна присылаете. Сердечное спасибо!

МЦ.

7-го марта 1933 г

Clamort (Seine)

10, Rue Leisure Carnot

.

...Вчера у А. И. Андреевой – помните, черноглазая и даже огнеокая дама, у которой мы с Вами вместе были в гостях во Вшенорах? мы и здесь соседи – итак, у А. И. Андреевой я встретила с госпожой Даманской, [1002] которая мне много и с большой симпатией говорила и рассказывала о Вас. Так я и увидела Вас – на фоне той Праги, даже не той, моего пребывания, а раньше, – м. б. просто Праги сна. (Прага и Брюгге – два самых сновиденных города, которые я знаю, но Прага еще больше – сон, п. ч. меньше об этом знают.) И я вспомнила тот сияющий день во Вшенорах, станцию, качающиеся корзины с цветами, рельсы, нашу беседу – без рельс, а м. б. прямой дорогой в бессмертие. (Мы говорили о некончании – нескончании – всего.)

Расскажу немножко о нас. Мы переехали – с огромными трудами – на новую квартиру – простите, если Вам уже об этом писала, – не помню) – тут же в Клараре, очень спокойную и просторную, в довоенном доме. на 4 этаже. У меня своя комната, где даже можно ходить.

Зима прошла в большой нужде и холоде, топили редко – отопление свое, т. е. имеешь право мерзнуть – недавно приходили описывать (saisir) – трое господ, вроде гробовщиков, но увидев «обстановку» – ящики, табуреты и столы – написали нам бумажку о немедленной высылке из Франции в случае неуплаты налогов – очень старых – из которых мы уже выплатили 500 франков, оставалось еще 217 франков. И в тот же день – увы! – долгожданный гонорар из Современных Записок – 250 франков, которые почти целиком тут же пришлось отдать. Что будет с будущим

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
термом – не знаю, все писатели сейчас устраивают вечера, а к моим парижане уже привыкли: не новость.

Стихов за зиму писала мало: большая работа о М. Волошине и перевод своей собственной вещи на французский:[1003] 9 (своих собственных настоящих) писем и единственное, в ответ, мужское – и послесловие: Postface ou Face Posthume des choses[1004] – и последняя встреча с моим адресатом, пять лет спустя, в Новогоднюю ночь. Получилась цельная вещь, написанная жизнью. Но с моим обычным везением – похвалы (французов) со всех сторон, а рукопись лежит. И очевидно будет лежать, – как и мой французский Мóлодец, иллюстрированный Гончаровой.

Сейчас мне заказали книжку для детей о церкви, и, сужая: литургии, – тема для меня трудная, п. ч. службу знаю плохо – каждый знает лучше меня! И вообще я человек вне-церковный, даже физически: если стою – всегда у входа, т. е. у выхода, чтобы идти дальше. Кроме того, без уверенности, что получу гонорар, – заказ на авось. Да, Вы даже знаете заказчика: сестра Кати Кист – художница Юлия Рейтлингер, сделавшая ряд церковных картинок и жаждущая текста к иллюстрациям.[1005] – Не знаю что выйдет. И не знаю, получу ли что-нибудь... ..

...Как Прага? Началась ли уже весна?

Помню одну изумительную прогулку на еврейское кладбище, в полный цвет сирени... ..

5-го июля 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна! Начнем с открытки, – это только оклик. Да, все на месте, я Вас не забыла, ибо мне забыть Вас – впасть вообще в беспамятство. А не писала так долго по малодушию: невозможность вместить все в одно письмо. М. б. через несколько дней от него отвяжусь, тогда сразу получите и карточки детей, самые недавние, и м. б. мою (я очень плохо выхожу!). Мы никуда не уехали (уже третье лето). Нищета, но другим еще хуже. Пишу прозу, п. ч. стихи никому не нужны, т. е. никто не берет. Но проза тоже неплохая. (В последних) Новостях от 16-го июля, воскресенье, мой большой фельетон – «Башня в плюще» – о детстве в Германии.) М. б. видели?... ..

Клармар, 24-го ноября 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Наконец – письмо!

Пишу Вам в передышку между двумя рукописями: «Дом у Старого Пимена» – семейная хроника дома Иловайских (историк иловайский – Вы наверное знаете? Мой отец был первым браком женат на его дочери, я не ее дочь) очень мрачная и правдивая история: дом, где все умирали, кроме старика, – вещь может быть пойдет в Современных) Записках, пишу стало быть в перерыв между «Старым Пименом» и «Лесным Царем»[1006] (попытка разгадки Гёте). На помещение последней вещи мало надежды: кто сейчас, в эмиграции, интересуется Лесным Царем (Er1könig) и даже Гёте! Я, которую так долго травили за «современность» стихов – теперь вечно слышу упреки в несовременности тем моей прозы. (А Вы не думаете, что та «современность» и эта «несовременность» – одно, т. е. я?!)

Стихов я почти не пишу, и вот почему: я не могу ограничиться одним стихом – они у меня семьями, циклами, вроде воронки и даже водоворота, в который я попадаю, следовательно – и вопрос времени. Я не могу одновременно писать очередную прозу и стихи и не могла бы даже если была бы свободным человеком. Я – концентрик. А стихов моих, забывая, что я – поэт, нигде не берут, никто не берет – ни строчки.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Нигде» и «никто» называются «Последние Новости» и «Современные Записки», – больше мест нет. Предлог – непонимание меня, поэта, – читателем, на самом же деле: редактором, а именно: в Последних Новостях – Милюковым, в Современных Записках – Рудневым, по профессии – врачом, по призванию политиком, по недоразумению – редактором (NB! литературного отдела). «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно». [1007]

Эмиграция делает меня прозаиком. Конечно – и проза моя, и лучшее в мире после стихов, это – лирическая проза, но все-таки – после стихов!

Конечно, пишу иногда, вернее – записываю приходящие строки, но чаще не записываю, – отпускаю их назад – ins Blaue! [1008] (никогда Graue, [1009] даже в ноябрьском Париже!)

Вот мои «литературные» дела. Когда получу премию Нобеля (никогда) – буду писать стихи. Так же как другие едут в кругосветное плавание.

Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина. [1010]
Уклониться – изъять протест. Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее – Горький. Горький – эпоха, а Бунин – конец эпохи. Но – так как это политика, так как король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому... Впрочем, третий кандидат был Мережковский, и он также несомненно больше заслуживает Нобеля, чем Бунин, ибо, если Горький – эпоха, а Бунин – конец эпохи, то Мережковский эпоха конца эпохи, и влияние его и в России и за границей несоизмеримо с Буниным, у которого никакого, вчистую, влияния ни там, ни здесь не было. А Последние Новости, сравнивавшие его стиль с толстовским (точно дело в «стиле», т. е. пере, которым пишешь!), сравнивая в ущерб Толстому – просто позорны. Обо всем этом, конечно, приходится молчать.

Мережковский и Гиппиус – в ярости. М. б. единственное, за жизнь, простое чувство у этой сложной пары.

Оба очень стары: ему около 75, ей 68 лет. Оба – страшны. Он весь перекошен, как старый древесный корень, wurzel-männchen [1011] (только – без уюта и леса!), она – раскрашенная кость, нет, даже страшнее кости: смесь остова и восковой куклы.

Их сейчас все боятся, ибо оба, особенно она, злы. Злы – как дүхи.

Бунина еще не видела. Я его не люблю: холодный, жестокий, самонадеянный барин. Его не люблю, но жену его [1012] – очень. Она мне очень помогла в моей рукописи, ибо – подруга моей старшей сестры [1013] (внучки Иловайского) и хорошо помнит тот мир. Мы с ней около полугода переписывались. Живут они в Grass'e (Côte d'Azur [1014]), цветочном центре (фабрикация духов), в вилле «Belvédère», на высочайшей скале. Теперь наверное взберутся на еще высочайшую.

Дома – неважно. Во-первых, если никто не болен (остро), то никто и не здоров. У Мура раздражение печени, диета, очень похудел – и от печени и от идиотской французской школы: системы сплошного сидения и зубрения... .. Аля все худеет, сквозная, вялая, видно сильнейшее малокровие. Шесть лет школы, пока что, зря, ибо зарабатывает не рисованием, а случайностями, вроде набивки игрушечных зверей, или теперь м. б. поступит помощницей помощника зубного врача – ибо жить нечем. Очень изменилась и внутренне... .. У нас грязь и холод (уголь и его отсутствие). Во Вшенорах тоже была грязь, но была большая уютная плита, за окнами был лес, был уют нищеты и душевный отвод настоящей природы. Все те места помню, все прогулки, все дорожки. Чехию – доброе помню.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Огромное спасибо за ежемесячные присылки, всегда вручают в последнюю минуту!

Вы одна и уцелели.

Кламар, 11-го декабря 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна, только что Ваше письмо, откликаюсь сразу и сразу начинаю с просьбы: пришлите мне Вашу карточку! Какую хотите: либо последнюю, либо 1923 г. – 1925 г., когда мы с Вами встречались, и очень бы хотелось Вас – молодую (тогда). Знаете ли Вы – Вы, конечно, знаете! что Вы совсем, целиком, из чудесного женского мира Лагерлёф и Унсет, что те – Ваша порода, а Вы – их. Страшно хотелось бы прочесть ту книгу «Дочь священника», если Вы записаны в немецкой библиотеке и она там есть, вышлите мне почитать, не задержу. Купить – нет возможности, а в Париже только одна крохотная немецкая библиотека, и там переводов нет, вообще ничего нет, кроме сенсаций о развале немецкой империи, а затем и демократии. Авторы этих книг сидят по парижским кафе. Всё это очень интересно, – и книги, и авторы, и Reich[1015] – но всё это неминуемо пройдет. А Унсет и Er[k]önig[1016] и Ваша «Дочь священника» – останется. (Точно кто-то меня с детства заколдовал: не любить ничего преходящего, кроме вечно возвращающегося преходящего природы.) Итак, милая Анна Антоновна, если только имеется немецкая библиотека, и если только Вы в ней записаны, и если только в ней имеется «Дочь священника», умоляю достать и выслать на короткий срок. Я такой книги – жажду. А Вам очень советую прочесть Olaf Dunn «Die Juwikinges», два тома: I – Peter Anders und sein Geschlecht, II – Odin.[1017] по отзыву Унсет – лучшая вещь о Норвегии и в Норвегии за последние годы. Совсем молодой.

Мне с моими вещами не везет. Er[k]önig'a вернули, как «очень интересное филологическое исследование, но для среднего читателя негодящееся», а теперь Современные Записки опять желают, чтобы я выкинула 8 страниц из своей рукописи «Дом у Старого Пимена». Собравшись с духом наконец ответила, что печатаюсь я 1910 г. – 1933 г., т. е. 23 года, а пишу – еще дольше, что над Старым Пименом я работала всё лето, а над этими 8 страничками не меньше двух недель, что я не любитель, не дилетант, не гастролер, что пора меня счесть серьезным писателем, либо вовсе оставить в покое. Что от гонорара за эти 8 страниц отказываюсь на покрытие типографских расходов, но что если и это не поможет – пусть мой Старый Пимен остается при мне, а я – при нем.

Не знаю. Думаю – не согласятся. Но знаю, что иначе – не могла. Они ведь хотели, чтобы я выкинула всю середину о детях Иловайского, т. е. как раз самое насущное и сказочное: две ранних смерти двух несказанно трогательных существ. Им это «неинтересно», они ловят анекдот, сенсацию, юмор. Чуть всерьез – уже «растянуто» и «читатель не поймет». Я – лучшего мнения о читателе. Меня читатель (der Lesende und Liebende[1018]) понимал всегда.

Конечно с деньгами дело печально: выйдет, что я все лето даром работала. Через 2 недели Рождество – не будет подарков детям. Вообще, это была долгая и последняя надежда, но не могу, чтобы вещь уродовали, как изуродовали моего Макса, выбросив все его детство и юность его матери – всего только 10 страниц. Им 10 страниц, а мне (и Макс, и его матери, и читателю) целый живой ущерб.....

...Во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, настоящих друзей – нет. Во Франции мне не повезло. Дома тоже сиротливо. И очень неровно. Лучший час – самый поздний: перед сном, с книгой – хотя бы со старым словарем. Впрочем, это был мой лучший час и в шестнадцать, и в четырнадцать лет... ..

Кламар, 26-го января 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вами открываю свой новый блокнот для писем. Приятно так обновить вещь – такую вещь.

Спасибо, спасибо, спасибо за чудесное, доброе, мудрое, убедительное, неопровержимое письмо. Гений рода? (У греков демон и гений – одно). Гений нашего рода: женского: моей матери рода – был гений ранней смерти и несчастной любви (разве такая есть?) – нет, не то: брака с не-тем. Моя мать с 13 лет любит одного – верховые поездки аллеями ночного парка, дедово имение «Ясенки», где я никогда не была и мимо которого проезжала, уезжая из России – совместная музыка, страсть к стихам. Мой дед, узнав, что он разведенный, запрещает ей выходить за него замуж, а по ее совершеннолетию разрешает с предупреждением, что она и дети, если будут, – да, ее же муж – никогда не будет для него существовать. Моя мать не выходит, выходит год спустя за моего отца: вдовца, только что потерявшего обожаемую жену, с двумя детьми, 8-летней девочкой и годовалым мальчиком – в апреле 1933 г., т. е. 10 месяцев тому назад в Москве умершим моим единственным братом (полубратом) Андреем. Выходит, любя того, выходит, чтобы помочь. Мой отец (44 года – 22 года) женится, чтобы дать детям мать. Любит – ту. Моя мать умирает 35 лет от туберкулеза.

Ее мать, Мария Лукинична Бернацкая, моя бабушка, выходит замуж за ее отца (моего деда, того, кто не разрешил) любя другого и умирает 24 лет, оставляя полугодовалую дочь – мою мать. (Фамилия моего деда – Меуп, Александр Данилович, – была и сербская кровь. Из остзейских обрусевших немцев.)

Мать моей польской бабушки – графиня Мария Ледоховская умирает 24 лет, оставив семь детей (вышла замуж 16-ти). Не сомневаюсь, что любила другого.

Я – четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и уже пережила их всех – тот гений рода – на мне.

Я в этом женском роду – последняя. Аля – целиком в женскую линию эфроновской семьи, вышла родной сестрой Сережиным сестрам... Женская линия может возобновиться на дочери Мура, я еще раз могу воскреснуть, еще раз – вынырнуть. Я, значит – те. Все те Марии, из которых я единственная – Марина. Но корень тот же... ..

В следующий раз напишу Вам про две смерти: Андрея Белого и одного друга, покончившего с собой в новогоднюю ночь в Брюсселе. [1019]

Остался чемодан рукописей, которые никому кроме меня не нужны. Он был – настоящий писатель... ..

Клармар, 2-го февраля 1934 г.

Дорогая и милая Анна Антоновна,

Не знаю, чудо, или случай, или Ваша любящая мысль – но Ваша чудная книга пришла как раз вчера: [1020] в день Муриного рождения: девятилетия (1-го февраля), в такую же снежную бурю, как девять лет назад, когда тоже чуть ли не сносило крыши – в Париже вчера сносило, и Сергей Яковлевич чуть не был убит огромной железной трубой с крыши семиэтажного дома, упавшей меньше чем на сантиметр от него: пролетевшей по пальто и замазавшей его ржавчиной. Прохожие кинулись к нему, думая, что убит.

Такая же история была с моим отцом, давно, в Москве, в оттепель: на неучтимо расстоянии от него, прямо за ним свалилась и разбилась огромная ледяная глыба. И

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
встречный татарин – философ и князь, как все восточные:

– Счастлив твой Бог, барин!

Книга лежит рядом с моим изголовьем, смотрю на нее с вожделием, но не читаю, потому что сначала должна кончить «Квентина Дорварда» Вальтера Скотта, которого купила для Мура и читаю с восхищением сама. Помните ли Вы его? Людовик XI (французский Иоанн Грозный), такой же притягательный и отталкивающий, страшный и несчастный, человечески безумный и государственно-мудрый, как наш царь – и молодой боевой горячий великодушный и великолепный шотландец, сам Квентин.

Такая книга не «литература», а – деяние.

Будет случай – перечтите!

А вот Вам мой чудный Мур – хорош? Во всяком случае – похож. И более похож на Наполеоновского сына, чем сам Наполеоновский сын. Я это знала с его трех месяцев: нужно уметь читать черты. А в ответ на его 6-месячную карточку – Борис Пастернак – мне: «Всё гляжу и гляжу на твоего наполеонида». С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и его сыне) всё мое детство и отрочество и юность – и так шло и жило во мне не ослабевая, и с этим – умру. Не могу равнодушно видеть его имени. И вот – его лицо в Мурином. Странно? Или не странно, как всякое органическое чудо. Знаете ли Вы гениальную книгу о нем Эмиля Людвига?[1021] Единственную его гениальную, даже не понимаю, как он ее написал – принимая во внимание все блистательные, но не гениальные – лучшую книгу о Наполеоне, а я читала – всё.

Почему мы с Вами не вместе?? Мы бы с Вами ввек всего не переговорили, а с остальными, почти со всеми – мне так скучно, и им со мной!

Всё время ловлю себя на мысли: что у меня есть такого приятного? Какая-то радость... И, вдруг: А-а! Dixelius!

У меня даже чувство, что Вы – ее написали, так и буду читать.

Очень прошу Вас, милая Анна Антоновна, достаньте Современные Записки, только что вышедшие, и прочтите мой «Дом у Старого Пимена», – мне очень хочется знать Ваше подробное и непосредственное впечатление. Я совсем не знаю, что это за вещь: я слишком много вписала в строки... ..

Клармар, 9-го апреля 1934 г.

...Писала ли я Вам, что мой вечер Белого (простое чтение о нем)[1022] прошел при переполненном зале с единым, переполненным сердцем. Возможно, что вещь пойдет в Современных) Записках, уже сдана на просмотр.

Читаю сейчас замечательного вересаевского Гоголя – Гоголь в жизни, – только документы современников, живые голоса. Огромный исчерпывающий трагический том. Если бы я выиграла в Национальной Лотерее хотя бы 200 франков (билета у меня нет!) то мгновенно подарила бы Вам эту книгу. Есть ли она в Праге? Такую бы хорошо увезти на лето, на все три летних месяца, прожить их с Гоголем.....

Клармар, 26-го мая 1934 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

...Человечность через брак или любовь, – через другого – и непременно – его – для меня не в цене. Согласны ли Вы со мной? Ведь иначе выходит, что так, какая-то половинка, летейская тень, жаждущая воплощения... А Сельма Лагерлёф никогда не вышедшая замуж? А – Вы? А я, пяти, пятнадцати лет? Брак и любовь личность скорее разрушают, это испытание. Так думали и Гёте и Толстой. А ранний брак (как у меня) вообще катастрофа, удар на всю жизнь. Я в такое лечение не верю... ..

...Пока я жива – ему (Муру) должно быть хорошо, а хорошо – прежде всего – жив и здоров. Вот мое, по мне, самое разумное решение, и даже не решение – мой простой инстинкт: его – сохранения. Ответьте мне на это, дорогая Анна Антоновна, п. ч. мои проводы в школу и прогулки с ним (час утром, два – после обеда) считают сумасшествием... Дайте мне сад – или хорошую, мне, замену – либо оставьте меня в покое. Никто ведь не судит богатых, у которых няньки и бонны, или счастливых, у кого – бабушки, почему же меня судят? А судят все – кроме А. И. Андреевой (помните ее? как она танцевала на вшенорском вокзале, от радости, что – хорошая погода??), которая меня по-настоящему любит и понимает и которую судят – все. У нее четверо детей, и вот их судьба: старшая (не-андреевская) еще в Праге вышла замуж за студента-инженера и музыканта. И вот Анна Андреева уже больше года содержит всю их семью (трое) ибо он работы найти не может, а дочь ничего не умеет. [1023] Второй – Савва танцует в балете Иды Рубинштейн [1024] и весь заработок отдает матери. Третья – Вера [1025] (красотка!) служит прислужкой и кормит самоё себя, – Анна Андреева дала ей все возможности учиться, выйти в люди – не захотела, а сейчас ей уже 25 лет. Четвертый – Валентин, [1026] тоже не захотевший и тоже по своей собственной воле служит швейцаром в каком-то клубе – и в отчаянии. Сама Анна Андреева держит чайную при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20–25 франков в день, на которые и содержит своих – себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. – пол, и домой – жарить и печь на завтра... (пр. 4 с.)

...Сдала в журнал «Встречи» маленькую вещь, 5 печатных страниц – Хлыстовки. (Кусочек моего раннего детства в городе) Тарусе, хлыстовском гнезде.) Большого ничего не пишу, Белого написала только потому, что у Мура и Али была корь, и у меня было время. Стихов моих нигде не берут, пишу мало – и без всякой надежды, что когда-нибудь увидят свет. Живу, как в монастыре или крепости – только без величия того и другого. Так одиноко и подневольно никогда не жила.

В ужасе от будущей войны (говорят – неминуемой: Россия – Япония), лучше умереть... ..

24-го августа 1934 г

Elancourt, par Trappes (S. et O.)

chez M-me Breton

.

.....В деревне мы с Муром уже с 31-го июля, недалеко от Парижа (вторая станция за Версалем), но настоящая деревня, – редкому дому меньше 200 лет и возле каждого – прудок с утками... .. Часть мебели привезли, часть дружески дали местные русские – муж и жена – цветоводы. Местность вроде чешских Иловиц – только Иловицы – лучше – должно быть оттого, что – выше. Но мы, по старой памяти, всё-таки ухитрились поселиться на холму. С собой взяла Kristin Laurinstochter, которую перечитываю каждое лето, – вот уже пятый раз. Т. е. пятый раз живу ее жизнь. Второй том – с Вашей надписью, – помните? Значит и Вас взяла с собой в Elancourt – в русском переводе олень (старинное елень) бежит.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Была у меня здесь в гостях мой – уже старый: 10 лет! – и верный друг, А. И. Андреева, наслаждалась простором и покоем. Ее сын Савва, которому уже 25, а Але осенью будет 21 год! – принят в Casino de Paris – послужила ему его обезьянья лазба по вшенорским деревьям! – танцор, и танцор замечательный. А весь облик – облик Парсифаля: [1027] невинность, доверчивость, высокий лад, соединенный с полным дикарством... ..

...Аля на море, учит по-французски целое семейство (бабушку включая), немецко-еврейских эмигрантов. 150 франков в месяц, но – море! И хороший корм (семья ест весь день), и добродушное отношение... ..

...Читали ли новую вещь Унсед: Anna-Elisabeth? [1028] И, если да, – что это? какое время? (С огорчением:) – неужели наше? Где происходит вещь? В какой стране? (С огорчением:) – Неужели не в Норвегии? Непременно напишите: той же силы вещь, или слабее, или, вообще, иное? Жажу знать... ..

24-го октября 1934 г

Vanves (Seine)

33, Rue Jean-Baptiste Potin

.

Дорогая Анна Антоновна,

Знаете, что с нашего расставания 1-го ноября будет уже – 9 лет? А тогда Муру было – день в день – д-е-в-я-т-ь месяцев. Правда, жуть? И эта жуть – жизнь.

Wenn die Noth am höchsten ist, so ist Gott am nächsten: [1029] вчера мы совершенно погибли от безденежья: в доме ничего не было (как мышь – всё приели), а денег – никаких, ибо только что (15-го) выплатили терм. И вдруг – Ваша присылка! Я почувствовала себя Ротшильдом, или гамбургским банкиром Vteichröder'ом, в семье которого Аля, этим летом, за 150 франков в месяц обучала французскому – и всему, мытьё ушей включая – троих детей и их 80-летнюю бабушку, главную банкиршу (ее – только французскому).

Как видите, с фермы вернулись. Мур ходит в школу, Аля пока дома... ..

Мы живем в чудном 200-летнем каменном доме, почти – развалина, но надеюсь, что на наш век хватит! – в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чу-удная большая комната с двумя окнами и, в одном из них, огромным каштаном, сейчас желтым, как вечное солнце. Это – моя главная радость.

Пишу очередную главу своего детства «Черт». Думаю, что после нее эмиграция от меня совсем откредитится, хотя бы из-за своего глубокого лицемерия и самого поверхностного ханжества.

Здесь все стали «святые», а как мало настоящей человечности!

Очень хочу, чтобы Вы прочли моего «Китайца» – 24-го октября, среда, Последние Новости... ..

Ванв, 21-го ноября 1934 г.

.....Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром или без Мура, в школу или за молоком – и изнутри, сами собой – слова завещания. Не вещественного – у меня ничего нет – а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: разъяснение. Свести счеты, хотя Маяковский и сказал:

Кончена жизнь – и не к чему перечень

Взаимных болей, и ран, и обид...

Я дожила до сорока лет и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете. Это я бы хотела выяснить. У меня не было верного человека. Почему? У всех есть. И еще – благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А. И. Андреевой и Борису Пастернаку. Больше у меня не было никого.

Подымаю глаза, совершенно горящие от слез (целые дни!) и сквозь слезную завесу вижу лицо Сигрид Унсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (меня). А рядом – Рильке, под веткой боярышника, а м. б. терновника (острые листы с шипами и красные ягоды), которую я подобрала на улице. Но Рильке отвернулся, смотрит вдаль, слушает – даль (это его последняя карточка, маленькая, любительская – снимала его русская секретарша и сиделка). Он на балконе: весна: еще черные ветки, он с наставленным, как у собаки, ухом стоит и слушает.

Внизу, как раз под моей комнатой, русская семья: старушка 81 года, помнящая Аделину Патти. [1030] Красивая, серебряноседая, изящная. И вот нынче слышу: навзрыд плачет. У нее две внучки, двадцати лет, когда бабушка роняет вещь – ни одна не двигается, а говорит – прерывают или смеются. Старушка весь день бегаёт вверх и вниз по лестнице, п. ч. кухня внизу, а едят наверху. Готовит на семь человек, одна моет посуду. А внучки лежат на кроватях и – мечтают. Или негодуют на нищенскую жизнь. Бабушка тихо угасает, скромно. Понесла кому-то пирог – нечем дышать. «А воздух свежий. Значит – сердце». Я вдвое моложе ее (как вдвое старше Али и вчетверо – Мура). Вчера я принесла ей свой граммофон с лучшими пластинками, – как она блаженствовала! Но внук у нее – чудный, красавец, как она, – двадцать пять лет. Между нами – 15 лет – и начало дружбы, из которой конечно ничего не выйдет, – он боится моей «славы», а я его молодости. Так и пройдем мимо. Но приятно – когда в глазах – восторг. Бываю я у них, именно потому что – соседи – редко, раз в две недели, но всегда отдыхаю душевно – от бабушки и от внука. Почему людям нельзя сказать что их любишь?...

...Боюсь – глаза пропадут. А сердце – уже пропадает: я, рожденный ходок, стала задыхаться на ровном месте, и с каждым днем хуже. Жаль сердца – хорошо служило.

Сейчас лягу,

Und schlafen möcht ich, schlafen

Bis meine Zeit herum!

[1031]

Обнимаю Вас.

МЦ.

Я отчасти и из-за бабушки плачу: из-за ее слез, – от всех вместе.

У меня еще одно горе, – не горе: обида, дико-незаслуженная! Но о ней в другой раз.

Ванв, 27-го декабря 1934 г.

.....А вот другое горе: мое. Чистое и острое как алмаз.

21-го ноября погиб под метро юноша – Николай Гронский. Он любил меня первую, а я его – последним. Это длилось год. Потом началось – неизбежное при моей несвободе – расхождение жизней, а весной 1931 г. и совсем разошлись: наглухо. За все три года я его видела только раз, в поезде, – позвала – не пришел. (Позвала «заходить» и он, не поняв словесного прикрытия, оскорбился.) И вдруг, 21-го ноября утром в газете...

– Но это не все. Юноша оказался большим поэтом. Вот его вещь, – мой грустный подарок Вам на Новый Год. Он и при мне (18, 19 лет!) писал стихи и были прекрасные строки, и я все спрашивала его, верней – себя: – Будешь ли ты – или нет – поэтом? И вот, расставшись, стал. Сохранилась вся наша переписка (лето 1928 г.) – целое Briefbuch[1032] Он писал мне из Bellevue (под Парижем, где и мы жили первый год) в Pontailлас на океан. Он должен был ко мне приехать, но придя перед поездом проститься с родителями, застал разъяснение: мать уходила от отца. Поставив чемодан у двери, вступил в «беседу» – третьим, – и сразу скажу, что чемодан этот б ч. спустя унес обратно на свой чердак, где жил, т. е. остался – чтобы мать осталась – и никогда ко мне не приехал – и никогда уже не увидел Океана. А мать, 6 месяцев спустя (он заработал по месяцу на чек!) все равно ушла, и жертва была – зря. Все это сохранилось в его и моих письмах. Он подарил мне свой детский крестильный крестик, на котором «Спаси и сохрани». – «Я всё думал, что Вам подарить. И вдруг – понял: ведь больше этого – нет. А пока Вы со мной – я уже спасен и сохранен». Я надела ему – свой, в нем он и похоронен, – на новом медонском кладбище, совсем в лесу: был лес, огородили – и всё. Там он и лежит с 26-го ноября (вчера как раз был месяц!) под стражей деревьев, входящих в кладбище, как домой. Сколько раз мы мимо него ходили!

9-го декабря появилась его поэма Белла-Донна (савойская горная цепь), я написала о ней «статью», [1033] и вот, просьба: не могли бы Вы, дорогая Анна Антоновна, ее перевести и поместить в Чехии? Статья небольшая: на полтора газетных фельетона. Если бы была надежда, я ее бы Вам переписала и послала, но это все-таки полных два дня работы, так что – без надежды – трудно приняться. Может быть пойдет в Последних Новостях. Статья интересная, ибо касается всей поэзии и, главным образом, отвечает на вопрос о языке, среде, почве, корнях ПОЭТА. Это – первый поэт, возникший в эмиграции. Первый настоящий поэт. Вы это сами увидите.

После него осталось 500 рукописных страниц стихов: много больших поэм (знаю, пока, только одну) и драматическая вещь «Спиноза». Через несколько месяцев выйдет первая книга, страниц на 130. Издает – отец. Отец его один из редакторов «Последних Новостей».

Да, он был необычайно красив: как цветок.

У меня осталось к нему несколько стихотворений. Вот одно (1928 г., весна)

Лес! Сплошная маслбойня

Света: быстрое, рябое,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бьющееся без забрал...

Погляди, как в час прибоя

Лес играет сам с собою! –

Так и ты со мной играл.

Не показывайте никому. Жду отзыва на поэму. Обнимаю и люблю.

МЦ.

А поэму непременно покажите Бему. Я бы хотела, чтобы он о ней сказал в печати – это все, что осталось у родителей: посмертная слава сына. Объясните ему, ибо если не понравится, пусть лучше не пишет. Это мой настоящий духовный выкормыш, которым я – горжусь.

Правда, какое бездарное предисловие Адамовича?[1034]

А мне написать – не дали.

Ванв, 24-го января 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо я прочла матери Гронского, в ее огромной и бедной студии (она – скульптор), где из стеклянного шкафчика глядит ее сын – то десятилетним фавнёнком (острые ушки!), то 16-летним почти-собой, и последняя скульптура – статуэтка во весь рост: сидит с чуть наклоненной головой, руки в карманах, нога-на-ногу, – вот-вот встанет: сидение, как бы сказать, на отлете, дано ровно то мгновение до-приподымания. Вещь меньше, чем в 1/2 метра: как в обратную сторону бинокля... ..

...Счастлива, что так отозвались на поэму Николая Павловича. 21-го с его смерти было 2 месяца, я случайно оказалась в этот вечер у его матери (мать и отец живут врозь) и слезла на том самом метро Pasteur, где он погиб. Долго смотрела-спрашивала.

Совсем не знаю, возьмут ли Последние Новости мой «Посмертный подарок». Вещь, разрубленная пополам и подписанная мною под ровно 300-ой строкой, чуть ли не посреди фразы, валяется. За 4 месяца не напечатали ни одной моей строки... ..

Ванв, 18-го февраля 1935 г.

.....Читала статью Бема в Мече.[1035] Хорошо. Всерьез – не только к автору и к поэме, но и к стиху ...

2-го числа было мое чтение о Блоке, совместное с Ходасевичем.[1036] я – «Моя встреча с Блоком», он – «Блок и его мать». (Пишу себя первой – п. ч. читала первой)... ..

...Начала было – точно уже в ответ на Ваше письмо – приводить в порядок все свои стихи после «После-России», – их много, но почти нет дописанных: не успевала... ..

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но ничего: постараюсь. Это – нужно сделать, чтобы хоть что-нибудь – от этих лет – осталось... ..

Сделаю.

Ибо – никто из нас не знает – когда.

П. П. Гронский в восторге от статьи Альфреда Людвиговича о Белла-Донне.
Передайте, пожалуйста. Он, прямо – сиял. Матери, после чтения, еще не видела.
Она всё хворает.

...Мне очень нравится – о сложности, которая несложность. Тонко и точно. Я, в конце концов, человек элементарный, люблю самые простые вещи. Сложна я была только в любовной любви, да и то – если гордость – сложность. (По мне – сама простота. Но дает – сложные результаты.)

Да и Пруст – прост. И Рильке. – Утверждаю.

А. И. Андреева переписала мне мое о Гронском на машинке, – только нужно вставить К (эта буква – выпала). Засяду, сделаю, пришлю.

Последние Новости вчера 17-го, воскресенье, наконец напечатали мою Сказку матери, сократив и исказив до неузнаваемости. Сокращено в сорока местах, из которых – в 25-ти – среди фразы. Просто – изъяты эпитеты, придаточные предложения, и т. д. Без спросу. Даже – с запретом, ибо я сократила рукопись – отказалась. Потому и лежала 3 месяца. И вдруг – без меня. Я, читая, – плакала. Пришлю Вам и Последние Новости – и свое.

Расскажите Бему. Сделал это негласный редактор Последних Новостей – Демидов. М. б. Бем его знает.

Книжку Белла-Донна? Было бы – чудно. Но надо запросить отца – он собирается издавать книгу стихов, но, кажется, одних стихов – без поэм. Запрошу его – в виде отдаленного плана – при встрече... (пр. 3 с.)

Ванв, 23-го февраля 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна! Вчера тщето прождала весь вечер А. Головину, [1037] которая сама попросила придти ко мне вторично, чтобы прочитать свои стихи.

Мое впечатление? Совсем не очарована. Ни малейшего своеобразия, – чистейший литературный тип. И интересы только литературные. За весь вечер – ни одного своего слова, – чужие умные. Скучно! – Кроме того, каждые пять – для честности: десять минут – вынимала зеркало и пудрила нос, с напряженным вниманием вглядываясь, точно не ее (нос). Так же часто и reinlich [1038] расчесывалась, прижимая волосы к ушам. Ничего личного – от нее ко мне, ни от меня к ней – я не почувствовала. Передо мной сидела литературная барышня (хотя она и «дама»), перед ней – усталая, загнанная, заработавшаяся, совсем не литературная – я. Я перед ней себя чувствовала начинающей, – нет никогда и не начавшей! (Поймите – о чем я говорю: о причастности к литературной среде.) Она очень бойкая – все находит, всюду проникает, никого и ничего не смущается. Ни слова (мне – всё равно, но характерно для нее) не спросила о моем писании, – все время о себе: например стоит ли ей писать прозу. (Откуда я знаю?? Я – никого не спрашивала – и 6-ти лет.) Полная литературная поглощенность собой. – Что мне с этим делать? – Намеревалась идти к Ходасевичу советоваться с ним о своих писаниях. Ну, он пожестче, помэтриснее (mâitre) – меня, я – что? могу только сказать – как я

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru пишу, и совсем не возвожу этого в закон. Я – литературно – бесконечно, бездонно–невинна, – точно никогда и не писала... ..

...Я просила ее придти в четверг, чтобы познакомить ее с отцом Гронского (думала – о Вас), который должен был принести фотографии сына. Хотела, чтобы она рассказала, как понравилась поэма в Праге – он этим живет... .. Пришла вереду... ..

...Мой вывод: до чужой души мне всегда есть дело, а до чужой литературы – никогда. Ко мне надо – с душой и за душой, все остальное – тщетно... ..

А вот стихи Н. П. Гронского – мне – тогда – (1928 г.) – которых он мне никогда не показал:

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной – как церковь на дне моря,
С Тобой быть хочу во сне – на дне хранимым
В глубинных недрах Твоего простора.

Так, веки затворив, века́ на дне песчаном,
Ушед в просторный сон с собором черным,
я буду повторять во сне «осанна!»
И ангелы морей мне будут вторить хором.

Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо, обратившись в свиток.
И встанут мертвые, я буду говорить «осанна»
Оставленный на дне – и в день Суда – забытый.

velevue 1928 г.

Осанна = спасение

(Его пометка)

Отец сидел и читал письма (его – ко мне), я сидела и читала его скромную черную клеенчатую книжку со стихами... Отец часто смеялся – когда читал про кошку – нашу, оставленную ему, когда уезжали на море и которую он от блох вымыл бензином – и что потом было – и еще разное, бытовое ... Хочу (как в воду прыгают!) дать ему и свои письма – к нему. Пусть знает ту, которую любил его сын – и то, как эта та его любила. Матери бы я не дала (ревность).

...Говорили об издании стихов. Всего будет 3 тома. I – поэмы, Спиноза (драматическое) и немного стихов. II том – то, что он называет Лирика. III том – проза (которую я совсем не знаю, только письма). А лучший том – когда-нибудь – будет наша переписка, – Письма того лета. Этим летом непременно (огромная работа!) перепишу их в отдельную тетрадь, его и мои, подряд, как писались и получались. Потом умолю Андрееву переписать на машинке и – один экземпляр отцу, один экземпляр – Вам. Самые невинные и, м. б. самые огненные из всех Lettres

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
d'amour.[1039] Говорю об этом спокойно, ибо – уже так давно, и один из писавших – в земле...

Самое странное, что тетрадь полна посвящений В. Д. (его невесте, которая вышла замуж за другого) – посвящений 1928 г., когда он любил – только меня. Но так как буквы – другим чернилом, он очевидно посвятил ей – ряд написанных мне, а мне оставил только это – неперепосвящаемое – из-за имени. (Марина: море).

Например – рядом с этим, т. е. в те же дни – посвященные В. Д. стихи о крылатой и безрукой женщине. Прочтя сразу поняла, что мне, ибо всю нашу дружбу ходила в темно-синем плаще: крылатом и безруком. А тогда – никакой моды не было, и никто не ходил, я одна ходила – и меня на рынке еще принимали за сестру милосердия. И он постоянно снимал меня в нем. И страшно его любил. А его невеста – видала карточку – модная; очень нарядная и эффектная барышня. И никакого бы плаща не надела – раз не носят. Когда прочтете переписку, поймете почему двоелюбие в нем – немислимо. Очевидно – с досады, разошедшись со мной. Или ей – как подарок... ..

Ванв, 12-го марта 1935 г.

... ..Не везет моему Гронскому. Вот мое письмо к литературному хозяину Последних Новостей, некоему Игорю Платоновичу Демидову, ничем не соответствующему благородному звучанию своего имени (NB! вдобавок – потомок Петра, по боковой линии[1040] – из себя – огромный скелет с губами упыря).

– Многоуважаемый Игорь Платонович.

Прошу считать мою рукопись о поэме Н. Гронского «Белла-Донна» – Пос-мертный подарок, пролежавшую в редакции Последних Новостей больше трех месяцев в ожидании «очереди» – аннулированной.

Подпись .

.....Решила свою рукопись о Гронском – расширенную и углубленную – читать на отдельном вечере его памяти. М. б. (сомневаюсь) возьмут «Современные Записки» – для через следующей книги. Либо – в сербский «Русский Архив». Жаль, что не пойдет по-русски... ..

Ванв, 23-го апреля 1935 г.

.....Должно быть Вы, как я, любите только свое детство: то, что было тогда. Ничего, пришедшего после, я не полюбила. Так, моя «техника» кончается часами и поездками. (NB! Со светящимся циферблатом, очень удобных, но еще более – страшных, не выношу. На автомобили, самые «аэродинамичные», смотрю с отвращением и т. д.). Даже – такая деталь: почему-то у меня никогда, ни на одной квартире, в коридоре нет света. И вдруг, недавно, поняла: – Господи, да у нас в Трехпрудном[1041] был темный коридор, и я еще всегда глаза зажимала, чтобы еще темней... Ведь это я – восстанавливаю.

И жажда деревьев в окне – оттуда, где в каждое окно входил весь зеленый двор, – огромный как луг, настоящий Hof – феодальный: с сараями, флигелями, голубятней, и, еще, постепенностью каких-то деревьев сзади, не наших, чьих-то, ничьих, кончавшихся зеленоватым рассветным небом, и о которых я никогда не узнала – где.

Как бы я написала свое детство (до-семилетие) если бы мне – дали.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Был мой вечер Гронского. [1042] Я за два дня лишилась голоса (глубокая горловая простуда), но отменить уже нельзя было – зал был снят за 2 недели, даны объявления и т. д. И вот, прошептав два дня, в вечер третьего – прочла, громко. Сама удивилась, но чему-то в себе верила: не подведет. Зал был небольшой, но полный. Было много стариков и старушек. Был Деникин, [1043] с которым Николай Павлович дружил – сначала в Савоие, потом в жизни. Слушали внимательно, но вещь местами не доходила. Аудитория была проста, я же говорила изнутри поэмы и стихотворчества. А им хотелось больше о нем... Родители отнеслись сдержанно... Я рассматривала Гронского как готового поэта и смело называла его имя с Багрицким и другими... Им это м. б. было чуждо, они сына – не узнали. Кончилось тем, что сюрпризом отдала две его карточки – впервые отпечатать и увеличить, – подарок на Пасху. Величиной с этот лист. Одну из них, самую лучшую, посылаю. Я знала его – моложе, мягче, с более льющимся лицом, менее твердым. Я знала его – между Jüngling и Mädchen, [1044] еще – душою. Мой он – другой. Это – их – всех.

Но знаете, жуткая вещь: все его последующие вещи – несравненно слабее, есть даже совсем подражательные. Чем дальше (по времени от меня) – тем хуже. И этого родители не понимают. (Они, вообще, не понимают стихов.) Приносят мне какие-то ложно-«поэтические» вещи и восхищаются. И я тоже – поскольку мне удается ложь. Какие-то поющие Музы, слащавые «угодники», подблоковские татары. – Жаль. – О его книге навряд ли смогу написать. [1045] Боюсь – это был поэт – одной вещи. (А может быть – одной любви. А может быть – просто – медиум.) Я не все читала – отец не выпускает тетрадь из рук – но то, что читала, – не нравится. Нет силы. Убеждена, что Белла-Донна лучшая вещь. Бему об этом ни слова: 1. не хочу, волей-неволей, влиять на его оценку 2. боюсь испортить его отзыв о будущей книге (появится в июне) и этим огорчить родителей 3. любопытно – проверить.

– Теперь Вы знаете героя Белла-Донны – спасшегося, чтобы затем погибнуть. Напишите – таким ли Вы его видели по стихам. Эту же карточку родители получат в величину с этот лист, и еще другую, где он у одного из трех озер Белла-Донны. Пасхальный подарок.

Все никак не соберусь выслать «Посмертный подарок», – сколько мелких дел! Но это Вы знаете... ..

Покажите карточку Бему... ..

2-го июля 1935 г

La Favrière par Bormes (Var)

Villa Wrangel

Дорогая Анна Антоновна! Вкратце: перед самым концом блистательного учебного года и за 2 недели до нашего train de vacances [1046] – На юг (вместо 400 фр. – 215 фр. в оба конца) – у Мура стал побаливать живот: – аппендицит – немедленная операция. 14-го его оперировали: Алексинский, [1047] еще российское светило. Прележал 10 дней в Ville-Juif'ском госпитале (еврей – ни при чем: старинное название пригорода) и на 14-ый день с Божьей и дружеской помощью, выехали с ним – тем самым поездом – на юг.

Нынче морю и югу – четвертый день. Сняли мансарду – просторное, но – пекло, пекло – но просторное – и дешевое: чердак баронессы Врангель, [1048] которая оказалась моей троюродной сестрой: ее отец, писатель-народник (и врач) – поколения Чирикова. – С. Я. Елпатьевский – был двоюродный брат моего отца. Но я – больше взволновалась этим открытием, чем она. (Баронесса она по мужу: не

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Главнокомандующему, а земскому деятелю, [1049] но – очевидно – одна семья)... ..

...Море – блаженное, но после Океана – по чести сказать – скучное. Чуть плещется, – никакого морского зрелища. Голубая неподвижность – без событий. пляж – чудесный: песчаный и дно очень долго – мелкое. Вода – изумительного цвета. Но (Вам – скажу) – скучно. Я плохой пловец, – не моя стихия, а лежать для меня – самый тяжелый труд. С Муром же ходить – нельзя, и долго нельзя будет. А какие вокруг горы! Сосна, лаванда, мирт, белый мрамор. И какие – доступные. Я нынче писала Сергею Яковлевичу: здешние горы – Чехия, выигравшая 5 миллионов в Национальную Лотерею, но – Чехия: то же обожаемое мною соединение сосны, камня и суши. (Чехия осталась у меня в памяти как один синий день. И одна – туманная ночь.)

Наш сад переходит в горку, немножко нынче с Муром побродили, я сразу влюбилась в какой-то куст, оказался – мирт, – посылаю веточку.

О встрече с Пастернаком (– была – и какая невстреча!) напишу, когда отзоветесь. Сейчас тяжело – и неуверенно, м. б. Вы уже переехали на дачу и письмо не дойдет? Но все же – надеюсь.

– О многом напишу, о чем не могу писать никому. О том, что я – aus dem Spiel, совсем, aus jedem. [1050] Смотрю на нынешних двадцатилетних: себя (и все же – не себя!) 20 лет назад, а они на меня – не смотрят, для них я скучная (а м. б. «странная») еще молодая, но уже седая, – значит: немолодая – дама с мальчиком. А м. б. просто не видят – как предмет. Горько – вдруг сразу – выбыть из строя – живых.

Вечера – самое тяжелое. Мур в 9 ч. спит, в мансарде – жарко и крохотная керосиновая лампа, на воле темно и писать нельзя.

К морю – тоже нельзя. Никуда нельзя. И никого нет. Вокруг русские радостные голоса: – идем? идем! – не забудьте кофточку: свежо! – палку взяли?

И – пошли.

А я хожу – быстрее их!.. ..

...Я давно уже выбита из колеи писания. Главное – нет стола, а если бы и был – жара на чердаке тропическая. Но еще главней: это (вся я) никому не нужно. Это, в лучшем случае, зовется «неврастения». Век меня – миновал. Но об этом – в другой раз. Целую Вас, дорогая Анна Антоновна, и жду быстрой весточки, что – дошло.

МЦ.

12-го июля 1935 г. La Faviere,

... ..Живем вторую неделю. Я – томлюсь. Сейчас объясню, и надеюсь Вы меня поймете. Мне вовсе не нужно такой красоты, столькой красоты: море, горы, мирт, цветущая мимоза и т. д. С меня достаточно – одного дерева в окне, или моего вшенорского верескового холма. Такая красота на меня накладывает ответственность – непрерывного восхищения. (Ведь сколько народу, на моем месте, было бы счастливо! Все.) Меня эта непрерывность красоты – угнетает. Мне нечем отдарить. Я всегда любила скромные вещи: простые и пустые места, которые никому не нравятся, которые мне доверяют себя сказать – и меня – я это чувствую – любят. А любить – Côte d'Azur [1051] – то же самое, что двадцатилетнего наследника престола, – мне бы и в голову не пришло. (Пришло – Марии Вечёре, [1052] но тому не было –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
двадцать лет, было за́ тридцать, а ей – семнадцать, и он не был красавцем – и это она́ его одаривала!)[1053]

...Так же как не могла бы любить премированную собаку, с паспортом высокорожденных дедов и бабок (то, из-за чего обыкновенно и любят!)

Второе: я, из-за Мура, целый день должна сидеть или лежать у моря: на него (море) глядеть: ничего не делать, ибо писать на воле никогда не могла, а читать – это в каком-то смысле – тоже ничего-не-делать.

Третье: у меня здесь никого нет, ни души – для беседы, как у Мура – никого – для игры. Нас русские, явно, бойкотируют.

Никто (а много – знакомых, например вся семья князей Оболенских) за 2 недели нас ни разу не позвал к себе – хотя бы на террасу, не говоря о том, что – не зашел. М. б. наша явная бедность, – не знаю.

С 9 ч. вечера, уложив Мура, томлюсь. Ведь весь день, либо зажигала примус, либо бессмысленно переливала песок из ладони в ладонь. Сажу в кухне, открыв дверь на лестницу (окна нет), слушаю чужие голоса: кто-то идет на море, кто-то – в гости, – Бог с ними, конечно, – и не мое это «море», и не мои это «гости» и м. б. я бы первая от всего этого веселья отстранилась: слишком много уж женского визгу и мужского хохоту! – но все-таки, каждый вечер сидеть на кухне, без ни-души...

Купаюсь, но мало: я мало люблю – воду: плохо плаваю и сразу замерзаю. Муру доктора разрешили, сняв бандаж, немножко полоскаться. Но и он скучает: играть не с кем, а он в школе привык к детскому обществу... (пр. 7 с.) И так – каждый день, и не знаю, как я так буду жить до 1-го октября.

Главная беда: у меня нет твердого места для писания: в хорошей комнате, с окном и сосной в нем, спит Мур (днем и с 9 ч. вечера, а в кухне – нет окна, и вся еда, и лук, и жара от примуса, и стол – непоправимо, целиком расшатанный, на который гляжу с отвращением, всячески – взглядом – обхожу.

Еще беда, что здесь нет органического населения: что я, всегда, так люблю, – ни одного старого дома, ни одной старой стены: только дачи и дачники, не считая нескольких французских) ферм, тоже – со вчерашнего дня. Это – эмигрантский поселок в сосновом лесу. Зажиточно-эмигрантский, т. е. буржуазный. (Рядом со мной 2 дачи Милюкова, где никто не живет – и не будет жить.) Мы в этот поселок не вошли: здесь все – либо хозяева пансионеров, либо пансионеры. Мы – сбоку, на вышке чужого (пока – пустого) дома, – как на маяке... ..

К письму приклеен засушенный цветок с надписью – Цветок олеандра.

Фавиер, 11-го августа 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Я недолго жила в Чехии и собственно жила не в Чехии, а на краю деревни, так что жила в чешской природе, за порогом культуры, т. е. природы плюс человека, природы плюс народ.

И руку на сердце положи – люблю. Люблю бескорыстно и безответно – как и полагается любить. И – может быть – даже безнадежно, ибо: увижу ли еще когда? (Люди, когда безнадежно – перестают любить.) То малое, что я видала от Праги –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
так далеко живя – навсегда для меня включилось в Märchen meines Lebens, [1054]
как свою жизнь назвал Андерсен. А Пражский Рыцарь – навеки мой.

Еще расскажу Вам: иногда в Т. S. F. слышится музыка, от которой у меня сразу падает и взлетает сердце, какая-то повелительно-родная, в которой я всё узнаю – хотя слышу в первый раз. И это всегда – Сметана. [1055] Вообще – чешское. Так я под прошлое Рождество прослушала целый концерт чешских народных песен – нечаянно попала – и была заворожена.

Ваша русская пианистка (простите!) – бревно, ей бы столбом рояля стоять, а не сидеть за клавиатурой. Народ – весь – в пении, а чешский народ есть пение, знак равенства.

Но – будьте уверены – Ваши соседи-патриоты и своей Patria [1056] не знают, разве что казачий хор по граммофону и несколько мелких рассказов Чехова. Ибо – знающий Россию, сущий – Россия, прежде всего и поверх всего – и самой России – любит всё, ничего не боится любить. Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие любви. И если есть тоска по родине – то только по безмерности мест: отсутствию границ. Многими же эмигрантами это подменено ненавистью к загранице, тому, что я из России глядя, называю заморщиной: заморьем. Вспомните наши сказки, где всегда виноград, которого ни одна баба в глаза не видала. И всегда – орел. И всегда – в самых степных местах возникшие – горы, да еще свинцовые или железные. – Мечта. –

А вот эти ослы, попав в это заморье, ничего в нем не узнали – и не увидели – и живут, ненавидя Россию (в лучшем случае – не видя) и, одновременно, заграницу, в тухлом и затхлом самоварном и блинном прошлом – не историческом, а их личном: чревном: вкусовом; имущественном, – обывательском, за которое – копейки не дам.

Презрение к Чехии есть хамство. И больше ничего. Жаль только, что чехам приходится так долго таких гостей терпеть.

Недавно, на пляже – пристаёт лодка. Трое в купальных костюмах: отец, мать, дочь. (Все молодые.) Слышу родное. но не русское. И вдруг, к своему удивлению, хотя не русское – все понимаю. – Чехи! – (Удивилась, п. ч. не ждала, Фавьер – не курорт: глухой уголок.) Было приятно смотреть как они радовались. Вот уж воспользовались «заморьем»! Нырjali, валялись в песке (как дети, как собаки!) лазили на камни, скакали с них в воду, всё это громко крича и даже визжа и совершенно не думая о зрителях. Потом по команде отца вскочили в лодку и совершенно мокрые, песочные и счастливые – отплыли – поплыли. Больше я их не видала. Очевидно на своей лодке объезжали всю Côte d'Azur. Какой-нибудь чиновник, наверное долго мечтавший и копивший – и ждавший, чтобы дочь кончила школу... ..

... В следующий раз напишу о короткой и прелестной встрече с русской швейцаркой, [1057] доктором Базельского Университета, которая мне напомнила Вас...
...

Ванв, 30-го сентября 1935 г.

.....Ваше письмо в Фавьере получила последним, – прямо в последнюю минуту, так что читала его уже в вагоне.

Переезд был трудный и сложный, – я с 18 лет путешествую с кастрюлями (дети!) – но море до последней минуты было блаженно-синим, и часть моей души – надолго там.

Итог лета: ряд приятных знакомств (приятельств) и одна дружба – с молодым русским немцем – в типе Даля, [1058] большим и скромным филологом, – о нем был

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
отзыв в последней книге Современных Записок: специалист по русскому языку XVI в.
с странной фамилией (Унгеб) вот и ошиблась: –Унбегаун...[1059] ...

...Итог другого лета – не людского – три пробковых пояса из таких вот нарисованы
два концентрических кружка круглых аккуратных пробочек от сетей, морем
выброшенных и мною подобранных, и благодаря им – полная свобода в воде – как на
земле, свобода в страшной для меня стихии воды. Могу сказать, что плавала даже
не в море, а над морем, (я очень мало вешу, так что пояса меня выносили) – вроде
хождения по водам. И целые связки эвкалипта, мирта, лаванды. И еще итог –
несколько стихов: немного, и половина поэмы (о певичке: себе)[1060] – чудный
мулатский загар, вроде нашего крымского. Люди думают, что я «помолодела», – не
помолодела, а просто – вымылась и, на 40 – 50-градусном солнце – высушилась.
Много снимали, но проявлять будем здесь – там было втридорога. Непременно пришло
карточки, – и свою... ...

Ванв, 28-го декабря 1935 г.

.....Мур живет разорванным между моим гуманизмом и почти что фанатизмом – отца... ...
Очень серьезен. Ум – острый, но трезвый: римский. Любит и волшебное, но – как
гость.

По типу – деятель, а не созерцатель, хотя для деятеля – уже и сейчас умен.
Читает и рисует – неподвижно – часами, с тем самым умным чешским лбом. На лоб –
вся надежда.

Менее всего развит – душевно: не знает тоски, совсем не понимает.

Лоб – сердце – и потом уже – душа: «нормальная» душа десятилетнего ребенка, т.
е. – зачаток. (К сердцу – отношу любовь к родителям, жалость к животным, все
элементарное. – К душе – все беспричинное болевое.)

Художественен. Отмечает красивое – в природе и везде. Но – не пронзён. (Пронзён
= душа. Ибо душа = боль + всё другое.)

Меня любит как свою вещь. И уже – понемножку – начинает ценить... ...

О себе: так как выгребаю и топлю три печки, стираю на троих – всё, хожу на
рынок, готовлю, мою посуду и т. д. – прислуга за всё и на всех – пишу мало,
урывками, последнее время – стихи. Весной будет легче: отпадет весь уголь и вся
зола... (пр. 14 с.)

...Я – годы – дружу с Верой Буниной, урожденной Муромцевой, бывшей подружкой моей
Halbschwester[1061] Валерии, ученицей, по истории искусств, моего отца, –
счастливейшие дни своей жизни проведшей в нашем доме в Трехпрудном – Вы наверное
о нем читали. Познакомилась и подружилась я с ней – здесь. Она мне написала, я
отозвалась – и пошло, и продолжается, и никогда не кончится – ибо тут нечему
кончаться: всё – вечное.

Вы, м. б., знаете, что у Бунина – лет 10 как молодая любовь (приемная дочь?
роман? – любовь) – бывшая пражская студентка, Галина Кузнецова[1062] живет с
ними, ездила с ними в Швецию, ихняя. Вера стерпела – и приняла. Все ее судят, я
– восхищаюсь:

Бунин без нее. Веры, не может, значит – осталась: поступила, как мать.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С Галиной я – вежлива.

С Буниным у нас дружественные отношения, без близости: прихожу к Вере.

– Ну, вот. –

Недавно, на моем вечере стихов, [1063] Бунин у кассы познакомился с Алей, не зная, что моя дочь. – «Милая барышня» – и так побеседовал, прошутил с ней минут 10. В антракте – опять к ней... .. всю вторую часть в залу не входил, сидел с ней у кассы. Тут же пригласил ее к себе – на завтра – обедать... ..

...Если бы мне большой писатель сказал: – «Милая барышня...», я бы и в 15 лет ответила: отметила: – Меня зовут – Марина – (и, подумав:) – Ивановна. (Bin weder Fräulein, weder schön – kann ungeleitet nach Hause gehen! [1064] Потому меня не любили. (Так – мало! так – вяло!) По-мужски – не любили. Даже – тогда (Духи любили, души – любили: поэты, одинокие старики, собаки, чудаки...)

Забыла прибавить, что сейчас Кузнецова в отъезде, кажется – где-то лечится... а м. б. – другое: устала. Словом, ее в доме давно нет... ..

...Завтра (воскресенье, 29-го) у нас гости – фаворские, друзья Унбегауны и Замятины, [1065] он и она... ..

Ванв, 20-го января 1936 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!.. ..

Ваше большое письмо получила.

О таком (ручно-умственном) объединении мечтаю уже давно, хотя бы в самой элементарной форме: кто-то читает, я – шью. Но мне никто не читает. Муру – некогда (школа, уроки), Сергея Яковлевича и Али нет никогда. Сiju вечерами и до одурения вяжу – уже три месяца – Муру огромное одеяло из всех остатков шерсти (Аля раньше много вязала на заказ)... ..

Ручной труд есть – круг (вокруг лампы, лучше – керосиновой, на тяжелой лапе, была у нас такая в Трехпрудном, – медная: медведь лезет в улей). Кстати «Трехпрудный» – в моих вещах – Трехпрудный переулочек, где стоял наш дом, но это был целый мир, вроде имения (hof), и целый психический мир – не меньше, а м. б. и больше дома Ростовых, [1066] ибо дом Ростовых плюс еще сто лет.

Еще в 1909 году – совсем девочкой – я писала.

Засыхали в небе изумрудном

Капли звезд – и пели петухи...

Это было в доме старом, в доме – чудном...

Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Превратившийся теперь в стихи!

Это я писала, еще будучи в нем, но уже зная, чуя...

А потом – 1919 г. – стоим с уже 6-летней Алей – перед нами:

окна залы, и видим, как на подоконниках, из глиняных мисок, чужие люди хлебают вареную воблу.

А потом – 1920 г. – стою перед ним – и нету. Закрываю глаза – есть, открываю – нет: одни развалины камина торчат. – Снесли на дрова, ибо был деревянный: из мачтовой строевой сосны. Было ему – около 100 лет. Его старик Иловайский (дед моих старших Halbbruder и Halbschwester[1067]) дал в приданое своей дочери Варваре Димитриевне, когда выходила замуж за моего отца.

Значит – не мой дом, и получил его после отца в наследство брат Андрей, [1068] но любила и воспела его – я.

Видите – как далеко заводят: ручной труд и ламповый круг!..

Мне хорошо только со старыми людьми – и вещами. Из молодости люблю только молодую листву и траву.

Сейчас – культ молодости. В мое время молодость себя стеснялась. Сейчас: «мне 20 лет – кланяйся в ноги!»

А я не кланяюсь – п. ч. это – кумир. На глиняных ногах, п. ч. завтра 20-летнему будет сорок лет, как мне – вчера – было двадцать.

Хвастаться титулом – хвастаться состоянием – хвастаться молодостью. Но первое и второе хоть – если не твоя – то чужая заслуга! – Хоть чей-то – труд. Там – кичиться чужим титулом, здесь – обыкновенным ходом вещей, вне человека лежащим, то же самое, что гордиться – солнечным днем.

Помимо всего – мне с молодыми скучно – п. ч. им с собой скучно: оттого непрерывно и развлекаются... ..

Ванв, 15-го февраля 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Когда я прочла Furchtlosigkeit[1069] – у меня струя по хребту пробежала: бесстрашие: то слово, которое я все последнее время внутри себя, а иногда и вслух – как последний оплот – произношу: первое и последнее слово моей сущности. Роднящее меня – почти со всеми людьми! Борис Пастернак, на которого я годы подряд – через сотни верст – оборачивалась, как на второго себя, мне на Писательском Съезде шепотом сказал: – Я не посмел не поехать, ко мне приехал секретарь Сталина, я – испугался.[1070] (Он страшно не хотел ехать без красавицы-жены, а его посадили в авион и повезли.)

..Не знаете ли Вы, дорогая Анна Антоновна, хорошей гадалки в Праге? Ибо без гадалки мне, кажется, не обойтись. Все свелось к одному: ехать или не ехать. (Если ехать – так навсегда.)

Вкратце: и Сергей Яковлевич и Аля и Мур – рвутся. Вокруг – угроза войны и революции, вообще – катастрофических событий. Жить мне – одной – здесь не на что. Эмиграция меня не любит. Последние новости (единственное платное место: шутя могла бы одним фельетоном в неделю зарабатывать 1800 франков в месяц) – Последние новости (Милюков) меня выжили: не печатаюсь больше никогда. Парижские дамы-патронессы меня терпеть не могут – за независимый нрав.

Наконец, – у Мура здесь никаких перспектив. Я же вижу этих двадцатилетних – они в тупике.

В Москве у меня сестра Ася, которая меня любит – м. б. больше чем своего единственного сына. В Москве у меня – всё-таки – круг настоящих писателей, не обломков. (Меня здешние писатели не любят, не считают своей.)

Наконец – природа: просторы.

Это – зă.

Против: Москва превращена в Нью-Йорк: в идеологический Нью-Йорк, – ни пустырей, ни бугров – асфальтовые озера с рупорами громкоговорителей и колоссальными рекламами: нет, не с главного начала: Мур, которого у меня эта Москва сразу, всего, с головой отберет. И, второе, главное: я – с моей *Furchtlosigkeit*, я не умеющая не-ответить, я не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо не я его назвала великим и – если даже велик – это не мое величие и – м. б. важнее всего – ненавижу каждую торжествующую, казенную церковь.

И – расстанусь с Вами: с надеждой на встречу! – с А. И. Андреевой, с семьей Лебедевых (больше у меня нет никого).

– Вот. –

Буду там одна, без Мура – мне от него ничего не оставят, во-первых п. ч. всё – во времени: здесь после школы он – мой, со мной. там он – их, всех: пионерство, бригадирство, детское судопроизводство, летом – лагеря, и всё – с соблазнами: барабанным боем, физкультурой, клубами, знаменами и т. д. и т. д...(пр. 5 с.)

...Может быть-так и надо. Может быть – последняя (-ли?) *Kraftsprobe*?[1071] Но зачем я тогда – с 18 лет растила детей?? Закон природы? – Неутешительно. –

– Сейчас, случайно подняв глаза, увидела на стене, в серебряной раме, лицо Сигрид Унсет – *un visage revenu de tout*[1072] – никаких самообманов! И вспомнила – Kristin, как от нее постепенно ушли все дети и как ее – помните, она шла на какое-то паломничество – изругали чужие дети – так похожие на ее!

Ну, вот. Как же без гадалки? Погадайте на меня, за меня! (Француженкам я не верю: ясно видят – только вещь в витринах!)

Положение двусмысленное. Нынче, например, читаю на большом вечере эмигрантских поэтов (все парижские, вплоть до развалины Мережковского, когда-то тоже писавшего стихи).[1073] А завтра (не знаю – когда) по просьбе своих – на каком-то возвращенческом вечере

(NB! те же стихи – и в обоих случаях – безвозмездно) – и может выглядеть

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
некрасивым.

Это всё меня изводит и не дает серьезно заняться ничем.

Обрываю письмо, чтобы сразу отправить. Могла бы писать Вам не отрывая пера еще два часа, – но сделаю это в другой раз, сейчас это только отклик.

МЦ. ...

Ванв, 19-го марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Последние мои сильные впечатления – два доклада Керенского о гибели Царской Семьи (всех было – три, на первый не попала).[1074] и вот: руку на сердце положу скажу: невинен.

По существу – невинен. Это не эгоист, а эгоцентрик, всегда живущий своим данным. Так, смешной случай. На перерыве первого доклада подхожу к нему (мы лет 7–8 часто встречались в «Днях», [1075] и иногда и в домах) с одним чисто фактическим вопросом (я гибель Царской Семьи хорошо знаю, и Керенского на себе, себя – на нем (NB! наши знания проверяла) – кто был при них комиссаром между Панкратовым и Яковлевым. – Никого. Был полковник Кобылинский. – Но он же не был комиссаром. – Нет. Комиссара три месяца не было никакого. (И вдруг, от всей души): – Пишите, пишите нам!! (Изумленно гляжу. Он, не замечая изумления, категорически): – Только не стихи. И не прозу. Я: – Так – что же?? – Общественное. Я: – Тогда вы пишите – поэмы!

Он – слепой (слепой и физически, читает на два вершка от книги, но очков носить не хочет). Увидел меня: ассоциация: – пишет, а писать – значит – общественное (... «нам» в его возгласе означало – в новый, его, журнал [1076] – не знаю, как называется).

О докладе, в двух словах: хотел спасти, в Царском Селе было опасно, понадеялся на тишину Тобольска. О царе – хорошо сказал: – «Он совсем не был... простым обыкновенным человеком, как это принято думать. Я бы сказал, что это был человек – либо сверхъестественный, либо подъестественный...» (Говорил это по поводу его невозмутимости).

Открыла одну вещь: Керенский Царем был очарован... .. и Царь был Керенским – очарован, ему – поверил, ...

Царицы Керенский недопонял: тогда – совсем не понял: сразу оттолкнулся (как почти все!), теперь – пытается, но до сих пор претывается о ее гордость – чисто – династическую, которую, как либерал, понимает с трудом. Мой вывод: за 20 лет – вырос, помягчал, стал человеком. Доклад – хороший: сердце – хорошее.

Публика на втором (последнем) докладе ставила вопросы и возражала. Был вопрос: – Почему Вы из России бежали и правда ли что в женском платье? – но он на него (было за полночь и зал закрывали) не успел ответить... ..

...Второе: смерть поэта Кузмина, Михаила Кузмина – петербургского, царскосельского, последнего близкого друга Ахматовой. Я его встретила раз – в первых числах, а м. б. и 1-го января 1916 г. – последнего года старой России. В Петербурге. В полную вьюгу. В огромной (домашней) зале.

Сейчас – пишу: его – и себя тогда. [1077] Он был на 20 с чем-то лет меня старше: такой – тогда, как я – теперь. Доклад Керенского о Семье и моё о Кузmine – вот и тогдашняя Россия.

Руднев обещал взять в Современные Записки... ..

Ванв, 29-марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Живу под тучей – отъезда. Еще ничего реального, но мне – для чувств – реального не надо.

Чувствую, что моя жизнь переламинается пополам и что это ее – последний конец.

Завтра или через год – я всё равно уже не здесь («на время не стоит труда...») и всё равно уже не живу. Страх за рукописи – что-то с ними будет? Половину – нельзя везти! а какая забота (любовь) – безумная жалость к последним друзьям: книгам – тоже половину нельзя везти! – и какие оставить?? – и какие взять?? – уже сейчас тоска по здешней воле; призрачному состоянию чужестранца, которое я так любила (stranger hear[1078])... состоянию сна или шапки-невидимки... Уже сейчас тоска по последним друзьям: Вам, Лебедевым, Андреевой (все это мне дала Прага, Париж не дал никого: что дал (Гронского) взял...)

Уже сейчас ужас от веселого самодовольного... недетского Мура – с полным ртом программных общих мест... ..

...Мне говорят: а здесь – что? (далее).

– Ни-че-го. Особенно для такого страстного и своеобразного мальчика-иностранца. Знаю, что отчуждение все равно – будет, и что здешняя юношеская пошлость отвратительнее тамошней базаровщины, – вопрос только во времени: там он уйдет сразу, здесь – оттяжка...

(Не дал мне Бог дара слепости!)

Так, тяжело дыша, живу (не-живу).

То, встав утром радостная: заспав! – сразу кидаюсь к рукописи... .. то – сразу вспомнив – а quoi bon?[1079] всё равно не допишу, а – допишу – всё равно брошу: в лучшем случае похороню заживо в каком-нибудь архиве: никогда не смогу перечесть! (не то, что: прочесть или – напечатать)...

Сергея Яковлевича держать здесь дольше не могу – да и не держу – без меня не едет, чего-то выжидает (моего «прозрения») не понимая, что я – такой умру.

я бы на его месте: либо – либо. Летом еду. Едете?

И я бы, конечно, сказала – да, ибо – не расставаться же. Кроме того, одна я здесь с Муром пропаду.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Но он этого на себя не берет, ждет чтобы я добровольно – сожгла корабли (по нему: распустила все паруса).

Все думаю, что сделала бы на моем месте Сельма Лагерлёф или Сигрид Унсет, которая (которые) для меня – образец женского мужества. – Помните, в сказке, Иван-Царевич на раздорожьи: влево поедешь – коня загубишь, вправо поедешь – сам пропадешь.

Мур там будет счастлив. Но – сохранит ли душу живу (всю!)

Вот французский писатель Мальро[1080] вернулся – в восторге. Марк Львович ему: – А – свобода творчества? Тот: – О! Сейчас не время...

Сколько в мире несправедливостей и преступлений совершалось во имя этого сейчас: часа – сего!

– Еще одно: в Москве жить я не могу: она – американская (точный отчет сестры).

Сергей Яковлевич предлагает Тифлис. (Рай). – А Вы? – А я – где скажут: я давно перед страной в долгу.

Значит – и жить вместе, ибо я в Москву не хочу: жуть! (детство – юность – Революция – три разные Москвы: точно живьем в сон, сны – и ничто не похоже! все – неузнаваемо!)

Вот – моя личная погудка... ..

...Больше всего бы мне хотелось – к Вам в Чехию – навсегда. Нашлись бы спутники, обошла бы пешком всю Чехию, увидела бы замки, старые городки... А – лес!!! А – Вы!!! Дружба – с Вами! (Меня ни один человек по-настоящему не любит.)

Мне бы хотелось берлогу – до конца дней.

В следующий раз опишу свой инцидент с Керенским. Пока же целую и тороплюсь опустить. Пишите!

МЦ.

Ванв, 7-го июня 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Из Бельгии я Вам писала коротко[1081] – там у меня не было письменного стола: только круглый, качкий, – о нелепость! соломенный – заранее обескураживающий, кроме того я все время была на людях и в делах. И чужой дом – особенно такая крепость быта, как на той открытке, всегда для меня – труден.

Я Вам тогда писала до моих чтений, – они прошли очень хорошо – и французское и русское. Читала – для бельгийцев – Mon Père et son Musée:[1082] как босоногий сын владимирского священника (не города Владимира, а деревни Талицы) голыми руками поставил посреди Москвы мраморный музей – стоять имеющий пока Москва

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стоит.

Для русских читала: Слово о Бальмонте и, второе, Нездешний вечер – памяти поэта М. Кузмина: свою единственную с ним встречу в январе 1916 г.

На заработок с обоих вечеров имела счастье одеть Мура, и еще немножко осталось на лето.

Вечера были в том самом доме, который Вы видели на открытке, – частные, организованные моей недавней бельгийской приятельницей [1083] (русской, вышедшей замуж в бельгийский дом, тот самый).

Но – я мечтала о дружбе с ней, за этим и с этим ехала – а дружбы не вышло: она поглощена домом и своей женской тоской по любви и от надвигающихся неженских лет (ей сейчас 32 года, но она живет вперед) – и для меня в ее душе не оказалось места. Поэтому, несмотря на всю успешность поездки, вернулась с чувством неудачи: с пустыми руками души. Мне все еще нужно, чтобы меня любили: давали мне любить себя: во мне нуждались – как в хлебе. (И скромно – и безумно по требовательности.)

Ездила с Муром, и только там обнаружила, насколько он невоспитан (11 лет!). Встречает утром в коридоре старушку-бабушку – не здоровается, за обед благодарит – точно лает, стакан (бокал, каких у нас в доме нет) берет за голову, и т. д. Дикарь. Я к этому, внутри себя, отношусь с улыбкой: знаю, что всё придет (от ума!) другие же (молча) меня жалеют и... удивляются: на фоне моей безукоризненной, непогрешимой воспитанности, вдруг – медведь – и даже ведмедь! Не понимая, что воспитанность во мне не от моего сословия, а – от поэта во мне: сердца во мне. Ибо я получила столько воспитаний, что должна была выйти... ну, просто – морским чудищем! А главное – росла без матери, т. е. расшибалась обо все углы. (Угловатость (всех росших без матери) во мне осталась. Но – скорей внутренняя. – И сиротство.)

К сожалению, нигде кроме Брюсселя не была: мои хозяева и их дети все время болели, да и времени было мало: на седьмой день выехала. Да и не умею «бывать», я хочу жить и быть, пребывать. В Брюсселе я высмотрела себе окошко (в зарослях сирени и бузины, над оврагом, на старую церковь) – где была бы счастлива. Одна, без людей, без друзей, одна с новой бузиной. Стоило оно, т. е. полагающаяся к нему комната, 100 бельгийских франков, т. е. 50 французских... С услугами и утренним завтраком. Таковы там цены.

Но не могу уехать от Сергея Яковлевича, который связан с Парижем. В этом всё. Нынче, 5/18 мая, исполнилось 25 лет с нашей первой встречи – в Коктебеле, у Макса, [1084] я только что приехала, он сидел на скамеечке перед морем: всем Черным морем! – и ему было 17 лет. Оборот назад – вот закон моей жизни. Как я, при этом, могу быть коммунистом? И – достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! Мы – последние могикане.)... ..

10-го июля 1936 г.

Moret-sur-Loing (S. et M.)

18, Rue de la Tannerie,

chez M-me V-ve Thierry

Дорогая Анна Антоновна, а это – ответ на замок. Этими воротами выходили на реку,
Страница 336

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
собственно – речку, с чудным названием Loing (Loin!). [1085] Речка – вроде той, где купалась в Тульской губернии, 15-ти лет, в бывшем имении Тургенева, – там, где Бежин луг. Но – там не было ни души (только пес сидел и стерег), а здесь – сплошь «души»: дачи, удильщики, барки, – ни одного пустынного места.

Приехали – мы с Муром – 7-го, сразу устроились и разложились – и расходимся: в первый же день – три длинных прогулки: и на реку, и на холм, и в лес. Мур – отличный ходок. Moret – средневековый городок под Фонтенбло, улочки (кроме главной, торговой) точно вымерли, людей нет, зато множество кошек. И древнейших старух. Мы живем на 2-ом этаже, две отдельных комнаты (потом придет Сергей Яковлевич, выходящих прямо в церковную спину. Живем под химерами.

Наша церковь (эта) основана в 1166 г., т. е. ей 770 лет. (И сколько таких церквей во Франции! Лучшие – не в Париже.) Но внутри хуже, чем снаружи. Чудные колонны переходящие в арки, купола покрыты известкой, не давая дышать старому серому камню, вместо скромных и непреложных скамей – легкомысленные суетливые желтые стулья. Церковь люблю пустую – без никого и ничего. Хорошо бы пустую – с органом. Но этого не бывает.

Хозяйки тихие: старушка 75 лет – с усами – и дочь, сорока, сорока пяти – в параличе: 7 лет не выходила на улицу. Мы им все покупаем и они за это нам трогательно благодарны. Дом – очень католический, и не без католической лжи: например два достоверных портрета Иисуса Христа и Богородицы: один – «tel qu'il fut envoyé au Senat Romain par Publius Lentulus abors gouverneur de Judée», [1086] другой (Богородицын) «peint d'après nature par St. Luc, Evangéliste, lors de son séjour à Jérusalem» [1087] – и где Богоматерь 20 лет!!! (а писал – уже Евангелист).

Оба – с злыми, надменными, ледяными лицами и одеты в роскошные мантии. – Чудовищно! – А невинные люди – верят. (Носы у них – орлиные.)

Перевожу Пушкина – к годовщине 1937 г. (На французский, стихами). Перевела: Песню из Пира во время чумы (Хвалу Чуме), Пророка, для берегов отчизны дальней, К няне и – сейчас – к морю (мои любимые). Хочу за лето наперевести целый сборник моих любимых. Часть (бесплатно) будет напечатана в бельгийском пушкинском сборнике. Знаю, что так не переведет никто. Когда отзоветесь, пришлю образцы.

У Али ряд приглашений на лето: и в Монте-Карло, и в Бретань, и на озеро, и в деревню. С грустью отмечаю, что меня за 11 лет Франции не пригласил никто. Спасибо за Прокрасться. [1088] Размер – тот, но это все, о чем я могу судить. Как я понимаю перевод – увидите из моих. (Пришлю непременно, только отзовитесь.) Целую Вас и жду точного адреса и вообще – весточки. Сердечный привет Вашим.

МЦ.

16-го сентября 1936 г.

Ванв – но пишу еще из

Савойи: последний день!

Дорогая Анна Антоновна – Вы меня сейчас поймете – и обиды не будет. Месяца два назад, после моего письма к Вам еще из Ванва, получила – уже в деревне – письмо от брата Аллы Головиной – она урожденная Штейгер, воспитывалась в Моравской Тшебове – Анатолия Штейгера, тоже пишущего – и лучше пишущего: по Бему – наверное – хуже, по мне – лучше.

Письмо было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее я у него попросила – немецкую книгу – не смог – и вот, годы спустя – об этом письмо – и это письмо – вопль. Я сразу ответила – отозвалась всей собой. А тут его из санатории спешно перевезли в Берн – для операции. Он – туберкулезный, давно и серьезно болен – ему 26 или 27 лет. Уже привязавшись к нему – обещала писать ему каждый день – пока в госпиталь, а госпиталь затянулся, да как следует и не кончился – госпиталь – санатория – невелика разница. А он уже – привык (получать) – и мне было жутко думать, что он будет – ждать. И так – каждый день, и не отписки, а большие письма, трудные, по существу: о болезни, о писании, о жизни – все сызнова: для данного (трудного!) случая. Усугублялось все тем, что он сейчас после полной личной катастрофы – кого-то любил, кто-то – бросил (больного!) – только об этом и думает и пишет (в стихах и в письмах). Мне показалось, что ему от моей устремленности – как будто – лучше, что – оживает, что – м. б. – выживет – и физически и нравственно – словом, первым моим ответом на его первое письмо было: – Хотите ко мне в сыновья? – И он, всем существом: – Да.

Намечалась и встреча. То он просил меня приехать к нему – невозможно, ибо даже если бы мне дали визу, у меня не было с собой заграничного паспорта – то я звала (мне обещали одолжить денег) – и он совсем было приехал (он – швейцарец и эта часть ему легка) – но вдруг, после операции, ухудшение легких – бессонница – кашель – уехал к себе auf die Höhe[1089] (санатория в бернском Oberland'e). Дальше – письма, что м. б. на зиму переедет в Leysin, и опять – зовы. Тогда я стала налаживать свою швейцарскую поездку этой осенью, уже из Парижа, – множество времени потратила и людей вовлекла – осенью оказалось невозможно, но вполне возможно – в феврале (пушкинские торжества, вернее – поминание, а у меня – переводы). Словом, радостно пишу ему, что всё – сделано, что в феврале – встретимся – и ответ: Вы меня не так поняли – а впрочем и я сам точно не знал – словом (сейчас уже я говорю) в ноябре выписывается совсем, ибо легкие – что осталось – залечены, и процесса – нет. Доктор хочет, чтобы он жил зиму в Берне, с родителями, – и родители тоже конечно – он же сам решил – в Париж.

– п. ч. в Париже – Адамович – литература – и Монпарнас – и сидения до 3 ч. ночи за 10-ой чашкой черного кофе –

– п. ч. он все равно (после той любви) – мертвый...

(Если не удастся – так в Ниццу, но от этого дело не меняется.)

Вот на что я истратила и даже растратила le plus clair de mon été.[1090]

На это я ответила – правдой всего существа. Что нам не по дороге: что моя дорога – и ко мне дорога – уединенная. И всё о Монпарнасе. И все о душевной немощи, с которой мне нечего делать. И благодарность за листочек с рильковской могилы. И благодарность за целое лето – заботы и мечты. И благодарность за правду.

Вы, в открытке, дорогая Анна Антоновна, спрашиваете: – М. б. большое счастье?

И, задумчиво отвечаю: – Да. Мне поверилось, что я кому-то – как хлеб – нужна. А оказалось – не хлеб нужен, а пепельница с окурками: не я – а Адамович и Сопр..

– Горько. – Глупо. – Жалко.

Никому ни слова: ни о нашей дружбе, ни о его Париже – уезжает он, кажется, обманом – ибо навряд ли ему удастся убедить родителей и врачей, что единственное место, где он может дышать – первое по туберкулезу место Европы.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Есть у меня к нему несколько стихов. Вот – первое:

Снеговая тиара гор –
Только бренному лику – рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.
Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок

. [1091]

...

Теперь усиленно принимаюсь за Пушкина, – сделано уже порядочно, но моя мечта – перевести все мои любимые (отдельные) стихи.

Это вернее – спасения души, которая не хочет быть спасенной... ..

24-го сентября 1936 г.

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin

Дорогая Анна Антоновна,

С большой грустью получила Вашу скорбную весть, ибо знаю, что для Вас была мать. [1092] И никаких слов, конечно – нет. Ибо ее стул – пуст.

Когда сможете, напишите мне – как пришла смерть: ушла – жизнь...Я как раз переводила в те дни «Брожу ли я вдоль улиц шумных», и кончается – так:

Où me prendra la Destinée?
En mer, en guerre, ou en chemin?
Ou bien les flours de ma vallée
Recouvriront mes restes vains?
Ou 'importe pour un corps sans vie
Dans quel recoin s'anéantir!
Et cependant – en terre amie,
Chérie – je voudrais dormir.
Que sur ta dalle blanche ou noire

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

L'enfance joue tout l'été,
Et que la Mère sans Mèmoire
Y mire et mire sa beauté...

[1093]

Обнимаю Вас и, если разрешите – Августу Антоновну. [1094]

Nicht verschwunden, nicht verschollen, nur vorangegangen!

[1095]

МЦ.

Ванв, 26-го октября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Всего несколько слов: что я в эти тяжелые Ваши дни, в этой наступившей пустыне Ваших дней – неизменно с Вами, что если не писала – то только из своего прирожденного и здесь законного страха быть лишней – да кто в такой час не лишний? Все, кроме того, кого нет – не писала, потому что не о чем писать, потому что здесь нужно не писать, а присутствовать – молча (вместе пойти на кладбище, как я ходила с матерью молодого Гронского, на чудное просторное лесное кладбище, мимо которого мы так часто с ним ходили – в наши дни...) – потому что здесь невозможно – о себе, а о другом – страшно.

Так что не сочтите это, дорогая Анна Антоновна, за письмо, и из всех этих строк услышите только два слова: люблю и помню.

МЦ.

Ванв, 14-го ноября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вот Вам – вместо письма – последняя элегия Рильке, которую, кроме Бориса Пастернака, никто не читал. (А Борис Пастернак – плохо читал: разве можно после такой элегии ставить свое имя под прошением о смертной казни (Процесс шестнадцати)?!) [1096]

я ее называю – Marina Elegie – и она завершает круг Duineser Elegien, [1097] и когда-нибудь (после моей смерти) будет в них включена: их заключит.

Только – просьба: никому – кроме Вас и сестры: никому. Это – моя тайна с Рильке, его – со мной. И к этой тайне я всегда возвращаюсь, когда меня так явно оскорбляют – недостойные развязать ремня его подошвы.

Обнимаю Вас. Сердечное спасибо за присланное.

МЦ.

Это последнее, что написал Рильке: умер 7 месяцев спустя.[1098] И никто не знает.

В декабре 1936 г. – через полтора месяца – будет 10 лет с его смерти. Я помню день: утром 31-го пришел Слоним – приглашать на встречу Нового Года в ресторан – и: – «А Вы знаете? Рильке умер». (Умер 30-го.)[1099] Впрочем, м. б. Вы читали мое «Новогоднее» в Верстах – там все есть.

– Десять лет. Муру было десять месяцев. Теперь он почти с меня, сороковой № обуви. У меня седая голова (я была совсем молодая – помните?), Рильковской второй внучке – почти десять лет (родилась после его смерти)... ..

Ну, читайте. Здесь ответ – на все.

МЦ.

...Ich schrieb Dir heute ein ganzes

Gedicht zwischen den weinhügeln, auf eines warmen (leider noch nicht ständig durchwärmten) Mauer sitzend und die

Eidechsen festhaltend mit seinem

Aufklang.

Château de Muzot s Sierre (Valais),

Suisse am 8. Juni 1926 (abends).

ELEGIE FÜR MARINA

O die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne!

Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem

Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt.

So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht.

Jeder verzichtende Sturz stürzt in den Ursprung und heilt.

Wäre denn alles ein Spiel, Wechsel des Gleichen, Verschiebung,

nirgends ein Name und kaum irgendwo heimisch Gewinn?

Wellen, Marina, wir Meer! Tiefen, Marina, wir Himmel!

Erde, Marina, wir Erde, wir tausendmal Frühling, wir Lerchen,

die ein ausbrechendes Lied in die Unsichtbarkeit wirft!

Wir beginnen als Jubel: schon übertrifft es uns völlig.

Plötzlich, unser Gewicht biegt zur Klage den Sang, abwärts.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Aber auch so: Klage? Wäre sie nicht jüngerer Jubel nach unten?

Auch die unteren Götter wollen gelobt sein, Marina.

So unschuldig sind Götter, sie warten auf Lob wie die Schüler.

Loben, du Liebe, lass uns verschwenden mit Lob.

Nichts gehört uns. Wir legen ein wenig die Hand um die Hälse ungebrochener Blumen. Ich sah es am Nil, in Kom-Ombo:

so, Marina, die Spende selber verzichtend, opfern die Könige.

Wie die Engel gehen und die Türen bezeichnen jener zu

Rettenden,

also rühren wir dies und dies, scheinbar zärtliche, an.

Ach, wie weit schon Entrückte, ach, wie Zerstreute, Marina,

ach, noch beim innigsten Vorwand. Zeichengeber, sonst nichts.

Dieses leise Geschäft, wo es der Unsrigen einer nicht mehr erträgt und sich zum Zugriff entschliesst,

racht sich und tötet. Denn dass es tötliche Macht hat,

merkten wir alle seiner Verhaltung und Zahrtheit und an der seltsamen Kraft, die uns aus Lebenden zu

Uferlebenden macht. Nichtsein: weisst Du's wie oft trag uns ein blinder Befehl durch den eisigen Vorraum neuer Geburt... Trug...: uns? – Einen Körper aus Augen,

unter zahllosen Liedern sich weigernd. Trug das in uns niedergeworfene Herz eines ganzen Geschlechts. An ein

Zugvogelziel trug er die Gruppe, das Bild unserer schwebender wandlung.

Liebende dürften, Marina, dürfen so viel nicht von dem Untergang wissen. Müssen wie neu sein.

Erst ihr Grab ist alt, erst ihr Grab besinnt sich, verdunkelt unter dem schluchzendem Baum. Besinnt sich auf Jeher.

Erst ihr Grab bricht ein; sie selber sind biegsam wie Ruthen,

was übermassig sie biegt, rundet sie reichlich zum Kranz.

Wie sie verwehen im Maiwind! Von der Mitte des Immer,

drin Du athmest und ahnst, schliesst sie der Augenblick aus.

(O wie begreif ich Dich, weibliche Blühe am gleichen unvergänglichen Strauch. Wie streu ich mich stark in die

Nachtluft,

die dich nächstens bestreift). Frühe erlernten die Götter hälften zu heucheln. Wir, in das Kresen bezogen,

füllten zum Ganzen uns an, wie die Scheibe des Monds.

Auch in abnehmender Frist, auch in den wochen der Wendung,

niemand verhülfe uns je wieder zum Vollsein, als der einsame eigene Gang über der schlaflosen Landschaft.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

R.

(Geschrieben am 8. Juni 1926)

Ванв, 2-го января 1937 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Вам эту дату пишу – первой.

Дай в нем Бог Вам и Августе Антоновне и всем, кого Вы любите, здоровья и успешной работы, и хороших бесед, и верных друзей.

Не поздравила Вас раньше потому, что болела, обычный грипп, но при необычных обстоятельствах нашего дома – несколько затянувшийся. Но елка, все-таки, была, и Мурины подарки (благодаря Вашему, за который Вас горячо благодарю) – были. Получил книжки: «Les Contes de ma Grand-mère»[1100] (Жорж Занд) – «L'histoire merveilleuse de Peter Schlehmi»[1101] во французском переводе самого Chamisso – кстати, был француз (эмигрант) – и себя на французский – переводил!! – и цветную лепку, из которой отлично лепит.

Я, как встала после гриппа, так сразу засела за переписку своей прозы – мой Пушкин. Мой Пушкин – это Пушкин моего детства: тайных чтений головой в шкафу, гимназической хрестоматии моего брата, которой я сразу завладела, и т. д. Получается очень живая вещь.

Не знаю – возьмут ли Современные Записки, но во всяком случае буду эту вещь читать вслух на отдельном вечере.

Да, та «Dichterin», [1102] о которой Рильке пишет Пастернаку [1103] – я. Я последняя радость Рильке, и последняя его русская радость, – его последняя Россия и дружба.

Как мне бы хотелось с Вами встретиться. А вдруг – в этом году?? Давайте – подумаем. А м. б. – и решим?? ...

Ванв, 26-го января 1937 г.

Дорогая Анна Антоновна,

А меня Ваше письмо сердечно обрадовало: в нем все-таки есть надежды... Дорога – великая вещь, и только наш страх заставляет нас так держаться за обжитое и уже непереносное. Перемена ли квартиры, страны ли – тот же страх: как бы не было хуже, а ведь бывает – и лучше.

К путешествию у меня отношение сложное и думаю, что я пешеход, а не путешественник. Я люблю ходьбу, дорогу под ногами – а не из окна того или иного движущегося. Еще люблю жить, а не посещать, – случайно увидеть, а не осматривать. Кроме того, я с самой ранней молодости ездила с детьми и нянями: – какое уж путешествие! Для путешествия нужна духовная и физическая свобода от, тогда, м. б., оно – наслаждение. А я столько лет – 20, кажется – вместо паровоза везла на себе все свои мешки и тюки – что первое чувство от путешествия у меня – беда. Теперь, подводя итоги, могу сказать: я всю жизнь прожила – в неволе. И, как ни странно – в вольной неволе, ибо никто меня, в конце концов, не заставлял так все принимать всерьез, – это было в моей крови, в немецкой ее части (отец

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
моей матери – Александр Данилович Мейн-Мейн – был русский остзейский немец, типа барона: светлый, голубоглазый, горбоносый, очень строгий... Меня, между прочим, сразу угадал – и любил).

...Но Вы едете – иначе. Ваше путешествие – Pilgerschaft,[1104] и в руках у Вас – Wanderstab,[1105] и окажетесь Вы еще в Иерусалиме (Небесном).

Паломник должен быть внутренне-одинок, только тогда он проникается всем. Мне в жизни не удалось – паломничество. (А помните Kristin[1106] – под старость лет – когда ее ругали мальчишки, а она, улыбаясь, вспоминала своих – когда были маленькими... Точно со мной было.)

У меня три Пушкина: Стихи к Пушкину, которые совершенно не представляю себе чтобы кто-нибудь осмелился читать, кроме меня. Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и всё имеющие – обратное канону. Опасные стихи. Отнесла их, для очистки совести, в редакцию Современных Записок, но не сомневаюсь, что не возьмут – не могут взять.[1107] Они внутренне – революционны – так, как никогда не снилось тем, в России. Один пример:

Потусторонним

Залом царей:

– А непреклонный

Мраморный сей,

Столь величавый

В золоте барм?

– Пушкинской славы

Жалкий жандарм.

Автора – хаял,

Рукопись – стриг.

Польского края –

Зверский мясник.

Зорче взглядися

Не забывай:

Певцеубийца

Царь Николай

Первый.

Это месть поэта – за поэта. Ибо не держи Николай I Пушкина на привязи – возле себя поближе – выпусти он его за границу – отпусти на все четыре стороны – он бы не был убит Дантесом. Внутренний убийца – он.

Но не только такие стихи, а мятежные и помимо событий пушкинской жизни, внутренне – мятежные, с вызовом каждой строки. Они для чтения в Праге не подойдут, ибо они мой, поэта, единоличный вызов – лицемерам тогда и теперь. И ответственность за них должна быть – единоличная. (Меня после них могут просто

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru выбросить из Современных Записок и вообще – эмигранты.) Написаны они в Медоне, в 1931 г. летом – я как раз тогда читала Щеголева: «Дуэль и Смерть Пушкина» и задыхалась от негодования.

Есть у меня проза – «Мой Пушкин» – но это мое раннее детство: Пушкин в детской – с поправкой: в моей. Ее я буду читать на отдельном вечере в конце февраля.

И есть, наконец, французские переводы вещей: Песня из Пира во время Чумы, Пророк, К няне, Для берегов отчизны дальней, К морю, Заклинание, Приметы – и еще целый ряд, которых никак и никуда не могу пристроить. Всюду – стена: «У нас уже есть переводы». (Прозой – и ужасные.) Вчера на французском чествовании в Сорбонне, по отрывкам, читали Бог знает что. Переводили – «очень милая барышня» или «такой-то господин с женой» – частные лица никакого отношения к поэзии не имеющие. Слоним мои переводы предложил профессору Мазону[1108] – Вы наверное знаете – бывает в Праге – так он: – Mais nous avons déjà de très bonnes traductions des poèmes de Pouchkin, un de mes amis les a traduites avec sa femme...[1109]

И это – профессор, и даже, кажется – светило.

Кончаю. Очень надеюсь на встречу. Вместе поедem в Версаль – там лучшее – Petit Trianon,[1110] весь заросший, заглохший, хватающий за душу. И в Fontainebleau – где Cour des Adieux[1111] (Наполеона с Францией).[1112] Хорошо бы – весной, и на подольше в Париж – устроиться можно дешево – даже в гостинице. Быт-легкий, сечь всё на все цены. И весна в Париже – лучшее время. – И – Бог знает – что со мной будет потом...

Если есть более или менее реальные планы – в смысле времени и мест – пишите сразу. Хорошо бы начать с Франции.

Обнимаю Вас и всячески приветствую Вашу мечту... ..

Ванв, 1-го мая, 1937 г.

первый день русской Пасхи

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Убеждена, что и Вы русскую Пасху считаете немножко своей.) Несколько дней тому назад с огорчением увидела из Вашей приписочки, что Вы моего большого письма вскоре после Алиного отъезда[1113] с описанием его и предшествующих дней, не получили, – потому-то Вы говорите о моем долгом молчании. – а я как раз удивлялась, почему так долго молчите – Вы. Может быть дала кому-нибудь опустить в городе (от нас идет на́ день дольше) – и человек протаскал или забыл в снятом пиджаке, – сейчас невозможно установить, ни восстановить, – с Алиного отъезда уже полтора месяца – уехала 15-го марта.

Повторю вкратце: получила паспорт, и даже – книжечкой (бывают и листки), и тут же принялась за обмундирование. Ей помогли – все; начиная от Сергея Яковлевича, который на нее истратился до нитки, и кончая моими приятельницами, из которых одна ее никогда не видала... .. У нее вдруг стало все: и шуба, и белье, и постельное белье, и часы, и чемоданы. и зажигалки – и все это лучшего качества, и некоторые вещи – в огромном количестве. Несли до последней минуты, Маргарита Николаевна Лебедева (Вы м. б. помните ее по Праге, Воля России) с дочерью[1114] принесли ей на вокзал новый чемодан, полный вязаного шелкового белья и т. п. Я в жизни не видала столько новых вещей сразу. Это было настоящее приданое. Видя, что мне не угнаться, я скромно подарила ей ее давнюю мечту – собственный граммофон, для чего накануне поехала за тридевять земель на Marché aux Pices[1115] (живописное название здешней Сухаревки), весь рынок обойдя и все

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
граммофоны переиспытывав, наконец нашла – лучшей, англо-швейцарской марки, на манер чемодана, с чудесным звуком. В вагоне подарила ей последний подарок – серебряный браслет и брошку – камео и еще – крестик – на всякий случай. Отъезд был веселый – так только едут в свадебное путешествие, да и то не все. Она была вся в новом, очень элегантная... .. перебегала от одного к другому, болтала, шутила... .. Потом очень долго не писала... .. Потом начались и продолжают письма... .. Живет она у сестры Сергея Яковлевича, больной и лежачей, [1116] в крохотной, но отдельной, комнатке, у моей сестры [1117] (лучшего знатока английского на всю Москву) учится по-английски. С кем проводит время, как его проводит – неизвестно. Первый заработок, сразу как приехала – 300 рублей, и всяческие перспективы работы по иллюстрации. Ясно одно: очень довольна... ..

...Вы спрашиваете о моей дружбе с Головиной. Она очень больна, месяцами не встает (я только раз видела ее на ногах). очень проста и человечна... .. очень ко мне привязана. неизменно мне радуется и ничего не требует. Она несравненно лучше своих стихов: ничего искусственного (простите за кляксу: пишу stylo [1118] старой системы: не доглядишь – прольется). Во многом – ребенок. Город ее не испортил, но здоровье ее – сгубил.

Не рассказывайте моего отзыва Бему, а то он напишет ей, и получится, что я ее только жалею, а это – не совсем так, п. ч. и уважаю – она совершенно лишена эгоизма, никогда не жалуется... ..

...Кончаю, п. ч. нужно идти на рынок. Приедете ли, дорогая Анна Антоновна, на выставку? [1119] Сделайте – все. Это – эпоха. (1900 г. по 1937 г.) Между этими датами – двух всемирных выставок – кончился один мир и начался новый. Я осталась в старом... ..

Ванв, 14-го июня 1937 г.

... ..Была на выставке. Эти фигуры – работа женская. [1120] Советский павильон похож на эти фигуры: есть – эти фигуры. А немецкий павильон есть крематорий плюс Wertheim. [1121] Первый жизнь, второй смерть, причем не моя жизнь и не моя смерть, но все же – жизнь и смерть. И всякий живой – так скажет. Видела 5 павильонов – на это ушло 4 часа – причем на советский добрых два. Если интересно – обещаю написать подробно. (А, догадалась! Первый – жизнь, второй – мертвечина: мертвецкая.) Павильон не германский, а прусский и мог бы быть (кроме технических новоизобретений) в 1900 году. Не фигуры по стенам, а идола. Кто строил и устраивал???

Неужели Вы не приедете на выставку? И неужели приедете – когда меня не будет? (Если уеду – то в начале июля до конца сентября. Есть надежда на Океан, который для меня – Мурино младенчество – и встречи с Рильке...) ...

От Али частые письма. Пока – работа эпизодическая, часто анонимная, но хорошо оплаченная, сейчас едет с сестрой Сергея Яковлевича (с которой живет) в деревню, а осенью надеется на штатное место в Revue de Moscou. [1122] Очень довольна своей жизнью. Пишет, что скучает... ..

...Очень много нужно Вам написать, дорогая Анна Антоновна, но у меня срочная переделка рукописи Пушкин и Пугачев для нового большого серьезного русского журнала «Русские Записки», [1123] имеющего выходить в Шанхае. Если есть вид мариевского дома, где жил Гёте – пришлите! Хотелось бы также хороший его старый портрет. Пишите! Целую, всегда помню и всегда люблю... ..

16-го июля 1937 г

Lacanau-Océan (Gironde)

Avenue des Frères Estrade

Villa Coup de Roulis

.

Дорогая Анна Антоновна! Приветствую Вас с Океана. Мы здесь шестой день. (Мы: Мур и я, Сергей Яковлевич приедет в августе.) Это мое четвертое море во Франции – из которых – третий океан, и вот скажу Вам, что каждый раз – разное. St. Gilles (Пастернак, Рильке, Мурины первые шаги) – рыбацкая деревня, Pontaillass – курорт. La Favière – русский дачный морской поселок, и наконец, Lacaun-Océan – пустыня: пустыня берега, пустыня океана. Здесь сто лет назад не жил никто. Место было совсем дикое, редкие жители – из-за болот – ходили на ходулях. И что-то от этого – не от ходуль, а от дикости – осталось. Здесь, например, ни одного рыбака, ни одной лодки – и ни одной рыбы. Просто – нет. В Фавьере – ловили, но не продавали, здесь – просто не ловят. Странно? Но – так.

Поселок новый, постоянных жителей – несколько семей, остальные – сдают и живут только летом. Огромный, безмерный пляж, с огромными, в отлив, отмелями. И огромный сосновый лес – весь сажены: сосна привилась и высушила болота. (Но и болота-то – странные: на песчаных дюнах, даже трудно верить.) Во всем лесу (100 километров одна (цементированная) тропинка: песок – дорог не держит, следов не держит. Неподалеку (уже ходили) пресное озеро – откуда?! Там старый, старый старик пас стадо черных коров с помощью одноглазой собаки. Там я впервые увидела траву и чуть-чуть земли. Здесь земли нет совсем.

Живем мы в маленьком (комната, кухня, терраска) отдельном домике, в маленьком песчаном садике, в 5 минутах от моря. Домик чистый и уже немолодой, все есть, мебель деревянная и староватая: все то, что я люблю. Хозяев – они же владельцы единственного пляжного кафе – почти не видим: уходят утром, приходят ночью... ..

..Дачников, пока, довольно мало – главный съезд в августе – общий тон очень скромный: семьи с детьми, – никаких потрясающих пижам, никакой пляжной пошлости. Хорошее место – только если бы рыба!

Купанье – волны. Плавать почти нельзя. Дно мелкое, постепенное. За два дня было целых три утопленника, которых всех троих спас русский maître-nageur.[1124] юноша 21-го года, филолог, японовед. В прошлом году он спас целых 22 человека. Люди, не умеющие плавать, заходят по горло в воду и при первой волне – тонут. А волны непрерывные и сильные: здесь не залив, а совершенно открытое море.

Прочла (здесь уже) Sigrid Undset – «Ida-Elisabeth».[1125] Первое разочарование: Ida. Правда – пустое, дамское, лжепоэтическое и не старинное, а старомодное – имя? (Что бы: Anna-Elisabeth!) А дальше и разочарования не было, п. ч. я знала, что 1. второй Kristin ни ей, ни мне, никому не написать, 2. читала Jenny[1126] и не любила. Ей (Унсет) дано только (!!!) прошлое, гений только на прошлое. Кто эта Ida-Elisabeth? Что в ней такого, чтобы Undset о ней писать, а нам читать – 500 страниц? Где-то она сама о себе говорит, что она Durchschnittsmensch.[1127] Durchschnittsmensch – и есть. Никакой личности, никакого очарования, – только хорошее поведение. Этого – для героини – мало. И дети бесконечно лучше даны в Kristin, чем здесь. Хороша, конечно, природа, но мне – как в жизни – в ней мешает Auto и Moto: ее героиня полкниги ездит на автомобиле.

С нетерпением жду Вашей оценки, дорогая Анна Антоновна: читая, все время о Вас думала: на Вас оглядывалась.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но я все-таки никогда не думала, что Unset способна на скучную книгу!!!

А вот С. Лагерлёф – неспособна. Какая усада – после Ida-Elisabeth – ее Marbaska:[1128] их трехсотлетняя родовая усадьба, где она родилась и выросла, которую пришлось продать и которую она потом, уже пожилая, выкупила: дом и сад. Если читали – напишите, если не читали – прочтите, тут же, летом. И подумайте, что ей 80 лет!

Пишу свою Сонечку.[1129] Это было женское существо, которое я больше всего на свете любила. М. б. – больше всех существ (мужских и женских). Узнала от Али, что она умерла – «когда прилетели Челюскинцы». И вот теперь – пишу. Моя Сонечка должна остаться. Было это весной-летом 1919 г. Без малого – 20 лет назад! (Уехала я в 1922 г. А из Чехии – в 1925 г. Боже! Как годы летят!)

Эпиграф к моей Сонечке, из V. Hugo:

Elle était pâle – et pourtant rose,

Petite – avec de grands cheveux

[1130]

Ванв, 27-го сентября 1937 г.

Нет, дорогая Анна Антоновна, я Вам писала последняя, и очевидно письмо пропало, странствуя вслед за Вами – в этом письме было прибытие к нам испанского республиканского корабля – беженцев из Сантандера,[1131] и день, проведенный с испанцем, ни слова не знавшим по-французски, как я – по-испански, – в оживленной беседе, в которую вошло решительно – все. Теперь друг – на всю жизнь.

20-го мы вернулись, а следующий за нами поезд, которым мы чуть-чуть не поехали, потерпел крушение: были стерты в порошок два вагона – п. ч. – деревянные. А мы тоже ехали в деревянном, я раньше и не разбирала.

Странно (верней – не странно), я как раз вчера вечером купила заграничную марку – писать Вам, а нынче утром – Ваше письмо. Я чувствовала, что Вы моего испанского не получили, – Вы никогда так долго не молчите.

Все лето писала свою Сонечку – повесть о подруге, недавно умершей в России. Даже трудно сказать «подруге» – это просто была любовь – в женском образе, я в жизни никого так не любила – как ее. Это было весной 1919 г. – это была весна 1919 г. И с тех пор все спало – жило внутри – и весть о смерти всколыхнула все глубины, а м. б. я спустилась в свой тот вечный колодец, где все всегда – живо. Словом, это лето я прожила с ней и в ней, и нынче как раз поставила последнюю точку. Писала все утра, а слышала, слушала ее внутри себя – целый день... ..

...Вышла большая повесть: 230 моих рукописных страниц. Пойдет (тьфу, тьфу, не сглазить) в новом русском шанхайском журнале «Русские Записки», где мне, пока что, дают полную волю.

Ничего другого не писала, только письма... ..

...Нет, дорогая Анна Антоновна, не хочу быть для Вас ни идеей, ни видением: если бы Вы знали, насколько я жива. Даже загнанная в невылазную щель быта.

...Сплошная обида: так часто люди ездят в Прагу – «съездил в Прагу», «неделя как вернулся из Праги», и – только я не могу, п. ч. у меня никогда не будет таких денег. (Откуда – у них? Должно быть – какие-нибудь казенные, общественные, кому-то нужно, чтобы такой-то ехал в Прагу, – и никому не нужно, чтобы ехала – я: только мне одной!) – Видела в кинематографе похороны Масарика:[1132] его строгий замок, его белую бедную комнату с железной кроватью, – сопровождающие факелы – отражу у гроба, с молодыми прекрасными лицами, – плачущий народ... И его – в гробу. Орлиное лицо...Читали ли Вы Pearl Buck:[1133]

1. La Terre Chinoise

2. Les Fils de Wan-Lung

3. La Famille dispersée

[1134]

Она дочь американского миссионера, родившегося в Китае.

Да, еще замечательная ее книга: mère.[1135]

Ванв, 3-го января 1938 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна, и с прошедшими праздниками, с которыми я Вас, увы, не поздравила, хотя непрерывно о Вас думала, особенно под нашей маленькой елочкой, верней сказать – над! На ней еще чешские настоящие елочные шишки – из вшенорских лесов: само-вызолоченные!.. ...

Это моя последняя зима в этом доме, в котором мы живем без малого четыре года и который я, несмотря на все, а верней – смотря на все вокруг, мой каштан, Мурину бузину, неизвестно – чьи огороды – люблю и буду любить – пока жива буду. (Как все, что когда-либо любила.) У меня сильнейшее чувство благодарности к «неодушевленным» предметам.

Жизнь идет тихо, Мур учится с учителем, учится средне, п. ч. – скучно: одному, без товарищей, без перерыва игры, и учитель – скучный: честный, исполнительный, но из русских немцев и неопишимо-однообразный. Но это все-таки лучше, чем полная незанятость. А я – не могу: из-за печей, и мелочей, и кухни, в которой мороз и в которой провожу полдня, а мне кажется, я всякого – всему – выучу, особенно – тому, что мне самой – трудно, п. ч. я отлично понимаю, как можно не понимать. И потому что каждое дело – делаю со страстью... ...

Ванв, 7-го февраля 1938 г.

– мне все еще хочется писать 1937 – люблю эту цифру – любимую цифру Рильке –

... ...За всю эту зиму не написала – ничего. Конечно – трудная жизнь, но когда она была легкая? Но просто нет душевного (главного и единственного) покоя, есть – обратное.

(Простите за скучные открытки: такие торжественные здания – всегда скучные, но сейчас ничего другого нет под рукой, а на письмо я неспособна.)

Утешаюсь погодой: сияющей, милостивой, совсем не зимней, мы уже две недели не топим: лучше сносный холод, чем этот (мелкий, жалкий!) ад. А на улице просто – расцветаю, хотя смешно так говорить о себе, особенно мне – сейчас: я самое далекое, что есть – от цветка. (Впрочем, и 16-ти лет им не была – и не хотела быть. Тогда же – стихи:

Это были годы роста:

Рост – жесток.

Я не расцветала просто –

Как цветок.

Это – в 16 лет! Умная была, но не очень счастливая. –)

Утешаюсь еще давидом Копперфильдом[1136] (какая книга!) и записками Mistress Abel[1137] – бывшей маленькой Бетси Балькомб – о Наполеоне на Святой Елене: она была его последней улыбкой... ..

Ванв, 23-го мая 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Думаю о Вас непрерывно – и тоскую, и болею, и негодую – и надеюсь – с Вами.

Я Чехию чувствую свободным духом, над которым не властны – тела.

А в личном порядке я чувствую ее своей страной, родной страной, за все поступки которой – отвечаю и под которыми – заранее подписываюсь.

Ужасное время.

Я все еще погружена в рукописную работу, под которой – иногда – погибаю. Поэтому так долго не писала. Но думала – каждый день.

Сейчас 6 ч. утра, пишу в кухне, за единственным столом, могущим вместить 8 корректур сразу. Из кухни не выхожу: не рукописи – так обед, не обед – так стирка, и т. д. Весны в этом году еще не видела... ..

108

24-го сентября 1938 г.

Paris 15-me,

32, boulevard Pasteur,

Hotel Innova, chambre 36

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогая Анна Антоновна,

Нет слов, но они должны быть.

– Передо мной лежит Ваша открыточка: белые здания в черных елках – чешская Силезия. Отправлена она 19-го августа, а дошла до меня только нынче, 24-го сентября – между этими датами – всё безумие и всё преступление. [1138]

День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней, с ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое.

Глубочайшее чувство опозоренности за Францию, но это не Франция: вижу и слышу на улицах и площадях: вся настоящая Франция – и толпы и лбы – за Чехию и против себя. Так это дело не кончится.

Вчера, когда я на улице прочла про генерала Faucher [1139] – у меня слезы хлынули: наконец-то!

До последней минуты и в самую последнюю верю – и буду верить – в Россию: в верность ее руки. Россия Чехию сожрать не даст: попомните мое слово. Да и насчет Франции у меня сегодня великие – и радостные – сомнения: не те времена, чтобы несколько слепцов (один, два – и обчелся) вели целый народ-зрячих. Не говоря уже о позоре, который народ на себя принять не хочет. С каждым часом негодование сильней: вчера наше жалкое Issy [1140] (последнее предместье, в котором мы жили) выслало на улицу четыре тысячи манифестантов. А нынче будет – сорок – и кончится громовым скандалом и полным переворотом. Еще ничто не поздно: ничего не кончилось, – все только начинается. ибо французский народ – часу не теряя – спохватился еще до событий. Почитайте газеты – левые и сейчас единственно-праведные, под каждым словом которых о Чехии подписываюсь обеими руками – ибо я их писала, изнутри лба и совести.

А теперь – возьмите следующую страничку и читайте:

Nous sommes un peuple qui devant le tyran jamais ne s'est courbé

Et qui jamais n'a accepté d'être conduit par un homme injuste.

Nous avons conquis la gloire à la pointe de nos lances.

Notre voisin est respecté, et qui vit sous notre égide ne craint rien.

De nos pères nous avons hérité de solides épées.

Qui seules représentent leurs testaments.

Qui veut nous résister, qu'il résiste; et qui veut nous céder, qu'il cède.

Nous distinguons la bonne et la mauvaise monnaie.

(El korayz ibn Onayf)

On nous blâme de ce que nous ne soyons pas nombreux.

Je leur réponds: Petit est le nombre des héros!

Mais ils ne sont pas en petit nombre ceux qui sont représentés

Par des jeunes gens qui montent à l'assaut de la gloire –
Et d'être peu nombreux ne nous nuit guère.

Nous avons une montagne qui abrite ceux que nous protégeons,
Inexpugnable, qui fait baisser les yeux de fatigue.

Sa base repose profondément dans la Terre
Et sa cime s'élève superbe jusqu'aux étoiles.

Notre race est pure, sans mélange, issue
De femmes nobles et des héros.

Nous sommes comme l'eau des nuages: utiles
À nos semblables: il n'est point d'avares parmi nous.

Nous donnons un démenti aux paroles d'autrui
Et personne ne peut démentir notre dire.

Si un d'entre nous vient à périr, un autre se lève
Éloquent, mettant en action les propos des âmes hautes.

Notre feu est toujours allumé pour accueillir le voyageur
Et jamais hôte n'eut à se plaindre de notre hospitalité.

(El samaoual)

Qui dispense ses biens pour préserver sa gloire
La préserve, et qui ne répudie pas l'insulte, est insulté;
Qui est fidèle à son serment ne saurait être jugé,
Qui n'honore pas son âme, ne peut être honoré!
Qui ne protège pas son champ par les armes, est perdu.
La langue et le cœur, l'homme est fait de ces deux moitiés.
Le reste, chair et sang, n'est qu'une image.

Si tu es atteint par le malheur
Revêts-toi de patience – cela est plus digne.
Surtout garde-toi de te plaindre à tes semblables.
Ainsi tu te plaindrais du Dieu de la miséricorde –
à des gens sans miséricorde!
Si la fortune te combat – prends patience,
Car la fortune n'a pas de patience.
Prends courage. Jusqu'au dernier souffle de ta vie

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Cache aux ennemis ton découragement.

La joie de tes ennemis est de te voir bas et las,
Mais ils sont dans la tristesse à te savoir patient.

C'est un temps difficile – mais il sera suivi par l'abondance.

C'est un malheur – il sera suivi d'une joie prochaine.

Réfléchis: un chagrin qui doit passer

Vaut mieux qu'un bonheur qui ne peut pas durer.

Si le malheur te frappe encore, de façon

A rendre vains tes malheurs passés,

Et si après cela de nouveaux malheurs arrivent

Et si après cela de nouveaux malheurs arrivent

Qui te font prendre en horreur la vie –

Espère!

Car tes malheurs touchent à leur fin.

Hier m'a fait pleurer,

Aujourd'hui je pleure hier.

Это – арабская поэзия, чистым случаем попавшая мне в руки – в нужную минуту. Все это сказано больше тысячи лет назад.

Хочу знать о Вас и страстно жду весточки. Если бы события нас разъединили – говорю на всякий невозможный случай – знайте, что Вы – всегда со мной – но знайте еще, что я всё сделаю, чтобы и наша внешняя связь не порвалась.

Обнимаю Вас и в Вашем лице – всю мою родную Чехию: «mit dem heimatlichen 'prosim'»[1141] – (Rilke).

M.

Мне сейчас – стыдно жить.

И всем сейчас – стыдно жить.

А так как в стыде жить нельзя...

– Верьте в Россию!

P. S. Полгода назад – здешний ясновидящий Pascal Fortuny – старинный и старомодный старичок с белой бородой – профессор – подошедши ко мне, севшей нарочно подальше, поглубже – сказал:

– Je Vous vois dans une ville ancienne... beaucoup d'eau... beaucoup d'eau... Vous

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
etes sur un pont – aves des statues... pour ainsi dire... flottantes... Et je vois un
crucifix, un tres grand crucifix...

– J'ai bien été a Prague, Monsieur, mais beaucoup d'eau s'est ecoule sous le
Karlov Most depuis que je m'y suis accoudee pour la derniere fois...[1142]

Теперь я поняла: он просто видел – будущее (А тогда я обиделась за моего рыцаря
– что его не помянул! Обнимите его за меня!)

3-го октября 1938 г

Paris 15-me

32, Boulevard Pasteur, chambre 36

Дорогая Анна Антоновна!

Дней 8 – 10 назад отправила вам большое письмо, но не знаю, дошло ли: в нем были
арабские стихи (по-французски) о великом, свободном, верном слову, народе.
Повторю вкратце: Чехия для меня сейчас – среди стран – единственный человек. Все
другие – волки и лисы, а медведь, к сожалению – далёк. Но – будем надеяться,
надеюсь – твердо.

Лучшая Франция: толпы и лбы – думают и чувствуют, как я, а те, что поступают –
ничего не чувствуют и – мало думают.

Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу плакать над ней
(над здоровым не плачут, а она, среди стран – единственная здоровая, больны –
те!), итак, не хочу плакать над ней, а хочу ее петь.

Мне бесконечно жаль, что у меня нет ни одного отличия, чтобы сейчас их вернуть;
швырнуть.

Нынче, среди бесчисленного списка протестующих, с радостью и даже со счастьем
прочла имена François Joliot и Irène Curie,[1143] тех, что в этом темном мире
продолжают светлейшее и труднейшее дело радия. (Madame Curie, открывшая радий,
мать нынешней, сама родилась в угнетенной, затемнённой стране, что не помешало
ей – осветить весь мир – а может быть и заставило. Наравне с радием она любила
родину. И свободу.) Прочтите книгу о ней ее дочери: Eva Curie – Madame Curie,
лучший памятник дочерней любви и человеческого восхищения.

Жду весточки. Поскорее. Надеюсь, что скоро начнут ходить настоящие письма.
Получила письмо от Али: вспоминает детство, дремучие леса, игру Вашей мамы. Вас
с сестрой, кота Муцика.

Обнимаю вас от всей души и жду, жду, жду – хотя бы нескольких слов. Ваша
открытка из темных лесов – последнее.

М.

24-го октября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваша открытка – большая радость, переписала ее Але. Счастлива знать, что хоть немножко ободрила Вас в Вашем семейном горе, которому сочувствуют все мои близкие, все когда-либо подошедшие к Вашей семье. Недавно, в кинематографе, я так живо вспомнила Вас и Ваших: секундное видение города – такой красоты, что я просто рот раскрыла (не хватило глаз!). Ряд мостов – где-то среди них – мой, с Рыцарем – точно ряд радуг – меня просто обожгло – красотой! Подпись: Прага. И я подумала: чтобы любить город, нужно никого в нем не любить, не иметь в нем любви, кроме него: его любить – тогда и полюбишь и напишешь. («любить» беру: неразумно, безумно – любить.) Вы для меня – настоящее лицо Вашего города. (А помните уроки вязания при лунном свете у лесничего? Я – помню...)

Читаю сейчас книжку «По золотой тропе», надписанную:

«Дорогая Марина Ивановна, мне очень хотелось посвятить Вам эту книгу» – декабрь 1928 г.: 10 лет (вечность!) назад. Книга, как всё этого автора – легкомысленная: слишком много любил, кроме этой «золотой тропы», но все-таки – ландшафты, имена, кусочки истории, кусочки жизни... Не знаете ли Вы какой-нибудь другой вещи – в этом роде, но лучше – где бы и история, и география, и легенды – лучше всего: книга для юности, хорошо бы – с картинками, можно, в крайнем случае, и на чешском: со словарем – справлюсь. Вроде: Родной край, для больших детей, мне это бы очень пригодилось для одной моей литературной мечты. И еще просьба: страстная: пришлите мне большое изображение моего Рыцаря, другое – города, снятого с Градчан, [1144] – чтобы весь город, с рекой и мостами, а м. б. можно и с Градчанами? Словом, Вам виднее, но не снимок с картины и не цветное, а хорошую точную фотографию. Эти два изображения следовали бы за мной повсюду, как та каменная пряжа из Шартрского собора: уже 500 лет – в живом солнечном луче – сидит и прядет...

Вы мне однажды – тоже десять лет назад! – уже посылали Рыцаря (большого, во весь рост), но у меня его тогда вымолил покойный Н. П. Гронский, и я сейчас давно уже – и тщетно – ищу его следов. (Часть вещей взяла мать, часть – отец, часть – сестра, часть – друзья...) Я бы хотела с очень ясным лицом, чтобы видны были черты и чтобы сам он был большой: поменьше фону и побольше его: большую фигуру. – Если мыслимо. – Очень, очень буду счастлива: заветная мечта, здесь – неосуществимая. И – поскорее!

О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала?! Думала – на две недели, а вышло – 13 лет. 1-го ноября будет ровно 13 лет, как мы: Аля, Мур, я – въехали в Париж. Мур был в Вашем голубом, медвежьем, вязаном костюме и таком же колпачке. Было ему – ровно – день в день – 9 месяцев. – Тринадцать лет назад. Обнимаю Вас и сестру, всегда и во всем – с Вами. Сердечный привет от Мура.

М.

Рыцаря – тоже фотографию, не снимок с картины!!!

10-го ноября 1938 г.

Hôtel Innova,

Дорогая Анна Антоновна! Все получила – и книгу и открытку. Книга-чудесная, как раз то, что мне нужно, и бесконечно Вам за нее благодарна, не расстанусь с ней никогда. Здесь, кстати, на днях пойдет пьеса Карла Чапека [1145] в театре Rideau de Paris, и, как Вы наверняка знаете, ведется лучшей частью интеллигенции горячая кампания за присуждение ему нобелевской премии, есть подпись Joliot-Curie

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (обоих, неизменно присущая под всяким правым делом: они для меня, некий барометр правды). О Рыцаре не беспокойтесь: пришлите мне, если есть простую открытку, где он возможно крупнее и яснее, чтобы можно было увеличить, это мне сделают, и будет у меня большой Рыцарь. Только не туманную (художественную), а простую фотографию, по возможности face. Очень рада, что дошло мое большое письмо, арабские стихи остаются в силе. А вот еще одна хорошая строка, из Мистралья. [1146] – Croire mere a la victoire! [1147] – и прочла я ее в вечер того дня, утром которого кому-то сказала: – «Я даже не выношу, чтобы ее жалели, только верили!» и вдруг, у Мистралья (читаю в переводе: писал на провансальском) этот возглас. Книгу показываю всем друзьям, и даже недрузьям, и даже недрузья – чувствуют. А на другом языке я бы сейчас ее и читать не стала. Я тоже (в первый раз в жизни!) читаю все газеты, и первый вопрос, утром. Муру, приходящему с газетой: – А что с Чехией? Вижу ее часто в кинематографе, к сожалению – слишком коротко, и стараюсь понять: что за стенами домов – таких старых, таких испытанных, столько выдавших – и перестоявших. А в магазинах (Uni-Prîx), когда что-нибудь нужно, рука неизменно тянется – к чешскому: будь то эмалированная кружка или деревянные пуговицы, т. е.: сначала понравится, а потом, на обороте: «Made in Tchecoslovaquie». [1148] Вот и сейчас пью из такой эмалированной кружки. И недавно, у знакомой выменяла кожаный кошелек, на картонную коробочку для булавок, с вытесненной надписью:

Praha, Václavské náměstí и Musea. Всё это, конечно, чепуха, но такую чепухой любовь – живет. Если бы я могла, у меня все бы было – чешское. Вы пишете о прохладности друзей – о 20-ти годах дружбы – эх! – Я давно отказалась понять других: всё по-другому, не с чего начать. Например, вдова недавно умершего русскописателя, живущая только им, не едет 1-го и 2-го ноября на кладбище, п. ч. очереди на автобус, и ее могила в эти дни, когда у всех гости, остается – одна. Потому что трудно сесть на автобус. Убейте – не пойму. Любовь – дело, кто только чувствует – не любит: любит – свои чувства.

Что мне Вам прислать отсюда, дорогая Анна Антоновна? П. ч. изредка бывают окаянии. Есть чудесные книги: Шартр, Реймс, раннее средневековье: не читать: только глядеть. Но м. б. у Вас есть какое-нибудь предпочтение? Отзовитесь непременно. И знайте, что из Ваших русских друзей я все эти месяцы от Вас не выходила.

О себе: живу как во сне, почти не пишу: почти все пришлось раздать по рукам – и руки опускаются. «Et pourtant il y avait quelque chose – là!» [1149] (А. Шенье, указывая на лоб). Потом поймете. – Читаю сейчас, первый раз в жизни, полную Хищину дяди Тома: отличная книга, мужественная и – вполне современная. [1150] Прочла Le J. Süss [1151] – фейхтвангера: тоже современно. Все обиды – стары как мир... ..

...Целую Вас крепко и бесконечно благодарна за чудесную книгу о чудной стране. Пишите!

МЦ.

24-го ноября 1938 г

Hôtel Innova

Дорогая Анна Антоновна! Вот – стихи. [1152] Пометка к третьему стихотворению (если неясно): – Есть в груди народов-язва: наш убит! То есть народы эту беду оплакивают – как свою, ибо радости от этой беды не будет ни одному народу: только – лицам. И не только как свою (оплакивают) – и как свою будущую, если не... Но отсутствие выводов не только свойство народов и народа, а и так называемых

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «культурных людей». – «Какой ужас – опять отобрали 60 поселков...» «Какой ужас с евреями!»... «Какой ужас – вместо 65 сантимов – марки – 90 сантимов!» И все – «ужас», а почему все эти ужасы, и почему они все вместе – никто (из моего окружения: культурного: пишущего) не хочет понять – и даже вопроса не ставит – слишком боясь услышать ответ. Все это то же малодушие, и косность, и жир (или – тяга к нему!) – которые сделали то – что сделано. Я в цельности и зрячести своего негодования – совершенно одинока. Я не хочу, чтобы всех их – жалели: нельзя жалеть живого, зарытого в яму: нужно живого – выкопать, а зарывшего – положить. Такая жалость – откупиться. – «Какой ужас!» – нет, ты мне скажи – какой ужас, и, поняв, уйди от тех, кто его делают или ему сочувствуют. А то: – «Да, ужасно, бедная Прага», а оказывается – роман с черносотенцем, только и мечтающим вернуться к себе с чужими штыками или – просто пудрит нос (дама), а господин продолжает читать Возрождение[1153] и жать руку-черт знает кому. В лучшем случае – слабоумие, но видя, как все отлично умеют устраивать свои дела, как отлично в них разбираются – не верю в этот «лучший случай». Просто – lâchete:[1154] то, что (нынешним) миром движет.

Я вчера – после очень долгого промежутка – виделась с Марком Львовичем, и мы во всем с ним спелись. Но такие беседы – раз в год, а «жить» мне приходится – с такими другими! Вернее – живу одна, с собой, с другими – не живу: или бьюсь о них лбом – как об стену – или молчу. Я думаю, что худшая болезнь души – корысть. И страх. Корысть и страх.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, большая просьба: 1. напишите мне, где именно, в точности, у Вас добывается радий? Марк Львович назвал Иохимов, [1155] но это наверное город?

Назвал еще – отроги Крконош, но м. б. у этих отрогов есть какое-нибудь особое, местное имя? (Здесь, в Савоие, например, у каждой горы есть имя, кроме собирательного: у каждой вершины.) Где в точности, в какой горе добывается радий? Мне это срочно нужно для стихов. И дайте немножко ландшафт. Я помню – в Праге был французский лицей, как бы мне хотелось чешскую (природную) географию для старших классов, со всеми названиями горных пород и земных слоев – и такую же историю. Два учебника – по возможности, по-французски, но если – нет, постарайся понять и по-чешски, куплю словарь. Я помню – в разговорах Гёте с Эккерманом – целый словарь горных пород! [1156] а дело ведь было в Богемии.

И еще просьба: дайте прочесть мои стихи чешским поэтам, и вообще своим друзьям – чтобы знали – что есть один бывший чешский гость, который добра – не забыл.

Еще одна просьба: безумно хочу ожерелье (длинное) из богемского дымчатого (не белого!) хрусталя, гранёного. Узнайте, сколько такое стоит: не вокруг шеи, а чтобы лежало на груди, т. е. длинное гранёное, дымчатое, по возможности из круглых и крупных бус (бывают «moderne» – какие-то кривые, я их не люблю), и я тогда Вам вышлю нужную сумму с оказией, а Вы мне его пошлете – échantillon recommandé [1157] (не знаю как по-чешски). Очень прошу Вас! Хотелось бы, чтобы все бусы были одной величины, не: на шее крохотные, потом больше, потом громадные, но если одинаковой величины не делают, то узнайте мне и цену постепенного – лучшего. (Помню, в Москве, на Кузнецком мосту: Богемский хрусталь графа Гарраха) – Пишу Вам под звуки торжественного марша в честь парижского почетного гостя Чемберлена, [1158] в данную минуту входящего в Hôtel de Ville. [1159] Ему сейчас подносят 2 тома «La Ville de Paris», [1160] переплетенных каким-то знаменитым мастером, с золотом вытесненной подходящей надписью – как Александру I на Венском конгрессе [1161] – Чемберлен вошел: «J'ai peine à me représenter que ce grand vieillard qui est en train de distribuer des sourires pleins de bonhomie a pu tenir dans ses mains fragiles le sort de millions et de millions d'êtres...» [1162] (точные слова спикера)... Описание чая и сэндвичей – и огромного роста лорда Галифакса [1163] – и «la fine fleur de l'aristocratie française, qui est venue ici pour faire honneur à nos hôtes – их платьев и фраков – sous la lumière crue des lustres». [1164] – Музыка (довольно легкомысленная). Спикер объясняет: ария из оперетки – «Une tasse de thé – prise dans l'intimité» – и уточняет: c'est du thé du Ceylan. [1165]

Встречать миротворца – арией из оперетки – такого бы и романист – и юморист – не придумал! Но м. б. они здесь снизили к его возрасту! полагая, что такому старику всё, кроме оперетки, уже трудно. Начались речи. «Madame, j'aurais voulu que tout Paris...»[1166] (Это он жене говорит, что он «touché jusqu'aux larmes»[1167] и благодарит ее за «sourire».[1168] Это – Prevost de Launey). «L'homme d'Etat et l'homme de coeur qui avec la collaboration de notre Chef d'Etat et de son premier Ministre a su conjurer les horreurs de la guerre... Vous avez fait dans l'histoire une entrée impérissable... Pour avoir conçu et réussi une telle entreprise il a fallu être le continuateur de d'Israëlli (!!! – еврейские погромы) et de Gladstone... M. le Premier Ministre est issu du même terroir que notre Duguesclin... Je suis sur, M. le M., d'exprimer les sentiments de tous les Parisiens, de toutes nos provinces et de toute la France...»[1169] (Говорил – Président du Conseil Municipal[1170]). Теперь – другой – не успеваю записывать, но приводится фраза самого Чемберлена, что без «dignité morale la vie vaut pas d'être vécue...».[1171] Теперь говорит – по-французски, которого не знает – сам Чемберлен: «Qu'il me soit permis d'exprimer ma profonde gratitude pour la réception que m'a faite votre belle capitale...» – «je suis sûr que cette conviction est partagée par tous les peuples du monde... Ma tâche est noble et mérite tous nos efforts...»[1172] (Conviction[1173] – что сделанное им дело – единственное правильное)... «Je pense – comme nos amis du Figaro...»[1174] (допотопная газета, которую читают только vieux rentiers[1175] и которая вызывает только юмор). Словом, говорил старый благодушный господин, неспособный и мухи обидеть: пребывавший первый ученик. Рукоплескания были – иначе не скажу – круглые: как портфели рукоплещущих. Вот бы Вашему Чапеку – живописать эту встречу: иллюминированный hôtel de ville – председатель с лентой – дамы в голом и мужчины в черном – никого из народа: ни одного из целого народа – благодарность – от имени этого (недопущенного) народа за... услугу – другому народу – ответная, наизустная речь на языке, которого не знает – марш и чай – оперетка и сэндвичи – и – моравская хата, новый пограничный столб, вся мрачность ноябрьской ночи...

Но другое: на Лионском вокзале – 100 арестов и отчаянная драка, а перед зданием английского посольства женская английская толпа кричала: Да здравствуют Черчилль и Идэн![1176] и было столько свистков и улюлюканий по дороге с Лионского вокзала в посольство, что пришлось прекратить радиорепортаж, но слушавшие – слышали. Нет! французский народ – ни при чем, и скажите это всем. Ведь и Наполеону изменили маршалы (задаренные!), а не гренадеры, собственная жена, а не troisième berceuse[1177] его сына, приславшая ему на Святую Елену – под видом своих (седых!) волос собственному сыну: слуге Наполеона – золотую прядь его сына. Les humbles[1178] – всегда верны, и всегда верно видят и судят. Ваша страна была (и вновь будет) страна этих humbles, где им были даны – все права, где решали – они. И за это я Вашу страну – люблю и чту – больше всех стран на свете. Вы не лили крови. Вы только – на всех полях – лили свою.

Я думаю, Чехия – мое первое такое горе. Россия была слишком велика, а я – слишком молода. Горюю и о том, что я и для той Чехии была слишком молода: еще слишком была занята людьми, еще чего-то от них ждала, еще чего-то хотела, кроме – страны: кроме Рыцаря и деревьев, что в Карловом Тыну,[1179] глядя из окна на море вершин – еще чего-то хотела – кроме.

И – тринадцать лет спустя – нет, уже пятнадцать! – скажу, что лучшее в Праге было – Рыцарь, а в Карловом Тыну – не мой юный спутник (которого давно забыла!) а – сам старый Тын. – Un cas délicat se posera d'ailleurs aux autorités policières. Devant l'ambassade se trouvait un groupe d'Anglais qui n'accueillirent pas les Ministres avec des acclamations mauves, comme l'avaient fait quelques dames françaises dix minutes avant, sur le quai de la gare, mais avec les cris: «Vive Iden! Vive Churchill!».[1180]

Кончаю – вместе с листом. Вопросы: гора радия 2. главный: пришлите мне поскорее и чешский текст и дословный перевод «Где мой дом»[1181] – весь текст 3. учебник физической географии и истории 4. цену дымчатого хрустального ожерелья, самого лучшего. (Книг авионом не посылайте: дорого, буду ждачь сколько угодно.) Напишите как понравились стихи. Писала их – потоком: они сами себя писали.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обнимаю и всегда помню.

М.

...

26-го декабря 1938 г.

Hôtel Innova.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Но каким ударом кончается – этот! Только что Мур прочел мне в газете смерть Карела Чапека. 48 лет! Мог бы жить – еще 20! И именно сейчас, когда так важен и нужен – каждый, когда человек уже значит – герой. От какой болезни умер?[1182] В газете только – «après une courte maladie».[1183] Я просто – ушам не поверила: – Да это – ошибка! Не может быть! Ведь только что – разговоры о премии Нобеля! (NB! точно это может отвратить – смерть!) И только когда сама, глазами, прочла – поверила. Жалею в нем чеха, жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем – свое поколение. Нашего полку – еще убыло.

С сентябрьских дней – дня не прошло, чтобы я утром не спросила Мура: – А что – про Чехию? и как часто: – Про Чехию – ничего. А нынче – чего.

Я совсем оглушена этим ударом. Точно год, на прощание, поднес свой последний подарок: взяв – все, взял – еще это. И какое чувство – укора, точно я, живя во Франции, какой-то – со-убийца. (Так нужно понимать третье стихотворение: оно от лица – лучшей – Франции. Я неустанно чувствую, что жизнь нации сейчас идет – помимо народа: против народа, и что это – почти везде на земном шаре: что никогда так не шли врозь: народ – и вожди.)

Бедный Чапек! Что он унес на прощание? Измену – предательство – победу грубой силы. Горько – так умереть.

Одно – немножко – утешает, смягчает: чудесность дня. Он, как Симеон, дождался Христа.[1184] Пусть – не ждал, все равно – дождался! Хочется сказать: в Рождество умирающий – не умирает. Еще думаю: может быть – в окно лечебницы – видел снег – большие хлопья – и от этого – тише уснул. Господи, дай, чтобы он когда-нибудь – откуда-нибудь – увидел свою страну – воскресшей! Чтобы оба воскресли – страна и он! – Amen. –

Вспоминаю в Праге, в Градчанах, церковь – которую я окрестила: Святой Георгий под снегом – потому что камень, из которого она построена – мерцающий, снежный – даже летом. Я помню, я раз зашла – и полчаса стояла – и всё время пела одно: – Святой Георгий, помилуй нас! Только эти слова. И вот, из-за снега, сейчас вспомнила. И тоже – стою и говорю: – Святой Георгий, помилуй нас!

Я страшно мерзну – и днем и ночью, и на улице и в доме: пятый этаж, отопление еле тёплится, ночью сплю в вязаной (еще пражской) шапке, вспоминаю Вшеноры, нашу чудную печку, которую топила своим, добытым хворостом. И ранние ночи с лампой, и поздние приходы занесенного снегом, голодного Сергея Яковлевича – и Алё с косами, такую преданную и веселую и добрую – где всё это?? Куда – ушло??

Я – страшно одинока. Из всего Парижа – только два дома, где я бываю. Остальное все – отпало. Если бы эти мои друзья – случайно – уехали, у нас бы не осталось –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
никого. На весь трехмиллионный город. (У одних бываем – раз в неделю, у других – раз в две, а то и в три: не зовут – не идем: не позовут – не пойдём.)

Если бы я сейчас была в Праге – и Вам было бы лучше – и мне. Здесь мое существование – совершенно бессмысленно. А там бы я с новым жаром все любила. И может быть – опять стала бы писать. А здесь у меня чувство: к чему? Весь прошлый год я дописывала, разбирала и отбирала (потом – поймете),

сейчас – всё кончено, а нового начинать – нет куражy. Раз – всё равно не уцелеет. Я, как кукушка, рассовала свои детища по чужим гнездам. А растить – на убой...

Но ёлочка все-таки – была. Чтобы Мур когда-нибудь мог сказать, что у него не было Рождества без елки: чтобы когда-нибудь не мог сказать, что было Рождество – без елки. Очень возможно, что никогда об этом не подумает, тогда эта жалкая, одинокая елка – ради моего детства и ради тех наших чешских елок с настоящими еловыми и сосновыми шишками, которые сами золотили – жидким золотом.

Всё меня возвращает – в Чехию.

Я никогда, ни-ког-да, ни разу не жалела, что мне не двадцать лет. И вот, в первый раз – за все свои не-двадцать – говорю: Я бы хотела быть чехом – и чтобы мне было двадцать лет: чтобы дольше – драться. В Вашей стране собрано все, что мне приходится собирать – и любить – врозь. А если у Вас нет моря – я его, руку на сердце положу, никогда не любила: не любила – больше всего, значит – не любила. (Читали ли Вы «Мой Пушкин» – там всё: о море и мне.)

Спасибо за Яхимов. Но не было бы (верней: нет ли) у той радионосной горы – отдельного названия? Яхимов – город, где обрабатывали, а гору – как звали? Или, хотя бы – весь горный хребет? (Здесь, например, в Савойе, в Арденнах, и в Alpes Maritimes, [1185] есть свое имя – у каждой горы и даже вершины: la r e de... Мне это очень важно – для стихов.)

Жду истории своего Рыцаря. Всё, что знаю – что это он добыл Праге двухвостого льва. [1186] Напишите мне, дорогая Анна Антоновна, всё про него: с кем дрался, где блуждал, откуда привёл льва? И еще одна просьба: знаю, что – трудная: записывайте про Чехию – всё, всё, все маленькие случаи, как с теми крестьянками (нарядами) и детьми (конфетами). – Ведите дневник страны. Кто будет перечитывать старые газеты? Да наверное и в газеты-то не всё попадает. Простые записи: там-то – и тогда-то – то-то. Несколько строк в день. Будет – памятник.

Рада, что стихи дошли – до глаз и сердца. Я их очень люблю и они мне самой напоминают (особенно – второе) те несмолчные горночешские ручьи: так они и писались – потоком.

Кончаю вечером, Мур уже спит. Нынче вечером – грустная радость: несколько слов о Кареле Чапке – в одной из двух газет, под каждым словом о Чехии которых в те дни подписывалась. Автор – известный поэт и публицист. [1187] Напишите – как понравилось.

Нет, дорогая Анна Антоновна, не будем.

Всё знаю, но зная еще, что все это – на час, что есть la justice des choses, [1188] наше народное: Бог правду видит – да не скоро скажет. Знаю еще, что бывают – чудеса, у которых – свой закон.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дай Вам Бог в Новом Году – новой надежды – и веры. Вспомните «La dernière classe» Daudet («Lettres de mon moulin»)[1189] – и Польшу, давшую Шопэна и открывшую радий.

– Да сбудется!

М.

Очень рада, что понравился мой львенок. Я такого гладила в Праге – в цирке. Он – жёсткий.

Нынче (27-го) читаю, что большинством голосов (4 тысячи на 2 тысячи) некий конгресс признал свою ошибку – 3 месяца назад.[1190] Чтó сказать, кроме: бессовестные идиоты, дальше носу своего не видящие? Где они тогда были?? Ах, ясно: когда дело коснулось собственных дел – прозрели, увидели, завопили. Вот что значит – жить нынешним днем и «своя рубашка к телу ближе». Вы не думаете, что это – начало la justice des choses? Ты предал – предадут и тебя. Кому предал – тот и предаст. Только жаль, что платить буду! – невинные, знавшие – и не могшие ничего отвратить. Нельзя от лица народов – делать мерзости!

3-го января 1939 г.

Hôtel Innova.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Поздравляю Вас вторично. После Вашего большого письма, где Вы писали о ради и о деревенских детях, было два больших моих: одно – сразу (т. е. недели 2 назад), другое – 26-го декабря, сразу после смерти Карела Чапека и всё письмо было о нем, с отзывами на смерть здешних писателей. Дошли ли, кстати, до Вас слова Б. Шоу: – Почему он умер, а не я? Почему молодой, а не старый? Он его называет своим близким другом и оплакивает его – всячески... ..

...Просила в тех письмах – прежних – непременно сообщить мне подробную историю Рыцаря: все что знаю – что добыл двуххвостого льва (львенок). – «А то é мало» – как говорила ехидная старушка, продававшая зеленину по хатам, в ответ на мое: Нынче – ниц. Я всю Чехию прожила в глубоком сне – снах – так и осталась сном, вся, с зайцами и с ланями, с перьями фазаньими – которые, кстати, у меня еще хранятся, подобранные по лесным чащам, по которым я лазала – сначала с Алей, потом с молодым Муром на руках.

Мур (скоро 14 лет, ростом почти с отца) на подаренные мною на праздники деньги купил себе книгу про зверей, книгу странных историй (Histoires à dormir debout[1191]) и звериное вырезание (картонаж – всякие Mickey, коровы и собаки). Мне – пепельницу и пачку папирос. У нас была (и еще есть) ёлочка, маленькая и пышная, как раздувшийся ёжик. Получила от Али на Новый Год поздравительную телеграмму. Вот, кажется, и все наши новости. Теперь жду – Ваших. Никогда, когда долго нет вестей, не думайте, что я не пишу: пишу – всегда, и всегда сама отправляю. Ну, еще раз – с Новым Годом! Дай Бог – всего хорошего, чего нету, и сохрани Бог – то хорошее, что есть. А есть – всегда, – хотя бы тот моральный закон внутри нас, о котором говорил Кант. И то – звездное небо! Обнимаю Вас, сердечный привет и пожелания Августе Антоновне.

М.

...

115

23-го января 1939 г

Hôtel Innova..

.....Часто вижу в кинематографе Прагу, и всегда-как родной город, и еще чаще слышу ее по T. S. F-у (radio) – и всегда как родную речь и музыку. Это место, которое больше всего меня волнует – на всей карте. Недавно перечитывала Голема[1192] и сразу окунулась в тот мир туманов и видений, которым для меня осталась Прага. (Деревню я помню – сияющей, Прагу – сновиденной: цвета сна.)

Недавно – случайно – встретила одного своего приятеля – тех дней, и сразу почувствовала себя – на мосту, глядящей в воду.

Читали ли Вы что-нибудь Rosamond Lehman?[1193] Я – две вещи: Intempéries – и Poussière,[1194] и есть в Poussiere (да и в Intemperies) что-то от той меня, тех дней. Обе эти книги (да наверное – все ее) написаны – как будто не словами: как бы не написаны – а приснились. Я бы очень хотела, чтобы Вы их прочли, особенно Poussiere: что-то от радуги – и паутины – и фонтана (и меньше всего от пыли!) и – в конце концов – в ладони – горстка золы... ..

28-го февраля 1939 г

Hôtel Innova,

Дорогая Анна Антоновна! Неделю назад, а м. б. уже десять дней, отправила Вам большое письмо – с благодарностью: благодарностями. Повторю вкратце: и Рыцарь и жизнеописание его – дошли, и в последнем меня поразил... страх Рыцаря перед ласковостью льва. Не боявшийся чудовищ – кротости убоился. Сам Рыцарь – чудесен, и очень хорош формат: весь в высоту. Еще раз – огромное спасибо: не расстанусь до конца дней.

Любопытна легенда, повсеместно: и в баснях и в сказках и в рассказах первых путешественников – заставляющая льва жить в лесу и даже царить в нем, тогда как лев никогда в лесу не живет – только в пустыне – на всей свободе. Царь леса – тигр, и ласкового тигра бы и я испугалась. Жажду весны еще из-за зоологического сада: когда я долго не вижу (больших) зверей – у меня тоска, и уже был такой день со всеми блаженными дуновениями, когда мне дико – как зверю – захотелось к ним. Так же захотелось в зверинец, как зверям – из него... Вчера был исторический день[1195] – и до чего я не выношу истории и до чего ей предпочитаю (Ваш словарь, который я оценила) «басенки»... А слышали ли Вы кстати про новый (американский) танец: «la chamberlaine», [1196] который танцуют (кавалер – один) с зонтиком. Вчера слышала подробное и серьезное описание в T. S. F. – Очень надеюсь, что мое большое письмо дошло, стихи (сбежавшие!) пришлю в следующем. Отзовитесь! Ваш голос – неизменная радость. Обнимаю и горячо, горячо благодарю.

М.

22-го мая 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Надеюсь, что Вы сейчас настолько поправились, что без труда сможете прочесть мое письмо. [1197] Стараюсь писать ясно.

Все последнее время я очень много пишу, – уже целая маленькая отдельная книжка,
Страница 362

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и всё никак не могу кончить – да и жалко расставаться, столько еще осталось сказать хорошего – и верного. Стихи идут настоящим потоком – сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то – ручьи. Есть резкие, есть певучие, – и они сами пишутся. Очень много о драгоценных камнях – недрах земли – но и камни – живые! Зная, как Вы любите стихи, все время, пока пишу, пока они пишутся, о Вас думаю. Часто бываю в кинематографе, особенно люблю – видовые, и при виде каждой старой башни – опять Вас вспоминаю. Словом, мы с Вами – точно и не расставались, и поэтому мне особенно грустно, именно сейчас, Ваше молчание. Я понимаю, что при недомогании – трудно, но я письма и не прошу – только открыточку...

Не знаю, дошла ли до Вас (давно уже) моя благодарность за фотографию – она у меня вставлена в (старинную) рамку и висит над изголовьем, но так как карточка – узкая, а рамка широкая, я вставила еще одну фотографию – совсем недавнюю и безумно похожую: одно лицо: случайного человека на мосту. И окружила все это народными деревянными бусами, которые случайно нашла в здешнем Uni-Prîx – Вы же знаете как я люблю народное искусство. (NB! Я сама – народ.) Простите за все эти мелочи, но они – живые... ..

31-го мая 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Мы наверное скоро тоже уедем в деревню, [1198] далекую, и на очень долго. Пока сообщаю только Вам. Но где бы я ни была – я всю (оставшуюся) жизнь буду скучать по Вас, без Вас, которые для меня неразрывны с моим стихотворным потоком. Стихи я как раз сегодня получила в нескольких экземплярах) (машинка), сейчас (12 ч. ночи, Мур давно спит) буду править, а потом они начнут свое странствие. Аля уже получила, получит и Эдди, [1199] он ведь тоже любит стихи, как и ручьи, и леса. Так приятно доставить человеку радость! Получилась (бы) целая книжка, но сейчас мне невозможно этим заниматься. Отложу до деревни. Там – сосны, это единственное, что я о ней знаю. А помните рассказы из Вашего детства, как Вы уезжали из одной деревни – Вам не позволили взять с собой Вашу любимую (синюю, с цветами) шкатулку или коробку. Вы это рассказывали Але, а рядом Ваша мама играла Шопэна. Я все помню! Господи! Этому уже 14 лет (Мурины – 14!). А всего прошло – 17. И тоже был май.

У меня сейчас много работы и заботы: не хватает ни рук ни ног, хочется моим деревенским друзьям привезти побольше, а денег в обрез, надо бегать – искать «оказионов» или распродажу – и одновременно разбирать тетради – и книги – письма – ишивать Муру пуговицы – и каждый день жить. т. е. готовить – и т. д. Но – я, кажется, лучше всего себя чувствую, когда вся напряжена. И – отдых будет долгий: друзья мои живут в полном одиночестве, [1200] как на острове, безвыездно и зиму и лето. Барышня [1201] на работу ездит в город, а мне вовсе будет незачем. Вспоминаю мою деревню, как я в последнюю минуту побежала прощаться с кустом (верней, деревцем) можжевельника (кажется – NoHunderbaum – иль – busch), который меня всегда первый приветствовал наверху горы. А у нас сейчас мода (у меня всегда была!) деревенские пестрые платья: вся юбка в сборку, лиф – обтяжной, темно-синие, с цветочками. И куклы такие есть: нашла два ожерелья, себе и Але – «moraves» [1202] – и чувствую их Вашими. Свое ношу не снимая. – Что еще (сказать?) Радуюсь, что поправляетесь, лето зимы мудренее, время идет и пройдет. Вижу уже по почерку, я его отлично разбираю, хотя есть какая-то перемена. Безумно обрадовалась Вашей открытке, она пришла утром и была – как луч (из-под двери, п. ч. письма здесь просовывают под дверь). Я целый день ей радуюсь, и сейчас, перед сном, опять перечту – и буду с ней спать, под Вашей карточкой в рамке, с вашими бусами на шее. Это – всегда будет со мной: пока буду – я. Обнимаю, отзовитесь сразу, можете еще застать. Перед отъездом еще напишу, и бесконечно Вас люблю. Сердечный привет Августе Антоновне. Я тоже вспоминаю Рильке Mit dem heimatischen prosim. [1203] книги его – везу.

М.

7-го июня 1939 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогая Анна Антоновна! Пишу поздней ночью – или очень ранним утром. (Я так родилась – ровно в полночь: – Между воскресеньем и субботой – я повисла, птица вербная – На одно крыло – серебряная – На другое – золотая...[1204]) Это – мой последний привет. Все дни – бешеная переписка, и разборка, и укладка, и бешеная жара (бешеных собак), в обычное время я бы задыхалась, но сейчас я – и так задохнулась: всем – и, как йог – ничего не чувствую. Жалею Мура, который – от всего – извелся – не находит себе места – среди этого развала. Ну – скоро конец, а конец – всегда покой. (Конца – нет, п. ч. сразу – начало).

Спасибо за ободрение. Вы сразу меня поняли... .. но выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась, да и Муру в таком городе как Париж – не жизнь, не рост... – Ну – вот.

Спасибо за те тропинки детства, но и за другие не менее родные, спасибо – за наши. Тропинки, превратившиеся в поток – когда-нибудь – сам – докатится и до Вас: поток – всегда сам! и его никто не посылает – кроме ледника – или земли – или Бога... «Так и стою, раскрывши рот: – Народ! какой народ!»[1205] Но Вы мой голос – всегда узнаете.

Боже, до чего – тоска! Сейчас, сгоряча, в сплошной горячке рук – и головы – и погоды – еще не дочувствываю, но знаю что меня ждет: себя – знаю! Шею себе сверну – глядя назад: на Вас, на Ваш мир, на наш мир... Но одно знайте: когда бы Вы обо мне ни подумали – знайте, что думаете – в ответ. В моей деревне – тоже сосны, буду вспоминать тот можжевельный куст.

...Вы человек, который исполнил все мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня – никто не любил. Помню всё и за всё бесконечно и навечно благодарна. – Ответить не успеете, едем 10-го. подумайте о нас, и долго думайте – каждый день, много дней подряд. Желаю хорошего лета, отдыха, здоровья, тихих людей и хороших книг. Спасибо за Lawrens-Tochter, увожу, не расстанусь никогда. За всё спасибо, как только поправимся – напишу. А встреча – будет! Ваша всегда и навсегда.

М.

#11_13

12-го июня в еще стоящем поезде.

Дорогая Анна Антоновна! (Пишу на ладони, потому такой детский почерк.) Громадный вокзал с зелеными стеклами: страшный зеленый сад – и чего в нем не растет! – На прощание посидели с Муром, по старому обычаю, перекрестились на пустое место от иконы (сдана в хорошие руки, жила и ездила со мной с 1918 г. – ну, когда-нибудь со всем расстанешься: совсем!). А это – урок, чтобы потом – не страшно – и даже не странно – было...) кончается жизнь 17 лет. Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни – это – запомните! – Мокропсы и Вшеноры, и еще – та моя родная гора. Странно-вчера на улице встретила ее героя,[1206] которого не видала – годы, он налетел сзади и без объяснений продел руки под руки Мура и мне – пошел в середине – как ни в чем не бывало. И еще встретила – таким же чудом – старого безумного поэта с женою[1207] – в гостях, где он год нэ был. Точно все – почуяли. Постоянно встречала – всех. (Сейчас слышу, гулко и грозно: Express de Vienne[1208]... и вспомнила башни и мосты которых никогда не увижу.) Кричат: – En voiture, Madame![1209] – точно мне, снимая меня со всех прежних мест моей жизни. Нечего кричать – сама знаю. Мур запасся (на этом слове поезд тронулся) газетами. –

– Подъезжаем к Руану, где когда-то людская благодарность сожгла Иоанну д'Арк. (А англичанка 500 лет спустя поставила ей на том самом месте памятник.) – Миновали Руан – рачьте дале! – Буду ждать вестей о всех вас, передайте мой горячий привет

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
всей семье, желаю вам всем здоровья, мужества и долгой жизни. Мечтаю о встрече на Муриной родине, которая мне роднее своей. Обращиваюсь на звук ее – как на свое имя. Помните, у меня была подруга Сонечка, [1210] так мне все говорили: «Ваша Сонечка». – Уезжаю в Ваше ожерелье и в пальто с Вашими пуговицами, а на поясе – Ваша пряжка. Все – скромное и безумно-любимое, возьму в могилу, или сожгусь совместно. До свидания! Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба. Обнимаю Вас и всех ваших, каждого в отдельности и всех вместе. Люблю и люблюсь. Верю как в себя.

М.

ГУЛЮ Р. Б
Мокропсы, 12-го нового декабря 1922 г.

Милый Гуль,

Простите, забыла Ваше отчество, непременно сообщите. Посылаю Вам три стиха: «Река» и два «Заводские», последние неделимы, непременно должны идти вместе, для Вашего «Железного века» они, очевидно, длинны, – берите «Реку». [1211] Может быть во 2 номер бы вместились? Словом, смотрите сами. Очень бы мне хотелось, чтобы Вы пристроили их теперь же. У меня столько стихов разослано, – и в Польшу, и в Париж, – все просят – а пошлешь – как в прорву: устала переписывать. Гонорар, если сумеете выцарапать таковой (а это куда трудней, по-моему, чем писать, переписывать, набирать, брошюровать и т. д.!) – передайте, пожалуйста, Глебу Струве: моя страстная мечта – немецкие Bergschuhe, [1212] и жена Струве была так мила, что обещала мне их купить, если будут деньги. Посылала на этот предмет и Глебу Струве стихи – для «Романтического Альманаха».

Простите, что так тяжеловесно вступаю в письмо (ибо письмо – путь!), помню, что одна из моих главенствующих страстей – ходьба – и Ваша страсть, поэтому надеюсь не только на Ваше прощение, но и сочувствие (Bergschuh'ам!).

– Дружочек, мне совсем не о гонорарах и сапогах хотелось бы Вам писать, мы с Вами мало дружили, но славно дружили, сапоги и гонорары – только для очистки моей деловой совести, чтобы ложась нынче в 3-ем или 4-ом часу в. кровать (на сенной мешок, покрытый еще из советской России полосатой рванью!), я бы в 1001 раз не сказала себе: снова продала свою чечевичную похлебку (Bergschuhe!) за первенство (Лирику!).

Еще два слова о стихах. 1) Умоляю, правьте корректуру сами. 2) Будьте внимательны к знакам, особенно к тире – (разъединительным и – соединительным). 3) В 1 стихотворении «Заводские» – в строчке «В надышанную сирость чайное» – непременно вместо СИРОСТЬ напечатают СЫРОСТЬ, а это вздор. В 6-ом четверостишии третья строка перерублена:

Окончания.

– Всем песням насыпь.

Так и быть должно. Во втором стихотворении прошу проставить ударение: Труднодышашую, ё в слове ошмёт, Тот с большой буквы. Стихотворение «Река». В первой строчке 5-го четверостишия непременно ГОРНИЙ, а не ГОРНЫЙ. Потом, один раз: «в ГОРДЫЙ час трубы», другой раз: «в ГОЛЫЙ час трубы», чтоб не перепутали. Наконец, в этом же стихотворении (последняя строка, первое четверостишие) заклинаю: курсивом слова: ТОЙ... и: ТОТ. Оба подчеркнуты. И оба с маленькой буквы.

Предвосхищаю, поскольку могу, все опечатки. У меня очень ясно написано, но у меня роковая судьба.

Читала в Руле, что вышла моя «Царь-девица». Голубчик, не могли ли бы Вы деликатным образом заставить моего издателя Соломона Гитмановича Каплуна прислать мне авторские экземпляры). Геликон[1213] мне давал 25, хорошо бы раньше узнать, сколько обычно дает Каплун («Эпоха»). Получив, тотчас же вышлю Вам, клянусь Богом, что между услугой, о которой прошу, и обещанием – никакой связи, кроме внешней: подарю Вам также свое «Ремесло», когда выйдет (???), [1214] – я помню, как Вы тогда всем существом слушали стихи: так же, как я их писала.

О себе в этом письме не хочется писать ничего, напишу Вам отдельно. Скажу только, что кончаю большую вещь (в стихах), которую страстно люблю и без которой осиротею.[1215] Пишу ее три месяца. Стихи писала всего месяц – летом – потом обуздала себя и вот за три месяца ни одного стиха, иначе большая вещь не была бы написана. Не пишу Вам ее названия из чистого (любовного) суеверия. Пока последняя точка не будет поставлена –

Очень беспокоюсь о своем «Ремесле», Геликон молчит как гроб: не прогорел ли? Посылала ему стихи для «Эпопеи» – то же молчание.[1216] Вообще, у меня в Берлине, с отъездом Л. Е. Чириковой, нет друзей: никого.

Берлинских стихов сейчас печатать не буду: тошно! Это еще не переборотая слабость во мне: отвращение к стихам в связи с лицами (никогда с чувствами, ибо чувства – я!) – их вызвавшими. – Так что не сердитесь. Если Вам этот стих (с казармами) мил, пришлю Вам его в следующем письме, только не печатайте.

Прозы у меня сейчас готовой (переписанной) нет, есть записные книги (1917–1920 г.) не личного, но и не общественного характера: мысли, наблюдения, разговоры, революционный быт, – всякое. Геликон очень их просил у меня для отдельной книги. Напишите подробнее: какая проза? Куда? И верное ли дело? Тогда бы прислала, только не сейчас. – Шлю Вам привет, спасибо, что вспомнили. Пишите о себе: жизни и писаниях.

Сереза и Аля шлют привет.

МЦ.

Приписка на полях:

Praha VIII

Liben Swobodarna

M-r Serge Efron (для МЦ.)

Мокропсы, 21-го нового декабря 1922 г.

Дорогой Гуль,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вот Вам Царь-Девушка с 16-ью опечатками – и письмо к Каплуну. Если найдете возможным – передайте лично («с оказией», не говорите, что прислано на Ваше имя), если нет – отправьте почтой, непременно заказным, чтоб потом не отговаривался. Деньги на марку (ибо знаю, что их у Вас нет, ибо Вы порядочный человек) Вы может быть возьмете из гонорара за «Заводские» (если приняты).

Теперь, следующее: если Каплун наотрез откажется (письмо прочтите!) – нельзя ли будет поместить мой перечень опечаток в ближайшем № «Русской Книжки». Можно – чтобы не ожидать Каплуна – 1) не упоминать издательства, просто «Царь-Девушка», 2) в крайнем случае – взять вину на себя: «книжка шла без моей корректуры».

УЛОМАЙТЕ или УМОЛИТЕ Ященьку!

Можно сделать и по-другому, по-ященьковски: автобиография под углом опечаток, очень весело, – блистательно! Некий цветник бессмыслиц. (У меня – сокровищница, особенно из времен советских!) и кончить «Царь-Девушкой». [1217]

Кстати, прочла во вчерашнем Руле отзыв Каменецкого: умилилась, но – не то! Барокко – русская речь – игрушка – талантливо – и ни слова о внутренней сути: судьбах, природах, героях, – точно ничего, кроме звону в ушах не осталось. – Досадно! –

Не ради русской речи же я писала!

Если знакомы с Каменецким – ему не передавайте, этот человек явно хотел мне добра, будьте другом и не поселите вражды.

Посылаю одновременно и книгу для Пастернака, простите за хлопоты, – видите, как трудно со мной дружить! [1218]

Жду скорейшего ответа. Вы Ященьку знаете, а я нет: вдруг он не только откажется, но еще и будет смеяться надо мной с Каплуном.

Тогда я буду посрамлена.

– Будьте осторожны. –

Милый Гуль, еще не поздно со мной раздружиться: это меня нисколько не обидит, а Вас, может, освободит от многой лишней возни, – пока я в Праге, а Вы в Берлине. (Простите за «я» на 1-ом месте, иначе фраза не звучит!)

Жму руку.

МЦ.

Приписка на полях:

Адрес: Praha II

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Vyšhegradska 16

Městski Hudobinec

P. S. Efron (МЦ.)

Мокропсы, 4/17-го января 1923 г.

Дорогой Гуль,

Так как Вы мне больших писем не пишете, я решила писать Вам маленькие открыточки. – Хороша Прага?[1219] – К сожалению, я живу в Мокропсах (о, насмешка! – Горних!) Спасибо за письмо, хотя маленькое и на ремингтоне: люблю большие и от руки. – Дошла ли до Вас, наконец, моя Царь-Деввица? Были посланы две, – вторая Пастернаку. Чтó он? Все спрашиваю о нем приезжающих, – никто не видел.

Спасибо за устройство стихов. Как встречали Новый Год? Мы дважды – и чудесно.

Ну, жду обещанного письма! – Да, Эренбурга ни о чем, касающемся меня, не просите, мы с ним разошлись! Привет.

МЦ.

Мокропсы, 9-го нового февраля 1923 г.

Мой милый и нежный Гуль!

(Звучит, как о голубе.)

Две радости: Ваше письмо и привет от Л. М. Эренбург, [1220] сейчас объясню, почему.

Летом 1922 г. (прошлого!) я дружила с Эренбургом и с Геликоном. Ценности (человеческие) не равные, но Геликона я любила, как кошку, Эренбург уехал на море, Геликон остался. И вот, в один прекрасный день, в отчаянии рассказывает мне, что Эренбург отбил у него жену. (Жена тоже была на море.) Так, вечер за вечером – исповеди (он к жене ездил и с ней переписывался), исповедь и мольбы всё держать в тайне. – Приезжает Эренбург, читает мне стихи «Звериное тепло», [1221] ко мне ласков, о своей любви ни слова! Я молчу. – Попеременные встречи с Эренбургом и с Геликоном. Узнаю от Геликона, что Эренбург продает ему книгу стихов «Звериное тепло». Просит совета. – Возмущенная, запрещаю издавать. – С Эренбургом чувствую себя смутно: душа горит сказать ему начистоту, но, связанная просьбой Геликона и его, Эренбурга, молчанием – молчу. (Кстати, Эренбург уезжал на море с головой-увлеченной мной. Были сказаны БОЛЬШИЕ слова, похожие на большие чувства. Кстати, неравнодушен и ко мне был и Геликон).

Так длилось (Эренбург вскоре уехал) – исповеди Геликона, мои ободрения, утешения: книги не издавайте, жены силой не отнимайте, пули в лоб не пускайте, – книга сама издастся, жена сама вернется, – а лоб уцелеет. – Он был влюблен в свою жену, и в отчаянии.

Уезжаю. Через месяц – письмо от Эренбурга, с обвинением в предательстве: какая-то записка от меня к Геликону о нем, Эренбурге, найденная женой Геликона в кармане последнего. (Я почувствовала себя в помойке.)

Ответила Эренбургу в открытую: я не предатель, низости во мне нет, тайну Геликона я хранила, п. ч. ему обещала, кроме того: продавать книгу стихов, написанных к чужой жене – ее мужу, который тебя и которого ты ненавидишь – низость. А молчала я, п. ч. дала слово.

Эренбург не ответил и дружба кончилась: кончилась с Геликоном, который после моего отъезда вел себя со мной, как хам: на деловые письма не отвечал, рукописей не слал и т. д. – «Тепло», конечно, издал.

Так, не гонясь ни за одним, потеряла обоих.

Привет от Л. М. Эренбург меня искренне тронул: убежденная, что и она возмущена моим «предательством», я ей ни разу дне писала. Она прелестное существо. К любви Эренбурга (жене Геликона) с первой секунды чувствовала физическое (неодолимое!) отвращение: живая плоть! Воображаю, как она меня ненавидела за: живую душу! Все это. Гуль, МЕЖДУ НАМИ.

Только что кончила большую статью (апологию) о книге С. Волконского «Родина». Дала на прочтение в «Русскую Мысль», если Струве не примет – перешлю Вам с мольбой пристроить. Книга восхитительная, о ней должно быть услышано то, что я сказала. Пока усердно не прошу, п. ч. еще надеюсь на Струве. Статья в 22 страницы большого (журнального) формата, приблизительно 11/6 печатаного) листа в 40 тысяч букв. На урезывание не согласна: писала как стихи.

Готовлю к апрелю книгу прозы (записей).[1222] Вроде духовного (местами бытового) дневника. Геликон, читавший в записных книгах, когда-то рвал ее у меня из рук. Необходимо подготовить почву, – кто возьмет? Если увидите с Геликоном – оброните несколько слов, не выдавая тайны. Мне ему предлагать – невысказано. Думаю кончить ее к 20-ым числам апреля. Если бы нашелся верный издатель, приехала бы в начале мая в Берлин. Словом, пустите слух. Книга, думаю, не плохая. – Тогда бы весной увиделись, погуляли, посидели в кафе, я бы приехала на неделю – 10 дней, Вы бы со мной слегка понянчились.

Совсем ничего не знаю о «Веке Культуры», купившем у меня книгу стихов «Версты» I (т. е. купили «Огоньки»[1223] и перепродали в Данциг). В Берлине ли издатель? Очень, очень прошу сообщить мне его адрес!

Bergschuhe (милый, что помните!) – увы! – пролетели. Деньги тогда залежались, потом цены вздорожали. Куплю, когда приеду. Пока хожу в мужских башмаках, – здесь как на острове!

Привезу весной и свою рукопись «Молодец». И стихи есть, – целых четыре месяца не писала.

Ваше отвращение к Н. А. Бердяеву я вполне делю. Ему принадлежит замечательное слово: «У Вас самой ничего нет: неразумно давать». (Собирали на умирающего – мох и вода! – с голоду М. Волошина, в 1921 г., в Крыму.) Чувствую, вообще, отвращение ко всякому национализму вне войны. – Словесничество. – В ушах навязло. Слова «богоносец» не выношу, скриплю. «Русского Бога» топлю в Днепре, как идола.

Гуль, народность – тоже платье, м. б. – рубашка, м. б. – кожа, м. б. седьмая (последняя), но не душа.

Это все – лицемеры, нищие, пристроившиеся к Богу, Бог их не знает, он на них плюет. – voilà[1224] –

В Праге профессор Новгородцев[1225] читает 20-ую лекцию о крахе Западной культуры, и, доказав (!!!) указательный (перст: Русь! Дух! – это помешательство. – Что с ними со всеми? Если Русь – переходит границу, иди домой, плетись.

А у нас весна: вербы! Пишу, а потом лезу на гору. Огромный разлив реки: из середины островка деревьев. Грохот ручьев. Русь или нет, – люблю и никогда не буду утверждать, что у здешней березы – «дух не тот». (Б. Зайцев, – если не написал, то напишет.) Они не Русь любят, а помещичьего «гуся» – и девок.

Я скоро перестану быть поэтом и стану проповедником: против кривизн. Не: не хочу людей, а не могу людей, повторяя чью-то изумительную формулу: je vomis mon prochain.[1226]

Очень радуюсь Вашему отзыву,[1227] куда меньше – айхенвальдовскому. Я не знала, что Каменецкий в Руле – он. Я думала, он зорче. Это любитель письменности, не любовник! Но любопытно прочесть, у меня с ним по поводу Царь-Девы был любопытный часок. Когда-нибудь расскажу. У Кончаю, пишите чаще и больше. Как ваш друг? Поправляется ли? Выходит ли Ваша книга об эмиграции?[1228]

Не забудьте, что история с Эренбургом и Геликоном – между нами.

Крепко жму руку, привет от Сережи и Али. – Спасибо. –

МЦ.

Приписка на полях:

Получила от Пастернака книгу.[1229] прочла раз и пока перечитывать не буду, иначе напишу, и Вам придется помещать.

Praha II

Vyšehradská, 16

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Mèstsky Hudobinec

M-r S. Efron

(для МЦ.)

Мокропсы, 17-го нового февраля 1923 г.

Милый Гуль,

Отправляю одновременно письмо к Геликону: получила от него покаянную телеграмму (сравнимо только с объяснениями в любви по телефону!) – и по свойственному мне мужскому великодушию и женской низости – пожалела, т. е.: спросила в упор 1) хочет ли он еще эту книгу 2) сколько – применительно к кронам – заплатит за лист 3) когда издаст. Предупредила, что есть возможность другого издателя и что не настаиваю ни на чем, кроме быстрого ответа.

А Вам на Ваши вопросы отвечаю следующее:

1) книга записей (быт, мысли, разговоры, сны, революционная Москва, – некая душевная хроника) 2) объединена годами (от 1917 г. по конец 1918 г.) и моей сущностью: ВСЁ, В ИТОГЕ, ПРИХОДИТ К ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ 3) от 4 до 5-ти печатных листов (в пресловутых 40 тысяч букв лист), но сама книга выйдет больше, ибо много коротких записей, часто начинаю с красной строки. Вообще необходимо некое бумажное приволье.

Цен не знаю абсолютно, но хотела бы, чтобы плата за книгу и на чешском языке что-нибудь значила. Т. е.: хорошо бы издатель определил в кронах, независимо от срока заключения договора и тех или иных колебаний германской марки. – Вам ясно? – Сколько бы он сегодня дал в марках, переведенных на кроны? И за эти кроны держаться. (Это не значит, что я прошу чешской расценки, это немисливо, кроны – некий критерий.)

Прожду геликонова ответа дней семь-восемь, – засим уполномочиваю Вас вступить в переговоры. (Извещу срочно.)

Книга готова будет – самое раннее – к началу апреля. Раньше не берусь. (К первым числам.) Но если дело наладится, пришлю несколько тетрадей на просмотр.

Итог: если это удобно, понаведаетесь сейчас (это полезно и для переговоров с Геликоном) – если не удобно – ждите моего ответа, точного и срочного.

– Милый Гуль, я Вам очень надоела?

Как я жалею, что Вы сейчас в Берлине! Не здесь! (Я ведь помню Вашу страсть к просторам!) Я сегодня полдня была на горе, еще рыжей от осеннего листа (некоторые деревья так и простояли!) Нет чувства, что была зима: очень долгое северное лето. А теперь все начинается: начало, которому не предшествовал конец! И буйно начинается: два ветра, ледяной и летний, с ног сбивает!

Гуль, непременно, хоть раз, когда я буду в Берлине, мы с Вами поедем за город –
Страница 371

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
на целый день!

Я страшно радуюсь своему приезду. (Приеду, очевидно, раньше мая.) Дней на десять.

А пока привет и робкая просьба не сердиться.

МЦ.

Мокропсы, ночь с 5-го на 6-ое новое марта 1923 г.

Мой милый Гуль,

Спасибо нежное за письмо. «Новую Русскую Книгу» получила, за отзыв благодарить было бы нескромностью, – не для меня же, но не скрою, что радовалась.

Два слова о делах. Геликон ответил, условия великолепные... но: вне политики. Ответила в свою очередь. Москва 1917 г. – 1919 г. – что я, в люльке качалась? Мне было 24–26 лет, у меня были глаза, уши, руки, ноги: и этими глазами я видела, и этими ушами я слышала, и этими руками я рубила (и записывала!), и этими ногами я с утра до вечера ходила по рынкам и по заставам, – куда только не носили!

ПОЛИТИКИ в книге нет: есть страстная правда: пристрастная правда холода, голода, гнева, Года! У меня младшая девочка умерла с голоду в приюте, – это тоже «политика» (приют большевистский).

Ах, Геликон и К°! Эстеты! Ручек не желающие замарать! Пишу ему окончательно, прошу: отпустите душу на покаяние! Пишу, что жалею, что не он издаст, но что калечить книги не могу.

В книге у меня из «политики»: 1) поездка на реквизиционный пункт (КРАСНЫЙ), – офицеры–евреи, русские красноармейцы, крестьяне, вагон, грабежи, разговоры. Евреи встают гнусные. Такими и были. 2) моя служба в «Наркомнаце» (сплошь юмор! жутковатый). 3) тысяча мелких сцен: в очередях, на площадях, на рынках (уличное впечатление от расстрела Царя, например, рыночные цены, – весь быт революционной) Москвы. И еще: встречи с белыми офицерами, впечатления Октябрьской Годовщины (первой и второй), размышления по поводу покушения на Ленина, воспоминания о некоем Каннегиссере (убийце Урицкого). Это я говорю о «политике». А вне – всё: сны, разговоры с Алей, встречи с людьми, собственная душа, – вся я. Это не политическая книга, ни секунды. Это – живая душа в мертвой петле – и все-таки живая. Фон – мрачен, не я его выдумала.

Если увидите с Геликоном – спросите: берет ли. Боюсь, опять сто лет протянет с ответом. Если не возьмет – Манфреду. [1230] Геликон давал 11/2 фунта, – жаль, – но что делать! Если Геликон не берет, сговаривайтесь с Манфредом. Старайтесь 3 доллара, говорите – меньше не согласна. Книга будет ходкая, ручаюсь.

и – НЕПРЕМЕННО – 1) корректуру 2) лист с опечатками, не вкладной, а на последней странице 3) никаких рисунков на обложке, – чисто. Но об этом еще спишемся.

«Ремесло» пришлю, как только получу от Геликона. (Пока получила только пробный экземпляр.)

О «плоти» в следующем письме. Молчащая плоть, – это хорошо. Но обычно она вопиет. У меня в Ремесле стих есть:

«Где плоть горластая на нас: добей!»[1231]

– Прочтете. –

МЦ.

До свидания, мой милый, нежный Гуль. Мне сегодня вечером (31/2 ч. утра!) хочется с Вами поцеловаться.

Приписка на полях:

«Стругов» еще нет, – хорошо бы!

Мокропсы, 11-го нового марта 1923 г.

Мой дорогой Гуль!

Мои мысли «в великом расстрой» (так мне однажды сказала цыганка на Смоленском, – прогадала ей последнюю тыщонку!)

Уезжает мой поэт – из всех любимых – Пастернак, конечно – и я даже не могу поехать к нему проститься: нет умирающего родственника в Берлине, и к 18-му не выдумаешь.[1232] Я в большой грусти (видите, умею, и чаще и пуще, чем думаете! Это я о Вашем отзыве говорю!) – и у меня единственное утешение 1) что это всю мою жизнь так 2) «Gesprache mit Goethe[1233]» Эккермана. Эту книгу я умоляю Вас купить на прилагаемую «валюту» и передать Пастернаку до его отъезда. (Уезжает 18-го, так пишет.)

Думаю, есть много изданий. У меня в Москве было чудесное, Вы сразу узнаете: увесистый том, великолепный шрифт (готический), иллюстрации (Веймар, рисунки Гёте и т. д.). Я бы не знала как просила Вас разыскать именно это, это отнюдь не редкость, издание не старинное. Меньше всего я бы хотела Reclam-Ausgabe[1234] (вроде нашей Универсальной). Думаю, ведь можно в магазинах по телефону справиться?

Essckermann Gespräche mit Goethe. Книга должна быть большая, есть выдержки, это не имеет смысла.

Очень хотелось бы мне еще ему старого Гёте, хороший портрет. Есть такие коричневые – не гравюры, но вроде. Но не знаю, хватит ли денег. (Около 15 германских тысяч, кажется?) Во всяком случае – Эккерман на первом месте. Если бы – совершенно не знаю Ваших цен – денег не хватило, умоляю, доложите из своих. Верну тотчас же.

Еще: ничего не знаю о Пастернаке и многое хотела бы знать. (МЕЖДУ НАМИ!) Наша

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
переписка – ins Vlaue, [1235] я всегда боюсь чужого быта, он меня большей частью огорчает. Я бы хотела знать, какая у Пастернака жена («это – быт?!» Дай Бог, чтобы бытие!), что он в Берлине делал, зачем и почему уезжает, с кем дружил и т. д. Что знаете – сообщите.

И – непременно – как передавали книгу, что он сказал, были ли чужие. Самое милое, если бы Вы отвезли ему ее на вокзал, тогда бы я знала проводы. Но 1) просить не смею (хотя для Вас, писателя, такой отъезд любопытен: человек уезжает от «хорошей жизни», стоит задуматься!) 2) может быть у Вас привычка опаздывать на вокзал? Тогда мой Эккерман провалится! – Нужно было бы точно узнать время поезда.

Передавая, скажите только, что вот я просила... Можете не говорить что (название книги), я всегда боюсь смущения другого, некой неизбежной секунды НЕЛЕПОСТИ в комнате. Вокзал для всяких чувств благоприятней (видите, какая я лисица!)

И, чтобы кончить об этом (во мне-то – только начинается!), милый Гуль, не откладывайте! Отсылаю письмо 12-го (в понедельник), дойдет не раньше 16-го, у Вас всего один день на всё. Буду ждать Вашего ответа больше, чем с нетерпением, меньше, чем с испуганием, что-то среднее, но с меня хватит.

Вторая печаль (следствие) – осточертела книга. [1236] С 9-го (день, когда узнала об отъезде) бросила, рука не тянется. Страшно огорчена: все время гуляю: проскваживаю на мокропсинских горах голову и сердце! Но пишу стихи – опять засоряются. Мутит меня и Геликон (наглец!) не отвечая, берет или нет. Но все-таки, конечно, переборю и примусь. Книга любопытная, очень ясны две стихии: быт (т. е. Революция) и БЫТИЕ (я). Не сочтите за наглость – бытие, это то, как должно быть, нужно же хоть один угол в мире – неискаженный!

А Ваш Манфред – как? Не боится «белогвардейщины»? Черной сотни в книге нет, но есть белое бешенство. В России (если большевики не окончательно об'овчели (овца) – навряд ли пропустят. А куда-нибудь в Болгарию отдавать – они всю Психею (меня то есть) выбросят. – Затрудняюсь. –

Ну, Гуль мой дорогой, до свидания. Читали ли Вы «Родину» Волконского? У меня о ней большая статья где-то гуляет, м. б. Глеб Струве возьмет в «Русскую Мысль». Если увидите «Родину» – прочтите, это ЧУДЕСНАЯ книга, такой нет второй.

Геликон, наглец, «Ремесло» не шлет, свой единственный экземпляр я отослала Пастернаку в дорогу. Как только получу – первая книга Вам. В следующем письме напишу Вам об одном своем невеселом и невольном жульничестве, – сама удивлена.

Ради Бога, подробно и поскорее – о книге и об отъезде.

Ваша неустанная просительница

МЦ.

Приписка на полях:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В КРАЙНЕМ случае берите Reclam-Ausgabe, хотя все сделайте, чтобы достать хорошее издание.

Адрес: Пастернака: Berlin – W. 15 Fasanenstrasse 41III в/в. Versen.

Мокропсы, 28-го нового марта 1923 г.

Дорогой Гуль,

Это письмо Вы получите через Катерину Исааковну Еленеву, мою приятельницу и сподвижницу по Мокропсам.

Очень рада была бы, если бы вы друг другу понравились. Это возможно, ибо мне – вы нравитесь оба.

Посылаю Вам «Ремесло». И нежную благодарность за Эккермана. Ваше письмо прочла поздно вечером на станции, под фонарем. Душа закипела от Вашей любви к быту: моя извечная ненависть! За прочность в мире тоже не стою. Где прочно – там и рвется. (Это я, впрочем, из злобы!)

О книге: сейчас не пишу, думаю – бросила на все лето. Сейчас погибаю от стихов: рук не хватает!

Пишу в грозу, – первую, почти в темноте: от молнии до молнии!

Книгу (возвращаясь к делам) закончу к осени. Если раньше – пришлю.

– Гуль, я не люблю земной жизни, никогда ее не любила, в особенности – людей. Я люблю небо и ангелов: там и с ними бы я умела.

Если что и люблю здесь – то отражения (если принимать их за сущность, получается: искажения). Это я Вам пишу, чтобы Вы со мной раздружились, потому что я люблю, чтобы меня любили из-за меня самой, – не терплю заместителей! (Себя – в толковании другого!)

Спешу. Кончаю. Убеждена, что не раздружитесь. Не сердитесь за волокиту с книгой, – здесь виновны стихи (Весна и стихи!)

МЦ.

Прага, 27-го нового мая 1923 г.

Милый Гуль,

Вы не ответили мне на мою записочку и на «Ремесло», но я кажется не ответила Вам на последнее письмо, так что мы квиты. Теперь слушайте внимательно.

Я снова принялась за книгу и скоро ее кончу. Теперь целый ряд вопросов,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
требующих самых точных ответов.

- 1) Жив ли еще Манфред?
- 2) Не подался ли сильно влево?
- 3) Возьмет ли он книгу в 450 (большого, журнального формата) страниц? Не разъединяя ее на два тома. (Есть свои причины.)
- 4) Сколько это будет печатных листов и, посему, долларов?
- 5) Может ли он мне обещать (на бумаге!) корректуру не только типографскую, но и ремингтонную. (Рукопись у меня с обеих сторон листа, и переписка на ремингтоне необходима.)
- 6) Могу ли я, по отпечатании издательством на ремингтоне, получить обратно свою рукопись, по которой и буду проверять, ибо многое у меня – из черновых тетрадей, может статься, что и не замечу пропуска.
- 7) Во скольких экземплярах он собирается выпускать? Я продам на одно издание, не на столько-то лет.

Вот, Гуль, вопросы. Ответы на них необходимы, иначе нет пороку доканчивать работу.

Книга моя будет называться «Земные Приметы», и это (весна 1917 г. – осень 1919 г.) будет I т... За ним последует II т. – Детские Записки – который может быть готов также к осени. Теперь слушайте еще внимательнее, это важно.

«Земные Приметы» I т. (1917–1919 г.) то, что я сейчас переписываю – это мои записи, «Земные Приметы» II т. (1917–1919 г.) – это Алины записи, вначале записанные мной, потом уже от ее руки: вроде дневника. Такой книги еще нет в мире. Это ее письма ко мне, описание советского быта (улицы, рынка, детского сада, очередей, деревни и т. д. и т. д.), сны, отзывы о книгах, о людях, – точная и полная жизнь души шестилетнего ребенка. Можно было бы воспроизвести факсимиле почерка. (Все ее тетрадки – налицо.)

Возьмет ли такую книгу Манфред? Пойдет она под моим именем: «Земные Приметы». Т. II (Детские записи).

Если Манфред не возьмет, издам просто, как «Детские Записи», чтобы не путать.

Эта книга будет меньше той, страниц 250, думаю. Хотела сначала поместить в одном томе, но 450 моих + 250 Алиных, – это уже идет в безмерное и не умещается не только в сердце, но и в руках.

Расскажите все это Манфреду, но расскажите как следует, чтобы он ясно понял, в чем дело. Меня эта неопределенность мучит: работа (переписка) трудная и нудная, у меня плохое зрение, кроме того хочется писать стихи, и если все это так, впустию – руки опускаются!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Книга, Гуль, не черносотенная, она глубоко-правдива и весьма противоречива: отвергнутая в Госиздате, она так же была бы отвергнута в издательстве Дьяконовой.[1237] (Черносотенном?) Это книга живой жизни и правды, т. е. политически (т. е. под углом лжи!) заведомо проваливается. В ней есть очаровательные коммунисты и безупречные белогвардейцы, первые увидят только последних, и последние – только первых. Но Манфред не прогорит, это ему скажите. На эту книгу набросятся из дурного любопытства: как читают чужие письма. «Тираж» обеспечен и ругань критики тоже. И то и другое издательствам не во вред.

Итак, милый Гуль, ответьте мне по всем моим пунктам. Не пишите: приедете – увидите. Это мне не годится. Так ни за что не поеду, мне в Берлине нечего делать, а в Праге – весьма много. Передо мной лето, т. е. отсутствие плиты, т. е. свобода, надо употребить его во благо.

Рукопись (I т. «Земных Примет») для переписки на ремингтоне могла бы представить через 2 недели, максимум – три. Ведь переписать 450 стр. на ремингтоне (это, кажется, называется не ремингтон? Машинка?) – тоже не день, особенно с моими знаками, красными строками и пропусками.

Да, еще: обложка – без картинки! Только буквы. Настаиваю. Земные приметы мои все внутри, внешних не надо.

Переписываюсь с Л. М. Эренбург, которую люблю нежно. Слышала о новой книге Эренбурга, еще не читала.[1238] Единственное, что читаю сейчас – Библию. Какая тяжесть – Ветхий Завет! И какое освобождение – Новый!

Месяц писала стихи и была счастлива, но вид недоконченной рукописи приводит в уныние. Пришлось оторваться. К осени у меня будет книга стихов, в нее войдут и те, что я Вам читала в Берлине. Как Геликон? Не уехал ли в Россию? Не слыхали ли чего о Пастернаке? Кто из поэтов (настоящих) в Берлине? Читали ли «Тяжелую Лиру» Ходасевича и соответствует ли ей (если знаете) статья в «Современных Записках» Белого?[1239] – Что Вы сами делаете? Вышла ли Ваша книга? – Вот видите, сколько вопросов!

(да! NB! 450 стр... Страницу я считаю приблизительно) 32–34 строчки, причем в каждой, в среднем, думаю, 42 буквы. – Много коротких строк!)

Пишите обо всем. Шлю привет.

МЦ.

Адрес: Praha II

Vyšehradská třída 16

Městský Chudobinec, – S. Efron (мне.)

Мокропсы, 27-го июня 1923 г.

Дорогой Гуль,

Вчера получила и вчера прочла. О «В рассеянии сущих» – жаль, что Вы в Берлине, а не в Праге, ибо книга, за некоторыми лирическими отступлениями, написана

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Берлином, а не Вами.

Здесь таких людей нет. Здесь молодость, худоба и труд. Здесь любовь и долг.
Здесь жертва и вера. Здесь нет сытости.

Впрочем, есть – но исключительно среди «земгорцев» (эсерово!) Горцы земли, горцы
– равнины, предпочитаю горцев высот!

Здесь старые и молодые профессора, старые и молодые студенты, и первые и вторые,
и третьи и четвертые – работают из кожи. Для них Мессия – есть, Бог – есть, черт
– есть.

Гуль, Вы заслуживаете лучшего, чем та гниль и слизь, которые Вас окружают, Вы не
существо Nacht Local'ов, [1240] я Вас причисляю к Романтикам – сначала
Контр-Революции, потом – Революции; если книга автобиографична – мне жаль Вас.
Где Вы нашли таких уродов??? Почему Вы не писали – себя, душу, живую жизнь в
Берлине? Я не верю, что это – Вы.

Есть хорошие места, хорошие мысли. Везде, где Вы один с природой, с любовью, с
собой. Но в общем книга, несмотря на основную накипь ее, тяжелая – м. б.
благодаря накипи как основе?

Я рада, что Вы ее не любите.

Ах, да! Помните спор о кровном и о рубашке? Так вот, Гуль, то, что для буржуа –
рубашка, то для Романтика – кровь. Зачем таких белых? Бог и честь для буржуа
рубашка, согласна, но кроме буржуа, – ничего нет у белых? Гуль, есть белые без
рубашки, таких берите в противники, таких (если можете!) судите, – с буржуазией
справляться – слишком легко!

О «Поле в Творчестве». Первая часть для меня целиком отпадает, вторую на две
трети принимаю.

«Божественная Комедия» – пол? «Апокалипсис» – Пол? «Farbenlehre» [1241] и «Фауст»
– пол? Весь Сведенборг [1242] – пол?

Пол, это то, что должно быть переборото, плоть, это то, что я отрясаю.

Und diese himmelschen Gestalten

Sie fragen nicht nach Mann und weib [1243]

Основа творчества – дух. Дух, это не пол, вне пола. Говорю элементарные истины,
но они убедительны. Пол, это разрозненность, в творчестве соединяются
разрозненные половины Платона.

Если пол, – то что же ангелы? А разве ангелы не – (не ангелы в нас!) творят?!

Пол, это 1/2. – формула.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О Белом и Гоголе – согласна. Об отсутствии любовного Эроса – согласна. О
призрачности и неубедительности героинь – согласна. О звукописи – согласна.
Раньше была и цветопись, но такая же от всего оторванная и... жуткая, как ныне –
звукопись. («Золото в лазури»[1244] – перечтите.) Он не – небесный и не земной,
он – повисший. И изживающий постепенно все 5 чувств. (Зрение и слух.)

Это первые, беглые отклики: как отозвалось. Немножко освобожусь, перечту,
подумаю и скажу еще. И если Вам любопытно, буду сообщать Вам отзывы
студенчества, – здесь ведь тоже три союза!

Недавно получила известие от Бахраха, что собирается с Вами встретиться для
окончательного выяснения с моими «Земными Приметами». Пишет, между прочим, что
больше 1 фунта стерлингов? т. е. 41/2 доллара у вас не платят. Хорошо бы довести
до 5 долларов, но если окончательно невозможно, соглашайтесь и на это. Теперь
ряд оговорок: 1) только на одно издание 2) две корректуры 3) лист с важнейшими
опечатками, установленными мною 4) деньги, по возможности, по представлению
рукописи 5) 25 авторских экземпляров 6) СТАРАЯ ОРФОГРАФИЯ 7) установить
количество экземпляров, срок выхода и переиздания – и все, что еще измыслите в
мою пользу.

Да! Теперь – как определить число листов? По количеству букв в странице? По
количеству строк? Или как? Сколько листов в Ваших «Рассеянных»?

Переписать здесь на машинке не берусь, и «Геликон» и «Эпоха» переписывали сами,
– и прозу. Переписать такую книгу здесь целое состояние. Рукопись, сравнительно,
четка, но на обеих страницах.

Не обвиняйте меня в жадности и в суетности, впрочем, в моей книге – обо всем,
есть наверное и об этом. Пишу поздно вечером, устала.

– Спасибо за все.

МЦ.

Новый адрес: Praha P.P. Dobřichovice, Horní Mokropsy, číslo 33, u Pana Grubnera
– мне – на фамилию Эфрон.

Приписка на полях:

Dobřichovice: bricho, это – брюхо: «доброе брюхо» – Добробрюхово. – Хорошо?! –

На отдельном листе:

В следующем № «Русской Книги» поместите, пожалуйста, если не поздно:

Подготовлена к печати книга:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

СЕРГЕЙ ЭФРОН – «ПОБЕЖДЕННЫЕ» (С МОСКОВСКОГО ОКТЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ – ПО ГАЛЛИПОЛИ. ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА)

МАРИНА ЦВЕТАЕВА – «ЗЕМНЫЕ ПРИМЕТЫ» Т. 1 (МОСКВА, МАРТ 1917 г. – ОКТЯБРЬ 1919 г. ЗАПИСИ.)

– «МОЛОДЕЦ» (ПРАГА, 1923 г. ПОЭМА-СКАЗКА.)

– «ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН» (МОСКВА, МАРТ 1917 г. – ДЕКАБРЬ 1920 г. БЕЛЫЕ СТИХИ.)

Адрес и Серезин и мой: Praha P.P. Dobřichovice, Horní Mokropsy, č. 33, u Pana Grubnera (хорошо бы не перепутать!)

На упомянутые книги издателей еще нет (кроме «Земных Примет?») – м. б. таким образом найдутся.

Прага, 30-го марта 1924 г., воскресенье

Милый Гуль,

Какой у Вас милый, тихий голос в письме, все интонации слышны, – кроткие. Как я тронута, что Вы меня вспомнили – с весной, есть особая память: по временам года?

Помню один хороший вечер с Вами – в кафе. Вы всё гладили себя против шерсти, и я потом украла у Вас этот жест – в стихи.[1245] Тому почти два года: из России я выехала 29-го апреля 1922 г. Скучаю ли по ней? Нет. Совсем не хочу назад. Но Вас, мой безрадостный и кроткий Гуль, понимаю. Редактируете „Накануне“?[1246] Не понимаю, но принимаю, потому что Вы хороший и дурного сделать не можете.

Вам, конечно, нужно в Россию, – жаль, что когда-то, в свое время, не попали в Прагу, здесь хорошо, я ее люблю.

У меня, Гуль, эту зиму было много слез, а стихов – мало (сравнительно). Несколько раз совсем отчаивалась, стояла на мосту и заклинала реку, чтобы поднялась и взяла. Это было осенью, в туманные ноябрьские дни. Потом река замерзла, а я отошла... понемножку. Сейчас радуюсь весне, недавно сторожила ледоход, не усторожила, – лед тронулся ночью. И – ни одной просины, прозелени: у нас ледоход – синь! Здесь цвета пражского неба. Но все-таки хорошо, когда лед идет.

Странно, что в Россию поедете. Где будете жить? В Москве? Хочу подарить Вам своих друзей – Коганов, целую семью, все хорошие. Там блоковский мальчик растет – Саша, уже большой, три года.[1247] Это очень хороший дом, Вам там будет уютно. Повезете мою книгу – поэму „Молодец“, через неделю начнет печататься в здешнем издательстве „Пламени“. Надеюсь, что выйдет до Вашего отъезда, непременно Вам пришлю.

С прозой – ничего: лежит. Лежит и целая большая книга стихов, после России, за два года. Много чего лежит, в Праге одно единственное издательство, и все хотят печататься. Предполагается целый ряд альманахов, в одном из них появится моя злополучная статья „Кедр“.[1248] У Волконского новая книга „Быт и бытие“, ряд мимолетных вечностей, вечных мимолетностей. Хорошая книга.[1249]

А помните Серезину – „Записки добровольца“? (Не читали, но я Вам о ней писала.) Огромная книга, сейчас переписывается, оттачивается. Есть издатель, удивитесь, когда узнаете кто, сейчас не скажу, – боюсь сглазить. Вы эту книгу будете любить, очень хотелось бы переслать ее Вам в Россию.

Когда собираетесь? Только что перечла Ваше письмо, думала – осенью, оказывается – весной. Когда – весной? Передам через Вас письма Пастернаку и Коганам, посмотрите обоих мальчиков, блоковского и пастернаковского, напишете мне. Мне очень важен срок Вашего отъезда, и вот почему: месяца три назад послала Пастернаку стихи: много, большая работа. Не дошли. В почту не верю, ибо за 2 года ни на одно свое письмо в Россию не получила ответа. Сейчас посылаю те же стихи Любови Михайловне, [1250] с мольбой об оказии, верной, личной, п. ч. не только стихи, но письмо, очень важное, первое за год, ответ на его через нее полученное.

Невозможно же переписывать в третий раз!

Хорошо бы, если бы снеслись с Любовью Михайловной. Она скоро уезжает из Берлина.

Стихов новых не посылаю, милый Гуль, п. ч. очень занята перепиской, но до Вашего отъезда непременно пришлю „Поэму горы“, написанную этой зимой. Хорошо бы „Молодец“ вышел до Вашего отъезда.

Гуль, дружу с эсерами, – с ними НЕ душно. Не преднамеренно – с эсерами, но так почему-то выходит: широк, любит стихи, значит эсер. Есть еще что-то в них от старого (1905 г.) героизма. Познакомилась с Керенским, – читал у нас два доклада. [1251] Вручила ему стихи свои к нему (1917 г.) [1252] и пастернаковские. Взволновался, дошло.

Мне он понравился: несомненность чистоты. Только жаль, жаль, жаль, что политик, а не скрипач. (NB! Играет на скрипке.)

С правыми у меня (как и у Серези» – холод. Тупость, непростительнейший из грехов! Сереза во главе студенческого демократического союза IV – хороший союз, если, вообще, есть хорошие. Из 1-го безвозвратно ушел. Дружу еще с сыном Шингарева [1253] – есть такие святые дети. 29 лет, с виду 18 лет; – мальчик. Уединенный. Весь – в 4-ом измерении. Туберкулез. Сейчас в Давосе.

Да! Как вы думаете, купит ли Госиздат мою последнюю книгу стихов? Именно: купит, а не: возьмет. Меня там, два года назад, очень любили, больше, чем здесь. Но я, очевидно, не возобновив советского паспорта – эмигрантка? Как быть? Посоветуйте. Не хочется переписывать целой большой книги, да еще по-новому, на авось. И, вообще, корректно ли?

– Надоели деления!

В Госиздате (моско вском) у меня большой друг П. С. Коган, по крайней мере – тогда был (в Госиздате – и другом).

Конечно, эта книга для России, а не для заграницы, в России, объевшись фальшью идей, ловят каждое новое слово (звук), – особенно бессмысленные! Здесь еще роман с содержанием: не отчаялись в логике!

Стихи, Гуль, третье царство, вне добра и зла, так же далеки от церкви, как от науки. Стихи, Гуль, это последний соблазн земли (вообще – искусства!), ее

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
прелестнейшая плоть. Посему, все мы, поэты, будем осуждены.

Пишите мне. Поэму Пастернака[1254] очень хочу, но – откуда? Скоро пришлю свою.

МЦ.

Пражский адрес на обороте. Действенен до конца мая.

Приписки на полях:

– О чем Ваши новые книги? Названия? –

– Эсеры, это – Жиронда, [1255] Гуль, – а?

Прага. 6-го апреля 1924 г.

Дорогой Гуль,

Вот письмо Пастернаку. Просьба о передаче лично, в руки, без свидетелей (женских), проще – без жены.

Иначе у Пастернака жизнь будет испорчена на месяц, – зачем?

Если тот, кто поедет – настоящий человек, он поймет и без особого нажима. Некоторые вещи неприятно произносить.

Письмо – без единой строчки политики, – точно с того света.

На Ваше большое милое письмо, только что полученное, отвечу на днях.

МЦ.

Адрес Пастернака:

Москва, Волхонка, 14, квартира 9.

Тот знакомый (который поедет) м. б. просто назначит ему где-нибудь свидание?

Прага, 10 апреля 1924 г.

Дорогой Гуль, Вы очень добры, спасибо. Письмо отсылайте почтой своему знакомому, если можно – заказным. Знакомому напишите, что нужно. Был у нас здесь Степун, – замечательное выступление. [1256] Хочет сделать меня критиком, я артачусь, ибо не критик, а апологист. Деньги за письмо (заказное) перешлю 15-го, тогда же напишу и стихи пришлю. Еще раз спасибо за доброту, Вы хороший друг.

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Хороша – набережная?[1257]

Прага, 11-го апреля 1924 г.

Дорогой Гуль,

Просьба у меня к Вам следующая: переговорите с берлинским председателем Госиздата относительно моей новой книги стихов «Умыслы».[1258]

Книга за два года (1922 г. – 1924 г.), – все, написанное за границей. Политического стихотворения ни одного.

Пусть он, в возможно скором времени, запросит московский Госиздат (там у меня друг – П. С. Коган и, если не сменен, благожелатель – цензор Мещеряков,[1259] взявший мою Царь-Деву, не читая, по доверию к имени (коммунист!). По отношению к Госиздату я чиста: продавая им перед отъездом «Царь-Деву» и «Версты» (I), – оговорилась, что за границей перепечатаю. (Что и сделала, с «Царь-Девушкой»).

Книга «Умыслы» здесь не только не запродала, но из всех составляющих ее стихов (большая книга!) навряд ли появилось в печати больше десяти.

Стало быть, могут рассчитывать и на заграничный рынок.

Одновременно с ответом Госиздата пусть сообщит мне и условия: 1) гонорар 2) количество выпускаемых экземпляров 3) срок, на который покупается книга.

Деньги – мое условие – при сдаче рукописи, все целиком.

Есть, для Госиздата, еще другая книга: «Версты» (II) – стихи 1917 г. – 1921 г. (Первую они уже напечатали.) М. б. и эту возьмут. Предложите обе.

Теперь трудности: переписывать и ту и другую я могу только наверняка, – большая работа, тем более, что переписывать придется по новой орфографии, что, в случае отказа для заграницы не пригодится, ибо здесь печатаюсь по-старому. Книги им придется взять по доверию. «Умыслы» Вы, по берлинским стихам, немножко знаете, остальные не хуже.

«Версты» (II) вполне безвредны, продолжение первых. «Политические» стихотворения все отмечу крестиками, захотят – напечатают, захотят – выпустят. Думаю, первое, – есть такое дуновение.

К сожалению, милые редакции книг не присылают, знаю по съеденному гонорару и

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
понаслышке.

Все дело в сроке. На лето очень нужны деньги. 2 года в Чехии и ничего, кроме окрестностей Праги, не знаю. В Праге я до конца мая, не дольше, и дело нужно закончить в мою бытность здесь. Не настаивайте на двух книгах, можно «Версты» (II), можно «Умыслы» – что захотят.

Желательна, просто скажу: необходима – хотя бы одна авторская корректура и, в случае опечаток, лист с опечатками, указанными мною. Эти два условия должно включить в контракт. Пусть, на всякий случай, представитель Госиздата в своем запросе в Москву обмолвится и об этом.

Punktum. [1260]

Вы спрашивали о сыне Блока. Есть. Родился в июне 1921 г., за два месяца до смерти Блока. Видела его годовалым ребенком: прекрасным, суровым, с блоковскими тяжелыми глазами (тяжесть – в верхнем веке), с его изогнутым ртом. Похож – более нельзя. Читала письмо Блока к его матери, такое слово помню: – «Если это будет сын, пожелаю ему только одного – смелости». Видела подарки Блока этому мальчику: перламутровый фамильный крест, увитый розами (не отсюда ли «Роза и Крест» [1261]), макет Арлекина из «Балаганчика», [1262] – подношение какой-то поклонницы. (Пьеро остался у жены). Видела любовь Н. А. Коган к Блоку. Узнав о его смерти, она, кормя сына, вся зажалась внутренне, не дала воли слезам. А десять дней спустя ходила в марлевой маске – ужасающая нервная экзема «от задержанного аффекта».

Мальчик растет красивый и счастливый, в П. С. Когане он нашел самого любящего отца. А тот папа так и остался там – «на портрете».

Будут говорить «не блоковский» – не верьте: это негодяи говорят.

Прочтите, Гуль, в новом «Окне» мои стихи «Деревья» и «Листья» [1263] (из новой книги «Умыслы»), и в «Современных Записках» – «Комедьянт» (из «Верст» II) – можете и госиздатскому человеку указать. Были у меня и в «Студенческих годах» (пражских) в предпоследнем № – «Песенки» [1264] (тоже «Версты» II).

Была у меня и проза – в «Воле России» (рождественский №), по-моему, неудачно. (Неуместно – верней.) В мае пойдет пьеса «Феникс». – Есть ли у Вас, в Берлине, такая библиотека? (Новых периодических изданий.) Я бы очень хотела, чтобы Вы все это прочли, но прислать не могу, – у самой нет.

Какая нудная и скудная весна! Середина апреля, пишу у (традиционное – открытого окна, захавшись в зимний стариковский халат, – индейский. Гуль: синий, с рыже-огненными разводами. Не хватает только трубки и костра.

Вчера что-то слышала о надвигающемся новом ледниковом периоде, – профессора

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
говорили всерьез. Но не очень-то скоро, – через несколько десятков тысяч лет!
Оттого, будто, и весна холодная.

Как с письмом Пастернаку? Вчера отослала Вам открытку с просьбой переслать
Вашему знакомому заказным. Деньги за заказ вышлю 15-го, сейчас живу в кредит.

А вот жест – украденный. Только масть другая!

Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной –
Синь полуночную, масть
Воронову. – В гладь и в сласть
Оторопи вдоль – ладонью.
Неженка! – Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв – разлуку –
Лестницы последней скрип...
Так заглаживают шип Розовый... –
Поранишь руку!
Ведомо мне в жизни рук
Многое. – Из светлых дуг
Присталью неотторжимой
Весь противушерстый твой
Строй выслеживаю: смоль
Стонушую под нажимом.
Жалко мне твоей упор –
ствующей ладони: в лоск
Волосы! вот-вот уж через
Край – глаза! Загнана внутрь
Мысль навязчивая; утр
Наваждение – под череп!
Берлин, 17-го июля 1922 г.

МЦ.

Приписка на полях:

Ползимы болела, и сейчас еще не в колее. Климат ужасный, второй год Праги дает
себя чувствовать. Господи, как хочется жары! – А что Вы делаете летом?

МЦ.

Иловищи, близ Праги, 19-го июня 1924 г.

Мой дорогой Гуль,

Я опять к Вам с письмом Пастернаку. В последний раз, ибо в нем же прошу дать мне
какой-нибудь верный московский адрес. Милый Гуль, мне очень стыдно вновь
утруждать Вас, но у меня никого нет в Москве, ни души, – души, но без адресов,
как им и полагается.

С той же почтой высылаю Вам 20 крон на почтовые расходы, простите, что не
сделала этого раньше.

Письмо, очень прошу, пошлите заказным.

Дошел ли до Вас мой «Феникс»? [1265] Посылала. (В двойном № «Воли России».)

Вышел сборник «Записки Наблюдателя» (витиеватое название, а? Не старинное, а старомодное) с моей статьей «Кедр» – о Волконском. О ней уже писал Айхенвальд в Руле (говорили), [1266] – кажется, посрамлял меня. А теперь – профессиональную тайну, забавную: «Апология» – полнотой звука – я восприняла, как: хвала. Оказывается (и Айхенвальд – внешне – прав) я написала не апологию (речь в защиту), а: панегирик!!!

Панегирик – дурацкое слово, вроде пономаря, или дробного церковного «динь-динь», что-то жидкое, бессмысленное и веселенькое. По смыслу: восхваление.

Внешне – Айхенвальд прав, а чуть поглубже копнешь – права я. Речь в защиту уединенного. (Кедр, как символ уединения, редкостности, отдельности.) И я все-таки написала апологию!

К сожалению, у меня только один экземпляр на руках, да и тот посылаю Волконскому. Купить – 35 крон, целое состояние. Думаю, Крачковский (Горе-писатель и издатель, [1267] воплощение *Mania Grandiosa*) уже послал в «Накануне» для отзыва.

Есть там его повесть «Желтые, синие, красные ночи», – белиберда, слабое подражание Белому, имени которого он так боится, что самовольно вычеркнул его из «Кедра». (Там было несколько слов о неподведомственности ритмики Волконского – ритмике Белого, о природности его, Волконского, ритмики. Кончалось так:

«Ритмика Волконского мне дорога, п. ч. она природна: в ней, если кто-нибудь и побывал, то не Белый, а – Бог». Крачковский уже в последнюю минуту, после 2-ой корректуры «исправляет»:

... «то, вероятно, только один Бог».

Хотела было поднять бурю, равнодушие читателя остановило. Черт с ним и с издателем!)

Живу далеко от станции, в поле, напоминает Россию. У нас, наконец, жаркое синее лето, весь воздух гудит от пчел. Где Вы и что Вы?

Пишите о своих писаниях, планах, возможностях и невозможностях.

Думаю о Вас всегда с нежностью.

МЦ.

Адрес: Praha II Lazarska, 10

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Rusky studentsky Komitet

– мне –

Прага, 11-го августа 1924 г.

Милый Гуль,

Месяца два назад я направила Вам письмо для Пастернака (заказным) и 20 крон на марки, – получили ли? А еще раньше – лично Вам – № «Воли России» с «Фениксом». Но Вы упорно молчите, – больны, недосуг или рассердились? А может быть – переехали? Но тогда бы вам переслали. (Как странно: все строчки с заглавных букв!) Адрес мой на обороте был, и обратно ничего не пришло.

Я очень озабочена, – особенно письмом к Пастернаку, письмо было не житейское, важное. Известите меня хоть открыткой о судьбе его.

Держу в настоящее время корректуру своего «Млодца» (пражское издательство «Пламя») – по выходе (недели через три) пришлю. Но раньше хочу знать, где Вы и что Вы. Молчание ведь – стена, люблю их только развалинами.

О себе: живу мирно и смирно, в Дольних Мокропсах (оцените название!) возле Праги. У нас здесь паром и солнечные часы. На наших воротах дата 1837 г.

Пишу большую вещь, [1268] – те мои поэмы кончены. Есть и новые стихи. Печатаюсь. Хотела бы издать свою новую книгу стихов (за два года за границей) в России. Если в какой-нибудь связи с Госиздатом – предложите.

Политического стиха ни одного.

Что Геликон? (Издательство.) Что другие берлинские? Прозу, кажется, пристроила. (Книги, даже самые мужественные – сплошь дочери. Издатели – женихи. И всегда неравные браки!)

Читали ли «Быт и Бытие» Волконского, посвященную мне? Хорошая книга. Он сейчас пишет роман. [1269]

Как Ваши писания?

Словом, Гуль, отзовитесь. Мы с Вами, по нынешнему времени – старые знакомые. Шлю привет.

МЦ.

Мой надежный адрес:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Praha II. Lazarska ul., č.11

Rusky studentsky Komitet

– мне. –

ЦЕТЛИНОЙ М. С
Прага, 9-го нового января 1923 г.

Милая Мария Самойловна,

Очень жалею, что не получила Вашего первого письма, – будьте уверены, что ежели бы получила, ответила бы сразу. – У меня о Вас и о Михаиле Осиповиче[1270] самая добрая память. –

Жалею еще и потому, что у меня в данный час почти все стихи розданы: скоро выходит моя книга «Ремесло», а написанные после нее размещены по различным берлинским альманахам.[1271]

Посылаю Вам пока «Рассвет на рельсах». Если подойдут, очень просила бы известить.

Стихов у меня за последний год мало, пишу большие вещи.[1272]

Есть драматическая сценка «Метель», – в стихах: новогодняя ночь, харчевня, Богемия – и встреча в этой метели – двух. Не зная места, уделенного в «Окне» стихам, – сейчас не посылаю.

Недавно закончила большую русскую вещь – «Молодец». И вот, просьба: не нашлось ли бы в Париже на нее издателя? – Сказка, в стихах, канва народная, герой – упырь. (Очаровательный! Насилу оторвалась!)

Одно из основных моих условий – две корректуры: вся вещь – на песенный лад, много исконных русских слов, очень важны знаки.

Недавно вышла в Берлине (книгоиздательство «Эпоха») моя сказка «Царь-Девушка» – 16 опечаток, во многих местах просто переставлены строки. Решила такого больше не терпеть, тем более, что и письменно и устно заклинала издателя выслать вторую корректуру.

«Молодца» можно (и по-моему – нужно) было бы издать с иллюстрациями: вещь сверх-благодарная.

Жаль, что не могу Вам выслать «Царь-Девушки», те немногие экземпляры, высланные издательством, уже раздарила. А в Берлине «Молодца» я бы печатать не хотела из-за несоответствия валюты: живя в Праге, работать на марки невозможно, а простите, что затрудняю Вас просьбой, но в Париже у меня у никого, кроме Бальмонтов,[1273] нет, а зная их хронически трудный быт, обращаться к ним не решаюсь.

Вы спрашиваете о моей жизни здесь, – могу ответить только одно: молю Бога, чтоб вечно так шло, как сейчас.

Сереза учится в университете и пишет большую книгу о всем, что видел за четыре года революции, – книга прекрасна, радуюсь ей едва ли не больше, чем собственным.

Але 10 лет, большая, крепкая, с возрастом становится настоящим ребенком, сейчас наслаждается природой и свободой, – живем за городом, в деревенской хате.[1274]

– Вот и все пока. –

Шлю сердечный привет Вам и Михаилу Осиповичу.

Марина Цветаева.

Мокропсы, 31-го нового января 1923 г.

Милая Мария Самойловна,

Пишу Вам с больной рукой, – не взыщите, что плохо.

Получила недавно письмо от князя С. М. Волконского: писателя, театрального деятеля, внука декабриста. Он сейчас в Париже. И вспомнила поэму Михаила Осиповича о декабристах. И подумала, что вас непременно надо познакомить.

Сергея Михайловича я знаю с революционной Москвы, это из близких мне близких, из любимых любимых.[1275] Человек тончайшего ума и обаятельнейшего обхождения. Неизбывная творческая природа. Пленительный собеседник. – живая сокровищница! – Памятуя Вашу и Михаила Осиповича любовь к личности, я подумала, что для вас обоих Волконский – клад. Кладом и кладезем он мне пребыл и пребывает вот уже три года. Встреча с ним, после встречи с Серезей, моя главная радость за границей.

Недавно вышла книга Сергея Михайловича – «Родина», в феврале выходят его: «Лавры» и «Странствия». О его «Родине» я только что закончила большую статью, которой Вам не предлагаю, ибо велика: не меньше 40 печатных страниц![1276]

– А может быть вы давно знакомы и я рассказываю Вам вещи давно известные!

Адрес Сергея Михайловича: Boulevard des Invalides, 2, rue Duroc, живет он, кажется, в Fontainebleau, по крайней мере осенью жил.

Если пригласите его к себе, попросите захватить что-нибудь из «Лавров». Это книга встреч, портретов. – Он прекрасно читает. – Приглашая, сошлитесь на меня, впрочем он наверное о Вас знает, и так придет.

И – непременно – если встреча состоится, напишите мне о впечатлении. Это моя большая любовь, человек, которому я обязана может быть лучшими часами своей

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
жизни вообще, а уж в Советской России – и говорить нечего! Моя статья о нем
называется «Кедр» (уподобляю).

«Метель» свою Вам послала. Живу сама в метели: не людской, слава Богу, а самой
простой: снежной, с воем и ударами в окна. Людей совсем не вижу. Я стала похожей
на Руссо: только деревья! [1277] Мокропсы – прекрасное место для спасения души:
никаких соблазнов. По-чешски понимаю, но не говорю, объясняюсь знаками. Язык
удивительно нечеткий, все слова вместе, учить не хочется. Таскаем с Алей из лесу
хворост, ходим на колодец «по воду». Сережа весь день в Праге (университет и
библиотека), видимся только вечером. – Вот и вся моя жизнь. – Другой не хочу. –
Только очень хочется в Сицилию. (Долго жила и навек люблю!) [1278] – Шлю
сердечный привет Вам и Михаилу Осиповичу.

МЦ.

В феврале выходит моя книга стихов «Ремесло», пришлю непременно.

Прага, 17-го нового мирта 1923 г.

Милая Мария Самойловна,

У меня к Вам просьба: не могли бы Вы попросить «Звено» о высылке мне гонорара за
«Метель». [1279] (Хотелось бы и оттиск.)

Скоро Пасха и мне очень нужны деньги. Простите, что обращаюсь к Вам, но в
«Звене» я никого не знаю.

Если бы Вас не затруднило, сообщите им, пожалуйста, мой адрес:

Praha, II, Vysehradská tř. 16

Městský hudobinec

S. Efron

«Ремесло» мое уже отпечатано, но Геликон [1280] почему-то в продажу не пускает.
Прислал мне пробный экземпляр, [1281] книга издана безукоризненно. Как только
получу, пришлю.

А пока – сердечный привет Вам и Михаилу Осиповичу. – Как Вам понравился Сергей
Михайлович? [1282]

Шлю привет.

МЦ.

Чехия, Мокропсы, 31-го нового мая 1923 г.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милая Мария Самойловна,

Ваше «Окно» великолепно: в первую зарию Блока, в древнюю ночь Халдеи. Из названного Вам ясно, что больше всего я затронута Гиппиус и Мережковским. [1283]

Гиппиус свои воспоминания написала из чистой злобы, не вижу ее в любви, – в ненависти она восхитительна. Прочтя первое упоминание о «Боре Бугаеве» [1284] (уменьшительное здесь не случайно!) я сразу почуяла что-то недоброе: очень уж ласково, по-матерински... Дальше-больше, и гуще, и пуще, и вдруг – озарение: да ведь это она в отместку за «лорнет», «носик», «туфли с помпонами», весь «Лунный друг» в отместку за «Воспоминания о Блоке», [1285] ей пришлось за́свежо полюбить Блока, чтобы насолить Белому! И как она восхитительно справилась: и с любовью (Блоком) и – с бедным Борей Бугаевым! Заметьте, все верно, каждая ужимка, каждая повадка, не только не на́лгано, – даже не прилгано! Но так по змеиному увидено, запомнено и поведано, что даже я, любящая, знающая, чтящая Белого, Белому преданная! – не могу, читая, не почувствовать к нему (гиппиусовскому нему!) отвращения – гиппиусовского же!

Это не пасквиль, это ланцет и стилет. И эта женщина-чертовка.

В Мережковском меня больше всего трогает интонация. Я это вне иронии, ибо интонации – как зверь – верю больше слова. О чем бы Мережковский ни писал, – о Юлиане, Флоренции, Рамзесе, Петре, Халдее ли, [1286] – интонация та же, его, убедительная до слов (т. е. опережая смысл!) Я Мережковского знаю и люблю с 16 лет, когда-то к нему писала (об этом же!) и получила ответ, – милый, внимательный, от равного к равному, хотя ему было тогда 40 лет (?) и он был Мережковский, а мне было 19 лет – и я была никто. Если увидите с ним – напомните. Теперь Аля читает его Юлиана и любит те же места и говорит о нем те же слова.

Мило, сердечно, любовно-по-ремизовски – «Однорукий Комендант». [1287] – Вся книга хороша. – Непременно пришлите вторую! (Равнодушие просит, затронутости требует. NB! Я очень дурно воспитана.)

Напишите мне про Гиппиус: сколько ей лет, как себя держит, приятный ли голос (не как у змей?! Глаза наверное змеиные!) – бывает ли иногда добра? И про Мережковского.

Посылаю Вам «Поэму заставы», если не подойдет – пришлю другие стихи. Только напишите скорей, чтобы мне успеть. Спасибо за безупречную корректуру: [1288] с Вами я всегда спокойна! Если «Застава» не подойдет, напишите, что (по теме) предпочитает и от чего (по теме же!) отталкивается «Окно». Так – трудно. А «Заставу» Вам даю, как на себя очень похожее. (Может быть предпочитаете не похожее??)

Целую Вас, привет Михаилу Осиповичу. Видитесь ли с моим дорогим Волконским?

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Приписка на полях:

Мне очень стыдно, что я так долго не благодарила Вас за щедрый гонорар.

Мокропсы, 8-го июня 1923 г.

Милая Мария Самойловна,

Посылаю Вам два стиха: «Деревья» и «Листья», пишу и сама чувствую юмор: почему не «Ветки», «Корень», «Ствол» и т. д. И еще просьбу: если «Заставу» не берете – по возможности, пристройте, а если невозможно – по возможности верните. Я не из лени, – у меня очень устают глаза, я переписываю книгу прозы [1289] (печатными буквами!) и к концу вечера всюду вижу буквы (это вместо листьев-то!).

И еще просьба: мне бы очень хотелось знать, что – вообще – предпочитает «Окно»: куда выходит (не: когда выходит?) – на какие просторы? Ближе к делу: природу, Россию, просто – человеческое? Мне достаточно малейшего указания, в моем мире много рек, назовите свою. Я знаю, что это трудно, что издательская деликатность предпочитает «авторам не указывать», но если автор, на беду, тоже оделен этим свойством – тогда ни сойтись, ни разойтись.

Это я говорю о чём стихов. Относительно как, – увы, будет труднее. Я знаю, что «Ремесло» меньше будет нравиться, чем «Фортуна», например, и стихи тех годов, но я не могу сейчас писать стихи тех годов, и «Фортуна» мне уже не нужна. [1290] Мне бы очень хотелось знать, совершенно безотносительно помещения, что Вы чувствуете к моим новым стихам.

Искренне тронута Вашим денежным предложением и ответу Вам совершенно непосредственно. В месяц я имею 400 франков на себя и Алю, причем жизнь здесь очень дорога. (Наша хибарка, например, в лесу, без воды, без ничего – 250 крон + 40 за мытье пола.) Жить на эти деньги, вернее: существовать на эти деньги (на французскую валюту 400 франков можно, но жить на эти деньги, т. е.: более или менее одеваться, обуваться, обходиться – нельзя. Прирабатываю я гроши, бывает месяцами – ничего, иногда 40 крон («Русская мысль», 1 крона строчка). В долги не влезаю, т. е. непрерывно влезаю и вылезаю. Самое обидное, что я на свою работу отлично могла бы жить, неизданных книг у меня множество, но нет издателей, – все они в Германии и платят гроши. – Переписка не оправдывается! –

Вот точная картина моего земного быта. Определить ее «острой нуждой» руку на сердце положа – не могу (особенно после Москвы 19-го года!) Я бы сказала: хронический недостаток.

Чего мне всегда не хватало в жизни, это (хотя я и не актриса!) – импрессарио, человека, лично заинтересованного, посему деятельного, который бы продавал, подавал... и не слишком предавал меня!

Здесь много литераторов и все они живут лучше меня: знакомятся, связываются, сплачиваются, подкапываются, – какое милое змеиное гнездо! – вместо детского «nid de fauvettes» – «nid de vipères». [1291] Есть прямо подозрительные личности. Если бы до них дошло, что я получила от Вас субсидию, они бы (випэры!) сплоченными усилиями вычли из моего «иждивения» ровно столько же, сколько бы я получила. Я даже не пометила 40 крон за прошлый месяц от Струве (анкетный лист), ибо знаю, что получила бы на 40 крон меньше.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кроме того – и самое важное! – когда я Вам деньги верну??? Ну, продам книгу прозы, но ведь это будут гроши. Не до России (где у меня был дом на Полянке!) – а когда Россия???

Простите, что беспокою Вас своими бытовыми бедами, – у Вас без меня достаточно забот. Больной ребенок, – ведь большее этого и тяжелее этого нет ничего. Алина болезнь в 1920 г. была худшим временем моей жизни, единственные месяцы, когда я не писала стихов.

Но Ваша дочка (Анжелика?)[1292] конечно поправится и Вы поедете с нею в какое-нибудь прекрасное место, наверное к морю, где она в полосатой фуфайке будет играть в песке. Боль забывается, – особенно детьми!

Аля огромная, вид 12-летней (10 лет), упрощается с каждым днем. С. М. Волконский говорит о ней: Аля начала с *vieillesse qui sait*[1293] и неуклонно шествует к *jeunesse qui peut*. [1294] – что ж!

У каждого своя дорога. – Боюсь только, что к 20-ти годам она все еще будет играть в куклы. (Которых ненавидела, ненавижу и буду ненавидеть!) Умственное развитие ее, впрочем, блестяще, но живет она даже не детским, а младенческим!

Нынче еду в Прагу – заседание по делу патриарха Тихона. [1295] Ненавижу общественность: сколько лжи вокруг всякой правды! Сколько людских страстей и вождений! Сколько раздраженной слюны! Всячески уклоняюсь от лицемерия моих ближних в подобных состояниях, но не показываться на глаза – быть зарытой заживо. Люди прощают всё, кроме уединения.

Кончаю. Вашей дочке быстрого и полного выздоровления, Вам – покоя. Вам обоим – веселого отъезда. – Что Ваши старшие дети? [1296]

Привет Михаилу Осиповичу. Вам – поцелуй и благодарность.

МЦ.

Прага, 11-го августа 1923 г.

Дорогая Мария Самойловна,

Дошло ли до Вас мое последнее письмо со стихами? Посылала Вам «Заставу», Вы попросили других, послала другие – и Вы замолчали. Это было уже около месяца тому назад. Может быть Вы уехали и письмо залежалось в Париже? Стихи были: «Деревья» и «Листья».

В последнем письме Вы спрашивали, не нужны ли мне, до крайности, деньги. Тогда ответила неопределенно, ибо крайности не было, сейчас крайность есть – и даже несколько: я должна отвозить Алю в гимназию (в Моравию), мы должны переезжать в город и, наконец, мне необходимо, во что бы ни стало, съездить в Берлин устроить

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
рукописи. (в Праге безвыездно уже год.)

И вот, ввиду всего этого, просьба: не могли бы Вы мне дать вперед за стихи – и, может быть несколько больше, чем я сейчас наработала (NB! если стихи приняты!). Я бы не просила Вас, если бы не была зарезана всеми этими переменами и переездами, которые окончательно выбивают меня из седла.

И еще просьба: не могли бы Вы попросить по телефону «Современные Записки» немедленно выслать мне гонорар за стихи «Бог» в последней книге. Я писала в Берлин Гуковскому, [1297] но очевидно он тоже уехал.

Мне очень тяжело просить именно Вас, которую все просят, но мой берлинский издатель Геликон зачах и издох, в Праге же я не цвету.

Ехать мне необходимо к 1 – му, если имеете желание и возможность выручить – выручайте сейчас.

Живу, уже снявшись с места, т. е. уже не живу, все это рухнуло сразу: и Алин отъезд, и мой, и переезд в город. Больше зимы в деревне, вернее «деревни в зиме» (ибо зима – стихия, поглощающая деревню!) не хочу. А Прага такой треклятый город, что в ней уже Достоевский не мог найти комнаты. [1298] Цены непомерные, хозяйки лютые, квартиранты – русские, все это не спевается.

Я так эгоистически заполнила все письмо собой, делаю это и в стихах, но иначе. Данное «собой» – омерзительно, ибо бытовое.

Целую Вас нежно, привет Михаилу Осиповичу. Скоро напишу по-человечески.

МЦ.

Мой адрес:

Praha. Poste restante

Marina Cvétajewa-Efron

(на орфографии фамилии настаиваю, так у меня в паспорте)

БАХРАХУ А. В

1

Мокропсы, 9-го нового июня 1923 г.

Милый господин Бахрах,

Вот письмо, написанное мною после Вашего отзыва (месяца два назад?) – непосредственно в тетрадку.[1299] Сгоряча написанное, с холоду непосланное, – да вот и дата: 20-ое апреля!

Я не знаю, принято ли отвечать на критику, иначе как колкостями – и в печати.

Но поэты не только не подчиняются обрядам – они творят их! Позвольте же мне нынче, в этом письме, утвердить обряд благодарности: критику – поэта. (Случай достаточно редкий, чтобы не слишком рассчитывать на последователей!)

Итак: я благодарна Вам за Ваш отзыв в «Днях». Это – отзыв во всем первичном смысле слова. (Пушкин: «В горах – отзыв!»...) Вы не буквами на букву. Вы сущностью на сущность отозвались. Благодарят ли за это? Но и благодарность – отзыв! Кроме того, Вы вроде писали не для меня, – так и я пишу не «для Вас», хотя и к Вам.

Я не люблю критики, не люблю критиков. Они в лучшем случае производят на меня впечатление неудавшихся и посему озлобленных поэтов. (И как часто они пишут омерзительные стихи!) Но хвала их мне еще неприемлемей их хулы: почти всегда мимо, не за то. Так, например, сейчас в газетах, хваля меня, хвалят не меня, а Любовь Столицу.[1300] Если бы я знала ее адрес, я бы отослала ей все эти вырезки. Это не я.

(Добрососедская статья некоего Мочульского например, в парижском «Звене» – «Женская поэзия», об Ахматовой и мне. Если попадетсЯ – прочтите, посмейтесь и пожалейте!)

– Ваша критика умна. Простите за откровенность. У Вас редчайший подход между фотографией (всегда лживой!) и отвлеченностью. Вы берете то среднее, что и составляет сущность поэта: некую преображенную правду дней. Вы вежливы, вне фамильярности: неустанно на Вы. У Вас хороший вкус: не «поэтесса» (слово, для меня, полупочтенное) – а поэт.

Вы доверчивы, у Вас хороший нюх: так, задумавшись на секунду: кунштюк или настоящее?[1301] (Ибо сбиться легко и подделки бывают гениальные!) – Нет, настоящее. Утверждаю, Вы правы. Так, живя стихами с – да с тех пор как родилась! – только этим летом узнала от своего издателя Геликона, что такое хорей и что такое дахтиль. (Ямб знала по названию блоковской книги,[1302] но стих определяла как «пушкинский размер» и «брюсовский размер».) Я живу – и следовательно пишу – по слуху, т. е. на веру, и это меня никогда не обманывало. Если бы я раз промахнулась – я бы вся ничего не стоила!

– Что еще? – Ах, пожалуй главное! Спасибо Вам сердечное и бесконечное за то, что не сделали из меня «style russe», не обманулись видимостью, что, единственный из всех за последнее время обо мне писавших, удостоили, наконец, внимания СУЩНОСТЬ, то, что вне наций, то, что над нацией, то что (ибо все пройдет!) – пребудет.

Спасибо Вам за заботливость. – «Куда дальше? В Музыку, т. е. в конец?»[1303] – А если и так, не лучший ли это из концов и не конца ли мы все, в конце концов, хотим. Бытие в Небытии – вот музыка! Блаженная смерть! Будьте верным пророком!

– А что за «Ремесло»? Песенное, конечно. Смысл, забота и радость моих дней. Есть у К. Павловой изумительная формула:

«О ты, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло –
Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло!»

Эпиграф этот умолчала, не желая, согласно своей привычке, ничего облегчать читателю, чтя читателя.

– Ах, еще одна благодарность! За «Посмертный Марш» (мой любимый стих во всей книге), за явный – раз Вы в «Днях»! – взлет над злободневностью, за то, что сердце Ваше (слух!) подалось на оборванность последних строк: в лад падало. [1304]

Здесь письмо кончается – и начинается другое:

9 нового июня 1923 г.

Напомнила мне о Вас Л. М. Эренбург, в недавнем письме. Пишет, что Вы читаете мою «Психею». И вот, в ответ, просьба: попросите Гржебина или его заместителя, чтобы прислал мне авторские, – не помню условия – настаивайте на 25 экземплярах. Я и не знала, что книга вышла, и уже в ужасе от предполагаемых опечаток. Корректурa моя была безупречна, за дальнейшее не отвечаю.

И еще просьба: найдите мне издателя на книгу прозы «Земные Приметы», – московские записи 1917 г. – конец 19 19-го г. Здесь Москва, Революция, быт, моя дочь Аля, мои сны, мысли, наблюдения, встречи, – некий дневник души и глаз. Книга большая: около 450 печатных страниц большого формата. (Сколько листов?) Рифы этой книги: контрреволюция, ненависть к евреям, любовь к евреям, прославление богатых, посрамление богатых, при несомненной белогвардейскости – полная дань восхищения некоторым безупречным живым коммунистам. Да еще: люта́я любовь к Германии и издевательство над бычачьим патриотизмом (русских!) в первый год войны.

Словом, издатель, как моя собственная грудная клетка, должен вместить ВСЁ. Здесь все задеты, все обвинены и все оправданы. Это книга ПРАВДЫ. – Вот. –

Теперь ближе к делу. Мне один берлинский издатель заочно предлагал за лист 3 доллара. (Не Геликон, Геликон, напуганный «белогвардейщиной», не берет.) Я нища как Иов, и при здешней дороговизне эта цена смехотворная, [1305] – переписка не оправдывается. (Для примера: хибарка в лесу, то что кухня в избе, где мы живем, сто́ит 300 крон, – переведите на марки!) Эта книга – большая работа и, пока, мой единственный козырь к некоторой обеспеченности. Будьте другом, устройте мне эту книгу. Предупредите издателя, что это «товар ходкий», справьтесь у Геликона, он знает мою прозу. Книгу эту будут рвать (зубами!) все... кроме настоящих, непредубежденных, знающих, что ПРАВДА-ПЕРЕБЕЖИЦА. А таких мало.

Словом, я думаю: «grand scandale», что всегда благоприятно для издательства.

Книга почти готова, хочу посылать ее по частям. Но необходимо, чтобы издательство переписало ее на машинке: у меня написано на двух сторонах листа, – и чтобы машинный экземпляр этот я, до сдачи в типографию, исправила. Это очень важно и необходимо оговорить. Еще: без картинок на обложке, только буквы. И непременно с Ъ.

Если б что-нибудь наладилось, пришлите мне примерный образец условия.

Это моя первая и насущная просьба. Есть у меня и другие неизданные книги: 1) «Драматические Сцены» («Фортуна», которую Вы м. б. знаете по «Современным Запискам», «Метель», «Приключение», «Конец Казановы», кстати изданный против моей воли и в ужасном виде в «Советской России») – и 2) «Молодец» (поэма-сказка) – небольшая.

Не приходите в ужас и, если это хоть сколько-нибудь трудно, не исполняйте. И не думайте обо мне дурно: я просто глубоко беспомощна в собственных делах, и книги у меня лежат по 10 лет. (Есть такие – и не плохие!)

Обращаюсь к Вам потому что Вы как будто любите мои стихи и еще потому что Вы наверное по вечерам сидите в «Prager-Diele», где пасутся все издатели. Книга нигде не печаталась (это я о прозе! хотя и другие – нигде), а то я Эпохе продала «Царь-Девуцу», уже проданную в Госиздат, и обо мне, быть может, дурная слава.

Шлю Вам самый искренний привет и благодарность.

Марина Цветаева

Адрес мой до 1-го июля:

Prag, Praha II Vyšegradska tř. 16

Městsky Chudobinec,

P. S. Efron

(для М. И. Ц.)

Мокропсы, 30-го июня 1923 г.

Милый Александр Васильевич!

Передо мной двенадцать неотвеченных писем (Ваше последнее, Вам первому.)

Ваше письмо развернутое как ладонь, между Вами и мной ничего (никакой связи!) – ничего (никакой преграды!) кроме этого исписанного листа. Ваше письмо – душа. Как же мне не отбросить все счета (благодарности, вежливости, давности и прочих достоверностей!)

Но это не все! Незнакомый человек – это вся возможность, тот, от кого всего ждешь. Его еще нету, он только завтра будет (завтра, когда меня не будет!) Человека сущего я предоставляю всем, имеющее быть – мое. (NB! Вы, конечно, существуете, но для меня, чужого. Вас конечно еще нет. X для Y начинается в секунду встречи, – будь ему хоть 100 лет!)

Теперь о Вашем письме, о первом слове Вашего письма и целой страницы к нему пояснений. Вы пишете человеку: дорогой. Это значит, что другой, чужой. Вам дорог. Что же на это может возразить другой? Быть дорогим, это ведь не наш выбор, и не наше свойство, и не наша ответственность. Это просто не наше дело. Это наше – в данный час – отражение в реке, страдательное (т. е. обратное действительному!) состояние. Я же не могу сказать: «я не дорогая!». Это не свойство – слово неизменное и незаменимое, я употребляю его и в сравнительной степени, так, часто, говоря о человеке «Он такой дорогой!» (что, кажется, основательно разрушает все только что мною сказанное!)[1306]

Ваш голос молод, это я расслышала сразу. Равнодушная, а часто и враждебная к молодости лиц, люблю молодость голосов. Вот эпитафия к одной из моих будущих книг: (Слова, вложенные Овидием в уста Сивиллы, привожу по памяти:) «Мои жилы иссякнут, мои кости высохнут, но ГОЛОС, ГОЛОС – оставит мне Судьба!» (Сивилла, согласно мифу, испросила Феба вечной жизни, забыла испросить себе вечной молодости! Не-случайная забывчивость!)

Так вот, о голосе, Ваш голос молод, это меня умиляет и сразу делает меня тысячелетней, – какое-то каменное материнство, материнство скалы. Слово «за всю мою недолгую жизнь» меня как-то растравило и пронзило, не знаю как сказать. Есть такие обнаженные слова. В них говорящий сразу беззащитен, но беззащитность другого делает беззащитным и нас!

Итак, за «всю недолгую жизнь» ни одного стиха? Дитя, дитя, да ведь это похоже на бескорыстную любовь, т. е. на чудо.

Теперь о «Ремесле» (слове). В сознательном мире права я: ремесло, как обратное фабричному производству, артель – заводу, ремесленничество Средних Веков, – стихотворению К. Павловой и пр., но в мире бессознательном правы – Вы. Только не орудуйте логическими доводами! Это Вас в данный час не вывезет. Впрочем, на последний из Ваших доводов я польстилась: «Вы не только ежечасно выходите из пределов ремесла. Вы в них и не входите» – это прелестно, и верно, и мне от этого весело. Хотите, я Вам скажу, в чем главная уязвимость моего названия? Ремесло предполагает артель, это начало хоровое, над хором должен быть мастер/маэстро. У ремесленника должны быть собратья, – это какой-то круг. Ощущение со-(мыслия, – творчества, – любия и пр.) во мне совершенно отсутствует, я и взаимную любовь (там где только двое!) ощущаю как сопоступничество. Я и Вечность (круг!) ощущаю как прямую версту. Нюхом своим – Вы правы!

Вы тонки. Вы не польститесь на «похвалу» (признание). Моей волей выявленному Вы

Страница 398

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
предпочли помимо моей воли вставшее. Личный дар (признание) – всегда мал, важно не то, что нам дают, а то, что – даже без ведома дающего – само дается. Воля вещи к бытию – и дающие и берущие – как оружие!

Есть в Вашем письме одно место, над которым я задумалась, маленькая вставка, «случайность». Вы спрашиваете, где же я в «Психее»: в Мариуле или в Манон, – и: «Бдение – или Бессонница?» [1307] Сначала я Бдение приняла, как обратное Бессоннице, т. е. как сон, но сон обратен бдению, где же сопоставление? И вдруг – озарение – нет, не ошибка. Вы говорите именно то, что хотите сказать, эти деления не-спать: бдение, как волевое, и бессонница, как страдательное (стихийное). Дитя, дитя, откуда?! Люди знают: спать (на то и ночь!), иногда: не-спать (голова болит, заботы) – но бдить, да еще сопоставляться с бессонницей...

Будь я Иоанном, мне бы Христос не давал спать, даже когда бы меня в постель гнал. Бдение, как потребность, стихия Бессонницы, пошедшая по руслу бдения, – Вам ясно? Вот мой ответ.

Насчет реки – очень хорошо в «Психее». – Глубоко. – У меня где-то в записях есть: «У поэта не должно быть „лица“, у него должен быть голос, голос его – его лицо». («Лицо» здесь как что, голос – как.) А то ведь все сводится к вопросу «темы». X пишет о Египте, Y – о смерти, Z – о XVIII в. и т. д. – Какая нищета! – Как собака, которая три раза крутится вокруг себя, чтобы лечь. И хвост тот же, и подстилка та же... (NB! Обожаю собак!)

Есть у меня к Вам просьба (пока еще не деловая!). Не пишите без твердых знаков, это бесхвосто, это дает словам неуверенность и читающему – неуверенность! Пишите или совсем без ничего (по-новому!) или дайте слову и графически быть. Уверяю Вас, это «белогвардейщина» ни при чем, – ведь я согласна на красно-писание! – только не по-«земгорски» (горцы равнины!), не «неолиберальному», – пишите или как Державин (с ъ) или как Маяковский! В этом отсутствующем ъ, при наличии ь – такая явная сделка!

И не употребляйте слово «игривость» – это затасканное слово, в конце испорченное: «игривый анекдот», «игривое настроение», что-то весьма подозрительное.

Замените: «игра», «пена». (Пример, «Где вы, в разгуле Мариулы или в пене Манон?»)

И не сердитесь на непрошенные советы, это не советы, а просьбы, а просьбы не только «непрошенные», – они сами просят!

Ваше письмо меня тронуло. Продолжайте писать ко мне и помните одно: я ничего не присваиваю. Все «сорвавшееся» в мире – мое, от первого Адама до последнего, отсюда полная невозможность хранить. В Вашем письме я вижу не Вас ко мне, а Вас – к себе. Я случайный слушатель, не скрою, что благодарный. Будемте так: продолжайте думать вслух, я хорошие уши, но этими ушами не смущайтесь и с ними не считайтесь. Пусть я буду для Вас тем вздохом – (или тем поводом к вздоху! –)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– единственным исходом для всех наших безысходностей!

Марина Цветаева

Теперь вспоминаю, смутно вспоминаю – и это глубоко между нами! когда я решила книгу назвать «Ремесло», у меня было какое-то неизреченное, даже недооцененное чувство иронии, вызова.

– «Ну посмотрим, что за „Ремесло“!» и – в ответ все фурии ада и все сонмы рая!

Голубчик, Вы глубоко-правы, только Вы не так подошли, не оттуда повели атаку. Вы принизили понятие Ремесла, Вы же должны были вскрыть несоответствие между сим высоким понятием – и его недостойной носительницей.

Голубчик, Вы угадали интонацию, увидели – за сто верст! – начало моей усмешки. – «Что же это за „Ремесло“?!» Я сначала не угадала, подумала, что Вы просто не знаете РЕМЕСЛА ПЕСНИ. Ваш вопрос был глубже моего ответа. Вы глубоко-правы, я не могу этого от Вас скрыть, но это глубоко между нами. Пусть остальные верят и умиляются! И строят на этом – свое собственное ремесло!

Теперь о делах:

«Драматические сцены» у меня могут быть готовы через месяц, – раньше ведь не нужно? В них войдут: «Метель», «Приключение», «Фортуна» и «Феникс» (последняя, т. е. одна третья сцена безграмотно и препакостно напечатана в Советской России под названием) «Конца Казановы». Вещь целиком – нигде не печаталась, как и «Приключение»).

Но «Petropolis» – по-новому?[1308] и в России? Боюсь за корректуру, – страдаю от опечаток![1309]

Самое главное для меня устройство «Земных Примет» (книга записей). Это – ходкая проза, хотя бы из дурного любопытства публики к частной жизни пишущих. (Публика будет обокрадена, но ведь она же этого не знает!) Это – сейчас – забота моих дней, эта книга мне надоела, я от нее устала, это мое второе я, и нам необходимо расстаться.

Дальше – поэма «Молодец» (новая, моя последняя большая стихотворная вещь). Отклоняясь от дел, – Вы наверное моего русского русла не любите, одежда России мешает Вам видеть суть. Об этом разговор впереди, покамест скажу Вам, что это об упыре, что в эту вещь я была влюблена, как в сон, что до сих пор (полгода назад кончила!) не могу смотреть на черную тетрадку, ее хранящую, без волнения. Это – *grande passion*, *passion*[1310] – в чистом виде, со всеми поправными человеческими и божескими законами. С ней я не тороплюсь, издать ее хочу безукоризненно.

И – важнейшее из дел: сейчас в Берлине некий Игнатий Семенович Якубович, человек которому я обязана выездом своим из России, моя давняя дружба и вечная благодарность. Мне необходимо окликнуть его. Не возьметесь ли Вы переслать ему в миссию прилагаемый листок. Из Праги это сделать невозможно. Письмо можете прочесть, «ляльное». Хорошо бы узнать, на какой срок он в Берлине (хотя бы по телефону), тогда бы я Вам прислала для него книги, которые Вы, м. б., через посыльного бы отправили. (Здесь советская миссия – зачумленное место, не знаю, как в Берлине.)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Это прелестный, прелестный человек, и у меня сердце разрывается от мысли, что он может заподозрить меня в забывчивости, или в еще худшем. Это один из тех «врагов», за которых я многих, многих «друзей» отдам!

(NB! Деньги на посыльного приложу, не укоряйте в мелочности, это – мелочи, которые не должны вставать между людьми!) Но до посылки книг мне нужно узнать, в Берлине ли он еще и на сколько. М. б. сообщите открыточкой?

Мой новый адрес:

Praha, P.P. Dobřichovice, Horní Mokropsy, č. 33, u Pana Grubnera.

Прилагаемый листок оторвите, запечатайте и отправьте. Если невозможно – уничтожьте.

Шлю Вам дружеский привет, если увидите с Любовью Михайловной Эренбург, скажите ей, что пишу на днях, люблю и помню.

МЦ.

P. S. Вы можете никому не давать читать моих писем? Я «сидеть втроем» совсем не умею.

Мокропсы – Прага, 14-го – 15-го июля 1923 г.

Друг,

Откуда у меня это чувство умиления, когда я думаю о Вас? – Об этом писать не надо бы. Ни о чем, вообще, не надо бы писать: отложить перо, впериться в пустоту и рассказывать (насказывать!) А потом – пустой лист – и наполненная пустота. Не лучше ли?

(Впрочем пустота – прорва и никогда не наполняется. В этом ее главное достоинство и – для меня – неотразимейший соблазн!)

Но одно меня останавливает: некая самовольность владения, насилие, захват.

Помните, у Гоголя, злой колдун, вызывающий душу Катерины?[1311] Я не злой колдун и я не для зла вызываю, но я вызываю, и я это знаю, и не хочу этого делать втайне. Только это (некий уцелевший утес мужской этики!) и заставляет меня братья за перо, верней: помогает мне, тут же, с первой строки, не бросать пера!

Я говорю правду.

Продолжаю письмо из Праги, – из другого дома и из другой души. (И вы, неизбежно: «и другими чернилами!»)[1312]

Пишу в рабочем предместье Праги, под нищенскую ресторанный музыку, вместе с дымом врывающуюся в окно. Это – обнаженная жизнь, здесь и веселье – не на жизнь, а на смерть. (Кстати, что такое веселье? Мне никогда не весело!)

Дружочек, у меня так много слов (так много чувств) к Вам. Это – волшебная игра. Это полное *уá banque*[1313] – чего? – И вот задумалась: не сердца, оно слишком малое в моей жизни! – может быть его у меня вовсе нет, но есть что-то другое, чего много, чего никогда не истрочу – душа? Не знаю, как его зовут, но кроме него у меня нет ничего. И вот этим «последним»...

Дружочек, это свобода сна. Вы видите сны? Безнаказанность, безответственность – и беззаветность сна. Вы – чужой, но я взяла Вас в свою жизнь, я хожу с Вами по пыльному шоссе деревни и по дымным улицам Праги, я Вам рассказываю (наскрываю!), я не хочу Вам зла, я не сделаю Вам зла, я хочу, чтобы Вы росли большой и чудный, и, забыв меня, никогда не расставались с тем – иным – моим миром!

Ясно ли Вам? Ведь это – наугад, но иногда наугад – в упор! Если Вы мне ответите: я не большой и не чудный и никогда не буду большой и чудный – я Вам поверю. Но Вы этого не ответите, есть в Вас что-то – вот эта зоркость чувств – то, например, что Вы не хотите, чтобы другие читали мои письма – есть в Вас что-то указующее на силу, на бессонность сознания, на лоб. Я не хочу, чтобы душа в Вас гостила, я хочу –

Я хочу, дитя, от Вас – чуда. Чуда доверия, чуда понимания, чуда отрешения. Я хочу, чтобы Вы, в свои двадцать лет, были семидесятилетним стариком – и одновременно семилетним мальчиком, я не хочу возраста, счета, борьбы, барьеров.

Я не знаю, кто Вы, я ничего не знаю о Вашей жизни, я с Вами совершенно свободна, я говорю с духом.

Друг, это величайший соблазн, мало кто его выдерживает. Суметь не отнести на свой личный счет то, что направлено на Ваш счет – вечный. Не заподозрить – ни в чем. Не внести быта. Иметь мужество взять то, что так дается. Войти в этот мир – вслепую.

– Спасибо за Ъ. Спасибо за заботы с издателями. Спасибо за попытку с Якубовичем. Непременно назначьте срок высылки обеих рукописей, могу выслать на Вас. Срок мне необходим, иначе никогда не соберусь. – Но не слишком спешный. Да, – *Petropolis* по новой орфографии? Печально.[1314] А «Слово»?[1315] – «Земные приметы» непременно хочу на Ъ. Очень боюсь за корректуру, если бы все это устроилось и можно было бы заранее определить срок выхода книги (Земные Приметы), я бы приехала в Берлин держать корректуру. – Раньше осени вроде не будет? –

Я больше года не была в Берлине, последние воспоминания плачевные (если бы я умела плакать?) – я в неопределенной ссоре с Эренбургом и в определенной дружбе с его женой, кроме того меня не выносит жена Геликона (все это – между нами) – и главное – я невероятно (внешне) беспомощна. Все это очень осложняет проезд. Я тот слепой, которого заводят все собаки.

Дружочек, о словах. Я не знаю таких, которые бы теряли. Чтó такое слово, чтобы мочь уничтожить чувство? Я такой силы ему не приписываю. Для меня – все слова малы. И безмерность моих слов – только слабая тень безмерности моих чувств. Я не могу не ответить Вам своими же собственными стихами (год назад, в июле):

...Есть час – на те слова!
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь...
Все дело – в часе.

А сейчас – мой час с Вами кончен.

Жму руку.

МЦ.

На обороте

В глубокий час души и ночи,
Нечислящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Нечислящиеся в ночах
Ничьих еще... Двойной запрудой
– Без памяти и по края –
Покоящиеся. –
– Отсюда
Жизнь начинается твоя.
Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящий –
Рим! Сновидящее материнство
Скалы...
Нет имени моим
Потерянностям. – Все покровы
Сняв – выросшая из потерь! –
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дочь
Египетская...
МЦ.

14-го июля 1923 г.

Мокропсы, 20-го июля 1923 г.

Милый друг,

Это хороший душевный опыт, не Ваш лично или мой, а проверка души, ее могущества, ее зоркости и – ее пределов.

Давайте на совесть: ведь сейчас между нами – ни одной вражды и, ручаюсь, что пока письма – ни одной вражды не будет. Вражда, следственно, если будет, придет от тел, от очной ставки тел: земных примет, одежд. (Тело отнюдь не считаю полноправной половиной человека. Тело в молодости – наряд, в старости – гроб, из которого вешься!)

Может статься, мне не понравится Ваш голос, может статься – Вам не понравится мой (нет, голос понравится, а вот какая-нибудь повадка моя – может быть – нет) и т. д. Ведь тела (вкусовые пристрастья наши!) бесчеловечны. Психею (невидимую!)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мы любим вечно, потому что заочное в нас любит – только душа! Психею мы любим
Психеей, Елену Спартанскую мы любим глазами (простите за «мы», но я тоже люблю
Елену!) – чуть ли не руками – и никогда наши глаза и руки не простят ее глазам и
рукам ни малейшего отклонения от идеальной линии красоты. [1316]

Психея вне суда – ясно? Елена непрестанно перед судьями.

Есть, конечно, предельная (т. е. – беспредельная!) любовь: «я тебя люблю, каков
бы ты ни был». Но каковым же должно быть это ты! И это я, говорящее это ты. Это,
конечно, чудо. В любовной стихии – чудо, в материнской – естественность. Но
материнство, это вопрос без ответа, верней – ответ без вопроса, сплошной ответ!
В материнстве одно лицо: мать, одно отношение: ее, иначе мы опять попадаем в
стихию Эроса, хотя и скрытого.

(Говорю о любви сыновней. – Вы еще следите?)

Итак, если при встрече (ставке) мы так же оттолкнемся, – а может быть отклóнимся
– друг от друга, как ныне притягиваемся, – вывода два: или душа – ложь, а
«земные приметы» – правда, или душа – правда, а «земные приметы» – ложь, но
ложь-сила, тогда как душа – правда-слабость. (Соединительное тире!)

Словом, так или иначе, что-то сейчас, в нашей переписке, окажется или слабостью,
или слепостью, кто-то, Вы ли, я ли (хорошо бы оба! Тогда – даже весело!)
определенно дает маху. Душа заводит.

С Эренбургом мы разошлись из-за безмерности чувств: его принципиальной,
сшибшейся с моей, стихийной. Я требовала чудовищного доверия и понимания вопреки
(очевидности, отсылая его в заочность!) Он – чего он требовал? Он просто
негодовал и упирался в непонимании. Хотите пример? Люди его породы, с отточенной
– и отчасти порочной – мыслью, очень элементарны в чувствах. У них мысль и
чувство, слово и дело, идеология и природный строй – сплошь разные и сплошь
враждующие миры. «Мыслью я это понимаю, сердцем – нет!» «Я люблю вещь в идее, но
ненавижу ее на столе». – «Так ненавидьте ее и в идее!» – «Нет, ибо моя ненависть
к ней, на столе – слабость». – «Не обратно ли?». Коварная усмешка и: – «Не
знаю».

У меня всегда было чувство с ним, что он все ценное в себе считает слабостью,
которую любит и себе прощает. Мои «доблести» играли у него роль слабостей, все
мои + (т. е. все мною любимое и яростно защищаемое) были для него только
прощенными минусами. – Вам ясно? – Он, простив себе живую душу, прощал ее и мне.
А я такого прощения не хотела. Как с женщинами: любят их пороками и прощают:
«милые дети!». Я не хотела быть милым ребенком, романтическим монархистом,
монархическим романтиком, – я хотела быть. А он мне мое бытие прощал.

Это – основное расхождение. Жизненное – в другом. Жизненно он ничего не простил
мне, – там, где как раз нужно было простить! Он требовал (теперь вспомнила!)
каких-то противоестественных сложностей, в которых бы я плыла как в реке: много
людей, всё в молчании, всё на глазах, перекрестные любви (ни одной настоящей!)
– всё в «Prager-Diele», всё шуточно... Я вырвалась из Берлина, как из тяжелого
сна.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Все это – весьма бесплотно, когда-нибудь в беседе «уплотню», писать об этом не годится.

В основном благородстве его, в больной доброте и в страдальческой сущности ни секунды не сомневаюсь.

А Любовь Михайловна – очарование. Она – птица. И страдающая птица. У нее большое человеческое сердце, но – взятое под запрет. Ее приучили отделяться смехом и подымать тяжести, от которых кости трещат. Она – героиня, но героиня впустую, наподобие тех красавиц, с 39° температуры, танцующих ночь напролет. Мне ее глубоко, нежно, восхищенно – и бесплодно жаль.

Бориса Николаевича[1317] нежно люблю. Жаль, что тогда прождал Вас даром. Он одинокое существо. В быту он еще беспомощнее меня, совсем безумен. Когда я с ним, я чувствую себя – собакой, а его – слепцом! Чужая (однородная) слабость исцеляет нашу. Лучшие мои воспоминания в Берлине о нем. Если встретитесь, скажите.

Вы пишете, в Берлине меня любят. Не знаю. Знают и не любят – это со мной не бывает, не знают и любят – это бывает часто. Я такую любовь не принимаю на свой счет. Мне важно, чтобы любили не меня, а мое. «Я», ведь это включается в мое. Так мне надежнее, просторнее, вечнее.

«Психею» в количестве 5 экземпляров получила, хотела бы еще 20 экземпляров. 25 экземпляров мне все давали. Гржебин же не хочет быть хуже всех! Передайте ему эту мою уверенность, у него добрые моржовые глаза – жалобные. Взовите к ним.

Рукопись к 1-ому сентября приготовлю, если будете в Берлине – перешлю Вам. Вы будете моим первым читателем. Мне это приятно. Если Вы человек с сострадательным воображением (с болевым – точней), Вам многое в «Земных Приметах» будет тяжело читать. Эта книга – зеркало и отражает прежде всего лицо читателя. Глубина (или поверхность) ее – условна. Я не настойчива, всегда только – еле касаюсь.

A bon entendeur – salut![1318]

Стихи (те, что прислала) написаны, по-моему, за день до письма, 14-го, кажется. Могли бы узнать и без даты. Простите за некоторую преувеличенную молодость героя, в двух последних строках.

(Вы, надеюсь, «раскрыли» тростниковую корзину?)[1319] да, кстати, Вы любите

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
грудных детей? Детей вообще? – Любопытно. –

Каким Вы были ребенком? Был ли рост – катастрофой? Если не лень и подходящий час, ответьте. Я не из праздного любопытства спрашиваю, это просто некоторое испытывание дна.

(С той разницей, что плохой пловец, испытывая, боится его утратить, хороший пловец – найти.

NB! В реке я – плохой пловец! Надо мной все смеются!)

Пишу Вам поздно ночью, только что вернувшись с вокзала, куда провожала гостя на последний поезд. Вы ведь не знаете этой жизни.

Крохотная горная деревенька, живем в последнем доме ее, в простой избе. Действующие лица жизни: колодец-часовенкой, куда чаще всего по ночам или ранним утром бегаю за водой (внизу холма) – цепной пес – скрипящая калитка. За нами сразу лес. Справа – высокий гребень скалы. Деревня вся в ручьях. Две лавки, вроде наших уездных. Костел с цветником-кладбищем. Школа. Две «реставрации» (так, по-чешски, ресторан). По воскресеньям музыка. Деревня не деревенская, а мещанская: старухи в платках, молодые в шляпах. В 40 лет – ведьмы.

И вот, в каждом домике непременно светящееся окно в ночи: русский студент! Живут приблизительно впроголодь, здесь невероятные цены, а русских ничто и никогда не научит беречь деньги. В день полочки – пикники, пирушки, неделю спустя – задумчивость. Студенты, в большинстве бывшие офицеры, – «молодые ветераны» как я их зову. Учатся, как никогда – в России, везде первые, даже в спорте! За редкими исключениями живут Россией, мечтой о служении ей. У нас здесь чудесный хор, выписывают из Москвы Архангельского[1320]

Жизнь не общая (все очень заняты), но дружная, в беде помогают, никаких скандалов и сплетен, большое чувство чистоты.

Это вроде поселения, так я это чувствую, – поселения, утысячающего вес каждого отдельного человека. Какой-то уговор жить (Дожить!) – Круговая порука. –

Я здесь живу уже с 1-го августа 1922 г., т. е. скоро будет год. В Праге бываю раз – редко, два – в месяц. У меня идиотизм на места, до сих пор не знаю ни одной улицы. Меня по Праге водят. Кроме того, панически боюсь автомобилей. На площади я самое жалкое существо, точно овца попала в Нью-Йорк.

Вы просите фотографию? Дружочек, у меня нет ни одной. Но есть милая барышня, любящая мои стихи и хорошо рисующая, она вернется во вторник, и тогда я попрошу ее набросать меня для Вас. Раз она уже это делала – очень удачно.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кончаю. Ваши письма – для меня радость. Пишите. Пишите всё, что хочется, глядитесь в зеркало и измеряйте глубину.

Дружочек! Все это так хорошо, – и Ваша молодость, и наша отдаленность, и это короткое последнее лето.

Нет, писать буду, только временами трудно не поддаваться соблазну говорить в упор, в пустоту. Тогда перо выпадает. Но сегодня оно мне верно служит, – как видите, есть еще на свете верные слуги и длинные письма!

МЦ.

Как мне о многом, о многом надо еще рассказать!

Мокропсы, 25-го нового июля 1923 г.

Милый друг,

что у Вас в точности было с Эренбургам?

Причин, вызывающих этот вопрос, сказать не вольна, цель же его – продолжать относиться к Вам, как отношусь, а для этого мне нужно одно: правда, какая бы она ни была!

я хочу вас безупречным, т. е. гордым и свободным настолько, чтоб идти под упрек, как солдат под выстрелы: души моей не убьешь!

Безупречность – не беспорочность, это – ответственность за свои пороки, осознанность их – вплоть до защиты их. Так я отношусь к своим, так Вы будете относиться к Вашим.

Предположим, человек трус. Выхода два: или перебороть – или признаться, сначала самому, потом другим. – «Да, я трус». И, если этих других чтишь, объяснить: трус потому-то и потому-то. И все. – Просто?

Но, возвращаясь к Эренбургам: повода к расхождению могут быть два: красота Любови Михайловны и идеология Ильи Григорьевича, т. е. Ваше притяжение к первой и Ваше оттолкновение от второй. И в обоих случаях – вопрос формы, ибо ни одна женщина не рассердится на то, что она нравится, ни один мужчина не оскорбится на то, что с ним не согласны. Форма, нарушенная Вами. – Так?

Дружочек, нарушение формы – безмерность. Я неустанно делаю это в стихах, была моложе – только это и делала в жизни! Все пойму. Посему, будьте правдивы. Не приукрашивайте, не выгораживайте себя, не считайте меня меньше, чем я есть, и моего отношения – поверхностнее.

И в вопросе моем помнят одно: его цель.

О Вашем последнем письме. В нем есть некий тяжелый для меня налет эстетства, который я заметила уже в Вашем отзыве о Психее.[1321]

Говоря о стихах «Бессонница» и еще о каких-то, Вы высказываете предположение, что поэт здесь прельстился словом. Помню, что читая это, я усмехнулась. Такая же усмешка у меня была, когда я читала Ваше письмо. «Сладость любви», «отрава любви», «мечта», «сказка», «сон», – бросьте! Это – арсенал эстетов. Любить боль, потому что она боль – протivoестественность. Упиваться страданием – или ложь или поверхность. Возьмем пример: у вас умирает мать (брат – друг – и т. д.) будете Вы упиваться страданием? У Вас отнимают любимую женщину – о, упоение может быть! Упоение потери, т. е. свободы! Боль, как средство, да, но не как цель.

Ведь в физическом мире, как в духовном, один закон. Что ложь – в одном, неминуемо ложь и в другом. Раны своей ты не любишь, раной своей ты не упиваешься, ты хочешь выздороветь или умереть. Но за время болезни своей ты многому научился, и вот, встав, благословляешь рану, сделавшую тебя человеком. Так и с любовью.

Есть еще одна возможность: рана мучительна, но она – все, что у тебя есть, выбор между ею и смертью. Предпочитаешь мучиться, но это есть насильное предпочтение, а не Ваш свободный выбор.

Словом, – бросьте отраву!

Единственная отрава, которой я Вас отравлю, это – живая человеческая душа и... отвращение ко всяким другим отравам!

Об эстетстве. Эстетство, это бездушие. Замена сущности – приметами. Эстет, минуя живую заросль, упивается ею на гравюре. Эстетство, это расчет: взять все без страдания: даже страдание превратить в усладу! Всему под небом есть место: и предателю, и насильнику, и убийце – а вот эстету нет! Он не считается. Он выключен из стихий, он нуль.

Дитя, не будьте эстетом! Не любите красок – глазами, звуков – ушами, губ – губами, любите всё душой. Эстет, это мозговой чувственник, существо презренное. Пять чувств его – проводники не в душу, а в пустоту. «Вкусовое отношение», – от этого не далекó до гастрономии.

О, будь Вы сейчас здесь, я повела бы Вас на мою скалу, поставила бы Вас на гребень: Владейте! Я подарила бы Вас – всему!

Дружочек, встреча со мной – не любовь. Помните это. Для любви я стара, это детское дело. Стара не из-за своих 30 лет, – мне было 20, я то же говорила Вашему любимому поэту Манделъштаму:

– «Что Марина – когда Москва?! „Марина“ – когда Весна?! О, Вы меня действительно не любите!»

Меня это всегда удушало, эта узость. Любите мир – во мне, не меня – в мире. Чтобы «Марина» значило: мир, а не мир – «Марина».

Марина, это – пока – спасательный круг. Когда-нибудь сдерну – плывите! Я, живая,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
не должна стоять между человеком и стихией. Марины нет – когда море!

Если мне, через свою живую душу, удастся провести вас в Душу, через себя – во всё, я буду счастлива. Ведь всё – это мой дом, я сама туда иду, ведь я для себя – полустанок, я сама из себя рвусь!

Дружочек, это все не так страшно. Это все, потому что Вы там, а я здесь. Когда Вы увидите меня, такую равнодушную и такую веселую, у Вас сразу отляжет от сердца. Я еще никого не угнетала и не удушала в жизни, я для людей – только повод к ним самим. Когда это «к ним самим» – есть, т. е. когда они сами – есть, – ВСЁ ЕСТЬ.

Над отсутствием я бессильна.

Теперь о другом: к 1-му сентября мои книги будут готовы: «Земные приметы», «Драматические Сцены» и «Молодец» (поэма). Сообщите, стоит ли мне высылать их Вам заранее, п. ч. к 15-му сентября думаю приехать сама. Удобнее было бы мне, чтобы Вы заранее показали их и условились, п. ч. я вовсе не хочу все мои недолгие дни в Берлине просидеть с издателями. Кроме того, я, лично, – легкомыслием своим и воспитанностью своей – всегда все свои деловые дела порчу.

Ряд вопросов: 1) Сумеете ли Вы достать мне разрешение на въезд и жительство в Берлине и сколько это будет стоить? (Говорю о разрешении.)

2) Где я буду жить? (М. б. – в «Trautenauhaus», [1322] но в виду расхождения с И. Г. Эренбургом – не наверное.)

3) Будет ли к половине сентября в Берлине Борис Николаевич? [1323]

4) Есть ли у Вас для меня в Берлине какая-нибудь милая, веселая барышня, любящая мои стихи и готовая ходить со мной по магазинам. (Здесь, в Праге, у меня – три!)

5) Согласны ли Вы от времени до времени сопровождать меня к издателям и в присутственные места (невеселая перспектива?!)

6) Есть ли у Вас ревнивая семья, следующая за Вами по пятам и в каждой женщине (даже стриженной!) видящая – роковую?!

7) Обещаете ли Вы мне вместе со мной разыскивать часы: мужские, верные и не слишком дорогие, – непременно хочу привезти Сереже, без этого не поеду.

Имейте в виду, что я слепа, глупа и беспомощна, боюсь автомобилей, боюсь эстетов, боюсь домов литераторов, боюсь немецких Wohnungsamt-ов, [1324] боюсь Untergrund-ов, [1325] боюсь эсеров, боюсь всего, что днем – и ничего, что ночью.

(Ночью – только души! и духи! Остальное спит.)

Имейте в виду, что со мной нужно нянчиться, – без особой нежности и ровно столько, сколько я хочу – но неизбежно, ибо я никогда не вырастаю.

Словом, хотите ли Вы быть – собакой слепого?!

Приеду недели на две. Думаю, достаточный срок, чтобы со старыми перессориться и с новыми подружиться.

О Ваших стихах (пушкинские!) в начале письма. «В день ясный – сумерки мои».

Что я имею обыкновение ночь превращать в день, это правильно, но учтите при этом, что мой день – уже обращенная в день ночь. Видите, какая сложность?!

Ну, – справимся!

А как это хорошо: «так складно, ладно, лгало мне»... Дорогой Пушкин! Он бы меня никогда не любил (двойное отсутствие румянца и грамматических ошибок!), [1326] но он бы со мной дружил до последнего вздоха.

Привезу с собой новые стихи, много. И буду Вас натаскивать по «русскому руслу». (Хорошая перспектива?!)

Дружочек, пишите раз в неделю, т. е. – хоть каждый день, но в одном конверте. (Можно ведь очень мелко.) Ну, два. Но не три. – Не сердитесь, здесь почта идет через чужие руки, так что мелкость письма – даже желанна. Не думайте над этим, неинтересно, и не обижайтесь, я ни при чем, а пишите что угодно и сколько угодно, но мелко и отправляйте одновременно. Вернее: не пишите между письмами: т. е. отправляйте – после моего.

Спасибо за Якубовича. Как я рада! Не знаете, долго ли он будет в Берлине?

Не забудьте ответить на все мои вопросы о Берлине. Жму руку.

МЦ.

Приписка на полях:

О просьбе моей (письменной) в письме не упоминайте, исполняйте делом.

Мокропсы, 25-го июля 1923 г.

Дружочек,

Пишу Вам во мху (писала в тетрадку, сейчас переписываю), сейчас идет огромная грозная туча – сияющая. Я читала Ваше письмо и вдруг почувствовала присутствие чего-то, кого-то другого рядом. Оторвалась – туча! Я улыбнулась ей так же, как в эту минуту улыбнулась бы Вам.

(NB! Минута: то, что минет!)

Короткий мох колет руки, пишу лежа, подыму голову – она, сияющая. А рядом, как крохотные танцовщицы – лиственницы. (Солнце сквозь тучу брызжет на лист, тень карандаша как шпага!)

Шумит поезд и шумят пороги (на реке), и еще трещат сверчки – и еще пчелы – и еще в деревне петухи – и все-таки тихо. (Не-тихо очевидно только от людей!)

Мой родной, уйдите с моим письмом на волю, чтобы ветер так же вырывал у Вас из рук – мои листы, как только что из моих – Ваши. (О, ветер ревнив! Вот Вам, отчасти, ключ к «Царь-Девнице». Постепенно расшифруем всё!)

О, какое восхитительное письмо, какое правильное, какое сражающее и какое глубоко-человеческое! (Господи, взглянула на тучу и: огромное белое око, прямо, в упор: всё солнце!)

Дружочек, то, что Вы говорите о Психее и Елене – слова цельной и неделимой сущности и мои слова, когда я наедине – и перед таковой. Это мои слова о себе и к Вам. К раздробленным их отнести невозможно. Милый друг, последнее десятилетие моей жизни, за тремя-четырьмя исключениями – сплошные Prager-Diele. Я прошла жестокую школу и прошла ее на собственной шкуре (м. б. на мне учились, не знаю!) Двадцати лет, великолепная и победоносная, я во всеуслышание заявляла: «раз я люблю душу человека, я люблю и тело. Раз я люблю слово человека, я люблю и губы. Но если бы эти губы у него срезали, я бы его все-таки любила». Фомам Неверующим я добавляла: «я бы его еще больше любила».

И десять лет подряд, в ответ, непреложно:

– «Это Романтизм. Это ничего общего с любовью не имеет. Можно любить мысль человека – и не выносить формы его ногтей, отзываться на его прикосновение – и не отзываться на его сокровеннейшие чувства. Это – разные области. Душа любит душу, губы любят губы, если Вы будете смешивать это и, упаси Боже, стараться совмещать, Вы будете несчастной».

Милый друг, есть доля правды в этом, но постольку, поскольку Вы – цельное, а другой – раздробленность. В большинстве людей ничто не спевается, сплошная разноголосица чувств, дел, помыслов: их руки похожи на их дела и их слова – на их губы. С такими, т. е. почти со всеми, эти опыты жестоки и напрасны. Кроме того, по полной чести, самые лучшие, самые тонкие, самые нежные так теряют в близкой любви, так упрощаются, так грубеют, так уподобляются один другому и другой третьему, что – руки опускаются, не узнаешь: Вы ли? В вплотную-любви в пять секунд узнаешь человека, он явен и – слишком явен! Здесь я предпочитаю

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ложь. Я не хочу, чтобы душа, которой я любовалась, которую я читала, вдруг исчезала в птичьей щебете младенца, в кошачьей зевоте тигра, я не хочу такого самозабвения, вместе с собой забывающего и меня. Была моложе – ранило, стала старше – ограничилась высокомерным, снисходительным (всегда скрытым) любопытством. Я стала добра, но за такую доброту, дружочек, попадают в ад. Я стала наблюдателем. Душа, укрывшись в свой последний форт, как зверь, наблюдала другую душу – или ее отсутствие. Я стала записывать: повадки, жесты, словечки, – когда в тетрадку, когда поглубже. Я убедилась в том, что именно в любви другому никогда нет до меня дела, ему до себя, он так упоительно забывает меня, что очнувшись – почти что не узнает. А моя роль? Роль отсутствующей в присутствии? О, с меня в конце концов этого хватило, я предпочла быть в отсутствии присутствующей (это мне напоминает молитву о «в рассеяньи – сущих») – я совсем отбросила эту стену – тело, уступила ее другим, всем.

Но в глубокие часы души, в час, когда я стою перед таким прекрасным, сущим и растущим существом, как Вы, мое дорогое, мое чудесное дитя, все мои опыты, все мои старые змеиные кожи – падают. Любя шум дерева, беспомощные или свободные манования его, не могу не любить его ствола и листья:

ибо – листвою шумит, стволом – растет! Все эти деления на тело и дух – жестокая анатомия на живом, выборничество, эстетство, бездушие. О, упомянутые Prager-Diele этим цвели, – как и знакомая Вам «Prager-Diele». Здесь – сплошной расчет. Совместительство, как закон, трагедия, прикрытая шуткой, оскорбления, под видом «откровений». – Я просто устранилась, как устраняюсь всегда при заявлении: «то-то и то-то я в Ваших стихах принимаю, того-то и того-то – нет». Это – деление живого, насилие, оскорбление, я не могу, чтобы во мне выбирали, посему: изымаю себя из употребления вовсе, иду в мои миры, вернее вершу свой мир, заочный, где я хозяин!

– ясно? – О, мой друг, как силен должен быть Бог в человеке. чтобы он среди людей не сделался или скотом или демоном!

Ваша зоркость изумительна. В отзыве о «Психее» – «поэтесса». Я как-то поморщилась. И в следующем письме Ваше, вне моего упоминания, разъяснение. То же сегодня. Вчера я Вам писала (еще на Берлин) об эстетстве «отравы ради отравы». и сегодня Ваша приписка; «Что-то в том письме было не так». Вы отвечаете прежде чем я спрашиваю, я бы Вас сравнила с камертоном, Вас не собьешь.

Но, возвращаясь к «боли ради боли», признаюсь Вам в одном. Сейчас, идя по лесу думала: «а откуда же тогда этот вечный вопль души в любви: „Сделай мне больно!“» Жажда боли – вот она, налицо! Что мы тогда хотим? И не об этом ли Вы, отражая писали?

Ведь душа – некая единовременность, в ней все – сразу, она вся – сразу. Постепенность дело выявления. Пример из музыки:

ведь вся гамма в горле уже есть, но нельзя спечь ее сразу, отсюда: если хочешь спеть гамму, не довольствуешься иметь ее в себе. смиришь и признай постепенность.

В. А. Зайцеву я нежно люблю, Аля звала ее «Мать-Природа», а Борис Константинович мне ску-учен! (Аля, года два назад: – «Марина! У него такое лицо, точно его козел родил!»)

И Ходасевич скучен! Последние его стихи о заумности («Современные Записки») – прямой вызов Пастернаку и мне (Мой единственный брат в поэзии!). [1327] «Ангела, Богу предстоящего» [1328] я всегда предпочитаю человеку, а Ходасевич (можете читать Хвостович!) [1329] вовсе и не человек, а маленький бесенок, змеёныш, удавёныш. Он остро-зол и мелко-зол, он – оса, или ланцет, вообще что-то насекомо-медицинское, маленькая отравка – а то, что он сам себе целует руки [1330] – уже совсем мерзость, и жалобная мерзость, как прокаженный, сам роющий себе могилу.

Вам, как литературному критику, т. е. predeterminedенному лжецу на 99 строках из 100, нужно быть и терпимей, и бесстрастней, и справедливей.

Жену его (последнюю) знаю (слегка) и глубоко-равнодушна. [1331] «Мы – поэты» и: «мы, поэты»... и значительные глаза сопредупника – бррр! – я сразу стала говорить о платьях и валютах. М. б. я несправедлива, я вообще легко отталкиваюсь, мое нет людям сравнимо только с моим да – богам! И те и другие мне, кажется, тем же платят.

Из поэтов (растущих) люблю Пастернака, Мандельштама и Маяковского (прежнего, – но авось опять подрастет!) И еще, совсем по-другому уже, Ахматову и Блока (Ключья сердца). Ходасевич для меня слишком бисерная работа. Бог с ним, дай ему Бог здоровья и побольше разумных (обратное: заумным!) рифм и Нин.

Ответный привет мой ему передайте.

Есть ли у Вас «Tristia» Мандельштама? М. б. Вам будет любопытно узнать (как одно из моих отражений) что стихи: «В разноголосице девического хора», «На розвальнях, уложенных соломой», «Но в этой странной, деревянной – и юридической слободе» – и еще несколько – написаны мне. Это было в Москве, весной 1916 г. и я взамен себя дарила ему Москву. Стихов он из-за своей жены (недавней и ревливой) открыто посвятить не решился.

У меня много стихов к нему, когда будете в Берлине, посмотрите (предпоследний, кажется) № «Русской Мысли» – «Проводы». [1332] Кажется, все к нему. Посвятить их ему открыто я из-за его жены (недавней и ревливой) не решилась.

Дружочек, я подарю Вам все свои дохлые шкуры, целую сокровищницу дохлых шкур, – а сама змея молодая и зеленая, в новой шкуре, как ни в чем не бывало.

Может, – и ее подарю!

Моя радость, у меня недавно было сильное огорчение из-за Вас, – так, отзыв, вне моей просьбы, п. ч. все мои самообманы все-таки еще меньшая ложь, чем чужие правды. Я никого о Вас не спрашиваю. Этот отзыв был случаен, он сделал мне больно. Не спрашивайте, чей, этот человек для Вас не важен, и злого в нем ничего не было, – так о нас часто говорят знакомые! – но мне стало больно и на секундочку жутко: а вдруг?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И еще Ваше письмо, которое мне показалось эстетским. О, вот для чего важно услышать голос, – чтобы он потом в тебе покрыл все нарекания ближних и всю рассудочность собственного сердца. Для этого ведь достаточно одной интонации!

А у вас, в Берлине, революция – или вроде? Пулеметная стрельба по ночам? Убийства из-за угла? Пустые магазины? Воззвания? Карточная система?

Так, пожалуй, весь мой приезд провалится. (NB! Тема для статьи: «Женщина и политика».) Напишите, что думаете, когда начнется и когда кончится. А что будет с дорогими издателями? Их книгами будет топить обездоленная интеллигенция!

Стоит ли мне кончать рукописи? Если это бессмысленно, лучше брошу и буду писать стихи. Ответьте на всё, поскольку можете. Я искренно огорчена. Я так радовалась берлинским асфальтам, фонарям, моему дорогому немецкому говору, Вам, моя деточка. А раз я радовалась – революция похожа на правду.

Завтра буду в Праге, увижу свою приятельницу, посижу (или постою) ей для рисунка. Рисунка не показывайте, говорю это в виду собственной свободы с Вами в Берлине, если Вам и мне понадобится. У меня такое дикое количество ненужных знакомых и, сравнительно, такое малое количество дней в Берлине, что голову ломаю: как вернуться?

Видеть мне в Берлине хочется: Любовь Михайловну, Белого и одну милую немку, которая, кажется, пропала. И еще Синезубова (знакомы?). [1333] И, боюсь обидеть, но кажется больше никого. А видеть придется: но фамилий лучше не писать! Мне бы хотелось жить там, где меня никто не найдет. До страсти не хочу споров. А разъяряюсь мгновенно.

К Синезубову пойдем вместе. Это будет волшебно. Я бывала у него в Москве, в маленьком бабы-ягинском доме, в пустыре. Он жил без вещей и без печки. Зяб на полу. Он походил на лукавого монашка. Некое сияющее исподлобье. Я всегда любовалась им.

И к Ремизову вместе (ах, одного все-таки забыла!) – одна я к Ремизову не могу: угнетают и одуряют игрушки, которые с детства ненавижу. Угнетает жизнь в комнате, помимо человека, угнетает комната. Придем с подарком: куплю здесь каких-нибудь чешских уродов, и есть у меня для него какие-то образцы старого славянского письма. [1334]

Все прошлое лето (с 15-го мая по 1-ое августа) у меня было свободно. (Весьма-несвободно – внешне, и нельзя более – внутренне!) Где Вы были?

Читали ли Вы «Николая Курбова»? Начата она была во время нашей горячей дружбы с Эренбургом и он тогда героиню намеревался писать с меня. (Герой – сын улицы, героиня – дочка особняка, так? Или передумал?) [1335]

Зачата в любви, выношенная и рожденная в ненависти, героиня должна была выйти чудовищем. – Так? – Напишите.

Умиляет меня Ваше нянчание с Борисом Николаевичем, [1336] узнаю себя. Думаю, что это дитя глубоко-неблагодарно (как все дети!) но неблагодарностью какой-то более умилительной. Вспоминаю его разгневанный взгляд – вкось, точно вслед копьё – на дракона (Штейнера или еще кого-нибудь).

Встречу с Борисом Николаевичем, как недавнюю встречу с Штейнером, расскажу. «Книга разлук и встреч», – вот моя жизнь. Вот всякая жизнь. Я счастлива на разлуки!

О Борисе Николаевиче – деточка, продолжайте. Вы, кажется, ласковы. Это ему так необходимо. У него никого нет, все эти поклонницы – вздор. Я никогда не была поклонницей Бальмонта, но паек таскать я ему помогала. [1337] Презираю словесность. Все эти цветы, и письма, и лирические интермедии не стоят вовремя зачиненной рубашки. «Быт»? Да, это такая мерзость, что грех оставлять ее на плечах, уже без того обремененных крыльями!

Где Ася? Что с Кусиковым? Встречу – 12 лет назад! – с беловской Асей тоже расскажу. [1338]

«Расскажу»... это не значит, что я не буду слушать. Но слушаю я не речи: сердца – как врач. (И вот уже мысль: сердце можно слушать, как врач и как враг: враг, наклонившийся над спящим!)

Буду много слушать: глазами, ушами, душой. Будем сидеть вечерами в самом нищем кафе, где никого и ничего нет, курить (Вы курите?) и непрерывно расставаться.

27-го июля 1923, пятница.

Слухи о Берлине тревожные. Дитя мое, ради всего святого не попадайте в передрагу. Вы самое дорогое, что у меня есть в этом городе. Дай Бог, чтобы Вы уже успели выехать. (Пишете, что едете в пятницу.) Ну, а потом куда? – Если. –

Знайте, что моя мысль и сердце неустанно с Вами, Вы мне дороги, Вы уже стали частью моей души, хотя я не знаю Вашего лица. Все это проще, чем «Елена» и «Психея».

Пишу поздно вечером, после бурного ясного ветренного дня. Я сидела – высоко – на березе, ветер раскачивал и березу и меня, я обняла ее за белый ровный ствол, мне было блаженно, меня не было.

И вдруг – слухи о Берлине, упорные, со всех сторон, с подробностями, которых и в Берлине не знают. Мир газет – мне страшен, помимо всего, заставляющего ненавидеть газету, эту стихию людской пошлости! – я ее ненавижу за исподтишка, за коварство ее ровных строк.

Адрес мой до 1-го сентября прежний, дальше – не знаю, ибо переезжаю.

Беспокоюсь о Вас. Пишите.

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Приписки на полях:

В последнюю минуту получаю Вашу открытку и отправляю по старому адресу.

Мой привет милой В. А. Зайцевой и Михаилу Андреевичу. [1339] Хорошее они время выбрали для возвращения.

17-го августа 1923 г.

Дошли ли до Вас мои письма от 26-го и 28-го июля, посланные, согласно Вашему указанию, по старому адресу. Никогда бы не потревожила Вас в Вашем молчании, если бы наверное знала, что причина ему – Ваша воля, а не своеволие почты.

Я писала Вам дважды и ответа не получила. Последнее, что я от Вас имела – Ваша открытка от 25-го июля (3 недели назад).

Если мои письма дошли – всякие объяснения Вашего молчания излишни, равно как всякие Ваши дальнейшие заботы о моих земных делах, с благодарностью, отклонены.

Письмо, оставшееся без ответа, это рука, не встретившая руки. Вы просто не подали мне руки. Не мое дело – осведомляться о причинах, и не Ваше – о моих чувствах.

Итак, только: дошли или нет!

МЦ.

P. S. Был у Вас от меня с оказией около 30-го июля один человек, но ничего, кроме пустоты и известки, в Вашей квартире не застал.

27-го августа 1923 г., понедельник.

Дитя моей души, беру Вашу головку к себе на грудь, обнимаю обеими руками и – так – рассказываю.

Я за этот месяц исстрадалась. Вы действительно дитя мое – через боль. Достоверности следующие: ни на одно из своих последних писем я не получила ответа, мое последнее письмо (опущенное мною лично, в Праге, 28-го июля) пропало, как Ваше последнее. Станьте на секунду мной и поймите: ни строки, ни слова, целый месяц, день за днем, час за часом. Не подозревайте меня в бедности: я друзьями богата, у меня прекрасные связи с душами, но что мне было делать, когда из всех на свете в данный час душ мне нужны были – только Вы?! О, это часто случается: собеседник замолк (задумался). Я не приходо-расходная книга и, уверенная в человеке, разрешаю ему все. Моя главная забота всегда: жив ли? Жив – значит, мой! Но с Вами другое: – напряжение мое к Вам и Ваше ко мне (?) было таково (о, как я не знаю, не знаю, не знаю других!) что молчание здесь было явно-злой волей: злой, п. ч. мне было больно, волей, п. ч. этого другой и хотел. Я много думала, я ни о чем другом не думала, о Вы не знаете меня! Мои чувства – наваждения, и я безумно страдаю!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вначале это был сплошной оправдательный акт: невинен, невинен, невинен, это злое чудо, знаю, ручаюсь, верю! Это жизнь искушает. – Дождусь. Дорвусь. Завтра! – Но завтра приходило, письма не было, и еще завтра, и еще, и еще. Я получала чудные письма – от друзей, давно молчавших, и совсем от чужих (почти), все точно сговорились, чтобы утешить меня, воздать мне за Вас, – да, я читала письма и радовалась и отзывалась, но что-то внутри щемило и ныло и выло и разъярялось и росло, настоящий нож в сердце, не стихавший даже во сне. Две недели прошло, у меня появилась горечь, я бралась руками за голову и спрашивала: ЗА ЧТО? Ну, любит магазинную (или литературную) барышню, – я-то что сделала? Нет, барышня – вздор: это просто пари. Пари, которое он держал с Иксом или с Игреком: «Доведу до» – «Но, милый друг. Вы удовлетворились малым, в полной чистоте сердца скажу Вам: Вы были на хорошей дороге!» или жест игрока (для 20-ти лет недурно!) – «возьму обратным!» – Но, друг, я не из тех, льстящихся на плетъ. И – глупо: зачем плетъ, когда все само плыло Вам в руки? Когда вся тайна, вся сила и все чары были в правде: в абсолютной разверстости душ? Игроки у меня проигрывают.

О, много было мыслей, и возгласов, и чувств. И такая боль потери, такая обида за живую мою душу, такая горечь, что – не будь стихи! – я бы бросилась к первому встречному: забыться, загасить, залить.

О, мне этого хотелось: откровенной и явной стены тела, о которую не разбиваешься, потому что ведь знаешь – стена! Явной стены, сплошного веселья, настоящей игры (о, как я на нее неспособна!) чтобы и помину не было о душе, – зачем душа, когда ее так топчут?! И не Вам месть – себе: за все ошибки, за все перелеты, за эти распахнутые руки, всегда хватающие воздух.

Друг, я не маленькая девочка (хотя – в чем-то никогда не вырасту), жгла, обжигалась, горела, страдала – все было! – но ТАК разбиваться, как я разбилась о Вас, всем размахом доверия – о стену! – никогда. Я оборвалась с Вас, как с горы.

Последние дни я уже чувствовала к Вам шутовское презрение, я знала, что Вы и на это письмо мне не ответите.

Я получила Ваше письмо. Я глядела на буквы конверта. Я ничего не чувствовала. (Я не из плачущих, слез не было ни разу, не было и сейчас.) Я еще не раскрыла письма. Внутри было – огромное сияние. Я бы могла заснуть с Вашим письмом на груди. Этот час был то, к чему рвалась: в сутках 24 ч., а дней всех 32 ... = 768 часов, о, я не преувеличиваю, Вы еще меня мало знаете: знайте! Это письмо было предельным осуществлением моей тоски, я душу свою держала в руках. – Вот. –

Думаю о бывшем. Дитя мое, это был искус. Одновременная пропажа двух писем: два вопроса без ответа. В этом что-то роковое. (Принято: «роковая случайность», но может и быть: случайный рок, рок, случайно зашедший в наши 20-го века – двери!). Жизнь искушала – и я поддалась. Вы, мое кровное, родное, обожаемое дитя, моя радость, мое умиление, сделались игроком, почти что приказчиком, я вырвала Вас из себя, я почувствовала омерзение к себе и неохоту жить. Я была на самом краю (вчера!) другого человека: просто – губ. Целый тревожный вечер вместе. Тревога шла от меня, ударялась в него, он что-то читал, я наклонилась, сердце обмерло: волосы почти у губ. Подними он на 1/100 миллиметра голову – я бы просто не успела. Провожала его на вокзал, стояли под луной, его холодная как лед рука в моей, слова прощания уже кончились, руки не расходились, и я: «Если бы...» и как-то задохнувшись: «Если бы...» (...сейчас не была такая большая луна...) и, тихонько высвободив руку: «Доброй ночи!»

Изменяем мы себе, а не другим, но если другой в этот час – ты, мы все-таки
Страница 417

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
изменяем другому. Кем Вы были в этот час? Моей БОЛЬЮ, губы того – только желание
убить боль.

Это было вчера, в 12-том часу ночи. Уходил последний поезд.

Думай обо мне что хочешь, мальчик, твоя голова у меня на груди, держу тебя
близко и нежно. Перечти эти строки вечером, у последнего окна (света), потом
отойди в глубь памяти, сядь, закрой глаза. Легкий стук: «Я. Можно?» Не открывай
глаз, ты меня все равно узнаешь! Только подвинься немножко, – если это даже
стул, места хватит: мне его так мало нужно! Большой ты или маленький, для меня
ты – все мальчик! – беру тебя на колени, нет, так ты выше меня и тогда моя
голова на твоей груди, а я хочу тебя – к себе. – Так или иначе, ты у меня на
груда-суровой! – только не к тебе, потому что ты мое дитя – через боль. И вот я
тебе рассказываю: рукой по волосам и вдоль щеки, и никакой обиды нет, и ничего
на свете нет, и если ты немножко глубже прислушаешься, ты услышишь то, что я так
тщетно тщусь передать тебе в стихах и в письмах – мое сердце.

У меня есть записи всего этого месяца. «Бюллетень болезни». Пришлю Вам их после
Вашего следующего письма.

Убедите меня в необходимости для Вас моих писем – некая трещина доверия, ничего
не поделаешь.

1-го переезжаю в Прагу, адрес мой: Praha, Kašire, Švedska ul. 1373 – мне –
недели 2–3 Вы можете писать мне все, что – и как часто – захочется, потом
извещу. Первое письмо прошу заказным, меня еще там не знают, и может пропасть, а
я больше – не могу!

Оказия, не заставшая Вас, была просто деньги в письме (передававший не знал), я
боялась Вашей революции и хотела, чтобы у Вас была возможность выехать. Сейчас,
в виду переезда, их у меня уже нет, но как только войду в колею, непременно
вышлю – если Вам нужны, о чем убедительно прошу сообщить. Кроны здесь – ничто, в
Берлине – они много, и я неспособна на только-лирическую дружбу. Просто – Вы
мой, и Ваши заботы – мои.

А вот Вам «земная примета»: лица: мое и Алино, скорее очерки, чем лица. Серезу
отрезала, потому что плохо вышел, у него прекрасное лицо.

Дружочек, в следующем письме, если найдете это нужным, напишите мне, что Вы
думали о моем молчании, как Вы его толковали. Неужели Вы великодушнее меня?!

МЦ.

28-го августа 1923 г., среда

Милый друг,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Выслушайте меня как союзник, а не как враг. Мне предстоят трудные дни. Расстаюсь с Алей и отправляю ее в гимназию (в Моравию). Сережа уже там. У нас было решено, что Аля поедет с детьми (сейчас конец каникул, и дети съезжаются) а я перееду в Прагу, где у нас уже снята комната, и буду жить там. Вот те 2-3 свободные недели, о которых я Вам писала, Сегодня получаю письмо: мое присутствие необходимо, необходимо ввести Алю в гимназическую жизнь. Моравия – вторая Германия (NB! Моя страсть!), чудные прогулки, – словом: нет двух недель.

Эти две недели мне нужны были для моих писем к Вам, я не умею жить и писать на глазах, – хотя бы самых любимых. Я ничего не умею, что умеют люди: ни лицемерить, ни скрывать (хранить – умею!), мое лицемерие – только вторая правда, если лицо, равнодушное, не выдает – выдают голос и жест, а причинять малейшее страдание, хотя бы задевать другого – для меня мука, Вам все ясно.

До отъезда своего из Праги, мне необходимо от Вас настоящее письмо, с ним, в Моравии, буду счастливой, без него буду томиться и рваться, о я еще далеко не вылечилась, мне необходимо сильное средство, какое-то Ваше слово, не знаю какое.

Я сейчас – Фома Неверный, этот последний месяц подшиб мне крыло, чувствую, как оно тащится. [1340]

Убедите меня в своей необходимости, – роскошью быть я устала! Не необходима – не нужна, вот как у меня. Но, дитя, до слова своего – взвесьте. После такой боли, как весь этот месяц напролет – немножко боли больше, немножко меньше... Ведь я еще не выклась в радость, покоя и веры у меня еще нет.

Я сейчас на внутреннем (да и на внешнем!) распутье, год жизни – в лесу, со стихами, с деревьями, без людей – кончен. Я накануне большого нового города (может быть – большого нового горя?!) и большой новой в нем жизни, накануне новой себя. Мне мерещится большая вещь, влекусь к ней уже давно, для нее мне нужен покой, то есть: ВЕСЬ человек – или моя обычная пустота.

Не будьте моим врагом, не вводите в обман, не преувеличивайте чувств и слов, вслушайтесь.

Могут ли все мои мысли и все мои чувства и каждый мой стих и каждый мой сон, вся я (а где мне – конец?!) идти к Вам домой?

Вот вопрос, на который я жду ответа.

Достоверно же – так:

Скорее всего в первых числах (около 5-го) поеду в Моравию и пробуду там до 15-го. Адрес свой тотчас же по приезде сообщу, пишите мне в Моравию о том, как жили в Prgow, [1341] о том, как сейчас живете, мне все дорого о Вас. Если я там буду с Вашим настоящим письмом (которое хочу получить еще в Праге) я буду очень счастливой, буду неустанно о вас думать и брать вас с собой всюду, вы будете моим неизменным гостем и спутником, моей тайной радостью.

Вернувшись в Прагу, опять-таки напишу Вам. Только сообщите: не пристраивают ли к Вашему дому – еще этажа?

– Удивлены? – Теперь, дружочек, слушайте. Разгон у меня был взят. Камень летел с горы и ничто не могло его остановить. За месяц (миг!) он пролетел... но что считать, когда дна нет?! Ваше отсутствие, затемнив мне Вас – ко мне, уяснило мне себя – к Вам. Душа шла гигантскими шагами, одна, в темноте. Вы же не можете не видеть разницы тона и темпа в тех письмах – и в этих.

«Пусть все это игра – и притом
Может выйти – игра роковая...»
(Фет)

– Все мои игры таковы. –

Из Праги перед отъездом вышлю Вам «Бюллетень болезни», Вам он необходим, как известный переход. Это – точная запись, почти что – час за часом.

Забыла сказать, что у меня к Вам целая стая стихов.

Вчера, под луной, ходила с одним моим приятелем[1342] (о нем найдете в «Бюллетене») высоко и далеко в горы. Был безумный ветер. Нас несло. На шоссе – ни души. Деревья метались, как шекспировские герои. Ветер кому-то мстил. Пыль забивала глаза, временами приходилось сгибаться вдвое и так мчаться – лбом. Потом сели: захотелось курить. Ветер выбивал из папиросы целые костры искр: сухо, сосна, я уже видела горящие леса и всю Чехию в пожаре. Промчался автомобиль. Нас не видел, ослепленный собственным светом. Я сидела рядом с тем и думала: «Почему не –»

В мой последний день здесь пойдем с ним ночевать в горы, разведем костер, будем провожать луну и встречать солнце. И еще – ловить раков в ручье. И еще – говорить о привидениях.

Это – странная дружба, основанная на глубочайшем друг к другу равнодушии (ненавидит женщин, как я – мужчин), так дети дружат, вернее – мальчишки: ради совместных приключений, почти бездушно. Он называет мне все травы и все дурманы, и кормит меня вишневым клеем и орехами и просто волчьими ягодами.

Будет ли у нас с Вами когда-нибудь – такой костер? (NB! Если и будет – то не такой!)

Что еще? Ах, самое важное, вчера забыла: после Вашего письма – безумный лай. Гляжу: нищенка: горбатая, с мешком за плечами: Судьба. Я сразу поняла: за откупом. Сгрэбла, что попало под руку: Алины вещи, свои, обувь, хлеб, тряпье, – набила ей полный мешок. – «Хцёте то? И ещё то?» Чахлый мешок надулся, как удав: второй горб на горбу! Она, не зная, что – Судьба, совсем ошалела от радости.

Словом, откупились. Ушла, обещав еще зайти. И еще откуплюсь. Уходя, безумно

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
целовала мне руки (NB! демократическое государство). Я еле спаслась.

У Судьбы, кстати, трое детей и муж – тоже горбатый. Уверяет, что на всех них вместе – ни одной рубашки. Придется мне одевать и сына Судьбы, и двух дочерей Судьбы, и мужа Судьбы. Если бы я не уехала, пришлось бы покупать им дом и места на кладбище.

– Дружочек, Вы меня разоряете!

Поздно вечером.

Только что вернулась с огромной прогулки (27 километров!) Скалы, овраги, обвалы, обломы – не то разрушенные храмы, не то разбойничьи пещеры, все это заплетено ежевикой и задушено огромными папоротниками, я стояла на всех отвесах, сидела на всех деревьях, вернулась изодранная, голодная, просквоженная ветром насквозь, – уходила свою тоску!

Ходили: мой тихий приятель, Аля и я. Вернулись, уложила Алю – и вслед за ней два огромных чемодана: рукописи, отребья, сапоги, кастрюльки, – весь необходимый хлам нищеты.

Потом пошла за водой: пустое ведро гремело, полное – колыхало луну. (Неужели Вы сейчас спите?!) Луна – огромная.

Сейчас лягу и буду читать Троянскую войну. Никого не могу читать, кроме греков. У меня огромный немецкий том: там всё. [1343] К Трое я подошла через свои стихи, у меня часто о Елене, я наконец захотела узнать, кто она, и – никто. Просто – дала себя похитить. Парис – очаровательное ничтожество, вроде моего Лозэна. [1344] И как прекрасно, что именно из-за них – войны!

Спокойной ночи, дружочек. Когда я думаю о скольком мне еще надо сказать и о скольком спросить, у меня точное видение Бесконечности.

МЦ.

Завтра чуть свет, еду в Прагу перевозить вещи. В воскресенье переезжаю совсем. У меня дом на горе – и весь город у ног.

Посылаю Вам обещанный рисунок. Худоба моя несколько преувеличена, но в общем похоже. И еще похоже: на выдру.

Мой адрес в Праге:

Praha, Smichov

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Svedska ul., č. 1373

– мне. –

(Тот адрес в прошлом письме несколько неверен, но, если уже написали, пойдет. Этот – верный.)

БЮЛЛЕТЕНЬ БОЛЕЗНИ

9-го августа 1923 г.

(NB! Письма не читайте сразу, оно жилось и писалось – месяц.) Переписываю это письмо почти без всякой надежды его отослать, так, «на всякий случай» (на случай чуда!). Это – записи многих дней, и перенося их на этот лист бумаги, я занята скорее приведением в ясность своей души, нежели чем-нибудь другим. Итак – на всякий случай! – слушайте.

26-го июля.

А! Поняла! Болевое в любви лично, усладительное принадлежит всем. Боль называется ты, усладительное – безымянно (стихия Эроса). Поэтому «хорошо» нам может быть со всяким, боли мы хотим только от одного. Боль есть ты в любви, наша личная в ней примета. (NB! Можно это «хорошо» от всякого не принять.) Отсюда: «сделай больно», т. е. скажи, что это ты, назовись.

Верно? Кажется, да.

Смогу ли я, не считаясь (с чужим расчетом) быть с Вами тем, кто я есмь. Вы в начале безмерности.

Помните, что Вы должны быть мне неким духовным оплотом. «Там, где все содержание, нет формы» – это Вы обо мне сказали. И вот, эта встреча чужого отсутствия (сплошной формы) с моим присутствием (содержанием) – словом, в Берлине у меня много неоконченных счетов, я должна иметь в Вас союзника, некий оплот против собственной безмерности (хотя бы стихии Бессонницы!) Стихи мои от людей не оплот, это открытые ворота, в которые каждый волен. Я должна знать, что я вся в Вас дома, что мне другого дома не нужно.

(Вы наверное думаете, что я страшно торгуюсь: и собакой (слепого!) будь, и оплотом (сильного!) будь. Деточка, м. б. все выйдет по-другому, и я от Вас буду искать оплота?! – шучу. –)

Знайте, что я далеко не все Вам пишу, что хочу, и далеко еще не все хочу, что буду хотеть.

Однажды, когда мне было 17 лет, один человек говорил мне, что меня любит. – «Отыщите мой любимый камень на этом побережье», ответила я: «тогда я поверю, что Вы меня любите». Дело было в Крыму и побережье длилось на несколько верст.

Вы, ничего не говоря и без всякой моей просьбы, этот камень взяли и подали. Этот камень – «Добровольческий Марш» в «Ремесле», и этот камень еще – то (не знаю, что) что Вы мне из всех людей сейчас в письмах даете.

Хорошо именно, что вам 20 лет, а мне 30 лет. Если бы я была на 7 лет старше, я не говорила бы о материнстве.

Что совершает события между нами?

30-го июля.

Мой друг, скучаю без Вас. Скука во мне – не сознание отсутствия, а усиленное присутствие, так что, если быть честным: не без Вас, а от (!) Вас.

В каком-то из Ваших писем Вы, на не совсем еще умелом, но чем-то уже мне кровно-близком языке Вашем, пишете: «мне не хватало теплоты». Прочтя, задумалась, п. ч. во мне ее нет. И тут же, мысленно перечеркнув, поставила: нежность. И тоже задумалась, потому что во мне она есть.

Дитя, никогда не берите (а м. б. – никогда не ждите!) – никогда не применяйте ко мне того, что заведомо не может жечь: ведь даже лед жжет! И бесстрашие жжет! А вот теплота – нет, п. ч. она тогда уже жар, т. е. ее уже нежность. А нежность: от ледяной – до смоляной! И все-таки – нежность.

Так вот, об этой нежности моей...

Думаю о Вас и боюсь, что в жизни я Вам буду вредна: мое дело – срывать все личины, иногда при этом задевая кожу, а иногда и мясо. Людей Вы через меня любить не научитесь, всё, кроме людей – ДА! Но живут «с людьми»...

У меня нет даже этого утешения: Вашего опыта со мной. Мой случай слишком редок (не читайте: ценен), чтобы когда-либо в чем-либо Вам служить.

1-го августа.

Я давно не слышала Вашего голоса, и мне уже немножко пусто без Вас. Молчание мне враждебно, я молчу только, когда это нужно другому. Голос – между нами – единственная достоверность. Когда я долго Вас не слышу, Вы перестаете быть.

О разминовении взглядов и прочем.

Пока я буду говорить: «Нет, не так, так не надо, так – надо» – все хорошо, ибо за всеми этими нет – одно сплошное ДА. Когда же начнется: «да, да, правильно, совершенно верно» – ВСЕ поздно: ибо за всеми этими да – одно сплошное НЕТ.

(В первом – сосредоточенное внимание, страстная жажда правды, своей и чужой, исхищеннейшее и напряженнейшее проникновение в другого: ЧУДО доверия, все взятые барьеры розни.

Во втором: снисхождение, высокомерие, усталость, равнодушие, бездушие.

В первом: tout à gagner.[1345]

Во втором: rien à perdre!)[1346]

Присылайте мне вырезки всех Ваших статей: газетами брезгую, но Вас (сущность) чту. Вы для меня не газета, а книга, распахнутая на первой странице. Бытия.

Мне это важно, как встреча с Вами вне Вас и меня, как Вы – и мир. Много ли Вы в газетах лжете? (Иного они и не заслуживают.) – Прочувствовать Вас сквозь ложь. –

Стихи сбываются. Поэтому – не все пишу.

Перечтите, если не лень, в «Ремесле» – Сугробы.

«И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здесь нет свиданьица,
Здесь только проводы...»[1347]
Писано было в полный разгар дружбы, все шло к другому, – а ведь вышло! сбылось!
В час разминовения я бы иначе не написала.

Я знаю это мимовольное наколдовыванье (почти всегда – бед! Но, слава богам – себе!) Я не себя боюсь, я своих стихов боюсь.

Как странно, что пространство – стена, в которую ломишься!

2-го августа.

Когда люди, сталкиваясь со мной на час, ужасаются теми размерами чувств, которые во мне возбуждают, они делают тройную ошибку: не они – не во мне – не размеры. Просто безмерность, встающая на пути. И они, м. б., правы в одном только: в чувстве ужаса.

4-го августа.

Просьба: не относитесь ко мне, как к человеку. Ну – как к дереву, которое шумит Вам навстречу. Вы же дерево не будете упрекать в «избытке чувств», Вы только услышите, как «уста глаголют». Если Вы меня заставите с Вами быть человеком, т. е. считать, я замкнусь, п. ч. считать я не умею.

В молчании – что? Занятость? Небрежность? Расчет? «Привычка»? Преувеличенно-исполненная просьба? Теряюсь. Через несколько дней (10, примерно) привыкнув и отказавшись, успокоюсь. Но пока мне эти дни тяжелы.

Чувствуете ли Вы то, что я? В письме узнаю. Если нет – Schwamm drüber, [1348] как говорят немцы.

3-го августа (перепутала записи)

Дружочек, пишу Вам на той же горе и, кажется, в тот же день. Вышло нечаянно. Но тогда была туча, сейчас ее нет, сплошь-туча: небо без событий. И те же лиственницы, только беспомощные, п. ч. без солнца. [1349]

Сейчас, когда я, всходя по тропинке, раздвигала маленькие нежные колкие елочки, у меня было чувство, что это всё – Вы, Ваша душа, а мысли были такие: «Держал пари с Ходасевичем: „Окручу в три письма“. Ходасевич: „Нет, в пять“. – „Три. Пари“. – „Пари!“» (Дружочек, что Вы выиграли?)

Руки, гладившие елочки, думали одно, голова другое. Потом я уже перестала гладить елочки, легла на спину и стала глядеть в небо. Постепенно все уплыло.

5-го августа.

Мне некому о Вас сказать. Аля, с 2-х лет до 9-ти бывшая моим «в горах – отзывом», сейчас играет в куклы и глубоко-равнодушна ко мне. Вы моя тайна, сначала радостная, потом болевая. О, Бог действительно хочет сделать меня большим поэтом, иначе бы Он так не отнимал у меня всё!

Наблюдаю боль (в который раз!) Те же физические законы болезни: дни до, взрыв, постепенность, кризис. До смерти у меня никогда не доходило, т. е. чтобы душа умерла!

Боль для меня сейчас уже колея, с трудом – но ввыкаюсь.

Я поняла: Вы не мой родной сын, а приемный, о котором иногда тоскуешь: почему не мой?

6-го августа.

Болезнь? Любовь? Обида? Сознание вины? Разочарование? Страх? Оставляя болезнь: любовь, – но чем Ваша любовь к кому-нибудь может помешать Вашей ко мне дружбе? Обида – да, поводов много: просьба не писать, отзыв о Ходасевиче, отзыв о его жене, упрек в эстетстве... Но только по шерсти – разве это не превращаться (Вам) в кошку? Сознание вины? Т. е. содеянное предательство. – Но разве у меня есть виноватые? Разочарование: «слишком сразу отозвалась». Друг, я не обещала Вам быть глухой! Страх: вовлечься. Я не вовлекаю и не завлекаю, я извлекаю: из жизни, из меня – в Жизнь!

И, последнее, просто небрежность. Не верю в такую простоту. Небрежность – следствие.

Мне уже не так больно (7-ое, 10-ый день) еще 10 дней – и пройдет, перегорит, переболит. У меня уже любопытство (враждебное скорей себе, чем Вам) уже усмешка (опять-таки над собой!) Горечь – это скорей холод, чем жар. Вроде ожога льда.

8-го, на горе.

Нет, мне еще очень больно. Но я безмерно-терпелива. Сегодня утром – письмо, смотрю – не Ваш почерк, все равно чей, раз не Ваш. Завтра 2 недели, как я получила Ваше последнее письмо. Что я теряю в Вас? Да временное русло своей души, общий знаменатель дел и дней, упор свой. – Опять разливаться! –

Вы были моим руслом, моей формой, необходимыми мне тисками. И еще – моим деревцем!

Душа и Молодость. Некая встреча двух абсолютов. (Разве я Вас считала человеком?!) Я думала, – Вы молодость, стихия, могущая вместить меня – мою! Я за сто верст.

Если Вы тот, кому я пишу. Вы так же мучаетесь, как я.

12 bis августа, понедельник

Боль уже перестала быть событием, она стала состоянием. Что Вы были – я уже не верю, Вы – это моя боль. Ваших писем я не перечитываю, я не хочу, чтобы слова, сказанные вчера, звучали во мне и сегодня, не хочу ни вчера, ни сегодня, а завтра – меньше всего. Я с Вас оборвалась, как с горы. – Точное чувство. –

Живу, уже почти не жду почтальона, пишу, шью, хожу. Как я странно в этой встрече предвосхитила боль. Ведь не иначе было бы, если бы мы, предположим, в упор встретились, и так расстались. Но, ручаюсь, что моя боль – большая, я обокрадена – на все будущее, тогда бы – только на бывшее.

– Бюллетень болезни – так бы я определила письмо. Внимательный ли я врач? И послушный ли я больной?

Ах, да, странность: я пересылала Вам в Берлин – теперь не скажу, что, неважно – одну вещь, с оказией. Человек был у Вас, примерно, 1-го, долго искал (адрес был дан точный) наконец забрел на самый верх дома – и ничего: ремонт, маляры, ободранности. Так ничего и не добился.

А ведь похоже на меня: точный адрес, иду уверенная, номера не те, – значит выше, поднимаюсь: леса, известка, пустота: ни души, ни следа. Это моя душа к Вам ходила. Да.

А у меня – своя трагедия, о которой потом. И вообще смута. О Берлине не говорю, но вокруг меня говорят. Еду? Нет?

Удивляет меня во всем этом – одно: ведь Вы со мной связаны моими просьбами (книги, виза и пр.) Вот это уклонение от элементарной вежливости знакомого. Оповестить – это меньше всего исполнить! «Не имею времени – занят – к сожалению, невозможно»... – все, что хотите... Ваш разрыв бесформенен. Вы со мною кончаете так, как с Вами начинала я: конец в кредит.

Друг, друг, стихи наколдовывают! Помню, в самом первом своем письме (после
Страница 427

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Ремесла», в тетрадку) я намеренно (суеверно) пропустила фразу:

«Начинать наугад с конца
И кончать еще – до начала!»
(Из юношеских стихов). [1350] первая строка – я, вторая – Вы. Пропустила, а
сбылось!

14-го августа, вторник.

Думаю иногда: кто же будет той последней каплей горечи, превратившей меня в
насыщенный (ею) раствор?

Если Вы кому-нибудь, хвастаясь, говорите: добился же! – я Вам вполне серьезно
отвечу, что – мало: могли бы – большего.

Мало того, что я Вас никогда (глазами) не видела и (ушами) не слышала, надо еще,
чтобы Вы исчезли из моего внутреннего слуха и взгляда: чтоб неслышанный голос –
замолк!

И после этого мне говорят, что я выдумываю людей!

Бог хочет сделать меня богом – или поэтом – а я иногда хочу быть человеком и
отбиваюсь и доказываю Богу, что он неправ. И Бог, усмехнувшись, отпускает:
«Поди-поживи»...

Так он меня отпустил к Вам – на часочек.

Теперь Вы видите, как пишутся стихи.

Думаю о своей последней книге. Поскольку предыдущая («Ремеслом – звонка,
постольку эта – глуха. Та – вся – ввысь, эта – вся – вглубь».) У нее прекрасное
название, и я ее люблю нежней и больней других.

Вы когда-нибудь напишите о ней «рецензию». [1351]

Получаю множество писем. Из vadeort'ов, kurort'ов, а Ваше было бы из
Страница 428

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Seelenort'a.[1352] а может бълъ – те все приходят в Горние Мокропсы, ċislo 33, а
Ваше одно бы – в Душу! Я сейчас глуха ко всем. Есть только один человек –
далё-еко – чье письмо бы меня взволновало больше (?) Вашего.[1353]

Пространство – стена, но время – брешь. Будет день, число, час, я все узнаю. Это
дает мне спокойствие. Я не люблю участвовать в своей жизни: о, не лень! –
брезгливость: устилать себе дорогу коврами. Пальцем не шевельну, чтобы облегчить
себе ношу, сократить себе сроки.

16-го августа, четверг.

А вчера был соблазн. Я сидела с человеком, заведомо знающим Вас. И, после долгих
борений, прохладно: «Кстати, не знаете ли Вы адрес такого-то?» – «Знаю, т. е.
могу. Вам это срочно?» – «О, нет. У меня с ним дела». Спросила – и отлегло. Не
из какой-либо пользы – будь Вы в соседней комнате, я бы без зова Вашего туда не
вошла! – нет, только лишний соблазн (уже преодоленный!) лишний барьер (уже
взятый!): лишний – труднейший! – себе отказ. Это – из болевых достижений, а из
радостных:

некое удостоверение в Вашем существовании: раз есть адрес – есть человек.

Кстати, адреса Вашего так и не знаю, весь упор был в вопросе, ответа я как-то
недослышала: не то узнает, не то может, не то мог бы узнать.

Только что – пять писем: от Павлика Антокольского (почти что – друга детства:
первые дни Революции: 100 лет назад!) – от Н. Д. Синезубова (художник, –
знаете?) – тоже давнего друга: вместе бродили по последней Москва – письмо из
Моравии – письмо из Сербии – письмо из Парижа, от моего обожаемого вернейшего и
взрослейшего друга Князя Сергея Михайловича Волконского (наверное, читали?) –
всем нужно отвечать, а отвечаю – Вам.

Дитя, каждое мое отношение – лавина: не очнись, пока не докачусь! Я не знаю
законов физики, но не сомневаюсь, что где-нибудь, под каким-нибудь параграфом
умещаюсь целиком.

М. б. из этих записей мало встает боль! Но это единственное, к чему я ревнива.

Кстати, нынче три недели, как от Вас ни слова. А я думала, что пройдет в 10
дней!

18-го августа.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вчера отправила Вам письмо.

Боли хотели – Вы, а получила ее – я. Справедливо?

Вы украли у меня целых три недели жизни. Вы бы могли их получить в подарок. А сейчас – украли и выбросили, ни Вам, ни людям.

Писала я эти дни мало и вяло: точное ощущение птицы, которая не может лететь. Беседа со стеной, за которой никого нет. БЕЗ ОТЗЫВА!

Если Вы и на это письмо мне не ответите. Вы просто... (и, удержавшись:) – невоспитанный человек.

До чего-то в этой встрече мне нужно дорваться. Обо что-то твердое удариться. Вы возбуждаете во мне дурные чувства: жажду боли: МЕСТНОЙ боли, которая бы перекричала общую.

Ждать мне еще долго. Все эти дни я неустанно хожу.

Мой спутник – молоденький мальчик, простой, тихий. [1354] Воевал, а теперь учится. Называет мне все деревья в лесу и всех птиц на лету. Выслеживаем с ним звериные тропы. Я не люблю естественных) наук, но его с удовольствием слушаю. Он сам – как дикий зверек, всех сторонится. Но ко мне у него доверие. Стихов не любит и не читает.

Вот и сейчас, дописав эти строки, пойду к нему на горку, под окно. Вызову, побредем. Сегодня – за орехами.

21-го августа, вторник.

Еще несколько мыслей вслух. – К Вам ли все то, что я чувствую, или не к Вам? «Повод» для чувств, – но почему именно Вы, а не сосед? Соседей у Вас много. Помню, я с первого разу, прочтя Ваш отзыв, как-то по-человечески, лично – взволновалась.

Ах, встречная мысль! М. б. я пишу к Вам – через десять лет, к Вам через двадцать, выросшему, человеку. М. б. я только опережаю Вас. – Но откуда тогда любовь к деревцу?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В четверг будет ровно месяц с Вашего последнего письма. В этом какое-то успокоение.

25-го, суббота.

Я устала думать о Вас: в Вас: к Вам. Я перед Вами ни в чем не виновата, зла Вам не сделала ни делом, ни помыслом. Обычная история – не в моей жизни, а вообще в жизни душ, душу имеющих. Вы, очевидно, бездушная кукла, эстет, мелкий игрок. Но все эти определения все-таки не изъясняют Вашего поведения, ах как мне хочется назвать Вас одним словом!

Это последняя страница моего письма, вырывать его из тетради не буду, мало того: когда-нибудь, в свой час – Вы его все-таки получите.

На днях уезжаю, для Вас мой след потерян, а для меня – Ваш во мне! Оставляю Вас здесь, в лесах, в дождях, в глине, на заборных кольях, – одного с здешними заживо-ощипанными гусями.

В Прагу Вас с собой не беру, а в Праге у меня хорошо: огромное окно на весь город и все небо, улицы – лестницами, даль, поезда, туман.

В Праге непременно пойду к гадалке с Вашим письмом, что расскажет – забуду. А когда Бог на Страшном Суде меня спросит: «Откуда такая ненависть?» я отвечу: «Должно быть – уж очень хорошо любила».

Мне не любовь нужна, мне нужна ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. Ваш поступок бесчеловечен. (Это не значит, что Вы – бог, или полубог!) И еще – невоспитан, это, пожалуй, меня огорчает больше всего.

26-го, воскресенье.

Кончился бюллетень, но кончилась ли – БОЛЕЗНЬ? А 27-го – письмо, и я безумно счастлива.

Прага. 5-го сентября 1923 г. [1355]

Дружочек,

Вы настолько чисты и благородны в каждом помысле, так Там живете, а не здесь, что со спокойным сердцем разрешаю Вам писать мне в Моравию, где буду не одна – что угодно.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы моих писем бойтесь, т. е. или сжигайте, или берегите их. В моих руках жизнь другого человека, жизнь жестока, бойтесь Случайностей, не бросайте моих писем. – Я страстнее Вас в моей заочной жизни: человек чувств, я в заочности превращаюсь в человека страстей, ибо душа моя – страстна, а Заочность – страна Души. Вы – тут задумываюсь: боюсь, что Вы человек мимолетностей, ощущений, в письмах (Заочности) Вы дорастаете до чувств. Поэтому Вы всё мне можете писать, а я даже не все могу к Вам думать.

Ваше письмо опять висело на волоске, получила его только благодаря задержке в Праге (завтра еду), если бы уехала, как думала – нынче, 5-го, в 10 ч. утра – оно бы меня не застало, и я уехала бы в смуте.

Пишите мне пока в Моравию, вот адрес – впрочем, перепису его на отдельном листке. Это письмо все-таки из породы вечного, а адреса наши так же мимолетны, как мы сами. Перед самым отъездом напишу Вам еще, мне о многом нужно спросить, о многом сказать.

Шлю Вам свою любовь и память.

МЦ.

Если не соберетесь до 15-го или письмо запоздает, пишите на Прагу, как предыдущее письмо (Smíchov и т. д.).

Адрес на обороте, до 15-го, оттуда сообщу, если задержусь.

Прага, 5-го и 6-го сентября 1923 г.

Мое дорогое дитя,

Только что отправила Вам «Бюллетень болезни», – берегите эти листки! Мне они не нужны: память моя – все помнит, сердце же – когда прошла – НИЧЕГО. Никакие листки не помогут. Я просто скажу: «Это была другая» – и, может быть: «Я с ней незнакома».

(Нет, нет, пусть Вам не будет больно, моя нежность, моя радость, у нас еще все впереди!)

Берегите их для того часа, когда Вы, разбившись о все стены, вдруг усумнитесь в существовании Души. (Любви.) Берегите их, чтобы знать, что Вас когда-то кто-то – раз в жизни! – по-настоящему любил. Потому что любовь – тоска: из кожи, из жил, из последней души – к другому. Это протянутые руки, всегда руки: дающие, ждущие, бросающие, закручивающиеся вокруг Вашей шеи, безумные, щедрые, бедные, заломленные, – ах, друг! – если бы я сейчас могла взять Вас за руку, я бы сразу и все поняла, что для меня еще сейчас и до нашей встречи – неразрешимый вопрос.

Кто Вы? Что Вы? Слабый Вы или сильный? Ребенок или взрослый? Эстет или человек? Национальность или человек? Профессия – или человек?

В Ваших письмах – не то осторожность, не то робость, не то сдержанность, – ах, наша! – я не чувствую в Вас упора, рука уходит в пустоту.

Сейчас самый настоящий час для встречи. Я ее (в желании своем) не опережала. Но эта тридцатидневная мука (для Вас только – смута, о не спорьте, я ведь не виню!). Богом и жизнью мне зачтется в годá, – друг, ни одной секунды я не верила, что Вы больны, что Вы не можете писать, оцените мое душевное состояние (иных у меня нет!) – словом, мне необходимо Вас видеть и слышать, чтобы поверить или не поверить, отрешиться или вздохнуть.

Милый друг, мое буйство не словесное, но и не действенное: это страсти души, совсем иные остальных. В жизни (в комнате) я тиха, воспитанна, взглядом и голосом еле касаюсь – и никогда первая не беру руки. С человеком я тó, чем он меня видит, чтобы иметь меня настоящую, нужно видеть настоящую, душ во мне слишком много, – все! – я иногда невольно ввожу в обман.

– Увидьте! –

А до костров и ночей – далё-еко! По слухам – ведь все бегут из Берлина?

(Кстати – если – то куда Вы двинетесь?) Дел у меня в Берлине нет, у меня там только Ваша душа! И меньше всего желаю вваливаться в нее с чемоданами.

Дружочек, если Вы мое дитя. Вы должны быть со мной совсем настезь. Не бойтесь, это единственное на что я льщусь и отчего не устаю. Напишите мне о своей семье, о днях (хотя бы и о «днях»), о дружбах, – встаньте живым. Я должна знать, кого я люблю.

Будьте прóсты, не ищите фраз, самое дорогое – то, что сорвалось! – срывайтесь, давайте, т. е. позволяйте срываться: словам с губ, буквам с пера, не думайте, не считайте, будьте.

Вы настолько благородны и зорки, что никогда не переточните, не утяжелите, дайте мне верные вехи, дорогу я вызову. Это – мое единственное мастерство.

Достоверно: 7-го уезжаю в Моравию. Первое письмо напишите мне на: Praha Smíchov, Švedska ulice, číslo 1373. Если я в Моравии задержусь, оно будет ждать меня в Праге, и тогда, уже извещенный мною, Вы второе напишите мне в Моравию. – Ясно? –

Извещу Вас открыткой, на следующий же день по приезде, долго ли там пробуду. Смиховский (Пражский) адрес верен.

Посылаю Вам стихи. [1356]

– Не все – видите, как много, не уместились. Но взяла наиболее Ваши (к Вам). Назовите мое любимое! И – свое любимое. Не забудьте.

Напишите вообще о стихах: дошли ли, и чем дошли, и какие любимые строчки, всё хочу знать. (О, как я знаю свое любимое!) Есть ли, по-Вашему, разница с «Ремеслом».

Напишите и о «бюллетене», не слишком настаивая, но так, чтобы я поняла. Будьте гранитной стеной, отсылающей эхо, а не брандмауэром. (Не сердитесь, тем более, что над моими Brand'ами и Brandung'ами – никакие Mauer'ы не властны!)[1357]

Дайте мне и покой и радость, дайте мне быть счастливой. Вы увидите, как я это умею!

А пока, дитя, до свидания. Не разоряйтесь на экспрессы, не надо, лучше пишите чаще, письма, авось, дойдут.

Как странно, что Вы то письмо, пропавшее, тоже писали в лесу.

МЦ.

Р. С. А «осязать» – нехорошее слово. Это Баба-Яга осязает: мальчишину руку сквозь клетку – помните? И он просовывает кость.

Осязать, это вроде обнюхивать, я не хочу, чтобы Вы меня обнюхивали, это слово – теперь будьте внимательны – в своей отвлеченности (обоняние, осязание и пр.) более грубо, чем просто: обнять. Осязают только руки, обнимает – все-таки и всегда-душа!

Не сердитесь. Вы молоды (кстати у меня целая история в гостинице: никто не верит, что Аля – моя дочь и что мой паспорт – мой паспорт, думают, что я все это сочинила, для каких-то жизненных: здесь в Чехии читай: любовных! – удобств, коих уловить еще не могу)[1358] – Вы молоды, и Вам придется иметь дело со всеми женщинами и словами, и тех и других много, каждой – свои. А «мои» – пригодятся всем, если Вы у меня научитесь, Вы будете не только любовником, но и врачом – а м. б. и творцом – душ.

«Обладать», «осязать», все это нехорошо, и в зоркие минуты вызывает иронию. Есть у немецкого поэта Rilke об этом изумительные строки, точно не помню, но приблизительно: «sie sagen „haben“ und keiner weiss, dass man eine Frau so wenig haben kann, wie eine Blume».[1359]

А у Вас и это мое ненавистное (о, я не суффражистка!) слово есть: «Обладая Вашими письмами», (другая фраза: «хочу не только чувствовать, но и осязать») – знаете, как такие вещи пишутся:

«Теперь, держа в руках Ваши письма, т. е. душу»... (и, второе) «хочу Вас не только чувствовать, но и обнять». Ведь смысл тот же, правда? – а лучше доходит, больше трогает, больше веришь, лучше тянешься в ответ.

Выбор слов – это прежде всего выбор и очищение чувств, не все чувства годны, о верьте, здесь тоже нужна работа! Работа над словом – работа над собой. Вот этого я хочу от Вас: созвучности в пристрастиях и оттолкновениях: чтобы Вы поняли, почему я не люблю Ходасевича («пробочка над йодом», «сам себе целую руки», а особенно – до содрогания! – стих в «Современных Записках» – «Не чистый дух, не глупый скот» – или вроде!)[1360] – и почему люблю Мандельштама, с его путаной, слабой, хаотической мыслью, порой бессмыслицей (проследите-ка логически любой его стих!) и неизменной МАГИЕЙ каждой строки. Дело не в «классицизме», –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
пожалуй, оба классики! – в ЧАРАХ. И, возвращаясь к Вам и к себе: найдите слова,
которые меня чаруют, я только чарам верю, на остальное у меня ланцет: мысль.

А из слов это, наверное, наиболее простые.

«Одеяния жестов». Задумываюсь. Это, если верить, что не просто-слова, пожалуй
очень хорошо. Жест рукава, сопровождающий руку. Жест плаща вокруг все того же
тела. Но это все-таки еще не из тех слов!

Кстати, в одном Вы меня совершенно не поняли, я даже улыбнулась – и умилилась,
до того Вы не самоуверенны! «Разница тона и темпа» мною взята, как преимущество
в Ваших руках. Ведь я сейчас вдвое распахнутее и вдвое стремительнее с Вами. Это
случилось через боль, но это все-таки случилось!

Дитя, Вы никогда не приедете в Прагу? Вам здесь нечего делать? Ведь Вы наверное
эсер, а эсеров у нас мно-о-ого, полный «Русский дом».[1361] С каким-нибудь
поручением, а? Подумайте об этом серьезно, люди ведь все время ездят взад и
вперед, у всех какие-то дела, я уже привыкла к этому, хотя умерла бы от такой
жизни.

Было бы чудно! Я бы показала Вам свою гору, и себя на ней, и город с горы.
Впрочем – Впрочем, это то же самое, что мой Берлин: чистейший миф. На все нужны
деньги, а noblesse сейчас очевидно oblige[1362] их не иметь.

Да! Напишите мне правду о Берлине. Что у вас происходит? На какой год в России
похоже? Мыслимо ли там жить? Как мне бы хотелось приехать – хотя бы на неделю!
Кто знает, может быть – среди зимы –

О Цоссене.[1363] Нет, дружочек, когда бы и где бы – все вышло бы то же! «Дом
Искусств»[1364] и «Prager-Diele» сразу бы рассеялись: в дымах и в парах и в
туманах. И остались бы души: Вы и я. Нет, плохо, что тогда не встретились. У
меня было целых два своих блаженных месяца, мы бы ездили за город, и сидели бы
по вечерам в самых нищих кафе на заставах, и я бы сейчас знала, кому пишу.
Почему не подошли тогда? Я Вас не знала. Это Ваша вина.

Какое длинное Post-scriptum! Пора кончать. Доканчиваю это письмо рано утром,
завтра ехать, целый день забот. Итак, для достоверности: одно в Прагу, одно – в
Моравию. Моравский адрес:

Tschekoslowakei

Moravska Třebova

Veike namesti, č. 24

u Paní Marie Boudovy

– мне –

Не пишите экспрессом, теперь Бог сам будет хранить. А можно и так: письмо в Прагу, открытку – в Моравию, я из Моравии сразу напишу, если я задержусь, Вы мне еще туда напишите. Важно не терять связи.

Где Белый? Скажите ему, что я его люблю.

Непреренно напишите о стихах – и – непременно – какое любимое. А пока – до свидания, моя радость!

МЦ.

Моравска Тшебова, 9-го сентября 1923 г.

Дорогой Александр Васильевич,

Пишу Вам из маленького городочка в Моравии (Mahren, от старинного немецкого Mahre: сказка) под тиканье восьми часов, – в моей комнате, живу у вдовы часовщика. Я здесь на несколько дней, до 16-го, и решила эти дни ничего не делать, это самое трудное, тоскую по стихам и собственной душе. Провожу время в церкви и в лагере. Утром – католическая обедня в огромном старом, если не древнем, костеле, день в лагере (по здешнему: таборе) т. е. русском городке, выстроенном нашими пленными и ныне обращенном в русскую гимназию. Аля уже принята, сразу вжилась, счастлива, ее глаза единодушно объявлены звездами, и она, на вопрос детей (пятисот!) кто и откуда, сразу ответила: «Звезда – и с небес!» Она очень красива и очень свободна, ни секунды смущения, сама непосредственность, ее будут любить, потому что она ни в ком не нуждается. Я всю жизнь напролет любила сама, и еще больше ненавидела, и с рождения хотела умереть, это было трудное детство и мрачное отрочество, я в Але ничего не узнаю, но знаю одно: она будет счастлива. – Я никогда этого (для себя) не хотела.

И вот – десять лет жизни как рукой снято. Это – почти что катастрофа. Меня это расставание делает моложе, десятилетний опыт снят, я вновь начинаю свою жизнь, без ответственности за другого, чувство ненужности делает меня пустой и легкой, еще меньше вешу, еще меньше емь. Сейчас за стеной, в кухне, одна из хозяек гостям: «Die junge Frau ist Dichterin – und schreiben thut sie, wie Perlen aufreihen!». [1365]

Да, о моем дне, начало которого в костеле: кончается он всеобщей в русской самодельной церкви, где чудно поют и служат. Я – дома во всех храмах, храм – ведь это побежденный дом, быт, тупик. В храме нет хозяйства, храм – это дом души. Но больше всего я люблю пустые храмы, днем, с косым столбом солнца, безголосые храмы, где душа одна ликует. Или храм – в грозу. Тогда я чувствую себя ласточкой.

Городок старинный и жители вежливые, сплошные поклоны и приседания, мне это нравится, я безумно страдаю от людской откровенности. Здесь даже моя прическа (т. е. отсутствие ее!) нравится, это здесь зовется Haartracht [1366] и, оказывается «Kleidet Sie so schön». [1367] Мне нужно льстить, я ведь все равно верю только на сотую, вот и получается естественное самочувствие человека, которого не ненавидят.

Пишите мне в Прагу, по адресу, который Вы знаете. Сейчас иду к русской обедне, первые полчаса буду восхищена и восхищена, вторые буду думать о своем, третьи – просто рваться на воздух, я не могу долго молиться, я вообще не молюсь, но уверена, что Бог меня слышит, и... качает головой.

Шлю Вам нежный привет. Простите за отрывочное письмо, мне просто захотелось Вас окликнуть.

10-го сентября 1923 г.

А письмо вчера не отошло, – было воскресенье и не было марки.

Друг, о скольким мне еще надо Вам рассказать! Я сейчас на резком повороте жизни, запомните этот мой час, я даром таких слов не говорю и таких чувств не чувствую. «Поворот», – ведь все поворот! Воздух, которым я дышу – воздух трагедии, в моей жизни нет неожиданностей, п. ч. я их все предвосхитила, но... кроме внутренних, подводных течений есть еще: стечения... хотя бы обстоятельств, просто события жизни, которых не предугадаешь, но которые, радуясь или не радуясь, предчувствуешь. У меня сейчас определенное чувство кануна – или конца. (Что́, может быть – то же!)

Погодите отвечать, здесь ответов не нужно, ответ будет потом, когда я, взорвав все мосты, попрошу у Вас силы взорвать последний. Наша встреча – страшна для Вас, теперь я это поняла, это меньше всего услада или растрava, и может быть не мне суждено Вас спасти, а Вам меня столкнуть с последнего моста!

(О магия, магия! Как опять все сходится! Ваш «спасательный круг» – о, дитя, дитя, какой я берег?! – и мой мост, темный, последний, над самой настоящей рекой! Это сейчас мое наваждение, я стою в церкви и думаю: мост, мост, кому – на берег, кому – на тот берег, кому – идти, кому – вниз головой лететь! После смерти Блока я все встречала его на всех московских ночных мостах, я знала, что он здесь бродит и – м. б. – ждет, я была его самая большая любовь, хотя он меня. и не знал, большая любовь, ему сужденная – и несбывшаяся. И теперь этот мост опять колдует, без Блока под фонарем, без никого, от всех!)

Начался этот мост с Вас. Сейчас объясню. Вы были первым – за годы, кажется – кто меня в упор (в пространство!) окликнул. О, я сразу расслышала, это был зов в ту жизнь: в любовь, в жар рук, в ту жизнь, от которой я отрешилась. И я отозвалась, подалась на голос, который ощутила как руку. «Безысходная нежность» Вашего первого письма, – о, разве я этого не знаю?! (Что́ я еще другого знаю?!) Я ответила Вам прохладным советом вздоха, что́ мне было ответить еще? Но внутри себя я уже все знала, я приняла Вас не как такого-то с именем и отчеством, а как вестника Жизни, которая ведет в смерть.

Мой дорогой вестник, молодой и нежный, я Вас даром мучила неверием. Вы невинны и Вы меня любите, но хватит ли у Вас силы долюбить меня до конца, т. е. в час, когда я скажу: «Мне надо умереть» из всей чистоты Вашего десятилетия сказать: «Да».

Ведь я не для жизни. У меня всё – пожар! Я могу вести десять отношений (хороши «отношения»!) сразу и каждого, из глубочайшей глубины, уверять, что он – единственный. А малейшего поворота головы от себя – не терплю. Мне БОЛЬНО, понимаете? Я ободранный человек, а Вы все в броне. У всех вас: искусство,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
общественность, дружбы, развлечения, семья, долг, у меня, на глубину, НИ-ЧЕ-ГО. Все спадает как кожа, а под кожей – живое мясо или огонь: я: Психея. Я ни в одну форму не умещаюсь – даже в наипросторнейшую своих стихов! Не могу жить. Все не как у людей. Могу жить только во сне, в простом сне, который снится: вот падаю с сорокового сан-францисского этажа, вот рассвет и меня преследуют, вот чужой – и – сразу – целую, вот сейчас убьют – и лечу. Я не сказки рассказываю, мне снятся чудные и страшные сны, с любовью, со смертью, это моя настоящая жизнь, без случайностей, вся роковая, где все сбывается.

Что мне делать – с этим?! – в жизни. Целую – и за тридевять земель, другой отодвинулся на миллиметр – и внутри: «Не любит – устал – не мой – умереть». О, все время: умереть, от всего!

Этого – Вы ждали? И это ли Вы любите, когда говорите (а м. б. и не говорили?) о любви. И разве это – можно любить?!

Друг, а теперь просьба. Большая. Сделайте мне один подарок. Только сначала напишите, что: да, а потом я скажу. (Ничего страшного.) Мне это хочется иметь из Ваших рук.

(Знаю, что Вы сейчас думаете: не то, это еще для жизни, чтобы как-нибудь жить, это относится к стихам, а не к смерти. Мне просто стыдно просить, не зная, подарите или нет. Ах, я глупее всех семнадцатилетних, которых Вы встречаете!)

Вживаюсь в жизнь городка. Здесь старинные люди. Мне подарили платье: синее в цветочках, Dienenkleid, [1368] обожаю новые платья, особенно жалобные, – о, я не женщина! – я все ношу, что другим не к лицу!

И еще у меня будет новая сумка, вроде средневекового мешочка, какие – знаете? – на старых картинках у молодых женщин на поясе? Старую (коричневую замшевую) мне подарила Любовь Михайловна, [1369] и она мне преданно служила год, а теперь стала похожа на лохматую собаку – или на перчатку для чистки башмаков – я никак не могу расстаться, и все корят.

(Простите за глупости.)

Пишите мне в Прагу, 16-го возвращаюсь. Пишите, как писали: настезь. Отвечайте на каждое письмо и любите каждый час своей жизни, мне это необходимо. (NB! Не каждый час своей жизни – а меня!) Меня нужно любить совершенно необыкновенно, чтобы я поверила.

(Я не похожа на нищенку, – а? Но с вами у меня нет стыда! Я же все время Вас о чем-то прошу.)

Недавно я в кофейнике сварила дно спиртовки, которое потеряла, а спирт горел в крышке от пасты для обуви. Когда допила кофейник до дна – обнаружила потерю:

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
страшное черное дно спиртовки (самое чашечку). – Хороший навар?! – И не умерла.

(Будете ли Вы после этого пить у меня в гостях кофе?)

Нежно жму Вашу руку и жду от Вас чудес.

МЦ.

Прага, 20-го сентября 1923 г.

Мой дорогой друг,

Соберите все свое мужество в две руки и выслушайте меня: что-то кончено.

Теперь самое тяжелое сделано, слушайте дальше. Я люблю другого – проще, грубее и правдивее не скажешь. [1370] Перестала ли я Вас любить? Нет. Вы не изменились и не изменилась – я. Изменилось одно: моя болевая сосредоточенность на Вас. Вы не перестали существовать для меня, я перестала существовать в Вас. Мой час с Вами кончен, остается моя вечность с Вами. О, на этом помедлите! Есть, кроме страстей, еще и просторы. В просторах сейчас наша встреча с Вами.

О, тепло не ушло. Перестав быть моей бедой. Вы не перестали быть моей заботой. (Не хочу писать Вам нежней, чем мне сейчас перед Вами и собой можно.) Жизнь страстна, из моего отношения к Вам ушла жизнь: срочность. Моя любовь к Вам (а она есть и будет) спокойна. Тревога будет идти от Вас, от Вашей боли, – о, между настоящими людьми это не так важно: у кого болит! Вы мое дитя, и Ваша боль – моя, видите, я совсем не то Вам пишу, что решила.

В первую секунду, сгоряча, решение было: «Ни слова! Лгать, длить, беречь! „Лгать?“ Но я его люблю! Нет, лгать, потому что я и его люблю!» Во вторую секунду: «Обрубить сразу! Связь, грязь, – пусть отвратится и разлюбит!» И, непосредственно: «Нет, чистая рана лучше, чем сомнительный рубец. „Люблю“ – ложь и „не люблю“ (да разве это есть?!)) – ложь, всю правду!»

– Вот она. –

Как это случилось? О, друг, как это случается?! Я рванулась, другой ответил, я услышала большие слова, проще которых нет, и которые я, может быть, в первый раз за жизнь слышу. «Связь?» Не знаю. Я и ветром в ветвях связана. От руки – до губ – и где же предел? И есть ли предел? Земные дороги коротки. Что из этого выйдет – не знаю. Знаю: большая боль. Иду на страдание.

Это письмо есть акт моей воли. Я могла бы его не писать, и Вы бы никогда ничего не узнали, одно – здесь, другое – там, во мне (в молчании моем!) все сживается и

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
спевается. Но те же слова – двум, «моя жизнь» – дважды, – нет, я бы
почувствовала брезгливость к себе. Мальчик, я Вас чту, простите мне эту рану.

Теперь, главное: если Вы без меня не можете – берите мою дружбу, мои бережные и
внимательные руки. Их я не отнимаю, хотя они к Вам и не тянутся.. «влеченье – род
недуга». [1371] Недуг прошел, болезнь прошла, – ну, будем правдивы: женская смута
прошла, но..

Jener Goldschmuck und das Luftgewürze,
Das sich täubend in die Sinne streut, –
Alles dieses ist von rascher Kürze, –
Und am Ende hat man es bereut! [1372]
Друг, я Вас не утешаю, я себя ужасаю, я не умею жить и любить здесь.

Я совсем не знаю, как Вам будет лучше, легче, – совсем без меня, или со мной
не-всей, взвесьте, вслушайтесь. Я Вас не бросаю, я не могу бросать живое. Ваша
жизнь мне дорога, я бережна к ней. Я люблю Вас как друга и еще – в полной
чистоте – как сына, Вам надо расстаться только с женщиной во мне, с молодой и
совершенно потерянной женщиной. Кончился только наш час.

Все это не в утешение и не во оправдание, знаю, что безутешны и знаю, что мне
оправдания нет. Я не для себя хочу себя настоящей в Ваших глаза, – для Вас же!

«Было – прошло». Да разве Вы бы этому поверили?! Я не хочу, чтобы мое дорогое,
мое любимое дитя, моя боль и забота – деревцо мое! – Вы, которого я
действительно как мать люблю, я не хочу, чтобы Вы 20-ти лет от роду – так
разбились! Вы бы тогда выздоровели сразу («связь», «синица в руках» и пр.) – я,
всей любовью моей, заставлю Вас выздороветь иначе.

Мы не расстались, мы расстались здесь, где мы, слава Богу, с Вами и не были, но
куда мы шли. Я останавливаю Вас: конец! Но конец земной дороги друг к другу тел,
а не арке друг к другу – душ. Это Вам ясно?

О письмах. Всё предоставляю Вам. Я уже не вправе ни направить, ни советовать.
Если Вам легче с моими письмами, – пишите, буду отвечать. Может быть Ваша любовь
ко мне больше жизни, м. б. Вы старше и мудрей, чем я думаю, м. б. Вы без меня не
не-можете, а: не хотите! Быть – Вам – сейчас – со мной – можно и от слабости – и
от силы. А м. б. все это (вся я!) сгорит в простой земной мужской ревности, – не
знаю. Принимаю всё.

Если Вам захочется (понадобится) мне на это письмо ответить, пишите мне по
адресу: Praha Břevnov Fastrova ulice, č. 323 Slečna, K. Reitlingerova. [1373]

Письмо это уничтожьте. (Заклинаю Вас!) В свой час оно меня погубит.

Будьте бережны! В своем ответе (если будет) не упоминайте ни одной
достоверности, касающейся моего – сейчас – часа. Пишите так, чтобы я все поняла,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
другие – ничего. (Письмо буду читать одна, как и пишу его одна.) Передачи мне не упоминайте, только крестик, как у меня.

Я только предупреждаю. М. б. Вы мне совсем не ответите, м. б. легче будет дать зажить в молчании. Я на Вас утратила все права. Вы, кроме одного (моя!) сохраняете все.

Любите или забудьте, пишите – или все сожгите с этим письмом, даю Вам все исходы.

Сейчас я не вправе думать о себе.

Не уезжайте в Россию.

И чтобы я всегда знала, где Вы.

Еще одно: если все это не случайность – Рок еще постучится.

Бóльшего сказать Вам не смею.

МЦ.

И, если всё кончено – спасибо за всё!

Прага, 25-го сентября 1923 г.

Дорогой друг,

Вы не поняли моего письма, Вы его невнимательно читали. Вы не прочли ни моей нежности, ни моей заботы, ни моей человеческой боли за Вас, Вы даже не поняли меня в моем: «да разве это так важно – кому больно?!» – ощущение чужой боли как своей – все это до Вас не дошло. Вы сочли меня проще, чем я есмь.

И одна крупная наивность: «Вы разбили меня, лишив себя и больше, чем себя: лишив того, чем я мыслил Вас, чем знал Вас».

Значит я, только потому что я рванулась к другому – другая? А до встречи с Вами (возьмите «Психею») я не рвалась? Да что же я иного за всю мою жизнь делала?!

– Да, еще писала стихи. –

Счастье для Вас, что Вы меня не встретили. Вы бы измучились со мной и все-таки бы не перестали любить, потому что за это меня и любите! Вечной верности мы хотим не от Пенелопы, а от Кармен, – только верный Дон-Жуан в цене! Знаю и я этот соблазн. Это жестокая вещь: любить за бег – и требовать (от Бега!) покоя. Но у Вас есть нечто, что и у меня есть: взгляд ввысь: в звезды: там, где и брошенная Ариадна и бросившая – кто из героинь бросал? Или только брошенные попадают на небо?[1374]

Взгляд ввысь, это – взгляд сверху. Посмотрите на мою жизнь сверху: благо, не осуждающе, провидяще, не вплоть. Вспомните, что это я, которую Вы любите, тогда Вы все иначе поймете. «Научиться жить любовным настоящим человека, как его любовным прошлым», – вот то, чего я себе, уже 20-ти лет, от любви желала. Вы берете это как потерю, возьмите это как лишний захват.

Я расту. Для роста – все пути хороши. Наипростейшие-наилучшие. Это не жестокость во мне говорит, это вера в Вашу раннюю мудрость и большую доброту. Так Вы меня никогда не потеряете. Сделайте мою боль своей, как я уже делала своей – Вашу, будем друзьями. Это не так мало, когда это я говорю.

Есть мир, где мы с Вами встречаемся: песня!

...Слово – чистое веселье,
исцеленье от тоски...[1375]

Буду пересылать Вам свои стихи: преображенную – настоящую! – жизнь, буду писать Вам. Есть мир просторов.

О себе писать не буду, о своем – да, с радостью и с нежностью. Будьте моим союзником, у меня мало друзей: за всю жизнь – м. б. трое, из которых одному 65 лет, другой без вести, о третьем больше года ничего не знаю. – Видите! – Земные дороги не так богаты.

Как меня трогают Ваши строки из Пушкина. Вы, действительно, живете стихами, и, может быть, мой лучший читатель. Стихи – разве это так мало в моей жизни? Без них бы меня не было. Будем встречаться здесь.

Все это при условии: если Вам так лучше. Этого у меня нет: из жадности длить, держать, хранить. К Вам я бережна. А о том, что Ваши письма не мной одной будут читаться, – бросьте! Вы знаете, что это не так.

Пишите на Fastrova ulice, как последнее письмо. Адрес на обороте. Иногда – на Smichov, чтобы не было странным, почему вдруг замолчали. Ваши письма мне дороги. А одна строчка-прямо пронзает мне душу! Но об этом не должно, не можно.

МЦ.

Прага, 27-го сентября 1923 г.

Милый друг,

Мне хочется перед Вашим отъездом[1376] сказать Вам еще несколько слов. Нет внешних отъездов, для меня и поездка на трамвае в «Русский Дом» за иждивением – событие (почти всегда болевого порядка, на радость я мало восприимчива: как-то тупа). И так как мы с Вами похожи, говорю Вам: Париж Вам ничего не даст, кроме Вас же, нового Вас. (Которого по счету?! Это я Ваши слова о глазах вспоминаю.)

Я была в Париже в первый раз 16-ти лет, одна: взрослая, независимая, суровая. Поселилась на Rue Bonaparte из любви к Императору и, кроме N[1377] (торжествующего NON[1378] всему, что не он) в Париже ничего не увидела. Этого было достаточно.

Второй раз я была там с Сережей, уже замужем, очень молодая (лет 18-ти, должно быть!) – и жалела тот свой Париж.

Пойдите во имя мое на Rue Bonaparte и вспомните меня, 16-летнюю. Только не умиляйтесь, я совсем не была умильной, я была героичной: то есть: бесчеловечной.

я сейчас накануне большой вещи, это меня радует и страшит. Вспоминаю слово (Бальзака, кажется?) по поводу новой работы: «On la commence avec désespoir, on la quitte avec regret».[1379] (только не la, а le, потому что travail[1380] – le, а если: oeuvre[1381] – то все-таки la):

я совершенно зачарована Вашими строками о Мариуле. Откуда? Из «Цыган»?

Только одна странная оплошность:

«И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед.
И всюду страсти роковые,
И от судеб спасенья нет».

Конечно – спасенья, а не защиты, как у Вас (у Пушкина?). Если даже у Пушкина, все равно каждый, говоря, бессознательно заменит «спасенье», и будет прав, п. ч. это – правда стиха. Согласны? Если не лень, проверьте и напишите.

Возвращаюсь еще к Вашему письму. Вы пишете: на 22-ом году жизни пора бы знать. Ничего не пора, п. ч. это – я. Здесь и 72-летний задумается. Я Вам уже давно писала: мой опыт (т. е. опыт со мной) Вам не послужит, ни благой, ни болевой, – это все зря, не применительно, единственный случай. Вы со мной ничему не научитесь, что могло бы Вам послужить в жизни. (Боль тоже служит.) Кроме того, есть какая-то низость в опыте, основная ложь.

У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет и он очень молод: каменный мальчик. Когда Вы будете думать обо мне, видите меня с ним.

Пишите мне обо всех событиях Вашей жизни. О дружбах, встречах, книгах, писаниях. Присылайте мне все, что будете писать, не отговаривайтесь случайностью написанного: ne peut pas qui vent! [1382] Случай – повод для нас самих. Не все ли равно: о Степуне или о японском землетрясении, [1383] лишь бы по поводу частности найти (сказать) вечное. Вспомните слова Гёте:

«Jedes Gedicht ist ein Gelegenheitsgedicht». [1384]

И это Гёте говорил, муж Рока!

Моя горка рыжеет. С нее город – как море. Я редко бываю в городе, только в библиотеке, где читаю древних. О, если бы монастырскую библиотеку! С двумя старыми монахами, такими же сухими, как пергаментные томы, над коими они клонятся! И мощный садик в окне! Я не умею читать на людях, ведь даже улыбнуться нельзя.

Аля в Моравии, пишет мне письма. Вчера я отослала ей ее любимую куклу: мулатку, по имени Елена Премудрая, в синем эскимосском одеянии и с настоящей тоской в великолепных карих глазах.

Аля пишет: «Здесь про каждую новенькую спрашивают: „Хорошенькая? Кокетливая? Танцует?“ – Скучно, –»

Меня умилили эти два тире, в них вся беспредельность жизненной скуки. Направо и налево. А я – посередине.

Итак, дружочек, пишите. Шлю Вам свою нежность и заботу и все пожелания на Париж.

Надеюсь, что это письмо Вас еще застанет.

МЦ.

Пишите по двум адресам, как найдете нужным:

Praha Smichov

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Švedska ul., č. 1373

Praha Břevnov

Fastrova ul., č. 323

Slečna

K. Reitlingerova X.

Прага, 29-го сентября 1923 г.

Пишу поздно ночью, под звуки ресторанной музыки, доносящиеся из окна. (У нас сегодня национальный праздник.) Пишу в постели. Хотела читать Грецию, взяла Ваше письмо – и не смогла. Началось думаться в ответ, многое верно встало.

Думаю, первое письмо (первое после) больше акт моей воли, чем крик души. Надо (вообще) чтобы человек знал, не мне надо, а вообще, на земле – надо. И вот, написала.

Теперь, внимательно – что изменилось? (И, опуская все:) Будущего нет? Но – Больше этих трех тире не скажу. Нет, скажу: в будущем волен Бог, никак не мы, особенно не я, никогда ничего не строящая. Что я о Вас думаю, что я в Вас верю – Вы видите. Вы в начале осуществления чуда: безмерной любви, ибо Ваша любовь сейчас ко мне от силы, а не от слабости. «Я безоружен» – говорят ли так слабые? Да, слабые в мирах сих, к коим и я принадлежу, старшие своих лет – с колыбели! Старшие ревности (собственности), старшие гордости. Я Вас сейчас вижу большим и мудрым, а если Вы и клянете меня, то не меня – Жизнь, всю, ее жестокость, в которой я неповинна. Вот это чувство невинности – моей и Вашей –

Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало – слабо – налетами – отражением – отображением. Скорей тоска по – чем! Для любящего меня – женщина во мне – дар. Для любящего ее во мне – для меня – неоплатный долг. Единственное напряжение, от которого я устаю и единственное обещание, которого не держу. Дом моей нищеты. О, я о совсем определенном говорю, – о любовной любви, в которой каждая первая встречная сильнее, цельнее и страстнее меня.

Может быть – этот текущий час и сделает надо мной чудо – дай Бог! – м. б. я действительно сделаюсь человеком, довоплещусь.

Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала и не женщина к Вам пишет, то, что над, то, с чем и чем умру.

Гадали? Напишите подробно гаданье, дословно, если помните. И никогда не смейтесь, когда гадаете. Это ведь – от Гекаты, богини тьмы.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы пишете: не усугубляйте боли! И за три строки до этого: хочу забыть. Выбор, стало быть, мой: нет, пока я вам необходима и пока я Вас не отпускаю. Нищая там, я безмерно богата здесь (в заочном!) – хватит и нежности и мужества, я от Вас не отступаю, отступлю лишь тогда, когда Вы сами отпустите.

Никаких «последних слов». Это письмо не последнее и последнего никогда не будет, если этого – как-то помимо слов убедительна – не потребуете Вы!

То, что Вы теряете во мне, очень мало, говорю это от всей чистоты сердца. (– «Но – Ваше!») Да, на это ничего не могу ответить, хотя менее мое, чем все другое. Не мой дом.

Сегодня слушала орган в костеле, потом военную музыку на плаце дворца и – сейчас – последнее веселье предместья. Такие жалкие звуки. Здесь умеют любить.

29-го сент(ября), утро.

Никакая страсть не перекричит во мне справедливости. Plus fort que moi.[1385]
Отсюда все мои потери. Мужчины и женщины беспощадны, пощадны только души. Делать другому боль, нет, тысячу раз лучше, терпеть самой, хотя рождена – радоваться. Счастье на чужих костях, – этого я не могу. Я не победитель.

(Говорю самое глубокое о себе, что знаю.)

Делаю боль, да, но ТАК страдаю сама, что никакая безмерность радости не зальет. Радуюсь, закрыв глаза и зажав уши, стиснув зубы – радуюсь. (– Господи, не очнуться!)

И еще о другом: творчество и любовь несоместимы. Живешь или там или здесь. Я слишком увлекаюсь. Для того, чтобы любить мне нужно забыть (всё, т. е. СЕБЯ!) Не видеть деревьев, не слышать листьев, оглохнуть, ослепнуть – иначе: урвусь! Болевой мир несоместим с любовным. (Это я уже о другой боли говорю, не от человека, о болевой разверстости, равняющей творчеству.) Все часы без другого должны быть пусты, если не пусты – я живу: боль живет: другого нет.

Жить в другом – уничтожиться. Мне не жаль, я только этого и жажду, но –

Поймите, другой влечется к моему богатству, а я влекусь – через него – стать нищей. Он хочет во мне быть, я хочу в нем пропасть. Вообще, я слишком страдаю. (Все это не о текущем часе, – о всех протекших часах. Никаких выводов! Это я Вам ПУТЬ своей души рассказываю.) – «Будьте умницей, пишите!» («Как, я хочу через тебя разучиться писать, а ты меня – опять у в тетрадь?!») И: – «Вы без меня пишете!» Человек между двух огней: моей невозможностью не-быть (уходом) и моим стремлением пропасть (небытием). В любви меня нету, есть исступленное, невменяемое, страдающее существо, душа без тела.

В Ваших письмах так часто: «Или и это забыли?» Друг, забываю только бывшее, бывших. Небывшее во мне суще. Так я, забыв всех своих любовников, никогда не забуду Блока, руку которого никогда не держала в руке. («А если бы держали?» – Бог не привел!)

Кстати, конец письма: «Холодно – знобит – мой путь через снега»... и эти две буквы А. Б. в конце, – я долго смотрела. У Вас страдальческая сущность.

Ваше письмо, принесенное мне моей приятельницей, читала на кладбище. (Живу в предместье.) – Другого места не было, везде люди, там никто не бывает. Скамейки не было, села на дорожке, у какого-то камня. Я читала, ветер трепал листья, листья падали.

Друг, просьба: пришлите мне книгу Ницше (по-немецки) – «Происхождение Трагедии». (Об Аполлоне и Дионисе). [1386] У меня никого нет в Берлине. Она мне сейчас очень нужна. Пришлите на Смиховский адрес, на который иногда (в просветленные минуты) и пишете.

До свидания. Жму Вашу руку. Не враждуйте со мной в сердце своем.

МЦ.

Прага, 4-го октября, 1923 г.

Милый друг,

У меня к Вам большая просьба – если Вы еще в Берлине – п. ч. если не в Берлине, то уже ничего не можете сделать.

Дело в том, что необходимо перевести (перевезти!) Белого в Прагу, он не должен ехать в Россию, слава Богу, что его не пустили, [1387] он должен быть в Праге, здесь ему дадут иждивение (*stride nécessaire*) [1388] и здесь, в конце концов, я, которая его нежно люблю и – что лучше – ему преданна.

Говорила со Слонимом (знаете такого?) [1389] Он обещал сегодня же написать Белому, без его согласия нельзя начинать хлопот, а он вероломен. Нужно держать его в руках, жужжать ему в уши, – чтобы он не отвильнул, не передернул. Я знаю, что Прага для него – спасение. Во-первых: он обеспечен, во-вторых: чудный город, в-третьих: люди или одиночество на выбор, – как хочет, в-четвертых: я, т. е. моя готовность ему помогать и о нем заботиться: ЛЮБЯ, С РАДОСТЬЮ-и-НЕУСТАННО.

Все это ему передайте. Получать он будет около 800 крон в месяц, не меньше, жить можно (будет подрабатывать). И запретите ему всей моей волей – от иждивения отказываться. Пусть непременно примет. Без этого ехать бессмысленно.

Друг, сделайте это для меня. Настойте! Будьте судьбой! Стойте над ним неустанно. И – главное – в нужный час – посадите в вагон! Я встречу. Умоляю Вас Христом Богом, сделайте это! Здесь он будет писать и дышать. В России – ему нечего делать, я знаю, как там любят!

От Вас давно ни слова, но не Ваша вина, наверное скоро получу.

По моим просьбам Вы видите, какой Вы мне друг. Мне с Вами просторно. Я Вам верю. Это – отношение навсегда. Смело могу сказать. Я знаю, что в любой час Вы меня примете (у меня всегда – час Души!) В этом наша встреча, весь смысл ее. (Я не заговариваю зубы, чтобы Вы лучше переправили Белого, – честное слово! Просто с пера и из души рвется!)

И еще просьба: найдите мне верную оказию к Борису Пастернаку: из рук в руки. Мне необходимо переслать ему стихи и письмо. В почту не верю и адреса нет. Сейчас многие уезжают в Москву, найдите мне такого надежного, который немножко любит мои стихи и потому не выкинет моего письма. Или – просто порядочного человека. Письмо и стихи высылаю следом. Зря не отдавайте. Я не писала ему полгода, после такого срока писать – гору поднять, второй раз не соберусь. О, как много мужества нужно – жить! Как много – лжи! И как еще больше – правды!

Борис Пастернак для меня – святыня, это вся моя надежда, то небо за краем земли, то, чего еще не было, то, что будет, доверяю Вам свою любовь (письмо) Борису Пастернаку, как свою душу, не отдавайте зря.

И лучше было бы в Берлине же найти адрес, Эренбург его знает, И можно как-нибудь через третье лицо (Вы в ссоре?) – и наверное еще другие знают. Геликон (Вишняк) например, или Гржебин, – если не уехали. Я пришлю Вам письмо в конверте, Вы надпишите адрес. Прежний адрес его: Волхонка, 14. В крайнем случае – пусть отъезжающий письмо берет так, и в Москве (в Союзе Писателей – или Поэтов – или в одной из книжных лавок) его разыщет.

Сделайте это для меня!

Итак, еще раз напоминаю о Белом. Если еще не уехал – пусть едет в Прагу. Но до этого пусть известит: да, и после этого – пусть не отказывается. Дело сделаем быстро, и визу и иждивение, – всё. Мне будет помогать Слоним. Так ему и скажите. И передайте ему от меня всю мою нежность и память. ЗАГОВОРИТЕ, ЗАВОРОЖИТЕ его, – иначе его не возьмешь! Будьте его ВОЛЕЙ, и возьмите на подмогу – мою.

Обо всем этом немедленно же ответьте на Smichov: Praha, Smichov, Švedska ulice č. 1373.

Хорошо бы экспрессом, но боюсь, что разоряю.

Жму Вашу руку.

МЦ.

Приписка на полях:

И – чтобы покончить с просьбами: вытащите у Гржебина еще 20 (или 15) Психей. Я получила только 5 (есть квитанция). Не верьте обещаниям, пусть это будет сделано при Вас!

Прага, 10-го нов(ого) января 1924 г.

Милый друг,

Когда мне было 16 лет, а Вам 6 или вроде, жила на свете женщина, во всем обратная мне: Тарновская.[1390] И жил на свете один человек, Прилуков – ее друг, один из несчетных ее любовников.

Когда над Тарновской – в Ницце ли, в Париже, или еще где – собирались грозы – и грозы не шуточные, ибо она не шутила – она неизменно давала телеграмму Прилукову и неизменно получала все один и тот же ответ: J'у pense.[1391] (С Прилуковым она давно рассталась. Он жил в Москве, она – везде.)

Прилуков для меня наисовершеннейшее воплощение мужской любви, любви – вообще. Будь я мужчиной, я бы была Прилуковым. Прилуков мирит меня с землей, это уже небо.

Итак, если Вы, мой друг, имеете в себе возможность дорасти до Прилукова, если на каждый мой вопль – J'у pense (всегда, везде), если поборота земная ревность, если Вы любите меня всю, со всем (всеми!) во мне, если Вы любите меня выше жизни – любите меня!

Обращаюсь к Вашим 20-ти годам, будь Вы старше – я бы от Вас этого не ждала (жду). Я хочу Вам дать возможность стать ЛЮБЯЩИМ, дать Вам стать самой любовью – пусть через меня!

Вы пишете о дружбе. Маленький мой мальчик, это самообман. Какой я друг? Я подруга, а не друг. Как подруга задумана. Вы пишете еще о любви к другой. Я – другого, Вы – другую. Зачем тогда?! Женитесь на другой, «живите» с другими, живите – другими, но любите – меня. Иначе ведь бессмысленно.

Слушайте: я конечно хочу от Вас чуда, но Вам 21 год, а я поэт. Кроме того, это на свете было: не взаимная любовь на двух концах света, а любовь единоличная, одного. Человек всю любовь брал на себя, ничего для себя не хотел кроме как: любить. Он сам был любовь.

Я сама так любила 60-летнего князя Волконского, не выносившего женщин. Всей безответностью, всей беззаветностью любила и, наконец, добыла его – в вечное

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
владение! Одолела упорством любви. (Женщин любить не научился, научился любить
любовь.) Я сама так любила (16-ти лет) Герцога Рейхштадтского, умершего в 1832
г., и – четырех лет – актрису в зеленом платье из «Виндзорских проказниц», [1392]
своего первого театра за жизнь. И еще раньше, лет двух, должно быть, куклу в
зеленом платье, в окне стеклянного пассажа, куклу, которую все ночи видала во
сне, которой ни разу – двух лет! – вслух не пожелала, куклу, о которой может
быть вспомню в смертный час.

я сама – ЛЮБЯЩИЙ. Говорю Вам с *connaissance de cause (de coeur!)* [1393]

Не каждый может. Могут: дети, старики, поэты. И я, как поэт, т. е. конечно дитя
и старик! – придя в мир сразу избрала себе любить другого. Любимой быть – этого
я по сей час не умела. (То, что так прекрасно и поверхностно умеют все!)

Дайте мне на сей раз быть любимым, будьте Любящим:

УСТУПАЮ ВАМ БЛАГУЮ ДОЛЮ.

Милый друг, я очень несчастна. Я рассталась с тем, любя и любимая, в полный
разгар любви, не рассталась – оторвалась! В полный разгар любви, без надежды на
встречу. [1394] Разбив и его и свою жизнь. Любить сама не могу, ибо люблю его, и
не хочу, ибо люблю его. Ничего не хочу, кроме него, а его никогда не будет. Это
такое первое расставание за жизнь, потому что, любя, захотел всего: жизни:
простой совместной жизни, то, о чем никогда не «догадывался» никто из меня
любивших. – Будь моей. – И мое: – увы! –

В любви есть, мой друг, ЛЮБИМЫЕ и ЛЮБЯЩИЕ. И еще третье, редчайшее: ЛЮБОВНИКИ.
Он был любовником любви. Начав любить с тех пор, как глаза открыла, говорю:
Такого не встречала. С ним я была бы счастлива. (Никогда об этом не думала!) От
него бы я хотела сына. (Никогда этого не будет!) Расстались НАВЕК, – не как в
книжках! – потому что: дальше некуда! Есть: комната (любая!) и в ней: он и я,
вместе, не на час, а на жизнь. И – сын.

Этого сына я (боясь!) желала страстно, и, если Бог мне его не послал, то,
очевидно, потому что лучше знает. Я желала этого до последнего часа. И ни одного
ребенка с этого часа не вижу без дикой растравы. Каждой фабричной из предместья
завидую. И КАК – всем тем, с которыми он, пытаюсь забыть меня, будет коротать и
длить (а может быть уже коротает и длит!) свои земные ночи! Потому что его дело
– жизнь: т. е. забыть меня. Поэтому я и молиться не могу, как в детстве: «Дай
Бог, чтобы он меня не забыл», – «забыл!» – должна.

И любить его не могу (хотя бы заочно!) – потому что это и заочно не дает жить,
превращается (любимому) в сны, в тоску.

Я ничего для него не могу, я могу только одно для него: не быть.

А жить – нужно. (Сережа, Аля.) А жить – нечем. Вся жизнь на до и после. До [1395]
– все мое будущее! Мое будущее – это вчера, ясно? Я – без завтра.

Остается одно: стихи. Но: вне меня (живой!) они ему не нужны (любит Гумилева, я – не его поэт!) Стало быть: и эта дорога отпадает. Остается одно: стихии: моря, снега, ветра. Но все это – опять в любовь. А любовь – только в него!

Друг, Вы теперь понимаете, почему мне необходимо, чтобы Вы меня любили. (Называйте дружбой, все равно.) Ведь меня нет, только через любовь ко мне я пойму, что существую. Раз Вы все время будете говорить: «ты... твое... тебя», я наконец, пойму, что это «ты» – есть. Раньше: «люблю, стало быть существую», теперь: «любима, стало быть...»

Ваша любовь ко мне будет добрым делом, почти что воскрешением из мертвых. И от Вашей любви ко мне я когда-нибудь, в свой час, попрошу еще большего. Но речь об этом – в свой час.

Есть стихи, – мало. Читали ли мое «Приключение»? (В «Воле России»).[1396] Пришлю. И, кажется, еще из моих «Земных Примет» скоро будет напечатано. Тоже пришлю. В феврале или марте выйдет моя сказка «Молодец», здесь, в Праге.[1397] Одна из любимых моих вещей.

Получив Ваш ответ, обращусь к Вам с одним предложением (советом, требованием, просьбой), касающимся в равной мере и Вас и меня. Вещь, которой Вы увлечетесь. Но до оглашения ее мне нужен Ваш ответ.

Rue Bonaparte, 52 bis. Между площадями St. Sulpice и St. Gennain des Prés. Часто, в задумчивости, входила в противоположную дверь, и привратница, с усмешкой: «Mademoiselle se trompe souvent de porte».[1398] (Так я, м.б., случайно вместо ада попаду в рай!) Любовь к Наполеону II и – одновременно – к некоему Monsieur Maurice, 18-ти лет, кончающему collégien.[1399] И еще – к Mademoiselle James, professeur de langue française,[1400] 30-летней женщине, с бешеными глазами.

– «Aimez-Vous Edmond Rostand, Madame?»[1401] (Я, из восхищения... и здравого смысла не могла ей говорить Mademoiselle.)

И она, обеспокоенная:

– «Est-ce que j'ai une tête à aimer Rostand?»[1402] Нет, tête[1403] у нее была не роستانовская, скорее бестиальная: головка змеи с низким лбом: Кармен!

Когда же я – 16-ти лет, из хорошего дома и в полной невинности – не удержавшись, целовала ей руки:

– «Quelle drôle de chose que ces jeunes filles russes! Etes-vous peut-être poète en votre langue?»[1404]

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Итак, до письма.

Знаете ли Вы, что последняя строчка моя к Вам (так и осталась без предыдущих!) была:

«ДО СВИДАНИЯ, ТО ЕСТЬ: ДО СТРАДАНИЯ!»

МЦ.

Париж, 6-го ноября 1925 г., пятница

Милый Александр Васильевич,

Если свободны завтра в субботу вечером, очень рада буду Вас повидать.

Познакомьтесь с моей дочерью Алей и может быть увидите моего спящего сына Георгия.

Марина Цветаева

6-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Александр Васильевич,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: помогите мне распространить билеты на мой вечер, имеющий быть 17-го. Посылаю 10, распространите что сможете. Цена билета не менее 25 франков, больше – лучше, (NB! Думаю, что у меня будет полный зал и пустая касса!)

Посылаю книгу. [1405]

Всего лучшего, простите за просьбу.

МЦветаева.

29-го июня 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый друг,

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Две радости, начнем с меньшей: деньги за билеты, которых я вовсе не ждала (думала, что Вам дала только пять, которые Вы и вернули), вторая – наличность твердых знаков в Вашей приписке, знаков явно приставленных, т. е. идущих от адресата. Спасибо за долгую память, за такую долгую память, твердый знак в конце слова, обращенного ко мне, для меня больше, чем слово, каким бы оно ни было. Так: «я всегда помнил Вас», с радостью отдам за «совсем забыль Вась». (Ъ – значит помните, т. е. рука помнит, сущность помнит!)

Я перед Вами виновата, знаю, – знаете в чем? В неуместной веселости нашей встречи. Хотите другую – ПЕРВУЮ – всерьез?

Я скоро уезжаю – в конце следующей недели.

Приписка на полях.

Нам нужно познакомиться! Мне много вздору говорили о Вас, Вам – еще больше обо мне: СМЕТЕМ!

Серьезно, хочу снять с себя – угрызение–не угрызение, что-то вроде. (А Вы еще читаете мой почерк?)

А у Вас сейчас – я-переписка и я-встреча – в глазах двоюсь, хочу восстановить единство.

Хотите – приезжайте ко мне, хотите встретимся где-нибудь в городе, остановка электрического поезда Champ de Mars, например, выход один. Хорошо бы часов в 6, вместе пообедаем, побеседуем, потом погуляем, обожаю летний Париж. Итак, назначайте день (можно и к 7 ч.). Только узнавайте меня Вы, я очень робкая и боюсь глядеть.

Дружочек, м. б. Вы очень заняты или особенной охоты видеться со мной не имеете, – не стесняйтесь, не обижусь.

Но если хотите – торопитесь, скоро еду. (Если не смогу, извещу телеграммой, молчание – согласие.)

МЦ.

Других мест не предлагаю, п. ч. Париж не знаю. Лучше ответьте телеграммой, к нам рпеи[1406] не ходят.

Милый друг,

Письмо пришло слишком поздно: вчера вечером, т. е. как раз когда Вы меня ждали и когда меня не было: ни на Champ de Mars, ни дома, – провожала Сергея Яковлевича в Ройян, куда с детьми на самых днях еду вслед. Я ведь недаром говорила Вам о телеграмме: знаю загород: его неторопливость, за которую и люблю. Загород никуда не торопится, потому что он уже всюду. Ну а мы – увы!

Итак, до осени, до встречи.

МЦ.

К 5-го июля 1928 г., четверг

Еду послезавтра, в воскресенье. Повидаться не успеем.

Телеграммы не получала.

7-го ноября 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Александр Васильевич,

Давайте повидаемся. У меня на этой неделе свободна только суббота – хотите? Станция электрической железной дороги Pont-Mirabeau, в 81/2 ч. вечера, выход один. Погуляем или посидим – как захочется.

Если не можете – известите.

Всего лучшего.

МЦветаева.

Я очень близорука, – вся надежда, что Вы меня узнаете.

10-го декабря 1928 г., понедельник.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Александр Васильевич,

Я не только ответила Вам, но назначила Вам и ждала Вас. – В который раз – диву даюсь!

Это было недели две тому назад. Не дождавшись, естественно не написала, считая объяснения лишними. Но вот Вы опять пишете, и я опять отвечаю. Вся эта неделя у меня занята. Хотите – в следующий вторник, 18-го, Вы заедете за мной в 71/2 ч. и мы вместе куда-нибудь отправимся, лучше всего в кинематограф, где можно и говорить и не говорить. – Интересно, дойдет ли это письмо? До свидания!

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

P. S. «Тряпичный лоскут»[1407] даже в кавычках к моим письмам неотносим!

Электрическим поездом, станция Meudon Val-Fleury, от вокзала налево в гору, никуда не сворачивая, упретесь прямо в мой дом. 1-й этаж, стучите.

СТРУВЕ Г. П
30-го июня 1923 г.

Милый Глеб,

Ваше гаданье правильно: мало люблю «Евгения Онегина»[1408] и очень люблю Державина.[1409] А из Пушкина больше всего, вечнее всего люблю «К морю», – с десяти лет по нынешние тридцать. И «версты полосаты», и там, где про кибитку: Пушкина в просторах. Там он счастливее всего, там он не должен быть злым. Эренбурга из призраков галереи вычеркиваю,[1410] я его мало читала, со стихами его, по-настоящему, познакомилась только в Берлине. (Не потому вычеркиваю, что поссорилась, – честное слово!)

Ах, у Вас во втором столбце (4-ая строчка до первой цитаты) гениальная опечатка: «в цветаевской ЛАГГЕРЕЕ», – от лагерь, – чудесно!

Любопытно было бы узнать, какие стихи в «Ремесле» Вы считаете плохими, спрашиваю вне самолюбия (самолюбие ведь сродно вкусу, и из-за безмерности моей во мне тоже отсутствует!)[1411] Любопытно, чтобы понять чужое мерило, допытаться, почему не дошло.

Согласна, что «Психея» для читателя приемлемее и приятнее «Ремесла». Это – мой откуп читателю, ею я покупаю право на «Ремесло», а «Ремеслом» – на дальнейшее. Следующую книгу будете зубами грызть. Но это еще не скоро.[1412]

Шлю Вам привет и благодарность.

МЦ.

29-го ноября 1925 г.

Милый Глеб,

Посылаю сборник.[1413] К сожалению, «Поэмы Конца» прочесть не успела, – м. б. есть опечатки.

Когда едет Петр Бернгардович?[1414] И не взял ли бы он ма-аленькой посылочки для Сережи? Все сторожу оказию.[1415]

Привет Вам, Юлии, сонной девочке и бессонному мальчику.[1416] Будет время, напишите и приходите.

МЦ.

Рильке необычаен. Уже нездешние слова!

СТРУВЕ Ю. Ю

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мокропсы, 30-го июня 1923 г.

Милая Юлия,

Я Вас не забыла, а просто выбилась из колеи писанья писем. – Тронута, что окликнули.

Живу все там же, все так же, созерцаю дожди, изредка размышляю о влиянии на Чехию (!!!) – извергающейся Этны и продвигающихся полярных льдов.

Огонь + лед дает дождь, т. е. слезы. Но я не плачу, меня после Советской России ничем не возьмешь, даже безысходной скукой Чехии.

Закончила переписку своих московских записей (1917 г. – 1919 г.), получилась основательная книга.[1417] Пишу стихи, читаю Диккенса, собираю – до потери сознания! – чернику, мечтаю о новом платье, но глубже вдумавшись, понимаю, что оно бессмысленно, потому что тоже станет старым.

Бываю в Праге редко, на каждом собрании журналисты сбрасывают старого председателя и голосуют нового.[1418] Я неизменно сажусь около Маковского и обезьяню с него все жесты. Он подымет руку – и я подымаю, он забудет – а я в глупом положении. Он мил, я его люблю. Он глубоко-искренен в своих слабостях, в его устах – они очарование. Кроме того, он по-настоящему глубоко-культурен. С ним не попадаешь каждоминутно в безвоздушные пространства неведения, младенческого изумления. Это пристало Вашей Марине, да и то – до году, правда? Сколько ей сейчас месяцев? Обозначилось ли уже сходство со мной?[1419]

Если будет дикая, – знайте, что в меня. А я пошла в кормилицу. А кормилица была цыганка. У Вашей дочери сомнительная родословная! А родина ее (исходя из меня и цыганки) не то Индия, не то Египет. (Цыган в старину звали «египтяне», у Мольера, например).

А «незнакомка», занесшая ей «Ремесло» – некто Катерина Исааковна Еленева, дочка известного врача Альтшулера, – существо милое, красивое и обаятельное. Она жена одного из здешних студентов.

Спасибо Глебу за прекрасный отзыв о «Ремесле» и «Психее». Но напишу ему об этом отдельно. Как здоровье Льва Струве?[1420] как Нина Александровна?[1421] Петра Бернгардовича вижу редко и бегло, мне кажется, что он меня не любит, а это не располагает. («Не любит» здесь, как: не дохожу.)

Целую нежно Вас и Марину. Аля увлекается сокольской гимнастикой[1422] и окончательно перестала отзываться на арифметику. И она и Сережа шлют привет.

МЦ.

БОГЕНГАРДАМ А. К., В. А. и О. Н
Мокропсы, 21-го августа 1923 г.

Милый Всеволод,

Сережа на самых днях выезжает, все это время прошло в поисках комнаты и перевоза

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вещей. Если бы Вы знали, какой у нас хлам и как все нужно!

Будем жить в Праге на горе, вроде как на чердаке (под крышей), но зато без
хозяев.

До 1-го наш адрес прежний, – к этому времени, я думаю, Алю уже можно будет
привезти?[1423]

Прошение в Министерство подано, обещали не задерживать.

Сереза привезет Вам мои книги, он очень рвется к Вам и на днях – дорвется.

Шлю Вам всем сердечный привет и благодарность.

МЦ.

Прага, 21-го сентября 1923 г.

Дорогие

Антонина Константиновна, и Ольга Николаевна, и Всеволод Александрович,

(а Всеволод после всех! Но это не оттого, что я его меньше всех люблю!)

Я люблю вас всех одинаково: всех по-разному и всех одинаково: Антонину
Константиновну за вечную молодость сердца, Ольгу Николаевну за веселое мужество
жизни, а Всеволода – просто как милого брата, совсем не смущаясь, хочет ли он
такой сестры.

Во время дороги не разжала зубов: весь вагон уже говорил по-чешски. Стояла у
окна, курила и ела чудные сливы и груши из рыжего мешка, не решаясь никого
угостить, хотя и противоестественно есть одной. (В этом я – не дикарь!)

Пересела благополучно, на вокзале меня встретили. Но на следующий день уже
замотала ключи (очевидно, провалились сквозь дыру в Серезином портфеле, который
я, за отсутствием владельца, торжественно таскала с собой всюду, в надежде быть
принятой за студента).

Других бед пока не было (тьфу, тьфу, не сглазить!)

А вот странный сон, который мне нынче приснился, господа, подумайте и напишите,
кто как толкует:

Иду с несколькими людьми по улице, вдоль белой стены. Навстречу – не то
кривляка, не то убогий: волосы, как пакля, гримасное лицо, ужимки. Протягивает
огромную красную розу и называет какую-то весьма скромную цену (лиру). Беру ее –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и – мгновенно роза истлевает, скрючивается, желтеет и тоже гримасничает, как то
лицо.

И я, почему-то по-итальянски: «Ma questo non é piú una rosa!» (Но это уже не
роза) и еще что-то. Но его уже нет, не взяв лиры, исчез. Цветок у меня в руке и
я в ужасе: куда с ним? (Бросить почему-то не решаюсь.) И вижу: над стеной –
Распятие, Голгофа, Христос и разбойники. Хочу было Христу, но... ведь это же не
роза! Это явная мерзость. Тогда – разбойнику. Но разбойник Христом прощен!
Тогда, отчаявшись, кладу ее к подножью креста, верней – у самой стены, – и
голос:

«Будет беда на двенадцать Евангелий».

Смотрю: в стену вделана икона, – должно быть икона 12-ти Евангелий. (Есть
такая?) И просыпаюсь.

Господа, непременно подумайте, мне такие явные сны редко снятся, неприятное
чувство.

От Али получила длинное хорошее письмо, она знает, как мне надо писать. Если бы
она так же писала в тетрадку, я была бы очень довольна. С восторгом сообщает о
карманной чернильнице. – Спасибо! –

А та барышня, действительно, Романченко, только не дочка врача, а сестра одного
пражского студента, прелестного юноши, которого я очень люблю. [1424] Она не так
давно приехала из Киева.

Антонина Константиновна, были ли в гостях у наших хозяек? Соберитесь как-нибудь
с Алей, Аля будет беседовать с девицей по-чешски, Вы с вдовой по-немецки. И
неприменно попросите показать альбомы, или пусть Аля попросит. – Повеселитесь. –

С любовью вспоминаю свою Моравию, – ах, как жесток и дик моим ушам и устам
чешский язык! Никогда не научусь. И, главное, когда я говорю, они не понимают!

Целую всех троих нежно. Предателю-Жуку – рукопожатье.

Мой привет обоим Николаям Николаевичам. Аля пишет, что подружилась с дочкой
Евреинова, – хорошая девочка?

Спасибо за всю ласку.

МЦ.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Прага, 29-го Октября 1923 г.

Мои дорогие Богенгардты!

Осчастливлена и уничтожена восхитительным подарком. Но радость покрывает смущение, иначе я бы никогда не решилась взяться за перо.

Пишу Вам в райское утро: ни единого облачка, солнце заливает лоб и стол, щурюсь и жмурюсь как кошка. Такая погода у нас стоит уже несколько дней, ничего не хочется делать. Осень, уходя, точно задумалась, оглянувшись назад на лето и никак не может повернуться к зиме. Меня такие дни растрavляют, как всякая незаслуженная доброта. (NB! A bon entendeur – salut![1425]) В детстве я всегда мечтала, чтобы меня очень не-любили (проще: ненавидели!), чтобы не чувствовать этой вечной растравы умиления. Потому что для настоящей благодарности – нет ведь никаких слов!

Живем все там же (Вы – переехали!) Гора пока суха и благородна: подталкивает, но не спускает (вниз головой!). Что будет в дожди – знаю. (Знаю!!) Готовим дома, достали из починки примус, чинившийся шесть месяцев и уже не числившийся в живых! – Это большое облегчение после спиртовки, где спирт кипел, а вода не вскипала! (Так же вскипали, вернее: испарялись – кроны!) Примус горит полдня, а обходится всего в крону.

Я много дома, Сережа почти все время на лекциях и в библиотеке. В отчаянии от количества предметов и от какого-то семинария, из коего – если он уйдет – уйдут все. (Всего – семь человек! А профессору восемьдесят семь лет!)

Я много пишу, может быть удастся издать в здешнем новом издательстве «Пламя» свою поэму «Молодец». (Про упыря.) Но: здесь столько жаждущих и алчущих издаться – что руки опускаются! Так и ходят с портфелями, думаю, что на портфелях же – и спят!

Как здоровье Ольги Николаевны? Нарыв – тяжелая вещь, а в особенности – невидимый, еще страшнее. Но надеюсь, что уже обошлось.

Только что пришел Сережа с грустной вестью: Пра умерла.[1426] умерла во второй день Рождества прошлого года, от расширения легких. Макс был при ней.

С Пра уходит лучшая наша с Сережей молодость, под ее орлиным крылом мы встретились.

От Али часто получаю письма, пишет, что все хорошо, и в каждом письме – новая подруга. Она не отличается постоянством.

Целую крепко всех троих. Скоро напишу еще. Еще раз – нежнейшее спасибо. Платье по мне, только чуть-чуть сузила пояс. А в то – сразу влезла!

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ.

Прага, 2-го Ноября 1923 г.

Дорогая Антонина Николаевна, [1427]

Безумно беспокоимся об Але: вот уже восьмой день как от нее нет письма. (Последнее с посылкой.) Боюсь, что она больна и что Вы нарочно скрываете, ожидая выяснения хода болезни. Вообще, всего боюсь. Ради Бога, не томите, если она больна – пишите, что. Я вне себя от страха, сегодня все утро сторожили с Сережей почтальона.

Простите, что сейчас ни о чем другом не пишу, ни о чем не пишется, я вся в этой тревоге.

Целую Вас нежно, также Ольгу Николаевну и Всеволода. Прилагаемое письмо передайте, пожалуйста, Але.

МЦ.

Прага, 11-го Ноября 1923 г.

Моя дорогая Антонина Константиновна,

Сердечное и глубочайшее спасибо за телеграмму и письмо. У меня в эти дни душа изныла об Але. Если бы Вы знали, как я боюсь разлуки!

В этом отношении я конечно ненормальный человек: не от природы, а жизнь сделала такой. В Революцию, в 1920 г., за месяц до пайка у меня умерла в приюте младшая девочка и я насилу спасла от смерти Алю. Я не хотела отдавать их в приют, у меня их вырвали: укоряли в материнском эгоизме, обещали для детей полного ухода и благополучия, – и вот, через 10 дней – болезнь одной и через два месяца – смерть другой.

С тех пор я стала безумно бояться разлуки, чуть что – и тот старый леденящий ужас: а вдруг? Знаю все Ваши возражения, знаю, что Тшебово для детей, действительно, рай, знаю вас и Ваше сердце, и пишу Вам все это только для того, чтобы Вы знали корень этой ненормальности. Но довольно о таких мрачных вещах. Я убеждена, что Але в Тшебове хорошо, она так долго не была ребенком, так мало умела просто-радоваться в детстве, а теперь сразу: и подруги, и правильное расписание дня, и игры, и учение. Продолжая жить со мной, она выросла бы несчастной, я сама никогда не была настоящим ребенком, поэтому плохо понимаю детей: чужих – боюсь, со своих (своего) чрезмерно взыскиваю. «Врачу, исцелися сам», [1428] это (в смысле воспитания) ни к кому так не относится, как ко мне.

У нас первые морозы. Наша гора седая. Недавно утром был такой туман, что я, идя за молоком в лавочку, действительно не различала своих ног, не говоря уже о том, куда они ступают. Вот и сейчас, пока пишу, мутное пятно окна, ни единого очертания. Прага зимой наводит сон. Утром не хочется вставать, а вечером не дождешься часа, когда в постель. Топим печку: веселую и исправную. Я люблю огонь в трубе, иногда напоминает море. Уютно ли у вас, в вашем новом жилье?

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Часто мысленно переношусь в Тшебово, вижу маленькую площадь с такими огромными
булыжниками, гербы на воротах, пляшущих святых. Вспоминаю наши с Вами прогулки,
– помните грибы? И какую-то большую пушистую траву, вроде ковыля.

Напишите мне о зимнем Тшебове. Что делают все мальчики, когда нельзя играть в
футбол? Неужели читают? До настоящего снега ведь еще далёко. Ставят ли
какие-нибудь пьесы? Обо всем хочется знать, я с Тшебовым сроднилась.

Кончаю. Еще раз от всего сердца благодарю Вас и Ваших за Алю. До Рождества
только полтора месяца, скоро увидимся. Мой поцелуй и привет Ольге Николаевне и
Всеволоду. Как бы хотелось вас всех увидеть в Праге!

МЦ.

Прага, 17-го мая 1924 г.

Дорогая Антонина Константиновна,

Простите за молчание. Бесконечно тронута Вашим участием. Планы – на ближайшее
время – следующие: на днях еду устраивать, вернее выискивать, наше летнее жильё.
Ехать на Юг сейчас все отговаривают, решила перенести поездку на осень, когда в
Чехии самая сквернота. Пока думаю ехать с Алей на границу Саксонской Швейцарии,
3 ч. от Праги. Там Эльба и лесистые горы. Еще поговорю с врачом. Татры
(знаменитые чешские горы) слишком далёко, – от 16 ч. до 20 ч. езды. Нужно беречь
деньги на осень. За квартиру внесла до 1-го, к 1-му неминуемо должны уехать.

С настоящей Швейцарией (не саксонской!) сейчас навряд ли выйдет – слишком
сложно. С Алей я расставаться не хочу, а жить там, даже в случае Алиной
стипендии, не по средствам, – кажется еще дороже Чехии.

Мысль об Италии я не оставила, осенью продам еще книжку стихов, – и двинемся.

Аля поправляется, но t° держится. Гуляем с ней полдня, здесь чудные сады.

Сейчас иду на почту, целую всех, большое спасибо за подарки Але, сейчас у нее
всё есть.

МЦ.

Мой адрес до 1-го прежний, по отъезде сообщу.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

P. S. Читал ли Всеволод в газетах про своего тезку – комиссара Богенгардта?[1429]

12-го июня 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Av(enu) Jeanne d'Arc

Милые Антонина Константиновна, Оля и Всеволод! Вот Ваше чадо.[1430] Если нужно – отпечатаю еще, только напишите как – посветлее (есть одна светлая) или потемнее. Светлые скорей выцветают. На одной карточке – увы! – Саша не вышел, виноват Мур, занявший все место.

Да! Не забыла ли я у вас куска своего мундштука (деревянного) – оплакиваю его!

Всего лучшего, целую

МЦ.

25-го марта 1938 г., пятница

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin

Дорогие Богенгардты!

Наконец-то собралась вам ответить. У меня большое горе: мой 19-летний приятель – умер, проболев около двух месяцев – сердце не выдержало (был полу-японец, полу-англичанин, и получилось существо необычайной духовной силы – и физической хрупкости. При встрече – расскажу).

Так вот тот чудесный доктор – тоже покойный – все равно бы не помог: мой Киохэй (вишневая ветка) просто – сгорел.

Все эти дни (уже – недели) была с его матерью (рожденная Гамильтон, а по отцу он – Инукай, внук того министра-самурая, которого лет пять назад убили террористы) – приехавшей из Лондона – чтобы посидеть с ним несколько дней – и похоронить.[1431]

А сейчас усиленно разбираю свои архивы: переписку за 16 лет, – начинаю в 6 1/2 утра, кончаю со светом, – и конца краю не видно.

Хочу всё это – т. е. имеющее ценность – куда-нибудь сдать – слишком ненадежны времена и мне не уберечь. А всё это – история. – Тяжелое это занятие: строка за строкой – жизнь шестнадцати лет, ибо проглядываю всё. (Жгу – тоже пудами!)

Поэтому, пока что ехать к вам не могу – пока не кончу.

Когда приеду, привезу Всеволоду книг: многое – продаю, еще больше – отдаю, и еще больше – остается.

Простите за долгое молчание: я правда – невиновата, просто – минуты не было. Обнимаю всех вас и непременно, как только вздохну – побываю.

МЦ.

P. S. Всеволод! Привезу и семейные фотографии – всякие: я как раз буду разбирать. И другие разные реликвии.

10-го июня 1938 г.

Vanves (Seine) 65. Rue J. V. Potin

Дорогой Всеволод!

Увы! скоро не выберусь: до 12-го нужно закончить все письменные и печатные (Серезины и мои) дела, над чем работаю уже 4-ый месяц, иногда с 6 ч. утра, все уложить, часть (мебели и книг) распродать – и еще найдется!

У меня для Вас будет много книг (старинных) и кое-какие вещи в хозяйстве. Ближе к делу – напишу и попрошу Вас за ними заехать, м. б. будет печка, м. б. – две, м. б. – три, то есть: если Вам нужны – продавать не буду: напишите пожалуйста! (Печки – стоячие: одна – Го дэн, другие – вроде.)

Не сердитесь на меня, что так долго не писала: минуты нет! ведь помимо моего за 16 лет – и Сережа и Аля – все бросили, а сколько было! Например Алины рисунки и всякие журнальные вырезки – за годы. Я не покладая рук работала и работаю: днями не выхожу: был день – нет дня. (За покупками ходит Мур.) Иногда – отчаиваюсь. Обнимаю всех и жду ответа насчет печек (нужны ли, нет ли, сколько).

МЦ.

28-го июня 1938 г.

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin

Милый Всеволод,

Вы не отвечаете, а время бежит и дорог каждый день.

1) Нужны ли Вам печки?

2) Когда (точный день недели) можете приехать за книгами, вещами и фотографиями? Я наверняка дома только по утрам (до часу).

3) Можете ли доставить на обратном пути от меня на Denfert-Rochereau ящик (не огромный, но и не маленький) с моими рукописями? [1432]

Все это очень срочно, и если будете медлить – вещи (посуду и всякое хозяйственное) разберут.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Итак, жду спешного и точного ответа. Я живу совершенно каторжной жизнью и пишу Вам это в 6 ч. утра.

Предупредите заблаговременно – чтобы я успела получить, а то – бывает – мы с Муром уходим на рынок, или еще куда-нибудь.

12-го вся моя квартира кончается: не остается ничего: вещи идут на склад, а мы, скорее всего, на несколько дней в отельчик.

Обо всем этом – молчите и молча понимайте!

Жду скорого ответа.

Если приедете около 12 ч. – вместе позавтракаем.

Целую всех и умоляю скорее отозваться

М.

7-го июня 1939 г.

– письмо получите гораздо позже –

Дорогие Богенгардты!

Прощайте!

Проститься не могла – потому что только в последнюю минуту, доглядывая последнюю записную книжку – нашла ваш адрес. (Дважды писала Вам по старому и никогда не получила ответа.)

Спасибо за всё!

Даст Бог – встретимся.

Оставляю Всеволоду свои монеты – и музейный знак моего отца: [1433] не потеряйте адреса:

Маргарита Николаевна Лебедева

18 bis, Rue Denfert-Rochereau

Paris, 5-me.

– только пусть Всеволод сначала запросит – когда придти, или сообщит – когда придет. 2-ой этаж; направо.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Страшно жаль расставаться.

Неприменно расскажу Сереже, какими вы нам были верными друзьями.

Обнимаю всех вместе – и каждого порознь – желаю здоровья и счастья в детях – и чтобы всем нам встретиться.

М.

Приписки на полях:

Мур горячо приветствует. Он – колосс, растут усы, а за дорогу, пожалуй, отрастет и борода!

Если смогу – напишу. Помнить буду – всегда.

Примечания

1

П. Я. Эфрон приехал в Москву в феврале 1914 г.

2

Иван Иванович Манухин (1882–1930) – доктор медицины, ординатор Военно-медицинской академии; применял открытый им метод лечения туберкулеза облучением селезенки рентгеновскими лучами.

3

Витольд Францевич Ахромович (1882–1930) – поэт, искусствовед, секретарь издательства «Мусагет».

4

Видимо, врач, в 1907–1908 гг. лечивший Я. К. Эфрона.

5

Дело проясняет следующее письмо В. А. Рогозинского к Волошину от 28 мая 1914 г.: «Относительно Марины Ивановны Вы напрасно беспокоились. Этот инцидент меня задел очень мало. Ее отношение ко мне и особенно к тете Алисе, которая очень их любила, как к квартирохозяевам, и отсутствие желания поступиться своими мелкими удобствами, показали мне, что я просто переоценил ее отношение к нам» (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1026).

6

Коктебельская мифология. В шуточном сонете Волошина «Обед» (16 мая 1911) есть строка: «Опять уплыл недоенным дельфин...». Л. Е. Фейнберг, тоже гость Волошина того лета, вспоминал: «Между другими коктебельскими придумками был дельфин, который будто бы приплывал, чтобы его доили, и его молоком лечили слабогрудого Сережу Эфрона» (Фейнберг Л. В Коктебеле, у Максимилиана Волошина. – ж. «Дон», 1980, № 7. С. 183).

7

Написано на видовой открытке: «Мелитополь. Александровская ул. и гостиница Конида».

Первые три строки – рукой С. Я. Эфрона, последние две – М. И. Цветаевой.

8

Эвфемизм.

9

Написано на видовой открытке: «Ст. Лозовая. № 1». Датировано по почтовому штемпелю.

10

От шутиwego прозвища Е. Я. Эфрон в Коктебеле – «старая влюбленная обезьяна».

11

Написано на открытке из серии в пользу общин Св. Евгении: «В. Зарубин. Маки». После названия картины «Маки» – рукой Цветаевой сделана приписка: «или „Макаки“ – каждый из этих маков был в прежней жизни тем, что Лиля в настоящей».

12

Написано на открытке с цветным изображением «Дикой кошки». Цветаева и Эфрон направлялись в Башкирию для лечения С. Я. Эфрона кумысом.

13

А. И. Цветаев

14

Написано чрезвычайно мелким почерком на узкой картонной рекламной карточке «Товарищества Эйнем», которая вкладывалась в плитку производимого фирмой шоколада.

15

Альфонс Доде (1840–1897) – французский писатель.

16

Петух изображен на обороте рекламной карточки.

17

А. И. Цветаева

18

Возможно, описка Цветаевой, и под инициалами имеется в виду Борис Сергеевич Трухачев (1892–1919) – тогда жених А. И. Цветаевой; вполне вероятно также, что этими литерами обозначен персонаж коктебельских розыгрышей – «Игорь Северянин».

19

Прозвище Е. Я. Эфрон.

20

Уездный город Уфимской губернии.

21

Коктебельские соседи Волошина: Екатерина Федоровна Юнге (урожд. Толстая, 1843–1913), художница и мемуаристка, и ее сыновья – Александр Эдуардович Юнге (1872–1921) – ботаник, и Федор Эдуардович Юнге (1866–1928) – инженер-механик.

22

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Строки, выделенные курсивом, написаны М. И. Цветаевой.

23

«Царь Иоанн Грозный, его царствование, его деяния, его жизнь, современники и деятели в портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, памятниках зодчества и пр. и пр.». Под ред. Н. Головина и Л. М. Вольфа. Спб., т-во М. О. Вольф (1904).

24

Семейное прозвище П. И. Юркевича.

25

по имени главного героя романа М. П. Арцыбашева «Санин» (1907)

26

собака Цветаевых

27

Г. Гессе «Осенью, пешком»

28

брат П. Юркевича

29

Рассказ Л.Н. Андреева «Марсельеза»

30

клички собак

31

Намек на гимн «Боже, царя храни»

32

До бесконечности

33

Я вдруг вообразила, что это я говорю с Вами и поэтому употребляю большую букву В (примеч. М. Цветаевой).

34

«Очаровательном молодом человеке» (фр.).

35

Речь идет об О. Мандельштаме

36

Орленок (фр.).

37

Л. А. Тамбурер, познакомившая Эллиса с сестрами Цветаевыми

38

В студии скульптора К. Ф. Крахта, приятеля Эллиса, проходили собрания группы

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
поэтической молодежи.

39

На обложке сборника стихов Эллиса «Stigmata» изображена скульптура девушки с книгой, украшающая стену готического собора. Автор рисунка – Ася Тургенева.

40

Речь идет о частном книжном магазине Вольфа в Москве.

41

Наполеон II, герцог Рейхштадтский, герой пьесы «Орленок».

42

Мелисанда, графиня Триполийская – героиня пьесы Ростана «Принцесса Грёза»

43

«Возлюбленного Мечты» (фр.).

44

«Яшмовая трость» (фр.).

45

Швоб Марсель – французский писатель

46

Имеется в виду роман Генриха Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана».

47

Трилогию Г. Манна «Богини, или Три романа герцогини Асси»

48

«Вселенная равна своему огромному аппетиту» (фр.).

49

При первой встрече с М. Цветаевой (в то время она была острижена наголо после болезни) М. Волошин сказал: «Вы удивительно похожи на римского семинариста» («Живое о живом»).

50

Стихотворение Анри де Ренье «Нет у меня ничего...» из сборника «Игры поселян и богов»

51

«Встречи господина де Брео» Ренье (фр.).

52

Л. А. Тамбурер

53

О каком недоразумении идет речь, установить не удалось. Однако поскольку в переписке Цветаевой и Волошина наступает длительный перерыв, в качестве предположения о причине размолвки напомним следующую сцену, описанную в очерке «Живое о живом» и связанную всё с тем же романом А. де Ренье: «С книгой в руках

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и с неизъяснимым чувством брезгливости к этим рукам за то, что такую дрянь держат, иду к своей приятельнице и ввожу ее непосредственно в грот. Вскакивает, верней, выскакивает, как ожженная.

– Милый друг, это просто – порнография! (Пауза.) За это, собственно, следовало бы сослать в Сибирь, а этого... поэта, во всяком случае, ни в коем случае, не пускайте через порог! (Пауза.) Нечего сказать – маркизы! ... Тотчас же садитесь и пишите: „Милостивый государь“ – нет, какой же он государь! – просто без обращения: Москва, число. – После происшедшего между нами – нет, не надо между нами, а то он еще будет хвастаться – тогда так: „Ставлю вас в известность, что после нанесенного мне оскорбления в виде присланного мне порнографического французского романа вы навсегда лишились права преступить порог моего дома. Подпись“. Всё».

54
Л. М. Тамбурер

55
Романы Жорж Санд «Консуэло», «Графиня Рудольштадт» и «Жак».

56
дружеское прозвище Л. А. Тамбурер.

57
роман Анри де Ренье «Встречи господина де Брео».

58
Труженики моря (фр.).

59
Здесь: слияние (нем.).

60
Жан Поль. «Озорные годы» (нем.).

61
Из сказки Х. К. Андерсена «Старый дом»

62
До свидания, мой духовный отец! (фр.)

63
Стихотворение написано на открытке с видом Феодосии.

64
Теофиль Готье – французский писатель.

65
Сербинова О. Н. – певица, жительница Старого Крыма.

66
Страна искупления (фр.).

67

Герцык А. К.

68

Е. Я. Эфрон.

69

В. Я. Эфрон

70

Написано на видовой открытке: «Усень-Ивановский завод (Уф. Губ.) Посадка хвойных деревьев».

71

Малоизвестный поэт Н. В. Павлов, коктебельский сосед Волошина

72

А. Д. Топольского

73

Освежить вам память (фр.).

74

Почему нам не являются души животных? (нем.)

75

Роман немецкого писателя В. Гауфа

76

Видимо, какая-то выходка Михаила Лямина, двоюродного брата М. Волошина.

77

4 лапы (фр.).

78

Летом 1911 г. Волошин сделал отдельные и групповые фотографии сестер Цветаевых, Эфрон и других обитателей дома.

79

В 1911 г. М. Волошин выехал в Париж в качестве корреспондента «Московской газеты».

80

Л. Л. Квятковским

81

Б. С. Трухачев, за которого вскоре вышла замуж А. И. Цветаева.

82

Сара Бернар

83

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Хозяйка парижской квартиры М. Цветаевой в 1909 г.

84
Напротив (фр.).

85
Экономка в доме Цветаевых

86
М. Цветаева читала стихи «в унисон со своей сестрой» в «Обществе свободной эстетики» на вечере 3 ноября

87
Ж. М. Брюсова (урожденная Рунт) – жена В. Я. Брюсова, переводчик.

88
Ниника – Н. К. Бальмонт, дочь поэта.

89
«Корова» (фр.). – оскорбительное прозвище полицейских во Франции.

90
Письмо написано на обороте фотокарточки

91
«В поэзии, как и в любви, остаться на одном и том же месте – значит отступить?»
(фр.)

92
Шуточное прозвище Б. С. Трухачева.

93
Тио, Тьо (от слова «тетя») – домашнее прозвище Сусанны Давыдовны Мейн

94
Твою лапу, дорогой единственный медведь. Марина (фр.).

95
А. Я. Эфрон и ее мужа, Александра Владимировича Трупчинского

96
А. Я. Эфрон.

97
Рабенок (урожденная Бартельс, в первом браке Книппер) Елена (Элла) Ивановна – танцмейстер, преподавала сценическое движение в Художественном театре, руководила собственной школой ритма и грации.

98
Написано на видовой открытке: «Monreale – Duomo – Interno» («Монреале – Кафедральный собор – Интерьер»).

99

Б. С. Трухачевым

100

С начала декабря 1912 г. М. А. Волошин и Е. О. Кириенко-Волошина жили в Москве в квартире, нанятой сестрами Эфрон, – Кривоарбатский переулок, дом 13, квартира 9.

101

Брошюра Волошина «О Репине», вышедшая под маркой издательства «Оле-Лукойе»

102

«Для утонувших» (фр.). – на балу в пользу погибающих на водах.

103

Бленар Шарль Альбертович, преподаватель феодосийского училища.

104

П. Н. Лампси, знакомый М. Волошина, внук художника И. К. Айвазовского.

105

Маркс Никандр Александрович генерал-лейтенант, возглавивший летом 1917 г. штаб Одесского военного округа, был давним другом М. Волошина.

106

Я о крепостной написала тебе с чужих слов, не знала разницы (примеч. М. Цветаевой).

107

М. В. Сабашникова, художница и поэтесса.

108

Удаляющий волосы (фр.).

109

Муратов Павел Павлович – искусствовед, писатель. Богаевский К. Ф. – живописец

110

М. Волошиным в письме от 13 августа 1917 г. предлагал обратиться к Б. В. Савинкову, в то время назначенному помощником военного министра Временного правительства.

111

Театральный отдел Народного комиссариата просвещения

112

В Крыму прошли аресты, в т. ч. Софьи Парнок и Аделаиды Герцык, которые находились в Судаке

113

Бердяев Н. А., философ. Осоргин (Ильин) М. А., писатель, критик. Грифцов Б. А., литературовед, искусствовед, переводчик, Дживелегов А. К., театральный критик, искусствовед. Лавка писателей – книготорговое предприятие на паях

114

В. А. Зайцева, жена Б. К. Зайцева. Зайцевы много помогали Цветаевой в 20-е годы.

115

Серейский М. Я., врач-психиатр.

116

Бялик Хаим Нахман – еврейский поэт

117

Степун Ф. А. – писатель, философ, литературный критик.

118

Е. К. Герцык – переводчица и критик, сестра А. Герцык.

119

Вероятно, книгу М. Волошина «О Репине», вышедшую в домашнем издательстве С. Эфрона и М. Цветаевой «Оле-Лукойе» в 1913 г.

120

Указательное настоящее (время) (фр.).)

121

Чьего-то присутствия (фр.).

122

«Летучая мышь» – театр-кабаре Н. Ф. Балиева

123

Трагическая сказка для театра Карло Гоцци

124

М. П. Кудашевой-Кювилье.

125

Аксенов И. А. – поэт, искусствовед. Бобров С. П. – писатель, поэт, критик

126

Эренбургу удалось узнать о местопребывании С. Я. Эфрона и сообщить об этом М. Цветаевой

127

Желудок (фр.).

128

Улица Бонапарта (фр.).

129

Письмо написано на обороте письма С. Я. Эфрона от того же числа.

130

Доде Альфонс – французский писатель.

131

В. Я. Эфрон

132

Прозвище Э.Я. Эфрон

133

А. Э. Юнге

134

Л.А.Тамбурер

135

Написано на открытке с видом: «Jardin du Luxemburg, le Coin des Nourrices» («Люксембургский сад, уголок кормилиц»).

136

Владелицей дома в Малом Екатерининском переулке была Юлия Михайловна Горяинова, вдова коллежского советника.

137

А. И. Цветаева сняла дом № 8 на Собачьей площадке после рождения сына (9 августа 1912 г.).

138

По-видимому, речь идет о внутренней перепланировке дома.

139

Возможно, будущий муж Над. Вас. Крандиевской – Петр Петрович Файдыш.

140

А. Р. Крандиевская.

141

Речь идет о первой книге А. Ахматовой «Вечер», вышедшей в марте 1912 г.

142

Цветаева имеет в виду стихотворение Н. Гумилева «Кенгуру. Утро девушки».

143

Прозвище, данное Е. Я. Эфрон: из-за больного сердца она много лежала, Цветаева называла это: «лососиниться на диване».

144

Петр Яковлевич Эфрон (1881–1914) – старший брат В. Я., Е. Я. и С. Я. Эфрон, актер; был участником Московского вооруженного восстания и в 1907 г. скрылся за границу; вернулся в Россию летом 1913 г. Был болен туберкулезом.

145

Имеется в виду санаторий имени императора Александра III для легочных больных в Ялте.

146

С. Я. Эфрон позировал для портрета М. М. Нахман; портрет был ею подарен С. Я. Эфрону и М. И. Цветаевой, после отъезда Цветаевой за границу в 1922 г. хранился у А. И. Цветаевой, в настоящее время местонахождение портрета неизвестно.

147

Никого об этом в письмах не спрашивайте! (Примеч. М. И. Цветаевой)

148

Ст-ние 2 из цикла «Сергею Эфрону», входящего в третью (неизданную) книгу Цветаевой «Юношеские стихи» (1913–1915).

149

Сын Л. А. Тамбурер от первого брака, (р. ок. 1896 г.).

150

Владимир Аввакумович Павлушков (1883–1920) – врач, племянник Л. А. Тамбурер, ее второй муж.

151

Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) – историк искусства, профессор Московского университета, основатель Музея имени императора Александра III в Москве, отец М. И. Цветаевой.

152

Няню, очень славную. Ей 22 года и в течение трех лет она служила горничной, кухаркой и няней пятерых детей. И всё это за 8 рублей! (фр.)

153

Т. е. А. И. Цветаева.

154

Кормилице ничего не говорите (фр.)

155

П. Н. Лампси

156

Прозвище С.Я. Эфрона

157

Прозвище домашнего кота

158

А. Г. Цирес (близкие звали его лёня)

159

сын А.И. Цветаевой

160

Ему предстояло сдать экстерном на аттестат зрелости

161

Анне Яковлевне Эфрон

162

Н. В. Крандиевская жила в одном доме с Е. Я. Эфрон на М. Молчановке (д. 8).

163

Евдокия Петровна Ростопчина (урожд. Сушкова, 1812–1858), графиня, поэтесса; видимо, речь идет об однотомнике «Собрание сочинений графини Е. П. Ростопчиной» (СПб., 1910).

164

Каролина Карловна Павлова (урожд. Яниш, 1807–1893), поэтесса; вероятно, Цветаева имела в виду книгу «Стихотворения К. Павловой» (М., 1863), так как двухтомник сочинений К. Павловой, подготовленный В. Брюсовым, вышел из печати лишь осенью 1915 г. (М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1915).

165

Имеется в виду отъезд в Коктебель.

166

Московского камерного театра

167

Б. С. Трухачев

168

Таиров А. Я. – режиссер, основатель и руководитель Камерного театра

169

Коонен Алиса – ведущая актриса Камерного театра, участница почти всех программных спектаклей Таирова

170

Петипа Мариус – драматический актер. В Камерном театре работал в 1915–1917 гг.

171

Яблоновский С. В. – поэт, журналист, театральный критик

172

Стихотворение «Колыбельная песня Асе»

173

Позоева Е. В. – актриса Камерного театра.

174

Далее следует рисунок.

175

Речь, вероятно, идет об увлечении Цветаевой Т. В. Чурилыным.

176

14 марта 1916 г. С. Я. Эфрон подал новое прошение о приеме в Университет в виду

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
того, у него неожиданно обнаружилась болезнь печени и он был принужден
отказаться от военной службы

177

Б. С. Трухачев

178

М. И. Кузнецова. Ее сестры: Екатерина Ивановна Михневич, Зинаида Ивановна
Кузнецова

179

Вероятно, О. Э. Мандельштам.

180

Е. Я. Эфрон во время своего пребывания в Петрограде пробовала зарабатывать на
жизнь переводами.

181

М. И. Цветаева и С. Я. Эфрон выехали в Москву через три дня.

182

Согласно условиям призыва, С. Я. Эфрон должен был быть направлен либо в одну из
школ подготовки прапорщиков пехоты, либо на ускоренные офицерские курсы при
военных училищах.

183

М. Л. Лозинский.

184

Б. С. Трухачевым

185

Свояченицей (фр.).

186

М. А. Минц.

187

Героиня романа Жермены де Сталь «Коринна, или Италия».

188

П. Я. Эфрон.

189

25 сентября.

190

М. И. Цветаева ожидала второго ребенка.

191

Учреждение по милитаризации промышленности.

192

Графиня де Ноай

193

Право сеньора (фр.)

194

Стихотворение обращено к Н. А. Плущер-Сарна.

195

С. Я. Эфрон продолжал учебу в 1-й Петергофской школе прапорщиков.

196

А. И. Цветаева гостила в Петрограде у старшей сестры С. Я. Эфрона, Анны Яковлевны

197

Н. А. Плущер-Сарна.

198

Письмо написано из родильного дома

199

Магазин по имени владельцев.

200

Прислуга семьи Цветаевой.

201

Так называли комнату, где гостили друзья мужа Цветаевой.

202

М. А. Минц.

203

Магазин музыкальных инструментов, называемый по имени его владельца

204

Е. Я. Эфрон жила на даче у Фельдштейнов, давала уроки их старшей дочери.

205

С. Я. Эфрон в составе учебной команды пехотного запасного полка был послан в Нижний Новгород для наведения порядка в охваченном волнениями городе.

206

Н. А. и Т. И. Плущер-Сарна.

207

Л. А. Тамбурер.

208

Написано на видовой открытке: «Paris, Notre Dame, Chimeres» («Париж, Собор

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Парижской Богоматери, Химеры»).

209

Речь идет о надгробной плите на могиле родителей и брата Е. Я. Эфрон, которую поставила Цветаева. Этим она была занята почти весь предотъездный год. Но лучше – ее собственными словами:

«Дорогой Володя,

Обращаюсь к Вам со странной – и срочной просьбой. Я сейчас (впрочем уж целую зиму!) ставлю памятник на Монпарнасском кладбище родителям и брату Сергея Яковлевича. Теперь нужна надпись – и в последнюю минуту оказалось, что лицо, купившее место, подписалось на французский лад Eфfront, и это Eфfront – во всех последующих бумагах – пошло – и утвердилось – и теперь директор кладбища не разрешает – на плите – Eфрон, а требует прежней: по мне безобразной, ибо все члены семьи, с тех пор как я в нее вступила, подписывались – и продолжают – Eфрон.

Тогда я подумала – о русской надписи. Администрация кладбища согласна, но просит нарисованного текста, так как рабочий – француз.

... Вот текст. (Буква – 4 франка 50, поэтому – без отчества).

Только умоляю – если можно – поскорее и предварительно выяснив соотношение букв.

Здесь покоятся Яков Эфрон Елизавета Эфрон-Дурново и сын их Константин

NB! Володя! Непременно по старой орфографии, ибо 1) умерли они в 1910 г., 2) памятник ставлю – я.

Простите за такое мрачное поручение, но это были чудные люди (все трое!) и этого скромного памятника (с 1910 г.) заслужили» (письмо к В. Б. Сосинскому от 15 июня 1938 г.).

В августе 1982 г. Монпарнасское кладбище посетила журналистка и переводчица Мария-Луиза Ботт. По-видимому, она была последней, кому довелось навестить эту могилу. В конторе кладбища ей сказали, что на днях могила будет ликвидирована в связи с истечением срока оплаты. Согласно справке, выданной М.-Л. Ботт в конторе, могила Е. Я., Я. К. и К. Я. Эфронов находилась на Cimetière Parisien du Sud-Montparnasse, à 27 division, 7 ligne Est, № 12 Nord. Захоронение производил в 1910 г. Pierre Eфfront.

210

Набережных (фр.)

211

Коктебельский гость дома Волошина лета 1911 г.; ему посвящен шуточный сонет Волошина «Француз» (Волошин М. Стихотворения и поэмы. С. 425).

212

Болгарская община, наряду с крымскими татарами и русскими, составляла основное население коктебеля до 1944 г. (года их депортации из Крыма).

213

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С. Я. Эфрон был арестован 10 октября 1939 г. и находился в это время в Бутырской тюрьме

214

Годовщина ареста, трехлетие отъезда Сергея из Франции.

215

Арест 27-го августа 1939 г.

216

сын Цветаевой.

217

Из басни И. А. Крылова «Демьянова уха»

218

Муля – С. Д. Гуревич – близкий друг А. С. Эфрон, переводчик и журналист. В феврале 1940 г. Цветаеву обманули, взяв 750 рублей как плату вперед за квартиру.

219

Е. Б. Тагер и его жена, Елена Ефимовна

220

З. М. Ширкевич – близкая подруга Е. Я. Эфрон.

221

В Голицыне Цветаева жила зимой 1939/40 г., снимая там комнату

222

См. запись в тетради М. Цветаевой: «Возобновляю эту тетрадь 5 сентября 1940 г. в Москве. 18-го июня приезд в Россию. 19-го – в Болшеве свидание с больным С. Неуют. За керосином. С. покупает яблоки. Постепенное щемление сердца. Мытарства по телефонам. Энигматическая Аля, ее накладное веселье. Живу без бумаг, никому не показываюсь. Кошки. Мой любимый неласковый подросток – кот. (Всё это – для моей памяти, и больше ничьей: Мур, если и прочтет, не узнает. Да и не прочтет, ибо бежит – такого.) Торты, ананасы, от этого – не легче. Прогулки с Милей. Мое одиночество. Посудная вода и слезы. Обертон – унтертон всего – жуть. Обещают перегородку – дни идут. Мурину школу – дни идут. И отвычный деревянный пейзаж, отсутствие камня: устоя. Болезнь С. Страх его сердечного страха. Обрывки его жизни без меня, – не успеваю слушать: полны руки дела, слушаю на пружине. Погреб: 100 раз в день. Когда – писать??

Девочка Шура. Впервые – чувство чужой кухни. Безумная жара, которой не замечаю: ручьи пота и слез в посудный таз. Не за кого держаться. Начинаю понимать, что С. бессилен, совсем, во всем. (Я что-то вынимая: – Разве Вы не видели? Такие чудные рубашки! – „Я на Вас смотрел!“).

(Разворачиваю рану. Живое мясо. Короче:) 27-го в ночь отъезд Али. Аля – веселая, держится браво. Отшучивается.

Забыла: последнее счастливое видение ее – дня за 4 – на Сельско- Хозяйственной выставке, „колхозницей“, в красном чешском платке – моем подарке. Сияла. Уходит, не прощаясь! Я – что же ты, Аля, так, ни с кем не простившись? Она, в слезах, через плечо – отмахивается! Комендант (старик, с добротой) – Так – лучше. Долгие проводы – лишние слезы...

оставлено несколько незаполненных страниц.

О себе. (5-го сентября 1940) Меня все считают – мужественной. Я не знаю человека робче себя. Боюсь – всего. Глаз, черноты, шага, а больше всего – себя, своей головы – если это голова – так преданно мне служившей – в тетради и так убивающей меня – в жизни. Никто не видит – не знает, – что я год уже (приблизительно) ищу глазами – крюк, но их нет, потому что везде электричество. Никаких „люстр“... Я год примеряю – смерть. Всё – уродливо и – страшно. Проглотить – мерзость, прыгнуть – враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже – посмертно – боюсь. Я не хочу – умереть, я хочу – не быть. Вздор. Пока я нужна... но, Господи, как я мало, как я ничего не могу!. Доживать – дожёвывать Горькую полынь – Сколько строк, миновавших! Ничего не записываю. С этим – кончено» (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 32, лл. 62 об. – 63).

223

Домашнее имя Г. С. Эфрона.

224

Написано на видовой открытке: «Белебей. Усень-Ивановский завод. Вид на гору Мысайку».

225

Из ст-ния Н. С. Гумилева «Кенгуру. Утро девушки» из его сб. «Жемчуга» (М.: «Скорпион», 1910).

226

П. Н. Лампси – феодосийский городской судья, внук И. К. Айвазовского.

227

М. Цветаева и С. Эфрон собирались купить собственный небольшой дом на деньги, подаренные им С. Д. Мейн. «Волшебным домом» М. Цветаева называла дом своего детства в Трехпрудном переулке.

228

За разрешением на право покупки дома. С. Я. Эфрон был несовершеннолетним, а присяжный поверенный Завадский Э. В. – его опекуном

229

Удельная – дачное место под Москвой

230

Трупчинский

231

Рецензия Н. С. Гумилева.

232

Гумилев и Городецкий – основатели объединения «Цех поэтов»

233

Не дав даже Сереже времени раскрыть рот. (Примеч. Цветаевой).

234

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мария Александровна Самарова (1852–1919) – актриса Московского Художественного театра.

235

П. Н. Лампси.

236

А. Г. Цирес.

237

По-видимому, съемщики дома Цветаевой в М. Екатерининском переулке.

238

П. Я. Эфрон

239

Прозвище Цветаевой в родственном кругу: «Сидорова коза».

240

В. А. Соколов

241

Сначала Цветаева предполагала провести зиму на юге, потом, по совету врачей санатория в Ялте, решила возвратиться в Москву, но, т. к. дом в М. Екатерининском переулке был сдан, то она и просила о комнатах в Кривоарбатском переулке.

242

«Кузина Бетта», роман Оноре де Бальзака

243

С. Я. Эфрон и В. А. Соколов.

244

М. В. Сабашникова

245

Василиса Александровна Жуковская – племянница Д. Е. Жуковского.

246

А. Н. Толстого

247

П. Я. Эфрон приехал в Москву в феврале 1914 г.

248

И. И. Манухин – доктор медицины, применял открытый им метод лечения туберкулеза облучением селезенки рентгеновскими лучами.

249

В. Ф. Ахромович – поэт, искусствовед, секретарь издательства «Мусагет».

250

Видимо, врач, лечивший Я. К. Эфрона.

251

М. С. Фельдштейн, уехав с женой за границу, предоставил свою квартиру в распоряжение сестер Эфрон.

252

Фореггер Н. М.

253

Софья Фореггер – актриса.

254

«Ган Исландец» – ранний роман Виктора Гюго

255

К. М. Субботина.

256

С. И. Дымшиц-Толстая

257

Екатерина Ивановна Оболенская.

258

ночной горшок.

259

Имение И. К. Айвазовского под Старым Крымом, унаследованное семьей Лампси.

260

Мика, Ирочка, Таня – дети Л. А. и Н. М. Лампси.

261

Буквально (фр.)

262

Под «записочкой», вероятно, имеется в виду ст-ние «День августовский тихо таял...» – первое письмо Цветаевой к П. Я. Эфрону.

263

О. Э. Мандельштам внезапно уехал из Коктебеля в Петроград в связи с кончиной матери, но многие считали, что его мобилизовали

264

А. С. Говоров в Александровское военное училище.

265

М. М. Нахман сняла в Москве квартиру, где вместе с нею поселилась и В. Я. Эфрон

266

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
портниха

267
По-видимому, Е. В. Позоева и М. Л. Гехтман.

268
Прислуга Цветаевой

269
Видимо, М. С. Урениус.

270
арендатор дома Цветаевой в М. Екатерининском переулке.

271
В. Я. Эфрон в это время работала в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина.

272
Домашнее прозвище Константина Эфрона, сына В. Я. Эфрон.

273
Андрей Борисович Трухачев (1912–1993) – сын А. И. Цветаевой и Б. С. Трухачева.

274
Цветаева уехала в Москву, чтобы сдать на зиму дом в Малом Екатерининском переулке, поскольку из-за болезни С. Я. Эфрона они предполагали провести зиму на юге.

275
Няня дочери Цветаевой.

276
П. М. Лампси

277
Ялта, 20 сентября 1913, суббота

Дорогой друг,

Мне пришла идея – очаровательная и непреодолимая – написать Вам по-французски. Мы вступили в новую эпоху наших отношений – спокойную и прелестную, когда две души расстаются без печали и встречаются с удовольствием.

Надо было начать вот с чего! У меня к Вам есть одно предложение, которое Вы вольны отклонить, и которым я же первая, может быть, не воспользуюсь, – предложение безо всякого обязательства. Поскольку Вы любитель человеческих душ и поскольку моя душа, как мне кажется, прямо-таки создана для таких любителей, – я предлагаю Вам стать моим исповедником, – очаровательным и очарованным исповедником, но таким же верным, как если бы ему были доверены государственные тайны.

Начнем с того, что прекрасные глаза, недуг и недружелюбие Петра Эфрона два дня

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
не давали мне покоя и продолжают быть моей мечтой еще и теперь – раз в неделю, в течение пяти минут перед тем, как заснуть.

Его худое лицо – совсем не красивое, его истомленные глаза – прекрасные (он как бы не имеет сил открыть их полностью) могли бы стать моей истинной болью, если бы моя душа так гибко не уклонялась бы от всякого страдания, сама же летя в его распростерты объятия.

Что еще сказать Вам?

Знаете ли Вы историю другого молодого человека, проснувшегося в одно прекрасное утро увенчанным лаврами и лучами? Этим молодым человеком был Байрон, и его история, говорят, будет и моей. (24 сентября 1913 г. Цветаевой написано ст-ние «Байрону» («Я думаю об утре Вашей славы...»)) Я этому верила и я в это больше не верю.

– Не та ли это мудрость, которая приходит с годами? Я только знаю, что ничего не сделаю ни для своей славы, ни для своего счастья. Это должно явиться само, как солнце.

– Примите, сударь, уверение в моем глубоком доверии, которое Вы, возможно, не оправдаете?

Марина Эфрон

278

С. Я. Эфрон.

279

Е. А. Фельдштейн.

280

Московские знакомые М. А. Волошина, Е. Я. и С. Я. Эфронов. Копа – Субботина Капитолина, актриса Свободного театра. Тюня – младшая сестра К. Субботиной.

281

Кафе на берегу моря в Коктебеле, получило название от поговорки «Славны бубны за горами»

282

М. П. Кудашева.

283

Бедная Волчья Морда! (примеч. М. Цветаевой)

284

П. Н. Лампси.

285

Фаянсовая тарелка с изображением льва, «похожего» на М. Волошина

286

Имеются в виду К. Ф. Богаевский и К. В. Кандауров, тесно дружившие и обычно

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
упоминавшиеся вместе

287

М.б. мать сестер Субботиных

288

Потапенко Е. К., сестра П. Н. Лампси. Одно время была женой писателя Потапенко И. Н.

289

Рогозинский В. А. инженер, архитектор; и его жена, урожденная Лаоссон – друзья М. А. Волошина.

290

Соколов В. А. – актер, режиссер.

291

Сестра В. А. Рогозинского

292

В. Я. Эфрон.

293

Вероятно, Цветаева и ее муж могли получить дом в Тарусе, где жила С. Д. Мейн

294

Катино – имение Гольдовских в Тверской губернии.

295

Колеблюсь между двумя этими чувствами (фр.).

296

Гехтман М. Л. – пианистка, близкая подруга Е. Я. и В. Я. Эфрон.

297

Халютина С. В. – артистка Московского Художественного театра, педагог.

298

Что прикладывает его (камень) к сердцу (фр.).

299

Андрей Цветаев был наследником отцовского дома в Трехпрудном переулке в Москве

300

Здесь покоится моя юность (фр.).

301

Как же мал мир! И как надо людям любить друг друга, немногим, кого объединяет любовь (нем.).

302

вымышленный персонаж, возможно, шуточный псевдоним Цветаевой

303

Дочь М.С. Фельдштейна

304

П. Н. Лампси

305

Петухов Н. Г. – знакомый М. С. Фельдштейна, уполномоченный отдела санитарных поездов во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам. Предполагалось устройство С. Я. Эфрона на работу в этот союз

306

Музыкальное томление (фр.).

307

И вам раз навсегда – восемнадцать! (фр.)

308

Счастливица (буквально: воскресное дитя – нем.).

309

В. В. Розанов писал о М. Башкирцевой: «Секрет ее страдания в том, что она при изумительном умственном блеске – имела, однако, во всем только полуталанты».

310

К письму были приложены стихотворения из невышедшего сборника «Юношеские стихи»: «Уж сколько их упало в эту бездну...», «Быть нежной, бешеной и шумной...», «Посвящаю эти строки...», «Идешь, на меня похожий...», «Але».

311

Валленштейн Альбрехт – полководец, главнокомандующий в Тридцатилетней войне. Был обвинен в связях с неприятелем и убит своими офицерами. Поссарт Эрнст – немецкий актер и режиссер. Во время гастролей Поссарта во Фрейбурге зимой 1904/05 г. М. А. Мейн пела в его хоре. Людовик Баварский – германский король, император «Священной Римской империи»

312

Мюр и Мерилиз, магазин в Москве, названный по фамилии владельцев.

313

Вероятнее всего, историку искусств, ученику И. В. Цветаева Назаревскому Александру Владимировичу.

314

В 1909 г. И. В. Цветаев был уволен с поста директора Румянцевского музея из-за инцидента, связанного с Эллисом

315

Книга В. В. Розанова, написана в той же манере, что и «Уединенное».

316

«Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария».

317

«Итальянские впечатления»

318

Написано на двойном листе писчей бумаги в клетку. Нижний край второго листа оторван. Лист сложен втрое и надписан: «Пете».

319

П. Я. Эфрон был смертельно болен и находился в лечебнице, где около него дежурили родные (скончался он 28 июля).

320

от греческого *petra* – скала, каменная глыба

321

Байрону («Я думаю об утре вашей славы...»)

322

У П. Я. Эфрона умерла маленькая дочь.

323

В. Ф. Ходасевич провел в Коктебеле два лета (1916 и 1917)

324

М. А. Минц в это время в Александрове проходил военную службу.

325

У Анастасии Цветаевой и М. А. Минца 25 июня родился сын Алексей

326

А. И. Цветаева вместо второго сына ожидала «девочку Ирину».

327

КОЗ

328

М. А. Дейша-Сионицкая – оперная певица и педагог, коктебельская соседка Волошина.

329

Имеются в виду Крутицкие казармы, где находилось управление Московского уездного воинского начальника.

330

Директор 3-й московской мужской гимназии, в которой учился В. Ф. Ходасевич и младший брат В. Я. Брюсова Александр

331

был также инспектором классов женской гимназии имени В. П. фон Дервиз, в которой училась Цветаева.

- Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
- 332
Из поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины».
- 333
Второй сын А. И. Цветаевой – Алеша
- 334
редактор-издательница петербургского журнала «Северные записки», в котором в 1915 г. были впервые напечатаны стихи Цветаевой.
- 335
Перевод романа Анны де Ноай «Новое упование».
- 336
М. С. Камкова по завещанию своей тети, М. А. Мейн, имела право на «пенсию». Деньги ей регулярно присылала А. Цветаева.
- 337
Зелинский И. В. – знакомый М. А. Волошина.
- 338
Сына Аси
- 339
Няня, домработница у А. Цветаевой
- 340
Б. С. Трухачеву.
- 341
Няня или кормилица Ирины
- 342
Малиновский А. Н., художник. Выполнил обложку к книге А. И. Цветаевой «Дым, дым и дым». Был дружен с М. А. Минцем.
- 343
Название общества расшифровывается: «Художники – Литераторы – Артисты – Музыканты».
- 344
Воспитанник П. Н. Лампси.
- 345
Вероятно, С. Н. Шиль
- 346
Галина Владимировна Полуэктова.
- 347
Возможно, Дуся Яценко – танцовщица.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

348

Александр Александрович Новинский – капитан 2-го ранга, начальник Феодосийского порта.

349

Художник М. П. Латри и его первая жена Екатерина Николаевна

350

«Какой ужас!» – «Да, я уже заметила!» (фр.)

351

М.б. Вержовецкая. Поэтесса, жительница Старого Крыма.

352

Туся – Н. В. Крандиевская, третья жена А. Н. Толстого.

353

А. М. Петрова – близкая знакомая М. Волошина. На рубеже веков ее дом в Феодосии в течение многих лет был центром притяжения творческой интеллигенции города.

354

«Генералам двенадцатого года», стихотворение 1913 г.

355

В Москву. Однако 10 ноября Цветаева снова вернулась в Крым

356

Письмо написано по дороге из Крыма в Москву.

357

Ежедневная харьковская газета

358

С. Эфрон, прапорщик, в составе 56-го запасного полка участвовал в октябрьских событиях 1917 г.

359

Дом Цветаевой и Эфрона в Казачьем переулке

360

С. И. Гольцев – однополчанин и друг С. Я. Эфрона

361

Молочница

362

То есть в Борисоглебский переулок; первые дни по возвращении из Крыма Цветаева провела со своими детьми у В. Я. Эфрон, где находились обе дочери в отсутствие матери

363

Д. А. Юнге.

364

Т. И. Плущер-Сарна.

365

О. А. Рогозинская

366

Редлих А. Ф., музыкальный педагог, и Э. М., художник

367

Имение Канашево в Витебской губернии.

368

Гольдовские О. Б., адвокат, и его жена Рашель Мироновна, писательница.

369

М. С. Фельдштейн, сын Р. М. Гольдовской

370

Стихи М. Волошина «Святая Русь», «Мир», «Март», «Бонапарт» были опубликованы в газете «Слову – свобода!»

371

Радин Н. М. – внук балетмейстера М. И. Петипа.

372

Герой повести Ф. Бёрнетт «История маленького лорда Фаунтлероя»

373

Герой романа Ч. Диккенса «Домби и сын».

374

Г. Я. Эфрона.

375

«Католическое отрочество» – серия книг для юношеского возраста. Цветаева выбрала книгу в подарок на день рождения дочери, 18 сентября 1928 г. ей исполнилось 16 лет.

376

природная достопримечательность южного побережья Франции.

377

Вера Александровна Сувчинская

378

Анна Антоновна Тескова

379

Лев Платонович Карсавин.

380

Перед подписью – рисунок: голова рыси.

381

Написано на видовой открытке: «Dives (Calvados). – L'Eglise»

382

комната в гостинице «Иннова» на бульваре Пастёр

383

Над строкой: не только

384

Старцу (фр.)

385

Юноше (фр.)

386

Написано на открытке с изображением львицы в саванне.

387

Прудах (фр.)

388

Модный магазин в Париже.

389

по радио

390

Город в Эфиопии, резиденция французской колониальной администрации.

391

Большой универмаг в Париже.

392

Написано на открытке с изображением льва.

393

Написано на открытке с изображением льва, пронумерованной Цветаевой цифрой «3». Начало и конец письма не сохранились. Датируется по содержанию.

394

«Жена булочника» (фр.) (1939) – кинофильм реж. Марселя Паньоля, воплотившего в своем лице так называемую «провансальскую школу» французского кино. Сюжет фильма основан на эпизоде из романа Ж. Жионо «Синий Жак».

395

Ремю (наст. имя Jules Maraire, 1883–1946) – французский актер.

396

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Г-на Маркиза (фр.)

397
Г-на кюре (фр.)

398
Эрих фон Штрохейм (полное имя Эрих Освальд Ханс Карл Мария Штрогейм фон Норденвальд, 1885–1957) – выдающийся актер кино.

399
«Великая иллюзия» (фр.) (1936), реж. Жан Ренуар. Лучший фильм французской школы 1930-х гг. О лагере военнопленных, где разоблачаются «великие иллюзии» целесообразности войны, национальной непримиримости, обусловленности патриотизма и т. п.

400
Луи жуве (1887–1951) – французский актер, режиссер, педагог.

401
Пьер Бланшар (1896–1963) – французский киноактер; играл в фильме Пьера Шеняля «Преступление и наказание» (1935).

402
Жан-Луи Барро (1910–1994) – выдающийся французский актер и режиссер; в кино стал известен в небольшой роли молодого Бонапарта, в которой Цветаева и запомнила его.

403
Вероятно, Дик Покровский, – товарищ С. Я. Эфрона, неофициальный сотрудник советского посольства.

404
«Семья Оппенгейм» (нем.). (1939) – советская экранизация одноименного романа немецкого писателя Лиона Фейхтвангера (1884–1958), реж. Г. Рошаль и В. Строева.

405
«Еврей Зюсс» (нем.) (1925, рус. пер. 1929) – роман Л. Фейхтвангера.

406
Сын А. Цветаевой и М. А. Минца.

407
М. А. Минц.

408
29- го апреля 1917 года

409
А. С. Эфрон гостила по приглашению Б. К. Зайцева в доме его родителей Константина Николаевич и Татьяны Васильевны Зайцевых в Притыкине Каширского уезда Тульской губернии.

410
А. Б. Трухачев

411

Видимо, Борис Александрович Бессарабов

412

Н. Б. Зайцева-Сологуб – дочь В. А. и Б. К. Зайцевых.

413

Написано на обороте фотографической открытки с изображением собаки породы колли и надписью «Faithful and True» («Преданный и верный»).

414

О. Е. Колбасина-Чернова

415

«Утка» (фр.) – название журнала.

416

Свод законов (фр.)

417

«Повесть о Сонечке»

418

О, как жжёт... Жжёт, жжёт, жжёт... (фр.)

419

40 километров в час... бригада не справляется... призыв добровольцев (фр.).

420

Розовое вино (фр.).

421

«Огонь» (фр.).

422

Вид на жительство для эмигрантов (фр.)

423

Журнал для юношества.

424

Огонь... призыв добровольцев... наши доблестные отряды... (фр.)

425

Местная газета.

426

Видите эти леса? Там... там... Это просто джунгли с непроходимыми лианами... И там полно змей... Поэтому туда никто не мог войти – это невозможно – ну и оставили гореть... (фр.)

427

В. И. Лебедев в 1936–1939 гг. был в длительных командировках в США.

428

Почтовая открытка. Адрес: Коми АССР Княж-Погост Севжелдорлаг, Ариадне Сергеевне Эфрон.

429

Имеется в виду подмосковное Голицыно.

430

Цветаева имеет в виду получение летом 1940 г. багажа, отправленного из Парижа на имя дочери. Багаж прибыл в Москву после ареста А. С. Эфрон и получить его Цветаева смогла только после вынесения дочери приговора (его дата – 2 июля 1940 г.).

431

Упомянутые вещи были переданы А. С. Эфрон в Бутырскую тюрьму.

432

Вероятно, Елисаветы Багряны.

433

Поэма Важа Пшавела «Раненый барс».

434

После ареста А. С. Эфрон в московской комнате, где она жила у Е. Я. Эфрон, был обыск, и сундук с ее вещами опечатали до вынесения приговора.

435

Нина Павловна Гордон (урожд. Прокофьева, р. 1908) – в то время сотрудница Жургаза, подруга А. С. Эфрон, впоследствии литературный секретарь К. М. Симонова.

436

Первое письмо дочери, посланное из Княж-Погоста (район Воркуты), куда она была отправлена в ссылку.

437

После приезда в СССР М. Цветаева с семьей жила на казенной даче в Болшеве. На этой даче были арестованы А. С. Эфрон и С. Я. Эфрон.

438

Сеть дешевых французских магазинов.

439

С. Д. Гуревич.

440

Ева Кюри после оккупации Франции работала на американском и английском радио.

441

Николай, сын А. В. Сеземана

442

Цветаева переводила Кнапгейса, Герша Вебера и др.

443

Книгу мемуаров Бенвенуто Челлини «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини флорентийца, написанная им самим во Флоренции»

444

Гордон Н. П., приятельница А. С. Эфрон.

445

Отец «владимирской няньки Нади»

446

Ася с лета 1917 г. жила с сыном Андреем в Крыму и не могла оттуда выехать.

447

Пьеса М. Цветаевой

448

Молодой актер Второго Передвижного театра

449

Цветаева забрала тяжелобольную Алю из приюта в Кунцеве, где находились обе ее дочери. Выхаживать больную Алю помогала В. А. Жуковская, родственница А. К. Герцык. – у нее временно и поселилась Цветаева с дочерью.

450

письмо не отправлено

451

Бебутов В. М. – режиссер

452

Зинаида, дочь В. Д. Миллиоти, впоследствии художник-мультипликатор.

453

Пьеса В. М. Волькенштейна.

454

В. М. Волькенштейн.

455

Д. А. Магеровский, специалист по праву, профессор Московского университета.

456

За то, что у меня – после проводов – веселое (примеч. М. Цветаевой).

457

Алексеева-Месхиева Варвара Владимировна – актриса

458

Малиновская Елена Константиновна – театральный и общественный деятель, была директором Большого театра.

459

У Цветаевой было пальто, сшитое из одеяла полосатой раскраски, напоминающей «тигровую».

460

Знаменитый в годы революции рынок в Москве, находящийся в районе старого Арбата

461

Положение обязывает (фр.).

462

Дом Скрябиных был расположен в Большом Николо-Песковском переулке

463

Цветаева вспоминает трагическую зиму 1919/20 г., когда ее дочери находились в Кунцевском приюте. Госпиталь – тяжело заболевшую в приюте Алю пытались вылечить в красноармейском госпитале.

464

Первый директор Дворца Искусств в Москве, открывшегося в 1919 г.

465

А. С. Эфрон позднее писала: «В те годы Дворец Искусств был не только учреждением, концертным залом, клубом, но и жилым домом ... Левый флигель... был населен „хозобслугой“, с которой соседствовали и начинающие литераторы, и певцы, и художники ... Там простирались владения семейства цыган...»

466

Скульптура С. Т. Коненкова «Паганини» имеет несколько вариантов (гипс, мрамор, бронза, дерево). Наиболее известен портрет Паганини, выполненный Коненковым в мраморе в 1916 г.

467

Н. Н. Вышеславцев.

468

Оговорюсь! (примеч. М. Цветаевой)

469

Как таковой (фр.).

470

Слишком серьезно (фр.).

471

В Москве было два Спасо-болвановских переулков: 1-й и 2-й.

472

Книга А. Ахматовой «Белая стая», подаренная Е. Ланном.

473

Стихотворение М. Цветаевой «Пожалей...»

474

Потебня Александр Афанасьевич – филолог-славист.

475

Вяч. Иванов.

476

стихотворение Е. Ланна.

477

Новалис – немецкий писатель, философ.

478

Шиллингер И. М. – композитор, педагог.

479

Музыкальный отдел Наркомата просвещения.

480

Камерный театр, основанный А. Я. Таировым.

481

Метнер Н. К. – композитор, пианист.

482

Ничего! (фр.)

483

М. П. Кювилье.

484

Скользите, смертные, не опирайтесь! (фр.) – Из «Четверостишия о конькобежце» французского поэта Пьера Шарля Руа.

485

Арапов А. А. – театральный художник.

486

Бебутов В. М. – режиссер.

487

Книга «Кризис культуры» А.Белый

488

Как и я – для себя! Ибо – немудрено – мне – любить Блока и Ахматову! (примеч. М. Цветаевой)

489

Речь, вероятно, идет о Борисе Ивановиче Бессарабове.

490

Т. Ф. Скрябина (Шлёцер).

491

Сборник «Весенний салон поэтов» вышел в Москве в 1918 г. (издательство «Зерна»).

492

Гёте «Рыбак»: «К нему она, он к ней бежит...// И след навек пропал» (пер. А. А. Жуковского).

493

Речь идет о письме С. Я. Эфрона от 24 сентября (7 октября) 1920 г.

494

Аля гостила в это время в деревне в семье Б. К. Зайцева.

495

Стихи, которые Цветаева объединила в цикл под названием «Разлука» и издала отдельной книжкой в 1922 г.

496

С. М. Волконский, приехавший в Москву в 1918 г., написал объемистые воспоминания в трёх частях: «Лавры», «Странствия», «Родина»

497

Литературная дружба (фр.).

498

На что ж искать далеких звезд?

Для неба их краса

(пер. В. А. Жуковского стихотворения Гёте «Trost in Tranen» («Утешение в слезах»)).

499

А. Цветаева приехала из Крыма в Москву весной 1921 г.

500

Первая книга «Современных записок», вышедшая в декабре 1920 г. в Париже.

501

А. В. Кривцова, жена Ланна, переводчица

502

Первое письмо после долгого перерыва М. Цветаева получила от сестры лишь после освобождения в ноябре 1920 г. Крыма Красной Армией.

503

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Б. С. Трухачев умер в 1919 г. в Старом Крыму от сыпного тифа.

504

Миронов Николай Николаевич, приятель Б. Трухачева

505

Жена Н. Н. Миронова, Татьяна Константиновна, урожденная Миллер.

506

Л. А. Тамбурер

507

Павлушков Юлий Сергеевич – ее муж.

508

Имеется в виду С. Я. Эфрон.

509

Опубликовано в сб. «Психея» в цикле «Плащ»

510

Ирина Борисовна, урожденная Трухачева

511

Из стихотворения А. В. Цыгальского «Храм Неопалимой Купины».

512

Оболенская А. В., в монашестве – мать Бландина, сестра А. В. Оболенского.

513

Зелинская В. И., близкая подруга А. И. Цветаевой, член парижского студенческого христианского движения. Умерла от туберкулеза.

514

Б. Л. Пастернака

515

Астафьев К. Н. и его жена Ольга Васильевна. Некролог о В. И. Зелинской за их подписью был напечатан в «Последних новостях»

516

Правильно: Иосифовны.

517

Сборник «После России». Сто экземпляров тиража были пронумерованы и подписаны автором.

518

Первый отзыв на сборник «После России» появился за подписью М. Слонима (1928, 17 июня), вслед были опубликованы рецензии В. Ходасевича, Г. Адамовича и П. Пильского

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

519

Шухаев В. И. – художник. Основал в Париже совместно с А. Е. Яковлевым художественную школу.

520

В заметке без подписи «Театр РСФСР. (Первый)» сообщалось, что в ближайшем репертуаре театра, среди других постановок – «Гамлет» по Шекспиру и «Златоглав» по Клоделю в переделке Вс. Мейерхольда, Вал. Бебутова и М. Цветаевой

521

Клодель Поль – французский писатель, драматург. Речь идет о его ранней пьесе «Золотая голова» («Tete d'or»).

522

Замысел В. Э. Мейерхольда по переделке совместно с В. М. Бебутовым и С. А. Есениным «Бориса Годунова» осуществлен не был.

523

Б. С. Трухачеве

524

Ирину Трухачеву

525

Е. А. Фельдштейн.

526

В письме описка: «Ц-ского».

527

Сборники А. Ахматовой «Четки» и «Белая стая».

528

Издательство, организованное в 1918 г. в Петрограде

529

Не была издана. Замысел был реализован лишь в рукописном виде.

530

Из стихотворения А. Ахматовой «По твердому гребню сугроба...» (1917).

531

Строки из стихотворения А. Ахматовой «Ты – отступник: за остров зеленый...» (1917)

532

Слухи о самоубийстве А. Ахматовой после расстрела Н. Гумилева.

533

Кафе было организовано В. В. Каменским и В. Р. Гольдшмидтом осенью 1917 г. в помещении бывшей прачечной в Настасьинском переулке (угол Тверской улицы).

534

Перефразированные строки стихотворения И. Северянина «Это было у моря...»

535

Шершеневич В. Г. – поэт-имажинист.

536

Арго (Гольденберг А. М.) – поэт-сатирик и переводчик

537

Грузинов И. В. – поэт-имажинист.

538

Строка из стихотворения А. Ахматовой «Молитва».

539

В Александрове летом 1916 г. написаны двенадцать стихотворений, обращенных к А. Ахматовой

540

В очерке «Нездешний вечер» Цветаева пишет о сыновьях А. Каннегисера – Сергее и Леониде: «Леня – поэт, Сережа – путешественник, и дружу я с Сережей... Леня для меня слишком хрупок, нежен... цветок». В 1918 г. Л. Каннегисер был расстрелян за убийство Урицкого.

541

Речь идет о С. Я. Парнок.

542

Зеркальная галерея (фр.).

543

Из стихотворения М. Кузмина «Среди ночных и долгих бдений...». Сборник «Вожатый»

544

Л. В. Эрарская, новая подруга С. Я. Парнок.

545

Чтобы занять себя (фр.)

546

Имеется в виду кантата М. Кузмина «Св. Георгий», перекликающаяся со стихотворениями М. Цветаевой цикла «Георгий».

547

Пушкин, Гёте – стихотворений М. Кузмина из цикла «Дни и лица».

548

Сестра Эренбурга.

549

Юра Каган, сын другой старшей сестры Эренбурга, Евгении Григорьевны.

550

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Речь идет об отъезде Цветаевой с дочерью Ариадной за границу

551

Балтрушайтис Ю. К. – литовский поэт. С 1921 по 1939 г. был послом Литвы в СССР. Помогал Цветаевой в оформлении визы.

552

В Берлин нужно было ехать через Ригу.

553

Вероятно, стихотворение И. Эренбурга «О горе, горе, убежавшим с каторги!..» из цикла «Зарубежные раздумья».

554

Книга Эренбурга

555

Двустиишие, послужившее эпиграфом к сборнику «Версты. I».

556

окончание письма потеряно

557

Описка: Евдоксия

558

Госиздат принял у Цветаевой к изданию две ее книги: «Царь-девица» и «Версты. I».

559

Шенгели Г. А. – поэт, переводчик

560

Письмо было вызвано публикацией А. Н. Толстым в редактируемом им «Литературном приложении» к берлинской газете «Накануне» частного письма к нему К. И. Чуковского

561

Позже А. Н. Толстой поместил редакционную реплику: «Напечатанное в предыдущем номере письмо К. И. Чуковского было написано мне как частное письмо. Я напечатал его, не испросив предварительно разрешения на это К. И. Чуковского».

562

Волынский (Флексер) А. Л., критик, искусствовед

563

Чудовский В. А., критик, сотрудничал в журнале «Аполлон»

564

Пьеса А. Н. Толстого, вышедшая отдельной книгой

565

Речь идет об автобиографии, которую предложила опубликовать в разделе «Писатели – о себе» редакция журнала «Новая русская книга»

566

Имеется в виду статья «Световой ливень».

567

Письмо Б. Пастернака, которое Цветаева получила через И. Эренбурга.

568

П. С. Коган.

569

Стихотворение «Голод» (1922).

570

Пастернак читал первое издание книги стихов «Версты», вышедшей двумя изданиями в московском издательстве «Костры», появившееся в феврале 1922 г.

571

Цветаева послала Пастернаку экземпляр этой книги с таким автографом: «Моему заочному другу – заоблачному брату – Борису Пастернаку»

572

На книге «Разлука» Цветаева написала: «Борису Пастернаку – навстречу!»

573

Цветаева уехала из Берлина в Прагу 31 июля 1922 г.

574

Прозвище А. Г. Вишняка.

575

Пастернак собирался отправиться с женой в Берлин в середине августа 1922 г.

576

Книгу стихов «Сестра моя – жизнь» с дарственной надписью «Марине Цветаевой. Б. Пастернак. 14.VI.22. Москва» Цветаева получила чуть позднее.

577

Ответ на письмо Б. Пастернака от 12 ноября 1922 г., посланное из Берлина

578

Первоначальное название стихотворения «Неподражаемо лжет жизнь...», записанного в конце своей книги стихов «Разлука», посланной в дар Пастернаку

579

В № 2 журнала «Эпопея» за 1922 г. напечатан цикл «Отрок» из четырех стихотворений, посвященный «Геликону»

580

Кроме Блока, но он уже не был в живых! А Белый – другое что-то (примеч. М. Цветаевой).

581

Т. В. Чурилин.

582

Резкие сатирические выпады Байрона против английского принца-регента Георга стоили поэту изгнания.

583

Гёте (нем.).

584

Переключка с первой строкой стихотворения Б. Пастернака «Косых картин, летящих ливня...»

585

Книга стихов «Темы и вариации», вышедшая в Берлине. Пастернак послал ее в Прагу с надписью: «Несравненному поэту Марине Цветаевой, „днецкой, горючей и адской“ от поклонника ее дара, отважившегося издать эти высежки и опилки, и теперь кающегося.»

586

Стихотворение Б. Пастернака «Так начинают. Года в два...» из цикла «Я их мог позабыть»

587

В первые послереволюционные годы Большая аудитория Политехнического музея стала главной поэтической трибуной Москвы.

588

Большая загадка, неопределенность (фр.).

589

Речь идет о похоронах Т. Ф. Скрябиной

590

Эта поездка в Берлин не осуществилась.

591

«Сестра моя – жизнь».

592

«Детство Люверс».

593

Лилит – первая жена Адама (до Евы), созданная Богом, как и Адам, из глины. Прекрасная, неземная Лилит противопоставляется простой, обыденной Еве.

594

Стихотворение «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь».

595

Ленау Николаус – австрийский поэт.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

596

Из стихотворения немецкого писателя Теодора Шторма «Frauen-Ritornelle».

597

Перефразированные строки из стихотворения М. Цветаевой «Лютня»

598

Поэма «Молодец

599

Образы стихотворений книги „Темы и вариации“

600

Из стихотворения М. Цветаевой „Ты проходишь на Запад Солнца...“ цикла „Стихи к Блоку“.

601

Шкапская М. М. – поэтесса.

602

„Темы и вариации“.

603

Книга о московском быте под условным названием „Земные приметы“

604

Речь идет о замысле встречи в Веймаре, где жил и умер Гёте

605

А.И. Цветаевой

606

Поэма „Переулучки“, посвященная близкому другу Цветаевой А. А. Подгаецкому-Чаброву.

607

Альтшуллер Григорий Исаакович – врач, сын известного врача.

608

Воскресное дитя (нем.).

609

Для галерки и для черни! (фр. и нем.)

610

„Молодец“.

611

Георгий Победоносец изображен на гербе Москвы.

612

От „Житейских воззрений Кота Мурра“ Гофмана.

613

Кольцов А. В. – русский поэт.

614

Духовные письма (нем.).

615

Цветаева получила от Пастернака книгу „Рассказы“ с дарственной надписью: „Марине, удивительному, чудесному. Богом одаренному другу. Б. П.“ Под „поэмой“, вероятно, имеется в виду „Высокая болезнь“.

616

Величие! (фр.)

617

Из поэмы Б. Пастернака „Высокая болезнь“

618

Письмо написано в вандейской деревеньке Сен-Жиль-сюр-Ви на атлантическом побережье Франции

619

Поэма Б. Пастернака „Лейтенант Шмидт“.

620

Шмидт-Очаковский Евгений Петрович, сын П.П. Шмидта, Очаковский – по названию крейсера „Очаков“, на котором П. П. Шмидтом было организовано восстание.

621

Жизнь (фр.). Название речушки, на которой стоял городок Сен-Жиль.

622

Из поэмы Б. Пастернака „Девятьсот пятый год“

623

Сокровище Нибелунгов (нем.).

624

Через все миры, через все края – по концам всех дорог

Вечные двое, которые – никогда – не могут встретиться (нем.).

625

Из церковнославянского текста Библии (Первая книга Царства).

626

Не „воспользоваться“ „случаем“ письма Рильке, чтобы назвать тебя еще раз (примеч. М. Цветаевой).

627

Из стихотворения М. Цветаевой „Эвридика – Орфею“

628

Из этого же стихотворения.

629

Разрыв А. Белого с женой, А. А. Тургеневой.

630

В акrostихе-посвящении, которое Б. Пастернак прислал ей в письме от 19 мая 1926 г.:

Мельканье рук и ног и вслед ему
„Ату его сквозь тьму времен! Резвей
Ревя рога! А то возьму
И брошу гон и ринусь в сон ветвей“.
Но рог крушит сырую красоту
Естественных, как листья леса, лет.
Царит покой, и что ни пень – Сатурн:
Вращающийся возраст, круглый след.
Ему б уплыть стихом во тьму времен.
Такие клады в дуплах и во рту.
А тут носи из лога в лог ату,
Естественный, как листья леса, стон.
Век, отчего травить охоты нет?
Ответь листвою, пнями, сном ветвей
И ветром и травю мне и ей.

631

Популярная в России 1880 – 1890-х годов повесть французского писателя и поэта Андре Терье.

632

Ж.-Ж. Руссо был поборником уединения человека на лоне природы.

633

Машин дневник (нем.). – Книга Адама Штейна (Шпрингер, Роберт Густав Мориц)

634

В детстве любила, как и любовь (примеч. М. Цветаевой).

635

„Увод“ – название четвертой главы „Крысолова“.

636

Поэма „С моря“.

637

Н. А. Нолле-Коган.

638

„Поэма Горы“

639

Из стихотворения „В седину – висок...“

640

Цветаева приводит последние строки каждого из трех своих стихотворений, образующих цикл „Двое“

641

Рут Зибер-Рильке

642

Цикл „Цари“ (нем.). в „Книге Образов“ Рильке.

643

Торговая фирма по поставке и продаже хрусталя, названная по имени графа Иоанна Ф. Гарраха

644

Асеев Н. Н.

645

Цветаева получила от Пастернака, кроме журналов, рукопись первой части поэмы „Лейтенант Шмидт“, сборник стихов „Поверх барьеров“ и др. его произведения

646

Речь идет о свадьбе К. Б. Родзевича и М. С. Булгаковой

647

Статья М. Цветаевой „Поэт о критике“ в журнале „Благонамеренный“ вызвала множество выступлений в печати

648

Цветаева говорит о статьях П. Струве „Заметки писателя. О пустоутробии и озорстве“, А. Яблоновского „В халате“, М. Осоргина „Дядя и тетя“ и других, в частности Ю. Айхенвальда и З. Гиппиус.

649

Из неоконченного стихотворения М. Цветаевой

„Время – бремя небольшое“.

650

Каляев И. П. – член боевой организации партии эсеров, убил московского генерал-губернатора.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

651

Т. е. заслоняешься ею насильно и все-таки не заслонен. Ты это деревья. флаги, листовки, клятва. Шмидт – письма (примеч. М. Цветаевой).

652

„Стихия“ и упоминаемая ниже „Марсельеза“ – так назывались в рукописи поэмы „Девятьсот пятый год“ 4-я и 5-я главы.

653

Из стихотворения Б. Пастернака „Гроза, моментальная навек“

654

Эпизод из главы „Письмо о дрязгах“, впоследствии опущенной.

655

Из главы „Письмо о дрязгах“, где было: „Странно, скажете. К чему такой отчет?// Эти мелочи относятся ли к теме?“

656

Журнал „Благонамеренный“ под редакцией Д. Шаховского.

657

Цветаева заканчивала поэму „Попытка комнаты“. В то же время она пишет поэму „Лестница“.

658

Посвященное Цветаевой стихотворение „Элегия“, примыкающее по стилю к циклу „Дуинезских элегий“.

659

Мой случай (дело, причина) (фр.).

660

Глава „Потемкин“ („Морской мятеж“) из поэмы „Девятьсот пятый год“. В этом же номере „Верст“ была напечатана и „Поэма Горы“.

661

Поэма „Попытка комнаты“.

662

Весной? Мне это долго. Скорей! Скорей! (нем.)

663

Райнер, что с тобой? Райнер, любишь ли ты еще меня? (нем.)

664

Сады (фр.).

665

Из стихотворения М. Цветаевой „Над синевой подмосковных рощ...“

666

Поэзия (фр.).

667

Прекрасный вид (фр.).

668

Из незавершенного

669

Поэма „Новогоднее“

670

Первоначальное название поэмы „С моря“.

671

К. Л. Зелинский.

672

Цветаева с гордостью писала друзьям, что Б. Пастернак, которому она послала фотографии, назвал ее сына Георгия (Мура) Наполеонидом.

673

Слова царя Миноса из второй картины трагедии „Ариадна“, первоначально носившей название „Тезей“.

674

Речь о князе Д. П. Святополк-Мирском.

675

Знаю (нем.).

676

Подчеркнуто (нем.).

677

Рильке писал Цветаевой: „...Взгляни: возле твоего прекрасного имени, возле этого замечательного Сен-Жиль-сюр-Ви (survie!)...“ Здесь игра слов: survie – выживание, буквально: сверх-жизнь (фр.). Ви – название реки в Вандее.

678

Страдание (нем.).

679

Е. А. Черношвитова.

680

Сократический диалог „Душа и танец“ французского поэта Поля Валери.

681

В. Ходасевич напечатал статью „О Верстах“ в „Современных записках“ с резким отзывом о журнале и его участниках.

682

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
„Поэма Воздуха“

683

Зигфрид – герой германского эпоса. Чтобы стать неуязвимым для врагов, Зигфрид омылся в крови дракона, но на спину ему упал липовый листок и сделал беззащитным сердце. Пята – уязвимое место Ахиллеса, героя греческого эпоса.

684

Рукопись книги „После России“.

685

Озирис – бог солнца в египетской мифологии; был убит братом и разорван на куски

686

Согласно библии, апостол Фома не поверил в воскресение Иисуса, пока „не увидел на руках Его ран от гвоздей и не вложил перста свои в раны...“.

687

Прочная устойчивость (фр.).

688

Герои средневековых памятников западноевропейской литературы. повествующих о трагической любви Изольды, жены короля Марка, к его племяннику Тристану.

689

С белыми руками (фр.).

690

Герои сказки Х. К. Андерсена „Снежная королева“.

691

Знаменитое кафе в Париже на бульваре Монпарнас

692

На побережье Атлантического океана, место для летнего отдыха семьи.

693

Многочисленная семья (фр.).

694

Средняя семья (фр.).

695

Военная хитрость (фр.).

696

В конце июля 1926 г. между Цветаевой и Пастернаком возникла размолвка, и он предложил временно прекратить переписку.

697

Ты права, но ты жестока (нем.).

698

Из стихотворения Б. Пастернака „Я их мог позабыть? Про родню...“.

699

И сердце ему сказало: „Ты не ушибся, малыш?“ (фр.)

700

Н. С. Тихонов.

701

Написано на открытке с изображением льва, пронумерованной Цветаевой цифрой „3“. Начало и конец письма не сохранились. Датируется по содержанию.

702

„Жена булочника“ (фр.) (1939) – кинофильм реж. Марселя Паньоля, воплощавшего в своем лице так называемую „провансальскую школу“ французского кино. Сюжет фильма основан на эпизоде из романа Ж. Жионо „Синий Жак“.

703

Ремю (наст. имя Jules Maraire, 1883–1946) – французский актер.

704

Г-на Маркиза (фр.)

705

Г-на кюре (фр.)

706

Эрих фон Штрогейм (полное имя Эрих Освальд Ханс Карл Мария Штрогейм фон Норденвальд, 1885–1957) – выдающийся актер кино.

707

„Великая иллюзия“ (фр.) (1936), реж. Жан Ренуар. Лучший фильм французской школы 1930-х гг. О лагере военнопленных, где разоблачаются „великие иллюзии“ целесообразности войны, национальной непримиримости, обусловленности патриотизма и т. п.

708

Луи Жуве (1887–1951) – французский актер, режиссер, педагог.

709

Пьер Бланшар (1896–1963) – французский киноактер; играл в фильме Пьера Шеняля „Преступление и наказание“ (1935).

710

Жан-Луи Барро (1910–1994) – выдающийся французский актер и режиссер; в кино стал известен в небольшой роли молодого Бонапарта, в которой Цветаева и запомнила его.

711

Вероятно, Дик Покровский, – товарищ С. Я. Эфрона, неофициальный сотрудник советского посольства.

712

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
„Семья Оппенгейм“ (нем.). (1939) – советская экранизация одноименного романа немецкого писателя Лиона Фейхтвангера (1884–1958), реж. Г. Рошаль и В. Строева.

713

„Еврей Зюсс“ (нем.) (1925, рус. пер. 1929) – роман Л. Фейхтвангера.

714

римский император

715

„Девятьсот пятый год“

716

Цветаева с детьми переболели скарлатиной.

717

Первая персональная выставка за границей, открывшаяся в конце 1927 г. в Берлине, в частном салоне Хартберга

718

„О ёлка, о ёлка“ (нем.).

719

В серии зарисовок „Мои встречи и модели“ Л. О. Пастернак „записал“ портрет молодого Рильке

720

В анонсе на новую книгу Цветаевой была оговорка, что „ограниченное число экземпляров (не более ста) этого издания, нумерованных и подписанных автором, будет отпечатано на роскошной бумаге и в продажу не поступит. Цена нумерованного экземпляра по подписке 100 франков“

721

Только время (нем.).

722

Розалии Исидоровне

723

Темные кипарисы!

Мир слишком веселый, –

А ведь все будет забыто! (нем).

Из стихотворения „Frauen-Ritornelle“ Т. Шторма.

724

Дуинезские элегии (нем.).

725

Дом Рильке (нем.).

726

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Роща Рильке (нем.).

727

Дочь Л. О. и Р. И. Пастернаков, Жозефина. Ее новорожденной дочке Цветаева прислала кусок шелковой голубой материи.

728

Семья Е. Н. Чирикова жила тогда во Вшенорах, недалеко от поселка Мокропсы. Сестра – вероятно, речь идет о младшей сестре Валентине (в замужестве Геринг), художнице.

729

Название обувного магазина (нем.).

730

Горные ботинки (нем.).

731

Каплун С. Г. – владелец берлинского издательства „Эпоха“, где печаталась поэма-сказка Цветаевой „Царь-Девница“.

732

Который напакостил! (примеч. М. Цветаевой)

733

Л. Е. Чирикова готовилась к отъезду в Париж.

734

Гробница инвалидов (фр.).

735

Легитимистка! (фр.; от légitimité – законность)

736

„Земные приметы“.

737

Совсем как Вы (фр.).

738

Всегда (фр.).

739

Живым словом (фр.).

740

Лукомский Георгий Крескентьевич – художник, искусствовед.

741

30 апреля в Праге Р. Штейнер читал публичную лекцию „Что хотел Гетеанум и чем должна быть антропософия?“

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

742

А. А. Тургенева, первая жена А. Белого.

743

М. С. Цетлина.

744

дочери Л. Е. Чириковой, Е. Б. Валенштайн

745

Речь идет о сестрах Черновых, Наталье и Ольге.

746

В 1922 г. Эренбург выпустил книгу „Портреты русских поэтов“ (Берлин»)

747

Статья Цветаевой «Кедр. Апология (О книге кн. С. Волконского „Родина“»

748

Н. А. Струве, жена П. Б. Струве.

749

Имеются в виду либо Ильин И. А., известный философ, публицист, высланный в 1922 г. из РСФСР, либо Ильин В. Н., философ, богослов, знаток музыки, в двадцатые годы участвовавший в евразийском движении.

750

Чабров А. А.

751

Из стихотворения без названия, «Книга паломничества».

752

Для организация первого творческого вечера Цветаевой в Париже приходилось просить влиятельных друзей распространить специальные дорогие билеты среди меценатов.

753

Приписка к письму С. Эфрона, в котором речь идет о будущем названии для готовившегося журнала (впоследствии «Версты»).

754

Название «Орда» предложил А. М. Ремизов. Он же добавил к своему предложению новый вариант: «Ясак». А когда Сувчинский придумал название «Версты», возражал ему в письме от 23 февраля: «лучше крепкое ВЕРСТА». Д. П. Святополк-Мирский предлагал назвать журнал «Улус» или «Ясак».

755

Название сборника стихов Н. Гумилева

756

К письму было приложено стихотворение М. Цветаевой «Петру» (обращено к Петру I).

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

757

князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, критик, историк литературы, участник евразийского движения и близкий друг Сувчинского.

758

Пересечение Ла-Манша.

759

«Поэма Горы» была напечатана в № 1 «Верст» в июне-июле 1926 г.

760

В этом же номере «Верст» были напечатаны произведения А. М. Ремизова: «Воистину» (Памяти В. В. Розанова) и «Россия».

761

Адрес школы славистики, где преподавал Д. П. Святополк-Мирский.

762

Здесь: Откуда она у Вас? (фр.)

763

И все, что с этим связано (фр.).

764

Статью «Мой ответ Осипу Мандельштаму»

765

Д. П. Святополк-Мирскому принадлежат два хвалебных отзыва на «Шум времени» Мандельштама.

766

Первый номер журнала «Версты».

767

Своим кратким вступительным докладом Мирский предварил выступление Цветаевой. Кроме своих стихов Цветаева прочла несколько стихотворений Б. Пастернака.

768

Друзья Сувчинского в Лондоне кн. Владимир и Екатерина Голицыны, участвовавшие в евразийском движении.

769

Была опубликована в № 1 «Верст».

770

П. П. Сувчинский не принял для публикации в № 1 «Верст» статью Цветаевой «Мой ответ Осипу Мандельштаму».

771

На обложке «Верст» значилось, что журнал выходит под редакцией Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова.

772

Цветаева имеет в виду неприятие петровских преобразований в своем стихотворении «Петру», совпадающее, по ее мнению, с отношением к ним евразийцев (которое на самом деле было в эту пору гораздо сложнее).

773

Алданов М. А. был в то время редактором литературного отдела газеты «Дни».

774

Здесь: осложнений не сулят (фр.).

775

Действительно, во втором номере «Верст» была опубликована статья Д. П. Святополк-Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе», в которой содержались резкие выпады против Бунина, Андреева, Арцыбашева.

776

Это он о меня касающемся (примеч. М. Цветаевой).

777

Рецензия на поэму Цветаевой «Молодец», в которой Святополк-Мирский говорил о творческом росте М. Цветаевой и Б. Пастернака.

778

Несколько измененная цитата из письма Б. Пастернака М. Цветаевой от 23 мая 1926 г.

779

Короткая заметка о Пастернаке была написана Сувчинским лишь три десятилетия спустя.

780

П. Сувчинский написал предисловие к поэме «Двенадцать», вышедшей в 1921 г. в «Российско-болгарском издательстве» (София), и статью «Типы творчества (памяти Блока)».

781

Из стихотворения Б. Пастернака «Скрипка Паганини».

У Пастернака: «С загрубевшей от музыки коркой...»

782

Поэма «Попытка комнаты» завершена 6 июня 1926 г.

783

В письме к В. Ф. Булгакову от 8 июня 1926 г. С. Эфрон писал: «я в St. Gilles! Впервые за восемь лет по старорежимному отдыхаю. До сих пор удивляюсь, как удалось мне вырваться из Парижа. Мои Версты уподобились клейкой бумаге, а я мухе: одну ногу вытяну – другие увязнут...».

784

Веселый Артем (Кочкуров Николай Иванович) – русский советский писатель.

785

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Произведения, опубликованные в № 1 «Верст». Статья Ремизова «Воистину» была
написана к 70-й годовщине со дня рождения В. В. Розанова в форме письма к нему.

786
«Письма императрицы Александры Федоровны».

787
В. А. Сувчинская.

788
Приписка к письму С. Эфрона, в котором он делится впечатлениями от только что
вышедшего первого номера «Верст».

789
В первом номере «Верст» было опубликовано «Житие протопопы Аввакума, им самим
написанное».

790
Ибо где я согнут – я солган (нем.).

Из первой части книги «Часослов» Рильке. (пер. М. Цветаевой)

791
С. Эфрон собирался в Париж и Прагу. В Праге он собирался добиваться продолжения
выплаты Цветаевой пособия от чешских властей. Этому решению помогал Булгаков, в
то время Председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

792
П. С. Владимирович.

793
Со знанием дела (фр.).

794
Драма «Тезей», написанная Цветаевой еще в Чехии и заново переписанная в
Сен-Жиле, была напечатана во втором номере «Верст».

795
Цитаты из четвертой картины «Наксос» трагедии «Тезей».

796
А. И. Андреева. Дети Андреевой – Вера, Валентин, Савва. Родственница – Н. М.
Андреева.

797
Туржанская А. З., актриса, жена кинорежиссера Н. Туржанского.

798
Сувчинский собирался в Вену на съезд руководителей евразийского движения.

799
Мифы (нем.).

800

Греческая мифология (нем.).

801

«Мифы классической древности» немецкого писателя Г. В. Штолля. Для работы над продолжением «Тезея» Цветаева использовала книгу немецкого писателя-романтика Густава Шваба «Прекраснейшие сказания классической древности».

802

Поэма «С моря» (май 1926 г.). Опубликована в журнале «Версты». 1928. № 3.

803

Трагедия «Федра» была все же опубликована в журнале «Современные записки».

804

Издание «Верст» прекратилось после выхода третьего номера.

805

Чем раньше – тем лучше. Хотя бы часть. Только что заплатила 86 франков 40 сантимов за газ. Осталось 30 франков.

806

Цветаева планировала поехать на океан, по-видимому, опять на вандейское побережье, в начале сентября 1927 г., но эти планы сорвались из-за болезни.

807

Книга стихов М. Цветаевой «После России».

808

А.А. Тескова в то время была председателем культурно-просветительской комиссии Едноты.

809

Родильный дом в Праге на острове Штванице

810

Воскресное дитя (нем.).

811

Нидерле Любор – чешский историк-славист

812

Журнал «Ева», который выходил в г. Оломоуце.

813

Ф. Кубка ранее перевел ее стихотворение «Идешь, на меня похожий...»

814

предводитель небесного воинства в решающей битве против зла; по Апокалипсису, сражался с драконом (ветхозаветн.).

815

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
М. Л. Слоним был одним из редакторов журнала «Воля России».

816
Дом Бетховена (нем.).

817
В Праге Ф. А. Степун выступил с двумя докладами: «О старых грехах и новых задачах русской демократии» и «Советская и зарубежная Россия»

818
А. И. Андреева.

819
Юрчинова Эва – чешская писательница.

820
В лечебницу Эфрона помог устроить М. Л. Слоним.

821
Севера А. В. – пианистка, преподавательница музыки.

822
Тескова Августа Антоновна, писательница.

823
«Малой скоростью» (фр.).

824
М. Л. Слоним.

825
Название вокзала в Праге.

826
Первый литературный вечер Цветаевой в Париже состоялся лишь 6 февраля 1926 г.

827
По приезду в Париж Цветаева первое время жила на рю Руве (на севере города), в квартире О. Е. Колбасиной-Черновой

828
«Рождественское полено» (фр.).

829
25 декабря 1925 г. была опубликована проза Цветаевой: в газете «Последние новости» – «Из дневника», в газете «Дни» – «О любви».

830
Выдержки из дневника 1919 г. «О Германии»

831
Георгий Адамович на статью не откликнулся.

832

«Пусть говорят» (фр.).

833

Двоюродный брат Николая II Кирилл Владимирович и его дядя Николай Николаевич. В русской эмигрантской прессе этого времени шли споры о том, кто именно из них должен считаться наследником русского престола.

834

Все ветры назначают друг другу свидание (фр.).

835

Анри де ля Рошжаклен – предводитель восстания в Вандее, направленного против французской республики.

836

дочь Е. Н. Чирикова.

837

Густав Шваб – Прекраснейшие легенды классической древности (нем.).

838

Чтобы не потерять ежемесячное чешское пособие

839

С. В. Завадский.

840

Неприкаянных душ (фр.)

841

Едем дальше! (чешск.)

842

Сталинский Е. А. – соредатор журнала «Воля России», до 1917 г. был парижским корреспондентом «Русского богатства».

843

Лебедев В. И. – соредатор журнала «Воля России».

844

В самой середине, внутри (нем.).

845

Ну вот (фр.).

846

В пригороде Парижа Медон-Бельвю Цветаева сняла дом вместе с семьей А. З. Туржанской

847

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Добужинский М. В. – график и театральный художник, член «Мира искусства».
Билибин И. Я. – художник, член «Мира искусства».

848

Помпадур Жанна, маркиза – фаворитка французского короля Людовика XV.
Покровительствовала писателям и философам.

849

Германия превыше всего (нем.).

850

Пруссия (нем.).

851

Милюков Павел Николаевич – лидер партии кадетов, историк, публицист. Главный редактор газеты «Последние новости». В этой газете резкий отзыв на первый выпуск «Верст». Автор рецензии (З. Гиппиус) обвинил редакцию «Верст» в просоветских настроениях, а поэзию Цветаевой определил как беспринципную.

852

Не поэт... – дух поэзии (нем.).

853

Речь идет о похоронах невесты М. Л. Слонима, Лариссы Бучковской, погибшей в автокатастрофе.

854

До свидания! (нем.)

855

Цветаева благодарит за рассказ о выступлении М. Л. Слонима

856

Прекрасная роль... не для меня, – но... я плюю на прекрасные роли! (фр.)

857

Брей А. А. – литератор, актер. Был соседом Цветаевой во Вшенорах под Прагой. Неоднократно выступал с чтением ее стихов, в т. ч. после доклада М. Л. Слонима

858

Поэма «Новогоднее»

859

«Твоя смерть»

860

Ибо вопрошающие тебе безразличны:

с кротким лицом глядишь ты на обремененных (нем.).

861

Конское сердце, конская печенка, конские почки (фр.).

862

Перевод письма Рильке к Л. П. Струве (без указания адресата) о повести И. А. Бунина «Митина любовь».

863

Вы приедете изнутри себя, а не извне событий (приписки Цветаевой).

864

Ничего (фр.)

865

Над схваткой (фр.).

866

Оставим это! (нем.)

867

И. Е. Путерман, выходец из России, служащий советского торгпредства в Париже и пайщик издательства «Плеяда»

868

«Россия во мне, а не я в России!»

869

«Гнездо – в Твоем языке, который так близок ко всеобщему...» (нем.). ...

870

В сборнике стихотворений «После России» А. А. Тесковой посвящен цикл «Деревья».

871

Зиновьева-Аннибал Л. Д. – прозаик, драматург, критик

872

Еленев Н. А. – прозаик, историк искусств.

873

Россия – еженедельная газета под редакцией П. Б. Струве, с декабря 1928 – «Россия и славянство» (при участии П. Б. Струве и под редакцией К. И. Зайцева).

874

Темные кипарисы! Мир слишком веселый, – А ведь все будет забыто! (нем.)

875

Написаны были две части: «Ариадна» и «Федра».

876

Проза «Твоя смерть» в переводе А. А. Тесковой была напечатана в журнале «Lumir» (Прага. 1928)

877

Автор теории, что все языки происходят от четырех элементов, советский ученый Н. Я. Марр. Докладчиком мог быть молодой филолог Б. Г. Унбегаун.

878

К. Б. Родзевич.

879

Булгакова (во втором браке – Степуржинская) М. С., дочь о. Сергия Булгакова.

880

то есть в струпьях, как библейский пророк, веру которого Бог испытывал страданиями.

881

Трубач из Зекингена (нем.) – либретто оперы В. Несслера

882

Храни Тебя Бог, это было бы слишком прекрасно!

Храни Тебя Бог, этому не суждено было быть! (нем.)

(пер. М. Цветаевой) стихотворениз немецкого поэта И. В. фон Шеффеля «Прощание молодого Вернера».

883

На свободу (нем.).

884

Да хранит Тебя Бог – это было бы слишком прекрасно.

Да хранит Тебя Бог – это не хотело быть (нем.).

885

Рецензия Н. Дашкова (псевдоним Владимира Вейдле)

886

Сезам, отворись! (нем.)

887

Завадский В. А. – младший брат подруги Цветаевой, В. А. Аренской (Завадской).

888

Н. М. Андреева, вдова брата писателя Л. Н. Андреева, Всеволода. Прожила в семье Цветаевой несколько месяцев, помогая по хозяйству.

889

Н. П. Гронский.

890

Поэма «Попытка комнаты»

891

17 июня. Вступительное слово произнес М. Л. Слоним.

892

Московский драматический театр имени Евг. Вахтангова (бывшая III студия) начал свои гастроли в Париже 12 июня спектаклем Карло Гоцци «Принцесса Турандот» и завершил их 8 июля Комедией еврейского драматурга Аврома Гольдфадена «Колдунья».

893

Лосский Н. О. – философ. В Понтайяке находились и его сыновья: Владимир, богослов и Борис, историк искусств.

894

Алексеев Н. Н. – философ права.

895

Мягков А. Г. – геолог и инженер. Мягкова В. В., сестра Б. В. Савинкова. Их дети – Геннадий и Лидия

896

Иванов В. Д. – поэт, автор книги «Концы и начала. Попытка эпоса» (Париж, 1930). Сотрудничал в газете «Евразия».

897

Темные кипарисы! Мир слишком веселый, –

А ведь все будет забыто! (нем.)

898

Н. П. Гронский.

899

Храни Тебя Бог, это было бы слишком прекрасно!

Храни Тебя Бог, этому не суждено было быть! (нем.).

900

Той, которую я видел однажды на плоском песчаном берегу

и чей взгляд нежнее, чем у андалузки,

дай сердце ребенка, чтобы она его растерзала,

Каждому надо дать его игрушку... (фр.).

901

«Баллада о Новом Годе»

902

Любящая, не – возлюбленная (нем.).

903

Жюли де Леспинас – автор книги, составленной из писем к горячо любимому человеку.

904

Из стихотворения М. Цветаевой «Ночного гостя не застанешь...»

905

Я этим уже переболела (нем.).

906

М. Л. Слоним

907

Поэтический сборник, составленный Цветаевой из ее стихов 1913–1915 гг.

908

«Отсутствующие всегда неправы» (фр.). Цитата из пьесы «Неожиданное препятствие» французского драматурга Филиппа Детуша

909

«Отсутствующие всегда правы, присутствующие – неправы» (фр.).

910

Неточно цитируемая первая строка стихотворения без названия. У А. А. Ахматовой: «Столько просьб у любимой всегда!..».

911

Райнер Мария Рильке родился в Праге, там прошли его детство и юность. Цветаева перефразировала строку из его стихотворения «Im Dome» («В соборе»).

912

С отечественным «пожалуйста» (нем. – чешск.).

913

Савицкий П. Н. – географ, видный деятель евразийского движения.

914

В № 1 газеты «Евразия» от 24 ноября 1928 г. было опубликовано приветствие Цветаевой Маяковскому.

915

Цветаева слышала выступление В. Маяковского с чтением стихов в кафе «Вольтер»

916

«Гнездо – в Твоем языке, который так близок ко всеобщему...» (нем.).

917

Причуда (нем.)

918

Книга М. Л. Слонима «По золотой тропе. Чехословацкие впечатления» (Париж, 1928).

919

Завазал З. И. – чешский чиновник министерства иностранных дел, занимавшийся вопросами русской эмиграции.

920

«Из писем Райнера Мария Рильке к молодому поэту» (нем.)

921

«Почему Вы не думаете, что он – Тот, Кто еще придет» (нем.).

922

«Я не хочу сказать, что ты имеешь право: ты просто права», пребывать вправе, пребывать в добре (нем.).

923

«Дом на колесах» (фр.).

924

Н. С. Гончарова сделала иллюстрации к поэме «Молодец» в расчете на отдельное издание на французском языке (в переводе М. Цветаевой). Сохранилась папка с 31 рисунком к поэме.

925

С. А. Толстая, жена писателя.

926

«Маленький феномен» (фр.).

927

Доклад М. Л. Слонима «Молодая зарубежная литература» состоялся на открытом литературном вечере объединения «Кочевье» на Монпарнасе.

928

Лебедев В. М. – поэт, прозаик, входил в пражское литературное объединение «Скит поэтов».

929

Эйснер А. В. – поэт, прозаик.

930

Поплавский Б. Ю. – поэт, прозаик

931

Очерк «Наталья Гончарова» в переводе на сербско-хорватский был напечатан в журнале «Руски Архив» (Белград. 1929. № 4, 5/6).

932

Поэма «Перекоп».

933

А. З. Туржанская

934

О. Е. Колбасина-Чернова.

935

Весной 1928 г. по инициативе М. Л. Слонима, В. Л. Андреева и В. Б. Сосинского в Париже было образовано литературное объединение «Кочевье».

936

Любой ценой (фр.).

937

На вечере 25 мая 1929 г. в зале Вано, Цветаева прочла свои старые стихи, отрывки из поэм «Царь-Девница» и «Молодец», стихи из «После России», отрывки из новой поэмы «Перекоп». В вечере участвовал С. М. Волконский, прочитавший эссе «Репетиция и представление».

938

Лебедевы В. И. и М. Н.

939

«Какое грустное удовольствие – развлекаться!» (фр.)

940

Хашек Ярослав – чешский писатель-сатирик, автор романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».

941

В журнале «Воля России» были опубликованы к тому времени рассказы В. Б. Сосинского «Ita Vita», «Махно», «Рассказы о несуществующем», а также ряд критических статей.

942

ПЕН-клуб – международное объединение писателей. Пражский ПЕН-клуб был основан 15 февраля 1925 г.

943

Рейтлингер К. Н. Отец – Рейтлингер Н. А. – политэконом

944

Крем Тукалон (фр.).

945

Золото Рейна (нем.).

946

«Любящие» (нем.).

947

Беттина Brentano (в замужестве фон Арним) – немецкая писательница.

948

«Я не хочу ответной любви!» (нем.)

949

Еженедельник «Евразия», в редакции которого работал С. Я. Эфрон, перестал выходить осенью 1929 г.

950

Злата улочка (чешск.) – улица в старой Праге.

951

Вероятно, имеется в виду изображение знаменитого брюссельского фонтана «Маннекен-Пис».

952

Сразу после окончания «Перекопа» Цветаева летом 1929 г. приступила к работе над «Поэмой о Царской Семье».

953

Вечер состоялся в большом зале Географического общества

954

Домике-хижине (фр.).

955

Цикл «Маяковскому» был опубликован в № 11/12 «Воли России» за 1930 г.

956

Семинар по изучению творчества Ф. М. Достоевского, который должен был пройти в Праге в 1931 г.

957

Лагерлёф Сельма – шведская писательница. Ее роман «Сага о Йесте Берлинге» был одним из самых любимых произведений Цветаевой.

958

Унсет Сигрид – норвежская писательница.

959

Венок – Женщина – Крест (нем.).

960

Кристин, дочь Лавранса (нем.).

961

Собака-пастух – четырехглазая (фр.).

962

Нанни Вундерли-Фолысарт.

963

Боденское озеро (нем.).

964

Издательство «Инзель» (нем.).

965

Ипполит, Иван – персонажи романов Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы»

966

Извольская Е. А. – писательница, публицистка, переводчица

967

Во французскую школу по классу иллюстраций

968

Полицейский (устар.).

969

«Ежедневная газета» (фр.). – французская правая газета.

970

«Числа» – литературно-художественные сборники, выходившие в Париже под редакцией И. В. де Манциарли и Н. А. Оцуа.

971

«Молодец» (фр.).

972

Брис Парэне – писатель и философ, член редколлегии этого журнала, секретарь издательства Gallimard.

973

Н. П. Гронский.

974

«О новой русской детской книге». Опубликовано в журнале «Воля России»

975

«Собака зарыта» (нем.).

976

«Петр I» – исторический роман А. Н. Толстого. *Ceskoslovenska rusistika*. 1969. № 2).

977

Бем А. Л. – историк литературы, критик, доцент русского языка в Пражском университете, бессменный руководитель пражского «Скита поэтов».

978

30 мая 1931 г. Цветаева выступала с чтением стихов и прозы «История одного посвящения»

979

Международная Колониальная выставка проходила в Париже в мае – октябре 1931 г.

980

Подавленная сила, подавленное творческое желание (фр.).

981

Окончательное название цикла – «Стихи к Пушкину».

982

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Большие усилия» (фр.).

983

М. Н. Лебедева и ее дочь Ирина.

984

Мне больше ничего не остается. Больше мне не остается ничего (фр.).

985

Цветаева имеет в виду свое замужество.

986

Французский писатель Алэн Жербо, совершивший в одиночку кругосветное путешествие по морю, описал его в своей книге «Один через Атлантический океан»

987

Следом за солнцем (фр.).

988

Здесь – Страна (нем.).

989

Доклад состоялся в Доме Мютюалитэ 21 января 1932 г. 17 января «Последние новости» опубликовали содержание доклада

990

Венок – Женщина – Крест (нем.).

991

А. С. Штейгер.

992

Повесть Рильке «Песня о любви и смерти корнета Кристофа Рильке».

993

А. А. Тескова выполнила просьбу Цветаевой и прислала ей книгу «Die Frau» (Франкфурт-на-Майне, 1930) с дарственной надписью: «Дорогой Марине Ивановне Цветаевой на радость... с любовью».

994

На доклад Цветаевой были приглашены «в качестве собеседников»: В. Андреев, Н. Бердяев, И. Бунаков, В. Вейдле, Е. Зноско-Боровский, Л. Карсавин, Н. Оцуп, Б. Поплавский, М. Слоним, В. Сосинский, Г. Федотов, А. Эйснер

995

Автор рецензии на книгу «Ремесло» (Воля России. 1924. № 3).

996

Яблоновский С. В. – журналист, театральный критик.

997

«Живое о живом»

998

К. Н. Рейтлингер-Кист.

999

Чтение Цветаевой прозы «Живое о живом» состоялось 13 октября 1932 г. в доме Мютюалите.

1000

«Больших бульварах» (фр.).

1001

Не знают что сказать и потому танцуют! А постарше – играют в бридж (приписки ни полях).

1002

Даманская А. Ф. – писательница, переводчица.

1003

Проза «Флорентийские ночи».

1004

Послесловие, или посмертное лицо вещей (фр.).

1005

Рейтлингер Ю. Н., выдающийся мастер иконописи, инокиня Иоанна. Участвовала в издании серии «Листков для детского чтения» Религиозно-педагогическим кабинетом при Православном богословском институте в Париже

1006

Статья под названием «Два „Лесных Царя“» была опубликована в журнале «Числа» (1934, № 10).

1007

Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой».

1008

В синеву (нем.).

1009

Серость (нем.).

1010

Чествование И. А. Бунина русскими организациями по случаю присуждения ему Нобелевской премии по литературе в Париже 26 ноября 1933 г.

1011

Гном (нем.).

1012

Цветаева послала поздравительную телеграмму В. Н. Буниной.

1013

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В. И. Цветаевой.

1014
Лазурный берег (фр.).

1015
Государство (нем.).

1016
Здесь: Лесной Царь (нем.).

1017
«Жители Ювика»: I – Петер Андерс и его род, II. – Один (нем.).

1018
Читающий и любящий (нем.).

1019
И. В. Степанов, писатель-эмигрант

1020
Книга Х. Дикселиус «Дочь священника».

1021
Людвиг Эмиль – немецкий писатель, автор множества беллетризованных биографий великих людей, в том числе книги «Наполеон» (1906).

1022
Чтение прозы «Моя встреча с Андреем Белым» состоялось 15 марта 1934 г. Под названием «Пленный дух» была опубликована в журнале «Современные записки».

1023
старшая (не-андреевская). – Карницкая Н. К. – дочь А. И. Андреевой от первого брака.

1024
балерина, ученица балетмейстера М. М. Фокина.

1025
Андреева (в замужестве – Рыжкова) Вера Леонидовна, мемуаристка. Автор повести «Дом на Черной речке» и романа «Эхо прошедшего», основанных на автобиографическом материале

1026
Андреев Валентин Леонидович

1027
Герой одноименной средневековой поэмы, написанной немецким поэтом Вольфрамом фон Эшенбахом (XII–XIII вв.).

1028
«Ида-Элизабет» – роман, на содержании которого сказалось обращение С. Унсет в 1924 г. в католическую веру.

1029

Когда нужда достигает предела. Бог всего ближе (нем.).

1030

знаменитая итальянская певица.

1031

И спать я хотела бы, спать //

До того, как придет мой час! (нем.)

1032

Книга писем (нем.).

1033

Статья «Посмертный подарок», вошедшая в эссе «Поэт-альпинист»

1034

Публикацию поэмы «Белла-Донна» в «Последних новостях» предваряло вступление Г. В. Адамовича.

1035

Меч – еженедельная русская газета, издававшаяся под редакцией Д. В. Философа и Д. С. Мережковского в Варшаве.

1036

Вечер памяти А. А. Блока состоялся 2 февраля 1935 г. в зале Общества ученых

1037

поэтесса, прозаик, входила в пражский «Скит поэтов».

1038

Педантично (нем.).

1039

Писем любви (фр.).

1040

Один из предков И. П. Демидова был женат на родственнице А. Ф. Лопухина, брата первой жены Петра I, Евдокии Федоровны Лопухиной.

1041

В родительском доме в Москве

1042

Свой доклад «Поэт-альпинист» о поэзии Н. П. Гронского Цветаева прочла 11 апреля 1935 г. Программа доклада: «Может ли в эмиграции возникнуть поэт? – Чего ждать от еще одной поэмы? – Потомок Державина. – Что такое поэтическая „невнятица“. – Смысл гибели Николая Гронского. – Письма с Альп. – Альпинизм спортсмена и альпинизм поэта. – Поэма Белла-Донна: суть и форма. – Белла-Донна и Мцыри. – Эмиграция так же бессильна поэта – дать, как поэта – взять. Законы поэтической наследственности. – Корни поэзии» (Последние новости. 1935. 11 апреля).

1043

генерал-лейтенант, бывший командующий добровольческой армией

1044

Юношей и девушкой (нем.).

1045

Рецензия Цветаевой на книгу Н. Гронского «Стихи и поэмы» появилась в журнале «Современные записки» летом 1936 г.

1046

Каникулярного поезда (фр.).

1047

выдающийся русский хирург

1048

Урожденная Елпатьевская Л. С., писательница.

1049

Врангель Н. А.

1050

Вышла из игры... из всякой (нем.).

1051

Лазурный берег (фр.).

1052

Румынская баронесса, возлюбленная эрцгерцога Рудольфа фон Габсбурга.

1053

Из-за невозможности заключить брак (эрцгерцог был женат) оба покончили самоубийством в охотничьем замке Мейерлинге близ Вены

1054

Сказку моей жизни (нем.).

1055

Сметана Бедржих – чешский композитор, дирижер, пианист.

1056

Родины (лат.).

1057

Е. Э. Малер

1058

русский писатель, лексикограф, этнограф.

1059

1060
Поэма «Певица».

1061
Сводной сестры (нем.).

1062
писательница, поэтесса

1063
Вечер Цветаевой («Вечер новых стихов») состоялся 20 декабря 1935 г. в зале Общества ученых (Сосьете Савант, рю Дантон, 5).

1064
Цитата из первой части «Фауста» Гёте: Я и не барышня и не мила, Дойду без спутников домой, как шла (пер. с нем. Б. Пастернака)

1065
Унбегаун Б. Г. и его жена Елена Ивановна. Замятин Е. И. – писатель. Его жена – Людмила Николаевна

1066
Герои романа Л. Н. Толстого «Война и мир», После революции – Дворец Искусств, затем – Союз писателей.

1067
Сводных брата и сестры (нем.).

1068
Умер в 1932 г. в Москве, от туберкулеза (приписка Цветаевой).

1069
Бесстрашие (нем.).

1070
Пастернак был включен в число участников Международного конгресса писателей в защиту культуры, который проходил в Париже с 21 по 25 июня 1935 г.

1071
Проба сил (нем.).

1072
Лицо человека, отрешившегося от всего (фр.).

1073
Литературный вечер, устроенный «Объединением писателей и поэтов» 15 февраля 1936 г. в помещении Общества ученых. Для участия в нем было приглашено более тридцати поэтов.

1074
Доклады были объединены общей темой «Трагедия царской семьи». Первый –

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Революция, царь и монархисты» – состоялся 26 февраля 1936 г., второй «Гибель царской семьи» – 7 марта. 17 марта два первых доклада были объединены в один – «Крушение монархии и гибель царской семьи»

1075

А.Ф. Керенский редактировал газету «Дни», где Цветаева активно публиковалась

1076

А. Ф. Керенский в это время редактировал двухнедельный парижский журнал «Новая Россия»

1077

Очерк «Нездешний вечер»

1078

Чужой здесь (англ.).

1079

Чего ради? (фр.)

1080

Мальро Андре – французский писатель и государственный деятель. В 1930-е гг. сотрудничал в литературном отделе газеты «Юманите».

1081

В мае 1936 г. Цветаева ездила в Брюссель с чтением своих произведений.

1082

Мой отец и его музей (фр.).

1083

О. Н. Вольтерс.

1084

Т. е. у М. А. Волошина.

1085

Далеко (фр.).

1086

«Такой, каким его послал римскому сенату Публий Лентул, в то время губернатор Иудеи» (фр.).

1087

«Рисованный с натуры св. Лукой евангелистом во время его пребывания в Иерусалиме» (фр.).

1088

Стихотворение М. Цветаевой «Прокрасться» («А может, лучшая победа...») в переводе на чешский Яна Ржихи было напечатано в газете «Narodní Ustý» и в антологии «Vybor z ruske lyriky», Hradec Králové

1089

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В горы (нем.).

1090
Большую часть моего лета (фр.).

1091
Стихотворение цикла «Стихи сироте», обращенного к А. С. Штейгеру.

1092
Мать А. А. Тесковой скончалась 20 сентября 1936 г.

1093
Три последние строфы стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»:

...И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?
И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять

(1829).

1094
Сестра А. А. Тесковой.

1095
Не исчезнуть, не пропасть без вести, только быть впереди! (нем.)

1096
Речь идет об открытом процессе над Зиновьевым и Каменевым. В «Правде» от 21 августа было опубликовано групповое письмо литераторов под заглавием «Стереть с лица земли!», где есть и подпись Пастернака.

1097
Дуинезских элегий (нем.).

1098
Известны более поздние стихотворения «Ни разума, ни чувственного жара...», обращенное к поэту Карлу Ланц-коронскому, и «Ты – цель последняя моих признаний...»

1099
Рильке умер 29 декабря 1926 г.

1100
«Сказки моей бабушки» (фр.).

1101

«Необыкновенная история Петера Шлемиля» (фр.).

1102

«Поэтесса» (нем.).

1103

Письмо Р.-М. Рильке от 3 мая 1926 г.

1104

Паломничество (нем.).

1105

Страннический посох (нем.).

1106

Героиня романа С. Ундсет «Кристин, дочь Лавранса».

1107

«Стихи к Пушкину» были напечатаны в 1937 г. в журнале «Современные записки» («Бич жандармов, бог студентов...», «Петр и Пушкин», «Станок» и «Преодоление...»).

1108

французский филолог-славист, историк русской литературы

1109

Но у нас уже есть очень хорошие переводы стихов Пушкина, один мой друг их перевел вместе со своей женой... (фр.).

1110

Малый Трианон (фр.).

1111

В Фонтенбло...Двор Прощаний (фр.).

1112

В Фонтенбло 22 июня 1815 г. Наполеон подписал отречение от престола.

1113

отъезд А. Эфрон в СССР.

1114

Лебедева Ирина – подруга Ариадны

1115

Блошиный рынок, толкучка (фр.).

1116

Е. Я. Эфрон.

1117

А. И. Цветаева.

1118

Пером (фр.).

1119

В 1937 г. в Париже открылась Всемирная выставка.

1120

У входа в Советский павильон на Всемирной выставке в Париже была установлена скульптурная группа В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница».

1121

Сейф (нем.).

1122

Ежемесячный журнал, для которого А. С. Эфрон выполняла переводы; сначала по договорам, затем была принята в штат.

1123

общественно-политический и литературный журнал, 1937–1939.

1124

Учитель плавания (фр.).

1125

Сигрид Унсет – «Ида-Элизабет» (нем.).

1126

название раннего романа С. Ундсет

1127

Средний человек (нем.).

1128

Родовая усадьба Лагерлёф Marbacka (Морбакка) – одно из самых ярких воспоминаний детства писательницы. С. Лагерлёф описала ее в своих произведениях «Морбакка», «Мемуары ребенка», «Дневник» и др.

1129

«Повесть о Сонечке».

1130

Она была бледна – и все же розова,

Маленькая – с длинными волосами... (фр.).

1131

Город-порт в Испании на берегу Бискайского залива

1132

президент Чехословакии в 1918–1935 гг.

1133

американская писательница, публицистка. Сюжеты своих произведений черпала из китайской жизни.

1134

1. Китайская земля (фр.). 2. Сыновья Ван-Лунга (фр.). 3. Семья в рассеянии (фр.).

1135

Мать (фр.).

1136

Одноименный автобиографический «роман воспитания» Чарльза Диккенса

1137

Абель Лючия-Елизабет – автор книг *Napoleon à Sainte-Hélène souvenirs de Betty Valcombe*. Paris, Plon Nourrit et c-ie, 1898.

1138

Письмо написано в трагические для Чехословакии дни, когда в результате Мюнхенского сговора (с участием Франции) от нее была отторгнута Судетская область и поделена между гитлеровской Германией, буржуазной Венгрией и панской Польшей.

1139

Начальник французской военной миссии в Чехословакии, генерал Фошэ подал в отставку и записался на время войны волонтером в чехословацкую армию

1140

Исси-ле-Мулино

1141

С отечественным «пожалуйста» (нем. – чешск.).

1142

– Я вас вижу в старинном городе... Много воды... много воды... Вы на мосту – со статуями... так сказать... плавающими... И я вижу распятие. очень большое распятие... – я была в Праге, мсье, но уже много воды протекло под Карловым мостом с тех пор, как я в последний раз на него облокотилась... (фр.).

1143

Фредерик Жолио (Жолио-Кюри) – ученый-физик и общественный деятель. Ирен Кюри – ученый-радиолог, дочь Марии Кюри

1144

Возвышенная часть Праги, откуда открывается прекрасный вид на пражскую котловину

1145

пьеса «L'Époque où nous vivons» («Время, в котором мы живем»)

1146

Мистраль Фредерик – французский поэт.

1147

Больше верить в победу! (фр.)

1148

«Сделано в Чехословакии» (англ. – фр.).

1149

А все же там кое-что было! (фр.)

1150

автор американская писательница Г. Бичер-Стоу.

1151

Еврей Зюсс (фр.).

1152

К письму были приложены три стихотворения из цикла «Стихи к Чехии»: 1. «Полон и просторен...», 2. «Горы – турам поприще...», 3. «Есть на карте – место...»

1153

Газету «Возрождение».

1154

Подлость (фр.).

1155

Иохимов – город Яхимов

1156

Гёте интересовался геологией и минералогией, собрал коллекцию камней и минералов.

1157

Заказной почтой (фр.).

1158

премьер-министр Великобритании. В 1938 г. подписал Мюнхенское соглашение

1159

Здание городской ратуши (фр.).

1160

«Город Париж» (фр.).

1161

Конгресс европейских государств, которым завершились войны коалиции европейских держав с Наполеоном

1162

«Я с трудом могу представить себе, что этот великий старец, занятый раздачей полных добродушия улыбок, мог держать в своих хрупких руках участь миллионов и миллионов существ...» (фр.).

1163

Галифакс Эдуард Фредерих Вуд – министр иностранных дел Великобритании

1164

«Верхи французской аристократии, пришедшей почтить наших гостей... под ярким светом люстр» (фр.).

1165

«Чашка чаю – выпитая в интимной обстановке»... цейлонского чаю (фр.).

1166

«Мадам, я хотел бы, чтобы весь Париж...» (фр.).

1167

«Растроган до слез» (фр.).

1168

За «улыбку» (фр.).

1169

«Государственный деятель и человек большого сердца, который в сотрудничестве с главой нашего государства и его премьер-министром сумел предотвратить ужасы войны... Вы заняли в истории незабываемое место... Чтобы совершить подобное блестяще продуманное и имевшее успех предприятие, нужно быть продолжателем дела Дизраэли ... и Гладстона... Господин премьер-министр происходит из той же страны, что и наш Дюгеклен... Я убежден, господин министр, что выражаю чувства всех парижан, всех наших провинций и всей Франции...» (фр.).

1170

Президент муниципального совета (фр.).

1171

Без «нравственного достоинства нельзя прожить жизнь» (фр.).

1172

«Да будет мне позволено выразить мою глубокую благодарность за прием, который мне оказала ваша прекрасная столица... я уверен, что это убеждение разделяют все народы мира... Моя задача благородна и заслуживает всех наших усилий...» (фр.).

1173

Убеждение (фр.).

1174

«Я полагаю – как наши друзья из Фигаро...» (фр.).

1175

Престарелые рантье (фр.).

1176

Иден Антони – министр иностранных дел Великобритании

1177

Третья няня (фр.).

1178

Обездоленные, смиренные (фр.).

1179

Средневековый замок в Чехии, расположен неподалеку от Вшенор, где жила Цветаева.

1180

При этом щекотливый случай произошел в присутствии полицейских. Перед посольством находилась группа англичанок, которые встречали министров не сиреневыми цикламенами, как это сделало несколько французских дам за десять минут перед тем, на перроне вокзала, а криками: «Да здравствует Идеи! Да здравствует Черчилль!» (фр.)

1181

«Где мой дом?» – начальные слова чешского национального гимна.

1182

К. Чапек умер от воспаления легких.

1183

«После непродолжительной болезни» (фр.).

1184

Симеону, праведному старцу, жившему в Иерусалиме, было предсказано Духом Святым, что он не умрет, пока не увидит Христа.

1185

Приморские Альпы (фр.).

1186

Рыцарь Брунsvик рискуя жизнью спас льва, который стал его другом и помогал ему в его подвигах. С Брунsvиком связывают возникновение чешского герба, на котором до сих пор сохранилось изображение льва.

1187

К письму была приложена вырезка из французской газеты со статьей о К. Чапеке.

1188

Справедливость порядка вещей (фр.).

1189

«Последний класс» Доде («Письма с моей мельницы») (фр.).

1190

Чрезвычайный социалистический конгресс принял резолюцию против Мюнхенского соглашения

1191

Истории-небылицы (фр.).

1192

Роман австрийского писателя Г. Мейринка

1193

английская писательница.

1194

Перемены погоды – и Пыль (фр.).

1195

Годовщина февральской революции в России.

1196

«Чемберлен» (фр.).

1197

Цветаева прибегает к иносказаниям, т. к. Чехословакия была оккупирована

1198

Цветаева сообщает о своем предстоящем отъезде в СССР.

1199

Бенеш Эдуард – политический и государственный деятель, в 1935–1938 гг. президент Чехословакии.

1200

Муж и дочь, в России, в поселке Болшево под Москвой.

1201

Дочь, Ариадна.

1202

«Моравские» (фр.).

1203

С отечественным «пожалуйста» (нем. – чешск.).

1204

Строки стихотворения Цветаевой без названия (1919).

1205

Из стихотворения М. Цветаевой «Народ», цикл «Стихи к Чехии».

1206

К. Б. Родзевич.

1207

К. Д. Бальмонт и Е. К. Цветковская. Последние десять лет жизни поэт страдал душевной болезнью.

1208

Экспресс из Вены (фр.)

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1209

В вагон, Мадам! (фр.)

1210

С. Е. Голлидей.

1211

Издание альманаха «Железный век», так же как и упоминаемого далее «Романтического Альманаха», осуществлено не было. Стихотворение «Река» опубликовано в первой книге альманаха «Струги», вышедшего в начале 1923 г. в берлинском издательстве «Манфред». Цикл «Заводские» напечатан в журнале «Воля России»

1212

Горные ботинки (нем.).

1213

А. Г. Вишняк, владелец берлинского издательства «Геликон».

1214

Сборник вышел весной 1923 г.

1215

Поэма «Молодец».

1216

Литературный ежемесячник «Эпопея», издававшийся в Берлине под редакцией А. Белого.

1217

Гуль работал в то время секретарем редакции библиографического журнала «Новая Русская Книга», редактором которого был А. С. Яценко. Перечень опечаток напечатан не был

1218

«Царь-Девница». На книге посвящение: «Борису Пастернаку – одному из моих муз. Марина Цветаева. 22 декабря 1922, Прага»

1219

Письмо написано на открытке с изображением Национального театра в Праге.

1220

художница, жена И. Г. Эренбурга.

1221

Сборник стихов И. Эренбурга

1222

Книга дневниковой прозы «Земные приметы»

1223

«Век культуры» (Данциг) и «Огоньки» (Берлин) – недолго просуществовавшие русские эмигрантские издательства.

1224

Вот (фр.).

1225

юрист, философ

1226

Меня тошнит рядом с ближним (фр.).

1227

Рецензия Р. Гуля на сборник Цветаевой «Версты», опубликованная в № 11/12 «Новой русской книги» за 1922 г.

1228

«В рассеяньи сущие». Повесть (Берлин: Манфред, 1923).

1229

Сборник Б. Пастернака «Темы и вариации», вышедший в январе 1923 г. в издательстве «Геликон».

1230

Название русского издательства в Берлине.

1231

Из стихотворения М. Цветаевой «Не здесь, где связано...» (1922).

1232

Б. Л. Пастернак, приехавший в Германию, возвращался из Берлина в Москву

1233

«Разговоры с Гёте» (нем.).

1234

Популярное издание (нем.).

1235

В никуда (нем.).

1236

«Земные приметы».

1237

Берлинское русское издательство Ольги Дьяковой

1238

Роман И. Г. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» (Берлин: Геликон, 1923).

1239

Статья А. Белого «Тяжелая лира и русская лирика»

1240

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ночных заведений (нем.).

1241
«Учение о цветах» (нем.). – Научная работа Гёте.

1242
шведский философ

1243
И силам неба все равно,

Ты женщина или мужчина

(пер. с нем. Б. Пастернака).

Из песни Миньоны (Гёте. «Годы учения Вильгейма Мейстера»).

1244
Название первого стихотворного сборника А. Белого (М.: Скорпион, 1904).

1245
«Вкрадчивостью волос...»

1246
Ежедневная газета, выходившая в Берлине (1922–1924).

1247
Коганы – П. С. Коган и Н. А. Нолле-Коган

1248
С одним только пропуском: три хвалебные строки об императрице Марии Федоровне (примеч. М. Цветаевой).

1249
Книга была посвящена Цветаевой.

1250
Л. М. Эренбург.

1251
Знакомство М. И. Цветаевой с А. Ф. Керенским состоялось во время его приезда в Прагу в середине февраля 1924 г. для выступления с докладом «Государство и народ в революции». В один из дней выступлений Керенского Цветаева преподнесла ему свой сборник «Психея» с дарственной надписью

1252
Стихотворение «И кто-то, упав на карту...»

1253
Шингарев Андрей Иванович – земский деятель, публицист, один из лидеров кадетов. Его сын – Шингарев В. А.

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1254

Вероятно, роман в стихах «Спекторский», опубликованный в альманахе «Круг» (1924, № 5).

1255

Партия политических идеалистов в период Великой французской революции. Свое название получила от департамента Жиронда, депутаты от которого в законодательном собрании и положили ей начало.

1256

Степун Ф. А. выступал с лекцией о литературе в культурно-благотворительном обществе «Чешско-русская Еднота» в Праге.

1257

Письмо написано на открытке с видом пражской набережной.

1258

Первоначальное название сборника «После России»

1259

Н. Л. Мещеряков возглавлял Госиздат РСФСР с 1920 по 1924 г.

1260

Кончено

1261

Пьеса А. Блока (1913)

1262

Лирическая драма А. Блока (1906)

1263

Современные записки. 1924. № 19

1264

«Студенческие годы» – ежемесячный журнал русских студентов в Праге

1265

Пьеса в стихах, опубликована в журнале «Воля России». 1924. № 8/9.

1266

Б. Каменецкий

1267

Издатель и редактор «Записок наблюдателя»

1268

Драма «Тезей» (последующее название «Ариадна»), первая часть задуманной трилогии «Гнев Афродиты».

1269

«Последний день».

1270

М. О. Цетлин

1271

Цветаева отвечает на просьбу М. С. Цетлиной прислать свои стихи для журнала «Окно»

1272

В течение 1922 г. были написано поэма-сказка «Молодец», поэма «Переулочки», эссе «Световой ливень».

1273

К. Д. Бальмонт и Е. К. Цветковская.

1274

Цветаева с семьей жила в это время в деревне Горние Мокропсы под Прагой

1275

С. М. Волконский.

1276

Статья Цветаевой «Кедр. Апология» (О книге кн. С. Волконского «Родина») увидела свет в сборнике «Записки наблюдателя» (Прага. 1924. № 1)

1277

По-видимому, имеются в виду полотна французского художника Теодора Руссо, на которых деревьям отведен первый план.

1278

В Палермо на острове Сицилия Цветаева с мужем жили во время свадебного путешествия.

1279

«Метель» была опубликована в газете «Звено» 12 февраля 1923 г.

1280

А. Г. Вишняк.

1281

Этот экземпляр Цветаева вскоре послала Б. Пастернаку

1282

С. М. Волконский.

1283

Цветаева пишет о содержании первого номера журнала «Окно»: о воспоминаниях З. Гиппиус о Блоке «Мой лунный друг» и первой части историко-философского произведения Д. С. Мережковского «Тайна трех».

1284

Андрее Белом

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1285

Воспоминаниях А. Белого были опубликованы в журнале «Эпопея», 1922. № 1–4)

1286

Д. С. Мережковский, трилогия «Христос и Антихрист»: 1. «Смерть богов» («Юлиан Отступник», 1895). 2. «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи», 1899–1900). 3. «Антихрист» («Петр и Алексей», 1905).

1287

Рассказ А. И. Куприна.

1288

Имеется в виду корректура стихотворения «Рассвет на рельсах» (Окно, № 2).

1289

«Земные приметы».

1290

«Фортуна». Пьеса в 5-ти картинах, в стихах. Опубликовано в журнале «Современные записки» (1923).

1291

«Гнездо малиновок – гнездо гадюк» (фр.).

1292

Ангелина

1293

Старости, которая знает (фр.).

1294

Молодости, которая может (фр.).

1295

В мае и июне в Праге прошли заседания и митинги протеста по поводу преследования патриарха Тихона и гонений на верующих в Советском Союзе.

1296

Шестнадцатилетняя дочь М. С. Цетлиной Александра (от первого брака) и одиннадцатилетний сын Цетлиных Валентин.

1297

Гуковский А. И. – один из основателей и редакторов «Современных записок».

1298

В 1869 г., возвращаясь из Италии, Ф. М. Достоевский с женой намеревались остановиться в Праге, но не смогли устроиться с жильем.

1299

Статья А. Бахраха «Поэзия ритмов» о сборнике Цветаевой «Ремесло», напечатанная в берлинской газете «Дни».

1300

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Столица Любовь Никитична – поэтесса.

1301
Кунштюк от Kunststuck – проделка, фокус (нем.).

1302
Блок А. Ямбы: Современные стихи

1303
Бахрах писал: «В „Ремесле“ предел былых устремлений. Так дальше нет пути. Дальнейшее шествование этим путем – шествование к пропасти, в бездну; в сторону от поэзии к чистой музыке».

1304
Об обрыве в конце «Посмертного марша» на полуслове припевных строк «И марш вперед уже...» А. В. Бахрах писал: «Срывается последний вскрик, последняя вспышка помертвой боли, последний недоконченный, застывший вопль, падающий в пространство и уносимый в просторы бесконечности. После этого потерянность тела, равнодушие. Со-ратник снова становится только поэтом».

1305
NB! Смехотворная! (примеч. М. Цветаевой)

1306
И еще – но это уже школьничество! – «Так первое письмо не начинают». Так принято, очевидно, кончать только последнее? – Шучу! – (Приписка на полях.)

1307
«Мариула», «Бессонница» – стихотворные циклы в сборнике «Психея». Манон – героиня стихотворения «Кавалер де Гризэ! – Напрасно...».

1308
«Petropolis» – кооперативное издательство, основанное в 1918 г. в Петрограде. В 1922 г. открыло отделение в Берлине. Большинство своих книг печатало по новой орфографии.

1309
– От Гржебина, конечно, ничего. (Приписки на полях.)

1310
Большая страсть, страсть (фр.).

1311
«Страшная месть» из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

1312
Начало письма (кроме даты и приветствия) написано лиловыми чернилами, а остальное – синими).

1313
Ва-банк (фр.).

1314
«Petropolis» печатал книги и по старой орфографии

1315

Берлинское издательство, основанное весной 1920 г. И. В. Гессеном и А. И. Каминкой. Выпускало русскую классическую и современную литературу; книги печатались как по старой, так и по новой орфографии.

1316

БЕЗДУШИЯ! (примеч. М. Цветаевой)

1317

Б. Н. Бугаева, т. е. Андрея Белого

1318

Имеющий уши, да услышит! (фр.) – выражение из Евангелия

1319

Имеются в виду строки из стихотворения, посланного в предыдущем письме: «Так некогда над тростниковой//Корзиною клонилась Дщерь// Египетская...» Дочь египетского фараона нашла младенца Моисея в корзине среди тростника на берегу Нила и усыновила его

1320

Архангельский А. А. – хоровой дирижер, композитор.

1321

Рецензия А. Бахраха на сборник Цветаевой «Психея» была напечатана в газете «Дни» 24 июня 1923 г.

1322

маленькой гостинице на Траутенауштрассе

1323

27 августа А. Белый вернулся в Берлин с морского курорта Свинемюнде. Он провел весь сентябрь в городе, в ожидании разрешения вернуться в Россию

1324

Квартирных служб (нем.).

1325

Метро (нем.).

1326

У А. С. Пушкина: «Как уст румяных без улыбки, // Без грамматической ошибки // Я русской речи не люблю» («Евгений Онегин»).

1327

Имеется в виду стихотворение В. Ходасевича «Жив Бог! Умен и не заумен» (Современные записки. 1923. № 16. С. 141).

1328

Слова из этого же стихотворения В. Ходасевича

1329

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Параллель со стихотворцем графом Д. И. Хвостовым. Его имя стало нарицательным
для обозначения плодовитого графомана.

1330

«Вдруг, не стерпя счастливой муки.// Лелея наш святой союз,// Я сам себе целую
руки,// Сам на себя не нагляжусь» – вторая строфа стихотворения В. Ходасевича «К
Психее» (1920 г.).

1331

Берберова Нина Николаевна – прозаик, поэтесса, критик; третья (гражданская) жена
Ходасевича.

1332

Цикл из трех стихотворений, написанных в 1916 г.: «Собирая любимых в путь...»,
«Никто ничего не отнял!..» и «Разлетелось в серебряные дребезги...»

1333

Синезубов Николай Владимирович – художник-декоратор.

1334

Ремизов был знатоком и ценителем древнерусской литературы и истории.

1335

И. Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова.

1336

Андрей Белый.

1337

Бальмонт писал: «Марина добрая и безрассудная. ...У нее в доме несколько
картофелин. Она все их приносит мне и заставляет съесть»

1338

А. А. Тургенева.

1339

М. А. Осоргин.

1340

24 августа 1923 г. Цветаева написала стихотворение «Наука Фомы».

1341

Две недели Бахрах вместе с Зайцевыми, Ходасевичем и др. провел в Прерове
(Prerow)

1342

А. В. Оболенский.

1343

Книга Густава Шваба «Прекраснейшие сказания классической древности».

1344

Похищение Елены троянским царевичем Парисом, согласно мифу, послужило поводом к

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Троянской войне. Герцог Лозэн, герой цветаевской пьесы «Фортуна».

1345
Все получить! (фр.)

1346
Нечего терять! (фр.)

1347
Из стихотворения «Не здесь, где связано...» цикла «Сугробы», посвященного Эренбургу.

1348
Хватит! Довольно! (нем., разг.)

1349
Все это относится к моему последнему письму, которого Вы не получили (примеч. М. Цветаевой).

1350
Из стихотворения «Легкомыслие – Милый грех...» (1915).

1351
Отклика Бахраха на выход сборника «После России» не последовало.

1352
Vadeort – пляж; kurort – курорт; See1enort – игра слов: место души (нем.)

1353
Б. Л. Пастернак.

1354
А. В. Оболенский.

1355
Письмо написано на последнем листе «Бюллетеня болезни».

1356
Стихи под общим названием «Час души»:

«Божественно и детски-гол...»

Наклон («Материнское – сквозь сон – ухо...»)

Раковина («Из лепрозария лжи и зла...»)

Заочность («Кастальскому току...»)

«В глубокий час души...»

Письмо («Так писем не ждут...»)

Час души («Есть час Души, как час Луны...»)

1357

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Brand – пожар; Brandung – прибой; Mauer – стена (нем.).

1358

Не удобств, а смысла такого подозрения! (примеч. М. Цветаевой.).

1359

«Вы говорите „иметь“ и никто не знает, что нельзя иметь женщину, равно как и цветок» (нем.): Перефразированные Цветаевой строки из стихотворения Рильке «Du mußt nicht bangen, Gott. Sie sagen: mein...» («Часослов». «Книга паломничеств»).

1360

У Ходасевича «Лишь ангел. Богу предстоящий, // Да Бога не узревший скот // Мычит заумно и ревет. // А я – не ангел осиянный, // Не лютый змий, не глупый бык» («Жив Бог!..», 1923).

1361

«Русский Дом», в котором помещался ряд комитетов пражского Земгора, находился на Панской улице.

1362

Noblesse oblige – положение обязывает (фр.).

1363

Пригород Берлина. Бахрах, как и Цветаева, навещал там А. Белого летом 1922 г.

1364

Объединение деятелей русской литературы и искусства.

1365

«Молодая женщина – поэтесса, и она нанизывает стихи, как жемчужины» (нем.).

1366

Прическа (нем.).

1367

«Вам очень идет» (нем.).

1368

Простое плитье (нем.).

1369

Л. М. Эренбург

1370

Речь о К. Б. Родзевиче

1371

Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»

1372

«Те золотые украшения и аромата // что одурманивают чувства, // Все это лишь мгновенье. – // И кончается оно раскаяньем!» (нем.)

1373

К. Н. Рейтлингер.

1374

Цветаева работала над трагедией «Ариадна», и этот замысел проник в письмо.

1375

Из стихотворения О. Мандельштама «И поныне на Афоне»

1376

Бахрах собирался переехать из Берлина в Париж

1377

Инициал Наполеона «N», окруженный венками, украшает множество парижских зданий.

1378

Нет (фр.).

1379

«Начинаешь ее в отчаянии, кончаешь с сожалением» (фр.).

1380

Работа (фр.)

1381

Сочинение (фр.).

1382

Хотеть недостаточно, надо уметь! (фр.)

1383

1 сентября в Японии произошло сильное землетрясение. Половина Токио и вся Иокогама были разрушены. Погибло почти сто тысяч человек

1384

«Любое стихотворение внушается обстоятельствами» (нем.).

1385

Сильнее меня (фр.).

1386

Книга «Die Geburt der Tragodie aus dem Geiste der Musik» (1872, в русском переводе «Рождение трагедии из духа музыки»). Книга, вероятно, была нужна Цветаевой для работы над трагедией «Гнев Афродиты»

1387

Летом 1923 г. А. Белый решил вернуться в Россию; 1-го августа он получил извещение Берлинской комиссии Наркомпроса о разрешении въезда в РСФСР. 23 октября он вернулся в Москву

1388

Самое необходимое (фр.).

1389

М. Л. Слоним обещал почти наверное устроить ему чешскую стипендию в тысячу крон ежемесячно...

1390

Мария Николаевна Тарновская, обвинявшаяся в подстрекательстве к убийству с корыстной целью.

1391

Я думаю об этом (фр.).

1392

Комедия В. Шекспира

1393

Со знанием дела (сердца!) (фр.).

1394

Разрыв между Цветаевой и Родзевичем

1395

РАССТАВАНИЯ (примеч. М. Цветаевой).

1396

Приключение: Пьеса в пяти картинах. – Воля России. 1923. № 18/19.

1397

«Молодец» вышел лишь весной 1925 г.

1398

«Девушка, вы часто не туда заходите» (фр.).

1399

Лицей (фр.).

1400

Профессор французского языка (фр.).

1401

«Вы любите Эдмона Ростана, мадам?» (фр.)

1402

«Разве похоже, что я поклонница Эдмона Ростана?» (фр.)

1403

Голова (фр.).

1404

«Какие странные эти русские девушки! Может быть, Вы поэт в своей стране?» (фр.)

1405

Сборник Цветаевой «После России» с автографом

1406

Пневматическая почта (фр.).

1407

Из стихотворения М. Цветаевой «Письмо»

1408

Цветаева отзывается на рецензию Г. П. Струве на ее сборники «Ремесло» и «Психея» в берлинской газете «Руль» (1923, 24 июня).

1409

Г. П. Струве отмечал преемственность державинской языковой традиции в поэзии Цветаевой.

1410

Г. П. Струве выстраивал поэтическую родословную Цветаевой как «галерею» ликов и лиц Державина, Тютчева, Блока, Эренбурга.

1411

Г. П. Струве писал: «По ритмическому богатству и своеобразию это совершенно непревзойденная книга, несмотря на присутствие плохих, безвкусных стихов (Цветаева лишена чувства меры и от этого часто страдает ее вкус)».

1412

Книга стихов «После России» вышла в Париже в 1928 г.

1413

«Ковчег», в котором была напечатана «Поэма Конца».

1414

П. Б. Струве переселился в Париж, чтобы редактировать газету «Возрождение», и часто ездил в Прагу.

1415

С. Я. Эфрон в то время заканчивал диссертацию в Пражском университете

1416

Речь о жене Г. П. Струве и их детях, Марине и Андрее.

1417

«Земные приметы».

1418

Речь идет о собраниях Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, членами которого состояли М. Цветаева и С. Я. Эфрон.

1419

Старшая дочь Ю. Ю. и Г. П. Струве Марина родилась 5 февраля 1923 г. в Берлине. Цветаева подарила новорожденной своей, только что вышедший сборник «Ремесло».

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1420

Лев Петрович, один из младших братьев Г. П. Струве, был болен туберкулезом

1421

Мать Г. П. Струве. Преподавала естественную историю.

1422

Имеется в виду гимнастическое общество «Русский сокол» в Праге

1423

Цветаева с мужем готовились отвезти свою дочь в русскую гимназию в Моравскую Тшебову.

1424

Романченко Николай Тимофеевич, учился в Праге, потом жил в Париже

1425

Благо тому, кто умеет слушать! (фр.)

1426

Пра – Е. О. Волошина скончалась 8 января 1923 г.

1427

Константиновна

1428

Из Евангелия от Луки (4, 23).

1429

В те дни русские газеты писали об аресте 16 мая 1924 г. служащего советского торгового представительства в Берлине Боценгарда

1430

Александр Всеволодович Богенгардт.

1431

Об этом таинственном молодом приятеле Цветаевой почти ничего не известно. Его дед – Инукáй Цуёси

1432

На Денфер–Рошро жили Лебедевы. Речь идет об оставленном им архиве

1433 По–видимому, нагрудный памятный знак, учрежденный для членов Комитета по созданию Музея изящных искусств.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Письма. Часть 1. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!